K37 5/27

К 34 5/27

Библіотека „Общественной Пользы“

М. А. Рейснеръ,

бывш. профессоръ Томскаго Университета.

Государство

и

верующая личность.

Сборникъ статей.

С.-Петербургъ.
1905 г.

Книгоиздательство и книжный магазинъ

т-ва „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“.

(СПБ., Б. Подъяческая ул., 39, соб. домъ).

Библіотека „Общественной Пользы“:

Энгельсъ Ф. Положеніе рабочаго класса въ Англіи Ц. 1 р.
Іоллосъ Г. Письма изъ Берлина. Ц. 2 руб.
Кузьминъ-Караваевъ В. Земство и деревня. Ц. 2 руб.
Страховскій Ив. Крестьянскія права и учрежденія. Ц. 1 р. 50 к.
Арсеньевъ К. Свобода совѣсти и вѣротерпимость Ц. 1 р. 50 к.
Каутскій К. Изъ исторіи общественныхъ теченій. Ц. 2 руб.
Корниловъ А. Очерки по ист. общ. движенія. Ц. 2 р.
Кауфманъ А. «Переселеніе и колонизація». Ц. 2 руб.
Скалонъ В. «Въ переходное время». По земскимъ вопросамъ. Ц. 1 руб. 50 коп.
Масловъ П. Аграрный вопросъ въ Россіи. Изд. II. Ц. 2 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бургенъ М. Соціальныя ученія и экономич. эволюція.
Поль Луи. Государство и рабочій.

Ахшарумовъ Д. Изъ моихъ воспоминаній (1849 — 51 г.г). — Ц. 1 руб. 60 коп.

Богдановъ. Познаніе съ исторической точки зрѣнія. Ц. 1 руб.

Веббъ С. и Коксъ Х. 8-часовой рабочій день. Изд. 2-е. Ц. 1 руб. 25 коп.

Герценштейнъ М. Аграрный вопросъ. Ц. 50 к.

Геффдингъ. Философія религіи. Пер. В. Базарова и Степанова. Ц. 1 руб. 50 коп.

Еллинекъ Г. Право современнаго государства. Пер. подъ ред. В. Гессена и Л. Шалланда. Ц. 3 руб.

Евреиновъ Г. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Изд. 2-е, 1904 г. Ц. 1 руб.

Его же. Реформа высшихъ госуд. учрежденій и народное представительство. Изд. 2-е. Ц. 60 коп.

Иванюковъ И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Изд. 2-е. Ц. 2 руб. 50 коп.

Клочковъ М. Земскіе соборы. Ц. 15 коп.

Пругавинъ А. Законы и справочныя свѣдѣнія по нач. нар. образованію. Изд. 2-е. 1903 г. Ц. 3 руб. 50 коп.

Его же. Религіозные отщепенцы. Вып. I и II по 1 руб.

Риль А. Введеніе въ современную философію. Ц. 80 коп.

Соловьевъ Вл. С. Сочиненія, въ 8 т. Ц. 12 руб.

Соловьевъ. С. М. Исторія Россіи. Изд. 2-е Ц. 15 руб.

Его же. Дополнит. томъ къ «Исторіи Россіи» Ц. 4 руб.

Струмилинъ Ст. Богатство и трудъ. Ц. 40 к.

Щеголевъ П. Первый декабристъ Владиміръ Раевскій. Ц. 30 к.

К 37 5/27

Библіотека „Общественной Пользы“

F VII VI 32

М. А. Рейснеръ,

бывш. профессоръ Томскаго Университета.

Государство

и

вѣрующая личность.

Сборникъ статей.

Юр. кат. 3000

СИНОДАЛЬНАЯ (ПАТРИАРШАЯ) БИБЛІОТЕКА

1325/1

С.-Петербургъ.
1905 г.

№ 882
24-I-1930

Типографія товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій сборникъ объединяетъ въ себѣ статьи, напечатанныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ за время съ 1899 по 1902 годъ включительно. Статьи эти, однако, до настоящаго времени не потеряли своего значенія, такъ какъ всѣ реформы послѣдняго времени принадлежатъ къ тѣмъ своеобразнымъ украшеніямъ русской дѣйствительности, которыя измѣняютъ названіе, коегдѣ преобразуютъ форму, но по существу оставляютъ все по-старому. Въ послѣдней статьѣ, приложенной къ сборнику, написанной уже въ настоящемъ году и трактующей одну изъ подобныхъ „реформъ“, читатель можетъ видѣть, до какой степени устойчивъ нашъ старый порядокъ, какъ мало измѣняется онъ въ своихъ болѣе глубокихъ основахъ.

Какъ можно видѣть изъ сопоставленія помѣщенныхъ въ сборникѣ статей, онѣ должны были составить диссертацію автора по вопросу объ отношеніи государства къ церкви и вѣрующей личности. Планъ этотъ остался невыполненнымъ по независящимъ отъ автора причинамъ. Вмѣсто научной работы пришлось заниматься журналистикой и почти цѣликомъ отдать ей свое время. И несмотря на то, что многолѣтнимъ трудомъ удалось собрать драгоцѣннѣйшіе матеріалы по вопросу о „религіозной полиціи“ въ Россіи и западно-европейскихъ государствахъ эпохи полицейскаго строя, продолженіе научнаго труда при существующихъ условіяхъ оказалось немыслимымъ, а собранные матеріалы ждутъ болѣе удобнаго времени для своей разра-

ботки. Приходится ограничиться настоящимъ сборникомъ.

Еще надо сдѣлать одну оговорку. Въ основу собранныхъ здѣсь статей, независимо отъ ихъ научной цѣнности, вложено опредѣленное міросозерцаніе автора, которое заключаетъ въ себѣ съ естественной необходимостью и опредѣленные политическіе идеалы. Эти идеалы были подсказаны въ свое время окружающей дѣйствительностью и ходомъ научнаго развитія ихъ обладателя. Они придаютъ нѣкоторую цѣльность большей части статей и отличаются извѣстной умѣренностью. Въ настоящее время міросозерцаніе автора статей рѣзко и глубоко измѣнилось, какъ это можно видѣть изъ послѣднихъ работъ его, хотя бы въ недавно вышедшихъ сборникахъ „Конституціонное государство“, „Политическій строй“, въ „Русскомъ Богатствѣ“ и „Сынѣ Отечества“, а также въ изданіяхъ, вышедшихъ заграницею на нѣмецкомъ языкѣ. Однако же, передѣлывать и исправлять сборникъ въ новомъ духѣ представлялось прямо невозможнымъ. Для этого пришлось бы ихъ написать наново отъ начала до конца.

Выпуская тѣмъ не менѣе настоящій сборникъ въ свѣтъ, авторъ помѣщенныхъ въ сборникѣ статей дѣлаетъ это въ надеждѣ, что онѣ послужатъ исходнымъ пунктомъ для эволюціи политическаго міросозерцанія многихъ читателей въ такой же мѣрѣ, какъ онѣ уже стали первоначальнымъ этапомъ для политической сознательности ихъ автора. Въ этомъ отношеніи эти статьи могутъ пригодиться. Онѣ могутъ быть небезполезнымъ матеріаломъ для самостоятельной политической и научной дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя пойдутъ гораздо дальше, чѣмъ дѣлаютъ это объединенныя въ сборникѣ статьи.

М. Рейснеръ.

Berlin-Wilmersdorf.
Въ октябрѣ 1905 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Право свободнаго исповѣданія	1
Языческій Римъ и христіанская совѣсть.	17
Гоненіе на язычниковъ и еретиковъ въ христіанской Византіи. .	35
Католичество и религіозная нетерпимость въ средніе вѣка. . . .	62
Реформація и право реформированія.	98
Мораль, право и религія по русскому закону:	
I. Добронравіе, порочность и основы морально-полицейскаго надзора.	141
II. Вѣротерпимость и національный принципъ по дѣйствующему праву.	156
III. Религіозная полиція и вѣроисповѣдное прикрѣпленіе личности.	198
IV. Мѣры религіозной полиціи предупрежденія.	228
Вѣроотступничество и 29 ст. мир. уст.	268
Общественное благо и абсолютное государство.	278
Свобода совѣсти и законъ 17 апрѣля 1905 г.	390

Труды того же автора:

1) M. von Reusner—Gemeinwohl und Absolutismus. Berlin. 1904.

2) M. von Reusner.—Die russische Kämpfe um Recht und Freiheit. Halle. 1905.

ПРАВО СВОБОДНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

> La franche manifestation des convictions religieuses est donc un droit, puisqu'elle est un devoir.
>
> Vinet.

«Идея законнаго установленія неотъемлемыхъ, прирожденныхъ священныхъ правъ индивида—не политическаго, а религіознаго происхожденія», говоритъ проф. Г. Еллинекъ въ своей цѣнной брошюрѣ о правахъ человѣка и гражданина [1]): «что до сихъ поръ считали дѣломъ революціи, то было, на самомъ дѣлѣ, плодомъ реформаціи и ея борьбы. Первымъ апостоломъ этихъ правъ былъ не Лафайетъ, но тотъ Рожеръ Вильямсъ, который, будучи движимъ могучимъ, глубоко религіознымъ энтузіазмомъ, ушелъ въ пустыню, чтобы основать тамъ царство религіозной свободы; его имя еще и нынѣ американцы называютъ съ чувствомъ величайшаго благоговѣнія».

И въ самомъ дѣлѣ, среди всѣхъ, такъ называемыхъ, «естественныхъ правъ человѣка и гражданина»,—правъ личной политической свободы,—право свободы религіознаго исповѣданія занимаетъ совершенно особое мѣсто: если права личной неприкосновенности, свободы передвиженія, даже право свободы слова, печати и сходокъ являются только юридической защитой естественной жизнедѣятельности человѣка и безпрепятственнаго развитія его нравственныхъ силъ и духовныхъ дарованій, то свобода совѣсти является, по удачному выраженію Вине, «правомъ потому, что оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственный долгъ» человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ пробудилъ къ свободной вѣрѣ, любви и свободному подвигу человѣческую душу,

---

[1]) Staats- und völkerrechtliche Abhandlungen. B. I, Heft 3. G. Jellinek. Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte, Leipzig 1895, стр. 42.

не было ни у какого другого права болѣе святого, болѣе возвышеннаго нравственнаго основанія, чѣмъ у права нравственной личности—избрать свободно свой высшій законъ благодати и истины и отдать на служеніе высшей правдѣ всю свою жизнь, всѣ свои силы. Съ другой же стороны, кажется, ни одно право человѣка не ждало такъ долго своего осуществленія, ни одно не подвергалось столькимъ поруганіямъ во имя религіи и нравственности, какъ, именно, это право: прежде, чѣмъ оно получило окончательное признаніе,—около 15 вѣковъ царило религіозное принужденіе и гнетъ, и столько же столѣтій приносились изобильныя человѣческія жертвы на алтарь религіозной нетерпимости.

Первое столкновеніе свободы совѣсти и государственной религіи произошло еще на почвѣ язычества; императорскій Римъ первый встрѣтилъ въ исторіи свободную нравственную личность и на ея требованія свободнаго религіознаго исповѣданія отвѣтилъ враждой и гоненіями; желѣзный строй громадной имперіи не могъ допустить ни малѣйшаго потрясенія основъ своей государственной религіи ради совѣсти какихъ-то жалкихъ сектантовъ. Но эти сектанты оказались сильнѣе, чѣмъ кто бы того могъ ожидать. Государственной религіи они противопоставили свою личную вѣру, требованіямъ власти—законъ христіанской совѣсти, религіозному гнету — право свободы исповѣданія, враждѣ и насилію—любовь и смиреніе, и не уступили ни пяди. Ихъ мучили—они терпѣли, ихъ истязали—они умирали. Но совѣсти своей они никому не отдали и не продали; удивительную картину представляетъ собою эта борьба, во время которой «желѣзо всецѣло находится на одной сторонѣ, кровь—всецѣло на другой. Тамъ убійство, здѣсь смерть. Но удивительнѣе всего въ этомъ обстоятельствѣ то, что слава побѣды осталась не за тѣмъ, кто насиловалъ, а за тѣмъ, кто терпѣлъ насиліе» [1]). Послѣ двухвѣковой кровавой борьбы императоры должны были смириться; право свободы христіанской совѣсти оказалось сильнѣе всемогущаго Рима:—въ 313 году былъ изданъ знаменитый Миланскій эдиктъ Константина и Лицинія.

Но принципъ государственной религіи былъ еще слишкомъ силенъ, принципу свободы совѣсти грозила опасность съ другой

---

[1]) Friedrich Maassen. Neun Capitel über freie Kirche und Gewissensfreiheit, Graiz. 1876. Цитировано по переводу проф. Суворова, Ярославль. 1882, стр. 30.

стороны; сама церковь подала руку государственной власти и потребовала, взамѣнъ своей свободы, мѣръ насилія противъ еретиковъ и язычниковъ; роли перемѣнились; преслѣдованія опять начались; но теперь уже преслѣдовали христіане язычниковъ, аріане православныхъ, православные донатистовъ и т. д. безъ конца; направленіе всѣхъ этихъ мѣръ зависѣло только отъ того, что было въ это время провозглашено какъ единая государственная религія, обязательная для всѣхъ подъ угрозой наказанія и смерти. И, дѣйствительно, свой мечъ византійскіе императоры носили не даромъ: пурпуръ кесарей и клира былъ въ значительной степени окрашенъ кровью тѣхъ, кто не хотѣлъ или не могъ вѣрить такъ, какъ ему велѣли. Но Византія клонилась къ упадку; ея блестящія развалины перешли во власть иновѣрцевъ. Роль древняго Рима принялъ на себя Римъ священный и возобновилъ прежнюю практику. Папы стали на мѣсто императоровъ и проповѣдывали именемъ Христа смерть всѣмъ, кто вѣрилъ иначе въ Бога, чѣмъ они.

Средневѣковые народы были достойной паствой своихъ жестокихъ пастырей; обращеніе покоренныхъ племенъ въ христіанство огнемъ и мечомъ, крестовые походы противъ невѣрныхъ и схизматиковъ, наконецъ, яркіе костры инквизиціи—все это было очевиднымъ доказательствомъ того, что право свободы совѣсти было основательно забыто наслѣдниками тѣхъ, кто такой дорогой цѣной купилъ его. «Лишали людей владѣній и имущества, заключали въ тюрьмы, ссылали, пытали, вѣшали, обезглавливали, сожигали,—и все за то, что они не хотѣли исповѣдать устами убѣжденія, котораго они вовсе не имѣли» [1]).

Такъ дѣйствовали и святѣйшіе отцы Рима, и христіаннѣйшіе короли, и императоры священной римской имперіи, и католики, и даже протестанты—на протяженіи почти 15 столѣтій, такъ что можно почти безъ преувеличеній сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ была провозглашена религія любви, терпимости и свободы, не прекращались во имя этой религіи гоненія, истязанія и убійства.

Только начиная съ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ повысившагося уровня нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, народы культурной Европы пришли, наконецъ, къ убѣжденію, что нѣтъ другого болѣе естественнаго и законнаго права человѣка, какъ

---

[1]) ibid., стр. 13.

право свободы религіознаго исповѣданія, что нѣтъ другого столь же тяжкаго преступленія передъ Богомъ и передъ человѣчествомъ, какъ насиліе надъ исповѣданіемъ лица и вмѣстѣ надъ его совѣстью, что религіозный гнетъ несовмѣстимъ съ вѣкомъ разума и духомъ христіанства, и что культура и цивилизація только тогда могутъ получить нормальный ходъ и развитіе, когда въ ихъ основѣ ляжетъ свободная нравственная личность и свободная церковь.

Вотъ на этомъ-то правѣ свободнаго религіознаго исповѣданія мы и остановимъ пока вниманіе читателя. Это право начертано, какъ основное право свободы, почти во всѣхъ конституціяхъ западно-европейскихъ народовъ, хотя было признано нѣкоторыми государствами и до введенія конституціоннаго устройства.

Право это въ теченіе историческаго развитія претерпѣвало много видоизмѣненій; сначала оно понималось только какъ терпимость, т. е. какъ своего рода исключеніе изъ общей системы религіознаго гнета. Потомъ понятіе терпимости нѣсколько расширилось и нѣсколько вѣроисповѣданій были уравнены въ правахъ. Затѣмъ былъ поднятъ вопросъ о личной религіозной свободѣ подъ названіемъ свободы вѣры, свободы совѣсти, свободы исповѣданія и т. д. Наконецъ, въ послѣднее время, когда на ряду съ личной религіозной свободой получила признаніе государства и свобода учреждать религіозныя общества, то явилось и новое, болѣе широкое понятіе религіозной свободы, заключающей въ себѣ и частную, и публичную ея формы [1]).

Предметомъ настоящаго очерка мы избираемъ, именно, личную религіозную свободу; поэтому является существенно необходимымъ точнѣе опредѣлить самое ея понятіе, границы ея примѣненія и формулировать ея юридическое конкретное выраженіе.

Для этого прежде всего выдѣлимъ понятіе свободы исповѣданія изъ другихъ смежныхъ ему понятій. Такихъ знаемъ мы два: свободы вѣры и свободы совѣсти; остановимся пока на понятіи свободы вѣры.

Говоря строго юридически, такого «права» не существуетъ: «о свободѣ вѣры позаботился самъ Господь Богъ», говоритъ

---

[1]) Mejer, „Toleranz“, Herzog's Real-Encyklopädie, 2 Auflage, XVIII, 13. Leipzig. 1888.

Блунчли: «такъ какъ онъ облекъ внутреннюю жизнь духа защищающимъ покровомъ тѣла. Люди не видятъ насквозь внутренняго святилища мысли и чувства другъ друга, и потому нѣтъ у нихъ силы властвовать надъ вѣрой отдѣльныхъ лицъ. Къ счастью, здѣсь они не могутъ осуществить никакого непосредственнаго принужденія. Если бы они только могли, они навѣрно бы это сдѣлали». «Свобода вѣры, такимъ образомъ, обезпечена самой человѣческой природой. Безмолвное, полное тайны, общеніе человѣческаго духа съ Богомъ уже тѣмъ защищено отъ неразумнаго и грубаго вмѣшательства власти, что государство не имѣетъ никакого прозрѣнія во внутреннюю жизнь души и никакихъ средствъ передѣлывать мысли и чувства людей по своему произволу». Въ этомъ смыслѣ свобода вѣры не представляетъ никакого юридическаго понятія, «такъ какъ нигдѣ не нуждается въ человѣческой правовой защитѣ». Вѣра, какъ внутренній духовный актъ человѣка, всегда свободна, пока она сосредоточена въ душѣ человѣка, и такъ же мало подлежитъ какому-нибудь постороннему принужденію и насилію, какъ и нуждается въ защитѣ права [1]).

Нѣсколько въ иномъ положеніи, чѣмъ свобода вѣры, находится свобода совѣсти. «Если невозможно внѣшнее непосредственное принужденіе, насиліе относительно совѣсти», говоритъ Фюрстенау, «какъ относительно чего-то внутренняго, а именно, разумнаго самосознанія въ человѣкѣ, однако, она не въ такой степени, какъ вѣра, избавлена отъ всѣхъ внѣшнихъ воздѣйствій, такъ какъ принужденіе участвовать въ дѣйствіи, которое порицаешь, содержитъ, безъ сомнѣнія, косвенное вторженіе въ свободу совѣсти человѣка. Вполнѣ возможно поэтому установить правовое понятіе свободы совѣсти въ томъ смыслѣ, что подъ этимъ понимается освобожденіе отъ всякаго принужденія къ религіознымъ дѣйствіямъ, которыя человѣкъ порицаетъ по религіознымъ основаніямъ, и свободу безъ всякаго ущерба жить лично по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, пока они не выступаютъ наружу въ какомъ-нибудь дѣяніи [2]).

---

[1]) Bluntschli, Geschichte des Rechts der religiösen Bekenntnissfreiheit Vortrag Elberfeld 1867, стр. 5—6. Risch стр. 777. Bluntschli-Lehre vom modernen Staat. Stuttg., 1876 B. II, стр. 369.

[2]) Fürstenau, das Grundrecht ger Religionsfreiheit in Deutschland, Leipz. 1891, стр. 2 ср. Alex. Vinet, La liberté des cultes, Paris, 1852, стр. 37—38, 434—445.

Возможность воздѣйствія людей извнѣ въ дѣлахъ вѣры, а слѣдовательно, возможность насилія въ этой области, и необходимость правовой защиты наступаютъ только тогда, «когда внутренняя вѣра получаетъ внѣшнее выраженіе въ словахъ или дѣйствіяхъ. Съ этого момента можетъ быть уже предложенъ вопросъ—и опять-таки не объ опредѣленной вѣрѣ — а о томъ, разрѣшено или обязательно исповѣданіе опредѣленной вѣры» [1]). Такимъ образомъ, только исповѣданіе вѣры допускаетъ примѣнимость непосредственнаго прпнужденія, только въ этой области могло, строго говоря, развиться и право личной религіозной свободы. Говоря языкомъ русскаго уголовно-полицейскаго законодательства, право личной религіозной свободы или право свободы религіознаго исповѣданія есть не что иное, какъ право свободнаго «оказательства вѣры». У насъ еще этого права не существуетъ.

Гораздо шире понятіе религіозной свободы вообще, принятое также въ болѣе или менѣе полномъ объемѣ государствами западной культуры. Это право заключаетъ въ себѣ не только право свободы исповѣданія и частнаго домашняго богослуженія, но и право свободнаго учрежденія и основанія новыхъ религіозныхъ обществъ, а также и право этихъ обществъ завѣдывать самостоятельно дѣлами религіи безъ какого-либо вмѣшательства посторонней власти. Такимъ образомъ, здѣсь въ понятіе религіозной свободы входитъ, кромѣ свободы исповѣданія, еще свобода публичнаго культа или богослуженія [2]).

Таковы основныя понятія, входящія въ составъ принципа религіозной свободы. Если мы сопоставимъ ихъ вмѣстѣ, то между ними найдемъ необходимую связь и зависимость. Какъ справедливо замѣтилъ Блунчли, внутренняя свобода вѣры является духовнымъ этическимъ источникомъ свободы исповѣданія. Но вѣра не есть нѣчто обособленное, нѣчто внѣшнее въ духовномъ мірѣ человѣка; понятіе Божества необходимо несетъ за собой тѣ или другія нравственныя требованія, то или другое міросозерцаніе, устанавливаетъ нормы для жизни и дѣятельности

---

[1]) Bluntschli, Bekenntnissfreiheit, стр. 6, Staatsrecht стр. 369—370. Fürstenau, н. соч. стр. 2—3.

[2]) Fürstenau, das Grundrecht der Religionsfreiheit стр. 3. Wilda, Erörterungen und Betrachtungen über Gewissensfreiheit, Zeitschrift für deutsches Recht, B. IX, 1847 г. стр. 163—164; Hinschius, „Gewissensfreiheit“, Stengel's Wörtesbuch des deutschen Verwaltungsrechts, Freib. 1890, стр. 604: Rahl, Lehrsystem des Kirchenrechts und der Kircherpolitik, Freib. 1894 I. Häfte, стр. 289—290; Vinet н. соч. стр. 41—48.

человѣка; въ особенности же это нужно сказать о христіанствѣ, которое не довольствуется частнымъ улучшеніемъ человѣка, насажденіемъ въ его душѣ отдѣльныхъ добродѣтелей, нѣтъ, оно захватываетъ его цѣликомъ, пересоздаетъ его совершенно при помощи своихъ таинственныхъ средствъ, ведетъ его къ полному совершенству и является единственнымъ абсолютнымъ закономъ его жизни. И если вообще немыслима сознательная нравственная личность безъ религіознаго завершенія ея высшихъ принциповъ и идеаловъ, то христіанинъ и подавно только въ вѣрѣ находитъ окончательный законъ своей нравственной жизни. Такъ совѣсть необходимо связана съ вѣрой, и свобода вѣры прежде всего требуетъ свободы совѣсти. Невозможно, чтобы человѣкъ, отдавшій всю свою жизнь опредѣленной высокой религіозной или нравственной идеѣ, чтобы онъ подчинился требованіямъ насилія или корысти и тѣмъ измѣнилъ своему нравственному закону; невозможно, чтобы нравственно организованная и стойкая личность отдала бы по первому требованію случая свои завѣтныя вѣрованія и убѣжденія. Такому человѣку, въ случаѣ столкновенія съ требованіями, противными его совѣсти, остается или уйти отъ нихъ, или заплатить страданіемъ за святыню своей души [1]). Если же такъ тяжело положеніе нравственной личности при столкновеніи требованій ея совѣсти съ окружающей ея средой, то какъ ужасно положеніе вѣрующаго, котораго принуждаютъ къ исповѣданію вѣры, которой у него нѣтъ. Казалось бы, говоритъ Блунчли, «ни одно право человѣка не представляется болѣе естественнымъ и святымъ, какъ право человѣка, обращающагося къ Богу, быть правдивымъ передъ лицомъ Его»; вѣдь «Онъ — вѣчная Правда, Всевѣдѣніе, Всемогущество». «Требовать отъ человѣка, чтобы онъ отрекся отъ своей вѣры и исповѣдалъ вѣру, которая ему чужда, это значитъ требовать отъ него лжи въ тотъ моментъ, когда его душа желаетъ открыться предъ свѣтомъ вѣчной Правды, это значитъ вынуждать, чтобы онъ выступилъ лицемѣромъ передъ Богомъ, который видитъ и осуждаетъ всякое лицемѣріе» [2]). «Вынуждено могло бы быть только внѣшнее исповѣданіе», говоритъ другой христіанскій писатель, «а кто исповѣдуетъ то, что онъ не счи-

---

[1]) Ср. Vinet, Essai sur la manifestation des convictions religieuses Paris, 1858, стр. 100 и слѣд.

[2]) Bluntschli, Geschichte der Bekenntnissfreiheit, стр. 4.

таетъ за истину, тотъ даетъ ложное свидѣтельство, и ложь его тѣмъ хуже, чѣмъ священнѣе предметъ, профанируемый ею. Какъ страшно согрѣшили противъ этой очевидной истины! Какой чудовищный долгъ нарось на различныхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ съ того времени, какъ хрпстіанская церковь впервые вступила въ союзъ съ государствомъ, до нашихъ дней!» [1]). «Покорять совѣсть страхомъ», замѣчаетъ Вине [2]), «покупать ее надеждой на выгоду, сбивать ее съ пути ложью— все это одинаково тяжкія оскорбленія Того, Кто создалъ совѣсть и оставилъ себѣ власть надъ нею. Помѣстить личность или массы въ альтернативу отказаться отъ ихъ внѣшнихъ выгодъ или отречься отъ совѣсти, это преступленіе — святотатства». «Закопъ», подтверждаетъ эту мысль Блунчли, «который становится между человѣкомъ и его Богомъ и желаетъ принудить перваго дѣйствовать противъ его совѣсти, несетъ людямъ ужасный выборъ: или отречься отъ вѣры и тѣмъ оскорбить святыню своей души, или пожертвовать своимъ человѣческимъ существованіемъ и благополучіемъ». «И именно религіознымъ сильнымъ характерамъ, искреннимъ людямъ наиболѣе страшно грозитъ эта альтернатива. Безразличные къ вѣрѣ, слабые, лицемѣры умѣютъ уклониться отъ наказаній по этому закону и смѣются надъ его силой, притворно передъ нимъ склоняясь. Законъ религіознаго принужденія страшенъ не дурнымъ, а грозитъ благороднѣйшимъ натурамъ въ ихъ чести и безопасности» [3]).

Исповѣдапія скрыть нельзя. Исповѣданія и притомъ открытаго, явнаго, требуетъ всякая религія, которая ставитъ своей основой правду и правдивость. Вѣра безъ дѣлъ мертва. И вотъ, на эту то сторону духовной жизни человѣка религіозный гнетъ вѣковъ и наложилъ свою руку. Исповѣданіе выражается внѣшнимъ актомъ, слѣдовательно, можно предписать ему ту или другую форму, можно запретить одну, можно сдѣлать обязательной другую. Здѣсь въ этой сферѣ «оказательства» принужденіе вполнѣ можетъ имѣть мѣсто. Правда, заставить человѣка думать и чувствовать иначе, чѣмъ онъ думаетъ и чувствуетъ, нельзя, но можно запретить ему проявлять свою любовь къ Богу такъ, какъ этого требуетъ его религія, мало

---

[1]) Maassen, в. н. с. стр. 13.
[2]) Vinet, La liberté des cultes (Essai sur la conscience et sur la liberté religieuse) стр. 411.
[3]) Bluntschli, Bekenntnissfreiheit, стр. 5.

того, можно потребовать отъ него, подъ угрозой наказанія, лицемѣрнаго исповѣданія другой вѣры,—увы, все это фактически возможно, и надо отдать справедливость христіанскимъ народамъ, все это въ исторіи испробовано блистательно.

Такимъ образомъ, посредствомъ принудительнаго опредѣленія исповѣданія вѣры для религіознаго гнета, являлась возможность, хотя косвенно, вліять и на болѣе сокрытыя стороны человѣческаго духа, на его совѣсть и, можетъ быть, иногда и вѣру. Исповѣданіе—это внѣшній актъ совѣсти и вѣры и притомъ необходимый и неизбѣжный. Отсюда ясно, почему такъ часто смѣшиваютъ эти понятія, почему отождествленіе свободы совѣсти и исповѣданія стало общеупотребительно. Связь между ними весьма велика и этическое начало свободы совѣсти неизбѣжно требуетъ юридическаго принципа свободы религіознаго исповѣданія. Но и этого мало: исповѣданіе вѣры требуетъ не только частнаго богопочитанія, но и культа, богослуженія. Единый Богъ и единая святыня связываютъ единовѣрцевъ удивительными и святыми узами любви и братства; сердце ихъ живетъ одною жизнью, и одинъ и тотъ же гимнъ, одно и то же славословіе возносятъ они Богу «едиными устами»; для такихъ людей величайшимъ страданіемъ и величайшей несправедливостью было бы лишить ихъ возможности собираться вмѣстѣ, для совмѣстной бесѣды, для братскаго общенія, для молитвы и богопочитанія. Дальнѣйшимъ и естественнымъ продолженіемъ свободы исповѣданія является поэтому свобода религіознаго общенія. «Разъ признана свобода совѣсти», говоритъ Вине, «было бы непослѣдовательно и противорѣчиво не признать, равнымъ образомъ, и свободы культа, которая есть только непосредственное приложеніе и первое употребленіе первой». Примѣръ всѣхъ религій показываетъ, что онѣ «вездѣ создавали общества, строили храмы, придавали особенную торжественность даже безмолвнымъ моленіямъ, но возносимымъ Божеству нѣсколькими соединившимися для этого людьми». «Слабый и жалкій по природѣ человѣкъ чувствуетъ себя болѣе сильнымъ передъ высшимъ существомъ въ сообществѣ съ другими людьми, отягченными той же слабостью; онъ считаетъ себя болѣе способнымъ въ смиренномъ сообществѣ достигнуть престола всякаго милосердія; кажется, онъ вѣритъ, что Богъ будетъ имѣть болѣе состраданія къ столькимъ соединеннымъ вмѣстѣ бѣдствіямъ; а общія мольбы всѣхъ, которые едиными

освященными устами возносятъ къ Властителю человѣческихъ судебъ, представляются ему святыми, продиктованными самимъ небомъ, достойными достичь самого Бога [1]). Не мудрено поэтому, что и другіе писатели считаютъ свободу общественнаго богослуженія и существеннымъ и необходимымъ дополненіемъ свободы исповѣданія, а право свободы общественнаго культа — необходимо связаннымъ съ правомъ свободы совѣсти [2]). Однако, здѣсь мы должны сдѣлать одну весьма важную оговорку; право общественнаго богослуженія заключаетъ въ себѣ двѣ формы этого послѣдняго: форму частнаго культа и публичнаго; первый состоитъ въ правѣ личности собирать у себя въ домѣ своихъ домашнихъ и единовѣрцевъ и приглашать соотвѣтственное духовное лицо для отправленія совмѣстнаго богослуженія; второе же состоитъ въ правѣ единовѣрцевъ образовывать религіозное общество для религіозныхъ цѣлей и въ правѣ этого общества организовать тотъ или другой культъ уже публичнаго характера. Оба эти права необходимо связаны между собою, но между ними есть существенная разница: первое принадлежитъ, строго говоря, къ правамъ личности, второе же—къ правамъ общества или корпорацій. Говоря о правѣ общественнаго богослуженія, какъ вытекающемъ изъ правъ личной религіозной свободы, мы, естественно, подъ этимъ можемъ подразумѣвать только первое.

Обращаясь къ болѣе точному опредѣленію права свободы исповѣданія, мы видимъ, что у большинства изслѣдователей этого вопроса, встрѣчаются весьма сходныя опредѣленія: замѣтимъ нѣкоторыя изъ нихъ. «Право свободы исповѣданія есть право безъ принужденія избрать любое вѣроисповѣданіе и собираться въ религіозное общеніе» (Якобсонъ). Это — право «свободно обнаруживать свои религіозныя мнѣнія» (Фюрстенау, Ришъ), это—«право свободнаго исповѣданія религіозныхъ вѣрованій и свободнаго отправленія богослуженія» (Вине); это—«защищенное и ограниченное государствомъ право индивида свободно выражать свою религіозную вѣру и убѣжденія» (Блунчли); право «исповѣдывать свою религію, почитать Бога соотвѣтственно своимъ религіознымъ представленіямъ и ученіямъ» (Вильда); «право исповѣдывать безъ ущерба свою вѣру

---

[1]) Vinet, в н. с. стр. 34, 44, 47.

[2]) Hinschius, в. п. с. стр. 604; Hinschius, Marquardsen's Handbuch des öffentlichen Rechts, Freib. 1887 B. I стр. 234; Rahl, Lehrsystem, стр. 289—290.

или отсутствіе вѣры» (Гиншіусъ); свобода совѣсти «въ юридическомъ смыслѣ», это—«отсутствіе ограниченій относительно осязательныхъ проявленій — на словѣ или на дѣлѣ—этого центральнаго органа религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій» т. е. совѣсти (Раль) [1]). Всѣ эти опредѣленія, несмотря на ихъ различіе въ полнотѣ и точности, тѣмъ не менѣе устанавливаютъ нѣсколько положеній вполнѣ опредѣленно и единодушно; всѣ они говорятъ о свободномъ, безпрепятственномъ, не влекущемъ для человѣка никакого ущерба, внѣшнимъ обнаруженіи его религіозныхъ воззрѣній и связанномъ съ ними способѣ богопочитанія; пользуясь этими опредѣленіями, мы, съ своей стороны, такъ опредѣлили бы право свободы исповѣданія: это есть право каждаго человѣка безпрепятственно и безъ какого либо ущерба для себя проявлять вообще внѣшнимъ образомъ свои религіозныя убѣжденія и, въ частности, устанавливать, соотвѣтственное этимъ взглядамъ, домашнее богопочитаніе.

Здѣсь приходится, однако, сдѣлать небольшое замѣчаніе; дѣло въ томъ, что, какъ это можетъ броситься въ глаза съ перваго раза, въ данномъ опредѣленіи совсѣмъ не говорится о границахъ права личной свободы; можетъ показаться, что это право здѣсь понимается, какъ безграничное, абсолютное. Но само собою разумѣется, для всякаго юриста вполнѣ ясна подразумѣваемая здѣсь clausula: «по скольку даннымъ правомъ не нарушается общій правовой порядокъ страны или равныя права другихъ лицъ». Никакой абсолютной свободы совѣсти въ современномъ культурномъ и правовомъ государствѣ нѣтъ и быть не можетъ; никакое благоустроенное общество не можетъ потерпѣть, чтобы подъ знаменемъ свободы исповѣданія проводилась свобода преступленія и анархіи. Полезно будетъ поэтому теперь же остановиться на нѣкоторыхъ границахъ права свободы религіознаго исповѣданія; хотя вполнѣ понятно, что право свободы, выросшее въ противоположность тяжкому религіозному гнету, нуждается прежде всего въ опредѣленіи пунктовъ его дальнѣйшаго расширенія, а не ограниченія, ибо слишкомъ много было уже использо-

---

[1]) Jacobson, „Duldung“, Hersog's Real-Encyklopädie I Auflage. III B. Stuttg. 1855; Risch, в. н. соч. стр. 767; Fürstenau, в. н. соч. стр. 3; Vinet, в. н. соч. стр. 48; Bluntschli, Staatsrecht стр. 369—370, его-же, Bekenntnisfreih. стр. 36; Wilda в. н. с. стр. 199; Hinschius, Stengels Wörterbuch, стр. 604; Rahl, Lehrsystem, стр. 290.

вано всевозможныхъ предлоговъ для стѣсненія и уничтоженія этого права, съ другой же стороны, весьма легко впасть, какъ прекрасно замѣчаетъ Вильда, на мѣсто религіознаго принужденія въ нѣкоторый «политическій и полицейскій ригоризмъ», а «среди всѣхъ правъ и вольностей свобода совѣсти менѣе всего выноситъ ограниченія» [1]). Во всякомъ случаѣ о границахъ или предѣлахъ права исповѣданія можно говорить только тогда, когда это право уже существуетъ, т. е. когда государство уже отказалось отъ всякаго прямого и косвеннаго принужденія вѣры и стало такимъ образомъ уже правовымъ и культурнымъ, а не конфессіональнымъ или полицейскимъ. Только въ такомъ случаѣ есть нѣкоторая гарантія, что подъ предлогомъ охраненія общественнаго благочинія и благоустройства государство не наложитъ снова руку на освобожденную было совѣсть. Нормальныя же границы права свободы исповѣданія въ правовомъ государствѣ можно обозначить слѣдующимъ образомъ: съ формальной стороны онѣ заключаются въ томъ, что для пользованія правомъ свободы совѣсти нужно обладать достаточно созрѣвшимъ самосознаніемъ, а слѣдовательно, нужно, по крайней мѣрѣ, достичь извѣстнаго опредѣленнаго закономъ возраста, который гарантируетъ нѣкоторую нравственную и умственную зрѣлость лица; со стороны же матеріальной, т. е. съ точки зрѣнія самого содержанія тѣхъ или другихъ требованій совѣсти, надо отмѣтить слѣдующія ограниченія:

1) Никто не долженъ подъ предлогомъ требованія совѣсти освобождать себя вообще отъ повиновенія государству и его законамъ.

2) Никто подъ тѣмъ же предлогомъ не долженъ нарушать существующія права признанныхъ государствомъ корпорацій, а также и права частныхъ лицъ

3) Никому не можетъ быть дозволена публичная проповѣдь атеизма и открытой безнравственности.

Изъ этихъ ограниченій права свободы исповѣданія, такимъ образомъ, вытекаетъ вполнѣ очевидно, что никто, подъ предлогомъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, не можетъ на основаніи права свободы совѣсти отказаться отъ несенія всякихъ общихъ государственныхъ повинностей; никто не можетъ

---

[1]) Wilda, в. п. с. стр. 237—240.

совершать убійства, насилія, наносить своимъ ближнимъ грубыя оскорбленія, публично поносить церковь, кощунствовать, устраивать полигамію, приносить человѣческія жертвы и т. п., т. е. другими словами, совершать то, что положительно запрещено общимъ правомъ. Бываютъ, однако, и въ настоящее время нѣкоторые конфликты религіозной совѣсти съ государственнымъ правопорядкомъ, несмотря на весьма широкія границы этого права, существующія въ современныхъ культурныхъ государствахъ; укажемъ для примѣра хотя бы на отказъ нести воинскую повинность со стороны приверженцевъ нѣкоторыхъ сектъ; «но и здѣсь», какъ справедливо говоритъ Вильда, эти конфликты «во всѣхъ случаяхъ даютъ возможность соглашенія, если только существуетъ въ наличности серьезное желаніе дѣйствительно обезпечить свободу совѣсти, и господствуетъ убѣжденіе, что въ дѣлахъ совѣсти и вѣры нужно дѣйствовать съ величайшей мягкостью и бережностью»; съ другой же стороны, «существуетъ достаточно различныхъ исключительныхъ законовъ этого рода и на дѣлѣ, напримѣръ, относительно евреевъ, меннонитовъ и т. п.» [1]). Къ этому мнѣнію почтеннаго изслѣдователя мы можемъ только вполнѣ присоединиться, такъ какъ здѣсь трудно предвидѣть всѣ возможные на практикѣ случаи, и главнымъ ручательствомъ мирнаго исхода конфликта остается искреннее желаніе со стороны государства дѣйствительно охранить и защитить свободу религіознаго исповѣданія. Не можемъ не упомянуть здѣсь о нѣсколько двусмысленномъ опредѣленіи границъ права совѣсти, даннымъ въ Staatsrecht'ѣ знаменитаго Блунчли; этотъ писатель, какъ бы допуская возможность ограниченія свободы совѣсти атеиста, такъ какъ этотъ послѣдній не стоитъ на религіозномъ основаніи, находитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что «лучше» отъ этого ограниченія отказаться; кончаетъ же страницу повтореніемъ словъ Вине, что «индивидуумъ долженъ быть и долженъ оставаться правдивымъ, не только когда онъ признаетъ объективную Истину, но и когда онъ въ ней сомнѣвается и ее отрицаетъ» [2]). Думаемъ, что послѣднее положеніе

---

[1]) Ibid. 240—241.

[2]) „Man könnte daran denken, die Bekenntnissfreiheit nur insoweit zu gestatten, als in dem Bekenntniss noch ein religiöser Fond zu erkennen ist, dagegen dieselbe nicht zu dulden, wenn sich Negation bis zum Atheisums verirrt. Besser aber ist es, wenn darauf verzichtet wird eine Grenze

Блунчли болѣе соотвѣтствуетъ его настоящей мысли, тѣмъ болѣе, что въ немъ стоитъ категорическое «soll», и онъ замѣчаетъ на той же страницѣ, что часто періодъ атеизма, для высоко одаренныхъ душъ, бываетъ только переходнымъ моментомъ къ еще большей высотѣ богопочитанія; не скрылось отъ нашего автора и то обстоятельство, что запрещеніе атеизма со стороны государства можетъ дать этому послѣднему поводъ и къ другимъ аналогичнымъ запретамъ «недозволенныхъ исповѣданій». Не можемъ также согласиться съ Якобсономъ, когда онъ на основаніи «нравственнаго» характера государственнаго союза требуетъ отъ гражданъ «для пользованія всѣми гражданскими и политическими правами признанія съ ихъ стороны «за совѣсть» и государственной этики; въ противномъ случаѣ допустимо, по его мнѣнію, умаленіе нѣкоторыхъ правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и косвенное принужденіе въ дѣлахъ вѣры; не можемъ не замѣтить, что этой теоріей широко раскрывается дверь полицейско-нравственному гнету совѣсти, давшему печальные примѣры въ началѣ XIX столѣтія.

Сказаннымъ о предѣлахъ права свободы совѣсти мы пока и ограничимся въ цѣляхъ болѣе точнаго опредѣленія этого права [1]).

Что же касается болѣе точнаго обозначенія конкретныхъ правъ, входящихъ въ составъ права свободы исповѣданія, то, согласно ученію большинства писателей по этому вопросу, эти права состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ правѣ лица по достиженіи законнаго возраста не быть принуждаемымъ къ исповѣданію какой-нибудь опредѣленной вѣры, въ правѣ исповѣдывать какую угодно вѣру, или полное отсутствіе ея, безъ какого-либо за то ущерба или наказанія (Гиншіусъ, Блунчли, Ришъ, Вильда). Отсюда вытекаетъ полное устраненіе изъ законодательства какихъ-либо наказаній и лишеній правъ за вѣроотступничество, за совращеніе и т. п.; ересь— не есть преступленіе.

---

zwichen erlaubtem und unerlaubtem Bekenntniss... zu finden und zu bezeichnen“.... „Das Individuum soll wahr sein und wahr sein dürfen, nicht bloss wenn er die objective Wahrheit erkennt, sondern auch wenn er sie bezweifelt und verneint“. Bluntschli, Staatsr. стр. 386.

[1]) О границахъ права свободы исповѣданія см. Wilda, в. н. с. стр. 377—342; Bluntschli, Staatsrecht стр. 386, 388; Rahl, Lehrsystem, стр. 292—294; Vinet в. н. с. стр. 199—203; Risch, в. н. с. 782; Jacobson, в. н. с стр. 557.

2) Въ правѣ лица не быть принуждаемымъ со стороны государства, вопреки религіознымъ убѣжденіямъ, къ совершенію или участію въ какихъ бы то ни было богослужебныхъ или религіозныхъ обрядахъ. Въ силу этого права, напр., государство не можетъ требовать обязательнаго присутствія при евангелическомъ богослуженіи солдатъ-католиковъ, какъ это случалось въ свое время въ прусской практикѣ, или посѣщенія чиновниками богослуженія по праздничнымъ днямъ, чему бывали примѣры въ Италіи (Гиншіусъ, Блунчли, Ришъ).

3) Въ правѣ лица безпрепятственно выходить изъ состава того или другого религіознаго общества, переходить въ члены другого, или даже не принадлежать ни къ какому, безъ какого-либо за то ущерба или наказанія (Гиншіусъ, Блунчли, Ришъ, Якобсонъ, Вильда).

4) Въ правѣ лица, принадлежащаго къ тому или другому исповѣданію, безпрепятственно устраивать собранія своихъ домашнихъ и единовѣрцевъ, съ участіемъ духовнаго лица, отправлять совмѣстно богослуженія по предписаніямъ своей религіи въ своемъ частномъ помѣщеніи и учреждать, согласно общимъ требованіямъ закона, частныя религіозныя общества съ правомъ публичнаго въ нихъ богослуженія (Гиншіусъ, Раль, Блунчли, Ришъ, Якобсонъ, Вильда, Вине). Этимъ правомъ опредѣляется, въ сущности, право на совершеніе, такъ называемаго, частнаго или домашняго богослуженія и на частныя же собранія единовѣрцевъ для совмѣстнаго религіознаго культа. Нѣкоторые писатели болѣе ранняго времени, какъ, напр., Вильда и Вине, требуютъ во имя личной религіозной свободы и свободы общественной, т. е. права безпрепятственнаго учрежденія религіозныхъ обществъ, а для этихъ послѣднихъ права публичнаго богослуженія и полной автономіи въ завѣдываніи ихъ собственными дѣлами. Другіе же, болѣе новые писатели, справедливо дѣлая различіе между требованіями частной и общественной религіозной свободы, полагаютъ, что хотя вторая и есть необходимое и неизбѣжное дополненіе первой, но изъ понятія свободы исповѣданія можетъ быть юридически правильно выведено только право домашняго, а не публичнаго богослуженія, также какъ только право частныхъ собраній вѣрующихъ. Ограничиваясь пока только изслѣдованіемъ права личной свободы, мы вполнѣ присоединимся къ мнѣнію послѣднихъ писателей (Гиншіусъ, Раль, Блунчли, Ришъ).

5) Въ правѣ пользоваться всѣми гражданскими и политическими правами гражданина, безъ какихъ-либо въ нихъ ограниченій, въ силу религіознаго исповѣданія лица (Гиншіусъ, Раль, Блунчли, Вильда, Вине). Этимъ правомъ устраняется всякое косвенное принужденіе вѣры, выражающееся въ привилегированномъ положеніи лицъ одного исповѣданія сравнительно съ лицами другого. Этимъ устраняется, напр., привилегія въ силу крещенія и лишеніе правъ въ силу некрещенія.

6) Въ правѣ лица совершать всѣ необходимыя гражданскія дѣйствія безъ обязательства совершать при этомъ какія-либо религіозные и церковные обряды и дѣйствія (Гиншіусъ, Ришъ, Вильда, Вине). Сюда относится право лица на полученіе гражданской легитимаціи безъ совершенія религіозныхъ обрядовъ только при посредствѣ чиновниковъ гражданскаго состоянія, право на совершеніе гражданскаго брака, на независимыя отъ разрѣшенія духовенства похороны, на неконфессіональныя школы для дѣтей, на интерконфессіональную форму клятвы, съ замѣной ея въ опредѣленныхъ случаяхъ торжественнымъ обѣщаніемъ и т. п.

7) Въ правѣ лица на защиту государствомъ его личности, чести и свободы противъ всякаго посягательства на нее со стороны религіозныхъ обществъ или духовныхъ властей (Гиншіусъ, Блунчли, Ришъ). Этимъ правомъ вѣрующій, принадлежащій къ составу того или другого религіознаго общества, ограждается отъ всякаго внѣшняго принужденія по религіознымъ мотивамъ со стороны духовныхъ властей, въ особенности же отъ тѣхъ насилій надъ совѣстью вѣрующаго, къ которымъ такъ охотно прибѣгаетъ иногда церковь въ чисто-политическихъ видахъ.

Этими семью основными требованіями, въ сущности, и ограничивается право свободы совѣсти, насколько оно получило признаніе въ культурныхъ государствахъ Европы [1]).

---

[1]) Hinshius, Marquardsen's, Handbuch. d. öf. R. стр. 233—237; Risch. в. н. с. ст. 778—781; Wilda, в. н. стр. 199, 249—253; Vinet в. н. с. 203—231; 258, 268. Jacobson, в. н. соч. 544, Bluntschli. Bekenntntissfreih. 36, Staatsr., стр. 371—381.

ЯЗЫЧЕСКІЙ РИМЪ И ХРИСТІАНСКАЯ СОВѢСТЬ.

Всемогущее государство античнаго міра не могло потерпѣть возлѣ себя ни свободной нравственной личности, ни свободной вѣры.

«Языческая древность не знаетъ какого-либо юридическаго предѣла, предъ которымъ должна бы остановиться власть государства», индивидъ самъ по себѣ не имѣетъ никакой цѣны, никакого значенія: не ради самого себя, а ради государства существуетъ онъ. Онъ есть средство, и только средство для цѣли. Совершенно немыслимо поэтому, чтобы даже одна какая-либо область жизни могла въ принципѣ претендовать на самостоятельность въ отношеніи къ государству [1]). Личность, индивидъ для античнаго государства былъ ничто. Только въ государствѣ, по ученію древнихъ, человѣкъ становился человѣкомъ, только благодаря своему причастію къ этой совершенной формѣ общежитія онъ и самъ, упражняясь въ гражданскихъ добродѣтеляхъ, могъ достичь совершенства; только въ государствѣ онъ находилъ свое экономическое благополучіе, нравственное воспитаніе, свою этику, религію и эстетику; государство давало гражданину все и въ свою очередь и поглощало его цѣликомъ: его семья, имущество, личность, доблести,—все это было созданіемъ государства, а слѣдовательно, и принадлежало ему. Внѣ государства могли жить, по выраженію Аристотеля, только звѣри или боги; человѣкъ же существовалъ только въ государствѣ и для него. Очевидно, что въ античномъ государствѣ не могло быть и рѣчи о какихъ-либо правахъ личности, правахъ человѣка и гражданина; основаніе этому было очень простое: самой личности еще не существовало, а слѣдовательно, не могло быть рѣчи и о правахъ ея.

[1]) Maassen. Neun Kapitel üder freie Kirche und Gewissenfreiheit, Gratz 1876. Цитирую по переводу профессора Суворова, Ярославль, 1882, стр. 2.

Но и боги далеко не стояли внѣ государства; напротивъ того, они были въ высшей степени заинтересованы въ земной жизни людей и были пріурочены, какъ бы прикрѣплены къ отдѣльнымъ частямъ общественнаго организма. Одни изъ нихъ были приставлены къ общественной экономикѣ, вѣдали земледѣліе и скотоводство, другіе блюли домъ, чистоту домашняго очага и семейной жизни, третьи хранили гражданскія добродѣтели и законы, четвертые защищали государство отъ внѣшнихъ враговъ; это была цѣлая стража могущественныхъ небожителей, неземныхъ участниковъ земной жизни государства, отъ которой зависѣло благоденствіе и его самого, и благосостояніе гражданъ, и общественный порядокъ, и нравственность; отъ нихъ зависѣло породить въ странѣ различныя общественныя бѣдствія, они изъ мести могли предать на войнѣ свой народъ въ руки непріятелей, породить гражданскія смуты, ослабить узы законовъ и спасительнаго страха передъ властью, наконецъ—нарушить супружескую вѣрность, навести воровъ и грабителей на путника. Боги древнихъ были боги мстительные, хоть и легкомысленные, корыстные и подчасъ злобные — притомъ надо замѣтить, что и іерархіи настоящей среди нихъ не было; а поэтому и нельзя было почитаніемъ старшихъ боговъ обезопасить себя отъ алчности и мести младшихъ: приходилось возносить почитаніе и жертвы каждому, такъ сказать, по предмету его вѣдомства. Понятно отсюда, что, во-первыхъ, такая религія менѣе всего могла претендовать на свободу вѣры или исповѣданія, такъ какъ сами боги составляли высшій надземный элементъ государственнаго устройства, а во-вторыхъ, дѣло богопочитанія должно было стать предметомъ государственной повинности, такъ какъ существенные интересы государства, зависящіе отъ расположенія боговъ, нельзя было отдать на произволъ отдѣльной личности.

Съ другой же стороны для гражданина древняго государства было вполнѣ естественно почитать государственныхъ боговъ безъ всякаго особеннаго принужденія со стороны государства. Съ древними богами были связаны нѣкоторые миѳы и обряды, говорившіе его чувству; въ политеизмѣ если и не было истинной религіи, то были во всякомъ случаѣ намеки на нее— она заключала въ себѣ нѣчто чудесное, даже мистическое. Нѣкоторые культы были обставлены долгимъ срокомъ испытанія для неофитовъ, были сопряжены съ особыми таинственными це-

ремоніями; въ Греціи къ религіи присоединился культъ красоты, служеніе искусству, въ Римѣ съ политеизмомъ былъ соединенъ въ особенности крѣпко домашній, семейный строй. Цѣлый рядъ боговъ былъ какъ бы воплощеніемъ различныхъ доблестей и этическихъ понятій; всякій нравственный, въ смыслѣ древнихъ, человѣкъ не могъ отнестись отрицательно къ почитанію тѣхъ боговъ, которые, несмотря на всѣ свои слабости и недостатки, все-таки были хранителями гражданской доблести и порядка. Государство же, этотъ самоцѣльный и самодовлѣющій организмъ, было связано такими крѣпкими узами чувства патріотизма съ отдѣльнымъ гражданиномъ, что только прямо изъ этого чувства гражданинъ могъ охотно исполнять обряды государственной религіи и тѣмъ отвращать отъ отечества гнѣвъ боговъ и проистекающія отсюда бѣдствія. Почитаніе боговъ было у древнихъ не только юридической обязанностью, но и нравственнымъ долгомъ хорошаго семьянина, доблестнаго гражданина, добраго патріота своего отечества,—«человѣка», по понятію древнихъ. Только чудовище, желающее ниспровергнуть всѣ божескіе и человѣческіе законы, только атеистъ, опровергающій семью, религію и государство, могъ отказать въ исполненіи этой высшей гражданской обязанности, могъ поднять руку на алтари небожителей и тѣмъ навлечь неисчислимыя бѣды на свое отечество [1]).

За всѣмъ тѣмъ, надо замѣтить, что и самое дѣло богопочитанія не представляло изъ себя чего-нибудь внутренняго, духовнаго, требующаго свободнаго подъема религіознаго чувства— все дѣло сводилось къ церемоніямъ, обрядамъ, процессіямъ и жертвоприношеніямъ; только въ очень немногихъ случаяхъ почитаніе боговъ налагало какую-нибудь нравственную обязанность на человѣка, какъ, напр., долгъ исполнить клятву, данную передъ статуей божества. Вообще же богопочитаніе было дѣломъ совершенно наружнымъ, внѣшнимъ, не связаннымъ съ совѣстью или настроеніемъ лица; совѣсть и убѣжденіе были здѣсь не причемъ. Этимъ, само собою разумѣется, облегчалась въ значительной степени религіозная повинность гражданъ; отъ нихъ требовали не исповѣданія вѣры, а исполненія обрядовъ государственной религіи, и для нихъ впослѣдствіи при знакомствѣ

[1]) Maassen, в. и. с. стр. 16—17; Niehues: Geschichte des Verhältnisses zwischen Kaiserthum und Papsthum, Münster, 1877, стр. 23—24. Geffcken: Staat und Kirche, Berlin 1875, стр. 27—29.

съ еврейской религіей и христіанствомъ было рѣшительно непонятно, почему нельзя молиться одному Богу и въ то же время исполнить свой долгъ по отношенію къ государственной религіи: вѣдь эта послѣдняя въ исповѣданіи вѣры не нуждается.

Вопросъ о совмѣстной терпимости нѣсколькихъ языческихъ культовъ, или, вѣрнѣе, о «нагроможденіи» ихъ въ составъ одной государственной религіи не представлялъ никакихъ принципіальныхъ затрудненій. «Политеистъ можетъ почитать чужихъ боговъ, не отрекаясь тѣмъ самымъ отъ почитанія своихъ собственныхъ», напротивъ того, «при такихъ обстоятельствахъ не далека мысль, что чѣмъ большему числу божествъ служить, тѣмъ увѣреннѣе себя чувствуешь, тѣмъ меньшая опасность предстоитъ вызвать противъ себя гнѣвъ оставленнаго безъ вниманія бога»... «языческія религіи имѣютъ, слѣдовательно, не только способность, но и склонность къ взаимному притяженію» [1]). Съ практической стороны дѣло соединенія различныхъ культовъ подъ единой кровлей государственной религіи также не представляло особенныхъ затрудненій, какъ это блестяще доказала религіозная политика Рима, особенно въ императорскій періодъ его существованія.

Съ пріобрѣтеніемъ новой области Римъ никогда не позволялъ себѣ запрещенія или уничтоженія мѣстнаго культа; чѣмъ навлекать на себя гнѣвъ покоренныхъ боговъ, было гораздо выгоднѣе сдѣлать ихъ своими союзниками,—если ихъ культъ не былъ враждебенъ и не ограничивалъ культа римскихъ боговъ,—и при помощи туземныхъ боговъ удержать въ покорности ихъ почитателей. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ новое божество получало со стороны сената оффиціальное признаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ не только сохраняло свой мѣстный культъ, но и въ самомъ Римѣ получало храмъ и становилось на опредѣленное мѣсто среди римскихъ казенныхъ боговъ въ подчиненіи главнымъ изъ нихъ. Сначала культъ новыхъ божествъ былъ доступенъ только ихъ первоначальнымъ поклонникамъ, но впослѣдствіи было разрѣшено принимать въ немъ участіе и римскимъ гражданамъ. Такъ съ каждой новой побѣдой, новымъ расширеніемъ территоріи увеличивалось и число государственныхъ боговъ. Эти боги обыкновенно признавались состоящими въ родственныхъ отношеніяхъ съ прежъ-

---

[1]) Maassen, в. н. с. стр. 16—18.

ними, и составляли съ ними одну семью. Это, въ сущности, былъ необходимый и естественный процессъ: разъ боги существовали не сами по себѣ, а были прикрѣплены въ качествѣ небесныхъ покровителей къ той или другой территоріи, они неизбѣжно раздѣляли общую судьбу своей страны и своего народа: покорить народъ—значило покорить и его боговъ, принять этихъ боговъ въ число своихъ—значило и закрѣпить завоеванную территорію болѣе тѣсными узами за народомъ побѣдителей. Только тамъ, гдѣ возникала опасность ущерба для главнаго государственнаго культа, эдилы должны были оказать противодѣйствіе «иностранному суевѣрію». Вообще же, какъ сказано выше, боги покоренныхъ народовъ становились въ подчиненное положеніе главнымъ римскимъ богамъ, продолжали свое дальнѣйшее существованіе въ провинціяхъ и получали доступъ въ метрополію. Такъ, уже Сервій Туллій построилъ въ Римѣ храмъ Діанѣ,—союзному божеству латинскаго союза, — въ 291 г. до Р. Хр. былъ построенъ храмъ епидаврскому Эскулапу, въ 204 г. до Р. Хр. былъ перенесенъ въ Римъ культъ фригійской Цибелы. Когда же съ покоренiемъ Эллады для римлянъ цѣликомъ раскрылся міръ греческаго просвѣщенія и искусства, то въ Римъ нахлынула масса греческихъ божествъ, которыя слились впослѣдствіи съ римскими до полнаго тождества. «Но сборнымъ пунктомъ разнообразнѣйшихъ и чудовищнѣйшихъ культовъ сдѣлался Римъ въ императорское время», говоритъ Маассенъ. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ росли и ширились предѣлы римскаго государства, пока не охватили своимъ кольцомъ почти всего тогда извѣстнаго міра, все новыя и новыя полчища боговъ получали признаніе и поступали на службу Рима подъ главенствомъ Юпитера Капитолійскаго, Марса и Квирина. Со времени митридатовыхъ войнъ былъ признанъ и введенъ культъ каппадокійской богини Ма; подобнымъ же образомъ были введены культы египетскихъ божествъ Изиды, Озириса, Сераписа, была принята въ число оффиціальныхъ боговъ Астарта, затѣмъ Митра, Солнце и др. Всѣ эти боги отлично уживались между собою на Капитолійскомъ Олимпѣ, а римскіе боги, въ свою очередь, получили распространеніе и признаніе въ провинціяхъ. Врядъ ли, однако, можно было считать вѣротерпимостью и свободой исповѣданія подобный переводъ туземныхъ боговъ на службу Рима, это былъ скорѣе актъ при-

знанія извѣстныхъ политическихъ правъ покоренной провинціи, а культъ божества, оффиціально не признаннаго государствомъ по безнравственности обрядовъ или враждебности Юпитеру (religio peregrina et illicita) все же оставался преступленіемъ противъ государственныхъ законовъ [1]).

Гораздо болѣе подъ понятіе вѣротерпимости подходитъ отношеніе Рима къ евреямъ и ихъ монотеистическому исповѣданію. Іегова евреевъ не могъ ни допустить идолопоклонства, ни покинуть свой избранный народъ; родства между нимъ и сонмищемъ языческихъ боговъ не могла установить никакая миѳологія, а перенести его въ Римъ нельзя было, ибо это былъ Духъ, Богъ невидимый. Съ другой же стороны и какого-либо подчиненія своей религіи культу Юпитера евреи допустить не могли: они знали единаго истиннаго Бога, а всѣхъ иныхъ рѣшительно отвергали. Между тѣмъ римское правительство прекрасно знало и испытало на себѣ, что значили еврейскія возстанія во имя истиннаго Бога въ защиту храма и святого града: этому народу и этому Богу пришлось сдѣлать уступки, которыя не были сдѣланы ни одному другому народу. Евреи еще со временъ Августа были освобождены отъ исполненія языческихъ обрядовъ, получили свободу вѣроисповѣданія не только въ Палестинѣ, но и вообще въ предѣлахъ Имперіи. Эта свобода культа сохранилась за ними и въ послѣдующее время, пока вопросъ объ уплатѣ подати и объ обязательномъ культѣ императоровъ въ связи съ появленіемъ лжемессій не привелъ къ великой еврейской войнѣ и гибели Іерусалима. Основанія же вообще необычной терпимости Рима относительно еврейской религіи можно считать слѣдующія: во-первыхъ, религія Іеговы носила на себѣ печать глубокой древности, что въ глазахъ римской власти было признакомъ значенія и силы ея; во-вторыхъ, она была, подобно другимъ религіямъ древняго міра, исповѣданіемъ въ значительной степени національнымъ, которое не шло за предѣлы Израиля и немногочисленныхъ прозелитовъ его; въ-третьихъ, наконецъ, фанатизмъ евреевъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы можно было его безнаказанно раздражать. Въ общемъ моно-

---

[1]) Maassen, в. н. соч., стр. 17—22; Niehues, в. п. с., стр. 24—26; Geffcken, в. н. с. стр. 27; Risch — „Bekenntnissfreiheit"—Deutsches Staatswörterbuch von Bluntschli. Stuttg. 1857 стр. 767. Bluntschli, Geschichte des Rechts des religiosen Bekenntnissfreiheit—Elberfeld. 1867. стр. 10.

теизмъ евреевъ не внушалъ серьезныхъ опасеній цезарямъ, такъ какъ сами евреи послѣ своего разселенія въ Римѣ и провинціяхъ были во всеобщемъ презрѣніи, и духъ пропаганды былъ у нихъ слишкомъ слабо развитъ [1]).

Ко времени появленія христіанства римская религіозная политика, казалось, уже закончила свою объединяющую, универсальную задачу; весь міръ, извѣстный древнимъ, лежалъ у ногъ Рима. Мощная сила императоровъ завязала крѣпкимъ узломъ власть надъ покоренными народами, а боги чуждыхъ странъ, собранные въ Пантеонѣ, и подкупленные богатымъ идолослуженіемъ, казалось, сплотились въ священную стражу небожителей для охраны силы и счастія имперіи; но національный характеръ языческихъ религій не могъ перенести безъ потрясенія такого расширенія ихъ задачъ и значенія. Боги, хотя собранные въ Римѣ, все же не давали впечатлѣнія единства, а были только собраніемъ мѣстныхъ божествъ; народъ, видя передъ собой множество разнообразныхъ и равноправныхъ боговъ, терялъ вѣру, а съ ней и гражданскую доблесть; смѣшеніе боговъ во время императоровъ принесло, правда связи цѣлаго, но разбило опору въ гражданскомъ долгѣ отдѣльныхъ лицъ, ослабило патріотизмъ, увеличило его объемъ, но не наполнило его новымъ содержаніемъ. Въ это время мы встрѣчаемся съ попытками дать первенствующее значеніе древне-италійской религіи и поставить ее на особое привилегированное мѣсто; въ этихъ видахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было силою введено служеніе старымъ римскимъ богамъ, новые культы были запрещены или преобразованы до неузнаваемости, на мѣсто туземныхъ боговъ въ провинціяхъ были поставлены чисто римскіе боги; но эта мѣра по самому своему характеру не могла служить мѣрой гражданскаго обновленія и духовнаго объединенія, такъ какъ и римскіе боги были только мѣстными, узко-національными богами, а культъ ихъ былъ такимъ-же внѣшнимъ, холоднымъ культомъ, какъ и служеніе Изидѣ, Солнцу, Аполлону [2]). Другая мѣра болѣе достигла цѣли: мы говоримъ здѣсь о поклоненіи императорамъ. Какъ извѣстно, сначала причислялись къ богамъ только мертвые императоры, что можно было еще объяснить культомъ почитанія умершихъ; но впослѣдствіи и живые

---

[1]) Maasen, в. н. с. стр. 24—25.

[2]) Maassen, в. н. с., стр. 21—22, Niehues, в. н. с., стр. 26—28. Geffcken в. н. с. стр. 28—29.

повелители вселенной получали божеское достоинство, чѣмъ и закончилось развитіе римской религіозной идеи; императоръ-богъ сдѣлался не только политическимъ центромъ, который соединялъ въ своихъ рукахъ неограниченную власть имперіи, но и божествомъ, которому всѣ отдѣльные мѣстные и національные боги должны были уступить мѣсто; геній царствующаго императора сталъ первенствующимъ владыкой на небѣ подобно тому, какъ самъ императоръ сталъ повелителемъ вселенной (orbis terrarum). Въ одномъ лицѣ кесаря соединилось земное и небесное могущество, патріотизмъ императорскаго Рима нашелъ себѣ воплощеніе въ фантастическомъ образѣ человѣка-бога, построилъ ему новые храмы, возносилъ ему свои холодныя мольбы [1]).

Но если культомъ императоровъ была дана новая религіозная форма политическому самосознанію имперіи, то религіозная потребность человѣка этимъ культомъ была совершенно заброшена; въ прежнихъ національныхъ богахъ было нѣчто родное, близкое, таинственное—они были наслѣдіемъ темной старины, хотя въ простомъ народѣ, но ихъ любили и ими дорожили, они были, по крайней мѣрѣ, понятны, за ними скрывалась подчасъ поэзія и мечта о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ. Въ культѣ императора ничего подобнаго не было—это было голое почитаніе отвлеченной идеи силы и могущества Рима съ его плебсомъ и легіонами, грабительствомъ покоренныхъ и высокомѣріемъ побѣдителей. Культъ императоровъ былъ обожествленное «vae victis» всѣмъ подвластнымъ народамъ и съ этимъ-то культомъ апокалипсическаго звѣря должна была столкнуться христіанская совѣсть, не признающая компромисса, христіанская вѣра не отъ міра сего и любовь, не знающая границъ своему подвигу и самоотверженію.

Христіанство по самому существу было глубоко отлично отъ предшествовавшихъ ему языческихъ религій. Христіанство, какъ говоритъ Римъ, не могло допустить господства государства въ дѣлѣ религіи, такъ какъ опиралось на непосредственное божественное откровеніе; съ другой стороны, оно признавало сущность религіи въ непосредственномъ соединеніи души съ Богомъ, въ духовной, невидимой связи, которая по своей внутренней природѣ необходимо должна была быть свободнымъ, недопускающимъ внѣшняго насилія, отношеніемъ. Свобода, по утвер-

---

[1]) Maassen, в. н. соч. стр. 22; Geffcken, в. н. с. стр. 63—64.

жденію Вине, есть то слово, которое написано на хоругви христіанства; этотъ характеръ новаго закона не раскрывается изъ нѣсколькихъ формальныхъ текстовъ Евангелія, даже нѣтъ ни одного выраженія, которое провозглашало бы вполнѣ опредѣленно свободу совѣсти; но она начертана повсюду въ этой божественной книгѣ, такъ какъ вездѣ добровольное благоговѣніе сердца, поклоненіе въ духѣ и истинѣ поставлено условіемъ новаго союза человѣка съ Богомъ. И дѣйствительно, если мы разсмотримъ христіанское вѣроученіе въ его основахъ, мы не можемъ не согласиться съ Вине и Ришемъ. Христіанство основано на божественномъ откровеніи, оно установлено независимо отъ какой-бы то ни было земной власти; оно опирается на авторитетъ, стоящій внѣ чувственнаго міра, внѣ какихъ бы то ни было условій времени и мѣста; его законъ абсолютенъ, но этотъ законъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть чисто духовная заповѣдь, онъ обращенъ непосредственно къ совѣсти отдѣльнаго человѣка и только въ ней ищетъ своей опоры и оправданія,—это законъ любви, а не насилія; только добровольная вѣра способна воплотить его въ жизни; только искренность и справедливость являются его первыми основами. Мало этого, христіанство, перерождая человѣка при помощи божественной благодати, требуетъ отъ него не внѣшняго почитанія, не жертвоприношеній, не гекатомбъ и возліяній, а нравственнаго подвига, внутренняго совершенства, дѣятельности, направленной любовью къ Богу и ближнему. Таковы общія основы христіанства, и немудрено, что, несмотря на всю любовь христіанъ къ врагамъ ихъ, несмотря на всю ихъ покорность и почитаніе «за совѣсть» предержащей власти, конфликтъ между христіанствомъ и язычествомъ былъ неизбѣженъ.

Языческій Римъ былъ весь спаянъ идеей смѣшенія человѣческаго и божескаго, — христіанство разбивало эту идею и рѣзко противоставило чувственному міру — міръ сверхъ-естественный, царству земному—царство не отъ міра сего. Весь порядокъ, весь строй громадной имперіи покоился на признаніи всемогущества государства и ничтожества личности; христіанство провозглашало личную вѣру, личную совѣсть, личный подвигъ величайшей нравственной цѣнностью, и отъ личности требовало непосредственнаго исполненія закона; личности обѣщано участіе въ царствѣ небесномъ; наконецъ, религіозный культъ язычества состоялъ въ обрядахъ и дѣйствіяхъ, не связанныхъ ни съ какимъ внутреннимъ долгомъ и убѣжденіемъ;

христіане же, наоборотъ, считали возможнымъ допустить религіозный актъ только при наличности религіозной вѣры, и поэтому должны были отказаться отъ всѣхъ тѣхъ гражданскихъ обязанностей и дѣйствій, которыя были связаны съ какимъ бы то ни было языческимъ культомъ. Очевидно отсюда, что, какъ говоритъ Маассенъ, въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ дѣло шло не болѣе и не менѣе, какъ о самомъ существованіи перваго, такъ какъ христіанство отрицало его въ принципѣ. Но эта мысль пришла въ сознаніе борющихся сторонъ значительно позже, нежели начались фактически гоненія на христіанъ [1]).

Что-же касается ближайшихъ основаній, въ силу которыхъ были предприняты гоненія противъ христіанъ, то они сводятся къ слѣдующимъ.

Во-первыхъ, христіане выступили прямо враждебно противъ всѣхъ языческихъ религій; они не только отрицали ихъ истинность и нравственную цѣнность, но ставили своей задачей именно прозелитизмъ, т.-е. возможно широкое обращеніе язычниковъ въ христіанство, отторженіе ихъ отъ всѣхъ другихъ, принятыхъ государствомъ, религій. Христіане съ точки зрѣнія римлянъ были и атеистами, и ярыми проповѣдниками атеизма; основатель христіанской религіи былъ казненъ прокуратомъ Понтіемъ Пилатомъ въ царствованіе Тиберія, — это было извѣстно римлянамъ; и признавать Богомъ «единаго, одинокаго, оставленнаго Бога, котораго не зналъ ни одинъ народъ, ни одно государство», взамѣнъ всего пантеона государственныхъ божествъ — это представлялось уму язычника рѣшительно непонятнымъ. Внѣшнимъ же наглядньмъ доказательствомъ полнаго атеизма христіанъ было хотя бы то обстоятельство, что у нихъ не было даже необходимыхъ принадлежностей культа: ни жертвенниковъ, ни храмовъ, ни священныхъ статуй и изображеній. Итакъ, христіане были съ точки зрѣнія языческихъ религій атеистами, врагами боговъ и богопочитанія. Во-вторыхъ, они подпадали не менѣе тяжкому обвиненію въ отрицаніи самыхъ основъ государства и

---

[1]) Maassen, в. н. соч. стр. 1—16, 28; Niehues, в. н. с. стр. 69—71; Geffcken, в. н. с. стр. 47—60, von Dollinger, Akademische Vorträge. III B. (Die Geshichte der religiosen Freiheit) München, 1891, стр. 274—275; Wilda, Erörterung und Betrachtungen über Gewissensfreiheit, Zeitshrift fur deutsches Recht. B. XI, 1847, стр. 160; Vnet. La liberté des cultes, Paris, 1852, стр. 143—154.

существующаго государственнаго порядка. Они отрицали божественное достоинство императора и отказывались воздавать надлежащее почитаніе его статуямъ; они отвергали полновластіе государства въ дѣлахъ вѣры и религіи и желали воздать Кесарю только Кесарево, а не Божіе; они ставили заповѣдь религіи и право совѣсти выше законовъ государства, такъ какъ «должно Богу повиноваться болѣе, чѣмъ людямъ», и Самъ Христосъ былъ казненъ за то, что «повиновался волѣ Своего Отца, а не закону іудеевъ»; мало того, несмотря на то, что христіане должны были «за совѣсть» почитать установленныя власти, они отказывались отъ несенія всѣхъ тѣхъ государственныхъ повинностей, исполненіе коихъ было сопряжено съ оскорбленіемъ ихъ религіозныхъ вѣрованій, т.-е. другими словами — съ исполненіемъ нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ. Но ставить въ зависимость отъ исполненія христіанскихъ требованій основанія своего государственнаго порядка римское государство не могло и преслѣдовало христіанъ, какъ политическихъ преступниковъ. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство: христіане, не имѣя возможности образовать открыто религіозное общество, создали цѣлый рядъ тайныхъ христіанскихъ общинъ для надобностей богослуженія и братскаго общенія, и такимъ образомъ подпадали неминуемо подъ дѣйствіе закона, которымъ, подъ угрозой уголовныхъ наказаній, запрещалось образовывать недозволенныя сообщества (collegia illicita).

Въ третьихъ, римскому обществу и народу христіане представлялись не только атеистами и бунтовщиками, но и «нигилистами» въ смыслѣ отрицателей всякой культуры и цивилизаціи; борьба между язычествомъ и христіанствомъ была еще потому борьбой «противоположныхъ принциповъ», что, какъ справедливо замѣчаетъ Нигусъ (Niehues), «тогдашній міръ былъ обязянъ языческимъ богамъ и языческому міровоззрѣнію всѣмъ великимъ и прекраснымъ, что онъ пріобрѣлъ въ теченіе вѣковъ. Языческаго происхожденія были искусство и наука, языческимъ было все жизнепониманіе»; вся же частная и общественная жизнь древнихъ была до такой степени проникнута язычествомъ и окружена всевозможными религіозными обрядами и церемоніями, что христіане должны были отказаться отъ всякой общественной жизни, отъ всякаго общенія съ язычниками на пирахъ и собраніяхъ, въ театрахъ и пуб-

личныхъ академіяхъ и школахъ. Само собою разумѣется, что подобное уклоненіе христіанъ отъ общенія съ язычниками и ихъ нескрываемое пренебреженіе ко всему языческому, начиная съ философіи и кончая гладіаторскими играми, могло только вызвать злобу и ненависть со стороны тупой массы, которая видѣла въ этомъ личное оскорбленіе себѣ, своимъ понятіямъ и вкусамъ. Подобное же чувство, несомнѣнно, вызывали христіане и среди всѣхъ тѣхъ, кто понималъ все превосходство христіанскихъ идеаловъ, но влѣдствіе душевной дряблости не былъ въ состояніи имъ послѣдовать: люди гораздо болѣе расположены по природѣ простить отдѣльному человѣку его личное превосходство, чѣмъ равному себѣ—большую нравственную высоту его принциповъ, большее совершенство его жизненнаго идеала. Съ другой же стороны, уединенное положеніе христіанъ, таинственность ихъ собраній—все это давало поводъ думать, что они занимаются какими-то особенно безобразными и противоестественными дѣлами, похищаютъ дѣтей и пользуются ихъ кровью, что они за братской трапезой занимаются развратомъ и т. п. Нѣтъ надобности здѣсь перечислять всѣхъ гнусностей, которыя приписывались христіанамъ, какъ впослѣдствіи евреямъ, изъ злобы или невѣжества. Не избѣжали христіане и обвиненія въ потрясеніи основъ въ соціальномъ отношеніи; большинство ихъ прозелитовъ принадлежало къ низшимъ классамъ общества и даже, horribile dictu, къ рабамъ, этимъ одушевленнымъ орудіямъ тогдашней производительной машины; мало этого, этихъ парій древняго міра христіане сажали за одинъ столъ съ господами, и тѣхъ и другихъ одинаково называли братьями, тогда какъ извѣстно было со времени Аристотеля, несмотря на всю проповѣдь стоиковъ, что рабство установленно самой природой и никакого равенства не можетъ существовать между рабомъ и господиномъ, рукой и головой, между орудіемъ, которое создано съ цѣлью работы, и тѣмъ, кто предназначенъ сознательно и властно пользоваться этимъ орудіемъ. Понятія древнихъ, воспитанныя на постоянномъ зрѣлищѣ дикаго гнета и произвола одного класса общества надъ другимъ, свободныхъ надъ рабами, не могли примириться съ мыслью, что у несчастнаго раба есть тоже умъ и сердце, какъ у всякого другого, что это «животное» смѣетъ свободно и самоотверженно любить Того, Кто пришелъ именно «ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ»! «Рабъ и господинъ—

братья»—такова была возмутительнѣйшая соціальная ересь христіанства съ точки зрѣнія античнаго гражданства; и много вѣковъ еще нужно было прожить человѣчеству, прежде, чѣмъ эта ересь стала всѣми признанной, осуществленной на практикѣ истиной [1]).

Исторически ходъ борьбы римскаго государства съ христіанствомъ, этой «наиболѣе опасной» для тогдашняго общества «сектой», сложился слѣдующимъ образомъ. Вначалѣ христіанъ смѣшивали съ евреями; христіане представлялись римлянамъ только одной изъ безчисленныхъ еврейскихъ сектъ, и когда христіане подвергались преслѣдованію еврейскихъ властей, то римское правительство оказывало имъ защиту и покровительство; по составу своему первоначальная христіанская церковь состояла въ значительномъ большинствѣ изъ евреевъ. Первое гоненіе на христіанъ, возникшее при Неронѣ, въ большой степени отразилось и на правовѣрныхъ евреяхъ; это гоненіе, несмотря на свою жестокость, было вызвано случайными причинами и направлено вообще на «атеистовъ и колдуновъ, поджигателей Рима», ненавистныхъ богамъ и людямъ. Всего общественнаго значенія христіанства еще тогда не понимали. Точно также и преслѣдованія при Домиціанѣ были вызваны скорѣе алчностью и жестокостью правителя, нежели яснымъ пониманіемъ христіанства, которое все еще считали еврейской сектой. Только послѣ паденія Іерусалима христіанство рѣзко отдѣлилось отъ еврейства въ глазахъ языческаго міра. Къ этому времени относятся и вполнѣ планообразныя, послѣдовательныя гоненія на христіанъ. Императору Траяну писалъ Плиній, какъ намѣстникъ Виѳиніи: «суевѣріе проникло во всѣ сословія и всѣ возрасты; имъ заражены не только города, но и деревни. Храмы почти покинуты, святые обряды прекращены, жертвенныхъ животныхъ болѣе не покупаютъ». Цезарь въ отвѣтъ на это письмо совѣтуетъ Плинію стараться побѣдить суевѣріе соединеніемъ мягкости и строгости; онъ признаетъ всю нелѣпость прежнихъ обвиненій христіанъ въ противуестественныхъ обрядахъ, жестокостяхъ и преступленіяхъ, но настаиваетъ на одномъ принципѣ: кто отказывается принести жертву богамъ, тотъ повиненъ смерти. И съ точки зрѣнія императора-философа это было вполнѣ ло-

---

[1]) Riffel. Geschichtliche Darstellung des Verhältnisses zwischen Kirche und Staat. Muinz, 1836, стр. 19—23. Maassen в. н. с. стр. 25—26, 30; Niehues в. н. с. стр. 58, 59, 69; Geffcken в. н. с. стр. 63—69.

гично: тутъ дѣло шло не о философскомъ убѣжденіи, не о внутренней религіи, а о гражданской обязанности; и бунтовщики, непризнающіе боговъ, не признавали этимъ самымъ ни власти, ни императора, а слѣдовательно подлежали казни. Не менѣе опасной представлялась римской власти корпоративная организація церкви; кромѣ погребальныхъ обществъ, уже при Траянѣ не допускалось никакихъ другихъ, такъ какъ вообще императоры относились весьма подозрительно ко всякимъ общественнымъ союзамъ и сношеніямъ, въ особенности же внушала опасенія тайная организація христіанской церкви: она, несомнѣнно, послужила поводомъ къ изданію строгаго декрета Траяна противъ тайныхъ недозволенныхъ обществъ (collegia illicita). Адріанъ, почитатель иностранныхъ культовъ, участвовавшій въ философскихъ диспутахъ Александріи, подтвердилъ всѣ декреты Траяна, которые устанавливали уголовное преслѣдованіе всѣхъ лицъ, объявившихъ себя христіанами. Маркъ Аврелій, царствованіе котораго Гиббонъ привѣтствуетъ какъ одну изъ счастливѣйшихъ эпохъ человѣчества, смотрѣлъ на христіанъ, какъ на преступную секту, которая противится государственнымъ законамъ, такъ мудро установленнымъ для блага цѣлаго. Во все это время преслѣдованія не прекращались, хотя и наступали переходы затишья, какъ, напримѣръ, при Антонинѣ Піѣ; но христіанство не было терпимой религіей, и достаточно было исповѣданія: «я христіанинъ», чтобы обречь себя на смерть, ссылку, каторгу.

Во время различныхъ общественныхъ бѣдствій особенно вспыхивало народное раздраженіе противъ христіанъ, такъ какъ ихъ безвѣріе почиталось причиной всѣхъ несчастій. Характерной чертой гоненія на христіанъ во II и первой половинѣ III-го вѣка является то обстоятельство, что оно было направлено на отдѣльныхъ лицъ, какъ на государственныхъ преступниковъ, причемъ къ нимъ примѣнялся по большей части обычный, иногда суммарный порядокъ процесса; правительство христіанъ не искало, но въ случаѣ обнаруженія лицъ христіанскаго исповѣданія предлагало имъ исполнить ихъ государственно-религіозныя обязанности, въ случаѣ отказа оно ихъ наказывало смертью или высылкой. Этотъ типъ преслѣдованія несомнѣнно отличается своимъ послѣдовательнымъ и юридическимъ складомъ и отъ предшествовавшихъ непстовствъ Нерона и отъ послѣдующей политики Декія. Этотъ послѣдній стоялъ на иной точкѣ зрѣнія; онъ былъ искренній и ревностный приверженецъ древне-римской ре-

лигіи и въ своемъ гоненіи христіанъ преслѣдовалъ не только цѣли ихъ уголовнаго наказанія, но и болѣе широкіе планы совершеннаго искорененія и уничтоженія христіанства; это была не только защита существующаго государственнаго порядка, но и положительное нападеніе на церковь; Декій преслѣдовалъ не отдѣльныхъ лицъ, а всю христіанскую общину; его главныя мѣры были направлены именно къ тому, чтобы обезглавить церковь, лишить ее руководителей и пастырей, а остальное стадо насиліемъ, угрозами и пытками возвратить вѣрѣ ихъ предковъ: епископы были схвачены и казнены; имущество выселившихся христіанъ было конфисковано, впервые была примѣнена система изысканныхъ мученій и наградъ для совращенія христіанъ въ язычество, отпавшихъ награждали, а тѣхъ, кто послѣ временнаго отреченія опять исповѣдалъ Христа, казнили смертью. Какъ можно видѣть изъ вышесказаннаго, стихійное звѣрство Нерона, смѣнившееся было формальнымъ уголовнымъ преслѣдованіемъ Траяна, Адріана, Марка Аврелія, воскресло опять въ утонченной и послѣдовательной системѣ Декія; если первый употреблялъ христіанъ вмѣсто факеловъ, а вторые казнили ихъ по закону, то Декій хотѣлъ обратить ихъ къ государственной истинѣ послѣдовательнымъ и холоднымъ истязаніемъ. Валеріанъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, но съ нѣкоторымъ различіемъ: онъ обратилъ все вниманіе на духовныхъ представителей общинъ и на лицъ вообще съ выдающимся положеніемъ, оружіемъ его была попрежнему смертная казнь, изгнаніе, конфискація имущества; собранія христіанъ были запрещены, равно какъ и посѣщеніе святыхъ гробницъ. Послѣ смерти этого цезаря наступилъ опять періодъ затишья. Церковь отдохнула, пополнила свои ряды и приготовилась къ новымъ мученіямъ. При Діоклетіанѣ она приняла послѣдній ударъ и, кажется, самый жестокій и безпощадный изъ всѣхъ уже перенесенныхъ ею; всѣмъ христіанамъ была объявлена смертная казнь, начались массовыя убійства; но истребить всѣхъ христіанъ оказалось невозможнымъ, смерть была замѣнена ихъ изувѣченіемъ. Когда Діоклетіанъ и его соправитель сложили свое достоинство, они думали, что христіанство уничтожено. Но побѣда церкви была близка, и уже въ 311 году былъ изданъ эдиктъ о терпимости Галерія, а въ 318 году знаменитый Миланскій эдиктъ Константина и Лициніа. Христіанство побѣдило язычество. Два вѣка длилась неслыханная, невѣроятная борьба смиренія съ на-

силіемъ, любви съ ненавистью. Цезари, обладающіе божескимъ и человѣческимъ могуществомъ, должны были уступить. Вся ихъ власть разбилась передъ требованіемъ свободы совѣсти христіанъ, потонула въ крови мучениковъ [1]).

Чего же добивались христіане путемъ гиганской борьбы, цѣною двухсотлѣтнихъ мукъ и истзяаній; за какое право отдали они столько жизней, слезъ и страданій?—Это право гарантировалъ имъ Миланскій эдиктъ; право это называется правомъ свободы совѣсти или религіознаго исповѣданія.

Когда святую мученицу Перепетую привели вмѣстѣ съ другими мученицами въ амфитеатръ и хотѣли одѣть ее для большей пышности кроваваго зрѣлища въ языческія жреческія одежды, она воскликнула съ негодованіемъ: «мы добровольно пришли сюда, чтобы сохранить нашу свободу; мы заключили съ вами договоръ: мы отказались отъ жизни, чтобы быть защищенными отъ тѣхъ посягательствъ на нашу свободу, которыя вы теперь на нее дѣлаете [2])».

Тертулліанъ, одинъ изъ первыхъ апологетовъ христіанства, пишетъ: «дѣло человѣческаго права естественной власти, чтобы каждый почиталъ то, что онъ полагаетъ должнымъ; никому не вредитъ и не полезна религія другого—но не дѣло религіи вынуждать религію, которая должна быть принята добровольно, а не по принужденію», «безбожно отнимать свободу религіи и ограничивать свободу избранія божества». Лактанцій, писатель періода гоненій, говоритъ: «въ одной религіи свобода избрала свое обиталище, ибо религія по преимуществу есть дѣло добровольное, и никого необходимость не можетъ заставить почитать то, чего онъ не хочетъ. Пожалуй, можетъ кто-нибудь притворяться, но хотѣть онъ не можетъ». «Ни строгостью, ни лаской, ни насиліемъ, но только вѣрой защищать религію [3]).

---

[1]) Maassen, в. н. с. стр. 35—40; Riffel, в. н. с. стр. 24—33, 38—64; Niehues, в. н. с. стр. 74, 84—86, 111—112, 121—126, 137—157.

[2]) Maassen, в. н. с. стр. 41.

[3]) Переводъ текстовъ, сдѣланный Маассеномъ, а за нимъ и г. Суворовымъ не совсѣмъ точенъ (стр. 41—42). Мы слѣдуемъ латинскому тексту у Вильда в. н. с. стр. 167. „Putatis deos esse quos nos Daemonos scimus, tamen humani juris et naturalis potestalis est unicuique quod putaverit colere: nec alii obest aut prodest alterius religio; sed nec religionis cogere religionem, quae sponte suscipi debet, nec vi; sum et hostiae ab animo libenei expostulitur“ (Тертулліанъ); „Religio sola est in qua libertas domicilium collocavit. Res est enim praeter caeteras volutaria, nec imponi cuiquam necessitas potest, ut colat, quod non vult. Petest aliquid fortitan simulare, non potest velle“ (Лактанцій).

Какъ можно заключить изъ приведенныхъ мѣстъ твореній Тертулліана и Лактанція, внутренняя свобода христіанства оказалась нераздѣльной съ внѣшней свободой его исповѣданія. Пока религіозный процессъ совершается въ душѣ человѣка, никто и ничто не можетъ помѣшать ему; пока вѣра есть внутреннее движеніе души, она есть вопросъ нравственности, а не права; но какъ только необходимымъ результатомъ ея становятся тѣ или другія внѣшнія наружныя дѣйствія, она встрѣчается съ областью права, находитъ въ немъ свое признаніе, или отрицаніе. Поскольку христіанство было закономъ жизни, поскольку въ немъ заключались нормы внѣшняго поведенія, оно должно было провозгласить право свободы религіи, если опо хотѣло остаться вѣрнымъ своей высшей заповѣди и своему небесному владыкѣ.

Миланскій эдиктъ обезпечиваетъ всѣмъ жителямъ имперіи полную свободу религіи. Какъ говоритъ Маассенъ, это была «magna charta» религіозной свободы. Христіанскимъ церквамъ возвращены конфискованныя имущества; каждому было разрѣшено свободно слѣдовать религіи, которую кто избираетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и язычникамъ было предоставлено пользованіе всѣми ихъ прежними правами. Константинъ продолжалъ носить званіе pontifex maximus, именовался по-прежнему «divus» и чеканилъ монеты съ изображеніемъ бога Солнца. Послѣ Миланскаго эдикта христіане могли считать себя удовлетворенными: все, чего они добивались съ такимъ самоотверженіемъ и упорствомъ, все это было имъ дано; довершить побѣду надъ язычествомъ они теперь легко могли своей горячей и свободной проповѣдью, своимъ подвигомъ, на которомъ еще не остыла кровь мучениковъ, и тою силою креста, которая помогла имъ претерпѣть «до конца» время испытаній; церковь вышла изъ этой борьбы крѣпко организованнымъ союзомъ съ широко-развитой самодѣятельностью, ей оставалось продолжать со славой тотъ путь, который она начала два вѣка назадъ. Но церковь стерегло впереди новое испытаніе, ей предстояло пройти передъ соблазномъ мірской власти и могущества; духъ вѣка несъ ей земныя почести и блага, богатство, привилегіи, земные вѣнцы и тіары. Устоитъ ли церковь, утомленная страданіемъ, передъ соблазномъ отдыха и почета, останется-ли она вѣрна принципу свободы совѣсти, который она приняла во время гоненій и

истязаній? Вотъ вопросъ, и отъ этого вопроса, можетъ быть, зависѣли дальнѣйшія судьбы христіанства.

Исторія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Государственная церковь Рима приняла протянутую ей руку свѣтской власти не только для защиты своей правовой свободы, но и для распространенія христіанства и искорененія язычества. Она допустила насиліе въ дѣлѣ религіи и тѣмъ измѣнила своему собственному началу.

ГОНЕНІЕ НА ЯЗЫЧНИКОВЪ И ЕРЕТИКОВЪ ВЪ ХРИСТІАНСКОЙ ВИЗАНТІИ.

Свобода религіи просуществовала недолго. Принципы единой государственной религіи не могли такъ скоро исчезнуть изъ публичнаго строя. Христіанство должно было встать на мѣсто язычества; христіанство должно было сдѣлаться принудительной религіей имперіи, и его исповѣданіе—политической обязанностью гражданъ; отказъ въ исполненіи этой обязанности влекъ за собою инфамію, потерю гражданскихъ правъ, потерю имущества, ссылку, даже смертную казнь.

Какъ могло произойти подобное превращеніе; какъ было возможно, чтобы христіане стали помощниками палачей, чтобы они стали вынуждать религію своего ближняго, они, которые еще такъ недавно подъ ножами убійцъ и истязателей взывали немолчно къ своему святому праву, праву свободы совѣсти? Какъ могло государство найти среди христіанъ одобреніе и помощь своей насильственной религіозной политикѣ?

Еслибы какой-нибудь римскій императоръ I-го или II-го вѣка пожелалъ тогда сдѣлать христіанство государственной религіей, онъ встрѣтилъ бы одно непреодолимое препятствіе: тогда церковь въ дѣлахъ вѣры и духовной жизни не признавала и не допускала никакого принужденія: она еще не была государственной, не была византійской. Церковь первыхъ временъ христіанства была еще до такой степени чиста и духовна, такъ близка была она и по своей внѣшней формѣ къ «царству не отъ міра сего», такъ живо чувствовалось въ ней еще недавнее присутствіе Учителя и Его Апостоловъ, что не могла она допустить никакой формальной, духовной власти, никакихъ выраженныхъ въ буквѣ закона догматовъ, никакого смѣшенія религіи и права. Небольшія общины «избранныхъ» съ такимъ трепетомъ и нетерпѣніемъ ожидали второго пришествія Гос-

подня и окончательнаго, неминуемаго торжества славы, что даже мало и заботились о земной принудительной организаціи церкви. Довольно было того, что у нихъ въ сердцахъ была эта организація. Повторимъ: первоначальное христіанство отвергало всякую принудительную, формальную власть въ дѣлѣ религіи, а потому не могло допустить и никакого государственнаго, принудительнаго христіанства.

Но время шло, все больше и больше уходило въ область преданія то время, когда святой Іоаннъ проповѣдывалъ любовь и любовь на смертномъ ложѣ; все меньше оставалось лицъ, которыя изъ устъ хотя бы учениковъ Христовыхъ могли научить и наставить въ дѣлахъ вѣры; все шире разбрасывались общины христіанъ по лицу извѣстнаго тогда міра, все росло, и увеличивалось ихъ духовное стадо, все болѣе разнообразнымъ становился самый составъ ихъ и по національности и по духовному развитію; стало все труднѣй уберечь истину, приходилось бороться и съ гностиками, и съ іудействующими, и съ монтанистами... нужна была организація, нужно было закрѣпить во внѣшнія формы то, что прежде было предоставлено одной свободѣ, надо было, путемъ ограниченія первоначальной свободы, спасти истину... Съ другой же стороны, «человѣкъ слабъ» и, какъ прекрасно замѣчаетъ Зомъ, онъ, несмотря на всѣ свои христіанскіе задатки, прирожденный врагъ христіанства: великій даръ духовной свободы оказался для него слишкомъ тяжелымъ бременемъ [1]). Естественный человѣкъ боится свободы, «онъ хочетъ остаться подъ закономъ», «онъ требуетъ всѣми своими силами законной, статуарной религіи», онъ требуетъ обязательнаго богослуженія, участіемъ въ которомъ онъ исчерпалъ бы весь свой долгъ передъ Богомъ; онъ требуетъ «храма Богу изъ земного золота и драгоцѣнныхъ камней»; «ученія,— дающаго безпорное изъясненіе всѣхъ божественныхъ тайнъ, приведеннаго въ форму буквы закона, не оставляющаго ни одного вопроса безъ отвѣта», а главное, самое главное, производящаго впечатлѣніе, авторитетнаго, превосходящаго разумъ, покорившаго міръ, чудеснаго и возвышающагося въ широко раскинутыхъ формахъ зданія церковнаго устройства», власть ему нужна и сознаніе, что если онъ слабъ и немощенъ, то сильны духомъ и вѣрой тѣ, кто стоятъ надъ нимъ, кто предстоитъ за него пе-

[1]) Сравни по этому вопросу рѣчь великаго Инквизитора въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго.

редъ Богомъ и молится за его немощную душу; охотно покоряется мірянинъ клиру, ибо знаетъ, что въ нихъ сосредоточились тѣ высшіе дары благодати, которые раньше были удѣломъ всѣхъ христіанъ. Такъ постепенно изъ среды вѣрующихъ выдѣлились клиръ и міряне, такъ изъ среды клира выдѣлялись пресвитеры и епископъ, такъ внутренніе дары благодати получили внѣшнее выраженіе въ различныхъ дарахъ священства, и во главѣ общины стала духовная іерархія людей особенно выдающихся святою жизнью и даромъ учительства, а міряне получили въ іерархіи не только пастырей, но и духовныхъ начальниковъ; надо ли говорить, что скоро, особенно въ западной католической церкви, юридическая организація не заставила себя ждать, и элементъ права скоро слился съ элементомъ религіи, и далъ то, что принято называть каноническимъ или церковнымъ правомъ, что покорность духовной власти стала въ средѣ самой церкви требоваться не только въ силу добровольнаго согласія вѣрующаго, но и по праву, что дарованіе церковной должности стало совершаться въ силу такого же права епископа, что сами церковныя законоположенія получили обязательную принудительную силу для вѣрующихъ, опять-таки въ силу велѣній права? Это все является вполнѣ естественнымъ и законнымъ ходомъ внѣшняго развитія церковнаго права, ибо съ введеніемъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ формальныхъ, обязательныхъ для вѣрующихъ признаковъ благодати и истины этимъ самымъ, съ одной стороны, придавалась цѣльность, крѣпость и законность всему церковному зданію, съ другой же—неизбѣжно вводился юридическій, правовой элементъ туда, гдѣ прежде царило одно лишь—въ буквальномъ смыслѣ слова—поклоненіе въ духѣ и истинѣ.

Когда Константинъ впервые гарантировалъ христіанству и церкви сначала свободу, а потомъ и положеніе принудительной государственной религіи, она уже прошла основныя степени своей «католизаціи». Вѣроученіе было во многихъ частяхъ уже догматизировано, и было съ формальной стороны обязательно для вѣрующихъ. Христіане, этотъ «народъ Божій, это тѣло Христово, получили опредѣленное, правовое, епископское устройство», массы вѣрующихъ были подчинены духовному начальству; въ нѣкоторыхъ частяхъ церкви уже началось дальнѣйшее объединяющее церковь развитіе епископата. Однимъ словомъ, начала правового принужденія ради Христа

и ради спасенія были уже налицо и нуждались только въ дальнѣйшемъ толчкѣ для того, чтобы перейти изъ области церковной въ область политическую, получить санкцію верховной власти и совершенно превратиться въ нормы государственнаго правопорядка [1]).

Въ то же самое время римское государство до крайности нуждалось въ обновленіи и возрожденіи своихъ религіозно-нравственныхъ началъ: сила язычества изсякла; культъ императоровъ растворился въ общемъ пантеонѣ чуждыхъ другъ другу національныхъ боговъ, христіанство отняло послѣдній ореолъ божественности у жалкихъ обитателей капитолія, вѣра въ боговъ была убита, сами боги стали предметомъ насмѣшекъ или поруганія; казалось, съ древней религіей грозили рушиться и послѣдніе останки былой гражданской доблести и нравственной силы. Деморализація была полнѣйшая; развратъ, продажность, невѣроятнѣйшіе пороки водворились теперь тамъ, гдѣ до послѣдняго времени еще сохранились слѣды былого величія и былой добродѣтели.

Тщетны были старанія послѣднихъ языческихъ императоровъ вдохнуть новую жизнь въ уже умирающее тѣло древняго богопочитанія; никакими преслѣдованіями христіанъ, никакими строгостями и указами нельзя было воскресить то, что уже погибло безвозвратно. «Желать поставить прочно дѣло, само по себѣ гнилое и ложное», замѣчаетъ по аналогичному поводу одинъ христіанскій мыслитель, «есть столь же напрасный трудъ, какъ желать опрокинуть дѣло само по себѣ истинное и сильное». Античный міръ доживалъ свои послѣдніе дни: умеръ, умеръ великій Панъ!

Но римское государство нуждалось въ большемъ, нежели простомъ оздоровленіи нравственной жизни народа: ему нужна была религія для завершенія его грандіозныхъ проектовъ, его царственной мечты; шагъ за шагомъ шло развитіе имперіи, она покорила своей власти всѣ тогдашніе народы и создала пантеонъ, она поставила надъ всѣмъ государствомъ единаго владыку-цезаря и воздвигла храмы человѣко-богу; но пантеонъ опустѣлъ, и храмы рушились, а послѣдняго завершенія ея

---

[1]) Прекрасно этотъ процессъ изложенъ у Sohm'a, см. его Kirchengeschichte, ein Grundriss; achte Auflage, Leipz. 1893, стр. 25 — 36. Его же Kirchenrecht, B. I, Geschichtlichen Grundlagen 1892, Leipz., стр. 157 и далѣе.

міровое зданіе еще не получило: цезарь и имперія не были еще слиты въ одинъ организмъ, не жили еще одной жизнью, не были одушевлены одной идеей. Имперія переросла политеизмъ, и новая эпоха ея развитія уже не находила въ немъ ни нравственной поддержки, ни религіознаго освященія; государство было словно механизмъ безъ двигателя,—словно статуя Галатеи до оживленія. А для того, чтобы вдохнуть и оживить эту исторически сложившуюся форму, захватившую и загромоздившую полъ-міра, нужна была и идея грандіозная, столь же универсальная, какъ и самая форма, столь же единая, какъ власть кесарей, наконецъ, настолько мощпая, чтобы она могла внести послушаніе, цѣлостность и силу во всѣ члены политическаго организма.

Такой идеей могло быть только государствомъ принятое католическое христіанство. Уже Діоклетіанъ чувствовалъ, что безъ единой религіи, безъ единаго всепроникающаго духовнаго цемента не можетъ долго устоять преобразованное имъ государство; подобно Траяну и Декію, искалъ онъ этой силы въ сторонѣ, въ язычествѣ — и ошибся; онъ не принялъ во вниманіе двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, съ появленіемъ христіанства религіозныя требованія человѣка неизмѣримо повысились, а во-вторыхъ, религіи древнихъ носили характеръ и національный и внѣшній, а слѣдовательно внутренняго объединенія государства дать не могли. Великій Константинъ избралъ другой путь; еще юношей онъ ознакомился съ христіанствомъ и христіанами; во время своей жизни и дѣятельности онъ выучился цѣнить и христіанъ и христіанскаго Бога; три раза въ жизни судьба его была поставлена на карту; въ эти критическіе моменты онъ искалъ помощи, именно, Бога христіанъ, и получилъ ее. Эта какъ-бы военная помощь въ битвѣ, кажется, сильно подѣйствовала на тогда еще не просвѣтленнаго крещеніемъ цезаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ скоро оцѣнилъ и всѣ политическія выгоды, которыя могло ему доставить христіанство, какъ писалъ онъ къ Александру, епископу Александрійскому: «эта перемѣна въ религіи вызоветъ другую въ управленіи имперіей»; и дѣйствительно, признанное и привилегированное христіанство могло оказать имперіи неисчислимыя услуги.

Во-первыхъ, христіанство, какъ чистѣйшая форма монотеизма, давала такое единство вѣры и богопочитанія, котораго

до сей поры не зналъ еще міръ: Богъ христіанъ не допускалъ никакихъ другихъ боговъ, кромѣ Себя, и христіане принципіально, въ силу основной заповѣди своей вѣры, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, служили единому Божеству, жили единой жизнью, одной истиной. Во-вторыхъ, это была религія вселенская, космополитическая—она одна обладала способностью привлекать къ себѣ сердца «съ невѣдомою силой», и подъ ея кровъ одинаково стекались люди и съ запада, и съ востока, и изъ свѣтлой мраморной Эллады, и изъ лѣсовъ далекой Галліи; ей было обѣщано покорить міръ проповѣдью Евангелія, и передъ ея словомъ умолкали всѣ племенныя, національныя, классовыя предубѣжденія и предразсудки. Въ служеніи единому Богу она могла объединить всѣ сословія, племена и народы. Наконецъ, въ-третьихъ, за исключеніемъ дѣлъ вѣры и христіанской совѣсти, во всемъ остальномъ это была религія смиренія, религія послушанія и покорности; она проповѣдывала почитаніе предержащей власти «за совѣсть», освящала эту власть высшимъ, божественнымъ призваніемъ, она укрѣпляла долгъ подданнаго нравственной заповѣдью. Однимъ словомъ, налагая на представителей власти извѣстныя ограниченія, она вмѣстѣ съ тѣмъ скрѣпляла подданнаго съ его государемъ такими крѣпкими узами любви и преданности, которыхъ не могли создать ни культъ императоровъ, ни, тѣмъ болѣе, обаяніе личности и могущества кесарей.

Съ другой же стороны, надо замѣтить, что само церковное устройство христіанъ не только не могло внушить Константину опасеній, но, наоборотъ, могло навести его на мысль воспользоваться церковью, какъ орудіемъ, для того, чтобы «поднять на ноги удрученное тяжкою болѣзнью государство»; католичество было тогда еще только въ начальной стадіи развитія, право еще не поглотило религіи, а папство только готовилось къ будущей великой роли; «разрозненные или соединенные слабой связью метрополій, епископы», говоритъ Ленингъ, «не могли оказать государственной власти никакого политическаго сопротивленія», напротивъ того, «признаніемъ христіанства, привилегіями и дареніями, которыя были сдѣланы церкви, императоры думали пріобрѣсти новые подходящіе органы для того, чтобы вліять на населеніе и обезпечить себѣ безусловное повиновеніе и вѣрность подданныхъ». Іерархія была еще слишкомъ слаба, чтобы претендовать на политическую само-

стоятельность, но уже была достаточно сильна, чтобы при помощи государства превратить свою власть надъ душами и во власть надъ тѣлами.

Наконецъ, не можемъ не упомянуть еще одного обстоятельства, которое говорило безусловно въ пользу христіанства. Государству нужны были честные и мужественные люди, страна буквально задыхалась подъ бременемъ хищничества, кривосудія, интригъ, дикаго произвола: надо было освѣжить нравственную атмосферу страны, надо было найти новыхъ людей иныхъ взглядовъ и принциповъ, нежели всѣ эти грабители, бунтовщики и тираны, и въ этомъ отношеніи христіане вполнѣ удовлетворяли кесаря — по сравненію съ язычниками, они стояли неизмѣримо выше въ нравственномъ отношеніи [1]).

Итакъ, почва была подготовлена, церковь жаждала завершенія своей догматической работы и своей правовой организаціи, государство нуждалось въ нравственномъ одухотвореніи своего строя и въ духовной власти надъ подданными; эти два теченія должны были встрѣтиться и сойтись, церковь должна была стать государственной, а государство—духовнымъ, жертвой этого союза должна была пасть свобода совѣсти, ибо понятіе государственной церкви и понятіе свободы совѣсти взаимно другъ друга исключаетъ.

Церковь дѣйствительно получила отъ государства все, чего только она тогда могла желать; ей въ изобиліи были присвоены свѣтской властью тѣ аттрибуты принужденія, матеріальныхъ благъ и привилегій, которые не только доставили полное признаніе ея канонической организаціи, но и дали возможность съ успѣхомъ продолжать начатое дѣло. Она получила высшій вселенскій органъ духовнаго законодательства—вселенскій соборъ, и постановленія этого собора, по утвержденіи ихъ императоромъ, имѣли силу законовъ имперіи; въ этой формѣ, формѣ велѣній положительнаго права, отнынѣ обнародовались и догматы вѣры, и нравственно-религіозныя требованія, и чисто-юридическія постановленія церкви; такимъ образомъ религія, нравственность и право смѣшивались безъ всякаго разбора въ одну общую массу законовъ, и подданные должны были отнынѣ вѣрить въ Бога и церковь не только потому, что этого требовали

---

[1]) Maassen, в. н. с. стр. 44—47; Niehues, в. н. с. стр. 153—156, 183—198; Riffel, в. н. с. стр. 76—83. Loenig Geschichte des deutschen Kirchenrechts, B. I, Strassburg. 1878, стр. 20—42; Geffcken, в. н. с. стр. 83—87.

ихъ разумъ и сердце, не только потому, чтобы они признавали нравственный авторитетъ вселенскаго собора, а потому, что такъ повелѣвалъ императоръ. Свобода совѣсти была, само собою разумѣется, этимъ уничтожена. Но этого мало: сами епископы получили новое значеніе и силу; кромѣ признанія ихъ прежнихъ церковно-дисциплинарныхъ функцій, за ними теперь были признаны такія права въ уголовной и гражданской юрисдикціи, такая степень публично-правового вліянія, что положительно всякій гражданинъ былъ опутанъ сѣтями своей юридической зависимости отъ епископа, и не смѣлъ ни думать, ни чувствовать иначе, чѣмъ повелѣвалъ ему епископъ. Какъ видимъ, это не только полное повтореніе древне-римскихъ порядковъ, но даже ихъ превосходная степень, ибо тамъ религіозная и свѣтская власть все-таки не была такъ сосредоточена въ близкіе къ населенію и объединенные центры духовнаго и полицейскаго управленія, какъ здѣсь въ лицѣ епископовъ. Но и этого еще мало: въ распоряженіе епископовъ была оставлена цѣлая масса широко развѣтвленнаго клира, духовенство было снабжено важными привилегіями и иммунитетами, и въ распоряженіе епископовъ были даны громадныя богатства. Привилегіями и дареніями въ сущности была организована дѣйствующая армія духовенства. Свобода отъ личныхъ, государственныхъ повинностей, свобода отъ платежа поземельныхъ налоговъ (munera sordida) и всѣхъ экстренныхъ сборовъ и даже—нѣкоторое время—свобода отъ платежа торговыхъ пошлинъ,—все это привлекало въ составъ клира множество лицъ, которыя тѣмъ желали избавиться отъ невыносимаго фискально-полицейскаго гнета, лежащаго на всемъ остальномъ населеніи. Съ другой же стороны, не малой притягательной силой духовной службы была и возможность клира пользоваться весьма значительными богатствами, находящимися въ распоряженіи церкви. Дѣйствительно, вначалѣ бѣдная, церковь скоро получила весьма значительное приращеніе своего имущества: къ ней перешли языческіе храмы со всѣмъ ихъ богатствомъ, ей были переданы церкви и мѣста собраній еретиковъ, она получила часть въ имуществѣ отдѣльныхъ еретиковъ, ей были сдѣланы значительные дары со стороны императоровъ, наконецъ, былъ открытъ изобильный и постоянный притокъ пожертвованій въ видѣ завѣщаній, легатовъ, фидеикомиссовъ, дареній со стороны частныхъ лицъ, которыя этимъ путемъ—иногда не безъ давленія духовной власти—же-

лали обезпечить себя молитвами церкви, а ее саму и клиръ— одарить для безпрепятственнаго руководства дѣломъ спасенія. Само собою разумѣется, что имущества церкви были снабжены тѣми же финансовыми привилегіями и иммунитетами, какъ и отдѣльные ея члены, а слѣдовательно, ничего, кромѣ ординарныхъ налоговъ, не платили. Такимъ образомъ, въ рукахъ епископовъ были не только люди, но и богатыя денежныя средства; что же касается самого управленія клиромъ и церковными средствами, то первый, благодаря церковной дисциплинѣ и власти епископа, былъ послушнымъ орудіемъ, а вторыя, согласно канонамъ, были ввѣрены почти полному распоряженію епископа. Итакъ, у епископа была своя армія и свои средства. Но ей еще не доставало единства организаціи; нельзя было оставить въ распоряженіи отдѣльныхъ епископовъ и временно засѣдающаго собора всѣ эти громадныя силы; нужны были постоянные духовные центры, которые бы объединили отдѣльныхъ епископовъ въ болѣе широкіе союзы и своей властью придали болѣе централизаціи и гибкости всей іерархической машинѣ; и вотъ надъ епископами выростаетъ цѣлый рядъ промежуточныхъ властей, сходящихся въ одномъ центрѣ, цѣлая лѣстница полугосударственныхъ полу-церковныхъ начальствъ, которыя во время Византіи еще не успѣли, правда, сложиться въ единый союзъ іерархіи подъ главенствомъ единаго папы, но все же были значительнымъ объединяющимъ аппаратомъ духовной власти подъ главенствомъ кесаря. Этимъ оканчивалась въ извѣстной степени организація боевыхъ силъ церкви, и она стояла, какъ готовая къ битвѣ армія, подъ предводительствомъ своихъ вождей, во всеоружіи всѣхъ средствъ государственнаго принужденія, публично-правового могущества, даже матеріальнаго богатства. Византійско-римская церковь достигла своей цѣли: ея право стало государственнымъ правомъ; ея законъ—государственнымъ закономъ, ея власть—государственной властью. Она не только догматизировала истины вѣры, но и получила уголовную санкцію догматамъ, она не только стала духовно-нравственнымъ союзомъ, но и могущественной публично-правовой корпораціей [1]). Но за всѣ полученныя церковью права и преимущества,

---

[1]) Riffel, в. н. с. стр. 114—121; 144—152; 155—168; 183—271. Loening, в. н. с. стр. 168—174; 191—194; 195—233; 234; 255—262; 284, 289, 289—313, 314—331, 362; 376. Sohm Kirchengeschichte, стр. 39, 48—49. Geffcken, в. н. с. 80—88. Maassen, в. н. с. стр. 52—53.

она должна была заплатить дорогой цѣной; государство, надѣляя церковь привилегіями, въ обмѣнъ за нихъ взяло ея самостоятельность и свободу.

Прежде всего должны были воскреснуть языческіе порядки: «jus sacrum» опять вошло въ составъ «jus publicum», императоръ, переставъ быть «pontifex maximus» и поклонникомъ Юпитера Капитолійскаго, сталъ христіанскимъ царемъ, архіереемъ (ἀςχιερεὸς βασιλευς), «верховнымъ епископомъ для внѣшнихъ дѣлъ церкви», «побѣдителемъ на войнѣ» и «учителемъ вѣры», орудіемъ Божіимъ, которому,—по словамъ Папы Льва,—присущъ не только священническій, но и апостольскій духъ; немудрено поэтому, что цари, хотя и потеряли прежніе священные, языческіе титулы и права, теперь вполнѣ удовлетворились своей христіанской компетенціей въ дѣлахъ вѣры и совѣсти; не даромъ, воскликнулъ еще Константій: «что я рѣшаю, то и будетъ закономъ». Такъ дѣйствительно и было. Церковь должна была допустить императора въ свое «святое святыхъ», и мы видимъ, какъ византійскіе кесари не только созываютъ вселенскіе соборы, и утверждаютъ ихъ рѣшенія, но и сами самостоятельно издаютъ обязательные для государства догматы вѣры, не только утверждаютъ избранныхъ епископовъ, но и сами избираютъ и назначаютъ іерарховъ, наконецъ, не только осуществляютъ надзоръ за церковнымъ управленіемъ, но и сами вмѣшиваются въ него и при томъ по всѣмъ его частямъ и отдѣламъ. Правда, церковь была еще слишкомъ сильна, чтобы стать, въ полномъ смыслѣ слова, слугой государства, но подчиненіе ея свѣтской власти было настолько сильно, а самостоятельность ея въ такой степени основывалась только на фактическихъ отношеніяхъ, что старый принципъ государственнаго верховенства въ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ царилъ невозбранно, и церковь была, если не рабыней, то, во всякомъ случаѣ, покорной слугой государства [1]).

Итакъ, царство и священство соединились, церковь отдала свою свободу за земное могущество и власть, за земное и скорѣйшее воплощеніе царства не отъ міра сего, государство, ставши христіанскимъ, пріобрѣло новое религіозное освященіе, и за предоставленныя церкви земныя права и выгоды получило отъ нея власть духовную надъ вѣрою и совѣстью своихъ под-

[1]) Loening. в. н. с. стр. 64—79. Riffel. в. н. с. 480—482. Maassen. в. н. с. 53—54, 62—64.

данныхъ. Взаимный обмѣнъ совершился, церковь стала мірской, государство—церковнымъ; гармонія и единство водворились между этими двумя силами. Но главная цѣль еще не была достигнута: хоть и была государственная религія, но массы народа жили еще внѣ ея, хоть и была государственная церковь, но многіе христіане отвергали ея духовную власть; было христіанское государство, но среди многихъ христіанъ подымались голоса, отвергающіе смѣшеніе религіи и права, духовнаго и мірского. Однимъ словомъ, принципъ объединенія былъ провозглашенъ; государство и церковь объединились, но населеніе, этотъ трудящійся, мыслящій и чувствующій фундаментъ государства, эта живая масса человѣческихъ существъ, это море человѣческихъ воль,—еще не было объединено, еще не было охвачено, какъ закваской, государственной религіей, еще представляло изъ себя неорганизованный конгломератъ семей, племенъ, народовъ, классовъ общества и т. д. Но менѣе всего она представляла изъ себя единую и духовную организацію отдѣльныхъ индивидовъ, которой такъ жаждала и церковь и государство; надо было еще рушить всѣ старыя національныя и языческія стѣны и спайки, чтобы добраться до каждой отдѣльной личности, надо было разбить ту крѣпость, которая еще скрывала человѣка отъ абсолютной власти, и этого индивида, эту уединенную, разрозненную личность нужно было непосредственно связать съ цѣлымъ государствомъ самыми крѣпкими и страшными узами, узами религіи, вѣры, страхомъ вѣчной погибели и надеждой вѣчнаго блаженства. Насиліе здѣсь было нужно для созиданія новаго земного царства Божія, а вѣрующій былъ нуженъ для нравственной кабалы государству. Цѣль воистину грандіозная, но, какъ мы уже видѣли выше, именно такого объединенія должны были искать цезари, чтобы спасти имперію, такого объединенія искала церковь, чтобы осуществить мечту своего земного величія, чтобы соединить подъ сѣнью, согласно обѣтованію, «всѣ народы». Для этой цѣли, ради ея возможно скорѣйшаго достиженія—надо ли говорить—ни тогдашняя церковь, ни государство въ средствахъ не стѣснялись; гдѣ можно—лаской, гдѣ нельзя—силой; духъ христіанства, горная проповѣдь, самъ распятый Христосъ, Его послѣдняя бесѣда съ учениками передъ предстательствомъ, Его заповѣди и завѣты, все Его дивное, проникнутое чистѣйшимъ духомъ божественной любви, ученіе,—все было забыто, была одна цѣль—единство, а чѣмъ это един-

ство покупалось — никого не интересовало; напротивъ того, даже духъ какой-то кровожадности и страсти разрушенія дышетъ въ воззваніяхъ и рѣчахъ нѣкоторыхъ «правовѣрныхъ» писателей: вспомнимъ хотя бы знаменитаго въ своемъ родѣ ритора Фирмика Матерно—его воззваніе поистинѣ чудовищно!

«Это печальная, но, къ сожалѣнію, богато исписанная страница исторіи, говоритъ Вильда, «которая разсказываетъ намъ, какъ религія», коей любовь есть высшая заповѣдь, и которая должна была объединить все человѣчество въ одномъ великомъ союзѣ братства, послужила къ тому, чтобы возбудить жесточайшую ненависть именно между тѣми, кто исповѣдывалъ имя Христа, вызвать самыя тяжкія преслѣдованія, зажечь пламя самыхъ кровавыхъ и опустошительныхъ войнъ» [1]).

Итакъ, борьба началась; съ одной стороны былъ могущественный союзъ государства и церкви, съ другой—воля и убѣжденіе личности. Опять начались гоненія. Опять началась борьба за свободу вѣры, свободу исповѣданія.

«Принципы Миланскаго эдикта были нарушены уже самимъ Константиномъ, когда было опредѣлено наказаніе за переходъ изъ христіанства въ іудейство. Послѣ паденія Лициніа, началась формальная война противъ язычества; языческимъ проконсуламъ было приказано праздновать должнымъ образомъ церковные праздники, языческія жертвы оставить, постройка языческихъ храмовъ воспрещена, многіе уже существующіе храмы со всѣми доходами отданы христіанамъ, другіе оставлены на естественное разрушеніе, при чемъ изданы распоряженія для ускоренія этого процесса, статуи изъ золота и серебра были расплавлены въ слитки, а въ поиски за ними были посланы христіанскіе сыщики, которые,—если современный церковный историкъ Евсевій не преувеличиваетъ,—съ великимъ издѣвательствомъ и насмѣшкой заставили языческихъ священниковъ доставить ихъ изъ своихъ святилищъ и передать имъ» (Маассенъ). Общаго воспрещенія языческихъ жертвъ и культа, однако, еще не было.

Къ преемникамъ Константина христіанскій писатель обращается уже съ такими словами: «Водружайте знамя вѣры. Вы составляете предметъ зависти. Богъ сдѣлалъ Васъ участниками Своей славы и Своей воли. Христосъ поручилъ Вамъ истребленіе идолослуженія и разрушеніе храмовъ... Итакъ,

[1]) Wilda, в. н. с. стр. 169—170.

прочь, долой это украшеніе храмовъ,—въ монету или въ печь этихъ боговъ! Послѣ уничтоженія храмовъ сами вы будете возвеличены силою Божіей!—Вы побѣдили враговъ и увеличили государство. Закономъ Божіимъ заповѣдано Вамъ преслѣдовать преступленіе идолослуженія всевозможнымъ образомъ. Онъ предписываетъ не щадить ни сына, ни брата, и разрушать цѣлые города, если они предаются этому пороку». Такъ говоритъ христіанинъ Фирмикъ Матернъ въ своемъ сочиненіи «De errore profanarum religionum» и не смущался напоминать цезарямъ, именемъ Христа, поучительные примѣры опустошенія Ханаана евреями и преслѣдованія идолопоклонства еврейскими ветхозавѣтными царями. И мѣры преслѣдованія язычества не замедлили. Уже въ 341 году императоромъ Констанціемъ было издано запрещеніе приносить жертвы богамъ, нѣсколько лѣтъ спустя, указомъ обоихъ императоровъ, Констанція и Констанса, было повелѣно закрыть всѣ языческіе храмы и, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, было окончательно запрещено приношеніе жертвъ; черезъ нѣсколько лѣтъ Констанцій еще разъ подтвердилъ эти тяжелыя наказанія за «безуміе жертвъ». Но язычество было еще сильно, а преслѣдованіе со стороны христіанъ сообщило ему еще новую силу, ибо гонимая религія всегда получаетъ нравственный ореолъ, особенно религія предковъ, религія сѣдой старины:—и «храмъ разрушенный все храмъ, кумиръ поверженный все богъ»—даже еще болѣе богъ, чѣмъ былъ прежде, таковъ законъ души человѣческой: сердце не выноситъ принужденія! Язычество держалось крѣпко за свою старину, и законы имперіи долгое время оставались мертвой буквой, особенно на западѣ. Констанцій долженъ былъ уступить, и въ Римѣ, выступивъ въ качествѣ Pontifex Maximus», подтвердилъ привилегіи весталокъ и издалъ особый законъ о выборѣ верховнаго жреца провинціи Африки! О принудительномъ обращеніи въ христіанство еще не было и рѣчи. Съ другой же стороны, первый опытъ христіанства, въ качествѣ единой государственной религіи принесъ за собою такое горькое разочарованіе въ этой религіи, духа и истины, что при Юліанѣ, этомъ романтикѣ язычества, опять государство возвратилось къ прежнимъ гонимымъ, обреченнымъ на гибель богамъ. Опять были открыты заколоченные храмы, опять приносились изобильныя жертвы; само язычество восприняло много лучшихъ чертъ христіанства, а неоплатонизмъ сообщилъ ему

мистическое освященіе; но у язычества не было уже прежней силы, и оно должно было исчезнуть. Нужно отдать, однако, полную справедливость языческому цезарю: ни общаго прекращенія христіанскаго богослуженія, ни смертной казни за участіе въ немъ Юліанъ-отступникъ не повелѣвалъ, и если онъ устранилъ христіанъ отъ публичныхъ должностей, а церковь лишилъ ея привилегій, то это было сдѣлано на томъ же самомъ основаніи, по которому раньше язычники не пользовались этими привилегіями: христіанство болѣе не было государственной религіей. Что же касается того народнаго суда, который, особенно въ Азіи, избралъ своей жертвой христіанъ и церковь, то развѣ не ужаснѣе въ тысячу разъ, что, при господствѣ государственнаго христіанства, не язычники, а также и священники, предводительствовали народными толпами и предавали дикой расправѣ язычниковъ и ихъ святыни? Но періодъ безплодной реакціи Юліана кончился съ его смертью, а съ нимъ вмѣстѣ погибла и послѣдняя попытка сдѣлать государство языческимъ. Опять воцарились христіанскіе императоры: Іовіанъ, потомъ Валентіанъ и Валенсъ, но законовъ Констанція и Констанса они не возстановили; слишкомъ еще свѣжи были въ памяти уроки Юліана, и христіане остерегались быть нетерпимѣе и насильственнѣе язычниковъ. Наступили опять времена свободы совѣсти и исповѣданія. Второй разъ, такимъ образомъ, вспыхнула чистая заря христіанской свободы въ исторіи Византіи и опять не надолго. Опять мракъ нетерпимости и фанатизма долженъ былъ затушить ее; но при Валентіанѣ, наиболѣе послѣдовательнымъ образомъ, были проведены принципы Миланскаго эдикта, и, удивительное дѣло, именно, «въ царствованіе Валентіана», говоритъ Маассенъ, «имѣли мѣсто многочисленныя обращенія въ христіанство». Не яркое ли это доказательство того, что истина и любовь побѣждаютъ гораздо скорѣе и вѣрнѣе тамъ, гдѣ имъ не сочувствуетъ ни тюрьма, ни мечъ, что Евангеліе сильнѣе само по себѣ всѣхъ мѣръ государственнаго принужденія? Но этотъ свѣтлый промежутокъ византійской религіозной политики скоро опять смѣнился временами тяжелаго религіознаго гнета.

Уже Граціанъ формально порвалъ съ язычествомъ, лишилъ весталокъ привилегій, конфисковалъ имущества языческихъ храмовъ и ограничилъ имущественныя права храмовъ. Статуя побѣды была навсегда удалена изъ зала римскаго Сената. Восточный соправитель Граціана, а послѣ его смерти и единодер-

жецъ имперіи Ѳеодосій, пошелъ еще дальше. Онъ возстановилъ законы Констанція, принесеніе въ жертву животныхъ наказывалъ, какъ государственное преступленіе; было запрещено не только публичное идолослуженіе, но и домашнее—передъ ларами и пенатами, принесеніе въ жертву ѳиміама наказывалось конфискаціей дома или земельнаго участка, гдѣ преступленіе совершалось. За менѣе важныя преступленія противъ вѣры были назначены денежные штрафы, которые грозили также и чиновникамъ, нерадивымъ въ исполненіи закона. Смертная казнь, конфискація, денежные штрафы—таковы были орудія обращенія язычниковъ въ христіанство при Ѳеодосіѣ; и параллельно съ увеличеніемъ религіознаго гнета увеличивалось и число лицъ, которыя отрекались отъ христіанства и возвращались къ своимъ старымъ богамъ. Государство должно было принять мѣры противъ вѣроотступничества, апостаты были лишены права совершать завѣщанія, а завѣщанія умершихъ апостатовъ были объявлены недѣйствительными; позднѣе у вѣроотступниковъ было отнято даже право наслѣдовать по завѣщанію, если только завѣщатель не былъ отцомъ, матерью или братомъ наслѣдника. Наконецъ, за апостазію было назначено гражданское безчестіе, но и это не помогало,—язычество еще держалось; на западѣ имперіи въ концѣ IV-го и началѣ V-го вѣка еще совершались жертвоприношенія, раздавались священные гимны богамъ, устраивались ритуальныя процессіи и танцы; многія важнѣйшія должности государства были въ рукахъ язычниковъ.

Тогда на поле битвы были вызваны толпы христіанской черни, и началась уличная партизанская война: храмы и священныя изображенія язычниковъ предавались огню и мечу, дома и виллы богатыхъ язычниковъ подвергались разграбленію, то, что не были въ силахъ исполнить государственные чиновники, брали на себя нафанатизированныя толпы христіанъ. и «подобно тому какъ», говоритъ Маассенъ, «во времена Марка Аврелія и Септимія Севера неблагосклонность стихій ставилась въ вину христіанамъ, такъ теперь природа измѣняла свои законы въ наказаніе за безбожіе язычниковъ». Весна отказывала въ своихъ обычныхъ дарахъ; лѣто скудною жатвою обманывало земледѣльца въ его надеждахъ; непомѣрная суровость зимы облекала поля непроницаемымъ холоднымъ покровомъ и разрушало ихъ плодородіе»,—за все должны были отвѣтить язычники, ибо «величество Божіе должно было быть умилостивлено наказа-

ніемъ язычниковъ». И христіанскіе писатели и епископы, увы, весьма мало противодѣйствовали этимъ народнымъ походамъ, а великій учитель церкви, который въ одномъ своемъ сочиненіи краснорѣчиво защищалъ свободу вѣры, не удержался отъ письменнаго поощренія финикійскихъ монаховъ къ дѣлу насилія и разрушенія. Другой великій отецъ западной церкви, Августинъ, пишетъ по поводу уголовныхъ взысканій съ язычниковъ: «кто изъ насъ и кто изъ васъ не хвалитъ законовъ, изданныхъ императорами противъ жертвъ язычниковъ, — законовъ, угрожающихъ этому безбожію смертною казнью?»

При такомъ одобреніи отцами церкви насильственныхъ мѣръ противъ невѣрныхъ, какъ было возможно, чтобы простой народъ, особенно городская чернь, удержался отъ соблазна потѣшить свою душу горемъ ближняго и не выместилъ бы своего недавняго униженія на алтаряхъ, имуществѣ и личности нечестивцевъ? Какъ было имъ помнить о Христѣ, когда о немъ забыли и мудрые и святые? И дѣло неистовства народныхъ массъ дошло до того, что сами императоры принуждены были остановить излишнее рвеніе черезъ-чуръ усердствующихъ подданныхъ, запретили дальнѣйшую работу народнаго разрушенія, и объявили всѣ языческія святилища собственностью государства; послѣ этого уже государственные коммиссары, по порученію правительства, совершали дѣло уничтоженія языческихъ святынь, и стихійное буйство черни этимъ было по крайней мѣрѣ ослаблено.

Правительство, въ свою очередь, продолжало дѣло сокрушенія язычества; храмовыя имущества конфискованы, общества, стоящія въ связи съ древнимъ культомъ, запрещены, язычники лишены права занимать государственныя должности; почти всѣ возможныя мѣры запрещенія и отрицанія язычества были приняты, всѣ средства косвеннаго принужденія къ принятію христіанства были примѣнены, но все еще гражданинъ могъ не быть христіаниномъ, могъ никому не молиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ не молиться и христіанскому Богу. Но скоро и этотъ слабый признакъ религіозной свободы долженъ былъ исчезнуть: государство уже готовилось перейти къ прямому *вынужденію вѣры* и, дѣйствительно, устами Ѳеодосіева кодекса потребовало отъ каждаго подданнаго обязательнаго исповѣданія государственной религіи подъ страхомъ лишенія гражданскихъ правъ, а всѣхъ, кто еще продолжалъ молиться старымъ богамъ, осу-

дило на смерть. Епископы и всѣ вѣрующіе были теперь призваны слѣдить за исполненіемъ всѣхъ этихъ постановленій; такимъ образомъ, на нихъ были возложены своего рода полицейскія обязанности по наблюденію за исповѣданіемъ гражданъ, и по ихъ доносамъ люди лишались имущества, а иногда и жизни [1]).

«Итакъ, римское государство изъ насильственнаго притѣснителя христіанской религіи сдѣлалось насилователемъ язычества». «Во имя того самаго христіанства, которое отвергаетъ и гнушается принужденія совѣсти, язычники должны были посредствомъ наказаній принуждаться къ принятію христіанства». «Въ какомъ отдаленномъ уголкѣ очутились сочиненія христіанскихъ апологетовъ, у которыхъ можно было читать, что вынуждать религію противорѣчитъ существу религіи, и что нѣтъ ничего, что въ такой степени было бы дѣломъ свободной воли, какъ религія» [2])? Но римское государство надъ подобными вопросами не останавливалось, надо было раздавить язычество и на его мѣсто водворить христіанство, такъ и поступили, надо было одну государственную религію замѣнить другою, такъ и сдѣлали, а ослушниковъ и непокорныхъ казнили; здѣсь дѣло шло не о христіанствѣ, а о духовно-политическомъ объединеніи гражданъ, не о религіи, а о политикѣ. И государство, въ общемъ, своей цѣли достигло: язычество вымирало съ каждымъ годомъ все больше и больше, на востокѣ удалось почти совсѣмъ задушить языческую партію; только въ Римѣ она была еще сильна; города были совершенно христіанизованы, и государство въ отношеніи къ язычникамъ уже могло быть спокойно: отъ древней религіи почти не оставалось слѣда.

Одинъ врагъ государства и церкви былъ побѣжденъ: дряхлое, умирающее язычество было безжалостно добито; но совершенно неожиданно для государства, оно увидѣло себя лицомъ къ лицу съ другимъ новымъ врагомъ, который былъ сильнѣе перваго и тѣмъ опаснѣе, что избралъ своимъ мѣстопребываніемъ ту самую твердыню, на которую опиралось государство, т.-е. церковь. Да, внутри самой церкви завелись противники государственной религіи, которые во имя христіанскаго Бога и христіанской совѣсти, подняли руку на христіанское государство и церковь. Что было съ ними дѣлать? Здѣсь

---

[1]) Loening, в. н. с. стр. 42—63; Riffel, в. н, с. 76—91; Niehues, в. н. с. 294—303; Maassen, в. н. стр. 5. 47—5.

[2]) Maassen, в. н. с. стр. 51.

задача была сложнѣе, чѣмъ съ истребленіемъ язычества; тамъ подлежалъ смерти всякій, кто приносилъ жертвы богамъ; а здѣсь, какъ казнить было того, кто былъ крещенъ и назывался христіаниномъ, ссылался на Писаніе, на преданіе Апостоловъ? особенно же государство оказывалось въ щекотливомъ положеніи, когда вся церковь раздѣлялась ради какого-нибудь богословскаго вопроса на двѣ почти равносильныя партіи; что было дѣлать съ этими двумя ожесточенными лагерями враговъ, которые предавали другъ друга анаѳемѣ, подымали народныя возмущенія и, одинаково приписывая себѣ права государственной церкви, требовали у государства ссылокъ и казней для своихъ противниковъ?

Это положеніе — неизбѣжный результатъ системы государственной религіи и государственной церкви; если христіанство становится обязательнымъ исповѣданіемъ государства, то возникаетъ вопросъ, какое христіанство; ибо Евангеліе и апостольское преданіе не буква закона, вырѣзанная на каменныхъ скрижаляхъ Моисея, а живая мысль и слово, духъ же человѣческій свободенъ, часто черезъ заблужденіе познаетъ истину; если церковь становится государственной, то гдѣ истинная церковь, ибо заблужденія подчасъ охватываютъ цѣлыя массы вѣрующихъ съ ихъ іерархіей и соборами, этими носителями, казалось бы, вселенской правды?

Итакъ, скажи, о цезарь, что есть истина?

И вотъ, мы видимъ, какъ богословскіе споры и церковныя распри потрясаютъ всю имперію; государство приказываетъ почитать обязательной для всѣхъ истинной то одно ученіе, то другое; сегодня оно признаетъ Сына Божія единороднымъ и единосущнымъ Отцу, завтра—наоборотъ, сегодня оно признаетъ почитаніе иконъ дѣломъ богоугоднымъ, завтра—грѣхомъ, а слѣдовательно, и преступленіемъ, сегодня гонитъ аріанъ, лишаетъ ихъ всѣхъ церковныхъ имуществъ и привилегій, завтра посылаетъ въ ссылку приверженцевъ Аѳанасія и лишаетъ ихъ всѣхъ имуществъ и выгодъ. Благодаря тому, что съ вѣрой соединены были весьма важныя матеріальныя выгоды и преимущества, борьба страшно обострялась; дѣло уже шло не только объ истинѣ, но и о богатствѣ, почести, власти; доставать своей партіи признаніе государства, значило овладѣть и всѣмъ, что находилось во власти противника. Побѣдить значило получить все; быть побѣжденнымъ — все потерять. Немудрено, что

вооруженныя возстанія и народныя возмущенія сдѣлались участниками богословскихъ споровъ, немудрено, что интриги, козни, вражда проникли всю іерархію снизу доверху, и окружили цезарей цѣлой сѣтью доносовъ, жалобъ, лжи и клеветы.

Но, слава Богу, Онъ помогъ, наконецъ, церкви выразить въ ясныхъ и точныхъ опредѣленіяхъ тѣ великія истины вѣры, которыя уже изначала были присущи истинно христіанскому сознанію; символъ вѣры былъ установленъ, въ глубокихъ и сильныхъ выраженіяхъ были даны вѣрующему основанія его спасенія; тяжелая работа церкви была окончена и въ форму догмата облачилась дѣйствительно самая святая сущность христіанства. Однако, увы, христіанская свобода отъ этого ничего не выиграла; по-прежнему надъ ней стояло всемогущее римское государство, а теперь, получивъ ясное и точное выраженіе истиннаго христіанства, оно еще съ большей жестокостью и послѣдовательностью стало преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, кто не могъ или не хотѣлъ признать по доброй волѣ найденнаго церковью символа. Символъ вѣры былъ обращенъ въ законъ. Теперь государство уже могло не колебаться между истиной и заблужденіемъ; истина была найдена; теперь не было уже никакихъ сомнѣній, и, подобно тому, какъ былъ повиненъ смерти тотъ, кто служилъ идоламъ, такъ отнынѣ сталъ подлежать смерти и тотъ, кто не признавалъ вселенскаго символа вѣры. Признаки ереси стали очевидны такъ же, какъ признаки язычества. «Это наша воля», гласитъ знаменитый эдиктъ Ѳеодосія: «чтобы всѣ народы, подчиненные нашему милостивому господству, исповѣдывали ту религію, которой апостолъ Петръ научилъ римлянъ, которая сохранилась до нынѣшняго дня, которую также, какъ всѣмъ извѣстно, исповѣдуетъ епископъ Дамасъ и епископъ Петръ Александрійскій, мужъ апостольской святости; должно вѣровать въ единое Божество Отца, Сына и Св. Духа въ равномъ величествѣ и святомъ тріединствѣ. Мы повелѣваемъ, чтобы исповѣдники этого ученія носили имя католическихъ христіанъ и чтобы всѣ остальные, которыхъ мы почитаемъ безумными и сумасшедшими, клеймились позорнымъ названіемъ ереси, чтобы мѣста ихъ собраній не посили имени церквей, и чтобы они сами, кромѣ божественнаго возмездія, подлежали и тому наказанію, которое опредѣлитъ наша воля, руководимая небеснымъ вдохновеніемъ». Итакъ, отнынѣ дѣло преслѣдованія ереси значительно упростилось; «како вѣруеши»?

спрашивало государство каждаго отдѣльнаго гражданина, и если отвѣтъ его не совпадалъ съ исповѣданіемъ оффиціальнымъ, съ никійскимъ символомъ вѣры, — конечно, это былъ очевидный еретикъ, а слѣдовательно, подлежалъ штрафу, инфаміи, конфискаціи имущества, казни.

Среди отцовъ церкви по этому вопросу,—о гоненіи еретиковъ, — какъ и слѣдовало ожидать, мы не встрѣтимъ полнаго единодушія; если мы обратимся къ учителямъ церкви въ то время, когда ихъ угнетали еретики, мы найдемъ у нихъ горячіе и возвышенные призывы къ свободѣ религіи и исповѣданія; если послушаемъ ихъ въ періодъ господства православія, они оправдываютъ гнетъ и насиліе. Но обратимся къ нимъ самимъ. Вотъ гонимый аріанами Аѳанасій взываетъ къ еретику-императору: «не мечами и копьями, не воинами возвѣщается истина, а убѣжденіемъ и совѣтомъ; что же за убѣжденіе тамъ, гдѣ господствуетъ страхъ передъ кесаремъ, и что за совѣтъ тамъ, гдѣ противящагося ссылаютъ и убиваютъ»? Другой епископъ, Пуатье, пишетъ аріанскому императору: «...блюдите, чтобы всѣ, надъ кѣмъ властвуете, пользовались сладчайшей свободой. И все, что разумомъ возмущено, не можетъ быть улажено, и все, что разсѣяно, не можетъ быть силою соединено, если всякій человѣкъ, непринужденный никакой необходимостью рабства, не имѣетъ неприкосновеннымъ своего судью — совѣсть». Сальвіанъ, пресвитеръ Марсельскій, такъ говоритъ въ своей книгѣ объ архіанахъ: «Мы ихъ считаемъ еретиками, они—насъ... то, что мы для нихъ, то они для насъ... истина у насъ, но они полагаютъ имѣть ее у себя... они заблуждаются, но заблуждаются въ доброй вѣрѣ... думая, что они почитаютъ и любятъ Господа. Хотя не имѣютъ истинной вѣры, но почитаютъ совершенное милосердіе Божіе. Насколько они были наказаны божественнымъ судомъ за само заблужденіе во мнѣніи, никто не можетъ знать, кромѣ самого Судьи. Между тѣмъ, Богъ потому, думаю, ихъ терпитъ, что видитъ, какъ они хотя и не право вѣруютъ, но заблуждаются вслѣдствіе мнѣнія, въ основѣ благочестиваго. Даже Іоаннъ Златоустъ пишетъ въ своемъ сочиненіи о мученикѣ Вавилѣ: «не позволено христіанамъ разрушать заблужденіе принужденіемъ и насиліемъ, напротивъ, они должны дѣйствовать для спасенія людей убѣжденіемъ, наученіемъ, благостью». Такъ же говорили и думали и еретики, когда ихъ гнали православные; такъ, напримѣръ, пишутъ донатисты епископу

Августину: «ты, который называешь себя христіаниномъ, не долженъ подражать насиліямъ язычниковъ. Ужели вы думаете, что служите Богу, убивая насъ своими руками? Вы, несомнѣнно, заблуждаетесь, бѣдные, если такъ думаете, ибо Богъ не палачей имѣетъ священниками. Христосъ никого не преслѣдовалъ, ибо Онъ хотѣлъ не принуждать, а призывать людей къ вѣрѣ, училъ не убивать, а умирать».

Но были и противоположные взгляды, и, къ сожалѣнію, именно эти взгляды получили признаніе на практикѣ. Наболѣе яркимъ представителемъ этихъ взглядовъ является, несомнѣнно, блаженный Августинъ; гонимый аріанами, онъ взывалъ къ свободѣ совѣсти; въ борьбѣ съ донатистами онъ требовалъ принужденія вѣры; въ письмѣ къ Винцентію онъ оправдываетъ эту перемѣну его воззрѣній данными самого опыта (sed mea opinio non contradicentium verbis, sed demonstratium superabitur exemplis), ибо его городъ, который раньше весь принадлежалъ къ партіи Доната, обращенный страхомъ императорскихъ законовъ къ католическому единству, теперь до такой степени гнушается этимъ соблазнительнымъ ученіемъ, что какъ будто никогда не принадлежалъ къ нему; на этомъ основаніи великій западный богословъ и рекомендуетъ принужденіемъ страхъ, какъ средство возвратить еретиковъ и схизматиковъ въ лоно истинной церкви: «человѣкъ долженъ любить ближняго, какъ самого себя», пишетъ Августинъ къ Македонію, «итакъ, пусть приводитъ къ почитанію Бога, какого можетъ человѣка, или утѣшая его благодѣяніями, или научая истинѣ, или принуждая властію» [1]), «ибо къ обязанности праведнаго принадлежитъ не только никому не причинять зла, но и отвращать отъ грѣха, или наказывать грѣшника: что или онъ самъ исправился вслѣдствіе этого опыта, или другіе были устрашены этимъ примѣромъ» [2]); «лучше, если кто приводитъ людей къ почитанію Бога ученіемъ, чѣмъ если принуждать къ этому страхомъ наказанія и страданіемъ; но потому только, что первые лучше, не

---

[1]) Debet homo diligere proximum tamquam se ipsum: ut quem potuerit hominem, vel beneficientiae consolatione, vel informatione doctrinae vel disciplinae coercitione, abducat ad colendum Deum (Augustinus ad Macedonium epist 52). Wilda, в. н. с. стр. 173.

[2]) Pertinet ergo ad innocentis officium nes solum nemini malum inferre, verum etiam cohibere a peccato, vel punire peccatum: ut aut ipse qui plectitur corrigatur experimento, aut alii terreantur exemplo (Augustinus de civitate Dei 19 c. 16) ib.

должны быть пренебрегаемы и другіе, которые не таковы. Ибо многимъ послужило на пользу то (что мы испытали и испытываемъ на опытѣ), что сначала ихъ принуждали страхомъ или страданіемъ съ тѣмъ, чтобы уже потомъ ихъ и научить» [1]). Съ другой же стороны, принужденіемъ, думаетъ Августинъ, свободная воля нисколько не уничтожается. Тотъ, кому за правду причиняется зло, терпитъ по доброй волѣ, а кто сознаетъ, что онъ терпитъ зло за правду, тотъ можетъ и долженъ обратиться и вмѣстѣ съ тѣмъ освободиться отъ безполезнаго страданія и отъ собственной неправды: «если цари постановляютъ что-нибудь противъ васъ, то этимъ, очевидно, васъ увѣщеваютъ разсудить, чего ради вы терпите; если ради справедливости, то воистину тѣ цари суть ваши гонители, вы же блаженны, такъ какъ, перенеся преслѣдованіе правды ради, вы наслѣдуете царство небесное; если же вы терпите за неправду вашей схизмы, то что тогда они, какъ не ваши исправители, а вы, какъ и прочіе виновные въ различныхъ преступленіяхъ, подлежащихъ законной карѣ, несчастные и въ этомъ и въ будущемъ вѣкѣ»? [2]). Итакъ, начальство не напрасно носитъ мечъ; оно получило отъ Бога должность наказывать расколъ и ересь, «какъ и прочія преступленія», и это называетъ Августинъ «законной карой». Приведя въ подтвержденіе этой мысли слова псалма о служеніи царей въ страхѣ Божіемъ, Августинъ спрашиваетъ: «итакъ, какимъ образомъ цари служатъ Богу въ страхѣ, какъ не наказывая съ религіозной строгостью все, что совершается противъ заповѣди Божіей»?—такъ служили и Езекія, и Іосія, и царь Ниневіи и Дарій, такъ служатъ и вообще цари, какъ цари (in quantum sunt reges), когда они совершаютъ именно то, что они въ состояніи совершить только будучи царями; вѣдь «наказуются же убійство, прелюбодѣяніе, наказуются какія угодно дѣянія и

---

[1]) Melius est quidem ad Deum colendum doctrina homines duci, quam Poenae timore vel dolore compelli. Sed non qui isti meliores sunt, ideo illi qui tales non sunt negligendi sunt. Multis enim prafuit (quod experimentis Probavimus et probamus) prius timore vel dolore cogi, ut postea doceri (Augustinus epist 185 ad Bonif. § 21) ib.

[2]) Cum aliquid adversus vos reges constiuunt, admoniti vos creditis ut cogitetis quare ista patiamini. Si propter justitiam revera illi persecutores vestri sunt vos autem beati, qui persecutionem passi propter justitiam possidebitis regnum coelorum. Si autem propter iniquitatem schismatis vestri; quid illi qui correctores vestri sunt: vos autem, sicut ceteri diversorum scelerumrei, qui poenas legibus pendunt, profecto infelices et in hoc et in saeculo futuro (Augustinus contra literas Petilliam 2 c. 84) ib. стр. 172.

проступки похоти и преступленія; одно только святотатство хотятъ оставить по закону правителей ненаказаннымъ»! [1]).

Итакъ, по ученію великаго отца западной церкви, долгъ христіанскихъ царей состоитъ именно въ преслѣдованіи ереси, и такимъ образомъ тѣ, кто находится на путяхъ и дорогахъ ереси, и не хотятъ добровольно идти въ брачный чертогъ церкви, принуждаются войти «coguntur intrare» (Ев. Луки XIV, 23).

Классическое въ своемъ родѣ выраженіе, и мы увидимъ ниже, какую оно службу сослужило впослѣдствіи папству, во время его средневѣковаго господства. Другой римскій іерархъ пошелъ еще дальше: папа Левъ Великій нѣсколько десятилѣтій спустя одобрилъ даже смертную казнь еретиковъ, «если церковь въ своей мягкости», говоритъ онъ, «довольствуется священническимъ рѣшеніемъ и избѣгаетъ кровавыхъ наказаній, однако, она подкрѣпляется суровыми законами христіанскихъ князей, пока нѣкоторые люди, изъ страха тѣлесной казни (corpora supplicium), не прибѣгнутъ къ духовнымъ средствамъ спасенія». И это все дѣлалось «изъ любви» къ заблуждающимся и погрѣшающимъ, ибо, говоритъ папа Пелагій, «преслѣдуетъ только тотъ, кто принуждаетъ, къ злому; тотъ же, кто наказываетъ злое или нечестивое или препятствуетъ его совершенію, тотъ не преслѣдуетъ, но проявляетъ любовь (non persequiturliste sed diligit)». Какъ мы уже знаемъ, не теорія Иларія, Аѳанасія и Сальвіана, но Августина и Льва получила примѣненіе на практикѣ, и церковь имѣла удовлетвореніе видѣть, какъ ради христіанской «любви» не только ссылали еретиковъ и лишали ихъ имущества, но и предавали смертной казни [2]).

Дѣло искорененія ереси и раскола было поставлено въ Византіи слѣдующимъ образомъ: со времени Константина и его сыновей уже начинается борьба съ расколомъ и ересью; эти цезари въ отдѣльныхъ случаяхъ подвергли ссылкѣ епископовъ и священниковъ, вѣрующихъ иначе, чѣмъ повелѣвалъ императоръ. Валентіанъ I издалъ законъ противъ манихеевъ, духовныя лица которыхъ подвергались тяжкимъ наказаніямъ, а всѣ зданія и имущества были конфискованы. Граціанъ уже сдѣлалъ общее

---

[1]) Puniantus homicidia, puniantur adulteria, puniatur quantalibet sceleris sive libidinis facinora seu flagitia sola sacrilegia volumus a regnantium legibus impunita (Contra Gaudentium Zib I c. 20) Loening в. и. с. стр. 88.

[2]) Wilda в. и. с. стр. 167—174: Maassen в. и. с. стр. 55—57. Loening в. и. с. стр. 87—88.

воспрещеніе ереси, однако безъ указанія на тѣ взысканія, которымъ подвергались еретики; со времени Ѳеодосія мы уже встрѣчаемся съ полнымъ и уже исчерпывающимъ законодательствомъ о ереси: считая и законъ, изданный Ѳеодосіемъ II уже послѣ изданія кодекса, мы имѣемъ противъ сектантовъ и раскольниковъ 68 законовъ, изданныхъ въ промежутокъ 57 лѣтъ. Изъ всѣхъ этихъ законовъ о ереси, только очень немногіе, какъ, напримѣръ, изданные противъ донатистовъ, имѣли оправданіе въ интересахъ государственнаго порядка, такъ какъ донатисты не только подняли возмущеніе противъ правительства, но и подвергли жестокимъ преслѣдованіямъ католиковъ; всѣ же остальные законы карали самую вѣру, ея исповѣданіе. Самымъ тяжелымъ наказаніямъ подвергались «учителя и распространители заблужденій», т.-е. епископы, проповѣдники и вообще члены клира у еретиковъ и схизматиковъ, за ними не только государство не признавало никакого учительскаго или священническаго достоинства, но и карало ихъ наказаніемъ «на тѣлѣ», высылкой изъ мѣста жительства, ссылкой и даже смертной казнью, тѣ же, кто ихъ рукополагалъ, и хозяинъ дома, гдѣ это происходило, подвергались тяжелымъ денежнымъ штрафамъ. Эти мѣры, замѣчаетъ католическій историкъ, Риффель, вели, кажется, вѣрнѣе всего къ отраднымъ результатамъ, «ибо народъ безъ вождей и учителей, конечно, скоро, былъ бы возвращенъ въ лоно церкви», этой же тактики, прибавимъ мы, держались въ свое время императоры Декій и Діоклетіанъ при преслѣдованіи христіанъ! Всякое распространеніе ересей далѣе было запрещено строжайшимъ образомъ; правительство не допускало никакихъ церковныхъ обрядовъ у раскольниковъ и сектантовъ, точно также были имъ запрещены и всякіе публичные споры о вѣрѣ. Наказаніями здѣсь были опять-таки потеря имущества, высылка и ссылка. Всякое собраніе для цѣлей «безбожнаго» богопочитанія, въ городѣ и деревнѣ, днемъ и ночью, наказывалось весьма строго, даже смертной казнью, мѣста собранія подлежали конфискаціи въ пользу казны или церкви. Съ 383 года закономъ Ѳеодосія, эти собранія были отданы на полный произволъ правовѣрующихъ, которые могли разсѣивать нечестивыя сходбища даже собственной властью, безъ обращенія къ законному суду, нѣчто вродѣ суда Линча или народнаго суда Нерона; управитель дома, допустившій подобное нечестіе безъ вѣдома господина,

наказывался штрафомъ, наказаніемъ на «тѣлѣ» или ссылкой, собственникъ—конфискаціей всего имущества и даже смертью. Церковныя зданія и священные предметы, очутившіеся въ рукахъ разновѣрующихъ, подлежали конфискаціи и передачѣ истинной церкви, ибо въ рукахъ еретиковъ и схизматиковъ они служили «не для почитанія, а для оскорбленія Бога». Для наблюденія же за исполненіемъ всѣхъ этихъ законовъ не только были призваны всѣ гражданскія власти, подъ угрозой императорской немилости, лишенія должности, штрафовъ и смертной казни, но, какъ мы видѣли, и всякій правовѣрующій, который, такимъ образомъ, былъ снабженъ чисто полицейскими функціями надзора, пресѣченія преступленій и самоличной расправы надъ преступниками. Особыя мѣры были приняты только для преслѣдованія фригійцевъ, катафригійцевъ и присцилліанъ; для розысканія и наказанія этихъ еретиковъ были назначены особые инквизиторы, причемъ доносчикомъ и обвинителемъ этихъ сектантовъ могъ выступить всякій, кто пожелаетъ; рабы-католики, доносившіе на своихъ господъ, получали въ награду свободу.

Что касается отдѣльныхъ еретиковъ, то они вообще всѣ подвергались инфаміи, а слѣдовательно исключались изо всѣхъ публичныхъ собраній, лишались покровительства римскихъ законовъ, военную службу могли отбывать только въ когортахъ, въ строю; они были, далѣе, лишены права наслѣдовать по завѣщанію, ихъ наслѣдство, за отсутствіемъ католическихъ наслѣдниковъ, переходило въ казну; они не могли совершать и принимать дареній, заключать гражданскихъ договоровъ; они были въ большинствѣ случаевъ изгнаны изъ большихъ городовъ, а «наиболѣе опасные» сосланы или изгнаны изъ отечества. Тѣлеснымъ наказаніямъ за ересь подлежали, по общему правилу, рабы и лица, стоящія во главѣ сектъ; смертной казни подлежали всѣ члены секты перекрещенцевъ, манихеевъ и ихъ различныхъ развѣтвленій, управители и сборщики денежныхъ средствъ сектантовъ, тѣ клирики, которые по изгнаніи изъ города опять возвращались въ него и совершали богослуженіе, и всѣ еретики, впадавшіе въ прежнее заблужденіе по пятикратномъ наказаніи. Такимъ образомъ, начиная съ лишенія гражданскихъ правъ и кончая смертной казнью, всѣ мѣры государственнаго принужденія падали на еретиковъ, и если сравнить эти мѣры христіанской «любви» съ тѣми законами, которые из-

давали противъ христіанъ языческіе императоры, то, говоря словами Маассена, между ними не найдется «существеннаго различія»: и тамъ и здѣсь господствуетъ одинъ принципъ: «кто не исповѣдуетъ императорской религіи, тотъ не имѣетъ права на гражданское существованіе» [1]).

Итакъ, свершилось! Первый ужасный опытъ гоненія христіанъ христіанами былъ сдѣланъ; за мучениками Нерона и Діоклетіана поднялись на Голгоѳу цѣлыя толпы заблуждающихся и сомнѣвающихся, ищущихъ правды и не находящихъ ее тамъ, гдѣ видитъ ее церковное государство; усомнившись въ истинѣ, возвѣщаемой съ высоты престола цезаремъ и поддерживаемой солдатами и пышнымъ духовенствомъ, долго метались они, какъ испуганное стадо, съ немолчнымъ вопросомъ: «что есть истина?» и, казалось, нашли ее, и этой истинѣ они отдали свою жизнь; и вотъ теперь, отлученные отъ церкви, преданные палачамъ и тюремщикамъ, подвергнутые нравственнымъ и физическимъ мукамъ, они страдаютъ за то, что хотѣли быть искренными и правдивыми передъ Богомъ, они лишены мира и покоя, чтобы постепенно путемъ духовнаго просвѣщенія перейти къ правдѣ отъ неправды, добровольно свободнымъ сердцемъ постичь полную истину и найти успокоеніе тамъ, гдѣ такъ можно возносить свое исповѣданіе, никійскій символъ: «Вѣрую»! А если это былъ споръ о словахъ? Если они вѣрили право и истинно, но не умѣли понять языка догмы, если, храня въ сердцахъ живое и истинное преданіе, были смущены начертаніемъ чуждыхъ имъ знаковъ и письменъ? Какое тогда трагическое и воистину горькое недоразумѣніе! Но сдѣлаемъ даже уступку католической теоріи: пусть среди нихъ были слабые духомъ, честолюбцы, корыстолюбцы, пусть масса подчасъ дѣйствовала слѣпо и необузданно, пусть человѣкъ отъ природы враждебенъ свободѣ, но развѣ это давало право римскому кесарю и клиру нарушить основную заповѣдь христіанства, ожесточить отпадшихъ и во мракѣ безпощадной борьбы затушить для нихъ навѣки свѣтъ истиннаго спасенія? И если среди всѣхъ слабыхъ и темныхъ еретиковъ, которые подвергались преслѣдованію и даже смерти, было хоть нѣсколько возвышенныхъ, запечатлѣнныхъ божественнымъ призваніемъ и если эти люди именно потому отрек-

---

[1]) Loening, в. и. с. стр. 95—102 Riffel. в. и. с. стр. 656—679; Maassen, в. и. с. стр. 95—102.

лись отъ государственной церкви, что не могли въ своемъ сердцѣ совмѣстить христіанскую любовь и преслѣдованія иновѣрцевъ, то какою цѣною заплатятъ гонители за эти потухшіе свѣтильники вѣры, за эту выброшенную соль земли? что отвѣтятъ они исторіи и суду ея? Печальныя и темныя страницы показываетъ намъ хроника византійской религіозной политики; такъ христіанское право свободы совѣсти пало въ новомъ Римѣ подъ гнетомъ католичества и старой римской идеи; такъ языческое начало всемогущества государства въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ подчинило кесарю то, что должно было принадлежать одному только Богу!

Но надо упомянуть, что нетерпимость Византіи принесла ей горькіе плоды. То единство, котораго съ такой неумолимой послѣдовательностью добивались цезари, оказалось отчасти недостижимымъ и отчасти вреднымъ для самого государства. Борьба съ язычниками, а затѣмъ съ еретиками, породила безчисленныя, политическія осложненія; къ прежде дѣйствующимъ элементамъ разложенія прибавились новые; вмѣсто единства— государство встрѣтилось съ народными возмущеніями, ожесточенными спорами духовенства, раздорами въ самой церкви: но и та правовѣрная іерархія, которая дѣйствительно была въ полномъ единеніи съ правительствомъ, увы, скоро заразилась духомъ вѣка сего, приняла живое участіе въ дворцовыхъ переворотахъ, стала центромъ политической интриги, однимъ словомъ, ставши мірской и свѣтской, занялась мірскими дѣлами, не только отдала свою свободу, но измѣнила своему призванію!..

И Византія, терзаемая распрями внутри и войнами извнѣ, клонилась уже неизбѣжно къ упадку.

КАТОЛИЧЕСТВО И РЕЛИГІОЗНАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ мы застаемъ процессъ полнаго крушенія когда-то могучей римской имперіи. Подъ ударами ислама гибнетъ пышная имперія, а съ нею вмѣстѣ и утонченная греческая культура. Восточно-греческая церковь переходитъ подъ власть варваровъ и становится только терпимой, подчиненной султанамъ корпораціей. Христіанство изъ положенія государственной религіи переходитъ на положеніе религіи презрѣнной райи. И, удивительное дѣло, фанатичные поклонники Магомета оказались болѣе терпимыми, нежели восточно-римскіе христіане; султаны не предприняли относительно христіанъ ничего, подобнаго тому, что было въ свое время постановлено Ѳеодосіемъ относительно иновѣрцевъ, особенно же язычниковъ. Но передъ тѣмъ, какъ греческая церковь на многіе годы застыла, закостенѣла, она передала многія свои духовныя сокровища славянскому востоку и сѣверу; къ несчастью, она передала намъ и нѣкоторые свои недостатки; идея русской государственной принудительной церкви ведетъ начало отъ Византіи: и у насъ, какъ тамъ, апостазія есть не только грѣхъ, но и преступленіе, и у насъ, какъ тамъ, церковь находится въ полномъ подчиненіи государству, а сектанты подвергаются и ограниченію гражданскихъ правъ и уголовнымъ взысканіямъ.

Но съ паденіемъ новаго Рима старая римская идея не угасла; съ гибелью востока еще не погибъ западъ. Въ старомъ Римѣ на развалинахъ язычества держалась церковь св. Петра, а римскій патріархъ успѣшно отстаивалъ свою церковь и паству среди волнъ великаго переселенія народовъ; если западная римская имперія погибла, то еще жила западная римская церковь; никакой иновѣрный завоеватель не налагалъ еще на нее своего

вѣкового ига,—она могла бороться и боролась съ героизмомъ отчаянія за христіанство, за свои великія традиціи и за римскую идею. А старая идея эта нуждалась въ обновленіи. Въ самой конструкціи византійской церковной системы лежала неисправимая ошибка: эта система заключала въ себѣ противорѣчіе, а принципъ единства покоился на церковно-политическомъ дуализмѣ, на основаніи, самомъ въ себѣ раздѣленномъ. Въ самомъ дѣлѣ, признаемъ ли мы, что въ Византіи господствовалъ цезареопапизмъ, или примемъ, что тамъ была осуществлена система «гармоніи», на почвѣ взаимнаго примиренія интересовъ, результатъ будетъ одинъ: византійское единство не было и не могло быть послѣдовательной и логической системой единства, ибо таковое возможно только въ одномъ случаѣ, а именно, когда церковь подчиняетъ себѣ государство, священство господствуетъ надъ царствомъ, и водворяется, такъ называемая, іерократія, теократія, церковное государство на мѣсто государственной церкви. Другими словами, только римско-католическая система господства церкви надъ государствомъ есть единственно стройная и послѣдовательная система единства государства и церкви съ точки зрѣнія принудительной церкви и государственной религіи.

Попробуемъ нѣсколько разъяснить нашу мысль. Еслибы церковь была исключительно добровольнымъ религіозно-нравственнымъ союзомъ, то, само собою разумѣется, не могло бы быть и рѣчи о какомъ бы то ни было принужденіи въ дѣлахъ вѣры, и если бы даже государство пожелало ввести институтъ государственной церкви, то ему пришлось бы создавать рядомъ съ существующей духовной церковью и свою собственную, другую, свѣтскую церковь, которая была бы, конечно, религіозно-политическимъ учрежденіемъ, но никакъ ужъ не церковью, такъ какъ первая хотя и отвергала бы насиліе, всякую государственную помощь въ дѣлахъ вѣры и совѣсти, но все-таки не погибла бы безъ государства, ибо ей присущи совершенно особыя духовныя богатства и духовный авторитетъ, ей обѣщано постоянное присутствіе и руководительство Божіе, и «врата адовы не одолѣютъ ю». Для земного же ея существованія и для выполненія ея земной миссіи ей было бы достаточно общей юридической и отчасти спеціальной защиты права, и она, вынесшая въ свое время гоненія язычества, расцвѣла бы и окрѣпла въ чистой атмосферѣ религіозной свободы. И если бы государство въ этомъ случаѣ отказалось,—что оно неминуемо должно

было бы сдѣлать,— отъ всякой спеціальной религіозной политики, то оно наслаждалось бы единствомъ съ церковью, не вынужденнымъ, а свободнымъ и нравственнымъ; и оно восприняло бы христіанство не въ свои кодексы, а въ самыя глубокія основы своей жизни, т.-е. въ сердца своихъ гражданъ, оно встрѣтилось бы съ церковью въ каждомъ доблестномъ своемъ сынѣ, въ каждомъ своемъ подданномъ, проникнутомъ высшей идеей, оно не отрѣшилось бы тогда, какъ многіе утверждаютъ, отъ христіанства, а, напротивъ, стало бы христіанскимъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ для этой религіи были бы открыты единственно ей достойные пути, т.-е. свободная воля человѣка. Только христіанскія чувства, мысли и поступки гражданъ дѣлаютъ государство христіанскимъ, и только отказавшись отъ всякихъ искусственныхъ насажденій и прививокъ религіи среди людей, политическій организмъ получаетъ нравственно-религіозное освященіе; только повѣривъ въ силу Христа и церкви и отказавшись отъ всякой поддѣлки и замѣны этой силы своими грубыми матеріальными средствами, государство откроетъ истинный источникъ своей мощи и единства, своей нравственной высоты и религіознаго озаренія. Но для этого надо, съ одной стороны, чтобы сама церковь отвергла всякое прямое и косвенное принужденіе въ дѣлахъ вѣры, съ другой же стороны, чтобы государство повѣрило въ чистоту и великую нравственную силу религіи и церкви и отказалось отъ охраны религій насиліемъ; но иныя задачи предлежатъ государству, когда сама церковь становится католической и принудительной, когда она хочетъ властвовать не только во внутреннемъ мірѣ человѣка, и мѣрами духовными, а допускаетъ и даже требуетъ внѣшнихъ мѣръ для вліянія на внутреннюю жизнь вѣрующаго, когда она дѣйствуетъ внѣшней властью, а не силою духовнаго авторитета, когда она самую религію превращаетъ въ систему юридическихъ нормъ и, организуясь въ мощную публично-правовую организацію, образуетъ своеобразное государство, политическое цѣлое status in statu. Что дѣлать государству съ этой уже внѣшней, принудительной церковью, какъ здѣсь установить единство между двумя внѣшне-обязательными принудительными порядками жизни, какъ примирить эти двѣ власти, какъ соединить два правовыхъ кодекса, какъ сочетать двѣ іерархіи? однимъ словомъ, какъ соединить государство и церковь въ единую систему религіознаго принужденія? Предположимъ при этихъ условіяхъ,

что государство хочетъ быть католическимъ, въ этомъ случаѣ оно дѣлаетъ исповѣданіе католической церкви обязательной религіей своихъ подданныхъ; но, спрашивается, что такое истинная католическая вѣра? Вѣдь это можетъ опредѣлить только церковь св. Петра, ибо ей, а не государству, принадлежитъ привилегія непогрѣшимости, и то, чему она учитъ и будетъ учить, должно быть безроцотно принято католическимъ государствомъ. Государство желаетъ признать церковь и снабдить ее надлежащими средствами принужденія, желаетъ дать ей привилегію и богатства, но церковь имѣетъ свое божественное право—jus divinum, которое даровано ей изначала путемъ милости Божіей, и государству остается только подчиниться каноническимъ требованіямъ церкви и предоставить ей тамъ «brachium saeculare», свѣтскую помощь, гдѣ она потребуетъ ее, въ силу своего божественнаго права. Государство желаетъ содѣйствовать самому дѣлу вѣчнаго спасенія вѣрующихъ, но вѣдь не ему, а церкви, даны особые дары благодати, въ особенности и «ordo» и «jurisdictio», а слѣдовательно, и здѣсь государству остается только признать высшій авторитетъ церкви, поставить ея власть надъ собой и стать послушнымъ исполнителемъ ея воли; въ ней, а не въ государствѣ живетъ Христосъ. Другими словами, для того, чтобы водворилось полное единство между государствомъ и католической церковью, а ея исповѣданіе стало государственной религіей, государство должно неминуемо подчиниться законодательству церкви, ея надзору и управленію, признать не только ея учительный авторитетъ, но правовой порядокъ и ея государственную власть. Католическое единство покупается только цѣною потери государственной самостоятельности.

Допустимъ, однако, иную возможность: представимъ себѣ случай, когда государство, принимая церковное вѣроученіе въ качествѣ принудительной религіи, вмѣстѣ съ тѣмъ хочетъ избѣжать необходимаго подчиненія церкви. Для этого оно можетъ избрать два пути: или присвоить себѣ извѣстное право участія въ рѣшеніи чисто церковныхъ, чисто духовныхъ дѣлъ и обезопасить себя такимъ образомъ относительно самаго законодательства и высшаго управленія церкви, — что сдѣлали христіанскіе императоры Рима, — или, пользуясь тѣмъ, что средства принужденія находятся цѣликомъ въ рукахъ государства, взять на себя контроль со стороны исполненія церковныхъ предписаній и снабжать только тѣ изъ нихъ обяза-

тельной силой, которыя угодны — placet—государству, — что было принято на практикѣ въ періодѣ территоріализма. Но ни та, ни другая система не послѣдовательны и не даютъ единства. Первая система, допуская свѣтскую власть къ участію въ рѣшеніи вопросовъ религіозной догмы и церковнаго управленія, тѣмъ самымъ дѣлаетъ законодательство церкви результатомъ частнаго, каждый разъ, соглашенія духовной и свѣтской власти, измѣняетъ своему собственному католическому принципу и присвояетъ государю или его представителю богодуховность и дары благодати, какими тотъ не обладаетъ и по христіанскому ученію и обладать не можетъ; съ другой же стороны, возвышая правителя государства въ положеніе какъ бы епископа, церковь все-таки не можетъ гарантировать императору, что между ею и имъ не произойдетъ конфликта, такъ какъ священство все-таки, по ученію церкви, безконечно выше царства; и если въ двадцати случаяхъ на соборѣ императоръ присоединится къ правовѣрующимъ епископамъ и поддержитъ ихъ рѣшеніе, то въ двадцать первомъ случаѣ возможно иное, что и случилось въ исторіи византійской церкви, а именно: благодаря дѣятельности еретически настроенныхъ императоровъ, не разъ засѣдали и рѣшали церковныя дѣла еретическіе соборы, и ересь объявлялась государственной религіей; результатомъ этого, конечно, были раздоры, а не единство. Вмѣшательство низшей, по существу, свѣтской власти въ тѣ дѣла, гдѣ должна рѣшать высшая богодуховная власть церкви, единства создать не можетъ. Точно также или еще болѣе абсурдна съ точки зрѣнія принудительной католической религіи та система, которой придерживались западно-европейскіе властители въ XV — XVIII вѣкѣ, то-есть система контроля церковныхъ постановленій передъ приведеніемъ ихъ въ исполненіе; принятіемъ церковнаго исповѣданія, въ качествѣ государственной религіи, этитъ самымъ принимается и непререкаемый авторитетъ церкви, и контролировать тотъ авторитетъ, которому государство обязано повиновеніемъ, это значитъ возбуждать постоянные конфликты между свѣтской и духовной властью, что также оправдалось и на дѣлѣ.

Итакъ, единственно логическій выходъ для государства, признающаго то или другое церковное вѣроученіе государственной религіей, это безропотно подчиниться той высшей власти, которая одна можетъ и должна хранить это вѣроученіе и завѣдывать дѣлами спасенія. Двухъ выходовъ тутъ быть не

можетъ: или государство, подчиняя своихъ подданныхъ принудительной религіи, и само подчиняется католической церкви, или отказывается отъ государственной принудительной вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвращаетъ себѣ свою свободу. «Если, говоритъ Маассенъ, церковь фактически можетъ пользоваться для выполненія своихъ задачъ средствами государственной силы, и если, дѣйствительно, воля Христа такова, чтобы религія и исполненіе нравственныхъ заповѣдей вынуждались внѣшнею силою, въ такомъ случаѣ не можетъ быть отдано на произволъ государства подавать свѣтскую руку церкви или отказывать въ ней; въ такомъ случаѣ церковь имѣетъ право повелѣвать, а государство — обязанность повиноваться, въ такомъ случаѣ преимущественнѣйшее призваніе государства — быть орудіемъ церкви» [1]). И эта мысль получила полное примѣненіе и полное развитіе въ римско-католической церкви. Если принять, что «религіозное единство есть глубочайшее основаніе истиннаго и устойчиваго единства политическаго, и что государству принадлежитъ опредѣленное право стремиться къ этому единству въ религіозныхъ дѣлахъ, такъ какъ оно видитъ именно въ этомъ особенное основаніе своего благополучія, то, въ сущности, государство стоитъ передъ неотвратимой задачей, которую оно въ то же время неспособно разрѣшить своими средствами», такъ какъ для того, «чтобы предписывать извѣстное богопочитаніе, государство должно не только обладать привилегіей непогрѣшимости, но и имѣть власть нравственно обязывать своихъ подданныхъ», этой же власти, какъ равно и непогрѣшимости, оно не имѣетъ. «Середина между верховенствомъ государства и между, такъ называемой, теократіей не представляется болѣе мыслимой», а «католическое государство болѣе не можетъ уклониться отъ признанія верховенства церкви», съ другой же стороны, разъ дѣло религіи есть не дѣло свободной вѣры и подвига, не дѣло нравственно-духовнаго союза благодати и свободы, а всеобъемлющаго авторитета церкви и ея формальнаго закона для всѣхъ сторонъ частной и общественной жизни человѣка, то само собою понятно, что «косвенная власть церкви можетъ простираться на всѣ мірскія дѣла, насколько они всегда приходятъ въ соприкосновеніе съ сверхестественными цѣлями церкви» [2]).

---

[1]) Maassen, в. н. с. др. 65—66.

[2]) Molitor, Die Decretale per Venerabilem, Münster 1876, стр. 230, 231, 239, срав. Hergenröther, Katholische Kirche und cristlicher Staat. sreib 1872, ст. 387—398 и 458—459. Liberatore, La chiesa e lo stato, Napoli, 1372, стр. 21.

Эту систему господства церкви надъ государствомъ и было суждено воплотить римской церкви во время среднихъ вѣковъ. Но этотъ процессъ совершился не сразу, а явился результатомъ цѣлаго ряда перемѣнъ, какъ во внутреннемъ строѣ римской церкви, такъ и во внѣшнихъ ея отношеніяхъ.

Для того, чтобы подчинить себѣ государство, церковь должна была прежде всего сама отъ него освободиться. Нужно было вырваться изъ подъ всеобъемлющей опеки Византіи и замѣнить ея власть — властью св. Петра; надо было самой церкви стать государствомъ, чтобы, не отказываясь отъ мѣръ государственнаго принужденія, вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить свою свободу: подчиненная церковь не можетъ стать сразу подчиняющей; она должна, прежде всего, создать свою самостоятельность. Но свобода отъ матеріальной внѣшней зависимости создается только такими же внѣшними, земными средствами, если воевать за матеріальную власть, то надо имѣть и матеріальное оружіе. Исторія доставила это оружіе папскому Риму. Уже во времена Константина богатства церкви св. Петра были весьма значительны; впослѣдствіи они еще умножились, а въ концѣ VI вѣка папы были богатѣйшими землевладѣльцами Италіи; церковныя имѣнія, разбросанныя не только въ Италіи, Сардиніи, Сициліи, Корсикѣ, но и въ Галліи, и Африкѣ, представляли собою громадныя площади, причемъ доходъ съ однихъ только впослѣдствіи отнятыхъ у папъ владѣній Сициліи и Калабріи равнялся ежегодно 32 талантамъ золота. Благодаря этимъ средствамъ, папы свободно могли и кормить населеніе Рима, и покупать миръ у различныхъ варварскихъ царей, и платить имъ приличную дань. «Patrimonius s. Petri» — было основой экономической независимости и вліянія римской церкви, лучшимъ средствомъ для того, чтобы сбросить гнетъ далекой и слабой Византіи. Но сюда присоединялось еще одно обстоятельство: какъ мы видѣли выше, епископы того времени вообще были облечены большою властью въ свѣтскихъ дѣлахъ: они участвовали въ судѣ и управленіи области, они наблюдали за личнымъ составомъ администраціи, особенно контролировали финансовое управленіе мѣстности. Всѣ эти полномочія государственнаго характера получили особое значеніе въ Римѣ. Папа, послѣ паденія западной римской имперіи, оставался единственнымъ высшимъ сановникомъ области, который еще былъ въ состояніи поддержать хоть сколько-нибудь порядокъ и спокойствіе въ Италіи,

былъ единственнымъ звеномъ между императоромъ и древнимъ Римомъ, единственной властью, которая не досталась въ руки различныхъ готскихъ царей и царьковъ. Административно-политическое значеніе римскаго патріарха, съ постепеннымъ паденіемъ власти кесаря, возрасло чрезвычайно, и не даромъ Григорій Великій сравнивалъ свою власть съ княжеской (terreni proceris officiam); фактически и при остготахъ, и при лангобардахъ папа былъ уже свѣтскимъ правителемъ Рима и обширныхъ владѣній св. Петра, собиралъ войска, строилъ крѣпости, назначалъ военноначальниковъ, вступалъ въ переговоры съ варварскими герцогами и королями, заключалъ съ ними договоры, вступалъ въ союзы, начиналъ войну. Византійскій дукъ Рима и экзархъ Равенны играли сравнительно съ папой только второстепенную роль. Въ особенности же усплилось значеніе папъ, когда они во время монофелитскихъ и иконоборческихъ смутъ возстали противъ греческой ереси, и явились какъ бы представителями латинскаго національнаго запада, — хранителями истиннаго римскаго преданія. Но еще болѣе возвысила римскаго первосвященника та разумная политика, которую вели папы во время всѣхъ современныхъ имъ войнъ и распрей въ Италіи: признавая надъ собой, до поры до времени, фиктивную власть восточнаго кесаря, они обращали въ свою пользу еще неугасшее обаяніе императорскаго Рима, стараго римскаго величія и тѣмъ самымъ они избѣгали прямого подчиненія чужеземнымъ властителямъ Италіи; пользуясь борьбой Византіи и лангобардовъ, они старались, по возможности, получить выгоду отъ обѣихъ сторонъ: увеличить владѣнія св. Петра и упрочить свою собственную власть. Убѣдившись, что все-таки имъ долго не продержаться безъ сильной поддержки, они искали и нашли ее у могущественныхъ католическихъ франковъ; содѣйствуя тамъ династическому перевороту, они этой цѣной покупаютъ новое и уже весьма серьезное приращеніе папскихъ владѣній. Наконецъ, при помощи франкскихъ королей они освобождаются и отъ лангобардовъ и отъ византійцевъ, и создаютъ уже настоящую церковную область, автономную папскую монархію, подъ защитой и покровительствемъ ими же созданной новой и уже священной западно-римской имперіи; но и на этомъ процессѣ государственнаго развитія папство не остановилось, свергнувъ съ себя, при помощи подложнаго даренія Константина, послѣдніе признаки верховенства новой свя-

щенной имперіи, папы становились уже совершенно самостоятельными и законными князьями Рима и всѣхъ областей, подаренныхъ имъ франками, и такимъ образомъ дѣлаются свѣтскими суверенами въ значительной части Италіи. Богатства, дарованныя Константиномъ, привилегіи, данныя Юстиніаномъ, поземельныя даренія Пипина и Карла, охрана и покровительство императоровъ новой западной имперіи,—все это было достойной наградой мудрой политики папъ, и въ умѣлыхъ рукахъ Иннокентія III и Юлія II все это сложилось въ замѣчательное священническое государство, которое имѣло царемъ первосвященника, а начальниками и судьями прелатовъ; это государство и послужило въ средніе вѣка той крѣпостью, откуда вышли черныя арміи папства для покоренія царствъ и народовъ, гдѣ строился грандіозный планъ насильственнаго водворенія царства Божія на землѣ и навѣки была осуждена свободная, нравственная личность [1]).

Но въ самомъ строѣ тогдашней католической церкви были сильныя препятствія къ осуществленію римской идеи: весь западъ, преклонявшійся предъ духовнымъ авторитетомъ Рима, еще былъ юридически свободенъ, на востокѣ, въ лицѣ царьградскаго патріарха, подымался опасный соперникъ римскаго прелата, самъ папа еще долженъ былъ считаться съ вселенскими соборами,—однимъ словомъ, католичество не замѣнило еще христіанства. И вотъ, въ теченіи вѣковъ Римъ совершаетъ удивительную работу медленнаго, но вѣрнаго порабощенія папству отдѣльныхъ самостоятельныхъ церквей, окончательно разрываетъ съ ненавистнымъ ему востокомъ, создаетъ, въ лицѣ папы, вселенскаго и непогрѣшимаго намѣстника Бога, исправляетъ христіанство новыми догмами, формально обязательными для всѣхъ вѣрующихъ, и такимъ образомъ созидаетъ церковную монархію, которая, въ силу дарованнаго ей свыше божескаго права, должна весь міръ сплотить подъ единой всеобъемлющей и всепроникающей властью святѣйшаго отца. Грандіозная идея, старые призраки римскаго владычества, вѣчные образы боговъ-императоровъ, которые воскресли теперь подъ сѣнью тіары, увѣнчанной крестомъ. Что не удалось языческому Риму и христіанской Ви-

---

[1]) Maassen, в. н. с. ст. 69—71; Niehues, в. н, с. стр. 410 — 415; Martens die Beziehungen der Ueberordnung, Nebenordnung und Unterordnung zwischen Kirche und Staat, Stuttgart 1877 стр. 103—124; Döllinger, Kirche und Kirchen, Papsthum und Kirchenstaat, München, 1861, стр. 493—526.

зантіи, то долженъ былъ теперь осуществить католическій первосвященникъ Рима! Но какъ же удалось папамъ организовать нужную для ихъ цѣлей армію воинствующаго католицизма, гдѣ нашли они основу для своего церковнаго строительства, чѣмъ скрѣпили это могучее цѣлое? Какъ мы замѣтили выше, все это было подготовлено уже значительно раньше: духовно-учительный авторитетъ Рима былъ тѣмъ камнемъ, который папы положили въ основу угла. Римская церковь была единственная апостольская церковь на всемъ западѣ Европы; она хранила преимущественно передъ другими чистоту вѣры; она осудила гностиковъ и монтанистовъ, она боролась противъ аріанъ, когда аріанство стало государственной религіей востока; къ ней за рѣшеніемъ и помощью прибѣгали и Аѳанасій Александрійскій, и его противники; побѣда никійскаго символа была вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдой Рима; исповѣданіе именно этой церкви было провозглашено въ 380 г. обязательной религіей имперіи. Но съ правомъ высшаго апостольскаго учительства соединилось и право отлучать еретиковъ и грѣшниковъ отъ апостольской церкви; уже въ концѣ II-го вѣка въ знаменитомъ спорѣ о пасхѣ римская церковь исключила изъ вселенскаго общенія малоазійскія общины, и до самаго никійскаго собора эти церкви дѣйствительно какъ бы умерли для всего христіанства. Прекрасно говоритъ Зомъ: «Не всякая община обладала силою дѣйствительно воплотить въ себѣ жизнь христіанства. Что было задачей каждой общины, то до самаго IV вѣка только одна община осуществила на дѣлѣ—и это римская. Въ римской общинѣ, въ столичной общинѣ римской имперіи, жило какъ бы въ микроскопѣ христіанство римскаго міра [1]), римская церковь поучаетъ другихъ, но сама не принимаетъ поученій, какъ сказано въ письмѣ Игнатія къ римлянамъ: «вы другихъ поучаете»—ἄλλους ἰδιδάξατε». Вмѣстѣ съ тѣмъ, отлученіе римской церкви обозначаетъ и отлученіе отъ вселенской; весьма скоро это отлученіе получило для Италіи и спеціально правовое значеніе: отлученные отъ римской церкви италійскіе епископы тѣмъ самымъ были и отрѣшенными отъ должности, изъ этого права родилось и право ихъ назначенія; а къ праву юрисдикціи присоединилось и право созыванія и распущенія синодовъ и утвержденіе ихъ постановленій. И это было вполнѣ логично. Какъ только одна мѣстная церковь полу-

---

[1]) Sohm Kirchenrecht Leipzig, 1892, стр. 439.

чила благодаря преданію извѣстную фактическую привилегію истины, она ее обратила въ право духовной юрисдикціи; если только тотъ вѣритъ право, кто вѣритъ согласно ученію Рима, то, значитъ, одинъ Римъ можетъ судить о правовѣріи общинъ и законности ихъ епископовъ, можетъ рѣшать, кто подлежитъ одобренію, а кто отлученію отъ церкви, а отлученный, само собою понятно, епископомъ быть не можетъ, ибо только правовѣрующій и правильно поставленный есть законный пастырь общины, гдѣ же нѣтъ законнаго епископа, тамъ нѣтъ и законнаго синода, тамъ нѣтъ и католической церкви. Власть Рима надъ Италіей вытекала вполнѣ послѣдовательно изъ привилегіи римскаго учительства, такъ какъ подчиненіе Риму значило подчиненіе апостольской истинѣ. Когда же варвары аріанскаго исповѣданія захватили въ свои руки католическія области въ Галліи и Испаніи, то и здѣсь родилась насущнѣйшая необходимость сближенія съ Римомъ, ибо церковь св. Петра одна могла своей властью поддержать чистоту исповѣданія и апостольскаго порядка въ этихъ еретическихъ странахъ. Тогда же получило признаніе въ римской церкви и постановленіе сардикскаго собора о власти папы надъ всѣмъ западомъ, которое выдавалось за 6-й канонъ Никейскаго. Оффиціальное же признаніе канонической юрисдикціи Рима надъ всѣмъ западомъ Европы получило свое выраженіе въ законѣ Валентіана III: «ни епископы Галліи, ни какой-нибудь другой провинціи не должны ничего предпринимать противъ древнихъ обычаевъ безъ авторитета достопочтеннаго папы вѣчнаго города» [1]). Изъ учителя истины Римъ сталъ судьею запада, такъ какъ только римское католичество было основой церковнаго устройства, его благодатной силы и значенія. Вотъ въ краткихъ выраженіяхъ та идея, которая доставила Риму побѣду надъ Италіей и западной Европой: гдѣ Римъ— тамъ католичество и законное церковное устройство, гдѣ же устройство, тамъ и церковь; если эти страны хотѣли истинной церкви, онѣ должны были подчиниться Риму. Но востокъ? Вѣдь на востокѣ тоже были свои вселенскіе центры, тамъ тоже были вполнѣ законные преемники апостоловъ, которые могли блюсти и за чистотой вѣры и за правильностью церковнаго устройства. И тамъ, по примѣру Рима, были подчинены отдѣльныя общины провинціальнымъ синодамъ и архіепископской власти; и тамъ

---

[1]) Niehues, в. н. с, стр. 335.

мы встрѣчаемъ, на подобіе стараго Рима—Римъ новый, который претендуетъ на примать востока такъ же, какъ папы претендовали на примать запада. Здѣсь вселенскій авторитетъ римской церкви встрѣчался съ совершенно нежелательными соперниками, изъ которыхъ одинъ въ особенности былъ ему опасенъ—а именно патріархъ Константинополя. И вотъ мы видимъ удивительную картину раздора. Старый Римъ, этотъ творецъ церковнаго права и церковнаго устройства, встрѣчается именно на почвѣ каноническаго права съ восточными патріархами, которые восприняли цѣликомъ каноническое ученіе Рима, обратили его въ свою пользу, и, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Римъ, потребовали для себя первенства надъ вселенскою церковью. Пока еще дѣло шло о раздѣленіи этого первенства между всѣми патріархами, единство внѣшняго устройства церкви держалось. Но вотъ патріархъ Константинополя подчиняетъ себѣ всѣ церкви востока такъ же, какъ папа подчинилъ себѣ церкви запада, и теперь возникаетъ вопросъ, кто болѣе имѣетъ права на вселенское учительство и вселенскую власть: патріархъ ли Царьграда, поддержанный восточными преемниками апостоловъ, или папа Рима, до сихъ поръ имѣвшій, по крайней мѣрѣ, почетный примать вселенской церкви, т.-е. бывшій первымъ среди равныхъ? Какъ извѣстно, споръ этотъ за первенство всей церкви кончился великимъ церковнымъ расколомъ между востокомъ и западомъ. Папа остался для всѣхъ западно-европейскихъ народовъ единственнымъ представителемъ католической истины и единственнымъ преемникомъ апостольской власти надъ всей церковью. Постановленія латинскаго сардикскаго собора нашли для запада полное примѣненіе на практикѣ: папа получилъ право юрисдикціи и управленія всей церковью.

Теперь для завершенія католическаго церковнаго единства надо было совершить еще одинъ шагъ, нужно было уничтожить остатки самостоятельности провинціальныхъ церквей, надо было поднять папу надъ вселенскимъ соборомъ, однимъ словомъ, надо было церковь подчинить неограниченной власти духовнаго монарха. И это совершилось; святой подлогъ лже-Исидоровыхъ декреталій помогъ дѣлу; какъ раньше лживая редакція никійскаго канона, такъ теперь завѣдомо подложный документъ сталъ основаніемъ полнаго порабощенія епископата; папа сдѣлался постепенно непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ іерарховъ, черезъ нихъ же и всего священства. Учрежденіе монашескихъ

орденовъ поставило подъ команду святого отца тысячи испытанныхъ и преданныхъ бойцовъ, рыцарскіе ордена объединили вооруженныхъ монаховъ, солдатъ и священниковъ, бенедиктинцы дали цѣлый рядъ папскихъ теологовъ, легистовъ и инквизиторовъ, францисканцы—фанатичныхъ подвижниковъ и аскетовъ, іезуиты—политиковъ, дипломатовъ, администраторовъ и педагоговъ. У папы была духовная армія, какой никогда не было на востокѣ: при ея помощи можно было поработить весь міръ, а прежде всего церковь. И это совершилось. Римскій помѣстный соборъ заступилъ мѣсто вселенскаго, прежнія соборныя права архіепископа перешли къ папѣ; онъ сталъ главой вселенскаго собора, постепено онъ сталъ надъ нимъ; онъ сталъ надъ церковью, сталъ выше ея. Церковное свидѣтельство истины ему уже болѣе не нужно. Гдѣ папа, тамъ и вселенская истина. Ватиканскій соборъ довершилъ весь этотъ ходъ развитія католической идеи, папа провозглашенъ непогрѣшимымъ законодателемъ вѣры, когда говоритъ «ex cathedra», онъ одинъ, движимый божественнымъ духомъ, постигаетъ самъ и учитъ вѣчной истинѣ церковь, онъ одинъ, какъ намѣстникъ Бога, связываетъ и разрѣшаетъ на землѣ и на небѣ, держитъ въ своихъ рукахъ ключи отъ царства небеснаго, онъ одинъ обладаетъ всею полнотой божественной власти для управленія церковью и дѣломъ спасенія; его власть—это potestas plena suprema, ordinaria, immediata, episcopalis, т.-е. полная верховная ординарная, непосредственная и епископская; онъ есть episcopus episcoporum, pater patrum, omnium capitum caput, т.-е. епископъ епископовъ, отецъ отцовъ, глава всѣхъ главъ церкви! Его приматъ это воистину центральная сіяющая жизнь, могучій дѣятельный центръ, назначеніе котораго «держать церковный организмъ въ единствѣ тѣла и духа христовыхъ». Итакъ, католичество организовалось! Мѣсто древняго императора-бога занялъ богъ-первосвященникъ. Онъ насиліемъ поведетъ непокорныя, слабыя души ко Христу, онъ объединитъ человѣчество въ счастливое и вѣрующее стадо, возьметъ на себя одного бремя непосильной для нихъ христіанской свободы [1]).

Но параллельно съ этимъ процессомъ развитія идетъ другой: подчинить государство церкви, сдѣлать сувереновъ данниками

---

[1]) Sohm, Kirchenrecht. стр. 377—459; Loening в. н. с. т. I., стр. 423—429, т. II, стр. 62—98; Geffcken. в. н. с., стр., 100—114 Döllinger Kirche, стр. 25—38, Hergenröther, в. н. с. стр., 867—878.

святого престола, поставить законъ церкви надъ свѣтскимъ правомъ, завладѣть мечемъ воиновъ и судей для поддержанія единства и чистоты вѣры, для защиты церкви, для пораженія еретиковъ,—вотъ тѣ великія задачи, которыя приняла на себя католическая церковь среднихъ вѣковъ, когда она встрѣтилась съ полудикими народами германцевъ съ ихъ феодальнымъ государственнымъ строемъ. Надо ей отдать справедливость, она была первой и могучей просвѣтительницей запада: она принесла ему христіанство, выучила его читать и мыслить, она познакомила его съ римскимъ правомъ, дала ему идею имперіи и монархической власти. Церковь была источникомъ и началомъ германо-романской культуры. Но за свои дары она потребовала соотвѣтственной награды: взамѣнъ религіи, нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, она пожелала власти не только надъ церковной жизнью народовъ, но и надъ ихъ свѣтской жизнью. Идеалъ принудительной церкви она желала воплотить въ его чистѣйшей формѣ, именно въ формѣ вселенской теократіи или іерократіи. Но государство не уступило безъ сопротивленія своей самостоятельности и свободы, оно само заявило претензію на божественное назначеніе и божеское право и, въ свою очередь, желало самостоятельно и властно осуществить свое религіозное господство надъ подданными и національной церковью. Началась борьба между государствомъ и церковью. Эта борьба и составляетъ въ средніе вѣка содержаніе церковно-политической исторіи западной Европы. Перипетіи этой борьбы были различны: побѣда склонялась то на одну, то на другую сторону. Началась эта борьба, однако, преобладаніемъ государства.

При меровингахъ папы, тѣснимые аріанами, вестготами, а потомъ лангобардами, естественно искали помощи у католическихъ франковъ; Римъ долженъ былъ уступить, ему пришлось довольствоваться только учительнымъ чисто-нравственнымъ авторитетомъ и въ франкскомъ государствѣ и въ церкви. Король давалъ свое разрѣшеніе на созваніе общихъ и провинціальныхъ синодовъ, король распредѣлялъ епархіи, утверждалъ епископовъ, разрѣшалъ новымъ членамъ поступленіе въ составъ клира, давалъ позволеніе епископамъ отлучаться изъ епархіи, даже разрѣшалъ учрежденіе новыхъ миссій среди язычниковъ. Церкви было, правда, оставлено римское право, но надъ нимъ былъ поставленъ королевскій законъ; церкви были дарованы иммунитеты и привилегіи, но ихъ защищалъ королевскій «миръ»,

короли не мѣшались въ чисто-религіозныя дѣла, предоставляли церкви извѣстную автономію и свободу, но и сами не терпѣли никакого вмѣшательства въ дѣла государственныя—свѣтскія. Но одна крупная ошибка была сдѣлана уже при меровингахъ; уже тогда на почву церкви было брошено злое сѣмя, которое впослѣдствіи пышно разрослось плевелами: епископы стали не только крупными землевладѣльцами, но и сеньорами, феодальными господами и баронами; благодаря иммунитетамъ, какъ справедливо замѣчаетъ Ленингъ, «церковное землевладѣніе все болѣе и болѣе обращалось въ замкнутую, закрытую для органовъ государственной власти, область и, если первоначально дарованныя права были почти что только финансоваго характера, однако, рано или поздно за ними слѣдовали и сеньоральныя права» [1]). Такъ создалась въ государствѣ франковъ могущественная церковная аристократія, которая въ союзѣ со свѣтскими баронами поколебала престолъ меровинговъ [2]). При господствѣ мажордомовъ власть папъ уже значительно усилилась; папы, правда, по-прежнему были беззащитны по отношенію къ своимъ воинственнымъ сосѣдямъ, по-прежнему униженно и непрестанно вымаливали у франковъ вооруженной защиты и территоріальныхъ владѣній; но теперь уже и папы были нужны франкамъ; для того, чтобы сломить могущество духовной аристократіи, необходимо было содѣйствіе Рима; прикрываясь авторитетомъ папы, мажордомы могли произвести всѣ нужныя церковныя реформы; подчиняя франкскую церковь римскому первосвященнику, они подчиняли ее тѣмъ сильнѣе своей власти, такъ какъ папу они держали въ своихъ рукахъ. Съ другой же стороны, папа былъ имъ нуженъ и для династическихъ цѣлей: мажордомы рѣшили возложить королевскій вѣнецъ меровинговъ на свою голову, и здѣсь опять понадобился высшій авторитетъ церкви для того, чтобы оправдать и освятить эти нарушенія франкскаго государственнаго права. Мало этого, папа Стефанъ потребовалъ отъ франковъ клятвы на вѣрность новой династіи и оградилъ неприкосновенность этой послѣдней—угрозой церковнаго наказанія; такъ впервые папы приняли участіе въ замѣщеніи королевскихъ троновъ и церковной властью устано-

---

[1]) Loening в. н. с. т. II, стр. 41.

[2]) Государство и церковь при меровингахъ Löning, в. н. с. т. II, стр. 1—41, Fehr, Staat und Kirche in fränkischen Reiche. Wien, 1369, стр. 1—79; Geffcken, в. н. с., стр. 115—119; Maassen, в. н. с., стр. 71—74.

вили отношеніе вѣрности между государемъ и подданными,— прецеденты, которые могли вести къ весьма опаснымъ послѣдствіямъ. Но тогда папы были еще фактически слабы, и члены династіи Арнульфа не могли и предположить, чтобы этотъ несчастный епископъ, живущій буквально по ихъ милости, когда-нибудь посмѣлъ заявить права смѣщать и назначать королей! При Карлѣ Великомъ, въ общемъ, продолжалась та же политика; король все болѣе и болѣе приводилъ церковь своего государства въ подчиненіе папѣ, а самого папу все болѣе и болѣе ставилъ въ зависимость отъ своей воли; по мѣрѣ же того, какъ росло и расширялось государство Карла, росла и расширялась власть Рима, когда же владѣнія франковъ охватили пространство почти всего тогдашняго запада, то и власть папы надъ этими странами получила полное реальное фактическое осуществленіе. Канонической приматъ Рима получилъ, благодаря Карлу, въ высшей степени живое содержаніе; его мощь поддержала церковное римское право. Но самъ папа былъ въ полной зависимости отъ Карла, а вмѣстѣ съ папой и вся западная церковь. Повелитель франковъ самъ созывалъ соборы, утверждалъ ихъ постановленія, вмѣшивался въ рѣшеніе догматическихъ вопросовъ (Франкфуртскій соборъ 794 г.), назначалъ епископовъ, поддерживалъ церковную дисциплину, назначалъ визитацію монастырей, учреждалъ школы, даже устанавливалъ посты, праздники и провѣрялъ проповѣди, самъ папа долженъ былъ давать Карлу клятву вѣрности и былъ при немъ только первымъ епископомъ государства. Карлъ такъ опредѣлялъ, въ своемъ письмѣ къ папѣ Льву III, ихъ взаимныя обязанности: «наша задача—съ помощью божественной благодати извнѣ оружіемъ защищать церковь Христову противъ нападенія язычниковъ и опустошенія среди невѣрныхъ, внутри же защищать ее посредствомъ содѣйствія къ признанію католической вѣры. А на васъ лежитъ обязанность съ мудростью соблюдать каноническія правила и постоянно слѣдовать предписанію отцовъ» [1]). Какъ очевидно изъ этого письма, король франковъ предоставляетъ папѣ только чисто духовныя, священническія обязанности, все же остальное бралъ на свои могучія плечи. И все-таки, несмотря на все это, несмотря на власть Карла въ церковныхъ дѣлахъ, несмотря на все смѣшеніе въ государствѣ франковъ

---

[1]) Цитирую по Маассену в. н. с., стр. 87.

духовнаго и свѣтскаго, несмотря на все подчиненіе папы франкскому королю,—между властью Карла надъ церковью и византійской системой подчиненія церкви государству лежало громадное и существеннѣйшее различіе: византійскій императоръ, въ силу римскаго права, былъ юридическій властитель церкви, Карлъ—только фактическій, временный ея распорядитель; восточные императоры покорили церковь государству въ силу политическихъ соображеній государственнаго единства, Карлъ подчинялъ государство церкви во имя ея религіозныхъ цѣлей; императоры завѣдывали церковными дѣлами, какъ епископы для внѣшнихъ дѣлъ церкви въ силу своего собственнаго права, Карлъ и его преемники—какъ спеціально приглашенные «ad hoc» римскимъ первосвященникомъ лица, которыя дѣйствовали въ данномъ случаѣ какъ бы по особому порученію римской церкви. Между государственной властью и церковными правами Пипина, Карла и Каролинговъ не было органическаго, традиціоннаго единства: франкскіе монархи стали управителями церкви не въ силу своего собственнаго права, а въ силу чужого полномочія, которое естественно могло быть потомъ измѣнено и даже вовсе отнято. Вглядимся ближе въ конструкцію ихъ церковной власти. Пипинъ былъ «патриціемъ римлянъ», Карлъ сталъ не только римскимъ патриціемъ, но и римскимъ «императоромъ»—«Carolus serenissimus augustus a Deo coronatus magnus et pacificus imperator Romanum gubernans imperium [1]), но ни тотъ, ни другой титулъ не были ни дарованы, ни признаны тогдашними законными римскими монархами; откуда же идутъ эти титулы и связанныя съ ними права? Что значитъ прибавка «gubernans Romanum imperium?» вѣдь само собою понятно, что римскій императоръ управляетъ римской имперіей. Почему, наконецъ, самъ Карлъ такъ смиренно и терпѣливо добивался при византійскомъ дворѣ признанія своего императорства, разъ уже онъ имъ владѣлъ? Но въ томъ-то вся и суть, что имперія Карла и патриціатъ Пипина были: первая церковнымъ освященіемъ фактическаго универсальнаго королевства Карла, а второй — чисто церковнымъ титуломъ; происхожденіе того и другого титула чисто церковное, хотя и нашедшее основаніе въ тогдашней, фактической власти франкскихъ государей. Содержаніе же этихъ титуловъ

[1]) Цитирую по Döllinger'y, das Kaiserthum Karls des Grossen und seiner Nachfolger, въ Akad. Vorträge. B. III München, 91, стр. 139.

было слѣдующее: въ силу своего римскаго патрпціата, франкскій король получалъ право покровительства и защиты римской церкви; очевидно, это право менѣе содержитъ въ себѣ правъ, чѣмъ обязанностей; въ силу своего римскаго императорскаго сана, онъ становился главою западнаго христіанства, хранителемъ единаго римскаго католичества, опорою церкви, но менѣе всего императоромъ въ старомъ римскомъ смыслѣ; въ государственномъ отношеніи онъ былъ и остался франкскимъ государемъ — это былъ только глава объединенныхъ военной силой варварскихъ государствъ и только «представителемъ» «gubernans» — Рима и римской области. У новаго церковно-римскаго императора не было ни ограниченной, всепоглощающей власти древнихъ императоровъ, ни всеобъемлющаго римскаго права, ни централизованной и мощной римской магистратуры, ни римскаго народа, стоящаго такъ высоко надъ всѣми варварами, ни римской культуры. Новая имперія заимствовала только два элемента прежней римской имперіи: ея церковныя обязанности и отчасти церковныя права и ея военное единство. Но послѣднее не долговѣчно, а первое, при преобладаніи обязанностей надъ правами, должно было скорѣе привести имперію къ подчиненію тому папству, которое ее создало, чѣмъ наоборотъ; не франкскимъ королямъ было покорить тотъ остатокъ подлинной римской культуры, который былъ закованъ въ броню вселенской римской церкви, не священной имперіи варваровъ было воплотить старую римскую идею. Ставши римской, новая имперія только покорилась Риму, а не овладѣла имъ» [1]).

«Когда римское государство сдѣлалось христіанскимъ, говоритъ Маассенъ, тогда оно могло всю тяжесть тысячелѣтней исторіи положить на одну чашку вѣсовъ противъ церкви на другой»... «Уже языческіе императоры были повелителями міра». Совершенно инымъ было положеніе возстановленной римской имперіи Карла Великаго... какъ разъ въ томъ, что составляло теперь основную мысль имперіи—въ ея міробъемлющей задачѣ, въ иманентномъ ея назначеніи преклонить всѣ народы земли подъ ея иго—она была продуктомъ церкви... «неотвратимая слабость императоровъ сдѣлалась однимъ изъ

---

[1]) Rettberg, Kirchengeschichte Deutschlands, Göttingen 1848, B. II, стр. 582 — 597. Döllinger, Akad. Vorträge B. III, стр. 77 — 143, Geffcken, в. п. с., стр. 120—131. Hinschius у Marquardsen'a Handbuch d. öffent Rechts I, стр. 194—197, Maassen, в. п. с., стр. 74—89.

главныхъ рычаговъ къ возвышенію власти папы, а съ нимъ и всей церкви, въ свѣтскихъ дѣлахъ» [1]).

Съ паденіемъ монархіи Карла Великаго уже приближалось время папской теократіи. Единаго властнаго главы всего западнаго христіанства уже больше не было. Титулъ римскаго императора остался въ наслѣдіе германскимъ королямъ вмѣстѣ съ обязанностью защищать папство и римскую церковь, но церковныя права германскихъ императоровъ постепенно угасали за невозможностью ихъ осуществить, папы нашли себѣ новыхъ заступниковъ въ видѣ норманновъ, и оградились отъ сѣвера цѣлой линіей автономныхъ и сильныхъ итальянскихъ республикъ. Настала пора провозгласить папу, а не императора, верховнымъ главою западнаго христіанства. Лже-Исидоровы декреталіи и здѣсь пригодились: въ этихъ подложныхъ документахъ,—наличность которыхъ въ римскихъ архивахъ не отказались оффиціально удостовѣрить папы,—было высказано, какъ неоспоримое положеніе, что не только клиръ и епископы, но что «всѣ» могутъ апеллировать къ римской церкви и искать ея защиты, «ибо и не должна и не можетъ мать забыть своего сына»; въ кодексѣ Граціана нагромождается цѣлая масса подложныхъ и подлинныхъ каноновъ, декреталій и догматическихъ положеній, которыя имѣютъ только одну цѣль: установить юридически то положеніе, что церковь стоитъ выше всѣхъ властей на землѣ, а папа есть ея самодержавный монархъ и законодатель. Право церкви все больше и больше беретъ верхъ надъ свѣтскимъ и все расширяются предѣлы церковной юрисдикціи.

Епископатъ и клиръ, ставшіе въ ряды феодальнаго королевства, занимаютъ постепенно положеніе могущественнаго и привилегированнаго сословія, образуютъ церковныя графства и герцогства, а іерархія въ цѣломъ составѣ, благодаря своимъ иммунитетамъ, становится государствомъ въ государствѣ и подчиняетъ себѣ постепенно свѣтскую власть. Побѣда церкви надъ государствомъ приближается. Правда, мощной рукѣ Оттона I и Генриха III еще удается сдержать на время папскія стремленія и дать почувствовать Риму оборотную сторону своего «juris advocatiae», права защиты церкви; правда, еще борется за свои церковныя полномочія Генрихъ IV и Фрид-

---

[1]) Maassen, в. н. с., стр. 39.

рихъ II, но эта борьба безплодна — она должна окончиться побѣдой папства; у императоровъ уже не хватаетъ военной мощи поработить Италію, да и самый блескъ ихъ короны свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ. Напрасно они думаютъ утвердить свою власть на непосредственномъ божескомъ полномочіи: уже папа Николай I рѣшительно указывалъ Карлу Лысому на церковное происхожденіе его власти, по этой же дорогѣ пойдутъ и Григорій VII, и Иннокентій III, и Бонифацій VIII. И вотъ создается, благодаря этимъ великимъ папамъ, замѣчательная теорія о превосходствѣ духовнаго надъ свѣтскимъ, о власти церкви надъ государствомъ, о подчиненіи всѣхъ монарховъ, всѣхъ царей земли единому владыкѣ неба и земли Христу — въ лицѣ Его намѣстника, папы. Сначала указывается, въ согласіи съ древними отцами, на различіе государства и церкви и первенство послѣдней; приводятся сравненія души и тѣла, неба и земли, солнца и мѣсяца, причемъ, конечно, государство уподобляется земнымъ и низшимъ явленіямъ, а церковь высшимъ, и изъ этой аналогіи выводятся послѣдствія не въ пользу государства; припоминаются затѣмъ ученія Григорія Великаго, Іоанна Златоустаго, папы Геласія о превосходствѣ церкви надъ государствомъ, провозглашается далѣе теорія двухъ мечей, согласно тому мѣсту изъ Евангелія (Луки 28—38), гдѣ Христосъ бесѣдуетъ съ Петромъ о мечахъ, взятыхъ апостоломъ для защиты; изъ этого мѣста выводится знаменитое положеніе, высказанное особенно ярко св. Бернардомъ, что оба меча, и свѣтскій и духовный, одинаково принадлежатъ церкви, причемъ одинъ изъ нихъ употребляется церковью, а другой для церкви, одинъ рукою священника, а другой — рукой воина, но по указанію священника и командѣ полководца; оба меча принадлежатъ св. Петру, но одинъ обнажается его рукой, а другой по его приказанію [1]). Къ этимъ ученіямъ присоединяется наконецъ теорія; такъ наз., нравственной цѣли государства, которая требуетъ подчиненія его низшихъ земныхъ цѣлей—цѣлямъ высшимъ, нравственнымъ и религіознымъ, которая требуетъ покорности государства церковной власти, такъ какъ «тому, говоритъ Ѳома

[1]) Uterque ergo Ecclesiae, et spiritualis sc. gladius et materialis; sed is quidem pro Ecclesia, ille vero ab Ecclesia exercendus, ille sacerdotis, is militis manu, sed sane ad nutum sacerdotis et jussu imperatoris (de consider. lib. IV c. 3) Petri uterque est: alter suo nutu, alter sua manu, quoties necesse est, evaginandus (Bern. epist. 256). Цитирую по Hergenrötther'у, в. и. с., стр. 381—382.

Аквинскій, кому принадлежитъ забота о послѣдней цѣли, должны подчиняться тѣ, кому принадлежитъ забота о цѣляхъ предшествующихъ, и они должны стать подъ его управленіе» [1]). И не иначе становится христіанскимъ государство, нежели отдѣльный человѣкъ, и не въ иныхъ средствахъ спасенія оно нуждается, нежели личность; для отдѣльнаго человѣка и государства одинаково нужна спасительная власть церкви; и какъ первый, удрученный первороднымъ грѣхомъ, только въ церкви находитъ оправданіе и спасеніе, такъ и государство, только подчинившись церкви, приближается къ царству Божію (civitas Dei) и перестаетъ быть исключительно земнымъ союзомъ людей (civitas terrena) [2]). Такъ училъ блаженный Августинъ, и такъ учили средневѣковые теологи. Если же мы сведемъ теперь всѣ основанія, въ силу которыхъ государство должно было признать верховенство церкви, то, слѣдуя Туррекрематѣ, получимъ слѣдующую схему: верховенство церкви вытекаетъ изъ древности ея учрежденія (ex antiquitate temporis — она началась еще въ ветхомъ завѣтѣ); изъ высоты ея происхожденія (ex nobilitate originis—она учреждена непосредственно Богомъ); изъ безпримѣрнаго ея достоинства (ex singulati dignitate—душа и тѣло и т. п.); изъ старшинства ея авторитета (ex majoritate auctoritatis); изъ высшаго достоинства ея цѣли (ex nobilitate finis); изъ самой причинности (ex causalitate), изъ ея юрисдикціи (ex juris dictione); изъ превосходства ея преимущества (ex superioritate praelationis); изъ полноты ея господства (ex amplitudine principatus); изъ крѣпости ея и силы (ex firmitate et fortitudine). И надо замѣтить, что всѣ эти теоретическіе выводы и положенія отнюдь не были мертвой буквой для средневѣковаго папства; напротивъ того, идея теократіи не только получила юридическое и богословское обоснованіе, но и предъявила опредѣленныя практическія требованія; и прежде всего былъ поставленъ на очередь вопросъ о прямой и непосредственной власти церкви надъ всѣми христіанскими государствами Европы, а слѣдовательно дѣло шло не болѣе и не менѣе, какъ о возстановленіи древняго римскаго единства въ

---

[1]) Ei, ad quem finis ultimi cura pertinet, subdi debent illi, ad quos pertinet cura antecedentium finium et ejus imperio dirigi — Thom. de reg. princ. I, 14, Hergenrötther, в. н. с., стр. 387—388.

[2]) Non aliunde beata civitas, aliunde homo, quam aliund non sit civitas, quam concors hominum multitudo. Aug. ср. 155 ib., стр. 397.

формѣ римской папской монархіи. «Если престолъ св. Петра рѣшаетъ и судитъ о небесномъ и духовномъ, то тѣмъ болѣе о земномъ и свѣтскомъ» — провозглашаетъ Григорій VII, и никто не освобожденъ отъ подчиненія этой власти, потому что апостола Петра «Господь нашъ Іисусъ Христосъ, царь славы, поставилъ княземъ надъ королевствами міра»; ему, а никому другому передалъ власть связывать и разрѣшать, «подчинивъ ему всѣ власти и княжества земного шара» [1]). «Іисусъ Христосъ, говоритъ другой папа, Иннокентій III, поручилъ св. Петру не только управленіе всей церковью, но и всѣмъ свѣтомъ; «онъ поставилъ во главѣ и того и другого, царства и священства, единое лицо, которое есть его намѣстникъ на землѣ» [2]), а посему и римскій первосвященникъ не есть представитель человѣческой власти, но онъ есть намѣстникъ на землѣ самого истиннаго Бога [3]). Посему и прпсущее ему достоинство выше человѣческаго. Наконецъ, въ знаменитой буллѣ Бонифація VIII — «unam sanctam» завершается достойнымъ образомъ теорія папской теократіи; этотъ великій папа исходитъ въ своей буллѣ изъ той идеи, что единой церкви, которая имѣетъ единаго Господа, единую вѣру, едино крещеніе, данъ и единый глава, намѣстникъ Христа и преемникъ Петра. Этому князю апостоловъ и его преемнику, папѣ, вручены два меча: духовный и свѣтскій; однимъ мечомъ онъ владѣетъ непосредственно, другой же находится въ рукахъ свѣтской власти, и имъ папа только распоряжается, а самъ не владѣетъ; этотъ второй мечъ подчиняется первому, а власть свѣтская—власти духовной, такъ какъ «ради вѣчнаго спасенія, объявляетъ, изрекаетъ, опредѣляетъ и провозглашаетъ папа, всякому человѣческому существу необходимо подчиниться римскому перво-

---

[1]) „Si enim coelestia et spiritualia sedes beat: Petri et judicat, quanto magis terrena et secularia“ (Gregor. Epist. IV, 26); цитирую по Laurent, La papauté et l'empire. Paris, 1865, стр. 109. „Nullum excepit, nihil ab ejus potestate subtraxit“. (Greg. Epist., IV, 2) ib., стр. 110. „Petrus apostolus, quem Dominus Iesus Christus, rex gloriae principem super regna mundi constituit“. (Greg. Epist. I, 63) ib.

[2]) „Dominus Petro non solum universam Ecclesiam, sed totum reliquit seculum gubernandum“ (Innoc. III, Epist. II, 209 ib). „Unum praeficiens universis quem suum in terris vicarium adinavit“ id. ibid).

[3]) Romanus pontifex non puri hominis, sed veri Dei vicem gerit in terris (Innocent. Registr. de negotio imperii epist. I, 335). Non hominis puri, sed veri Dei vicarius appellatur (id. ib. I, 326), цитирую по Laurent в. н. с., стр. 231, сравн. Hergenröther, в. н. с., стр. 420.

*

священнику» [1]). Понятно отсюда, что когда Бонифацій VIII торжественно праздновалъ великій юбилей въ 1300 году, то, украшенный тройной тіарой, опоясанный мечомъ, онъ возгласилъ, указывая на свой тронъ: «Не первосвященникъ ли есмь? Не престолъ ли это св. Петра? Развѣ не въ силахъ я защищать права имперіи? — Я есмь кесарь, я есмь императоръ!» [2]). «Итакъ, заключаетъ Маассенъ, идея принудительной церкви привела къ тому же результату, до котораго дошла античная мысль абсолютнаго государства въ ея историческомъ развитіи, — къ установленію неограниченной власти отдѣльнаго лица. Здѣсь римскій императоръ, тамъ римскій папа. Различіе только въ имени, въ существѣ же разницы никакой. Подобно тому, какъ императоръ признавался живымъ закономъ, который отъ Бога посланъ людямъ... такъ власть папы — безъ мѣры, числа и вѣса; онъ есть источникъ всякаго права и всѣхъ законовъ [3])». И въ самомъ дѣлѣ, эти слова почтеннаго ученаго не покажутся преувеличеніемъ, если мы прослѣдимъ самый объемъ компетенціи папской власти. Папа, по ученію средневѣковыхъ канонистовъ, имѣетъ право лишать народы свободы и имущества, дарить страны и новооткрытыя области, рѣшать о войнѣ и мирѣ, лишать престола князей и разрѣшать подданныхъ отъ вѣрности ихъ государю, передавать престолы непослушныхъ папѣ князей — другимъ, болѣе достойнымъ лицамъ, лишать свѣтскіе законы всякой обязательной силы «аннулировать» ихъ, опредѣлять границы вѣдомства свѣтской власти, осуществлять духовную юрисдикцію согласно канонамъ католической церкви безъ какого-либо вмѣшательства мірского правительства, пользоваться помощью свѣтской руки въ всемъ, гдѣ это папа признаетъ необходимымъ, и настолько, насколько это будетъ нужно для блага церкви и религіи. И эти права средневѣковые папы, хотя и не всегда и не во всемъ, но сумѣли осуществить. При Григоріи VII и Иннокентіи III мы видимъ ихъ, сидящими, дѣйствительно, во главѣ тогдашняго, государственнаго строя. Могущественныя царства были леномъ св. престола; импера-

---

[1]) „Oportet autem gladium esse sub gladio et temporalem auctoritatem spiritual subjici potestat...“ „Porro subesse Komano pontifici omni humanae creaturae declaramusi dicimus, diffinimus et pronuntiamus omnino esse de neccessitate salutis (c. id. M. et O. V. 7). Martens, в. и. с., стр. 33–34.

[2]) Geffcken, в. и. с., стр. 171.

[3]) Maassen в. и. с., стр. 132.

торъ Германіи, короли Англіи, Франціи, Испаніи, Венгріи и Саксоніи считались вассалами папы; въ ленной зависимости отъ римскаго первосвященника были не только государства Италіи, Богеміи, Болгаріи, Далмаціи, даже, какъ утверждаютъ историки, нашей далекой Россіи. Папы боролись за верховенство съ могущественнѣйшими монархами Европы, и не безъ успѣха; несчастный Генрихъ IV долженъ былъ заплатить позоромъ Каноссы за ослушаніе папы; Фридрихъ II великій Гогенштауфенъ, истомленный борьбой съ папой, напрасно молилъ черезъ посредство Людовика непреклоннаго Иннокентія о пощадѣ и мирѣ: папа торжествовалъ свою побѣду надъ трупомъ своего врага. Но часъ мщенія былъ уже недалекъ. Выродившаяся въ государство церковь скоро понесетъ кару за это; наступитъ авиньонское плѣненіе папъ, придетъ время великой схизмы, потребуется опять помощь свѣтской власти, какъ во времена великаго Карла, для реформаціи и обновленія выродившагося папства, и зараженной массой недуговъ церкви,— но идея католической теократіи все будетъ жить; правда, она приметъ новую форму, она провозгласитъ уже не прямую, а только косвенную власть церкви надъ государствомъ, по объемъ ея правъ, вытекающихъ изъ «косвенной» власти, врядъ ли многимъ будемъ меньше правъ ея власти «прямой». Содержаніе останется то же средневѣковое католичество есть все католичество; его идеалы останутся вѣчными свѣточами римскаго христіанства; его каноны—незыблемыми основами всего грандіознаго зданія папства; его завѣты будутъ жить въ той или другой формѣ, пока живетъ римская идея неограниченной власти, господствующей не только надъ тѣлами, но и надъ душами подданныхъ! [1]) Итакъ, наиболѣе логичная и послѣдовательная форма принудительной церкви и государственной религіи найдена: она дана католической теократіей. Идея вѣроисповѣднаго государства найдена: это папская вселенская монархія. И замѣчательно, «сходство съ средневѣковымъ папствомъ,

---

[1]) Отношеніе церкви и государства въ средніе вѣка см. Maassen, в. н. с., стр. 94—153; Martens в. н. с., стр. 5—52; Geffcken, в. н. с., стр. 142—173; Hinschius (Marquardsens Handb) 213—219; von Schulte, die Macht der römischen Päpste, Prag, 1871, стр. 26—65; Hergenröther, в. н. с., стр. 373—461; Molitor, в. н. с., стр. 111—302; Laurent, в. н. с., стр. 102—123, 226—247, 383—416; Friedberg, Die Grenzen zwischen Staat und Kirche, Tübing. 1872, стр. 37—42, id. Die mittelalterlichen Lehren über das Verhältniss von Staat und Kirche. z. f. R. K. VIII. B. Tübing. 1869, стр. 69—76.

говоритъ Маассенъ, имѣетъ даже въ большей степени языческое императорство, чѣмъ императорство христіанскаго времени»; «абсолютная власть папы находитъ себѣ равно родную аналогію единственно во всемогуществѣ языческаго императора» [1]). И, дѣйствительно, только въ древнемъ языческомъ Римѣ мы найдемъ аналогію папскому Риму; съ кѣмъ, какъ не съ императоромъ-богомъ, можно сравнить папу, этого божественнаго повелителя вселенной, стоящаго выше людей и ангеловъ намѣстника самого «всемогущаго Бога»? — Онъ вопстину и «divus» и «augustus». Гдѣ, какъ не въ абсолютной, всепоглощающей, всеохватывающей власти древняго Рима, найдемъ мы сравненіе для той страшной цѣпи мірового господства, которой думало сковать католичество и страны и народы. Гдѣ другая аналогія такого чудовищнаго смѣшенія земли и неба, насплія и молитвы, звѣрства и идеи, которое отличаетъ средневѣковую теократію такими удивительными чертами, и ставитъ ее во многихъ отношеніяхъ рядомъ съ тѣмъ Левіаѳаномъ, тѣмъ апокалипсическимъ звѣремъ, образъ котораго начерталъ св. Іоаннъ? Но различіе было, и притомъ весьма существенное: когда Римъ обожествлялъ земную власть и господство, онъ религіи не зналъ, какъ самостоятельнаго порядка жизни, онъ дѣйствовалъ именемъ Юпитера, а не Христа; когда онъ порабощалъ народы, онъ это сдѣлалъ во имя своихъ земныхъ, политическихъ цѣлей, а не небесныхъ; это была «civitas terrena», и насиліе и грѣхъ были ей присущи; когда онъ наспловалъ совѣсть, онъ зналъ только идею гражданскаго долга, а не долга внутренняго, духовнаго человѣка; христіанская совѣсть была ему неизвѣстна; самое небо древняго Рима было небо земное, и немудрено, что оно сплеталось и смѣшивалось съ землею, ея испареніями и соромъ. Но въ папскомъ Римѣ было уже нѣчто иное. Тамъ Юпитера замѣнили Христомъ, тамъ всю страшную силу проснувшагося религіознаго чувства сдѣлали орудіемъ порабощенія, тамъ царство небесное превратили въ земное, и всѣ величайшіе дары Духа, всѣ величайшія блага безсмертія положили на одну чашку вѣсовъ, чтобы воздвигнуть на другой желѣзную машину спасенія, чтобы объединить подъ ея гнетомъ всю вселенную и успокоить, подъ кровомъ непререкаемаго авторитета, въ твердомъ видимомъ

---

[1]) Maassen, в. н. с., стр. 132.

порядкѣ, жаждущее Христа, человѣчество. И если небо древнихъ было слишкомъ близко землѣ и мутно, а съ христіанствомъ открылся людямъ глубокій и чудный сводъ сіяющаго звѣздами вѣчнаго неба, то въ католичествѣ между землею и небомъ былъ воздвигнутъ куполъ св. Петра, и только подъ его каменнымъ кровомъ могла пламенѣть молитва католика, подыматься къ небу его воздыханіе, процвѣтать смиренная и порабощенная добродѣтель. Страшнѣе и сильнѣе власть святѣйшаго отца, нежели власть языческаго человѣко-бога, глубже, тоньше и неотвратимѣе орудія его власти, послѣдовательна и стройна его теорія насильственнаго спасенія, неумолима его логика, безпощаденъ его судъ, сурово наказаніе. И, если бы теократіи было суждено дѣйствительно воцариться надъ Европой, замѣчательную систему духовной и свѣтской тираніи представила бы она міру. Но она дѣйствовала все-таки слишкомъ достаточно, чтобы надолго убить свободу личной вѣры и совѣсти. Въ этой области католическая идея была особенно живуча.

И здѣсь опять-таки должна была сказаться разница между древнимъ Римомъ и Римомъ католическимъ. Если для римлянъ христіане были политическими преступниками и безбожниками, то для католической церкви еретики были преступниками еще худшими, оскорбителями самого Бога, бунтовщиками противъ Его власти, ослушниками Его законовъ. Если тамъ принципъ принудительной религіи строился на почвѣ государственныхъ интересовъ, то здѣсь онъ основывался на заповѣди самого Бога, говорящаго устами папы. Если тамъ свѣтскій законъ, императоръ и судья наказывали преступника, то здѣсь самъ Богъ, въ лицѣ священника, каралъ нечестиваго и предавалъ его мечу свѣтской власти. И чѣмъ ужаснѣе теперь казалось само преступленіе, тѣмъ страшнѣе должно было быть наказаніе; и, на самомъ дѣлѣ, такой послѣдовательной и утонченной жестокости, которую мы встрѣчаемъ въ преслѣдованіяхъ еретиковъ въ средніе вѣка, мы не найдемъ ни въ Византіи, ни въ древнемъ Римѣ,—гдѣ жестокія гоненія возникали только спорадически, а истязанія примѣнялись только какъ крайняя мѣра.

Но послушаемъ самихъ учителей и пастырей тогдашней римской церкви. «Еретики, говоритъ Иннокентій III, Бога, Сына Божія, Іисуса Христа оскорбляютъ» [1]); «по справедли-

[1]) Deum, Dei filium, Iesam Christum offendunt (Innocent, Epist II, 1) Laurent в. н. с., стр. 438.

вости, учитъ ангельскій докторъ, Ѳома Аквинскій: «ихъ можетъ свѣтскій судья убивать и лишать имущества, хотя бы и не соблазняя другихъ; такъ какъ они кощунствуютъ противъ Бога и соблюдаютъ ложную вѣру, то больше они подлежатъ наказанію, чѣмъ тѣ, кто виновны въ оскорбленіи величества, или тѣ, кто чеканитъ фальшивую монету» [1]). Но, кромѣ кощунства, виновны еще еретики и въ убійствѣ и при томъ тѣмъ худшемъ, что не тѣло убиваютъ, а душу, и если наказываютъ смертью фальшивыхъ монетчиковъ, то «насколько хуже, продолжаетъ Ѳома, извращать вѣру, которая есть жизнь души, нежели поддѣлывать монету, которая есть средство для нашихъ мірскихъ интересовъ!» [2]). Еретики—это лисицы, которыя желаютъ разрушить виноградникъ Господа, это скорпіоны, которые язвятъ жаломъ проклятія, это—саранча Іоселя, скрытая въ прахѣ среди неисчислимыхъ гадовъ; и правовѣрный императоръ Фридрихъ II повторяетъ слова Иннокентія III: «это хищные волки, сыны погибели, ангелы смерти, посланные демономъ для погубленія простыхъ душъ; это ужи, это змѣи! И само собою разумѣется, что смертная казнь является единственно достойнымъ наказаніемъ этихъ оскорбителей Божья величества, убійцъ души человѣческой, совратителей вѣры, бунтовщиковъ противъ церкви; Самъ Богъ повелѣваетъ убивать еретиковъ; это члены сатаны, они должны погибнуть до единаго» [3]). Такъ опредѣляетъ и Иннокентій III, согласно съ постановленіемъ IV Латеранскаго собора, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ: всѣ еретики осужденные, должны быть искоренены свѣтской властью по мѣрѣ возможности и подъ угрозой отлученія отъ церкви (c. 13. O. 3 X—): «Moneantur autem et indicantur, et si necesse fuerit, per censuram ecclesiasticam compellantur saeculares potestates quibuscunque fungantur officiis, ut, sicut reputari cupient et haberi fideles, ita pro defensione fidei praestent publice juramentum, quod de terris suae jurisdictioni subjectis universos haereticos ab ecclesia denotatos bona fide pro veribus exterminare studebunt».

---

[1]) „ludicio seculari possunt licite occidi et bonis suis spoliari, etsi alios non corrumpant, quia sunt blasphemi in Deum et fidem falsam abservant; unde magis possuntpuniri isti, quam illi qui sunt rei criminis laesae majestatis et illi, qui falsam monetam cudunt (Thomae in lib. sentent. IV, dist. 13, quaest 2. art. 3) ibid. 439.

[2]) Multo gravius est coerumpere fidem, per quam est animae vita, quam falsare pecuniam, per quam temporali vitae subvenitur (Thomae, secunda secundae, quaest, IX art. 3) ibid.

[3]) Obediundum est voci Domini Dei nostri ut haeretici radicitus evellantur (Eymerici Director Inquisit glossa super tilul Decretal. de haereticis) ibid, стр. 442.

И, конечно, правъ тогда, замѣчаетъ Маассенъ, «тотъ откровенный человѣкъ, который сказалъ, что наказаніе сожженіемъ есть единственно разумное для еретика, ибо оно есть наиболѣе тяжкое наказаніе, какъ ересь есть наиболѣе тяжкое преступленіе».

А между тѣмъ съ XII вѣка, когда окончился процессъ образованія папской теократіи, возникла и оппозиція противъ католицизма и его іерархіи. Во Франціи, Италіи и Бургундіи развилось движеніе вальдейцевъ, которое носило на себѣ мистико-аскетическій характеръ и требовало возвращенія къ первоначальной церкви; сектанты отрицали іерархію, безбрачіе духовенства, тайную исповѣдь, чистилище, поклоненіе святымъ и мощамъ, мессу, признавали причастіе только подъ обоими видами. Еще опаснѣе Риму была секта альбигойцевъ, которая главнымъ образомъ была направлена противъ самого католичества; альбигойцы признавали это исповѣданіе идолослуженіемъ и считали римскую церковь Вавилономъ, предсказаннымъ въ Апокалипсисѣ; это ученіе основывалось отчасти на манихейскихъ воззрѣніяхъ, отчасти на теоріи аріанъ и другихъ восточныхъ еретиковъ; оно распространилось въ Южной Франціи, Бургундіи, Италіи, Фландріи, Шампаньи, Трирѣ, Люттихѣ и Кельнѣ. Альбигойцы успѣли создать себѣ духовную организацію, собрали одинъ соборъ, даже вступили черезъ одного константинопольскаго епископа Никиту въ сношеніе съ восточными каоарами. Къ альбигойцамъ принадлежали не только низшіе классы народа, какъ это было у вальдейцевъ, но и многіе члены феодальной аристократіи и городского гражданства. Въ лицѣ этихъ сектъ Риму грозила серьезная опасность, и папы не замедлили вступить съ ними въ борьбу. На многочисленныхъ соборахъ были выработаны, прежде всего, всѣ необходимыя мѣропріятія. Были распредѣлены категоріи еретиковъ и неблагонадежныхъ по степени ихъ опасности, были установлены мѣры взысканія и предупрежденія, были организованы потребныя для искорененія ереси средства и учрежденія.

Прежде всего, какъ общее правило, было установлено преданіе еретиковъ свѣтской рукѣ и, слѣдовательно, смертная казнь чрезъ сожженіе для всѣхъ тѣхъ,—безъ различія пола, возраста и семейнаго ихъ положенія,—кто, въ отвѣтъ на всѣ убѣжденія церкви, упорствуетъ въ своихъ заблужденіяхъ; эта казнь сопровождалась конфискаціей имущества еретика, даже если у него

были католическіе наслѣдники; только внуки съ материнской стороны, въ случаѣ ихъ правовѣрія, могли наслѣдовать послѣ еретика; такимъ образомъ, якобы согласно писанію, и дѣти страдали за грѣхи отцовъ. Потомство еретика навсегда лишалось права занимать церковныя должности, исключенія могли быть сдѣланы только для тѣхъ членовъ семьи, которые доносили на другихъ: дѣти на отца, жена на мужа, и т. д. Затѣмъ, тѣ изъ еретиковъ,. которые обратились бы притворно или изъ страха смерти и наказаній въ лоно римской церкви, и всѣ еретики высшихъ степеней (perfecti, vestiti), по своемъ обращеніи подвергались выселенію въ чисто католическія мѣстности, инфаміи и пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, причемъ содержаніе ихъ уплачивалось или изъ ихъ состоянія, или, если его не было, то изъ церковныхъ средствъ. Только тѣ еретики, которые, по мнѣнію духовнаго суда, обращались искренно въ число правовѣрныхъ католиковъ, получали прощеніе и должны были нести «легкія» церковныя наказанія, т.-е. уплатить денежную пеню, надѣть особое позорное одѣяніе съ двумя крестами,—одинъ на спинѣ, другой на груди,— подвергнуться публичному бичеванію, участвовать съ розгами въ рукахъ въ процессіяхъ, а самое главное, ревностно помогать духовнымъ и свѣтскимъ властямъ ловить своихъ бывшихъ единовѣрцевъ, доносить на нихъ, обвинять и т. п. Эти лица, въ случаѣ непослушанія, или нерадиваго исполненія церковныхъ обязанностей, могли быть немедленно переведены въ разрядъ притворщиковъ или даже упорствующихъ; тотъ изъ нихъ, кто, разъ уже присоединившись къ церкви, отпалъ бы вторично въ прежнюю или иную ересь, подвергался немедленно передачѣ свѣтской власти на сожженіе. Всѣ лица, далѣе, которыя какимъ-нибудь образомъ проявляли свое сочувствіе еретикамъ, давали имъ кровъ и пищу, имѣли съ ними общеніе и знакомство, подвергались инфаміи, т.-е. лишались права занимать публичныя должности, права свидѣтельствовать на судѣ, дѣлать завѣщанія, заниматься адвокатурой и даже врачебнымъ искусствомъ. Домъ, который служилъ бы пріютомъ еретика, подлежалъ срытію до основанія, а самый участокъ земли—конфискаціи. Если же бы, однако, эти сочувствующіе продолжали поддерживать еретиковъ или отказались бы исполнять требованія духовной власти, они тѣмъ самымъ становились въ одинъ разрядъ съ упорствующими и подвергались одинаковой съ ними карѣ. Наконецъ, всѣ правовѣрные католики, которые

проявили бы мало рвенія въ истребленіи ересей и обнаружили бы какое бы то ни было ослушаніе церкви въ дѣлѣ преслѣдованія еретиковъ, подвергались отлученію отъ церкви со всѣми гражданскими послѣдствіями этого церковнаго акта: если это былъ владѣтельный князь, то за свою нерадивость въ преслѣдованіи ереси лишался престола, его подданные освобождались отъ долга вѣрности по отношенію къ нему, на самую же страну налагался интердиктъ; если это былъ судья, то его рѣшенія теряли обязательную силу, если это было частное лицо, то оно объявлялось внѣ права и внѣ всякаго гражданскаго общенія и т. д. Даже умершіе подвергались преслѣдованію за ересь; трупы ихъ вырывались изъ могилъ, сожигались, и пепелъ разсѣивался по воздуху. Какъ видно изъ этого краткаго перечисленія мѣръ наказаній еретикамъ и сочувствующимъ ереси, римская церковь далеко превзошла въ своихъ гоненіяхъ разновѣрующихъ Византію и даже древній Римъ. Сожженіе въ качествѣ ординарнаго наказанія всѣхъ еретиковъ, широкія рамки самаго понятія ереси, какъ преступленія, возможность произвольнаго причисленія къ еретикамъ и многихъ «подозрительныхъ» изъ числа обращенныхъ, тяжелое положеніе даже еретиковъ, возвратившихся въ католичество, жестокія кары всѣмъ недостаточно ретивымъ въ дѣлѣ доносовъ, взаимнаго шпіонства католикамъ,—все это можетъ найти аналогію развѣ въ самыхъ утонченныхъ кровавыхъ законахъ послѣднихъ языческихъ цезарей. Христіанская Византія до такой адской жестокости не доходила.

Но для осуществленія на дѣлѣ всѣхъ этихъ положеній и предписаній соборовъ нужны были и соотвѣтственныя средства: во-первыхъ, необходима была помощь свѣтскаго законодательства, во-вторыхъ, свѣтской военной и полицейской силы. Увы, ни въ томъ, ни въ другомъ недостатка не было. Все тогдашнее католичество было твердо убѣждено въ необходимости строжайшаго преслѣдованія еретиковъ, этихъ исчадій ада, святотатцевъ и оскорбителей Божьяго величества, и не только восприняло постановленія соборовъ въ свои уголовные кодексы [1]), но по зову

---

[1]) См., напр., постановленіе Саксонскаго зерцала—Sachsenspiegel. II. B. 4. 7. „Svelk kersten man oder wilf unhelovich ist, unde mit tovere umme gat oder mit vorgiftnisse, unde des verwunnen wid, den soll man uppehört brenen". Фридрихъ II Гогенштауфенъ постановилъ: „haeretici vivi in conspectu hominum cumburantur flammarum commissi judicio, ut animatrum incen, dia patiantur, et infernum in hac vita adhuc subeant". Даже въ Бамбергскомъ уголовномъ судебникѣ въ 1507 г. была статья 130: War durch den ordentlichen

папы создало цѣлыя арміи, для искорененія огнемъ и мечёмъ злыхъ еретиковъ и разрушенія ихъ убѣжищъ. «Костры, говоритъ Лоранъ, дѣйствовали недостаточно быстро, пламя, которое пожирало еретиковъ, распространяло ересь. Личное преслѣдованіе еретиковъ казалось недостаточнымъ и прибѣгли къ массовому преслѣдованію, къ войнѣ для ихъ уничтоженія». Былъ объявленъ крестовый походъ противъ еретиковъ; короли и князья призывались на помощь Христу; всѣмъ участникамъ въ этой святой экспедиціи было обѣщано отпущеніе грѣховъ, какъ за посѣщеніе св. земли или гробницы апостоловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ еретическіе сеньоры были провозглашены лишенными владѣній, а ихъ земли предназначены побѣдителямъ; былъ возбужденъ не только фанатизмъ, но и корысть. И святая война возгорѣлась; жестокость и кровожадность крестоносцевъ превзошла всѣ ожиданія; это была, по утвержденію историковъ, рѣзня, какой еще не видалъ свѣтъ, не было пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни старикамъ, ни малымъ, даже не разбирали католиковъ и еретиковъ: «рѣжьте, говорилъ папскій легатъ, всѣхъ безъ различія, Богъ сумѣетъ разобрать, кто Его, а кто не Его. Когда же послѣ взятія и разрушенія Безье, папскій легатъ доносилъ папѣ объ этомъ радостномъ событіи, онъ выразился такъ: «Наши не давали пощады ни званію, ни полу, ни возрасту, произошла неимовѣрная рѣзня непріятелей: городъ разграбленъ и сожженъ, божественное мщеніе свирѣпствовало удивительнымъ образомъ — «ultione divina mirabiliter in eam saeviente» (Laurent в. н. с., стр. 459—письмо Иннок. XII, 108). Избіеніе еретиковъ, сожженіе ихъ цѣлыми массами на кострахъ, все это производилось съ чрезвычайной радостью — «cum ingenti gaudio» (ib. 400) — во славу Христа и Его церкви; современные альбигойскому походу историки Божьему благоволенію приписываютъ даже удачное преслѣдованіе бѣжавшихъ еретиковъ: «хотя не всѣ, но все-таки нѣкоторые, слава Создателю, были настигнуты и убиты». Но не только сила была употреблена для отмщенія Божества, даже хитрость и обманъ считались позволительными для болѣе удачнаго избіенія нечестивыхъ: «О, святая ложь легата, восклицаетъ по этому поводу современный этому дѣянію монахъ-историкъ, о, лгущее благочестіе!». И въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ всѣхъ этихъ войнъ былъ

---

geistlichen Richter für einen Ketzer erkant, und dafür den Weltlichen Richter genantwort wurde, der sol mit dem fewer vom Leben zum Tot gestrafft werden"—Ришъ, в. н. с., стр. 770.

чрезвычайный. цѣлыя области были опустошены, сотни тысячъ населенія были перерѣзаны или сожжены; въ одномъ Безье поплатились жизнью 38.000 человѣкъ. Ересь была уничтожена. Комментаріи къ подобнымъ актамъ благочестія и справедливости, полагаемъ, излишни.

Но крестовые походы были, такъ сказать, экстренными, чрезвычайными мѣрами для истребленія еретиковъ; нуженъ былъ органъ для постояннаго наблюденія за ними и ихъ уничтоженія—и таковымъ была инквизиція. Уже въ 1184 году, послѣ Веронскаго собора, на епископовъ была возложена обязанность визитировать свои епархіи, опрашивать прихожанъ, производить слѣдствіе и судить еретиковъ. На Латеранскомъ соборѣ 1215 г. были подтверждены и развиты правила объ епископской инквизиціи; синодъ въ Тулузѣ въ 1229 г. еще развилъ положеніе объ инквизиціи, но только съ 1232 г. можно считать инквизицію окончательно установившейся, въ видѣ самостоятельнаго учрежденія, такъ какъ именно съ этого времени она была передана въ завѣдываніе монашескихъ орденовъ, спеціально же доминиканцевъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ куріи. Процессъ инквизиціи былъ чрезвычайно простъ въ своихъ основаніяхъ: онъ сводился къ тому, чтобы, пользуясь всѣми средствами насилія, обмана, корысти, вырвать изъ среды пасомыхъ возможно большее количество дѣйствительныхъ или мнимыхъ еретиковъ и сжечь ихъ. Для этого употреблялись слѣдующія мѣры: во-первыхъ, по своемъ прибытіи въ городъ, инквизиторъ путемъ индульгенціи собиралъ народъ и бралъ съ присутствующихъ клятву выдать всѣхъ еретиковъ. Доносчики получали за каждую жертву и денежную награду и опять индульгенцію на болѣе продолжительный срокъ, если же все-таки не было доносчиковъ, то тогда, подъ угрозой отлученія отъ церкви, инквизиторъ требовалъ выдачи еретиковъ. Тѣ, которые не прибыли для принесенія клятвы, считались подозрительными, и, если въ опредѣленный срокъ не являлись къ инквизитору, считались еретиками; среди прихожанъ инквизиторъ могъ избирать себѣ по желанію помощниковъ и сыщиковъ, которые обязаны были ему повиноваться подъ страхомъ отлученія; доносчиками и обвинителями могли быть лица, по общему правилу недопускаемыя къ обвиненію: малолѣтніе, рабы, даже преступники; обвиненіе было тайное, свидѣтели давали свое показаніе также въ тайнѣ отъ обвиняемаго; инквизиторъ имѣлъ право арестовать всѣ гра-

моты и письма еретика; защита и адвокаты не допускались. Для того же, чтобы въ нужномъ случаѣ вырвать признаніе у подозрѣваемаго или обвиняемаго, въ широкихъ размѣрахъ употреблялась пытка; пыткѣ подвергались по мѣрѣ надобности и другія участвующія въ процессѣ лица. Все производство было письменное и формальное. Инквизиторы имѣли право толкованія всѣхъ церковныхъ и свѣтскихъ законовъ о еретикахъ. Власть инквизитора была безгранична. Кто разъ попалъ въ его руки, тотъ былъ погибшимъ; путемъ ли ловкаго допроса, пытки или лицемѣрнаго участія, у несчастной жертвы вырывали если не признаніе, то нѣсколько противорѣчивыхъ показаній, и все было кончено, еретика вели на смерть; гдѣ не удавалось добыть признанія, тамъ пользовались тайными анонимными свидѣтельствами, доносами, обвиненіями, и результатъ былъ тотъ же — изъ рукъ инквизитора вырваться было нельзя, спасенія не было. И вотъ это-то страшное учрежденіе получило съ благословенія римской церкви распространеніе въ Италіи, Арагоніи, южной Франціи, а потомъ въ Англіи и Германіи; оно, словно гигантская неумолимая машина, поглощало въ свои кровавыя нѣдра тысячи человѣческихъ существъ, зажимало ихъ тамъ въ тиски святого процесса, вымучивало доказательства ихъ, въ большинствѣ случаевъ несуществующей, вины и выбрасывало еще живыми на раскаленные угли костровъ. И это все дѣлалось: «ad majorem Dei et sanctae ecclesiae gloriam», для отмщенія оскорбленій Христа, для искорененія враговъ единой католической церкви. Во истину позорная страница изъ исторіи средневѣковаго христіанства! Но инквизиція водворилась не безъ сопротивленія: римская церковь считаетъ много «святыхъ мучениковъ» среди инквизиторовъ, которые были убиты или растерзаны народомъ послѣ того, какъ они приступили къ своимъ «святымъ обязанностямъ». Такъ своею жизнью заплатилъ за свою неимовѣрную кровожадность, между прочимъ, и Конрадъ Марбургскій, одинъ изъ первыхъ инквизиторовъ Германіи. Нѣкоторые же инквизиторы пріобрѣли неувядаемую славу въ качествѣ истребителей еретиковъ: стоитъ назвать хотя бы имена великаго Ѳомы Торквемады и Дидана Дезы, чтобы въ представленіи читателя возникли образы безчисленныхъ испанскихъ ауто-да-фе. И до сихъ поръ католическій міръ въ своихъ молитвахъ благоговѣйно поминаетъ имена подобныхъ подвижниковъ церкви, обагрившихъ свои руки въ крови тысячи жертвъ:

и до сихъ поръ призываетъ онъ въ своихъ молитвахъ мрачныя тѣни этихъ душителей мысли и вѣры!

Но одна инквизиція не могла обезпечить чистоту вѣры безъ дополнительныхъ полицейско-предупредительныхъ мѣропріятій и помощи самого населенія. И вотъ наряду съ развитіемъ инквизиціи, мы видимъ и увеличеніе различныхъ стѣсняющихъ личность законовъ: такъ, чтеніе Евангелія дѣлается привилегіей одного только клира, а населенію предоставляется читать другія болѣе невинныя книги, въ родѣ псалтыря, книгъ богослужебныхъ и т. д., и притомъ только на латинскомъ языкѣ, а не въ переводахъ; запрещаются споры и разговоры «о божественномъ» и церковныхъ вопросахъ; запрещается кому бы то ни было, кромѣ клира, учительствовать и проповѣдывать безъ разрѣшенія папы. Выдѣляются цѣлые разряды гражданъ въ категорію подозрительныхъ или неблагонадежныхъ и надъ ними устанавливается особый надзоръ со стороны общины и феодальныхъ господъ; исполненіе церковныхъ обрядовъ также ставится подъ наблюденіе мѣстныхъ властей. Наконецъ, и свѣтская власть, и всѣ міряне призываются къ самому ревностному содѣйствію духовной власти, обязуются казнить осужденныхъ судомъ инквизиціи, конфисковать имущества еретиковъ, однимъ словомъ, стать палачами всѣхъ еретиковъ по приказанію и указанію духовной власти. Даже каждое отдѣльное лицо можетъ безнаказанно убивать еретиковъ, подвергаясь за это лишь легкимъ церковнымъ наказаніямъ. Такъ, сама инквизиція не проливала крови, но предавала еретиковъ «съ любовью» свѣтской власти, которая и казнила несчастныхъ подъ страхомъ церковнаго проклятія и вѣчной смерти въ будущемъ вѣкѣ.

И такъ погибли многія тысячи старыхъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей невинными жертвами священнаго судилища и церковной полиціи; еще больше погибло за свои убѣжденія, за свою вѣру и свободу совѣсти; ярко пылали костры Торквемады, тѣшилось сердце великаго инквизитора Конрада Марбургскаго, когда умирали на кострахъ и въ пыткахъ злые еретики, враги единаго папы-императора, этого новаго земного бога, взявшаго на откупъ кровь Христову, установившаго престолъ св. Петра на трупахъ еретиковъ, на обугленныхъ костяхъ схизматиковъ; и если Римъ въ прежнія времена захлебывался въ восторгѣ кровью мучениковъ, то теперь радовался и поучался «добрый» христіанскій народъ, глядя, какъ содрогаются въ

мукахъ тѣла преступниковъ, возставшихъ противъ святѣйшаго отца, пожелавшихъ служить Богу такъ, какъ ихъ научила ихъ вѣра и совѣсть. Кровавое сѣмя со временемъ созрѣетъ въ «добромъ» народѣ и вспыхнетъ пламенемъ атеизма и революціи. Такова историческая справедливость. Но не только въ видѣ наказанія требовалъ Римъ меча и казни, нѣтъ, это было не менѣе пригодное средство для обращенія иновѣрцевъ и язычниковъ къ Богу любви и всепрощенія. И хотя въ ученіи римской церкви довольно рано былъ установленъ принципъ, что власти церкви не подлежатъ всѣ, которые стоятъ внѣ ея, а терпимость относительно евреевъ, какъ свидѣтелей истины христіанства, даже основывалась на богословскихъ данныхъ, но дѣйствительность далеко не оправдывала этой теоріи: положеніе евреевъ въ средневѣковомъ государствѣ всегда было прекарное, а крестовые походы и походы для обращенія и крещенія невѣрныхъ никогда не только не вызывали осужденія римской церкви, но, напротивъ, получали съ ея стороны поощреніе и благословеніе. Такъ Карлъ Великій обращалъ въ христіанство славянъ, фризовъ и саксонцевъ, такъ Олавъ Тригвасонъ крестилъ Норвегію, такъ рыцари-монахи просвѣщали Лифляндію, Эстляндію и Пруссію, такъ за Пиренеями обращали въ христіанство мусульманъ и евреевъ. Не говоримъ уже о тѣхъ тысячахъ жизней, которыя унесли съ собой крестовые походы, это удивительное сочетаніе алчности и религіознаго фанатизма, самоотверженія и насильства. Цѣлыя арміи нищихъ, дѣтей, рыцарей, поселянъ, гражданъ надѣвали крестъ и шли убивать и грабить во имя Христа; города сожигались, жители избивались; по разсказу историковъ, въ Іерусалимѣ кровь стояла по колѣна, когда Готфридъ Бульонскій прекратилъ бойню; смерть несли съ собой христіане невѣрнымъ, и религія ислама казалась человѣчнѣе и выше по сравненію съ тѣмъ жестокимъ христіанствомъ, знаменіе котораго несли на щитахъ крестоносцы. Но поразительнѣе всего—это учрежденіе военно-монашескихъ орденовъ, которые Богу-Искупителю, Богу любви, приносили въ даръ не подвиги милосердія, а окровавленныя головы непріятелей, трофеи звѣрства и грѣха; словно не Христу служили они, а Ваалу, словно не почитаніе въ духѣ и истинѣ требовалъ Спаситель, а человѣческой гекатомбы.

Столько насилія, столько муки, столько убійства... и все это подъ знаменемъ святой церкви, по повелѣнію святѣйшаго

отца, намѣстника Бога на землѣ. Не могло сердце человѣческое выдержать такого противорѣчія, и хотя народы запада и были воспитаны и вскормлены католичествомъ, но настало время, когда они отказались отъ него и, довѣрившись слабому человѣческому разуму, стали искать свободы вѣры и свободы религіи. Не сразу далась эта свобода; много насилія предстояло еще пережить народамъ запада, но съ реформаціей дверь была открыта, и первый робкій лучъ религіозной свободы проскользнулъ въ мрачныя стѣны вѣкового католическаго храма [1]).

---

[1]) Lorent, La papauté et L'empire, стр. 430—472; Hergenröther, в. и. с., стр. 543—616: Ceffcken в. и. с., стр. 164—167. Martens, в. и. с., стр. 18—22. Dose—Die Curie und die Grundsätze des modernen Verfassungsrechts über die allgemeinen Rechte der Statsbürger (in Z. f. K. R. VIII. B., 1869), стр. 196—219. Maassen в. и. с., стр. 132—135.

РЕФОРМАЦІЯ И ПРАВО РЕФОРМИРОВАНІЯ.

Грубыя средства политическаго господства и духовной тираннiи, къ которымъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ прибѣгла римская церковь съ цѣлью созданія на землѣ новаго божескаго царства, неминуемо влекли ее къ полному извращенію ея собственнаго начала, къ полному разложенію ея нравственныхъ силъ и къ позорной гибели.

Опытъ средневѣкового католичества былъ новымъ опытомъ построенія вавилонской башни.

Какъ здѣсь, такъ и тамъ исходили изъ одного всеобщаго убѣжденія, что для восхожденія къ Божеству вполнѣ достаточно такихъ простыхъ и всѣмъ доступныхъ средствъ, какъ, съ одной стороны, цементъ и камень, а съ другой—политическая власть и господство; казалось, путь къ небесному царству чрезвычайно простъ: стоитъ только на извѣстную высоту взгромоздить тотъ матеріалъ, которымъ уже и такъ пользуются — тамъ каменотесъ и плотникъ, здѣсь воинъ и политикъ, и... лѣстница къ небу готова. Въ архитекторахъ и строителяхъ недостатка не было. Строители утверждали, что путь къ небу имъ въ соершенствѣ извѣстенъ. Они выработали подробный планъ всего зданія и отвели каждому человѣку часть работы по его силамъ и способностямъ. Зная, что человѣчество слабо и немощно, они не потребовали отъ него ничего ни новаго, ни чрезмѣрнаго. Все должно было остаться по-прежнему, только по одному кирпичу долженъ былъ положить ежедневно каждый вѣрующій на растущія стѣны постройки, только часть своей матеріальной работы долженъ онъ былъ отдать строителю въ его распоряженіе; только безропотнымъ послушаніемъ онъ былъ ему обязанъ при кладкѣ зданія. За вѣрующаго все было рѣшено и предусмотрѣно. Ему не надо было ни о чемъ ни думать, ни безпокоиться. Каждый

день онъ шелъ, довѣрчивый и спокойный, къ строителямъ, каждый день онъ укладывалъ свой кирпичъ и былъ увѣренъ, что этого вполнѣ достаточно, чтобы достичь въ концѣ-концовъ неба.

Упрощенная религія, священный обманъ, вѣчная попытка откупиться отъ тяжелаго подвига нравственнаго совершенства грошевой свѣчкой и лицемѣрнымъ раскаяніемъ. Вѣчная исторія слабаго маловѣрнаго сердца, думающаго обмануть Всевѣдѣніе овечьей шкурой на волчьей душѣ, расчитывающаго безъ усилій и хлопотъ обойти тѣсныя врата спасенія и проникнуть въ царство свѣта при помощи однѣхъ лишь подачекъ самозваннымъ его властителямъ и стражамъ.

Но вотъ башня поднимается все выше и выше. Строители сумѣли собрать къ ея подножію все человѣчество. Они при помощи огня и меча успокоили навѣки всѣхъ недовѣрчивыхъ, всѣхъ бунтовщиковъ и сомнѣвающихся. Они сосредоточили въ своихъ рукахъ громадныя богатства. Они присвоили себѣ власть всемірной имперіи, они повелѣваютъ царствами, начинаютъ и прекращаютъ войны, они достигли зенита возможнаго на землѣ могущества, власти, богатства, почести, они получили права на все, что только можетъ дать земля, и вотъ тутъ-то и совершается неизбѣжный и ужасный фактъ. Небо уходитъ! По мѣрѣ того, какъ возвышаются стѣны, возвышается и небосводъ. Это начинаютъ чувствовать и подвластные рабы и сами строители. Эти послѣдніе упорствуютъ въ продолженіи постройки. Все труднѣе становится удержать работниковъ при работѣ, все многочисленнѣе измѣнники и бѣглецы. Все отчаяннѣе средства, къ которымъ прибѣгаютъ строители. Но вотъ эти послѣдніе убѣждаются наконецъ сами, что дѣло проиграно. Они сами съ отчаяніемъ постигаютъ всю безцѣльность своей работы. Лучшіе строители бросаютъ постройку и идутъ въ другое мѣсто. Худшіе, прикованные къ постройкѣ алчностью и властолюбіемъ, остаются. Начинается деморализація и анархія. Начинается беззастѣнчивая эксплоатація строителями работниковъ въ ихъ личныхъ цѣляхъ. Недовольство и отчаяніе охватываютъ массы. Единство вѣры рушится, начинается смѣшеніе языковъ...

И надо прізнаться, паденіе католической церкви въ концѣ среднихъ вѣковъ было ужасающее. По единодушному свидѣтельству историковъ, положительно все тѣло средневѣковой

церкви разлагалось. Римъ, охваченный жаждой чести, свѣтской пріобрѣтательской политики, уже не брезгалъ никакими средствами, чтобы захватить въ свои руки Италію и отстоять свое священническое государство среди могучихъ волнъ новаго національнаго движенія въ Европѣ. Низкая интрига, гнусное предательство, самые возмутительные пороки и преступленія служили орудіемъ въ рукахъ папъ и запятнали собой ступени апостольскаго престола. Сикстъ IV не постыдился убійствомъ Юлія Медичи во время богослуженія, Юлій II беззастѣнчиво пользовался отлученіемъ отъ церкви и интердиктомъ для чисто политическихъ цѣлей въ борьбѣ съ Венеціей, организовалъ въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ продажу духовныхъ должностей, расширилъ въ невозможной степени торговлю индульгенціями и отпущеніемъ грѣховъ, вымогалъ съ паломниковъ громадныя суммы подъ предлогомъ войнъ съ турками и защиты храма Господня, и всѣ эти такимъ духовнымъ путемъ получаемыя средства тратилъ на свои личные расходы, отдавалъ на расхищеніе всевозможныхъ родственниковъ и приближенныхъ, бросалъ на наемъ разбойничьихъ бандъ кондотьери или подкупъ опасныхъ сосѣдей. Но своего зенита папскій развратъ и паденіе достигли безспорно при Борджіа. Сами по себѣ, въ качествѣ тогдашней итальянской династіи, они были не хуже другихъ, но ужасно здѣсь именно то, что свой открытый развратъ и преступленія они прикрывали тіарой намѣстника Господня, что они предметомъ продажи сдѣлали имя Христово, что они цинично волочили въ грязи тѣ святыни, къ которымъ все еще съ благоговѣйнымъ ужасомъ и слезами вѣры приближался паломникъ, такъ какъ предъ этими святынями такъ много было пролито крови мучениковъ и слезъ молитвы, и милліоны вѣрующихъ слагали предъ ними бремя своихъ земныхъ страданій и скорби. И такъ дѣйствовали не одинъ какой-нибудь папа, но цѣлые ихъ роды, и эта политика длилась не годы, а цѣлыя десятки и сотни лѣтъ. Немудрено, что невѣріе и цинизмъ стали однимъ изъ элементовъ римской духовной атмосферы, и римскіе прелаты при Львѣ X Медичи смѣялись, какъ римскіе авгуры, надъ таинствами христіанства и острили, какъ надъ миѳомъ, надъ fabula de Christa... Немудрено, что, когда докторъ Мартинъ Лютеръ побывалъ въ Римѣ, онъ окончательно понялъ, что отъ Рима ждать больше нечего.

Не менѣе печально было передъ реформаціей и положеніе

среднихъ и низшихъ органовъ церкви. Громадныя богатства были захвачены отдѣльными представителями іерархіи и служили изобильнымъ фондомъ для праздной и роскошной жизни духовенства. Многія церковныя учрежденія были совершенно разграблены совмѣстными усиліями свѣтскихъ и духовныхъ властей и раздѣлены между ними. Благодаря неподсудности духовныхъ лицъ общимъ государственнымъ судамъ, въ средѣ духовенства безнаказанно развились чудовищные пороки, практиковались преступленія и установилась система полнаго отчужденія всѣхъ сколько-нибудь значущихъ въ іерархіи священниковъ и епископовъ отъ духовныхъ дѣлъ, такъ что, если бы не нищенски оплачиваемые викаріи и всевозможные замѣстители, то положительно служба въ церквахъ могла остановиться, и вѣрующимъ грозило остаться безъ пастырей. Духовенство желало пользоваться доходами но не желало нести никакихъ обязанностей. Въ особенности получила распространеніе всеобщая продажность. Это было тѣмъ болѣе опасно, что въ рукахъ духовенства было сосредоточено очень много функцій чисто свѣтскаго суда надъ мірянами. Бракоразводныя дѣла, дѣла по завѣщаніямъ, споры по исполненію договоровъ, утвержденныхъ клятвой, дѣла о десятинахъ, всѣ юридическія дѣла лицъ, особо стоящихъ подъ покровительствомъ духовенства, т.-е. бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ и т. п., наконецъ уголовныя дѣла о ереси и духовныхъ преступленіяхъ, дѣла о прелюбодѣяніи, двубрачіи, конкубинатѣ, клятвопреступленіи и т. д. — всѣ эти дѣла, поскольку они вполнѣ или частью принадлежали духовнымъ судамъ, были изобильнѣйшимъ источникомъ для всевозможныхъ вымогательствъ, лихоимства, судебнаго грабительства и доставляли большія средства духовной іерархіи путемъ простой продажи правосудія заинтересованнымъ лицамъ. Но и этого мало. Самая сокровищница «заслугъ Христа и святыхъ», по опредѣленію Льва X, стала предметомъ оптовой и розничной торговли на пользу католическаго клира. За деньги можно было не только по сходной цѣнѣ получить отпущеніе грѣховъ въ настоящей жизни и будущей, но даже самыхъ отчаянныхъ грѣшниковъ, уже предназначенныхъ послѣ смерти адскимъ мученіямъ, можно было за извѣстную сумму спасти отъ вѣчной погибели, при помощи пріобрѣтенія извѣстной доли «заслугъ Христа и святыхъ». Нечего и говорить, конечно, что съ неменьшей легкостью вѣчное осужденіе и отлученіе, церковное проклятье и интердик-

ты употреблялись въ тѣхъ или иныхъ политическихъ или экономическихъ цѣляхъ, и не было ничего легче, какъ подпасть вѣчному проклятію въ силу простой невозможности уплатить требуемую сумму опредѣленному духовному лицу [1]).

Паденіе церкви, дѣйствительно, ужасающее. Но это былъ неизбѣжный результатъ средневѣковой измѣны христіанству и его ученію, неотвратимое слѣдствіе того порабощенія вѣры, поддѣлки Евангелія, подмѣны Христа, на которое посягнуло католичество во время расцвѣта своего торжества и силы.

При наличности данныхъ основаній, иное слѣдствіе было невозможно. Католичество поработило отдѣльнаго вѣрующаго. Желая захватить въ свои руки безусловно всѣ религіозныя движенія души человѣка, желая устранить какое бы то ни было непосредственное свободное общеніе человѣка съ Богомъ, оно создало всеобъемлющій, формальный законъ вѣры и любви, подчинило этому закону живую «алчущую» и «жаждущую» душу и повело человѣка этимъ точно опредѣленнымъ путемъ, по точно высчитаннымъ ступенямъ къ вѣчному спасенію и блаженству.

Ступени формальной вѣры, формальной любви и формальной добродѣтели—это именно тѣ ступени новой Вавилонской башни спасенія, которую строило католичество; это единый и исключительный путь вѣчнаго блаженства, къ которому оно прикрѣпило вѣрующаго, это единый способъ, которымъ можно открыть небесныя врата и достигнуть Бога.

И на этомъ законѣ католичество основало свое понятіе церкви. Гдѣ клиръ, тамъ и церковь. Клиру въ отличіе отъ міряпъ даны высшіе дары благодати, одинъ клиръ знаетъ истину и хранитъ преданіе; одинъ клиръ имѣетъ право законодательства въ лицѣ своего непогрѣшимаго монарха-папы, одинъ клиръ имѣетъ право связывать и разрѣшать на землѣ и на небѣ, только онъ одинъ распредѣляетъ дары благодати, расходуетъ сокровищницу заслугъ Христа и святыхъ, поддерживаетъ слабыхъ, направляетъ заблуждающихся, уничтожаетъ враговъ церкви, бунтовщиковъ противъ Бога, святотатцевъ, еретиковъ, схизматиковъ.

Итакъ, пусть вѣрующій идетъ спокойно на верхъ Вавилонскаго столба: у него вполнѣ благонадежные руководители! Они не только знаютъ путь на верхъ, но и имѣютъ средства къ его облегченію. Пусть слабый не боится своей слабости, пусть грѣш-

---

[1]) Geffcken, Staat und Kirche, стр. 199—202; Maassen, Neun Kapitel, рус. переводъ, стр. 149, 150, 151, 158.

ный не боится своего грѣха и заблужденій—у клира есть на всякій случай и легкая епитимья и индульгенція и даже такое великое средство, какъ христіанское таинство! Отъ строгости закона могутъ быть сдѣланы церковной администраціей и соотвѣтственныя изъятія и уступки; тамъ, гдѣ существуетъ строгій запретъ, можно сдѣлать индивидуальное исключеніе. Только въ одномъ нѣтъ пощады: сомнѣнія и непослушаніе недопустимы. Тотъ, кто осмѣлится утверждать, что башня спасенія не достигаетъ неба, кто хочетъ, оставаясь тамъ, внизу, вознестись выше столба своей молитвой и вѣрой, тотъ безпощадно подвергается смерти и ему предоставляется искать спасенія только въ черномъ дымѣ горящаго костра.

И надо ли говорить, что католичество, превратившее религію свободы въ законы рабства и отдавшее всѣ дары церкви на произволъ духовной власти, извратилось совершенно и запятнало себя невѣроятнымъ развратомъ?

Всякая деспотія развращаетъ, а духовная въ особенности. Сердце, лишенное свободнаго общенія съ Богомъ, становится злымъ и корыстнымъ. Разумъ, придавленный догмой, тупѣетъ. Нравственность теряетъ искренность и правдивость, превращается въ пустую обрядность и даетъ, съ одной стороны, цинича наго авгура, а съ другой—суевѣрнаго простеца и мошенника. Надо ли говорить дальше, что подобное положеніе вещей знаменуетъ собою полное упраздненіе нравственности и религіи, упраздненіе тѣмъ худшее, что оно совершается именно подъ знаменемъ того и другого начала. Надо ли дополнять эту картину указаніемъ на водворяющуюся вслѣдъ затѣмъ эксплоатацію болѣе слабыхъ сильными, на всеобщее невѣжество, на беззастѣнчивый развратъ и церковную анархію? — Все это уже мы видѣли выше, когда знакомились съ положеніемъ средневѣкового католицизма передъ реформаціей, повторять это излишне.

Ясно изъ вышесказаннаго, что причина религіознаго и церковнаго разстройства коренилась весьма глубоко, а именно въ самыхъ основаніяхъ католичества. Не менѣе очевидно отсюда, что нужна была радикальная реформа, чтобы возродить религіозную жизнь Европы, что реформа на католическихъ же основахъ была немыслима, и что всѣмъ попыткамъ въ этомъ послѣднемъ направленіи можно было наперед предсказать полное крушеніе.

Впрочемъ, такъ и случилось. Дѣятельность всѣхъ, такъ назы-

ваемыхъ, «реформаціонныхъ» соборовъ именно въ дѣлѣ реформы свелась къ нулю. И хотя на этихъ соборахъ выступилъ новый, уже государствомъ «реформированный» элементъ церкви, а именно—епископатъ различныхъ національныхъ церквей, но католическая идея и папство оказались сильнѣе этихъ глаштаевъ государственно-католической реформы. И все осталось по-прежнему. Если же эти соборы имѣли нѣкоторые практическіе результаты, то отнюдь не въ указанномъ направленіи. Такъ, пизанскій соборъ устранилъ папское двоевластіе и соблазнительный расколъ въ верховномъ управленіи церкви. Констанскій соборъ привелъ къ тому, что избранный имъ папа Мартинъ V, по соглашенію съ отдѣльными правительствами, переуступилъ имъ за извѣстное вознагражденіе нѣкоторыя права папскаго престола. Базельскій соборъ, несмотря на жестокую борьбу съ папой Евгеніемъ IV и на свои реформаціонные эдикты, остался не при чемъ, такъ какъ папа въ концѣ-концовъ побѣдилъ и уничтожилъ всѣ соборныя начинанія.

Гораздо дѣйствительнѣе была та «реформа», которую предприняли за свой страхъ и рискъ отдѣльныя государства Европы, при помощи своего новаго объединеннаго «суверенитета», абсолютной государственной власти, а также при національной поддержкѣ со стороны своихъ подданныхъ. Общеизвѣстны въ этомъ отношеніи опыты Карла VII во Франціи, Фердинанда и Изабеллы въ Испаніи, майнцкій законъ 1439 г. въ Германіи, и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ королевская власть для устраненія зла брала непосредственно въ свои руки назначеніе на церковныя должности, подвергала своей цензурѣ (placet) всѣ церковныя предписанія, ограничивала духовную юрисдикцію, водворяла порядокъ въ монастыряхъ, уменьшала финансовыя привилегіи церкви, стѣсняла ея право имущественныхъ пріобрѣтеній брала на себя и высшій надзоръ за дисциплиной (recursus ab abusu) и нравственностью духовенства, — однимъ словомъ, старалась вывести изъ непосредственнаго подчиненія папѣ ту или другую національную церковь, создавала свой національный епископатъ, и, опираясь на него, пыталась устранить наиболѣе вредныя стороны разложенія церкви и исцѣлить при помощи свѣтскаго вмѣшательства наиболѣе ужасныя язвы церковнаго неустройства. Но, какъ очевидно, данная система не отличалась ни послѣдовательностью, ни устойчивостью; католическіе принципы оставались неприкосновенными, и го-

сударство не могло замѣнить церкви. Нужна была реформа болѣе радикальная.

Такой была реформація, провозглашенная докторомъ Мартиномъ Лютеромъ. Противъ католической тиранніи вѣрующихъ онъ выставляетъ принципъ свободнаго, непосредственнаго и личнаго отношенія къ Богу; «по какому праву, пишетъ Лютеръ, полагаетъ намъ папа законы, кто далъ ему власть поработить свободу, сообщенную намъ крещеніемъ. Я говорю, ни папа, ни епископъ, ни какой бы то ни было человѣкъ не имѣетъ права установить хоть единую букву надъ христіаниномъ, если не будетъ на то его собственнаго согласія, что дѣлается иначе, дѣлается въ тираническомъ духѣ»; «свободны мы хотимъ и должны быть во всемъ, что внѣ Писанія». Эта свобода, по ученію реформаціи, была обусловлена тѣмъ, что не дѣла, а вѣра спасаетъ: человѣческая природа уже настолько повреждена грѣхомъ, что никакими дѣлами человѣкъ не можетъ заслужить спасенія. Кто вѣритъ, тотъ спасенъ. Вѣра, въ свою очередь, есть даръ Божій; и если вѣра, какъ глубокое религіозное настроеніе, проявляется въ извѣстныхъ добрыхъ дѣлахъ, то очевидно, что ни вѣра, ни дѣла не могутъ быть никому вмѣнены въ заслугу. «Вѣру же и добрыя дѣла также невозможно «раздѣлить», какъ въ огнѣ свѣтъ и горѣніе». Если же католическая церковь требуетъ дѣлъ закона и обрядовъ, то это требованіе изобрѣтено духовенствомъ, чтобы подчинить человѣка внѣшней дисциплинѣ и постоянно держать его своею властью. Въ рукахъ духовенства отпущеніе грѣховъ, обѣщанное людямъ, какъ даръ, за вѣру въ Христа, обратилось въ торговлю и въ орудіе тиранніи[1]).

Итакъ, стѣна, воздвигнутая католичествомъ между человѣкомъ и Богомъ, была разбита. Каждый вѣрующій ученіемъ реформаціи поставленъ непосредственно передъ Господомъ. Необходимость порабощенія желѣзному закону была устранена. Вавилонская башня спасенія оказалась излишней, небо приблизилось и открылось для свободной вѣры, «добрыя дѣла» перестали быть исключительнымъ показателемъ добродѣтели, нравственная оцѣнка личности углубилась.

Церковное преданіе въ рукахъ католическаго клира было,

---

[1]) Geffcken, в. н. с., стр. 205; Maassen, в. н. с., стр. 162.
Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій, Москва, 1869, т. 1, стр. 315—316. Проф. Суворовъ, Учебникъ церковнаго права, Ярославль, 1898 г. стр. 76—77.

далѣе, слѣдующимъ средствомъ для установленія тиранніи. Съ устраненіемъ всякаго участія церковной общины въ дѣлѣ храненія преданія, этотъ источникъ познанія истины перешелъ исключительно въ руки клира. Самое преданіе церкви смѣнилось авторитетомъ клира и притомъ авторитетомъ внѣшнимъ, принудительнымъ. Истина и ея толкованіе сдѣлались монополіей одного лишь духовнаго начальства. Не мудрено, что этой монополіей воспользовались въ чисто политическихъ цѣляхъ. Преданіе стало поддѣлываться. Практиковалась цѣлая масса положительныхъ обмановъ въ отмѣну истиннаго преданія и даже Евангелія. Такіе документы, какъ декреталіи лже-Исидора, какъ подложное дареніе Константина, какъ подмѣненныя соборныя положенія различныхъ соборовъ, имѣли полную силу въ католическомъ мірѣ благодаря только авторитету духовенства. И тогдашніе люди молчали. Церковный авторитетъ уничтожилъ всякую здоровую критику, всякую возможность храненія и пониманія преданія внѣ клира, всякую сколько-нибудь серьезную богословскую науку—и результаты на лицо. Средневѣковое христіанство не имѣло Евангелія, такъ какъ вмѣсто него стояло извратившее его ученіе клира и папы, не имѣло Писанія и преданія, такъ какъ и то и другое было загромождено массой ошибочныхъ и лживыхъ догматовъ и положеній, наконецъ не имѣло даже возможности очищенія и исправленія этихъ источниковъ истины, такъ какъ община была порабощена, а, говоря словами Маассена: «гдѣ господствуетъ религіозное принужденіе и практикуется тираннія совѣсти, тамъ община дѣлается тупой, тамъ она перестаетъ быть неподозрительной, безукоризненнымъ свидѣтелемъ унаслѣдованной вѣры отцовъ, тамъ она неспособна уже составить противовѣсъ односторонности, заблужденію, излишествомъ признанныхъ къ церковному руководству органовъ». «Плодотворное взаимодѣйствіе» клира и общины въ данномъ отношеніи «возможно только въ атмосферѣ полнѣйшей свободы»[1]). И Лютеръ сдѣлалъ то, что онъ единственно могъ сдѣлать. Не имѣя никакихъ средствъ немедленно очистить преданіе отъ загромождавшихъ его обмановъ и заблужденій, онъ превозгласилъ одно: «Слово», одно Писаніе источникомъ истины. Какъ бы ни разсматривать этотъ фактъ съ богословской точки зрѣнія, для насъ важно одно: Лютеръ разбилъ монополію истины въ рукахъ католическаго клира, освободилъ Евангеліе изъ-подъ гнета закры-

[1]) Maassen, в. н. с., стр. 156.

вавшихъ его кривотолковъ средневѣковья, поставилъ единый высшій законъ Писанія въ равной степени надъ всѣми вѣрующими и возвратилъ, по крайней мѣрѣ, христіанскую нравственность къ ея чистому первоначальному источнику. Съ этой поры стала возможна богословская и каноническая наука — какъ наука. Отсюда и громадная роль университетской науки для реформаціи [1]).

Слѣдующей основой католической духовной тиранніи была безусловно привилегія благодати священства. Именно эта привилегія дѣлала духовенство узаконеннымъ и непзбѣжнымъ посредникомъ между Богомъ и людьми, ставила духовныхъ лицъ въ положеніе исключительныхъ распорядителей даровъ благодати и выдѣляла клиръ изъ среды мірянъ, какъ особое духовное сословіе. Если Лютеръ хотѣлъ спасти превозглашенную имъ духовную свободу, если онъ признавалъ возможнымъ только при помощи оправданія вѣрить, онъ съ логической необходимостью долженъ былъ отвергнуть католическую привилегію благодати священства; въ противномъ случаѣ эта привилегія неминуемо создала бы новыхъ замѣстителей Бога въ церкви и подчинила бы имъ самую церковь. Лютеръ превозгласилъ всеобщее и равное священство всѣхъ вѣрующихъ. «Различія духовнаго и свѣтскаго чина не существуетъ, писалъ реформаторъ: ибо всѣ христіане по истинѣ духовнаго чина, и между ними нѣтъ иной разницы, кромѣ той, которая вытекаетъ изъ исправленія извѣстной должности, по словамъ апостола Павла, который говоритъ, что всѣ мы образуемъ одно тѣло, но каждый имѣетъ въ немъ свое призваніе, чтобы тѣмъ служить другимъ. Мы всѣ въ совокупности, черезъ крещеніе, посвящены въ іереи, какъ говоритъ апостолъ Петръ». «Всякій, кто сознаетъ себя христіанпномъ, да будетъ увѣренъ, что всѣ мы одинаково іереи, т.-е., что всѣ мы имѣемъ одинаковую власть въ словѣ Божіемъ и въ совершеніи таинствъ; но никому не позволено пользоваться этой властью иначе, какъ въ согласіи общества или по призванію высшаго. Ибо, что принадлежитъ всѣмъ въ совокупности, того никто не можетъ присвоитъ себѣ отдѣльно, пока онъ не будетъ къ тому призванъ» [2]).

---

[1]) Kahe, Bekenntnissgebundenheit und Lehrfreiheit, Akademische Festrede, Berlin, 1897, стр. 19.

[2]) Sohm, Kirchenrecht, Leipzig, 1892, стр. 472 и слѣд. 489—791; Rieker, Die rechtliche Stellung der ewangelischen Kirche Deutschlands, Leipzig. 1893, стр. 62; Geffcken, в. н. с., стр. 205—207. Суворовъ в. н. с., стр. 77. Чичеринъ, в. н. с., стр. 323.

Итакъ, третій оплотъ католичества сломленъ. Привилегія священства перестаетъ быть, по ученію протестантовъ, привилегіей и есть достояніе всѣхъ вѣрующихъ. Дары благодати, захваченные клиромъ въ свое полное и безраздѣльное владѣніе, отходятъ ко всей церкви. Клиръ и міряне сливаются въ понятіе всеобщаго священства, и возникаетъ вопросъ о новомъ понятіи церкви.

Церковь, по ученію Лютера, не есть нѣчто земное, подлежащее строго юридическому опредѣленію, это не есть видимое человѣческое сообщество, принадлежность къ которому обусловлена наличностью тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ условій, это не есть организація формальнаго замѣстительства Бога на землѣ, учрежденіе съ установленной закономъ принудительной властью, нѣтъ, это есть церковь невидимая, это союзъ духовный, къ которому, независимо отъ формальныхъ условій, принадлежатъ всѣ истинно вѣрующіе, это народъ Божій, соединеніе истинныхъ христіанъ во Христѣ, которое проявляется вездѣ, гдѣ двое или трое собраны во имя Его, гдѣ проповѣдуется слово Божіе и совершаются таинства. Правда, и въ церкви Лютера мы встрѣчаемъ особыхъ лицъ, на которыхъ возложено непосредственное служеніе Слова (ministerium Verbi), но это не лица, отличающіяся особымъ сообщеннымъ имъ даромъ священства, а лица, которыя, вообще, въ силу своихъ свойствъ и дарованій, являются особенно способными, свыше призванными къ отправленію указанной должности, и на основаніи этого дара Божія признаются общиной за поставленныхъ ей самимъ Богомъ учителей. Но признаніе общины не имѣетъ окончательнаго юридическаго характера; это признаніе должно имѣть характеръ длящагося непрестаннаго свидѣтельства, что данное лицо есть дѣйствительно свыше указанный обладающій соотвѣтственными дарованіями учитель истины. Какъ только это свидѣтельство прекращается, прекращается и теченіе его должности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, община не имѣетъ, по Лютеру, ни территоріальнаго, ни какого бы то ни было юридически отграниченнаго состава. Она, не смотря на свой измѣнчивый, непостоянный составъ, всегда имѣетъ характеръ всеобщій, вселенскій. Итакъ, учителемъ церкви является правильно призванный, равный по правамъ со всѣми остальными христіанами вѣрующій, о которомъ вселенская церковь свидѣтельствуетъ въ лицѣ общины, что у него есть дары (χάρισμα) для несенія церковнаго служенія (διακονία). Таковъ устано-

вленный въ протестантской церкви порядокъ внѣшняго проявленія невидимой церкви: какъ очевидно, онъ, въ противоположность церкви католической, не заключаетъ въ себѣ никакого формальнаго юридическаго элемента, а самое служеніе Слова является чисто духовной дѣятельностью, не связанной ни съ какой принудительной властью. Здѣсь не только духовная власть опирается на чисто нравственныя основы повиновенія ради любви и порядка, но и въ самой своей дѣятельности является исключительно носительницей «ключей» отъ Царства небеснаго, т.-е. чисто нравственнаго авторитета и духовнаго служенія.

Но обратимся къ словамъ самого реформатора: итакъ, хотя «никто не можетъ отрицать, что каждый христіанинъ имѣетъ Слово Божіе и наученъ и помазанъ во священника»... «но никто не долженъ самъ выдвигать себя, ни осмѣливаться дѣлать безъ нашего соизволенія и избранія то, на что всѣ мы имѣемъ равную власть»; «право общенія требуетъ, чтобы одинъ или многіе, сколько угодно общинъ, избирались и принимались съ тѣмъ, чтобы вмѣсто и во имя всѣхъ, имѣющихъ одинаковое право, отправляли эти должности публично, чтобы, такимъ образомъ, въ народѣ Божіемъ не было отвратительнаго безпорядка и изъ церквей не дѣлался Вавилонъ». И это признаніе общины необходимо нужно во все время служенія Слова: если избранный оказывается недостойнымъ, онъ «низлагается за свои злоупотребленія» и становится тѣмъ, «чѣмъ и раньше былъ». Съ другой же стороны, самая духовная власть рѣзко отличается отъ свѣтской: «власть ключей, какъ сказано въ Аугенбургскомъ Вѣроисповѣданіи, есть власть, данная апостоламъ отъ Христа, или, скорѣе, порученіе (mandatum) проповѣдывать Евангеліе, отпускать грѣхи и совершать таинства. Эта власть относится къ вѣчнымъ благамъ, она дѣйствуетъ словомъ и не вступается въ политическое управленіе... Итакъ, церковь не должна вступаться въ мірскія дѣла, располагать царствами, повелѣвать начальникамъ, отмѣнять законы... Епископы, какъ таковые, не имѣютъ никакого суда, никакой власти, кромѣ отпущенія грѣховъ».

Таково ученіе реформаціи о церкви. Съ богословской точки зрѣнія возможна, конечно, самая разнообразная его оцѣнка; но для насъ важно одно: противъ католическаго понятія видимой юридической церкви съ ея формальнымъ божественнымъ правомъ, съ принудительной духовной властью,—Лютеръ вы-

ставилъ понятіе церкви чисто-духовной, лишенной какихъ бы то ни было аттрибутовъ принужденія и церковнаго права. Этимъ зданію церковной теократіи среднихъ вѣковъ былъ нанесенъ незгладимый ударъ. Мечъ въ рукахъ священника потерялъ всякое оправданіе въ глазахъ протестантовъ [1]).

Съ устраненіемъ всякой принудительной власти изъ области церковныхъ отношеній, казалось бы, должно было пасть и всякое религіозное принужденіе. Вѣра стала свободнымъ актомъ воли человѣка; Писаніе превозглашено единымъ закономъ христіански вѣрующаго человѣчества. Сама церковь стала свободнымъ нравственнымъ союзомъ вѣрующихъ, объединеннымъ служеніемъ Слова и добровольнымъ «ради любви» подчиненіемъ тѣмъ свыше признаннымъ служителямъ истины, которые самою же общиною избраны и поставлены. Гдѣ же, казалось бы, здѣсь мѣсто принужденію вѣры и гнету совѣсти. Какъ безъ противорѣчія основнымъ принципамъ реформаціи возможно было бы и смѣшеніе грѣха съ преступленіемъ, и свѣтское наказаніе еретика, и его казнь по судебному приговору?

И, дѣйствительно, нѣкоторыя положенія Лютера и реформаторовъ могутъ навести на мысль, что реформація и въ этомъ своемъ логически необходимомъ выводѣ была вполнѣ вѣрна своимъ основамъ, вполнѣ послѣдовательно проводила свои принципы. Такъ, Лютеръ превозгласилъ, что «никто не долженъ быть принуждаемъ къ вѣрѣ, но всякій призывается. Кто долженъ придти, того Богъ самъ подвигнетъ призывомъ; если же Онъ не призываетъ человѣка, что̀ сдѣлаешь ты своими усиліями». Въ другомъ мѣстѣ реформаторъ пишетъ: «что касается вѣры, то она есть дѣло свободы, къ которому никого не должно принуждать. Даже она есть божественное дѣло въ духѣ, слѣдовательно, нельзя говорить, что власть внѣшнимъ образомъ можетъ вынуждать и создавать ее». «Какъ же они теперь хотятъ принудить людей вѣрить сердцемъ и видѣть то, что невозможно видѣть? Этимъ они насильственно заставляютъ слабыя совѣсти лгать, отрекаться и говорить иное, а не то, что у нихъ на сердцѣ, и сами обременяютъ себя, такимъ образомъ, тяжкими чужими грѣхами. Ибо вся ложь и фальшивое исповѣданіе такихъ слабыхъ совѣстей ложатся на того, кто ихъ принуждаетъ». «Ты скажешь опять:

---

[1]) Sohm, в. н. с., стр. 463—482, 483—506, 518—542; Rieker, в. н. с., стр. 41, 52, 79—86; Geffcken, в. н. с., стр. 207 и слѣд.; Maassen, в. н. с., стр. 160 и 167; Суворовъ, в. н. с., стр. 77; Чичеринъ, в. н. с., стр. 323.

да вѣдь свѣтская власть не принуждаетъ вѣровать, а только принимаетъ внѣшнія мѣры предосторожности противъ совращенія людей ложнымъ ученіемъ,—какъ иначе воспрепятствовать еретикамъ? Отвѣтъ: это должны дѣлать епископы, на которыхъ возложена эта должность, а не князья. Ибо ереси никогда нельзя помѣшать силою; здѣсь нуженъ другой пріемъ, другая борьба и другой образъ дѣйствій, а не мечъ. Слово Божіе должно здѣсь вести борьбу; если его недостаточно, то свѣтская власть тѣмъ болѣе не достигнетъ цѣли, хотя бы она весь міръ наполнила кровью. Ересь есть духовное дѣло, которое нельзя зарѣзать желѣзомъ, сжечь огнемъ, утопить въ водѣ». «Такимъ образомъ, еретиковъ должно было побѣждать Писаніемъ, какъ древніе отцы дѣлали, а не огнемъ. Если бы искусствомъ было побѣждать еретиковъ огнемъ, то палачи были бы ученѣйшими докторами въ мірѣ».

Далѣе, относительно перекрещенцевъ Лютеръ замѣчаетъ: «однако, это несправедливо и по истинѣ прискорбно для меня, что эти бѣдные люди такъ безжалостно убиваются: нужно каждому предоставить вѣровать, во что онъ желаетъ; если онъ вѣруетъ неправо, то довольно съ него наказанія вѣчнымъ огнемъ: зачѣмъ же хотятъ подвергать ихъ еще и временнымъ мученіямъ, коль скоро они только въ вѣрѣ заблуждаются, а не виновны, кромѣ того, и въ возмущеніи?» Мало того, когда постановленіе шпейерскаго рейхстага 1529 года положило юридическій предѣлъ дальнѣйшему развитію реформаціи, евангелическіе чины протестовали и объявили, что въ вопросахъ, которые касаются чести Божіей, спасенія души и блаженства каждаго, они, «по заповѣди Божіей», «ради» ихъ «совѣсти» обязаны и должны, прежде всего, повиноваться нашему Господу и Богу» [1]).

Изъ приведенныхъ цитатъ вполнѣ понятно, что нѣкоторые писатели по исторіи права свободнаго исповѣданія прямо превозглашаютъ, что именно реформаторы защищали «естественное право свободнаго исповѣданія» и «личной свободы вѣры», что они постигли «сокровеннѣйшіе корни личной свободы вѣры и исповѣданія», такъ что «все другое было только неотвратимымъ результатомъ этого основанія» [2]). Эти писатели, далѣе, находятъ,

---

[1]) Sohm, в. н. с., стр. 545—547; Rieker, в. н. с. 87—89; Geffcken, в. н. с., стр. 213—216; Maassen, в. н. с., стр. 182—183; Чичеринъ, в. н. с., стр. 320.

[2]) Bluntschli, Geschichte des Rechts der religiösen Bekenntnissfreiheit, Kleine Schriften, I B. Nordlingen, 1879, стр. 118.

что Лютеръ отстаивалъ свободу совѣсти «самымъ безусловнымъ образомъ», что онъ даже «безусловно» защищалъ апостольское правило, что Богу нужно повиноваться больше, нежели человѣку [1]); или даже утверждаютъ, что «впервые реформаціей была признана и превозглашена свобода совѣсти, какъ принципъ христіанской вѣры» [2]).

Такъ, въ сущности, и должно было бы быть, если бы реформація могла совершенно покончить съ средневѣковыми взглядами и понятіями. Логически ученіе реформаторовъ о вѣрѣ и церкви и не допускаетъ никакого положительнаго принужденія «къ вѣрѣ», никакого принужденія вообще, со стороны «духовной власти». Въ этомъ отношеніи реформація приближается къ современности, которая не допускаетъ ни свѣтскаго меча, ни полицейской палки въ рукахъ духовенства; и не даромъ Лютеръ говорилъ съ гордостью, что онъ не только «никогда не обнажилъ меча» и только «силою рѣчи и Евангелія» поражалъ и поражаетъ «и папу, и епископовъ, и монаховъ, и поповъ, и суевѣріе, и заблужденіе, и секты, но и больше достигъ этимъ путемъ, чѣмъ могли бы достичь всѣ императоры и короли со всей ихъ силой». Однако, самъ Лютеръ не былъ послѣдователенъ, и, отвоевывая для свободы духовную область, реформація оставила принужденіе въ рукахъ свѣтскихъ защитниковъ и покровителей религіи и церкви.

Устраняя принужденіе внутри церкви, надо было устранить и возможность религіознаго гнета внѣ церкви. Реформаторы же не только этого не сдѣлали, но, напротивъ того, еще развили и расширили духовныя задачи свѣтской власти; они приняли безропотно средневѣковое ученіе о двухъ порядкахъ «духовномъ» и «свѣтскомъ» въ составѣ единаго духовнаго организма христіанства, утвердили еще болѣе средневѣковое «jus advocatiae», т.-е. право церковной и религіозной опеки со стороны свѣтской власти, и развили до невозможныхъ предѣловъ, такъ называемое, право реформы свѣтскихъ князей,—«jus reformandi», а отсюда пропстекла уже полная гибель права свободнаго исповѣданія и какой бы то ни было церковной самостоятельности протестантской церкви.

Реформація не была послѣдовательна, въ ея ученіи о свѣтской власти, какъ говоритъ Зомъ, «насъ окружаетъ еще воз-

---

[1]) Geffcken, в. н. с., стр. 214.
[2]) Wilda, в. н. с., стр. 174.

духъ средневѣковья». И если свѣтская власть не можетъ вынуждать вѣры, то, съ другой стороны, она, въ силу своихъ чисто свѣтскихъ полномочій, обязана пресѣкать публичное проявленіе ереси...

Какъ по ученію средневѣкового католичества, такъ и по ученію реформаціи существуетъ только одно тѣло, одна соціальная организація—это единый христіанскій народъ, единое христіанство, и у этого народа двѣ власти, которыя въ сущности стремятся къ единой общей цѣли. Правда, эти два порядка дѣйствуютъ различными средствами и идутъ различными путями, но общая ихъ христіанская задача одна. И если духовный порядокъ не знаетъ никакого ни принужденія, ни формализма, то, наоборотъ, именно свѣтскій порядокъ необходимо поддерживается мечемъ и правомъ. И если первый дѣйствуетъ только словомъ, то второй только принужденіемъ. И если всѣ христіане одинаково съ одной стороны подчиняются Слову, то точно также всѣ безъ исключенія обязаны повиновеніемъ и свѣтскому мечу: «свѣтская власть, говоритъ Лютеръ, имѣетъ въ своихъ рукахъ мечъ и лозу, чтобы наказывать злыхъ и защищать добрыхъ. Она должна свою обязанность исполнять свободно по всему тѣлу христіанства, не смотря ни на кого, будь онъ папа, епископъ, священникъ, инокъ, монахиня, или кто бы онъ ни былъ». Ближайшій послѣдователь Лютера, Меланхтонъ, также опредѣляетъ различіе между двумя властями гражданской и церковной: «первая охраняетъ внѣшнюю дисциплину и миръ; она принуждаетъ подвластныхъ и наказываетъ сопротивляющихся, накладывая на нихъ тѣлесныя наказанія; учитель же Евангелія предлагаетъ вѣрующимъ слово Божіе и совершаетъ таинства, онъ принуждаетъ и наказываетъ только словомъ и отлученіемъ отъ церкви, а не тѣлесными средствами» [1]).

Итакъ, единственное орудіе свѣтской власти христіанскаго народа есть тѣлесное принужденіе. Какихъ же цѣлей она достигаетъ при помощи этихъ средствъ?

Цѣль ея прежде всего—поддержаніе внѣшней безопасности и порядка. Но понятіе самого порядка было у реформаторовъ иное, нежели теперь. Для нихъ порядкомъ было не одно соблюденіе внѣшнихъ формальныхъ рамокъ дѣйствующаго права, направленныхъ къ упорядоченію человѣческихъ поступковъ, не-

[1]) Sohm, в. н. с., стр. 549 и слѣд.; Rieker, в. н. с., стр. 91 и слѣд.; Чичеринъ, в. н. с., стр. 324, 334.

зависимо отъ ихъ содержанія, но полное единство внѣшней жизни, порождаемое только однимъ общимъ нравственнымъ закономъ, притомъ закономъ не только внѣшней, но и внутренней жизни. Общежитіе еще было построено на нравственныхъ основахъ. Порядокъ этого общежитія былъ и долженъ былъ быть только внѣшнимъ проявленіемъ внутренняго единства. На обязанности свѣтской власти лежало охраненіе внѣшняго единства, которое соотвѣтствовало внутреннему. Отсюда и требованіе, чтобы въ странѣ было внѣшнее единство культа и богопочитанія. Внутренней жизни человѣка власть не касается: «пусть, замѣчаетъ Лютеръ, у самихъ себя» еретики «вѣрятъ во что угодно, но это вѣрованіе не должно быть обнаруживаемо публично, иначе произойдетъ безпорядокъ и анархія; христіанское общежитіе имѣетъ только одинъ истинный порядокъ жизни и другого не допускаетъ; власть должна хранить его своими мѣрами запрещенія и принужденія. Что же касается основаній этого порядка, то они для реформаторовъ не представляли никакихъ затрудненій. Христіанскій народъ живетъ и въ свѣтскомъ и духовномъ своемъ проявленіи одной жизнью и имѣетъ одинъ законъ—это истинное христіанство и единственный его кодексъ—Св. Писаніе. Не надо забывать, что реформаторы совершенно своеобразно понимали Писаніе—это былъ для нихъ именно кодексъ, какъ бы данный съ неба въ готовомъ видѣ, это была для нихъ какъ бы духовная конституція, по которой должны были жить и церковь и государство. Отвергнувъ совершенно преданіе для того, чтобы окончательно подорвать учительный авторитетъ католической іерархіи, реформаторы должны были придать и самому Писанію несвойственное ему значеніе; они забыли совсѣмъ, что не Писаніе далъ намъ Христосъ, а живое слово, что само Писаніе создалось при помощи преданія, что именно это послѣднее сохранило Писаніе, что, далѣе, книги, въ качествѣ кодекса, слишкомъ далеки отъ идеала полнаго и законченнаго уложенія вѣры, религіи и жизни, что, наконецъ, въ церкви остался Христосъ, какъ глава ея, и что Его-то ужъ никакъ нельзя было ограничивать никакой духовной конституціей—все это было забыто реформаторами въ борьбѣ съ католичествомъ, и, ясное дѣло, при такомъ пониманіи Писанія именно оно одно и являлось безспорнымъ, всеобщимъ и единымъ закономъ христіанства и притомъ не подлежащимъ ни толкованію, ни какой бы то ни было критикѣ. Реформаторы дали разъ навсегда *свое* толкова-

ніе Писанія. Всякое другое не допускалось; мысль была объявлена наложницей діавола; Писаніе было превращено въ уложеніе, въ которомъ уже не было болѣе ни одной статьи, «которая бы не была поставлена Богомъ», «выше разума», никакое иное нравственное и духовное законодательство, помимо Писанія, болѣе не допускалось, ибо «гдѣ же тогда остается свобода и власть судить этихъ законодателей». Итакъ, кодексъ былъ на лицо. Писаніе давало единый законъ христіанской жизни; этотъ законъ необходимо требовалъ своего внѣшняго осуществленія во внѣшнемъ единствѣ, и на стражѣ этого единства стояла свѣтская власть христіанскаго народа. Отсюда богохульство, внѣшнее проявленіе безбожія, публичный культъ ереси—получили значеніе не преступленій самихъ по себѣ, а преступленій только въ силу нарушенія ими общественнаго порядка. Такъ чисто-свѣткія полномочія свѣтской власти по ученію реформаціи неизбѣжно влекли правителей къ вмѣшательству въ духовныя дѣла «со стороны внѣшней дисциплины» и тѣмъ самымъ являлись первымъ основаніемъ для ограниченія тѣхъ самыхъ правъ свободной совѣсти, которыя были превозглашены реформаціей [1]).

Не допуская принужденія въ области чисто религіознаго служенія, реформаторы допускали его въ отношеніяхъ нравственныхъ и нравственность смѣшивали съ правомъ.

Освобождая личность въ ея внутреннемъ отношеніи къ Богу отъ гнета церковной власти, они ставили внѣшнее явленіе личной вѣры подъ контроль государственной религіозно-нравственной полиціи.

Очищая Писаніе отъ извращеній со стороны католической іерархіи, они сами превратили Писаніе въ государственный кодексъ и на стражѣ Слова и его истины поставили свѣтское начальство и государственное толкованіе...

Но не только свѣтскія полномочія власти требуютъ ея участія въ духовной жизни народа; не только потому она стоитъ на стражѣ истины, что, говоря вообще, ей также, принадлежитъ забота о добрыхъ нравахъ и религіи населенія, какъ и попеченіе «о мирѣ и желудкѣ» подданныхъ; нѣтъ, у нея есть болѣе высокое полномочіе — она, какъ власть, установленная Богомъ, сама стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ божественному закону и, какъ таковая, облечена важной задачей храненія X заповѣ-

[1]) Sohm, в. н. с., стр. 547—555; Rieker, в. н. с., стр. 91—95; Maassen, в. н. с., стр. 183 и д.; Чичеринъ, в. н. с., стр. 336 и д.

дей Моисея. Этимъ, по ученію реформаціи; возлагается на свѣтскую власть custodia utriusque tabulae»—храненіе обѣихъ скрижалей. Изъ заповѣдей же вытекаетъ непосредственно и обязанность правителя прекращать и наказывать всякое ихъ нарушеніе. Подобное же нарушеніе закона Моисея въ силу этого есть уже уголовное преступленіе, подлежащее свѣтскому наказанію. Но первая скрижаль завѣта требуетъ почитанія истиннаго Бога, а отсюда вытекаетъ и понятіе религіозныхъ преступленій и обязанность правителя ихъ наказывать. Только истинная религія можетъ быть дозволена въ государствѣ. Всякая неистинная религія уже творитъ «себѣ кумира» иного, нежели истинный Богъ, а слѣдовательно и подлежитъ запрещенію. Изъ той же «custodia utriusque tabulae» слѣдуетъ право и обязанность власти наказывать ересь и богохульство, допускать въ своей территоріи только одну истинную вѣру, заботиться о ея проповѣди, защищать и поддерживать ея служителей, снабжать ихъ надлежащими средствами, однимъ словомъ, по мѣрѣ силъ и возможности, дѣломъ и властью исповѣдывать «истинную вѣру», «служить славѣ Божіей»; въ этомъ отношеніи правитель, не какъ отдѣльный вѣрующій, а именно какъ носитель опредѣленной должности, обязанъ особымъ служеніемъ Богу; примѣрами такого служенія являются даже, по мнѣнію Меланхтона, іудейскіе цари; именно они уничтожали нечестивыя моленія и за это восхваляются въ Писаніи [1]).

Итакъ, само Писаніе требуетъ насильственнаго устраненія ереси и насажденія истины, свѣтская власть, на основаніи своихъ обязанностей исповѣданія вѣры, обязана гнать однихъ и помогать другимъ. А такъ какъ для протестантовъ истина была тамъ, гдѣ было Слово, то они и требовали отъ князей принудительныхъ мѣръ именно только на пользу одного своего вѣроисповѣданія; на ихъ сторонѣ было слово; какъ говорили реформаторы относительно католика-императора: «мы не обязаны вѣрить въ вѣрность его убѣжденія, такъ какъ онъ безъ Слова Божія, а мы со словомъ Божіимъ странствуемъ; но онъ обязанъ признать Слово Божіе и, подобно намъ, содѣйствовать ему всѣми силами». Немудрено отсюда, что даже самъ Лютеръ требовалъ насильственнаго прекращенія «мерзости» католической мессы, а Меланхтонъ прибѣгнулъ и къ авторитету блаженнаго Авгу-

[1]) Sohm, в. н. с., стр. 555 и д., § 73; Rieker, в. н. с., стр. 91 и д.; Maassen, в. н. с., стр. 184—185; Чичеринъ, в. н. с., стр. 38 и д.

стина! Такъ «custodia utriusque tabulae» ввела чисто средневѣковое католическое начало въ протестантское ученіе о церкви и государствѣ [1]).

Однако, не только католическимъ, но отчасти и византійскимъ идеямъ суждено было воскреснуть въ теоріи реформаторовъ. Таково, безспорно ученіе о государѣ, какъ о первенствующемъ чинѣ христіанской церкви, какъ о «praecipium membrum ecclesiae». Право и обязанность спеціальной опеки и защиты церкви «jus advocatiae», которое принадлежало византійскимъ императорамъ, стало въ средніе вѣка одной изъ составныхъ частей власти императоровъ священной римской имперіи, а къ началу новаго времени перешло къ различнымъ западно-европейскимъ суверенамъ. Эта власть церкви и надъ церковью пранадлежала въ широкой степени и христіаннѣйшимъ королямъ Франціи, и католическому величеству Испаніи, и апостолическому престолу Венгріи, и «защитнику вѣры» въ Англіи. Въ силу такихъ полномочій церковной опеки эти, говоря средневѣковымъ языкомъ, «reges provinciales» еще задолго до реформаціи, какъ мы уже видѣли выше, подвергли государственной реформѣ свои національныя церкви, подчинили ихъ жизнь всеобщему правительственному надзору, захватили въ свои руки назначенія на казенныя должности, присвоили часть церковныхъ имуществъ, установили самый строгій контроль и за финансовой, и за служебной, и за нравственной дѣятельностью духовенства, даже подвергли королевской цензурѣ (placet) все вѣроученіе церкви и всѣ сношенія съ римскимъ первосвященникомъ. Право и обязанность реформировать національную церковь (jus reformandi) выросло безусловно еще на католической почвѣ и было результатомъ настоятельной потребности реформировать церковную жизнь государственными средствами тамъ, гдѣ не было никакой надежды на реформацію духовную. Безспорно, при этомъ дѣйствовали и чисто политическіе мотивы, и реформированіе церкви во многихъ случаяхъ являлось только предлогомъ для того, чтобы ослабить зависимость національной церкви отъ чужестраннаго политическаго центра, какимъ былъ Римъ, и чтобы, отрѣзавъ ее отъ папства, сдѣлать изъ нея орудіе для чисто государственныхъ цѣлей укрѣпленія королевской власти; но какъ бы то ни было, а реформація во многихъ правовѣрныхъ католическихъ земляхъ

---

[1]) Maassen, в. н. с., стр. 183—185.

совершалась, и совершалась именно въ томъ смыслѣ, что свѣтскіе властители, пользуясь, въ качествѣ важнѣйшихъ членовъ церкви, правомъ церковнаго покровительства и защиты, не только очистили національныя католическія церкви отъ внѣшняго безпорядка и распущенности, но и захватили въ свои руки въ значительной степени самое церковное управленіе. «Таковы, говоритъ Зомъ, были знаменія на церковно-политическомъ горизонтѣ, когда началась реформація».

«Jus reformandi» въ рукахъ евангелическихъ князей должно было получить новое значеніе. Здѣсь шло дѣло не только о внѣшнемъ исправленіи церковнаго порядка и очищеніи нравовъ, но о несравненно большемъ. Вся іерархія, по мнѣнію реформаторовъ, была охвачена неисправимой внутренней порчей, сама истина была поддѣлана и искажена, самое отношеніе вѣрующаго къ Богу было извращено вмѣшательствомъ діавола. И здѣсь положеніе дѣла было таково, что всякій христіанинъ былъ обязанъ отказать во всякомъ повиновеніи церковной католической власти, всякій вѣрующій во имя основного права свободной совѣсти и ради евангелія долженъ былъ возстать всѣми силами своего убѣжденія противъ всѣхъ извращеній и обмана католичества. Какъ твердо вѣрили реформаторы, смѣшеніе свѣтскаго меча и посоха священника было величайшимъ преступленіемъ католичества. И отсюда вытекала религіозная обязанность каждаго евангелика оказать такой незаконной свѣтской власти духовныхъ лицъ по крайней мѣрѣ пассивное сопротивленіе. Но евангелическое правительство было обязано къ большему: тамъ, гдѣ не было законной духовной власти, чтобы произвести необходимую реформацію, тамъ свѣтская власть, представляющая собою важнѣйшій послѣ учителей и пастырей органъ христіанства (corpus christianum), была обязана выступить, въ силу необходимости, временно вмѣсто епископовъ и произвести необходимое церковное преобразованіе. Если на отдѣльномъ вѣрующемъ лежитъ только обязанность пассивнаго сопротивленія, то на правительствѣ лежитъ обязанность сопротивленія активнаго при помощи того меча, который ему данъ отъ Бога. Такъ создается необходимость для князей прибѣгнуть къ нѣкоторому принужденію въ цѣляхъ реформированія церкви, такъ, если всѣ христіане снабжены даромъ священства и «по нуждѣ» могутъ крестить и безъ священника, то и государственная власть, будучи причастна общимъ дарамъ благодати «по нуждѣ» становится во главѣ мі-

рянъ и ведетъ церковь къ реформированію. И если въ области свѣтскаго порядка во главѣ христіанскаго народа стоитъ христіанская власть, то та же власть въ области духовной принимаетъ на себя, на основаніи всеобщаго священства «по нуждѣ», временную обязанность епископата (Notepiscopat). И отсюда вытекаетъ уже не пассивное и внѣшнее охраненіе церковнаго порядка, а положительное и внутреннее на него воздѣйствіе. Въ силу подобнаго епископата свѣтская власть вліяетъ въ чисто церковномъ порядкѣ на внутреннее преобразованіе церковной жизни, на установленія истиннаго богопочитанія, на устройство правильнаго богослуженія; государь, на основаніи своего положенія въ церкви, какъ «praecipuum membrum», принимаетъ на себя временно обязанность назначать истинныхъ пастырей и учителей церкви на мѣсто уклонившихся отъ истины и созваніе синодовъ для упорядоченія церковной жизни и установленія визитацій, съ цѣлью введенія новаго строя церкви. Отсюда—право издавать церковныя правила и статуты, которые въ дѣйствительности и были изданы евангелическими князьями въ громадномъ количествѣ.

Итакъ, если въ видахъ внѣшняго порядка — disciplinae causa—должны быть устранены всякіе безпорядки, а въ томъ числѣ и всякое нарушеніе нравственнаго единства, если, далѣе, храненіе скрижалей закона—custodia utriusque tabulae—ставитъ мечъ правителя на стражѣ только одной вѣры, одного культа и исповѣданія, то положеніе правительства, какъ первенствующаго члена церкви—praecipuum membrum ecclesiae—вводитъ его «по нуждѣ» въ самое святое святыхъ церкви, награждаетъ его правами епископата и отдаетъ въ его руки, правда, не проповѣдь и совершеніе таинствъ, но то, что является ближайшей организаціей того и другого, т. е. церковное управленіе [1]).

И такое вмѣшательство свѣтской власти въ духовныя дѣла было неизбѣжно.

Во-первыхъ, католическая іерархія дѣйствовала при помощи государственнаго принужденія. Въ защиту католическаго правовѣрія противъ протестантской ереси поднялись не только тѣ духовные князья,—епископы германской имперіи,—которые числились и въ рядахъ курфюрстовъ и вообще среди непосредственныхъ имперскихъ подданныхъ, но и всѣ государи католической,

---

[1]) Sohm, в. и. с., стр. 579 и слѣд.; Rieker, в. и. с. страница 93 и слѣд.

«старой вѣры», а главнѣе всего, самъ императоръ священной имперіи, который болѣе всѣхъ былъ обязанъ блюсти правовѣріе, такъ какъ непосредственно былъ облеченъ правомъ и обязанностью защиты вѣры—jus advocatiae—по отношенію къ католической церкви. Съ другой же стороны, и ординарная судебная власть католическихъ епископовъ въ предѣлахъ евангелическихъ территорій могла быть отмѣнена только при помощи правительственной власти, такъ какъ не только сама была правительственнымъ учрежденіемъ, но и автономно распоряжалась въ дѣлѣ преслѣдованія еретиковъ при помощи полицейскихъ мѣръ и уголовныхъ взысканій. Для протестантовъ въ борьбѣ съ католичествомъ было только два выхода: или гибнуть массами, въ качествѣ еретиковъ, на кострахъ священной инквизиціи, наполнять собою тюрьмы и тюремные застѣнки, или мечу противоставить мечъ, насилію—насиліе. Въ первомъ случаѣ протестантамъ грозила участь первыхъ христіанъ безъ надежды на скорую побѣду, съ перспективой поголовнаго истребленія или, по крайней мѣрѣ, многовѣковыхъ гоненій и мукъ, во второмъ случаѣ, не смотря на печальный исходъ гусситскихъ войнъ, все-таки можно было расчитывать, что при данныхъ политическихъ обстоятельствахъ, въ особенности при постоянной угрозѣ со стороны турокъ, удастся отвоевать свое право евангелическаго исповѣданія или при наиболѣе тяжеломъ поворотѣ судьбы—умереть за вѣру на полѣ битвы съ оружіемъ въ рукахъ, а не въ застѣнкѣ отъ руки палача. Для вѣрующихъ протестантовъ рѣшеніе подобной альтернативы не могло быть сопряжено ни съ малѣйшимъ колебаніемъ. Католическій вѣроисповѣдный гнетъ былъ такъ ужасенъ, соблюденіе христіанской любви и смиренія по отношенію къ инквизиторамъ и іерархіи грозило такими гоненіями и муками, что желаніе возвратить себѣ Евангеліе и свободу вѣры вложило мечъ въ руки протестантовъ, и насилію они противоставили насиліе.

Не безконечное терпѣніе мученій правды ради, не пассивное непротивленіе злому, не всепрощающую любовь, не кровь мучениковъ, а мечъ и военное счастье избрали протестанты, какъ орудіе борьбы за вѣру. Не силу вѣры и слова призвали они, какъ союзниковъ въ борьбѣ, а свѣтскую власть съ ея правомъ силы и принужденія, не апостоловъ и проповѣдниковъ выслали они впередъ, а князей и рыцарей, какъ хранителей земскаго мира, какъ блюстителей Моисеевыхъ скрижалей дохристіанскаго закона, какъ первенствующихъ членовъ церкви.

Очевидно, аналогію борьбы протестантовъ за вѣру надо искать не въ исторіи первыхъ временъ христіанства, а въ Византіи или въ вальдейской Ломбардіи, въ гусситской Богеміи, въ гугенотской Франціи.

Реформація должна была стать религіозно политической революціей. Споръ за существованіе евангелической церкви должна была рѣшить сила. Къ свѣтскимъ государямъ обратились реформаторы съ своимъ военнымъ призывомъ.

«Время молчанія прошло», взывалъ Лютеръ къ христіанскому дворянству нѣмецкой націи: «настало время говорить»; «нужда и тягота, которая давитъ теперь всѣ сословія христіанства и, прежде всего, нѣмецкія земли, принудила меня теперь кричать и звать, не дастъ ли Богъ кому-нибудь силу духа протянуть руку помощи бѣдствующей націи»; «здѣсь (въ Евангеліи у Матѳея 18, 15) каждому члену церкви повелѣно заботиться о другомъ, насколько болѣе мы должны тамъ вступиться, гдѣ творитъ злое надъ всѣми царствующій чинъ» (т. е. папа). Гдѣ папа, кардиналы, епископы и ученые разлюбили Христа и Его церковь, и не служатъ имъ, тамъ «долженъ народъ и свѣтскій мечъ заботиться объ этомъ, несмотря на проклятья и громы со стороны тѣхъ» [1]).

Но были и другія причины для вторженія свѣтской власти въ область духовнаго управленія. Тамъ, гдѣ, при помощи свѣтской власти, устранялась власть католическаго духовенства и его юрисдикція, протестантская церковь устанавливалась не сразу. Не надо забывать, что католичество, охватывая своими внѣшними формальными рамками безусловно всѣхъ гражданъ того или другого государства, весьма мало заботилось о томъ, насколько эти всѣ люди, усердно исполняющіе обряды католической церкви, дѣйствительно вѣрующіе и дѣйствительно христіане. Громадное большинство причисленныхъ къ католической церкви мірянъ на самомъ дѣлѣ совершенно не отдавали себѣ отчета въ истинныхъ религіозныхъ и нравственныхъ основахъ христіанства и были покорными и пассивными чадами церкви, за которыхъ все религіозное служеніе осуществляло ихъ духовенство. Безъ преувеличенія можно сказать, что подавляющая масса мірянъ-католиковъ на исходѣ среднихъ вѣковъ представляла собою крещеныхъ и украшенныхъ крестами язычниковъ,

---

[1]) Sohm, в. н. с., стр. 565, 566.

наивная вѣра которыхъ не шла далѣе мессы, индульгенціи и, въ лучшемъ случаѣ, псалтиря на латинскомъ языкѣ. Евангеліе было мірянамъ того времени неизвѣстно или извѣстно въ тѣхъ исправленіяхъ, которыя дѣлала іерархія. И вотъ подобному-то дикарю въ религіозной области пришлось видѣть, какъ установленная отъ вѣка религіозная власть рушится, епископъ лишается всего своего свѣтскаго обаянія и могущества, опека, надзоръ, духовная полиція религіозно-духовный судъ уничтожаются и между темнымъ сознаніемъ прихожанина и Божествомъ, между его рабской совѣстью и страшнымъ судомъ открывается свободное пустое пространство, надъ нимъ простирается вѣчное небо спасенія, и только Евангеліе зоветъ его къ новому подвигу свободнаго человѣческаго духа. Рабъ остался безъ господина; привыкшій къ цѣпямъ каторжникъ почувствовалъ свои члены свободными; невѣдомыя и страшныя зрѣлища открытаго горизонта увидѣлъ кротъ, вышедшій изъ подземелья. И первое употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ свободы, были дикіе порывы туда и сюда, грубые скачки и восторги, удары разгулявшейся руки, движенія существа, которое впервые вздохнуло свободною грудью. Можно ли винить его за это, можно ли при видѣ этихъ первыхъ движеній свободы сейчасъ же стремиться за полицейской палкой и за новымъ гнетомъ? Неужели же такъ мало у человѣка знанія человѣческой природы, что, при видѣ первыхъ безпорядочныхъ шаговъ дотолѣ недвижимаго существа, онъ немедленно хочетъ снова его совсѣмъ лишить движенія на томъ основаніи, что онъ прямо ходить еще не можетъ?

Въ первое время послѣ паденія ига католической іерархіи протестантскія общины вполнѣ естественно не могли сразу организоваться. Дѣло установленія новой церкви и новаго служенія было дѣло слишкомъ сложное и серьезное. Новое ученіе и новая проповѣдь должны были сначала просвѣтить свѣтомъ христіанства бывшихъ католическихъ язычниковъ прежде, чѣмъ ихъ подчинить тѣмъ или другимъ отношеніямъ церковнаго единства или церковной дисциплины. Надо было сначала воспитать вѣрующихъ, прежде чѣмъ организовать ихъ. И дѣло реформаціи на такихъ началахъ пошло бы хотя медленнѣе, но успѣшнѣе. Но реформаторы ждать не могли. Ихъ смущало, съ одной стороны, то обстоятельство, что среди крестьянъ, вышедшихъ изъ-подъ католической ферулы и еще не подчиненныхъ протестантской дисциплинѣ, вездѣ идетъ споръ между проповѣдникомъ

и общиной и вновь обращенные протестанты не могутъ сразу зажить такою же устойчивой церковной жизнью, какъ они жили при католичествѣ, съ другой же—они слишкомъ мало вѣрили сами въ силу слова Божія, чисто нравственнаго свободнаго авторитета, а вслѣдствіе этого и стремились для лучшаго устройства дѣла спасенія примѣшать право къ религіи и принужденіе къ нравственности. И если отъ этого послѣдняго упрека можетъ быть, пожалуй, свободенъ самъ Лютеръ, то, къ сожалѣнію, именно такъ думали его ближайшіе преемники.

Самъ Лютеръ пишетъ: «такъ крестьяне не хотятъ давать больше ровно ничего, и неблагодарность въ людяхъ за св. Слово Божіе такова, что, безъ сомнѣнія, составляетъ великую язву передъ Богомъ... тамъ нѣтъ болѣе никакого страха Божіяго и дисциплины, потому что папское отлученіе не существуетъ, и всякій дѣлаетъ, что хочетъ». Въ сочиненіи своемъ о германской мессѣ, того же года, Лютеръ жалуется на недостатокъ элементовъ для образованія общинъ. «У меня нѣтъ на то еще людей и лицъ, я не вижу даже, чтобы многіе добивались этого... ибо мы, германцы, представляемъ собою дикій, неотесанный, непостоянствующій народъ, который не легко побудить на что-либо, развѣ лишь принудитъ къ тому крайняя необходимость». «Масса пустилась теперь въ плотскую свободу», пишетъ онъ маркграфу Георгу бранденбурскому 14 сентября 1591 года: «нужно на нѣкоторое время заставить ее искупить свою похоть. Старое зданіе сломать недолго, но не такъ легко соорудить новое. Таковъ ужъ міръ, что онъ не можетъ переносить ни излишества, ни недостатка. Подъ властью папы, мы не могли выносить принужденія и недостатка слова, теперь не можемъ вынести свободы и преизбыточествующаго сокровища Евангелія»[1]).

Подобные безпорядки могли постепенно улечься и прекратиться сами собою. Свѣтскій правитель долженъ былъ и могъ всегда ввести ихъ въ границы внѣшней безопасности и мира. Болѣе того, онъ могъ дѣйствительно *временно* принять на себя дѣло организаціи церковной жизни, какъ объ этомъ мечталъ Лютеръ, а затѣмъ свѣтская власть должна была бы все это предоставить естественному теченію вещей. Но страхъ предъ внѣшнимъ неустройствомъ протестантскихъ общинъ былъ слишкомъ великъ, и также было велико недовѣріе къ силѣ проповѣдуемаго

---

[1]) Maassen, в. н. с., стр. 167—168.

слова и къ власти нравственнаго авторитета. Преемники реформаторовъ жаждали твердаго, формальнаго и властнаго церковнаго управленія. Они хотѣли разъ навсегда смирить «дикій, неотесанный, неистовствующій народъ». И для этого былъ только одинъ выходъ: свѣтскій правитель «изъ христіанской любви и ради Бога» долженъ былъ сдѣлать то, къ чему онъ не обязанъ былъ, какъ свѣтское начальство; и хотя онъ не имѣлъ власти учительства, и духовнаго правительства, онъ долженъ былъ придти на помощь новой религіи со своей свѣтской рукой и устроить церковь при помощи силы. Такъ духовное устройство протестантовъ призвало полицейскую палку правительства на помощь противъ своихъ непокорныхъ чадъ, такъ принужденіе вошло, хотя бы временно, въ святилище церкви и до извѣстной степени замѣнило тѣ цѣпи, которыя только что были сброшены въ борьбѣ противъ католичества и папства.

Недолго процвѣтала свобода въ «дикомъ, неотесанномъ, неистовствующемъ народѣ»; прежде, чѣмъ онъ пересталъ быть дикимъ, его уже смирили полицейской силой.

Но было еще одно обстоятельство, на первый взглядъ пустое и мелочное, но которое привело къ весьма серьезнымъ и тяжелымъ для евангелической церкви результатамъ. И это былъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ бывшей юрисдикціей епископскихъ судовъ. Если бы подобный вопросъ пришлось рѣшить въ наше время, его разрѣшеніе было бы весьма легко: изъ этой юрисдикціи были бы выдѣлены чисто свѣтскія дѣла, которыя и были бы переданы, въ свою очередь, свѣтскимъ судамъ, духовныя же дѣла были бы предоставлены чисто нравственному авторитету и вѣдѣнію духовной дисциплины, и дѣло было бы кончено. Не такъ легко разрѣшился этотъ вопросъ для времени реформаціи и періода послѣдующаго за ней. То раздѣленіе духовнаго и свѣтскаго, на которомъ настаивали реформаторы, легко было провозгласить, но практически весьма трудно было провести. Не говоримъ уже о томъ, что сами реформаторы раздѣляли только духовное и свѣтское, какъ два порядка одной жизни, а вовсе не устанавливали двухъ самостоятельныхъ организмовъ съ разной жизнью, какъ это дѣлается теперь при противоставленіи государства и церкви. Но тутъ были затрудненія еще другого рода: католическіе епископскіе суды, смѣшавшіе въ своей компетенціи духовныя и свѣтскія дѣла, были суды съ особымъ, точно выработаннымъ процессомъ, съ цѣлыми кадрами легистовъ, вы-

росшихъ на началахъ каноническаго права, съ сложившейся системой обычнаго и писаннаго права, съ единствомъ въ своихъ традиціяхъ, принципахъ, цѣляхъ,—однимъ словомъ, это была и цѣльная и сложная организація, притянувшая къ себѣ значительную массу общественныхъ потребностей и отношеній,—организація, за устраненіемъ которой открывался положительный пробѣлъ въ юридическомъ строѣ страны. Современная законодательная техника съ ея кодефикаціоннымъ аппаратомъ, конечно, не затруднилась бы дѣломъ скораго и радикальнаго переустройства бывшей церковной юрисдикціи; не то громоздкій аппаратъ средневѣковаго правообразованія съ его неподвижными схоластическими формулами, безчисленными глоссами, медленнымъ ходомъ, замѣны однихъ правилъ другими въ силу обычая и практики. Этотъ аппаратъ былъ приспособленъ только къ медленному и постепенному преобразованію, но не для радикальной и коренной реформѣ. На мѣсто упраздненныхъ консисторій и ихъ каноническаго процесса поставить было нечего. Цѣлая область правоотношеній оставалась лишенной и судебнаго органа и права. Брачное право пострадало въ особенности. Оно тогда еще не выдѣлило изъ себя своихъ чисто нравственныхъ, церковныхъ сторонъ и гражданскихъ правовыхъ элементовъ. Это было еще единое, «христіанское», церковное право. И для него не оказалось болѣе органа. Приблизительно то же произошло и съ церковнымъ дисциплинарнымъ порядкомъ; этотъ порядокъ еще не превратился, съ одной стороны, въ чисто нравственный авторитетъ и духовную дисциплину, съ другой—не выдѣлилъ изъ себя и того, что называется теперь правомъ службы— оба начала въ немъ были смѣшаны, и это право осталось безъ спеціальнаго органа. Различить же два элемента, нравственный и правовой, въ духовной юрисдикціи тогдашнимъ юристамъ было не подъ силу, радикально реформировать тогдашнее судоустройство государства не могло и,—какъ результатъ,—явилась необходимость воскресить старыя католическія консисторіи, но подъ другимъ знаменемъ. Уже не епископъ правитъ ими, а свѣтскій государь, уже не вторженіе духовной власти въ мірскія отношенія даетъ имъ основной тонъ, а захватъ свѣтской властью духовныхъ дѣлъ и отношеній. Сущность осталась прежней. Реформація преобразовать консисторій не могла и скоро сама подчинилась ихъ вліянію. Говоря словами Лютера: «сатана продолжалъ быть сатаною; при папахъ онъ вмѣшалъ церковь

въ государство, въ наше время онъ вмѣшиваетъ государство въ церковь». Конечно, здѣсь дѣло было не въ сатанѣ. Но католицизмъ нашелъ путь къ административной организаціи реформированной церкви и именно тамъ породилъ полное смѣшеніе духовнаго и свѣтскаго начала, гдѣ такъ торжественно было превозглашено раздѣленіе кесарева и Божьяго! Консисторіальный свѣтскій порядокъ управленія церковью былъ той цѣною, которой заплатила реформація за сохраненный ею средневѣковый взглядъ на религіозную цѣль и призваніе свѣтской власти. Князь, вооруженный своимъ jus advocatiae при помощи консисторій, сталъ на мѣсто самого папы [1]).

Итакъ, въ трехъ направленіяхъ должно было выразиться участіе свѣтской власти въ дѣлѣ реформаціи. Она съ мечемъ въ рукахъ была призвана уничтожить католическую духовную тираннію и тѣмъ разбить религіозное единство средневѣковаго міра. Во-вторыхъ, она должна была создать въ предѣлахъ своей внутренней мощи новое христіанское, евангелическое общежитіе, свое особое единство христіанской жизни, христіанскаго народа. Въ-третьихъ, она должна была по нуждѣ принять на себя какъ бы исполненіе обязанностей духовной власти, такъ какъ малов̀ріе и нравственная незрѣлость вѣрующихъ требовала принудительнаго юридическаго отношенія тамъ, гдѣ не было времени ждать медленнаго образованія чисто нравственнаго, свободнаго авторитета.

И свѣтская власть, «христіанское дворянство нѣмецкаго народа», приняла на себя выполненіе реформаціонной задачи. И прежде всего началась борьба за право евангелическаго исповѣданія.

Эта борьба шла въ Англіи, Франціи и Германіи. Остановимся на послѣдней. Здѣсь она была наиболѣе плодотворна для права свободнаго исповѣданія. Первой побѣдой протестантства былъ здѣсь Нюрнбергскій религіозный миръ 1532 г.; онъ былъ результатомъ того начальнаго періода борьбы между нѣмецкими разновѣрными чинами, когда оффиціально объявленные еретиками протестанты впервые нашли помощь и защиту у сочувствующихъ имъ князей германской имперіи; только благодаря этому, безъ сомнѣнія, фактически и были протестанты спасены отъ инквизиціи и насильственнаго обращенія въ единую государственную католическую вѣру; этотъ періодъ грозилъ протестан-

[1]) Sohm, в. н. с., стр. 605 и слѣд.; Rieker. в. н. с., стр. 161 и слѣд.

тамъ большою опасностью; императорскій эдиктъ 1521 года объявилъ Лютера отлученнымъ отъ церкви со всѣми его приверженцами; и хотя сословія сейма до извѣстной степени и отклонили отъ себя немедленное исполненіе требованій папы относительно искорененія ереси оговоркой, что-де они исполнятъ это требованіе, насколько это для нихъ окажется возможнымъ, но въ дѣйствительности это оказалось довольно скоро возможнымъ и протестантамъ грозила участь гусситовъ. Только Шмалькальденскій союзъ протестантскихъ князей и необходимость общаго отпора нападенію турокъ спасли временно еретиковъ и имъ по Нюренбергскому миру было обѣщана императоромъ, по крайней мѣрѣ, отсрочка немедленной экзекуціи до осужденія ереси на вселенскомъ соборѣ. Не надо говорить, что подобная отсрочка была дана только князьямъ, участникамъ упомянутаго союза [1]).

Слѣдующей ступенью къ признанію евангелическаго исповѣданія были имперскія постановленія 1541 г. въ Регенсбургѣ и условія Пассауусскаго мира 1552 г. Этими актами ознаменовались отдѣльные епизоды въ борьбѣ разновѣрныхъ сословій и принесли съ собою протестантамъ слѣдующія уступки. Въ силу Регенсбургскихъ постановленій былъ установленъ общій религіозный миръ безъ органиченія опредѣленными протестантскими князьями; духовная юрисдикція католическихъ епископовъ устранена; духовныя имущества остались за школами, учрежденіями и духовными лицами безъ различія исповѣданій; наконецъ не только были остановлены преслѣдованія за вѣру со стороны имперскихъ судовъ, но въ ихъ составъ введены и лица евангелическаго исповѣданія; однако, всѣ эти уступки со стороны католическихъ сословій и императора были сдѣланы съ оговоркой временно—впредь до созванія вселенскаго собора. Пассаусскій договоръ шелъ еще далѣе: онъ совершенно устранилъ временный характеръ религіознаго мира въ зависимости отъ срока созванія вселенскаго собора. Протестантамъ гарантирована терпимость уже независимо отъ рѣшеній Тридентскаго собора; надежда на умиротвореніе религіозныхъ несогласій при помощи соборнаго рѣшенія уже угасла; протестанты не подчинились такому рѣшенію и пришлось временную отсрочку преслѣдованій превратить въ постоянную терпимость [2]).

---

[1]) Fürstenau, das Grundrecht der Religionsfreiheit in Deutschland. Leipzig, 1891, стр. 10—21.

[2]) Тамъ же, стр. 21—33.

Аугсбургскій религіозный миръ 1555 г. былъ послѣдней вынужденной у католиковъ уступкой евангелическому исповѣданію передъ страшной религіозной войной, послѣднимъ опытомъ разрѣшить религіозную рознь путемъ имперскаго законодательства. Постановленія этого акта весьма замѣчательны. Здѣсь окончательно признано существованіе протестантовъ уже «не какъ еретиковъ», а какъ приверженцевъ «новой вѣры». Однако это признаніе было дано только лютеранамъ, т. е. чистымъ приверженцамъ Аугсбургскаго исповѣданія; къ нимъ еще причислялись приверженцы этого исповѣданія по измѣненному символу 1540 г., но не болѣе; реформаторы, т. е. послѣдователи швейцарской реформаціи Кальвина и Цвингли, еще остались еретиками, которые не могли быть терпимы среди сословій имперіи. По постановленіямъ Аугсбургскаго мира далѣе ни одинъ имперскій чинъ не долженъ былъ ради различія католической и лютеранской вѣры угнетать другого, власть католическихъ епископовъ надъ приверженцами Лютера устранена, подтверждено право протестантовъ на занятія опредѣленнаго числа должностей въ имперскихъ судахъ, наконецъ былъ установленъ тотъ знаменитый церковный резерватъ (Reservatum ecclesiasticum), который въ концѣ концовъ привелъ къ знаменитой тридцатилѣтней религіозной войнѣ. Эта оговорка въ мирномъ договорѣ касалась того случая, когда какое-нибудь католическое духовное лицо переходило въ протестантство. Такое лицо по смыслу резервата должно было потерять всѣ свои доходы, лишалось должности и на его мѣсто капитулъ могъ избрать «лицо, принадлежащее къ старой вѣрѣ». Эту оговорку протестанты совершенно отказывались принять, такъ какъ она безусловно прекращала дальнѣйшее распространеніе «новой вѣры», но впослѣдствіи примирились съ ней и приняли такое толкованіе ея, которое совершенно не было въ видахъ католиковъ; «капитулъ могъ избрать» это признавали и протестанты, но «могъ» еще не значило непремѣнно «долженъ». Подобное толкованіе резервата со стороны протестантовъ означало, конечно, не болѣе и не менѣе, какъ полное нежеланіе его соблюдать... Постановленія Аугсбургскаго мира были дополнены еще одной декларацією короля Фердинанда отъ имени императора, которая также не могла содѣйствовать полной опредѣленности положенія. Въ этой декларацiи гарантировалась протестантскимъ подданнымъ духовныхъ князей вѣротерпимость постольку, поскольку эти протестанты уже из-

давна—«lange Zeit und Jahre»—принадлежали къ этой религіи; совершенно понятно, что, подобно церковному резервату, и эта оговорка совершенно различно понималась съ одной стороны католиками, съ другой—протестантами. Недоразумѣній эта оговорка также устранить не могла. Такъ опредѣлялась свобода исповѣдывать «старую» или «новую» вѣру для чиновъ имперіи. Относительно подданныхъ мы встрѣчаемъ только одно положеніе: такъ какъ право устанавливать религію государства (jus reformandi) было признано только за князьями, то подданнымъ было предоставлено только право переселенія въ то государство, гдѣ ихъ вѣра является вмѣстѣ съ тѣмъ религіей страны (jus emigrandi). Этимъ устранялось непосредственное принужденіе вѣры и замѣнялось косвеннымъ въ видѣ изгнанія католическихъ подданныхъ изъ протестантскихъ государствъ, а протестантовъ изъ католическихъ. Право выселенія было вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанностью. И надо замѣтить, что это право не всегда было практически осуществимо. Различныя пошлины и взысканія за переселеніе не были отмѣнены, а крѣпостная зависимость тѣмъ болѣе. И крѣпостные почти цѣликомъ были отданы въ этомъ отношеніи на произволъ господъ.

Но самое важное постановленіе Аугсбургскаго мира было то, что отнынѣ религіозный миръ на вышеуказанныхъ основаніяхъ уже болѣе не подлежалъ какому бы то ни было измѣненію подъ вліяніемъ того или другого большинства среди чиновъ или сословій имперіи и былъ изъятъ отъ воздѣйствія имперскаго законодательства. Религіозный миръ долженъ былъ стать основнымъ имперскимъ закономъ. Съ этихъ поръ уже ни католики, ни протестанты не могли болѣе надѣяться на отмѣну мира во вредъ противной сторонѣ при помощи силы большинства своихъ единомышленниковъ. Но это постановленіе сейма, увы, не дало продолжительнаго религіознаго мира. Борьба между сословіями не прекратилась, она перешла только изъ области имперскаго законодательства въ область международныхъ столкновеній [1]).

Только послѣ кровопролитной тридцатилѣтней войны удалось Вестфальскому миру 1648 г. установить полное равноправіе между католическими и протестантскими князьями Германіи. Только послѣ окончательнаго истощенія всѣхъ силъ съ обѣихъ сторонъ и совершеннаго разоренія страны этотъ миръ

[1]) Тамъ же, стр. 33—44.

былъ заключенъ; и по справедливости онъ является однимъ изъ величайшихъ памятниковъ вѣротерпимости, добытой на полѣ сраженія. Вестфальскій миръ подтверждаетъ прежде всего всѣ пріобрѣтенія по Пассаусскому договору и Аугсбургскому религіозному миру. Онъ присоединяетъ далѣе и реформаторовъ къ протестантамъ и такимъ образомъ даетъ имъ значеніе не секты, а такого же политически признаннаго исповѣданія, каковымъ до той поры считалось и католическое, и аугсбургское, и лютеранское («Catholicis et Augustanae Confesioni addictis»); всѣ остальныя исповѣданія были по Вестфальскому миру признаны сектами, которыхъ ни одинъ государь не долженъ былъ терпѣть на своей территоріи. Такимъ образомъ въ Германіи оказалось три государственныхъ религіи, вмѣсто прежней одной, и прежнее религіозное единство было разбито. Съ этимъ признаніемъ была тѣсно связана и установленная договоромъ полная равноправность имперскихъ чиновъ, принадлежащихъ къ признаннымъ исповѣданіямъ («aequalitas exacta mutuaque»). Эта равноправность дѣлала прежде всего необходимымъ примѣненіе церковнаго резервата столь же къ протестантамъ, какъ и католикамъ. Это и было признано Вестфальскимъ миромъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы всякая сторона оставалась во владѣніи тѣхъ духовныхъ должностей, которыми она владѣла до 1 января 1624 года. Этимъ, несомнѣнно, устанавливалась юридическая равноправность, но не фактическая; дѣло въ томъ, что именно къ этому сроку большая часть должностей была въ рукахъ католиковъ. Но надо замѣтить, что 1-ое января 1624 г. было признано общимъ срокомъ, и фактическое положеніе въ это время должно было остаться неприкосновеннымъ. Такимъ образомъ, общая равноправность католиковъ и протестантовъ получила свое фактическое выраженіе именно въ томъ отношеніи двухъ партій, которое сложилось путемъ борьбы къ тому времени. Для вѣчнаго сохраненія такой равноправности было расширено далѣе постановленіе Аугсбургскаго мира относительно недѣйствительности постановленій имперскаго большинства на сеймѣ... Такія постановленія были признаны неимѣющими никакой силы: 1) въ религіозныхъ дѣлахъ, 2) въ дѣлахъ, гдѣ идетъ рѣчь о благопріобрѣтенныхъ правахъ отдѣльнаго имперскаго сословія, 3) во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ на сторонѣ противоположныхъ мнѣній являются католики и протестанты; во всѣхъ этихъ случаяхъ меньшинство не подчиняется большинству, но рѣшеніе устанавливается путемъ дру-

жественнаго соглашенія («amicabilis compositio»). Полную равноправность католиковъ и протестантовъ встрѣчаемъ мы и въ постановленіяхъ договора относительно состава двухъ высшихъ имперскихъ судилищъ,—рейхскамергерихта и рейхсгофрата, и здѣсь число ассесоровъ каждаго вѣроисповѣданія было уравнено. Наконецъ всѣ недоразумѣнія, которыя могли бы возникнуть изъ различнаго толкованія имперскихъ законовъ разновѣрными судьями, должны были быть переданы на окончательное разрѣшеніе рейхстагу, т. е. имперскому сейму, а здѣсь, какъ мы видѣли выше, всѣ такія дѣла рѣшались не иначе, какъ путемъ полюбовнаго соглашенія («non nisi amicabili ratione»); что же касается юрисдикціи духовныхъ судовъ католическихъ епископовъ, то она была отмѣнена, какъ по отношенію къ протестантскимъ князьямъ, такъ и ихъ подданнымъ, въ выраженіяхъ, уже не оставляющихъ никакихъ сомнѣній («intra terminos Territorii cujusque jus Diocesanum et jurisdictio Ecclesiastica se contineat») [1]).

Право опредѣлять религію своего государства, такъ-называемое «jus reformandi», было опредѣлено въ Вестфальскомъ трактатѣ слѣдующимъ образомъ: это право, опредѣленное ближайшимъ образомъ, какъ «jus reformandi, exercitium religionis», было присвоено свѣтскимъ государямъ исключительно въ видѣ одного изъ правъ государственнаго верховенства, т. е. связано съ суверенитетомъ съ «jus Territorii et Superioritatis». Этому праву соотвѣтствовала обязанность подданныхъ исповѣдывать именно ту религію изъ числа дозволенныхъ, которую выбралъ для своей страны ихъ государь. Несмотря на всѣ настоянія протестантовъ, право свободнаго выбора религіи за подданными вообще признано не было; «автономіи», какъ тогда говорили, имъ не было дано. Самое же jus reformandi со стороны государя содержало въ себѣ слѣдующія отдѣльныя права: 1) государь могъ опредѣлить, какую религію изъ числа дозволенныхъ должны исповѣдывать его подданные; 2) государь могъ по своему свободному усмотрѣнію допустить, кромѣ одной, еще другую изъ числа дозволенныхъ и по своему усмотрѣнію опредѣлить размѣры ея исповѣданія въ странѣ; 3) государь имѣлъ право опредѣлить по своему произволу относительно тѣхъ подданныхъ, которые не принадлежали ни къ установленной имъ религіи, ни

---

[1]) Тамъ же, стр. 49—59 и тамъ же, стр. 289 и слѣд. Instrumentum Pacis Caesareo Suecicum Osnabrugis, Articulus V, § 1 и слѣд.

къ допущенной имъ вѣрѣ, терпѣть ли ихъ дальше въ странѣ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, или принудить къ выселенію. Но это право реформированія было по Вестфальскому трактату не безгранично. Принадлежность къ одному изъ признанныхъ вѣроисповѣданій во время 1624 года и здѣсь ставила преграду религіознымъ правамъ князей: всѣ лица, которыя въ теченіе этого года пользовались правомъ публичнаго или частнаго богослуженія, сохраняли не только это право, но и соединенное съ нимъ владѣніе церковными имуществами, гдѣ таковыя были. Jus reformandi государя благодаря этому ограниченію могло быть осуществлено только относительно правъ и привилегій сверхъ указанной нормы; князь могъ ихъ по своему произволу или увеличить, или свести до уровня правъ 1624 г., не иначе. По взаимному соглашенію государя и подданныхъ, правда, можно было измѣнить объемъ указанныхъ правъ и внѣ данныхъ предѣловъ, но, въ случаѣ отказа отъ подобнаго соглашенія, государь уже не имѣлъ права иновѣрныхъ выселять за границу; исповѣданіе вѣры съ 1624 года гарантировало ихъ отъ выселенія. Всѣ же остальные подданные, которые исповѣдывали послѣ 1624 г. иную религію, чѣмъ ихъ государь, подлежали ужъ, въ случаѣ отказа принять религію суверена, безусловному выселенію. Эмиграція была ихъ правомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанностью, если этого требовалъ государь. Однако, и эту обязанность Вестфальскій миръ смягчилъ, насколько было возможно. Такъ, для выселенія иновѣрныхъ подданныхъ изъ одной страны въ другую, государь долженъ былъ назначать пяти или трехлѣтній срокъ, имущества выселенныхъ могли остаться за ними и даже могли быть управляемы черезъ ихъ повѣренныхъ и слугъ; такимъ выселенцамъ даже дозволялось временное пребываніе въ мѣстѣ ихъ первоначальнаго жительства для устройства различныхъ хозяйственныхъ дѣлъ. И хотя имущество такихъ подневольныхъ переселенцевъ и подлежало различнымъ выходнымъ пошлинамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были установлены по трактату и нѣкоторыя условія, которыя имѣли цѣлью облегчить устройство изгнанныхъ на новомъ мѣстѣ. Точно также переселенцы не подлежали и никакимъ тяжелымъ условіямъ или обязательствамъ для полученія различныхъ увольнительныхъ паспортовъ и свидѣтельствъ. Съ другой же стороны, если и зависѣло вполнѣ отъ воли князя предоставить своимъ иновѣрнымъ подданнымъ тотъ или другой объемъ религіозной тер-

нимости, однако и здѣсь онъ былъ въ извѣстной степени связанъ, а именно: если онъ предоставлялъ имъ право оставаться въ странѣ, то долженъ былъ имъ обезпечить, вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, право домашняго богослуженія — «couscientia libera domi devotioni suae sine inquisitione aut turbatione vacare», т. е. то, что тогда называлось — простое домашнее богослуженіе (devotio domestica simplex). Это право заключало въ себѣ право главы семейства съ его членами собираться у себя дома на молитву и, кромѣ того, право безпрепятственно посѣщать мѣста публичнаго богослуженія по обрядамъ своей вѣры внѣ страны, гдѣ-нибудь по сосѣдству. Дѣти подобныхъ лицъ могли быть обучаемы или въ заграничныхъ иновѣрныхъ школахъ, или дома, при помощи частныхъ учителей. Еще одно замѣчаніе. Въ случаѣ, если государь терпѣлъ у себя въ странѣ иновѣрныхъ подданныхъ, онъ долженъ былъ, согласно Вестфальскому договору, предоставить имъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія гражданскія права наравнѣ со своими правовѣрными подданными; точно также терпимые иновѣрцы не могли подлежать никакимъ лишеніямъ со стороны общественнаго почета, не могли быть лишаемы приличныхъ похоронъ на публичномъ кладбищѣ и т. д. [1]).

Исключеніемъ изъ вышеуказанныхъ общихъ правилъ являются, согласно Вестфальскому трактату, только три случая. Во, первыхъ, всякій государь, вступившій въ обладаніе землями, перешедшими къ нему по праву залога, хотя и имѣетъ право вводить ту религію, которую пожелаетъ, въ этихъ территоріяхъ, но иновѣрныхъ жителей этой области не имѣетъ права принудить къ насильственному водворенію; такихъ иновѣрцевъ, перешедшихъ къ нему вмѣстѣ съ землею, государь долженъ терпѣть у себя и предоставить имъ, по крайней мѣрѣ, свободу частнаго богослуженія. Во-вторыхъ, въ спорныхъ территоріяхъ владѣлецъ ихъ, впредь до окончательнаго разрѣшенія вопроса о ихъ принадлежности, лишенъ права принудительнаго выселенія лицъ, перешедшихъ къ иной вѣрѣ, нежели принятая княземъ. Третьимъ исключеніемъ, наконецъ, являлось особое обложеніе разновѣрующихъ жителей на земляхъ собственно императора. Здѣсь ограниченія 1624 г. были устранены. Только въ силу собственнаго соизволенія императоръ даровалъ си-

---

[1]) Fürstenau, в. н. с., стр. 59—68.

лезскимъ протестантамъ право исповѣданія ихъ вѣры и подтвердилъ герцогамъ Брига, Лигница, Мюнстерберга и Ольса и городу Бреславлю ихъ старыя привилегіи. Что касается остальныхъ силезскихъ герцогствъ, кромѣ указанныхъ, то здѣсь въ отношеніи протестантовъ императоръ отказался отъ права принудительнаго выселенія, разрѣшилъ имъ посѣщеніе богослуженія въ сосѣднихъ государствахъ, даровалъ право свободнаго выселенія изъ страны съ продажей имуществъ, или безъ этого дозволенія свободный пріѣздъ переселившихся въ мѣсто ихъ прежняго жительства для хозяйственныхъ цѣлей, даже, какъ знакъ особенной милости, разрѣшилъ протестантамъ постройку трехъ церквей на ихъ счетъ [1]).

Наиболѣе ограниченными являются по Вестфальскому миру, безспорно, права государей одного протестантскаго исповѣданія по отношенію къ подданнымъ другой протестантской же вѣры. Здѣсь князья были обязаны не только отказаться отъ права выселенія, не только должны были своимъ протестантскимъ подданнымъ обезпечить, по крайней мѣрѣ, домашнее богослуженіе, но и не имѣли права при своемъ личномъ переходѣ изъ одной протестантской вѣры въ другую умалять въ какомъ бы то ни было отношеніи права своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Такой князь могъ устранить у себя при дворѣ то богослуженіе, какое хотѣлъ, но его протестантскіе подданные оставались неприкосновенными, равно какъ и ихъ церковное устройство [2]).

Такова религіозная свобода, насколько ее устанавливаетъ Вестфальскій миръ. Какъ очевидно—эта свобода весьма ограниченная. Она заключалась въ томъ, что любое изъ имперскихъ сословій, любой непосредственный имперскій подданный могъ по выбору принять одно изъ трехъ исповѣданій: или католическое, либо—изъ протестантскихъ—аугсбургское, или реформатское. Перемѣна религіи въ указанныхъ предѣлахъ для отдѣльнаго владѣтеля не была сопряжена ни съ какой потерей или умаленіемъ правъ: только духовный князь терялъ вмѣстѣ съ этимъ свои духовные доходы.

Перемѣна религіи государемъ влекла за собой и перемѣну религіи подданныхъ. Cujus est regio, ejus est religio, кому принадлежитъ царство, тому и религія подданныхъ,—эти послѣдніе должны вѣрить такъ, какъ имъ приказываетъ ихъ государь. Онъ

---

[1]) Fürstenau, в. н. с., стр. 68—70.
[2]) Тамъ же, стр. 70—73.

выбираетъ для нихъ тотъ путь религіознаго спасенія изъ числа трехъ, который считаетъ наилучшимъ, и они должны слѣдовать предписанію государя. Только тѣ, кто еще въ 1624 году исповѣдывали ту или иную вѣру, защищены въ правѣ ея владѣнія, имъ дозволяется, по крайней мѣрѣ, домашнее богослуженіе. Всѣ же другіе или должны подчиниться владѣльцу территоріи, или покинуть родину. «Privilegium emigrandi» дано имъ, право сохранить вѣру за ними обезпечено, но оно покупается дорогой цѣною: бросить очагъ, могилы предковъ, отчизну и искать счастья у единовѣрнаго государства. Итакъ, или вѣра князя—или изгнаніе...

Только протестанты защищены нѣсколько отъ реформированія сверху со стороны протестанта же; только тѣ изъ католиковъ въ землѣ протестанта и, наоборотъ, пользуются въ силу права домашнимъ богослуженіемъ, кому князь далъ разрѣшеніе остаться въ странѣ, несмотря на различіе вѣры [1]).

Таковы формы религіозной свободы, которой добились народы средней Европы путемъ тридцатилѣтней религіозной войны двухъ христіанскихъ партій, вѣрующихъ въ одно и то же Евангеліе и одного Христа!

Эта свобода гарантирована только тому, кто велъ борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, т. е. только князьямъ и государямъ. Эта свобода дана только для тѣхъ религій, во имя которой былъ поднятъ мечъ, т. е. для одной католической и двухъ протестантскихъ. Эта свобода только отчасти, очень незначительно, коснулась всей громадной массы простыхъ вѣрующихъ, и окончательный религіозный миръ имъ принесъ не свободу, а равенство. Равенство въ пользованіи гражданскими правами, равенство въ обязанности исповѣдывать вѣру своего государя, равенство въ привилегіи добровольнаго и принудительнаго изгнанія изъ отчизны правды ради.

И все-таки—громадный шагъ впередъ. Костры инквизиціи потухли, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ еретиковъ, которые исповѣдывали символъ Кальвина и Лютера въ Германіи и Швейцаріи. Единство религіозно-политическаго строя жизни въ священной Римской имперіи было разбито. Принципы если не свободы, то равноправія, равенства, паритета были признаны. И хотя въ другихъ странахъ Европы,—гдѣ протестантское движеніе, какъ въ

---

[1]) Тамъ же, в. н. с., стр. 72—73.

Италіи и Испаніи, было задушено въ самомъ началѣ,—и держалась еще система католическаго принудительнаго правовѣрія, но эта система не имѣла уже тѣхъ формъ, которыя были присущи безпросвѣтному религіозному гнету среднихъ вѣковъ. Правда, религіозная борьба во время реформаціи велась съ обѣихъ сторонъ съ ожесточеніемъ; правда, такія проявленія католическаго правовѣрія, какъ Варфоломѣевская рѣзня, знаменитыя обращенія къ истинѣ еретиковъ при помощи особыхъ солдатскихъ постоевъ, драгонадъ во Франціи, царствованіе кровавой Маріи въ Англіи, возвращенная инквизиція въ Испаніи и Италіи еще пятнаютъ исторію человѣчества цвѣтомъ невинной крови и озаряютъ Европу заревомъ костровъ,—но все-таки это только мѣры борьбы, а не единой спасительной администраціи Царства Божія, это акты произвола, акты партійной политики, которая уже потеряла свой всеобщій вселенскій фундаментъ и цѣпляется въ связи съ чисто свѣтскими интересами и расчетами только за обломки прежняго гордаго и мощнаго царства единой вѣры и единой истины.

Фактъ на лицо, истина раздвоилась, и еретики силою оружія добились признанія за собой всего того, что должно было быть у нихъ отнято по ученію каноническаго права единой истинной римской церкви, по завѣтамъ ея великихъ папъ, по утвержденію ея великихъ теологовъ. И одинъ этотъ фактъ былъ явленіемъ громаднаго значенія, былъ великой побѣдой въ дѣлѣ вѣротерпимости и признанія права человѣческой совѣсти. Разъ единая догма, единая власть, единая церковь раздробилась, этого процесса уже остановить нельзя было. И если на мѣсто одной принудительной церкви явилось двѣ, то впослѣдствіи уже ничто не могло гарантировать церковь и государство, что не появится ихъ три, четыре и т. д. до тѣхъ поръ, пока падетъ самый принципъ принудительной церкви и церковь найдетъ свой единый истинный и непререкаемый базисъ въ душѣ каждаго своего свободнаго сочлена.

Признаніе одной ереси въ качествѣ признанной религіи есть уже въ принципѣ и допущеніе всякой иной. Когда рядомъ съ одной истиной, отвергающей всѣ прочія, допускается другая, также отрицающая всѣ другія, то, спрашивается, гдѣ же истина, такъ какъ каждая изъ нихъ другъ друга отрицаетъ. И если логична система всеобщаго религіознаго гнета во имя одной идеи, одной истины, то принужденіе во имя нѣсколькихъ, другъ друга

отрицающихъ истинъ есть уже простая безсмыслица; ея устраненіе лежитъ исключительно въ полной религіозной свободѣ.

Но принудительность вѣроисповѣданія царила еще долго. И прежде всего она основывалась на правѣ князей выбирать для своей страны и подданныхъ ту религію, которую они пожелаютъ, изъ числа существующихъ. Реформація была введена во многихъ государствахъ простымъ актомъ государственной власти. Въ Англіи реформація была введена закономъ Генриха VIII. въ Швеціи народъ былъ реформированъ силой при Густавѣ Вазѣ, въ Даніи реформація состоялась благодаря принудительнымъ мѣрамъ Христіана III; среди германскихъ территорій встрѣчаемся съ анагогичными фактами и въ Саксоніи, гдѣ курфюрстъ Іоаннъ своимъ указомъ ввелъ лютеранство, и въ Пруссіи, гдѣ гроссмейстеръ нѣмецкаго ордена, Альбрехтъ Бранденбургскій, получивъ страну въ ленъ отъ Польши, предписалъ «чисто» проповѣдывать Евангеліе, «такъ какъ осуществлять противъ непослушныхъ должность меча возложена на насъ Богомъ», и въ Лигницѣ, гдѣ введеніе евангелической вѣры обязано герцогу Фридриху II, и въ Вюртембергѣ, гдѣ съ возстановленіемъ на престолѣ герцога Ульриха установлена и новая религія, и т. д. Таковы образчики практическаго примѣненія знаменитаго правила cujus est regio, ejus est religio [1]).

Преслѣдованіе еретиковъ и до Вестфальскаго мира и послѣ него, поскольку дѣло шло о лицахъ, не стоящихъ подъ охраной этого трактата, также дало свои пышные цвѣты въ евангелическихъ странахъ. И хотя по общему правилу изгнаніе было ординарнымъ наказаніемъ вообще за исповѣданіе подданными иной вѣры, нежели принятая государемъ, и, слѣдовательно, смертная казнь и, въ особенности, смерть черезъ сожженіе и не была постояннымъ наказаніемъ за ересь у протестантовъ, однако и здѣсь спорадически и изрѣдка мы встрѣчаемся съ воскрешеніемъ старыхъ католическихъ обычаевъ, причемъ ересь принимаетъ характеръ тяжелаго уголовнаго преступленія, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда она можетъ быть подведена подъ понятіе «богохульства».

Общеизвѣстенъ фактъ сожженія живьемъ протестантскими властями антитринитарія Михаила Сервета въ Женевѣ; въ

---

[1]) Maassen., в. н. с., стр. 186; Hergenröther, Kathol. Kirche und christlicher Staat Freib. Breisigau. 1873, стр. 440—442.

письмѣ къ Кальвину одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей реформаціи, Меланхтонъ, вполнѣ оправдывалъ подобную мѣру: «я вполнѣ согласенъ, пишетъ онъ, съ твоимъ рѣшеніемъ и держусь того взгляда, что вашъ магистратъ поступилъ правильно, казнивъ богохульственнаго человѣка». Еще раньше Меланхтона этой казни требовалъ Буцеръ съ каѳедры проповѣдника въ Страсбургѣ, а впослѣдствіи оправдывалъ ее и швейцарскій теологъ Беза. Въ Швейцаріи протестанты кальвиническаго исповѣданія подвергли пыткамъ, а потомъ и смертной казни Якова Грюе, казнили Валентина, Гентилиса, въ другихъ кантонахъ были принесены въ жертву господствующей религіозной партіи Функъ, Селиванъ, Крелль и Геннингъ Брабантъ; подобныя же преслѣдованія религіознаго характера извѣстны относительно Нюренберга и Саксоніи; практика саксонскихъ судовъ показываетъ намъ примѣры смертной казни за «богохульство», и эта практика подтверждается и оправдывается евангелическимъ консисторіальнымъ юристомъ Бенедиктомъ Карпцовымъ. Даже въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемся еще съ практикой казни еретиковъ у евангелическихъ народовъ: въ 1636 году былъ обезглавленъ и сожженъ въ Кенигсбергѣ Адельгрейфъ, и въ 1687 былъ казненъ въ Любекѣ согласно мнѣнію Кильскаго юридическаго и Виттенбергскаго богословскаго факультетовъ, еретикъ Гюнтеръ! [1]).

Итакъ, уже не священники, а цари земные опредѣляютъ, что есть истина и эту истину навязываютъ силой своимъ подданнымъ. Принужденіе къ одной вѣрѣ исчезло, теперь явилось принужденіе къ одной изъ трехъ и даже четырехъ. Выборъ сравнительно богатый. И не только вѣра стала дѣломъ выбора на время, на срокъ, получилась возможность у правителя сегодня принять католичество и объявить это исповѣданіе обязательной для гражданъ догмой, а завтра опять возвратиться къ протестантству. Даже по Вестфальскому миру стали возможны такіе случаи, что по приказанію государя одинъ годъ страна исповѣдуетъ лютеранство, затѣмъ другой годъ католичество, затѣмъ третій реформатскую вѣру, затѣмъ опять католичество, затѣмъ опять лютеранство и т. д. безъ конца. Воистину удивительная картина! И только подумать, что здѣсь дѣло идетъ о самомъ дорогомъ достояніи нравственной человѣческой личности, о вѣ-

---

[1]) Тамъ-же.

рѣ, что здѣсь идетъ рѣчь не болѣе и не менѣе, какъ о вѣчномъ спасеніи и погибели, что здѣсь, наконецъ, принудительно устанавливается и отвергается религіозная истина, которая по существу является единой, абсолютной, неизмѣнной, недопускающей никакихъ колебаній и сомнѣній, иначе она не существуетъ вовсе. Сегодня по приказанію начальства—католикъ, завтра протестантъ; сегодня—лютеранинъ, завтра—реформатъ; сегодня вѣрую въ папу и проклинаю еретиковъ лютеранъ, завтра вѣрую въ Лютера и проклинаю папу. Какой чудовищный и хроническій скандалъ—scandalum magnum—въ дѣлѣ нравственной жизни вѣрующаго, какое опозореніе вѣры, какое циничное хозяйничанье въ чужой душѣ!

И все это въ силу велѣнія случайныхъ свѣтскихъ властителей, ставшихъ на мѣсто папы между человѣкомъ и Богомъ, присвоившихъ себѣ власть, который не дерзалъ себѣ присвоить въ такой неограниченной формѣ ни византійскій кесарь, ни, тѣмъ болѣе, священный римскій императоръ. И какъ единственное оправданіе такихъ притязаній—свѣтская власть земного царства; какъ единственный аргументъ—сила уголовнаго меча и полицейской палки!

И при этой системѣ еще гоненія за вѣру, изгнаніе тысячъ семействъ, смертная казнь, даже сожженіе. Правы католическіе писатели, когда сравнительно немногихъ мучениковъ за вѣру отъ рукъ протестантскихъ палачей они ставятъ на ряду съ такими массовыми и звѣрскими сектами католичества, какъ, напримѣръ, римская инквизиція. У католиковъ была хотя извѣстная формальная законная логика, а у протестантовъ ее совершенно не было. И каждая казнь за вѣру со стороны протестантовъ была уже не казнью, а простымъ убійствомъ. Справедливо замѣчаетъ Маассенъ, что «по своему внутреннему качеству религіозное принужденіе, введенное реформаціей, было собственно даже гораздо болѣе произвольнымъ и недостойнымъ, чѣмъ религіозный гнетъ старой принудительно церковной системы. Если раньше государственная властъ практиковала принужденіе въ подчиненіи духовной власти церкви, то теперь религія подданныхъ стала чистымъ доменомъ князей». Единственное достоинство этой системы заключается въ томъ, что благодаря внутреннему противорѣчію она не могла быть долговѣчной.

Но, властвуя въ средѣ чисто вѣроисповѣдной, евангелическіе князья не оставили безъ вниманія и церковной жизни и

устройства протестантской церкви. Епископатъ по нуждѣ ввелъ ихъ временно въ область церковнаго управленія, и они тамъ остались навсегда. Рѣшая по своему произволу вопросы о томъ, во что и какъ вѣрить подданнымъ, они естественно должны были взять въ свои руки и устройство соотвѣтственныхъ духовныхъ установленій, которыя сегодня могли бы ограничивать общину и создать проповѣдниковъ по реформатскому образцу, завтра—по католическому, послѣзавтра—по лютеранскому и т. д. Не мудрено, что, въ виду всего своего особаго отношеніе къ вѣрѣ и религіи, въ силу цѣлаго ряда указанныхъ выше причинъ, вторженіе свѣтской власти въ церковную область произошло полнѣйшее. И вотъ мы встрѣчаемся съ громаднымъ и всеобъемлющимъ законодательствомъ князей въ евангелическихъ странахъ съ массой всевозможныхъ статутовъ и уставовъ, руководствуясь которыми королевскія герцогскія и княжескія консисторіи назначаютъ духовныхъ лицъ, визитируютъ приходы и школы, поддерживаютъ духовную дисциплину, слѣдятъ за чистотой проповѣди и ученія, а самое главное устанавливаютъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ религіозную полицію.

Старое смѣшеніе нравственности и права, грѣха и преступленія воскресаютъ вновь. Палочные удары, привязываніе къ позорному столбу, заковываніе въ желѣзный ошейникъ, штрафы, тюрьма—вотъ тѣ мѣры, при помощи которыхъ протестантскія власти принуждаютъ вѣрующихъ исправно посѣщать церковь, исполнять церковные обряды, совмѣщать свободу вѣры и свѣтскую «евангелическую» власть. Реформація погубила свое дѣло, призвавъ княжескій мечъ для устройства новаго христіанскаго порядка. Реформація, наконецъ, запятнала себя нетерпимостью, казнями «богохульниковъ» и еретиковъ, изгнаніемъ разновѣрующихъ и тѣмъ лишила себя свѣтлаго ореола освободительницы христіанства изъ-подъ гнета средневѣкового рабства.

МОРАЛЬ, ПРАВО И РЕЛИГІЯ ПО РУССКОМУ ЗАКОНУ.

(Юридико-догматическіе очерки).

I.

Добронравіе, порочность и основы морально-полицейскаго надзора.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ мы попробуемъ выяснить нѣкоторыя черты русскаго дѣйствующаго права, на которыхъ русская юридическая наука до сихъ поръ почти не останавливала своего вниманія. Къ разбираемымъ въ настоящемъ очеркѣ положеніямъ закона у насъ скорѣе принято относиться, какъ къ своеобразнымъ курьезамъ и раритетамъ, не заслуживающимъ даже вниманія серьезнаго догматика-юриста,—до такой степени самое существованіе этихъ положеній противорѣчитъ принципамъ современнаго права. Но, къ сожалѣнію, эти курьезы не только существуютъ въ Сводѣ Законовъ, въ наиболѣе устарѣвшихъ его частяхъ, но и примѣняются тѣмъ или другимъ способомъ на практикѣ. Полагаемъ поэтому, что нижеслѣдующій очеркъ, съ одной стороны, не безполезенъ съ точки зрѣнія выясненія размѣровъ узаконеннаго полицейскаго поощренія и пресѣченія, съ другой же, будучи выясненіемъ хотя и устарѣвшаго, но тѣмъ не менѣе закономъ не отмѣненнаго института, не представляетъ собой и научной стрѣльбы по воробьямъ изъ пушекъ.

Какъ извѣстно, общее раздѣленіе права и нравственности, права и религіи весьма мало знакомо дѣйствующему своду. Усвоенное каждымъ образованнымъ юристомъ, со школьной скамьи, ученіе о томъ, что государство достигаетъ своихъ цѣлей только при помощи права и правового принужденія, что право, будучи даже нравственнаго содержанія, не можетъ выходить изъ предѣловъ внѣшней, формальной принудительной нормы,

что, наконецъ, право по самому своему существу не можетъ предписывать ни добродѣтели, ни религіозной истины, — всѣ эти школьныя положенія встрѣчаютъ полное противорѣчіе во многихъ частяхъ дѣйствующаго закона, унаслѣдованнаго нами еще отъ времени идей XVIII вѣка и полицейскаго государства.

Остановимся на нѣкоторыхъ довольно яркихъ примѣрахъ.

Такъ, «всѣмъ и каждому, по дѣйствующему праву: вмѣняется въ обязанность жить въ незазорной любви, въ мирѣ и согласіи, другъ другу по достоинству воздавать почтеніе, послушнымъ быть кому надлежитъ по установленному порядку, и стараться предупреждать недоразумѣнія, ссоры, споры и пренія, кои могутъ довести до огорченій и обидъ». «Полиція наблюдаетъ, чтобы благочиніе, добронравіе, порядокъ и все, предписанное закономъ, для общей и частной пользы, было исполняемо и сохраняемо», «чтобы молодые и младшіе почитали старшихъ и старыхъ, чтобы дѣти повиновались родителямъ, а слуги своимъ господамъ и хозяевамъ». На обязанности полиціи лежитъ наблюденіе за тѣмъ, «чтобы своевольства не происходило и чтобы каждый обращался съ другимъ вѣжливо» [1]).

Запрещаются далѣе «обманы словомъ, письмомъ или дѣйствіемъ» и «разсѣеваніе» «лжи и клеветы» и «ябедничество», пресѣкается всякое «порочное», «развратное», «дурное поведеніе», запрещается «всякая новизна, законамъ противная» и всякое «покушеніе, клонящееся къ нарушенію спокойствія», запрещается «непотребство» и «роскошь безмѣрная и расточительная» и «излишество, безпутство и мотовство» и, наконецъ, «всѣмъ и каждому воспрещается пьянство» [2]).

О добродѣтели гражданъ заботится по нашему праву цѣлый рядъ административныхъ и полицейскихъ властей. Такъ, генералъ-губернаторъ наблюдаетъ, «чтобы юношество получало воспитаніе въ правилахъ чистой вѣры, доброй нравственности и въ чувствахъ преданности престолу и отечеству», онъ же, «устремляя все свое вниманіе на духъ и нравственное направленіе во всѣхъ сословіяхъ, устраняетъ всякій поводъ къ ложнымъ понятіямъ, превратнымъ толкованіямъ и гибельному лжемудрствованію», преслѣдуетъ всѣми зависящими отъ него сред-

---

[1]) Уст. о пред. и прес., т. XIV, изд. 1890 г., ст. 225, 121, 122, 238.

[2]) Тамъ же, ст. 285, 172, 177, 179, 183, 186, 205, 209, 210, 119, 120, 155, 150, 153 т. II учр. губ., ст. 221.

ствами излишнюю роскошь, расточительность, безпутство и мотовство»; къ его же вѣдѣнію принадлежитъ и чтобы каждый, во всѣхъ сословіяхъ, снискивалъ себѣ пропитаніе трудомъ честнымъ и полезнымъ». Губернаторы же должны «стараться о сохраненіи, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, добрыхъ нравовъ между жителями ввѣренныхъ имъ губерній, надзирая не только за исполненіемъ дѣйствующаго устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, но и стараясь о пресѣченіи различныхъ пороковъ», и «всего, что можетъ возбуждать къ порочнымъ склонностямъ и привычкамъ или же усиливать ихъ въ народѣ».

Въ виду такихъ нравственныхъ задачъ, само собою разумѣется, губернаторы должны не только дѣйствовать путемъ строго формальнымъ, но и «словеснымъ» и «приватнымъ», они должны «быть доступными» и «въ отношеніяхъ частныхъ и, такъ сказать, по самому своему образу жизни, дабы обходительностью, ласкою, желаніемъ сдѣлать по возможности для каждаго пріятное укрѣпить тѣ нравственныя, между ними и ввѣреннымъ ихъ управленію краемъ, связи, коимъ должно служить основаніемъ уваженіе къ ихъ правиламъ и чистотѣ ихъ намѣреній и побужденій»; для устраненія многихъ затрудненій, законъ считаетъ желательнымъ, чтобы губернатору «всѣ содѣйствовали и по чувству личнаго къ нему довѣрія и любви». Также должны губернаторы и въ изслѣдованіи относительно дѣйствій, противныхъ «закону и порядку», умѣло и осторожно пользоваться частными свѣдѣніями и «развѣдываніемъ» безъ огласки, соблюдая при этомъ, по отношенію къ лицамъ, давшимъ первое свѣдѣніе, полную «откровенность», причемъ «не только личные расчеты и выгоды, но и самая щекотливость личнаго самолюбія должны быть ими устраняемы и, такъ сказать, приносимы въ жертву пользѣ общей». Но не только губернаторы должны вступать въ частныя сношенія съ жителями, чтобы воздѣйствовать на ихъ нравственность, но и чины полиціи; такъ, исправникъ «старается своими разспросами и совѣтами вразумлять сельскихъ обывателей на счетъ ихъ обязанностей и пользъ и поощрять ихъ къ трудолюбію, указывая имъ выгоды распространенія и усовершенствованія земледѣлія, рукодѣлій и торговой промышленности, особливо же сохраненія добрыхъ нравовъ и порядка». Даже петербургскіе домовладѣльцы и дворники не лишены нѣкоторыхъ моральныхъ функцій, и они наблюдаютъ за

поведеніемъ жильцовъ своихъ домовъ, «о дурномъ» же поведеніи ихъ доносятъ полиціи [1]).

Но не одно личное «добронравіе» и личная добродѣтель находитъ себѣ руководство и поощреніе въ Сводѣ Законовъ; въ этомъ же законодательномъ сборникѣ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ кодексомъ семейной морали, съ цѣлымъ рядомъ правилъ добродѣтели, которымъ должны слѣдовать, во взаимныхъ отношеніяхъ, и супруги, и родители, и дѣти.

Такъ, «мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное свое тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и облегчать ея немощи»; «жена обязана повиноваться мужу своему, какъ главѣ семейства, пребывать къ нему въ любви, почитаніи и въ неограниченномъ послушаніи, оказывать ему угожденіе и привязанность, какъ хозяйка дома». Родители не только обязаны давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ «воспитаніе доброе и честное», но и «обращать все свое вниманіе на нравственное образованіе дѣтей и стараться домашнимъ воспитаніемъ приготовить нравы ихъ и содѣйствовать видамъ правительства». Родители даже «пекутся объ опредѣленіи сыновей въ службу или въ промыселъ» и «отдачѣ дочерей въ замужество». Дѣти же, въ свою очередь, «должны оказывать родителямъ чистосердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь; служить имъ на самомъ дѣлѣ, отзываться о нихъ съ почтеніемъ, и сносить родительскія увѣщанія и исправленія терпѣливо и безъ ропота. Почтеніе дѣтей къ памяти родителей должно продолжаться и по кончинѣ родителей» [2]).

Не избѣгло этической окраски и отношеніе дѣйствующаго закона къ сословіямъ, въ особенности къ дворянству,—этой «первой подпорѣ Престола», этому «благородному» классу общества, который носитъ дворянское названіе, какъ «слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличавшихъ себя заслугами». Это «первое въ государствѣ» сословіе имѣетъ и особенныя нравственныя задачи: дворяне, «принадлежа къ высшему и большею частію просвѣщеннѣйшему классу жителей и, посвящая почти всю жизнь свою государственной службѣ, составляютъ и внѣ

---

[1]) Св. зак., т. II, изд. 1892 г. Общее учрежденіе губерн., ст. 217, 216 212, 314, 416, 418, 772; т. XIV, уст. пред. и пресѣч. прилож. ст. 222, П.

[2]) Св. зак., томъ X, ч. 1, изд. 1887 г. ст. 106, 107, 172, 173, 174, 177.

оной одно изъ надлежащихъ орудій правительства», отсюда и проистекаютъ нижеслѣдующія двѣ задачи дворянства:

Во-первыхъ, «правительство желаетъ, и главнымъ начальникамъ надлежитъ поощрить, чтобы молодые дворяне, по окончаніи наукъ, употребляя себя къ изученію законовъ своего отечества и образа судопроизводства», «не находились во вредной праздности, но посвящали себя службѣ государственной», и чтобы они такимъ образомъ могли, «поступая въ чины высшіе, достойно и похвально исправлять свое званіе къ пользѣ общей». И въ этихъ цѣляхъ особенному нравственному воздѣйствію губернской администраціи подлежатъ молодые дворяне; отношеніе губернаторовъ къ молодымъ людямъ, состоящимъ безъ жалованья при губернскихъ мѣстахъ, уподобляется даже отеческимъ отношеніямъ; законъ требуетъ, чтобы губернаторы «пеклись о нихъ», «какъ отцы семейства, коимъ поручаются дѣти благовоспитанныя для первыхъ шаговъ на поприщѣ службы»; губернаторы должны «направлять нравственность и способности сихъ молодыхъ людей для будущей пользы службы».

Во-вторыхъ, дворяне «обязаны стараться знать нужды, способы и состояніе края, въ коемъ имѣютъ постоянное пребываніе», «свѣдѣнія и заключенія ихъ о семъ, а равно и о дѣйствіяхъ людей, принадлежащихъ къ мѣстному управленію, часто бываютъ достовѣрнѣе и основательнѣе тѣхъ, кои можетъ представить чиновникъ послѣ кратковременнаго, поверхностнаго обозрѣнія»; губернаторы даже обязаны принимать въ надлежащее соображеніе сіи свѣдѣнія и самыя мнѣнія предводителей дворянства и другихъ, достойныхъ уваженія, дворянъ; въ виду такого высокаго призванія дворянства, законъ требуетъ, «чтобы дворяне вели жизнь приличную ихъ происхожденію и служили примѣромъ прочимъ сословіямъ»; наблюденіе же за этимъ возлагается на генералъ-губернаторовъ [1]).

Подобныя же нравственныя пожеланія и предписанія представляетъ намъ законъ, поскольку онъ изображаетъ и отношенія служащихъ другъ къ другу и къ общему для нихъ служебному долгу. Такъ, среди «общихъ качествъ» чиновника, «которыя должны быть всегда зерцаломъ всѣхъ его поступковъ», помѣчены и «человѣколюбіе», и «усердіе къ общему добру», и «чест-

---

[1]) Св. зак. т. IX, изд. 1876 г., ст. 15; т. III, изд. 1896 г. ст. 19; т. II, изд. 1892 г. учрежд. губ. ст. 416, 214, 212, 283.

ность», «безкорыстіе и воздержаніе отъ взятокъ», и «покровительство невинному и скорбящему»; отсюда же вытекаютъ такія высокія нравственныя требованія къ чиновникамъ въ дѣлѣ выполненія ими служебнаго долга, что законъ прямо восклицаетъ: «посему лѣность, нерадѣніе и неприлежность къ порученному дѣлу да почтутся наивящшимъ для нихъ стыдомъ, упущеніе же должности и нерадѣніе по части блага общаго, имъ ввѣреннаго, главнѣйшимъ поношеніемъ». Въ отношеніяхъ служащихъ другъ къ другу законъ устанавливаетъ также нѣкоторый нравственный характеръ, который отличается слѣдующими чертами:

«Вообще всѣ служащіе, начальствующіе и подчиненные должны пребывать между собою въ соединеніи», причемъ это «соединеніе» образуется не только на почвѣ общаго «трудолюбія» и взаимнаго по службѣ «вспоможенія», но и своеобразнаго отеческаго надзора первыхъ надъ вторыми: «надлежитъ, чтобы начальники имѣли надзоръ и надъ поведеніемъ и обхожденіемъ своихъ подчиненныхъ, и побуждали оныхъ къ добродѣтели и похвальному любочестію, удерживая отъ безбожнаго житія, пьянства, лжи и обмановъ» [1]).

Приведенныхъ цитатъ, впрочемъ, думаемъ, вполнѣ достаточно для общей характеристики существующаго у насъ смѣшенія права и морали,—закона нравственнаго и закона юридическаго. Какъ видно изъ сдѣланныхъ выше ссылокъ на дѣйствующій сводъ, добродѣтель отдѣльнаго лица, не только какъ семьянина, члена того или другого сословія или служебнаго положенія, но даже просто какъ человѣка, находится подъ надзоромъ и руководствомъ органовъ полиціи и администраціи и, надо замѣтить, что рамки предоставленной этимъ органамъ власти, съ одной стороны, по насажденію, поощренію и охранѣ благочинія и добронравія, съ другой же—по предупрежденію и пресѣченію пороковъ и злонравія,—такъ широки, что мы положительно затрудняемся сказать: какія сферы нравственнаго поведенія личности могли бы ускользнуть отъ бдительнаго начальства, снабженнаго столь широкими полномочіями морально-полицейскаго надзора и попечительства? Мы думаемъ, что никакія или почти никакія, такъ какъ губернаторскія полномочія почти безграничны.

Но могутъ возразить, что на практикѣ всѣ приведенныя

---

[1]) Св. зак., т. III, изд. 1896 г., ст. 705, 707, 717, 716.

нами выше положенія свода далеко не такъ страшны, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ; что и у насъ въ Россіи на практикѣ человѣкъ пользуется такой же свободой моральнаго поведенія, какъ и на культурномъ западѣ, что, слѣдовательно, вышеприведенныя статьи есть не болѣе, какъ мертвая буква закона, давно потерявшаго свою силу; что если эти статьи еще и сохраняются въ сводѣ въ качествѣ пережитка старины, то уже практическаго значенія онѣ не имѣютъ и по нынѣшнимъ временамъ и имѣть не могутъ.

Не можемъ не отвѣтить на это замѣчаніемъ, что данное возраженіе совершенно не юридическаго, а чисто-фактическаго характера, и если разбираемый законъ въ настоящее время не примѣняется администраціей по разнымъ основаніямъ политическаго благоразумія и цѣлесообразности, то это нисколько не гарантируетъ гражданъ въ странѣ, гдѣ законъ отмѣняется только закономъ, отъ того, что въ одинъ прекрасный день нѣкоторыя новыя политическія условія приведутъ и къ новой практикѣ и къ точному соблюденію вышеприведенныхъ нормъ. А это, въ свою очередь, можетъ привести только къ полному порабощенію моральной личности полицейской власти.

Съ другой же стороны, не надо забывать, что въ случаѣ, если бы законъ, указанный нами, примѣнялся на практикѣ,— а мы имѣемъ основаніе думать, что онъ въ нѣкоторыхъ частяхъ и примѣняется—то, къ сожалѣнію, есть слишкомъ много путей, чтобы обезпечить ему достаточную практическую силу и значеніе, хотя, можетъ быть, не соотвѣтствующее цѣли законодателя; это вѣдь не нравственная заповѣдь, обращенная къ доброй волѣ человѣка, которую онъ можетъ исполнить или нѣтъ, по желанію, а велѣніе права, подлежащее, во всякомъ случаѣ, исполненію и въ случаѣ надобности влекущее за собой принужденіе. Это не праздное пожеланіе законодателя, несмотря на теоретическое и моральное содержаніе закона, а законъ, снабженный соотвѣтственной санкціей административнаго и судебнаго взысканія. И санкція разбираемыхъ морально-полицейскихъ велѣній закона весьма серьезна.

Прежде всего, согласно 29 ст. уст. о наказ., обезпечивающей исполненіе «законныхъ» требованій правительственныхъ и полицейскихъ властей, и требованіе полиціи, обращенное къ обывателямъ насчетъ «незазорной любви», «почитанія старшихъ», «добронравія» и всяческой иной добродѣтели, обозна-

*

ченной въ различныхъ уставахъ по принадлежности, есть также требованіе законное и, какъ таковое, подлежитъ уголовной санкціи. Затѣмъ, спеціально относительно лицъ, стоящихъ подъ вѣдѣніемъ земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ, подобныя требованія, какъ законныя, ведутъ къ еще болѣе грознымъ послѣдствіямъ, такъ какъ подвергаютъ ослушниковъ по ст. 61 пол. зем. нач. взысканію «безъ всякаго формальнаго производства» въ размѣрахъ не только денежнаго штрафа, но и кратковременнаго ареста. Не подлежитъ далѣе никакому сомнѣнію, что и губернаторы имѣютъ полное право вообще регулировать нравственную жизнь населенія, въ указанныхъ выше предѣлахъ, при помощи изданія обязательныхъ постановленій въ порядкѣ 421 ст. учр. губ. и, такимъ образомъ, развивать въ частностяхъ тѣ общія положенія о благонравіи и благочиніи, которыя были указаны нами выше; санкціей подобныхъ обязательныхъ постановленій является также 29 ст. устава о наказ. Другимъ средствомъ въ рукахъ губернской власти обуздать порочное поведеніе, въ частности же безмѣрную роскошь и мотовство, является право наложенія опеки на имущество расточителей. Это право, впрочемъ, принадлежитъ въ полномъ объемѣ только генералъ-губернаторамъ. Губернаторы же, въ этомъ отношеніи, пользуются болѣе ограниченными правами, а именно: относительно дворянъ—правомъ возбужденія дѣла о наложеніи опеки и донесенія о рѣшеніи дворянства по этому вопросу въ Сенатъ, относительно же почетныхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ—правомъ утвержденія коллегіальнаго рѣшенія губернскаго правленія [1]). Но этими мѣрами взысканія и временнаго ограниченія дѣеспособности расточителей, средство для обузданія пороковъ не ограничивается: «порочность», «дурное» или «развратное» поведеніе имѣетъ по нашему праву еще болѣе суровыхъ карателей и мстителей. Такъ, дѣти могутъ быть родителями заключаемы въ тюрьму безъ судебнаго разбирательства на сроки до 4 мѣсяцевъ за упорное неповиновеніе родительской власти, развратную жизнь и другіе явные пороки; такъ, мѣщане, крестьяне, инородцы и евреи поселенцы ссылаются безъ всякаго судебнаго разбирательства въ Сибирь единственно по приговору сословнаго общества, съ утвержденіемъ губерн-

---

[1]) Св. зак., т. XIV, уст. пред. и пресѣч., приложеніе къ ст. 150; т. II, учрежд. губ., ст. 497.

ской администраціи, за «дурное» или «развратное» и «порочное» поведеніе; колонисты закавказскаго края за ту же вину и въ томъ же порядкѣ высылаются или за границу, или въ «отдаленныя губерніи Россіи»; лица, исключаемыя изъ духовнаго вѣдомства, «за пороки и дурное поведеніе», лишаются права въѣзда и жительства въ столицахъ; а чиновники не только могутъ быть исключаемы со службы безъ просьбы ихъ, если они почему-либо неблагонадежны или сдѣлали вину, извѣстную начальству, которую нельзя доказать фактами, но, если они отставлены за «развратное» поведеніе, то высылаются изъ столицъ въ мѣста ихъ жительства, или вообще во внутреннія губерніи [1]).

Однако, самымъ жестокимъ орудіемъ въ рукахъ администраціи, для подавленія всякой неблагонадежности и порочности, является безспорно признаніе лица, навлекшаго на себя подозрѣніе начальства, «вреднымъ для общественнаго спокойствія», въ этомъ случаѣ надъ подобнымъ лицомъ устанавливается такъ-называемый гласный, полицейскій надзоръ со всѣми крайне тяжкими послѣдствіями такого состоянія; только въ награду за хорошее поведеніе и образъ жизни поднадзорныхъ они могутъ быть освобождены, по представленію губернаторовъ, отъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для нихъ мѣръ надзора [2]).

Итакъ, съ одной стороны, насажденіе добронравія, незазорной любви, миролюбія, семейной добродѣтели, даже сословной чести, пресѣченіе пороковъ, дурного поведенія, ложныхъ понятій и лжемудрствованія, съ другой же, въ качествѣ санкціи этихъ предписаній закона—судебное преслѣдованіе, административное взысканіе, наложеніе опеки, денежные штрафы, арестъ, высылка однихъ за порочное поведеніе во внутреннія губерніи, даже ссылка другихъ въ Сибирь на водвореніе—однимъ словомъ, цѣлый арсеналъ принудительныхъ мѣръ, которыя всѣ могутъ быть употреблены, съ величайшимъ удобствомъ, для смиренія непокорныхъ и насильственнаго насажденія добронравія.

Мораль, облеченная въ форму права, всегда такова.

---

[1]) Ср. приведенныя выше узаконенія о порочности и устав. служ. прав. ст. 188; уст. пред. и пресѣч., ст. 1, примѣчаніе 1.

[2]) Уст. о пред. и пресѣч., прилож. 2 къ ст. 1.

Ея содержаніе, доступное сердцу и внутреннему чувству человѣка даже въ самыхъ широкихъ, самыхъ общихъ формулахъ, теряетъ всякій смыслъ въ формѣ правового закона и превращается или въ сѣть мелкихъ, формалистическихъ правилъ и наставленій, или, какъ это случалось съ нашимъ закономъ, вырождается въ общую формулу, устанавливающую безграничную сферу для примѣненія административнаго произвола, который во всѣхъ случаяхъ превышенія власти можетъ сослаться на свое высшее моральное призваніе, на свой долгъ пресѣченія всего, «что можетъ возбуждать къ порочнымъ склонностямъ и привычкамъ». А этимъ самымъ устанавливается и полная юридическая безотвѣтственность администраціи; уже если вообще трудно намѣтить точныя юридическія границы административно-полицейской дѣятельности, то найти таковыя для морально-полицейскаго усмотрѣнія и совсѣмъ нѣтъ возможности. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ доказать обыватель, подвергнутый за дурное поведеніе тѣмъ или инымъ мѣрамъ внушенія и взысканія, что онъ человѣкъ хорошаго, а не дурного поведенія, что онъ заслуживаетъ не взысканій и внушеній, а даже похвалы и одобренія! Онъ будетъ доказывать одно, полиція другое. Гдѣ въ законѣ ясное и точное опредѣленіе того, что нужно считать дурнымъ и что хорошимъ поведеніемъ? Напротивъ того, сводъ даетъ полную возможность доказать относительно любого самаго мирнаго обывателя, что онъ лицо безнравственное, порочное, вредное, даже, можетъ быть, вредное для общественнаго спокойствія. Поставимъ себя на мѣсто подобнаго обывателя: кто изъ насъ не наносилъ обидъ, не ссорился, не лгалъ и не обманывалъ (святая ложь!), не своевольствовалъ, не отказывалъ въ почтеніи старшимъ, не лжемудрствовалъ, не велъ въ клубѣ политическихъ разговоровъ, не чинилъ «ложнаго разглашенія и не распространялъ даже порой—horribile dictu—разсужденія, умствованія и толки, предосудительные для правительства, хотя бы для его мѣстныхъ и мелкихъ представителей? Вѣдь все это понятія въ высшей степени широкія и гибкія, подъ которыя можно подвести много, даже слишкомъ много! Чѣмъ мы докажемъ, что наши пороки не вредны для благочинія и добронравія, что почти всѣ порочны въ той же мѣрѣ, вѣдь признаніе насъ порочными зависитъ не отъ насъ и даже не отъ суда, а отъ той же полиціи и администраціи или, въ крайнемъ случаѣ, отъ сословной единицы,

находящейся въ полномъ распоряженіи полиціи? Чѣмъ мы докажемъ, что наши лжемудрствованія не лжемудрствованія, а простыя заключенія здраваго смысла и логики, направленныя любовью къ отечеству и желаніями общаго блага; наконецъ, что мы скажемъ администраціи, рѣшающей вопросъ о «предосудительности» нашихъ «разсужденій» и «умствованій»? Что эти послѣднія вызваны искреннимъ патріотизмомъ и преданностью нашему, горячо любимому монарху, что мы, въ данномъ случаѣ, исполняемъ долгъ вѣрноподданныхъ, что, наконецъ, невозможно по долгу присяги «по крайнему разумѣнію» силъ и возможности предостерегать и «оборонять» права государевы и, «по крайней мѣрѣ, стараться споспѣшествовать» все, что «пользы государственной, во всякихъ случаяхъ, касаться можетъ»,—если нѣтъ возможности обсуждать то, что предпринимаютъ слуги государевы, иногда во вредъ интересу царскому и пользѣ отечества? Но всѣ эти наши возраженія, конечно, останутся безплодными, такъ какъ вопросъ о предосудительности нашего поведенія и умствованій рѣшаетъ, повторяемъ, администрація на основаніи своего высшаго морально-полицейскаго призванія. И результатъ подобнаго рѣшенія можетъ быть для мирнаго обывателя порою весьма печальный.

Итакъ, мораль свода по своему содержанію устанавливаетъ только безграничность административно-полицейскаго усмотрѣнія и влечетъ за собою юридическую безотвѣтственность администраціи и юридическую безпомощность населенія. Но, съ другой стороны, и практическое осуществленіе нравственныхъ требованій закона представляетъ для самой администраціи массу, можно сказать, непреодолимыхъ затрудненій. Тотъ губернаторъ, генералъ-губернаторъ, градоначальникъ или начальникъ полиціи, который пожелалъ бы честно и добросовѣстно исполнить свои обязанности по водренію добронравія, возложенныя на него закономъ, находился бы въ весьма печальномъ положеніи; не имѣя, по общему правилу, спеціально моральной подготовки, ни того нравственнаго авторитета, который присущъ единственно лицамъ выдающейся нравственности и высокихъ подвиговъ, не располагая, въ качествѣ своихъ орудій, никакими учрежденіями или органами духовно нравственнаго призванія, не имѣя возможности лично и непосредственно провѣрить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тѣ данныя, которыя одинъ разъ ведутъ къ признанію порочности лица, а другой — его добронравія,—по-

добный администраторъ можетъ избрать одинъ выходъ изъ этихъ затрудненій, а именно: оставивъ совсѣмъ въ сторонѣ всѣ заботы о насажденіи нравственности и добродѣтели, обратиться исключительно къ пресѣченію безнравственности и порочности; однако и здѣсь онъ встрѣчается съ весьма серьезными недоумѣніями, и, прежде всего, передъ нимъ возникаетъ довольно щекотливый вопросъ о томъ, какая же именно порочность и на сколько подлежитъ полицейскому пресѣченію, а какая нѣтъ?

Какъ мы видѣли выше, нашъ законъ въ данномъ случаѣ не даетъ никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ и точныхъ указаній: по закону всякая порочность подлежитъ пресѣченію. Но такъ какъ для такого широкаго подавленія безнравственности у полиціи не имѣется ни времени, ни соотвѣтственныхъ средствъ, то и приходится, при практическомъ примѣненіи закона, искать въ наличныхъ условіяхъ практики и необходимыхъ указаній относительно самого понятія подлежащей пресѣченію порочности. Практика же отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: порочность должна быть пресѣкаема вездѣ и всякая, но... по возможности. Возможность же опредѣляется, съ одной стороны, нѣкоторыми свойствами самой порочности, съ другой—способностью чиновъ полиціи и иныхъ лицъ къ соотвѣтственному наблюденію.

Остановимся сначала на свойствахъ порочности. Итакъ, во-первыхъ, само собою разумѣется, развратное и дурное поведеніе лица, умѣющаго болѣе или менѣе скрыть свои пороки, никакимъ административнымъ взысканіямъ и преслѣдованіямъ подлежать не могутъ. Въ силу этого тайный пьяница, тайный интриганъ, клеветникъ, тайный развратникъ, тайный хищникъ и міроѣдъ могутъ смѣло практиковать свою порочность и далѣе, пока не попадутъ, наконецъ, за уголовное правонарушеніе на скамью подсудимыхъ. Эти лица, благодаря умѣнью носить личину добродѣтели и соблюденію приличій, получаютъ такимъ образомъ своего рода привилегію на наказаніе за порочность исключительно по судебному приговору. Итакъ, лицемѣріе спасаетъ порочность отъ полицейскаго преслѣдованія и пресѣченія. Во-вторыхъ, не менѣе естественно, что порочное поведеніе лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ классамъ населенія, гораздо болѣе будетъ нести на себѣ тяжесть морально-полицейскаго надзора, нежели поведеніе, такъ называемыхъ, привилегированныхъ классовъ общества. Эти послѣдніе и по своему

соціальному вѣсу, и по условіямъ своей болѣе закрытой, домашней жизни, и по условіямъ дѣятельности, протекающей въ болѣе высокихъ сферахъ, естественно, менѣе доступны надзору низшихъ чиновъ администраціи и полиціи, которые, въ данномъ случаѣ, являются первыми наблюдателями и открывателями порочнаго поведенія. Что же касается моральнаго надзора сословныхъ обществъ надъ своими сочленами, то здѣсь тоже сказывается разница не менѣе естественная между городомъ и деревней: самый составъ обществъ и условія жизни ведутъ къ большей сравнительно безопасности порочныхъ горожанъ, особенно въ большихъ городахъ, сравнительно съ деревнями, гдѣ къ тому же, при процессѣ изгнанія лишнихъ членовъ общины, въ качествѣ порочныхъ, можетъ содѣйствовать и могучій интересъ экономическій. Въ-третьихъ, несомнѣнно, что большой процентъ порочныхъ членовъ, въ видѣ ослушниковъ начальства, лжемудрствующихъ, вредныхъ для общественнаго спокойствія мечтателей, полныхъ превратныхъ толкованій филантроповъ и т. п.—даетъ молодежь, исполненная горячихъ порывовъ къ добру и общему благу, съ ея нетерпѣливымъ стремленіемъ къ немедленному улучшенію тяжелыхъ соціальныхъ условій, съ ея житейской неопытностью и нетерпимостью ко всякой лжи и компромиссамъ; люди уже пожилые, успокоившіеся и нашедшіе нормальный и законный путь для осуществленія своихъ идеаловъ, само собою разумѣется, не обнаружатъ ни той нетерпимости, ни нетерпѣнія, какъ это дѣлаетъ молодежь. Итакъ, не скрытая глубокая порочность, не полная нравственная безпринципность человѣка, сумѣвшаго добиться всѣми правдами и неправдами и почестей и положенія, не дѣйствительно вредная для общества безнравственность хищника, кулака или міроѣда, а «дурное» поведеніе сельскихъ обывателей, непочтительность, кляузничество и ябедничество разночинцевъ, разгульная жизнь «порочныхъ» мѣщанъ, пьянство чиновника, выгаинаго со службы по III пункту, несоотвѣтственное званію поведеніе титулованнаго филантропа, лжемудрствованіе незнающей жизни молодежи,—вотъ тѣ пороки, которые, на самомъ дѣлѣ, доступны по своей очевидности и элементарности даже воздѣйствію и преслѣдованію полиціи. Не дѣйствительно порочные и вредные, а невѣжественные и слабые духомъ или опытомъ люди подпадаютъ преимущественно подъ дѣйствіе полицейской власти, пресѣкающей порочность. Эти лица, конечно, весьма удобно

и легко могутъ пополнить собою число сосланныхъ, высланныхъ и поднадзорныхъ и тѣмъ дать высшей администраціи доказательство, что такой-то мѣстный администраторъ не пренебрегалъ своими обязанностями, а пресѣкалъ порочность дѣятельно и энергично въ ввѣренной ему губерніи.

Но надо замѣтить, что и здѣсь встрѣчаются на практикѣ чрезвычайно важныя неудобства даже при такомъ ограниченномъ и узкомъ пониманіи морально-полицейскихъ полномочій. Какъ мы уже видѣли выше, при пресѣченіи порочности весьма важную роль играетъ самая способность и достовѣрность наблюденія со стороны тѣхъ органовъ надзора, которые посредственно являются главнѣйшими пресѣкателями. Отъ этой способности въ большой степени зависитъ и самая практическая возможность пресѣченія. Но, какъ мы уже знаемъ, единственными органами мѣстной администраціи въ дѣлѣ пресѣченія порочности являются чины полиціи, а также подчиненныя имъ лица общественнаго управленія и нѣкоторыя частныя лица (дворники, напр.). Эти же лица настолько заняты своими прямыми обязанностями, что врядъ ли могутъ удѣлить достаточно времени для надзора за моральнымъ поведеніемъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ; затѣмъ они обладаютъ такой слабой, интелектуальной и нравственной подготовкой, что не могутъ поистинѣ заслуживать особаго довѣрія, даже въ своихъ вполнѣ добросовѣстныхъ наблюденіяхъ; наконецъ, они связаны такою сѣтью интересовъ съ населеніемъ, что врядъ ли могутъ считаться къ тому же вполнѣ безпристрастными и незаинтересованными наблюдателями. Чины же корпуса жандармовъ, конечно, не могутъ быть такими же органами губернатора, какъ чины общей исполнительной полиціи. Другимъ источникомъ для обнаруженія порочности могутъ явиться еще, согласно 418 ст. учр. губ. жалобы, худые отзывы и слухи, получаемые администраціей путемъ «приватнымъ». Этимъ открывается возможность доносовъ и шпіонства со стороны частныхъ лицъ, которыя, якобы, изъ любви и преданности начальству, могутъ передавать губернаторамъ и полиціи свѣдѣнія о неблагонадежности и порочности тѣхъ или иныхъ лицъ. Подобныя сообщенія губернаторы по закону «обязаны принимать въ надлежащее соображеніе», хотя и съ нѣкоторой осторожностью. Не можемъ, однако, не замѣтить, что область слуховъ, доносовъ, частныхъ или приватныхъ сообщеній еще менѣе, чѣмъ чисто полицей-

скія донесенія, способны доставить дѣйствительно серьезныя и безпристрастныя данныя для надлежащаго сужденія о порокахъ или порочности отдѣльныхъ лицъ. Добровольцамъ морально-полицейскаго сыска по старинному изреченію о «plus royaliste que le roi même», вообще свойственно преувеличивать и увлекаться, особенно при наличности сильнаго прилива чувствъ и достаточномъ количествѣ свободнаго времени; затѣмъ, надо знать атмосферу провинціальнаго злорѣчія и сплетенъ, чтобы еще болѣе усумниться въ пригодности дурныхъ слуховъ для рѣшенія вопроса о порочности того или другого лица; наконецъ, и это самое главное, сплошь и рядомъ доносы становятся орудіемъ личныхъ счетовъ и интересовъ тамъ, гдѣ принесеніе ихъ не сопряжено для доносителя ни съ служебной, ни съ какою бы то ни было иною отвѣтственностью. Доносъ по долгу службы все-таки всегда болѣе можетъ внушить себѣ довѣрія, чѣмъ донось частнаго безотвѣтственнаго лица, по неизвѣстнымъ для начальства побужденіямъ. Думаемъ, что тотъ администраторъ, призванный къ пресѣченію порочности, который бы прибѣгнулъ къ шпіонству частныхъ лицъ для исполненія своего служебнаго долга, сталъ бы на весьма щекотливую и опасную почву и потерялъ бы всякое довѣріе населенія, а ужъ никакъ не пріобрѣлъ бы его.

Итакъ, мораль свода оказывается не только по содержанію и по формѣ ведущей къ серьезнымъ недоумѣніямъ, но и крайне неудобной въ практическомъ своемъ примѣненіи. Но, прибавимъ мы, такова судьба всякой морали, заключенной въ форму правового велѣнія; таково слѣдствіе всякаго смѣшенія нравственности и права. Въ данномъ случаѣ, съ одной стороны, оно приводитъ къ полному господству произвола въ сферѣ административно-полицейской дѣятельности и юридической безотвѣтственности ея органовъ, съ другой же—къ не менѣе полному развитію исключительно пресѣкающей дѣятельности полиціи, случайными жертвами которой становятся лица отнюдь не болѣе порочныя, а принадлежащія къ болѣе беззащитнымъ классамъ населенія.

Таковы общіе результаты смѣшенія полиціи и морали. Они невольно наводятъ на размышленіе; желательно, чтобы будущій кодификаторъ обратилъ серьезное вниманіе на эти плевелы дѣйствующихъ правовыхъ нормъ и устранилъ эти остатки полицейскаго государства XVIII вѣка въ современномъ законѣ.

II.

Вѣротерпимость и національный принципъ по дѣйствующему праву.

Когда нашъ законъ говоритъ о вѣротерпимости, о свободѣ вѣры, онъ разумѣетъ подъ этими понятіями нѣчто совершенно иное, чѣмъ тотъ принципъ религіозной свободы, который принятъ на современномъ Западѣ; тамъ, дѣйствительно, этотъ принципъ давно превозглашенъ и притомъ въ силу того общаго убѣжденія, что кесарево должно принадлежать кесарю, а Божіе—Богу, что право не должно вторгаться въ область религіи, а государство не имѣетъ никакихъ основаній вмѣшиваться, внѣ требованій общаго права, во внутреннюю жизнь духовныхъ обществъ; поэтому, когда мы говоримъ въ настоящее время о вѣротерпимости, разумѣется какъ бы само собой, что эта послѣдняя построяется въ современномъ правѣ именно на этихъ, казалось бы, безспорныхъ основаніяхъ. Однако, повторяемъ, подобное умозаключеніе для дѣйствующаго русскаго закона было бы весьма ошибочнымъ.

Правда, нѣкоторыя слова и выраженія закона могутъ ввести въ невольное заблужденіе; такъ, въ законѣ неоднократно упоминается о «свободѣ вѣры», а отсюда, казалось бы, можно сдѣлать вообще выводъ о полномъ правѣ отдѣльной личности свободно и безъ участія какой бы то ни было посторонней власти избирать себѣ тотъ или иной религіозный законъ и свободно слѣдовать ему; но этого мало, законъ нашъ знаетъ еще другое выраженіе,—онъ говоритъ о томъ, что «каждый повсемѣстно» изъ числа не православныхъ жителей имперіи пользуется этой свободой, причемъ не дѣлается даже различія между христіанами инославныхъ исповѣданій и евреями, магометанами и язычниками; казалось бы,—вѣротерпимость полнѣйшая, и именно та, которая возникаетъ на почвѣ яснаго различія между духовнымъ и свѣтскимъ, между дѣломъ внѣшняго формальнаго закона и дѣломъ совѣсти, между служеніемъ кесарю и Богу.

На дѣлѣ, однако, ничего подобнаго нѣтъ, и самъ законъ въ другихъ своихъ положеніяхъ совершенно опредѣленно и ясно указываетъ тѣ тѣсныя границы, въ которыхъ вращается и которыми опредѣляется вышеуказанная принадлежащая «каждому повсемѣстно» изъ жителей Имперіи «свобода вѣры».

И прежде всего свобода вѣроисповѣданія у насъ совершенно поглощается свободой отдѣльныхъ церковныхъ и духовныхъ обществъ; «правило охраненія вѣротерпимости и предѣлы ея» не имѣются въ законѣ гдѣ-либо отдѣльно, а вполнѣ сливаются съ учрежденіями и уставами «управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій христіанскихъ и иновѣрныхъ» и «подробно означены въ этихъ уставахъ по принадлежности»; терпимымъ уже въ государствѣ исповѣданіямъ никакой иной свободы, кромѣ пользованія подъ надзоромъ государства «свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной», не предоставлено, а сами отдѣльныя общества «вѣдаются ихъ духовными властями и особенными правительствами, Верховною властью къ сему предназначенными» [1]).

Итакъ, свобода вѣры по нашему праву сводится къ нѣкоторой религіозной самостоятельности терпимыхъ въ Имперіи и находящихся подъ управленіемъ государства духовныхъ обществъ, отсюда же и три основныхъ понятія, входящихъ въ составъ нашего закона о свободѣ вѣры: терпимости, религіозной самостоятельности обществъ и государственнаго ихъ управленія. Однако, не всѣ эти элементы въ отношеніяхъ государства къ церковнымъ обществамъ для насъ интересны, мы спеціально занимаемся вопросомъ о вѣротерпимости по русскому дѣйствующему праву, насколько она отражается на дѣйствительной свободѣ вѣры и исповѣданія отдѣльнаго лица. А для этого намъ нѣтъ необходимости разсматривать весь чрезвычайно обширный и сложный вопросъ о дѣйствующей системѣ русскаго церковно-политическаго законодательства; мы остановимся только на тѣхъ сторонахъ этой системы, которыя ближе всего касаются личности и свободы ея исповѣданія.

Слѣдуя этой цѣли, мы должны прежде всего начать нашъ очеркъ съ разрѣшенія вопроса о томъ, какія именно исповѣданія у насъ терпимы и почему, т. е., другими словами, какія духовныя общества у насъ пользуются вообще церковной свободой, и по какимъ основаніямъ. Какъ мы уже видѣли, отдѣльное лицо вѣрующаго въ этомъ отношеніи никакими особыми правами не пользуется, а слѣдуетъ вполнѣ за участью отдѣльныхъ вѣроисповѣдныхъ соединеній.

Если мы обратимся поэтому для выясненія вопроса объ

---

[1]) Основ. зак. изд. 1892 г. ст. 44—46.

«охраненіи вѣротерпимости» къ уставу иностранныхъ исповѣданій и къ уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, то найдемъ слѣдующее: изъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій у насъ допущены: вѣра римско-католическая, протестантская—лютеранъ, реформаторовъ и гернгутеровъ, армяно-грегоріанская, исповѣданіе христіанскихъ сектъ, менонитовъ, баптистовъ, русскаго раскола; вѣра еврейская—талмудистовъ и караимовъ, мусульманская—шіитовъ и суннитовъ, буддійская и языческая шоманитовъ и другихъ, ближайшимъ образомъ не опредѣленныхъ, подраздѣленій. Кромѣ этихъ вѣръ, никакія другія закономъ нетерпимы; исключеніемъ здѣсь является развѣ только вѣра иностранцевъ, временно пребывающихъ въ Россіи, исповѣданіе которыхъ стоитъ внѣ закономъ признанныхъ исповѣданій и, очевидно, считается только ихъ личнымъ дѣломъ; иностранцамъ также присвоено свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія, но изъ закона совершенно не видно, чтобы они имѣли право образовывать особыя религіозныя общества съ правомъ публичнаго богослуженія; на основаніи ст. 44 основ. законовъ они, по большей мѣрѣ, имѣютъ право на домашнее богослуженіе, но съ вѣдома полиціи, чтобы не подпасть подъ дѣйствіе закона о тайныхъ сообществахъ.

Итакъ, для русскихъ подданныхъ иной вѣры, кромѣ вѣры господствующей церкви и терпимыхъ въ государствѣ исповѣданій инославныхъ и иновѣрныхъ обществъ, юридически не существуетъ. Право перемѣны религіи по нашему закону признается только въ смыслѣ перемѣны терпимой вѣры на другую такую же или господствующую. Поэтому принятіе вѣры, государствомъ непризнанной, невозможно. Такъ, напр., ни англиканской вѣры, ни старо-католической, ни греко-уніатской у насъ въ Россіи юридически не существуетъ, и никакой переходъ къ нимъ безъ особаго законодательнаго акта немыслимъ.

Но, спрашивается теперь, если у насъ существуетъ терпимость только относительно религій опредѣленныхъ духовныхъ обществъ, то чѣмъ же государство руководствуется въ ихъ запрещеніи или разрѣшеніи; вѣдь, никакихъ опредѣленныхъ правилъ, предусматривающихъ зачисленіе новыхъ религій и обществъ въ разрядъ терпимыхъ, мы не имѣемъ, никакихъ общихъ юридическихъ требованій относительно нихъ нигдѣ не указано; каковы же основанія для допущенія той или другой религіи въ разрядъ терпимыхъ, гдѣ критерій, который объяснилъ бы,—

какъ, почему именно кругъ вѣротерпимости уже замкнутъ на перечисленныхъ нами выше религіозныхъ союзахъ и исповѣданіяхъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ замѣтимъ, что неоднократно въ сводѣ законовъ носителями опредѣленныхъ терпимыхъ религій указываются даже не отдѣльные духовно-религіозные союзы, не церкви и секты, а племена и народы; такъ, армяно-грегоріанская церковь есть церковь «народа Гайканскаго»; такъ, нѣкоторыя духовныя общества въ Закавказьѣ пріурочены исключительно къ «шотландскимъ» и «базельскимъ» колонистамъ; такъ, хамайская вѣра является вѣрой, которую исповѣдуютъ «нѣкоторые калмыки» и «нѣкоторые буряты»; такъ, сибирскимъ инородцамъ и самоѣдамъ прямо предоставлено «отправлять богослуженіе по ихъ обрядамъ и обычаямъ»; въ девятомъ же томѣ свода зак., въ узаконеніяхъ объ инородцахъ, мы встрѣчаемся неоднократно съ гарантіей свободы вѣры именно различнымъ племеннымъ и національнымъ исповѣданіямъ этихъ народностей, причемъ не дѣлается даже ближайшаго опредѣленія этихъ религій [1]). Отсюда ясно, что именно отдѣльнымъ племеннымъ и національнымъ единицамъ законъ присвояетъ вѣротерпимость, а не религіознымъ общинамъ и союзамъ: «да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ»; понятно отсюда, что и право самостоятельнаго церковнаго брака даровано именно «каждому племени и народу, не выключая язычниковъ», а совсѣмъ не духовнымъ разновѣрнымъ обществамъ, какъ таковымъ [2]). Характернымъ частнымъ подтвержденіемъ указанныхъ общихъ положеній является и недавній указъ (2 іюля 1898 г.) о, такъ называемыхъ, «упорствующихъ» изъ бывшихъ грекоуніатовъ холмской епархіи: «поляки безвозбранно да чтутъ Господа Бога по латинскому обряду», такъ какъ, подразумѣваетъ указъ, католичество есть вѣра польская, «русскіе же люди искони же были и будутъ православными»—такъ какъ православіе, само собой разумѣется, есть вѣра національная, вѣра русская. Слова этого указа не допускаютъ никакихъ сомнѣній; здѣсь основаніемъ терпимости «латинства» является именно его національный характеръ, какъ польской вѣры. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого общаго

---

[1]) Уст. иностр. испов. изд. 1896 г., ст. 1117, 1118, 1100, 1103, 1673, 1697, т. IX, изд. 1876 г., ст. 838, 840, 868, 884, 945.

[2]) Основ. зак. ст. 45, X т., 1 ч., ст. 90.

правила не религіозной или правовой, а чисто-національной терпимости должно считать, конечно, терпимость русскаго раскола; это исповѣданіе не имѣетъ никакого особаго «иностраннаго» племенного субстрата; но нельзя не замѣтить, что, во-первыхъ, эта терпимость еще очень недавняго происхожденія, а во-вторыхъ, что на расколъ постепенно распространяется въ указномъ порядкѣ дѣйствіе 203 ст. улож. о наказ., въ силу чего расколъ все болѣе и болѣе признается въ порядкѣ управленія, соединеннымъ «съ противонравственными гнусными дѣйствіями», становится въ глазахъ администраціи все болѣе и болѣе вреднымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ получаетъ и все болѣе прекарное положеніе.

Изъ сказаннаго теперь вполнѣ понятно, что наша вѣротерпимость въ своихъ основаніяхъ, не современная, правовая западная и не христіанская вѣроисповѣдная, а скорѣе древнеримская національная. Наше право не знаетъ раздѣленія государства и духовныхъ обществъ, ни свободы этихъ послѣднихъ, ни свободы личной вѣры и совѣсти; но также ему чуждо и начало quasi-христіанской нетерпимости, того гнета во имя вѣроисповѣднаго фанатизма, который лишаетъ права на существованіе и на соотвѣтственное признаніе всѣ исповѣданія, за исключеніемъ христіанскаго или даже одного правовѣрнаго; но, съ другой стороны, если наше право съ покореніемъ каждаго новаго народа вводитъ въ составъ русскаго государственнаго организма и новыя исповѣданія, въ качествѣ признанныхъ терпимыхъ религій, то оно это дѣлаетъ отнюдь не по мотивамъ нравственнаго свойства и не въ силу своего культурнаго правосознанія, а въ силу чисто-политической необходимости: привязать къ составу громадной имперіи новые націи и народы и захватить ихъ національныя религіи въ рамки общаго государственнаго управленія. Это своего рода переводъ различныхъ народныхъ исповѣданій въ пантеонъ русскихъ государственныхъ религій, переводъ, который отдаетъ въ распоряженіе государству могучія пружины духовной власти надъ совѣстью вновь покоренныхъ.

Другимъ, хотя и косвеннымъ, доказательствомъ національной основы нашего вѣроисповѣднаго законодательства является тотъ безспорный фактъ, что изъ всѣхъ терпимыхъ религій только тѣ пользуются наиболѣе привилегированнымъ положеніемъ, которыя принадлежатъ наиболѣе сильнымъ и крѣпкимъ племеннымъ группамъ. Для подтвержденія нашей мысли попробуемъ

установить нѣкоторую классификацію принятыхъ въ государствѣ исповѣданій по степени все возрастающаго количества ихъ преимуществъ и привилегій. Въ такомъ случаѣ въ самомъ низу скалы, рядомъ съ сибирскими шаманитами и самоѣдами-язычниками у насъ окажутся русскіе раскольники и шотландскіе и базельскіе сектанты, менониты и баптисты Закавказья [1]). Сопоставленіе, надо признаться, на первый взглядъ совершенно непонятное, если мы будемъ смотрѣть на него съ религіозной точки зрѣнія, но опо окажется легко объяснимымъ, если мы обратимся къ указанному выше принципу: тѣ немногія секты христіанскихъ иностранныхъ исповѣданій, которыя поставлены закономъ рядомъ съ русскими раскольниками, не представляютъ собою цѣлыхъ націй и народовъ, состоящихъ въ подданствѣ Россіи, а слѣдовательно, и не могутъ пользоваться тѣми правами, которыя дарованы даже такимъ народностямъ, какъ язычники, калмыки и буряты или магометане-татары и т. п. Итакъ, несмотря на то, что религіозное ученіе христіанъ-сектантовъ безспорно выше по своему существу религій «ламайской» и магометанской, правовое положеніе этихъ сектъ приравняется къ положенію такихъ ничтожныхъ, по своей политической цѣнности, племенныхъ религіозныхъ союзовъ, какими являются, напримѣръ, самоѣды и мелкіе сибирскіе инородцы. Ясно, что здѣсь не имѣетъ мѣста принципъ духовной высоты отдѣльныхъ религій, а просто степень ихъ политическаго вѣса, въ качествѣ національныхъ вѣрованій, опредѣленныхъ національныхъ единицъ.

Если же мы теперь подымемся отъ вѣроисповѣданій только терпимыхъ и перейдемъ къ разряду широко привилегированныхъ духовныхъ корпорацій, то и здѣсь мы встрѣтимъ не менѣе пестрое собраніе самыхъ различныхъ языческихъ и монотеистическихъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ религій; менѣе другихъ привилегировано здѣсь уже разобранное нами духовное управленіе язычниковъ ламаитовъ, калмыцкаго и бурятскаго народовъ; за нимъ слѣдуютъ по размѣру привилегій вѣроисповѣданія евреевъ-талмудистовъ, магометанъ шіитскаго и суннитскаго толковъ и евреевъ-караимовъ; еще выше, по общей лѣстницѣ привилегій стоятъ христіанскія религіи армяно-грегорі-

---

[1]) Уст. пред. и пресѣч. изд. 1890 г., ст. 46 - 64; уст. иностр. испов., ст. 1647, 1702, 1160, 1608.

анскаго и армяно-католическаго вѣроисповѣданія, протестантовъ, начиная съ гернгутеровъ и кончая реформатами и лютеранами, римскихъ католиковъ и, наконецъ, православныхъ, какъ принадлежащихъ къ вѣрѣ господствующей и первенствующей.

Среди всѣхъ этихъ вѣроисповѣданій, мы находимъ, безспорно, всѣ важнѣйшія религіи наиболѣе крупныхъ составляющихъ Россійскую Имперію разновѣрныхъ народовъ. Параллель здѣсь между степенью привилегій отдѣльныхъ исповѣданій и политическимъ значеніемъ соотвѣтствующихъ національныхъ единицъ настолько бросается въ глаза, что даже не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Ставя въ положеніе привилегированныхъ корпорацій, государственныхъ исповѣданій, такія религіи, какъ буддизмъ, магометанство, талмудизмъ и караимство, государство, само собою разумѣется, не задавалось вопросомъ объ ихъ духовной и нравственной высотѣ, сравнительно съ другими, въ одинаковой степени привилегированными христіанскими исповѣданіями, а преслѣдовало цѣли чисто-политическія. Это понятно само собой.

Однако, вопросъ о привилегіяхъ различныхъ вѣроисповѣданій не представляетъ для насъ непосредственнаго интереса; для религіозной свободы личности онъ не имѣетъ значенія; но съ положеніемъ вѣроисповѣданія привилегированнаго обыкновенно сопряжены нѣкоторыя другія послѣдствія, которыя, наоборотъ, представляются для вѣрующей личности чрезвычайно важными. Дѣло въ томъ, что ни одно государство не одаряетъ церковныя и духовныя общества привилегіями безъ того, чтобы не получить за это соотвѣтственной компенсаціи: do ut des. По общему правилу религіозные союзы оплачиваютъ щедрые дары государства цѣною своей автономіи и свободы. Такъ было всегда и вездѣ, гдѣ были привилегированныя церкви; такъ было и въ Византіи, и въ западно-европейскихъ монархіяхъ просвѣщеннаго абсолютизма, и даже въ государствахъ «христіанской» эпохи XIX вѣка. И во всѣхъ этихъ случаяхъ, кромѣ развѣ послѣдняго, государственный характеръ духовныхъ обществъ лишалъ и личность права свободнаго исповѣданія вѣры.

Наше право въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. И если оно рядомъ съ православной вѣрой, какъ «господствующей и первенствующей», знаетъ еще и другія, которыя «пользуются Всемилостивѣйшимъ покровительствомъ Государя Им-

ператора» [1]), то за это покровительство, выражающееся въ цѣломъ рядѣ существенныхъ привилегій, упомянутыя исповѣданія платятъ своей свободой и самостоятельностью и притомъ не въ меньшей степени, чѣмъ это дѣлаетъ сама церковь господствующая. И если вполнѣ справедливо замѣчаніе проф. Коркунова, что далеко «не одной только господствующей церкви» принадлежитъ и «право публичнаго отправленія богослуженія», и «оффиціально признанное существованіе духовенства, какъ особаго привилегированнаго класса», и «признаніе за церковными обществами правъ юридическихъ лицъ, признаніе закономъ обязательной силы монашескихъ обѣтовъ, право веденія актовъ гражданскаго состоянія, дисциплинарная власть, юрисдикція по дѣламъ брачнымъ»,—то, согласно утвержденію того же ученаго, этимъ, а въ особенности,—предоставленіемъ церковнымъ обществамъ нѣкоторыхъ функцій власти, оправдывается и та «правительственная опека», та «подробная обязательная регламентація церковнаго управленія съ присвоеніемъ правительственной власти права непосредственнаго вмѣшательства въ церковную жизнь», которая тяжелымъ бременемъ ложится на автономію церковныхъ обществъ даже въ дѣлахъ ихъ внутренней, чисто духовной жизни [2]).

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ вышеупомянутыя привилегированныя исповѣданія состоятъ въ полномъ подчиненіи у государства; и въ этомъ отношеніи между ними и господствующей церковью никакой существенной разницы нѣтъ. Если главою первой является, въ смыслѣ хранителя догматовъ и блюстителя благочинія, самъ монархъ, то тому же монарху въ высшей инстанціи принадлежитъ и разрѣшеніе дѣлъ всѣхъ другихъ неправославныхъ, покровительствуемыхъ имъ исповѣданій; если, далѣе, особое государственное учрежденіе, Синодъ, есть органъ, посредствомъ коего дѣйствуетъ «самодержавная власть» въ «управленіи церковномъ» господствующей вѣры, то такія же государственныя учрежденія представляютъ собою и тѣ «духовныя власти» и «особенныя правительства», черезъ которыя дѣйствуетъ верховная власть въ управленіи другихъ привилегированныхъ исповѣданій. Наконецъ, если мѣстные органы управленія православной церкви являются въ видѣ «присутственна-

---

[1]) Основ. зак., ст. 40; уст. иностр. испов., ст. 1109.
[2]) Коркуновъ. Русское государ. Пр. 1899 г. т. I, стр. 495—496, 500.

го мѣста», то точно такимъ же государственнымъ характеромъ отличаются и всѣ мѣста духовнаго управленія иностранныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій [1]). Однимъ словомъ, духовныя общества становясь привилегированными, становятся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и государственными, а отсюда уже проистекаетъ весьма много послѣдствій и для отдѣльныхъ членовъ подобныхъ обществъ, и для отношеній простыхъ вѣрующихъ къ духовной власти, и для самого духовно-нравственнаго строя подобныхъ религіозныхъ союзовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, всякое духовное общество есть соединеніе духовенства и отдѣльныхъ вѣрующихъ; основнымъ моментомъ въ отношеніяхъ, какъ духовныхъ лицъ между собою, такъ и къ мірянамъ, является нѣкоторая особая духовная власть, которая во имя закона вѣры и при помощи, съ одной стороны, нравственнаго авторитета, съ другой—добровольной любви и послушанія, придаетъ единство и цѣлостность всей организаціи духовнаго общества и создаетъ изъ него крѣпкую и сильную соціальную единицу.

Чѣмъ болѣе высока нравственно та или другая религія, чѣмъ болѣе она проникнута началомъ «поклоненія въ духѣ и истинѣ», тѣмъ болѣе и духовная связь между клиромъ и мірянами получаетъ характеръ нравственной, добровольной зависимости, съ одной стороны, и свѣтлаго любовнаго попеченія, съ другой,—и эта связь, несмотря на свой чисто-внутренній свободный характеръ, оказывается крѣпче всѣхъ внѣшнихъ и принудительныхъ видовъ власти, такъ какъ вытекаетъ изъ добровольнаго почитанія истины и ея закона, изъ довѣрія къ одареннымъ свыше руководителямъ и выражается въ искренней и глубокой любви и почитаніи. Иначе складываются отношенія тамъ, гдѣ сама истина принимаетъ характеръ мертвой буквы закона и выливается въ кодексъ внѣшней обрядности, гдѣ отъ личности требуется не нравственный и свободный подвигъ, а лишь неразсуждающее слѣпое повиновеніе духовному начальству, гдѣ, наконецъ, это послѣднее замыкается въ касту людей, живущихъ не для Бога, а за счетъ Бога, тамъ, разумѣется, отношенія духовной власти и подчиненія уже не могутъ быть нравственными, чисто-духовными, добровольными; въ такомъ внѣшнемъ релп-

---

[1]) Основ. зак., ст. 42—46; уст. иностр. испов., ст. 13—15; уст. дух. консист., ст. 1.

гіозномъ союзѣ духовная дисциплина немпнуемо принимаетъ характеръ тоже внѣшній и формалистическій; истпна становится внѣшнимъ формальнымъ закономъ; духовная власть превращается въ власть политическую; добровольное подчиненіе любви переходитъ въ юридическую обязанность; само исповѣданіе вѣры становится актомъ безотносительнымъ для внутренняго настроенія вѣрующаго и требуется уже не въ силу его вѣры, какъ свободнаго движенія духа, стремящагося къ вѣчной правдѣ, а въ силу его внѣшней принадлежности къ тому или другому религіозному союзу, отъ котораго отпасть уже болѣе нельзя. То же самое происходитъ и въ томъ случаѣ, когда государство, забывая о принципіальномъ и ничѣмъ неустранимомъ различіи между религіей и правомъ, вторгается въ область религіозной жизни человѣка и вноситъ свои внѣшнія правовыя нормы во внутреннюю жизнь духовныхъ обществъ и превращаетъ цѣликомъ отпошенія духовно-нравственной дисциплины въ отношенія юридическія; этимъ оно безспорно укрѣпляетъ внѣшнюю зависпмость вѣрующихъ отъ клира, дѣлаетъ устойчивымъ и мощнымъ весь организмъ духовнаго союза, организуетъ духовную власть наподобіе политической, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, государство своимъ вторженіемъ вноситъ и разложеніе въ самую святая святыхъ церковной жизни, такъ какъ, устраняя изъ отношеній духовпой власти и подчиненія элементъ добровольности, искренности и правдивости, убиваетъ всякую внутреннюю, нравственную крѣпость союза пастыря и пасомаго и замѣняетъ ее только внѣшнимъ и подчасъ лицемѣрнымъ послушаніемъ.

Итакъ, съ одной стороны—правовое закрѣпленіе духовной дисциплины, съ другой—обращеніе ея въ чисто наружную, внѣшнюю; съ одной стороны—делегація государственной власти духовнымъ властямъ и юридическая связанность вѣрующихъ; съ другой—формальная, обрядовая религія и паденіе народной нравственности; вотъ самые общіе результаты вмѣшательства государства во внутреннюю жизнь духовныхъ обществъ,—вмѣшательства, которое выражается въ самомъ зачисленіи исповѣданія въ разрядъ государственныхъ и въ поглощеніи духовнаго управленія государственной администраціей.

Возможенъ, конечно, и другой случай; возможно, что само государство возьметъ духовное управленіе непосредственно въ руки носителей своей общей свѣтской власти, и мѣстнаго духовнаго главу замѣнитъ губернаторомъ, а низшее духовенство

подчинитъ въ дѣлахъ вѣры общей полиціи, но подобнаго рода подчиненіе, не противорѣчитъ ли выше установленному принципу свободы вѣры, народовъ и націй и не вторгается ли тутъ свѣтская власть уже въ такія внутреннія дѣла вѣры и богопочитанія духовныхъ обществъ, гдѣ она не обладаетъ ни малѣйшимъ духовнымъ авторитетомъ, ни даже возможностью пріобрѣсти его?

Во всякомъ случаѣ, для насъ здѣсь важенъ одинъ результатъ: при помощи той или другой системы отдѣльная вѣрующая личность подвергается своего рода закрѣпленію государству въ духовныхъ дѣлахъ; совершается ли это непосредственно при помощи перенесенія духовной власти на свѣтскихъ чиновниковъ или посредственно при помощи закрѣпленія духовныхъ властей государству, это для личности и ея религіозной свободы безразлично; можно замѣтить развѣ, что во второмъ случаѣ сохраняется еще признакъ различія между духовнымъ и свѣтскимъ, но это, безспорно, существа дѣла не мѣняетъ: и въ томъ и другомъ случаѣ личность оказывается одинаково юридически связанной въ самомъ исповѣданіи своей вѣры. И наше право въ этомъ отношеніи не оставляетъ никакихъ иллюзій: оно совершенно открыто при помощи свѣтскаго закона и управленія налагаетъ руку на весь объемъ духовной дисциплины религіозныхъ обществъ, старается при помощи этой мѣры укрѣпить въ составѣ государственнаго цѣлаго такіе чужеземные элементы, какъ народы «иностранныхъ и иновѣрныхъ» исповѣданій и при этомъ совершенно не интересуется искренностью религіозныхъ убѣжденій отдѣльной личности или ея свободой.

Остановимся на соотвѣтственныхъ положеніяхъ закона, вполнѣ подтверждающихъ нашу мысль.

Такъ, въ духовномъ управленіи римско-католической церкви «архіепископъ могилевскій,» какъ «митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей» въ Россіи, «первенствуетъ предъ всѣми духовными своего исповѣданія, и въ отношеніи прочихъ епархіальныхъ начальниковъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ присвоенной ему духовной власти, въ случаяхъ же, превышающихъ сію власть, онъ относится къ римской куріи и получаетъ отъ нея разрѣшенія въ порядкѣ, для того установленномъ»; «епископы, начальствуя въ епархіяхъ, состоятъ съ тѣмъ вмѣстѣ суфраганами митрополита», при этомъ «духовный союзъ и управленіе церковными дѣлами въ каждой епархіи принадлежитъ ея епископу, который въ точности соблюдаетъ все, что монаршими ука-

зами запрещено и повелѣно и охраняетъ по долгу вѣрноподданнической присяги права самодержавной власти, государственныя узаконенія и Высочайшій интересъ». Этими государственными функціями католическаго епископа обусловливаются далѣе и требованія послушанія и повиновенія этому духовному лицу, какъ со стороны духовенства, монашествующихъ, такъ и мірянъ. Онъ имѣетъ «надзоръ, какъ за духовенствомъ бѣлымъ и монашествующимъ», «такъ и за церквами, монастырями, семинаріями и вообще всѣми духовными установленіями и ихъ имуществами», онъ уничтожаетъ злоупотребленія и исправляетъ нравы, онъ «употребляетъ монашествующихъ той или другой обители на службу въ пользу церкви или для блага общественнаго», причемъ, «всѣ монашествующіе и монашествующія, безъ изъятія, обязаны быть во всемъ ему послушными и имѣть къ нему должное уваженіе»; такимъ же повиновеніемъ ему обязано и «римско-католическое духовенство, бѣлое и монашествующее»; согласно закону, оно «строго сохраняетъ правила подчиненія своему начальству, непосредственному и общему епархіальному; оно обязано исполнять съ совершенною точностью всѣ законныя предписанія и приказанія сихъ начальствъ». Въ частности же, особымъ дисциплинарнымъ положеніямъ подлежатъ лица, посвятившія себя монашеству: «настоятели и настоятельницы» монастырей «содержатъ подчиненныхъ своихъ въ надлежащемъ порядкѣ и повиновеніи», причемъ, однако, «употребленіе тѣлесныхъ наказаній воспрещается»; самые духовные обѣты монашествующихъ влекутъ за собою гражданскія послѣдствія въ видѣ потери права вступать въ бракъ и владѣть движимыми и недвижимыми имуществами. Власти епископа, далѣе, принадлежитъ и право духовной цензуры, и право наложенія дисциплинарныхъ взысканій; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, по дѣламъ совѣсти (casus conscientiae fori interni) онъ дѣйствуетъ непосредственно и налагаетъ по собственному усмотрѣнію легкія исправительныя наказанія и дѣлаетъ «пастырскія увѣщанія»; такъ же онъ дѣйствуетъ и по дѣламъ о менѣе важныхъ дисциплинарныхъ нарушеніяхъ, которыя не влекутъ за собою отрѣшенія отъ должности или исключенія на болѣе или менѣе продолжительное время, прочія же дѣла онъ рѣшаетъ, по выслушаніи мнѣнія консисторіи; «когда же при разсмотрѣніи въ духовномъ вѣдомствѣ дѣлъ, заключающихъ въ себѣ нарушеніе церковныхъ правилъ, откроются преступленія, подлежащія суду

уголовному, то духовныя правительства сообщаютъ о томъ состоящимъ при окружныхъ судахъ прокурорамъ, которые въ дальнѣйшемъ направленіи этихъ дѣлъ поступаютъ по установленному порядку [1]).

Духовная дисциплина въ обществѣ *протестантскаго* исповѣданія установлена государственнымъ закономъ еще въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ среди католиковъ. Власть католическаго духовенства надъ прихожанами общеизвѣстна. Поэтому и законъ не дѣлаетъ никакихъ особыхъ предписаній относительно особой обязанности подчиненія римско-католиковъ ихъ духовному начальству. Это повиновеніе вполнѣ обезпечиваетъ уже то обстоятельство, что римско-католическое духовное управленіе, какъ и всѣ другія управленія въ исполненіи своихъ дѣлъ и должностей, поступаетъ «по правиламъ и уставамъ своей вѣры», а «непосредственное управленіе каждою церковью и отправленіе духовныхъ требъ въ приходѣ ея принадлежитъ приходскому священнику», прошедшему курсъ строго-церковной школы и находящемуся въ полномъ подчиненіи у епископа, связаннаго, въ свою очередь, присягой «верховному священноначальнику римской церкви» [2]); къ тому же вѣроученія и нравственныя заповѣди католицизма представляютъ собой такую законченную систему церковныхъ предписаній на всѣ случаи жизни для клира и отдѣльнаго вѣрующаго, и такъ подчиняютъ этого послѣдняго его духовенству, что здѣсь одной строгой іерархической организаціи клира вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить ему послушаніе и преданность мірянъ. Не то въ церкви протестаптской. Здѣсь мы встрѣчаемся и съ большей свободой вѣроученія и съ большей самостоятельностью проповѣдника, и съ признаніемъ домашняго богослуженія, и съ принципіальнымъ отрицаніемъ противоположности клира и мірянъ. Здѣсь законъ, стремясь къ организаціи церковно-государственной дисциплины, долженъ былъ не только установить твердый порядокъ власти и подчиненія среди самого духовенства, съ одной стороны, и вѣрующихъ—съ другой, но также долженъ былъ выразить въ законченныхъ юридическихъ положеніяхъ и самое содержаніе большинства отдѣльныхъ религіозно-нравственныхъ обязанностей міряпина и проповѣдника,

---

[1]) Уст. иностр. исповѣд., ст. 23, 47, 49, 51, 59, 64, 66, 83, 98, 145, 196, 209, 227, 250; уст. угол. суд., ст. 1011, Т. IV, ст. 438—443; т. X, ч. 1, ст. 2.

[2]) Уст. иностр. испов., ст. 3, 31, 40—43.

установить нѣкоторые внѣшніе признаки обязательной для членовъ протестантскаго духовнаго общества истины, т.-е. указать на самый обязательный «символъ» даннаго вѣроисповѣданія, долженъ былъ указать основныя богослужебныя руководства, такъ какъ безъ этихъ матеріальныхъ указаній относительно самого вѣроученія, богослуженія и церковной нравственности не представлялось бы возможнымъ установить и формальную внѣшнюю дисциплину среди всѣхъ членовъ протестантскаго духовнаго общества. И нашъ законъ дѣйствительно предпринялъ и выполнилъ эту задачу. Та часть нашего устава дух. д. иностр. исповѣданій, которая посвящена «уставу евангелическо-лютеранской церкви», сдѣлала бы положительно честь законодательству любого изъ прусскихъ королей-епископовъ прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Этотъ уставъ—дѣйствительно, полный церковный уставъ, входящій во многія частности и мелочи церковной жизни, опредѣляющій и порядокъ священнодѣйствія, и методы катехизаціи, и порядокъ совершенія таинствъ, и способы подготовки и произнесенія проповѣди, и методы церковнаго пѣнія, и наставленія нравственной жизни проповѣдника; однимъ словомъ—законъ, представляющій собою въ формѣ правовыхъ предписаній правила церковной техники, религіи и морали [1]).

---

[1]) Сравн., напр., такія положенія закона: проповѣдники должны приступать „къ произнесенію своихъ поученій не иначе, какъ по надлежащемъ къ тому приготовленіи молитвою и размышленіемъ“; духовное начальство должно внушать: „чтобы рѣчи ихъ были исполнены истиннымъ животворнымъ ученіемъ Христа Спасителя, во всей онаго чистотѣ и неприкосновенности, а не безполезными мудрствованіями; чтобы текстъ для поученія дѣйствительно служилъ основаніемъ поученію и былъ правильно, согласно съ прямымъ его смысломъ, толкуемъ и примѣняемъ; наконецъ, чтобы проповѣди, какъ по ясности и точности слога, такъ и по образу произнесенія оныхъ, были равно понятны для ученыхъ и неученыхъ, и для всѣхъ равно назидательны“ (ст. 784); или проповѣдники должны, „при выборѣ пѣсней и мелодій“, сообразоваться „съ умственнымъ и душевнымъ расположеніемъ своихъ прихожанъ, съ цѣлью праздничества и другими т. п. обстоятельствами“; они должны учить „прихожанъ пѣть чисто, просто, согласно и благозвучно“; иногда должны быть пѣты и древнія пѣсни, какъ, напримѣръ, „Литаніи“, „Тебѣ Бога хвалимъ“; органисты же должны играть и духовныя мелодіи по точному содержанію собранія церковныхъ мелодій (Choral - Buch) и сообразно съ духомъ церковной музыки“ (ст. 788); или „въ городахъ катехизаціи удобно соединить съ вечернимъ богослуженіемъ“ (ст. 790); „въ городахъ главное богослуженіе имѣетъ начинаться въ девять или, по крайней мѣрѣ, не позже десяти часовъ“ (ст. 792). „Если при совершеніи и пріобщеніи Св. Таинъ, освященнаго на алтарѣ хлѣба и вина не достанетъ, то вновь приносимые вино и хлѣбъ имѣютъ до причастія быть также, хотя и безъ возглашенія, освящаемы“ (ст. 833), и тому подоб.

Но перейдемъ къ разсмотрѣнію духовной дисциплины среди евангелическо-лютеранской церкви, насколько она установлена нашимъ закономъ. «Пробсты подчинены непосредственно генералъ-суперъ – интендантамъ и консисторіямъ, и сами суть непосредственные начальники принадлежащихъ къ ихъ округамъ проповѣдниковъ», они, «какъ ближайшіе надзиратели и наставники ихъ, наблюдаютъ за ихъ ученіемъ, нравственною жизнью и точностью въ исправленіи должности». «Проповѣдники обязаны во всѣхъ случаяхъ изъявлять своему начальнику уваженіе и повиновеніе»; они во всемъ, что касается ихъ должности, состоятъ въ вѣдѣніи одного духовнаго начальства», «въ дѣлахъ, относящихся къ званію духовнаго и къ обязанностямъ его званія, проповѣдники отвѣтствуютъ предъ консисторіями, по установленному для сего порядку»; наказанія, которымъ проповѣдники подлежатъ «за упущеніе и преступленія по должности или званію», состоятъ въ обыкновенномъ и строгомъ выговорѣ, отрѣшеніи отъ должности, лишеніи духовнаго сана; къ этому иногда присоединяется и денежная пеня въ размѣрѣ отъ 15 до 45 р.; этимъ наказаніямъ проповѣдники подвергаются и «за нарушеніе обязанностей, особенно же за неповиновеніе приказаніямъ начальства» (строгій выговоръ), и «за распространеніе ученія, не согласнаго съ священнымъ писаніемъ, объясненнымъ въ символическихъ книгахъ евангелическо-лютеранской церкви, и съ правилами сей церкви» (выговоръ—отрѣшеніе отъ должности), и «за отступленіе отъ опредѣленнаго въ церковной Агендѣ порядка общественнаго богослуженія и священнодѣйствій» (выговоръ—лишеніе сана), и за уклоненіе «по нерадѣнію или лѣности» «отъ исполненія обязанности посѣщать больныхъ» (выговоръ—отрѣшеніе отъ должности), и вообще «за соблазнительную и порочную жизнь» (выговоръ—лишеніе сана) [1]).

Но законъ не ограничивается установленіемъ церковной дисциплины только въ отношеніяхъ проповѣдниковъ и ихъ духовнаго начальства; церковь евангелическо - лютеранская, кромѣ публичнаго богослуженія, знаетъ еще богослуженіе домашнее, гдѣ, въ силу всеобщаго священства вѣрующихъ, каждый домохозяинъ имѣетъ право священнодѣйствовать: это «семей-

---

[1]) Уст. дух. д. иностр. испов., ст. 515, 442, 447, 479, 498, 482, 483, 494, 497, 498, 503.

ственное или домашнее богослуженіе» лютеранская церковь всегда «почитала» «однимъ изъ дѣйствующихъ средствъ къ сохраненію и утвержденію благочестія въ обществѣ»; съ разрѣшенія же консисторіи и вѣдома мѣстнаго гражданскаго начальства могутъ быть устраиваемы, кромѣ семейнаго богослуженія, и «частныя молитвенныя собранія, выходящія изъ предѣловъ семейственнаго или домашняго общаго моленія». Но всѣ эти собранія и домашнее моленіе поставлены закономъ подъ строгій надзоръ духовныхъ властей, дабы первые «ни въ какомъ случаѣ не могли сдѣлаться поводомъ къ предосудительнымъ въ христіанскомъ обществѣ расколамъ, или какому-либо нарушенію церковнаго или же гражданскаго порядка». За домашнимъ богослуженіемъ «тщательно наблюдаютъ» «консисторіи, чрезъ подчиненное имъ духовенство» и въ случаѣ злоупотребленій увѣщаніями склоняютъ хозяина дома къ прекращенію безпорядковъ, если же и увѣщанія не подѣйствуютъ, то доносятъ о томъ министерству внутреннихъ дѣлъ». То же надо замѣтить и о частныхъ духовныхъ собраніяхъ, и они состоятъ подъ надзоромъ духовныхъ властей, и здѣсь «злоупотребленія и безпорядки» сначала прекращаются посредствомъ увѣщаній, а потомъ, послѣ запрещенія собраній, если они будутъ продолжаться, то консисторіи «обращаются къ мѣстному начальству, требуя прекращенія оныхъ и наказанія неповинующихся ея предписаніямъ» [1]).

Однако, дѣйствующій законъ не только устанавливаетъ нормы іерархическихъ отношеній въ средѣ лютеранскаго духовенства и нормы дѣятельности молитвенныхъ собраній вѣрующихъ, но дѣлаетъ предметомъ своихъ предписаній и религіозныя обязанности отдѣльнаго члена лютеранской церкви. Такъ, «никто изъ членовъ евангелическо - лютеранской церкви въ Имперіи не долженъ дозволять себѣ распространять словесно или письменно мнѣнія, противныя ученію сей церкви»; если же бы въ рукахъ читателей-лютеранъ оказалось сочиненіе, «содержащее въ себѣ явно непріязненное опорочиваніе догматовъ вѣры» лютеранской церкви и «могущее произвести общій соблазнъ между ея членами», то объ этомъ духовныя власти представляютъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Исполненіе обрядовъ церкви и таинствъ также лежитъ на обязанности вѣрую-

---

[1]) Ibid., ст. 267, 268, 798, 800.

щихъ; дѣти лютеранскихъ родителей подлежатъ принудительному крещенію, чрезъ особо назначенныхъ попечителей, если прихожане «въ установленный шестинедѣльный срокъ не представятъ своего младенца къ принятію св. крещенія»; по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста члены церкви должны приступить къ конфирмаціи, причемъ «конфирмуемые должны, по крайней мѣрѣ, умѣть читать и твердо знать главные догматы и постановленія своей церкви» (по малому Лютерову катехизису), если же по достиженіи восемнадцатилѣтняго возраста кто-либо «по нерадѣнію или легкомыслію» не исполнилъ «сію обязанность», то духовныя власти доносятъ объ этомъ министерству внутреннихъ дѣлъ, «которое принимаетъ мѣры для отвращенія подобныхъ случаевъ». Взрослымъ же вѣрующимъ вмѣняется въ обязанность ежегодно пріобщаться Св. Таинъ, если сему не препятствуютъ какія-либо особенныя, достойныя уваженія причины, «при этомъ покаяніе, какъ необходимое приготовленіе къ св. причащенію, должно оному предшествовать»; церковный бракъ для лютеранъ такъ же, какъ и для католиковъ, «есть необходимое условіе дѣйствительности законнаго супружества», «за поведеніемъ же» и «образомъ жизни прихожанъ низшихъ сословій» слѣдятъ особые церковные старосты изъ поселянъ, которые «обязаны, обращая вниманіе на появляющіеся между поселянами дурные обычаи и пороки, увѣщевать тѣхъ, кои предаются имъ, и объявлять о томъ проповѣднику», о случаяхъ временнаго отлученія «какого-либо закоснѣлаго, всѣмъ извѣстнаго грѣшника» отъ пріобщенія Св. Тайнъ сообщается въ министерство внутреннихъ дѣлъ «безъ означенія именъ». [1]).

Приведенныя выше нами соображенія относительно государственнаго характера церковной дисциплины среди иновѣрныхъ обществъ находятъ себѣ блестящее подтвержденіе на уставѣ лютеранской церкви; все то, что относительно церкви католической само собой подразумѣвалось, благодаря молчаливому признанію дѣйствія католическаго канонической права, здѣсь выступило наружу и даетъ намъ весьма полный кодексъ и матеріальнаго, и формальнаго государственно-церковнаго права.

---

[1]) Ib., ст. 253, 778, 271, 272, 803, 804, 262, 266, 821, 287, 299, 300, 885 и 881.

Но пойдемъ еще далѣе; изслѣдуемъ для полнаго подтвержденія нашей мысли тѣ положенія закона, которыя имѣютъ предметомъ церковную дисциплину другихъ, покровительствуемыхъ въ Имперіи, духовныхъ обществъ.

Уставъ евангелическо-аугсбурской церкви въ Царствѣ Польскомъ тождественъ съ уже разсмотрѣннымъ уставомъ евангелическо-лютеранской церкви съ немногими отличіями; постановленія церковной дисциплины здѣсь или тождественны, или вполнѣ аналогичны съ вышеуказанными. То же самое мы должны замѣтить и о евангелическо-лютеранскихъ общинахъ нѣмецкихъ колонистовъ въ Закавказьѣ и объ общинахъ гернгутеровъ «аугсбургскаго исповѣданія» въ Сарептѣ и Прибалтійскихъ губерніяхъ [1]).

Останавливаться на нихъ ближе не будемъ. Духовная дисциплина среди евангелическихъ обществъ реформатскаго исповѣданія закономъ подробно не опредѣлена, установлены, однако, органы суда по жалобамъ на духовныхъ лицъ, и предоставлено реформатскимъ обществамъ дальнѣйшее «развитіе правилъ», изложенныхъ въ законѣ съ утвержденія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Общій принципъ, выраженный нашимъ закономъ, что «лица, принадлежащія къ духовенству одного изъ христіанскихъ исповѣданій, какъ за нарушеніе обязанностей ихъ званія, установленныхъ церковными правилами и другими дѣйствующими по духовному вѣдомству положеніями, такъ и за тѣ противозаконныя дѣянія, за которыя въ законахъ опредѣлено подвергать ихъ отвѣтственности, по усмотрѣнію духовнаго начальства, подлежатъ суду духовному», этотъ принципъ безспорно распространяется и на всѣ вышеуказанныя евангелическо-реформатскія исповѣданія; и среди этихъ обществъ государство посредствомъ делегаціи власти поддерживаетъ надлежащую духовную дисциплину [2]).

Армяно-грегоріанская церковь также не представляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ исключеній; и здѣсь мы встрѣчаемся съ высшими духовными властями, которымъ ввѣрено «главное управленіе» церковью, а также и «высшій надзоръ за духовенствомъ ея и за точнымъ исполненіемъ правилъ и обрядовъ сего

---

[1]) Ib., срав. ст. 922, 930, 938, 971, 1066, 1068, 1069, 1077, 1082 и 1098.

[2]) Ib., ст. 991, 1012, 1023, 1030, 1035 и 1059; уст. угол. суд., ст. 1017.

исповѣданія», и съ епархіальными начальниками,—которые, какъ «полные въ Высочайше ввѣренныхъ имъ епархіяхъ духовные сего исповѣданія начальники», «бдительно наблюдаютъ за всѣми дѣйствіями духовенства своихъ епархій, побуждая оное къ жизни добродѣтельной»,—и съ приходскимъ духовенствомъ,—«коему преимущественно поручено совершать богослуженіе въ церквахъ приходскихъ и исправлять духовныя для мірянъ требы»,—причемъ оно должно дѣйствовать съ надлежащимъ радѣніемъ и точностью и «утверждать своихъ прихожанъ въ истинахъ» христіанства, «назидая и побуждая ихъ къ благочестивому, скромному и честному житію», избѣгая всего, «что можетъ подавать поводъ къ обвиненію ихъ въ праздности, легкомысліи или невоздержаніи»; по общему порядку и здѣсь жалобы на духовныхъ лицъ поступаютъ къ епархіальному начальству и составляютъ предметъ вѣдомства или епископовъ и консисторій, или синода и патріарха, по принадлежности; а духовные обѣты не только ставятъ монашествующихъ подъ особенную власть духовнаго начальства, но и влекутъ за собою чисто-гражданскія послѣдствія, которыя для лицъ, добровольно оставившихъ монашество, принимаютъ весьма тяжелыя формы, въ видѣ потери всѣхъ тѣхъ «преимуществъ, чиновъ и отличій», кои были пріобрѣтены службою до постриженія, а равно и имуществъ, какъ доставшихся по наслѣдству, такъ и благопріобрѣтенныхъ прежде вступленія въ монашество». Лица же, исключенныя изъ духовнаго званія «за пороки и дурное поведеніе», подвергаются сверхъ духовнаго осужденія и весьма серьезнымъ стѣсненіямъ личныхъ правъ, какъ относительно права поступленія на общественную или государственную службу, такъ и относительно права передвиженія [1]).

Среди иновѣрныхъ обществъ *нехристіанскаго* исповѣданія, нашимъ закономъ установлена также весьма подчасъ строгая духовная дисциплина. Остановимся сначала на обществахъ исповѣданія еврейскаго караимскаго толка. Здѣсь мы имѣемъ и утвержденныхъ сенатомъ высшихъ духовныхъ главъ, Гахамовъ, отъ котораго въ строгой зависимости находится остальное духовенство (саззаны и шамаши), и особую ихъ подсудность «за по-

---

[1]) Уст. ин. испов.; ст. 1117, 1170, 1174, 1203, 1205, 1188, 1141; т. IX, ст. 479, 480, 475, 490; уст. о пред. и пресѣч. прест., ст. 178, 187.

ступки, противные ихъ духовнымъ обязанностямъ», причемъ они «въ дѣлахъ, относящихся къ обязанностямъ ихъ званія, подлежатъ суду своего начальства», а лишенію духовнаго званія подлежатъ только «по распоряженію власти, отъ коей зависѣло ихъ утвержденіе», «по слѣдствію, явно доказывающему ихъ вину»; добрая же нравственность караимскихъ духовныхъ лицъ гарантируется не только надзоромъ ихъ духовной власти, но и нѣкоторыми мѣрами со стороны губернской власти [1]).

Среди *евреевъ-талмудистовъ* однако духовная дисциплина не такъ строга, такъ какъ здѣсь законъ допускаетъ возможность образованія сектъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ «по изслѣдованіи, чѣмъ только новое ученіе различается отъ обыкновеннаго ученія еврейской вѣры, и по удостовѣреніи о безвредности его для нравственности и общественнаго спокойствія». Съ другой же стороны, самыя духовныя власти евреевъ-талмудистовъ находятся въ полной зависимости отъ администраціи и поэтому теряютъ и сами характеръ государствомъ признанныхъ властей, обладающихъ по делегаціи частью власти государственной. Съ этой точки зрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ можно самого непосредственно считать духовнымъ главой евреевъ-талмудистовъ, а губернскую администрацію своего рода епархіальнымъ начальствомъ этого вѣроисповѣданія. И въ самомъ дѣлѣ, если по закону «раввинъ есть блюститель и толкователь еврейскаго закона», и на обязанности его лежитъ не только «наблюдать», чтобы въ «богослуженіяхъ и обрядахъ вѣры были сохранены установленныя правила», и «объяснять евреямъ законъ ихъ», но и направлять евреевъ къ соблюденію «нравственныхъ обязанностей», то все это онъ, однако, долженъ совершать лишь путемъ «убѣжденія и увѣщаній», причемъ ему прямо воспрещаются «принадлежащихъ къ его синагогѣ или школѣ евреевъ наказывать пенями, проклятіемъ и изверженіемъ изъ общества, или же отказывать кому-либо изъ нихъ въ совершеніи обрядовъ вѣры»; нѣкоторой дисциплинарной властью пользуется только особый «раввинскій судъ», созываемый губернскимъ начальствомъ, по жалобамъ общества» по мѣрѣ надобности, въ томъ случаѣ, если какой-либо «раввинъ окажется виновнымъ въ нарушеніи своихъ обязанностей, собственно до еврейской вѣры относящихся»; «сіе собраніе, сверхъ замѣчаній и выговоровъ, мо-

---

[1]) Уст. иностр. испов., ст. 1270, 1284, 1239, 1279, 1280, 1276.

жетъ приговорить виновнаго и къ лишенію званія», однако, «такой приговоръ исполняется» лишь съ утвержденія губернской власти; отсюда слѣдуетъ, что только замѣчанія и выговоры могутъ быть сдѣланы собственною властью суда, безъ предварительнаго «утвержденія начальства»; аппеляціонной и кассаціонной инстанціей здѣсь является раввинская комиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которая ни признака своей собственной власти не имѣетъ, хотя и руководствуется въ своихъ рѣшеніяхъ «законами еврейской вѣры». Что же касается особыхъ «ученыхъ евреевъ», находящихся при различныхъ мѣстныхъ начальствахъ «для исполненія порученій по предметамъ, требующимъ особаго знанія всѣхъ правилъ и обрядовъ еврейскаго закона», то они находятся «въ полной зависимости» отъ тѣхъ лицъ, при которыхъ состоятъ и «употребляются по непосредственному ихъ усмотрѣнію» [1]).

Управленіе духовными дѣлами *магометанъ*, живущихъ въ вѣдомствѣ какъ Таврическаго, Оренбургскаго, такъ и Закавказскаго духовныхъ правленій, построено на иныхъ принципахъ, нежели управленіе духовными дѣлами евреевъ-талмудистовъ. И здѣсь мы такъ же, какъ и тамъ, встрѣчаемся съ государственнымъ характеромъ духовной дисциплины, но уже на началахъ делегаціи государственной власти, а не непосредственнаго ея вмѣшательства въ духовныя дѣла, какъ это мы только что видѣли на предшествующемъ примѣрѣ.

Духовныя власти магометанъ состоятъ изъ высшаго и низшаго духовенства, которое дѣйствуетъ или единолично, или въ составѣ особыхъ духовныхъ коллегій. Принципъ іерархическаго подчиненія низшаго духовенства высшему проведенъ довольно послѣдовательно. Здѣсь мы встрѣчаемъ и особыхъ высшихъ представителей духовенства, въ качествѣ предсѣдателей духовныхъ правленій; они назначаются Высочайшими повелѣніями, и каждому изъ нихъ присвояются названія «духовнаго главы магометанъ», живущихъ въ опредѣленномъ округѣ, или «старшаго духовнаго лица» въ составѣ того или другого окружнаго духовенства, далѣе духовныя правленія или непосредственно имѣютъ «въ своемъ вѣдѣніи» мѣстное «магометанское духовенство», или же дѣйствуютъ при помощи особыхъ губернскихъ духовныхъ

---

[1]) Уст. иностр. испов., ст. 1303, 1322, 1325, 1330, 1334; прилож. къ ст. 1338, п. 14, 20, 21; ст. 1337—1341.

начальниковъ «казіевъ» и коллегій «меджлисовъ», и уже эти послѣднія ближайшимъ образомъ осуществляютъ функціи духовнаго надзора; такъ, казіи «по обязанностямъ надзора за приходскимъ духовенствомъ должны наблюдать за исполненіемъ приходскими духовными лицами ихъ обязанностей», «руководить ихъ наставленіями и указаніями» и «слѣдить за нераспространеніемъ между мусульманами вредныхъ, нетерпимыхъ правительствомъ ученій». Духовный судъ у магометанъ также пользуется значительной степенью государственной власти. По общему правилу «духовныя лица, за нарушеніе обязанностей духовнаго званія, собственно до вѣры относящихся, и за всѣ прочіе проступки и преступленія по исполненію обязанностей ихъ званія подлежатъ взысканіямъ и наказаніямъ», какъ за преступленія по службѣ на основаніи 1060 ст. уст. уголов. суд.; наказанія эти налагаются судомъ духовнымъ и приводятся въ исполненіе въ подлежащихъ случаяхъ чрезъ посредство губернскихъ правленій, «кои однако-жъ не могутъ своею властью отмѣнять сихъ рѣшеній духовнаго собранія», или же въ иныхъ случаяхъ исполняются съ утвержденія соотвѣтственнаго свѣтскаго начальства. Такъ, губернскіе меджлисы и духовное правленіе могутъ подвергать виновныхъ покаянію, денежному взысканію до 50 руб. и аресту до 7 дней; и эти постановленія приводятся въ исполненіе губернаторомъ, если они не обжалованы въ двухмѣсячный срокъ въ высшую инстанцію; такъ, удаленіе и отрѣшеніе духовныхъ лицъ отъ должности, наложеніе взысканій на лицъ высшаго духовенства «приводится въ исполненіе» не иначе, «какъ по слѣдствію, ясно доказавшему ихъ вину и по рѣшенію той власти, отъ которой зависѣло ихъ утвержденіе въ духовной должности». Свѣтская рука и въ первомъ и во второмъ случаѣ гарантирована закономъ духовному суду, хотя и при условіи надзора и контроля со стороны администраціи, лица же, исключенныя «изъ состава духовенства за пороки, болѣе въ духовныя званія не допускаются» [1]). Не менѣе интересны и важны тѣ постановленія закона, которыя устанавливаютъ особый надзоръ магометанскаго духовенства за семейной жизнью отдѣльныхъ вѣрующихъ и, кромѣ того, надзоръ закавказскаго духовенства за чистотою мусульман-

---

[1]) Уст. иностр. испов., ст. 1351, 1353, 1392, 1417, 1420, 1424, 1443, 1446, 1447, 1449, 1450, 1455, 1479, 1481, 1482, 1493, 1495, 1514, 1519, 1537, 1539, 1540, 1558, 1564, 1565, 1567, 1570, 1594, 1596, 1597, 1610, 1629, 1634, 1652, 1655.

ской вѣры. Въ первомъ отношеніи вообще духовнымъ лицамъ дано право самостоятельнаго преподанія «увѣщаній» и «наложенія мѣръ духовнаго покаянія и исправленія», въ другомъ же отношеніи закавказское духовенство, «въ случаѣ обнаруженія между мусульманами вредныхъ и нетерпимыхъ правительствомъ толкованій и ученій или неблагонамѣренныхъ разглашеній», «обязано отвращать отъ оныхъ вразумленіями и увѣщаніями и немедленно доносить о томъ мѣстному начальству». Къ этимъ ученіямъ, какъ можно вывести изъ ст. 1458 и 1513 уст. иностр. испов., принадлежитъ и столь распространенный въ свое время «мюридизмъ». О весьма широкой юрисдикціи магометанскаго духовенства вообще по гражданскимъ дѣламъ и, въ частности, въ области примирительнаго производства — мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ хотя эта юрисдикція и придаетъ безспорно высокій авторитетъ духовнымъ лицамъ мусульманъ въ глазахъ ихъ паствы, однако эта сторона дѣла прямо къ вопросу о духовной дисциплинѣ не относится [1]).

Что же касается установленной уставомъ иностранныхъ исповѣданій духовной дисциплины у буддистовъ-калмыковъ, то она находится всецѣло въ рукахъ ламы, дѣйствующаго подъ надзоромъ свѣтскаго начальства. Власть ламы весьма широка, онъ, какъ «высшее духовное лицо у калмыковъ», «есть непосредственный начальникъ надъ всѣми хурулами» и буддійскимъ духовенствомъ; онъ слѣдитъ и за благочиніемъ въ отправленіи духовныхъ обрядовъ и «за поведеніемъ» духовенства, и за тѣмъ, чтобы духовныя лица не «вмѣшивались въ дѣла свѣтскія», «не занимались сочиненіемъ или переписываніемъ просьбъ калмыкамъ», и чтобы въ частности «начальники хуруловъ» слѣдили «за подчиненными имъ лицами» и не допускали «никакихъ безпорядковъ, подъ опасеніемъ взысканія за послабленіе». Дисциплинарныя же взысканія состоятъ не только «въ исправительныхъ наказаніяхъ» и въ пониженіяхъ по должности, но даже и въ совершенномъ исключеніи «изъ духовнаго званія»; эти наказанія налагаются властью ламы; а лица, исключенныя изъ числа духовенства, кромѣ того, отсылаются имъ въ улусное управленіе, для дальнѣйшаго взысканія по законамъ.

По отношенію къ простымъ калмыкамъ ламѣ принадлежитъ

---

[1]) Св., стр. 1347, 1418, 1494, 1609, 1487, 1602.

и обширная юрисдикція по вопросамъ брачнаго и семейственнаго права [1]).

Если же мы теперь, по разсмотрѣніи иновѣрныхъ исповѣданій, обратимся къ вѣрѣ господствующей и попробуемъ выяснить себѣ здѣсь размѣры установленной государствомъ церковной дисциплины, то мы найдемъ очень немного постановленій, которыя бы уже не были намъ знакомы изъ устава духов. дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Подобно уставу лютеранской церкви, и уставъ православныхъ духовныхъ консисторій отличается изобиліемъ положеній, которымъ мѣсто скорѣе въ требникѣ или иной богослужебной книгѣ, а уже никакъ не въ государственномъ законѣ; и здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣкоторымъ сводомъ духовныхъ взысканій и духовнонравственныхъ прегрѣшеній, которыя караются исключительно духовными судами; и здѣсь, какъ въ уставѣ лютеранскомъ, встрѣчаемся съ внѣшней принудительностью для прихожанъ извѣстныхъ церковныхъ обрядовъ и таинствъ. «Духовная консисторія православнаго вѣдомства есть присутственное мѣсто, чрезъ которое, подъ непосредственнымъ начальствомъ епархіальнаго архіерея, производится управленіе и духовный судъ»; это присутственное мѣсто состоитъ въ полномъ подчиненіи архіерея; епархіальному суду, далѣе, подлежатъ, съ одной стороны, люди духовнаго званія епархіальнаго вѣдомства, съ другой—«люди свѣтскаго званія по проступкамъ и преступленіямъ, подвергающимъ виновнаго церковной епитиміи». Первые подвергаются за проступки и преступленія «противъ должности, благочинія и благоповеденія» цѣлому ряду взысканій, начиная отъ замѣчанія и кончая лишеніемъ сана и исключеніемъ изъ духовнаго званія; вторые—присуждаются къ церковному покаянію, причемъ «срокъ и образъ прохожденія покаянія опредѣляется по роду проступковъ и преступленій на основаніи церковныхъ правилъ». Эти же правила нигдѣ въ сводѣ не помѣщены. Сказано только, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ (долговременное отсутствіе у причастія) эпитимія налагается «безъ отлученія должностныхъ и поселянъ отъ домовъ [2]).

---

[1]) Уст. иностр. испов., ст. 1674—1696.

[2]) Уставъ духов. консисторій, изд. 1898 г., ст. 1, 148, 176, 276, 277; уст. пред. и пресѣч. ст. 22. Въ виду неопредѣленности 276 и 277 ст. ст. устава дух. консисторій происходятъ на практикѣ иногда весьма интересные для юриста казусы. Такъ, въ настоящее время въ одномъ сибирскомъ мужскомъ монастырѣ содержится крестьянинъ, препровожденный распо-

Что касается, далѣе, полиціи свѣтской руки въ дѣлѣ поддержанія церковной дисциплины, то, надо признаться, господствующая церковь находится въ этомъ отношеніи въ совершенно исключительныхъ условіяхъ. Здѣсь не только духовные обѣты имѣютъ гражданскія послѣдствія, какъ это мы видѣли выше относительно католической и армяно-грегоріанской церкви, а исключеніе изъ духовнаго званія или оставленіе его влечетъ за собою умаленіе личныхъ правъ, но и сама общая полиція имѣетъ функціи, которыхъ она не осуществуетъ нигдѣ, въ другомъ духовномъ обществѣ. Дѣло въ томъ, что согласно закону полиція у насъ не только оказываетъ, въ случаѣ надобности, защиту духовнымъ лицамъ, при исполненіи ихъ обязанностей, и охраняетъ вообще церкви и во время богослуженія, но и конкуррируетъ съ самимъ православнымъ духовенствомъ въ дѣлѣ поддержанія духовной дисциплины даже въ самой церкви и ея внутреннихъ отношеніяхъ. И если вообще для охраненія «благочинія при церковныхъ обрядахъ» христіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій «отряжается, по требованію мѣстнаго начальства, стража», то относительно православнаго богослуженія прямо сказано: «миръ и тишину въ церкви обязана строго охранять мѣстная полиція», а въ правилахъ «о предупрежденіи и пресѣченіи нарушенія благочинія въ церквахъ православныхъ» подробнымъ образомъ опредѣлено пониманіе благочинія: такъ, «всѣ должны въ церкви Божіей быть почтительными и входить въ храмъ Божій съ благоговѣніемъ, безъ усилія», «предъ иконами стоять такъ, какъ благопристойность и святость мѣста требуетъ», и не только «во время совершенія божественной службы никакихъ разговоровъ не чинить», «съ мѣста на мѣсто не переходить и вообще не отвращать вниманія православныхъ отъ службы ни словомъ, ни дѣяніемъ или движеніемъ», но и «пребывать со страхомъ въ молчаніи, тишинѣ и во всякомъ почтеніи» и т. п. Полиція въ этой области, надо замѣтить, распоряжается вполнѣ самостоятельно, такъ что законъ упоминаетъ

ряженіемъ мѣстнаго губернскаго правленія, на основаніи указа духовной консисторіи, въ монастырь для отбыванія наложенной на него консисторіей духовной эпитиміи безъ предварительнаго производства въ уголовномъ судѣ, за беззаконное сожительство съ одной дѣвушкой. По распоряженію консисторіи, ему было предписано отбывать эпитимію именно въ монастырѣ, и крестьянинъ долженъ былъ распродать все свое крестьянское имущество, бросить хозяйство и на двѣнадцать лѣтъ отправиться въ монастырь, гдѣ онъ по настоящее время исполняетъ различныя черныя работы. Факты такого рода въ Сибири далеко не единичны.

о власти и обязанностяхъ священнослужителя по надзору въ церкви уже послѣ полиціи: «священнослужители со своей стороны» и т. д.; а самыя «происшествія въ церквахъ» «не должны быть скрываемы» «отъ гражданской полиціи», донесенія которой, въ свою очередь, восходятъ къ губернаторамъ, министру внутреннихъ дѣлъ, а отъ него и Государю. Подъ надзоръ «гражданскаго начальства» поставлено также и наблюденіе за исполненіемъ «правилъ церкви православной», такъ, «всякій православный долженъ хотя однажды въ годъ исповѣдываться и причащаться»; этому правилу подлежатъ и дѣти съ семилѣтняго возраста; за лицами служащими слѣдитъ «гражданское и военное начальство», чтобы они «непремѣнно сей долгъ исполняли»; «а изъ всѣхъ вообще православныхъ, если кто два или три года окажется не бывшимъ на исповѣди или у св. причастія и не вразумится увѣщаніями, не придетъ въ раскаяніе и не исполнитъ долга христіанскаго, о томъ сообщается гражданскому начальству». Даже самое празднованіе воскресныхъ и торжественныхъ дней получило свою норму въ уставѣ о пред. и пресѣч.: «дни сіи, воздерживаясь отъ безпутной жизни, болѣе, нежели въ другіе, надлежитъ праздновать съ благоговѣніемъ и чистотою и ходить въ церковь къ слушанію службы Божіей, а особливо къ литургіи» [1]).

Итакъ, изъ вышеприведенныхъ положеній закона очевидно вполнѣ, что съ одной стороны духовныя власти являются у насъ въ видѣ системы государственныхъ должностей, связанныхъ въ одно цѣлое принципомъ государственной служебной дисциплины, съ другой же—отдѣльные вѣрующіе подчинены своему духовному начальству, не только какъ пастырямъ и учителямъ, но и какъ «особому правительству», подъ надзоромъ коего они состоятъ, и на помощь которому, въ случаѣ надобности, приходитъ и «свѣтская рука», въ видѣ общей полиціи и администраціи.

Этимъ принципъ формальной дисциплины безспорно устанавливается вполнѣ: послушаніе однѣхъ властей другимъ и мірянъ клиру закономъ обезпечено. Но, спрашивается, каково матеріальное содержаніе этого послушанія, чѣмъ опредѣляется закономѣрность его, гдѣ тѣ законодательные сборники, въ которыхъ мы нашли бы точное опредѣленіе размѣровъ духовной

---

[1]) Уст. о пред. и пресѣч., ст. 10, 3, 6, 7, 11, 12, 18, 19, 20, 22, 23.

власти. Другими словами, на какія дѣянія отдѣльнаго вѣрующаго и подчиненнаго духовнаго лица простираются надзоръ и усмотрѣніе его начальства и на какія не простираются.

Для отвѣта на этотъ вопросъ отмѣтимъ прежде всего, что принципы служебной дисциплины двухъ вѣроисповѣданій нашли себѣ нѣкоторое матеріальное законодательство въ свѣтскомъ законѣ. Такъ, въ уставѣ лютеранской церкви и уставѣ православныхъ духовныхъ консисторій мы имѣемъ съ, одной стороны, цѣлый рядъ духовно-нравственныхъ прегрѣшеній и служебныхъ проступковъ, съ другой же—соотвѣтственныхъ наказаній и взысканій. И хотя и здѣсь мы встрѣчаемъ ссылки на необнародованныя въ законодательномъ порядкѣ нормы, какъ, напр., на «Liber concordiae» лютеранской церкви, на неизмѣнное «Аугсбургское исповѣданіе», на «Агенду», на «периконы» для проповѣдей, на Малый Лютеровъ Катехизисъ, на «Choral-Buch», на «Лютеранскій Катехизисъ Бренца» (Anszug aus der Katechetichen Unterweisung zur Seligkeit), на изданное въ Вюртенбергѣ «Наставленіе о конфирмаціи христіанскаго юношества» (Das Würtenbergische Evangelische Unterrichtsbüchlein) или также на каноны или правила святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ отецъ вообще на церковныя правила» [1]), однако довольно много постановленій матеріальнаго церковнаго права нашли себѣ все-таки мѣсто и въ свѣтскомъ законѣ. Но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ иными исповѣданіями; тамъ защищаются духовной дисциплиной и ограждаются формальнымъ правомъ, въ сущности, закону непзвѣстныя матеріальныя нормы, которыя, конечно, въ такой же степени не подлежатъ и обязательному знанію ихъ со стороны русскихъ подданныхъ; ни католическое каноническое право, ни мусульманскій законъ, ни законы еврейской вѣры, ни тому подобные законы другихъ исповѣданій, какъ нигдѣ надлежащимъ образомъ не обнародованные, дѣйствію 62 ст. основ. зак. не подлежатъ, и къ нимъ положеніе о томъ, что «никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона», не относится. И въ самомъ дѣлѣ, если «римско-католическое духовенство въ отправленіи дѣлъ и должностей своихъ, поступая по законамъ и правиламъ своей церкви, неупустительно наблюдаетъ все, что въ разсужде-

---

[1]) Уст. дух. иностр. испов., ст. 252, 258, 1067, 1070; уст. дух. конс. ст., 6, 277.

нiи отношенiя по внѣшней власти и внѣшняго церковнаго сообщества монаршими указами запрещено и повелѣно, то гдѣ же въ законѣ эти «законы» и «правила» католической церкви, которые охраняетъ государственная власть, при помощи своей санкцiи и поддержки? Если армянская церковь «въ завѣдыванiи духовными дѣлами дѣйствуетъ на основанiи законовъ и чиноположенiя сей церкви», то, опять-таки, гдѣ же обнародованы эти «законы», и почему дѣйствiя духовныхъ лицъ и прихожанъ, предусмотрѣнныя этими неизвѣстными государству законами, влекутъ за собой подчасъ весьма серьезныя гражданскiя послѣдствiя. То же мы можемъ замѣтить и о «законахъ еврейской вѣры», и о «правилахъ магометанской вѣры», и о магометанскихъ «законахъ», и о правилахъ «шiитской вѣры» и таковыхъ же суннитской вѣры, и о правилахъ «шарiатскихъ» и, наконецъ, о законѣ «ламайскомъ»,—всѣ эти законы и правила, будучи не только основанiемъ религiозной жизни духовныхъ обществъ, но и внѣшней, установленной государствомъ, духовной дисциплины, остаются въ то же время, по существу, нормами, хотя свѣтскому закону и неизвѣстными, но тѣмъ не менѣе юридически обязательными для жизни и дѣятельности русскихъ подданныхъ [1]).

Съ другой же стороны, нельзя не замѣтить, что и для самыхъ духовныхъ правилъ и законовъ отдѣльныхъ исповѣданiй проистекаетъ изъ такого положенiя ихъ весьма серьезная опасность поглощенiя ихъ свѣтскимъ правомъ и даже не нормами свѣтскаго закона, а указа, изданнаго въ порядкѣ административномъ. Такъ, если, съ одной стороны, духовныя управленiя «въ исполненiи своихъ дѣлъ и должностей поступаютъ по правиламъ и уставамъ своей вѣры», они, однако, съ другой стороны, не только обязаны исполнять «государственныя узаконенiя» и «законы государства», но и административныя распоряженiя министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ ни высшая римско-католическая коллегiя при министрѣ, ни какое-либо иное управленiе при немъ по дѣламъ церковнымъ самостоятельной власти не имѣютъ и всѣ состоятъ въ полномъ у него подчиненiи, за исключенiемъ дѣлъ судныхъ. Всѣ же «дѣла и случаи по иностраннымъ вѣроисповѣданiямъ, христiанскимъ и

---

[1]) Уст. ин. испов., ст. 1111, прилож. къ ст. 1336, п. 14, ст. 1346, 1404, 1483, 1548, 1663; уст. о пред. и пресѣч., ст. 66.

пновѣрнымъ, не предоставленные власти министра внутреннихъ дѣлъ, представляются отъ нея на Высочайшее разрѣшеніе» [1]). Теперь спрашивается, какъ должно отнестись административное рѣшеніе министра или монарха по всѣмъ вышеупомянутымъ духовнымъ законамъ и правиламъ? Есть ли какія-нибудь основанія полагать, что при разрѣшеніи дѣлъ тѣхъ или другихъ исповѣданій исходятъ изъ законовъ этихъ самыхъ исповѣданій, другими словами, установленный основными законами принципъ вѣротерпимости даетъ ли право предполагать, что правительство, разрѣшая дѣла мусульманъ, будетъ слѣдовать Корану, рѣшая дѣла протестантовъ—Лютерову катехизису, управляя буддистами—ламайскому закону и т. д. Думаемъ, что нѣтъ. Напротивъ того, основные законы даютъ основаніе для предположеній противоположныхъ; если монархъ, въ качествѣ главы господствующей церкви, обязанъ принадлежать къ церкви православной и, «яко христіанскій государь», есть хранитель ея догматовъ и благочинія, то ничто не обязываетъ въ управленіи другими исповѣданіями хранить ихъ догматы и благочиніе. Еще меньше можно предполагать подобную обязанность относительно министра внутреннихъ дѣлъ; онъ, въ качествѣ посредника, а отчасти начальника иностранныхъ исповѣданій, никакими иными обязанностями не связанъ, кромѣ общихъ обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ русскаго государства. Отсюда же вытекаетъ съ непосредственной очевидностью, что наше законодательство, регулируя формальную сторону духовной дисциплины въ формѣ закона, ея матеріальную сторону опредѣляетъ, во-первыхъ, административными распоряженіями свѣтской власти и, во-вторыхъ, уставами и правилами вѣры, поскольку эта матеріальная сторона не опредѣлена, въ свою очередь, закономъ или указомъ монарха, а этотъ послѣдній случай, какъ мы уже видѣли, мы имѣемъ только для церкви лютеранской и отчасти православной. Нельзя не замѣтить, что зависимость примѣненія духовныхъ нормъ въ управленіи различныхъ вѣроисповѣданій отъ простого административнаго распоряженія министра является съ современной правовой точки зрѣнія чѣмъ-то въ высшей степени ненормальнымъ: законы вѣры этимъ самымъ подчиняются не только законамъ государства, но и усмотрѣнію его административныхъ органовъ; самое со-

---

[1]) Уст. иностр. испов., ст. 3, 13, 14, 15.

держаніе закона религіи оказывается подлежащимъ вѣдѣнію свѣтскаго начальства, такъ какъ границу между духовнымъ и свѣтскимъ опредѣляетъ именно это послѣднее. А это, въ свою очередь, можетъ привести къ такому смѣшенію религіи и права, которое у духовно-нравственной нормы отнимаетъ всякій нравственный авторитетъ и обратить ее въ простое приказаніе свѣтскаго начальства.

И, замѣтимъ, подобнаго рода ходъ вещей неизбѣженъ. Если, съ одной стороны, государство при помощи своей свѣтской руки поддерживаетъ духовную власть клира надъ мірянами, то оно должно гарантировать себя отъ употребленія этой власти клиромъ исключительно въ своихъ интересахъ. Но клиръ можетъ пользоваться этой властью для своихъ цѣлей исключительно подъ прикрытіемъ законовъ вѣры, правилъ и уставовъ религіи. Тамъ, гдѣ государство само не вмѣшивается въ управленіе церковью, оно можетъ допустить существованіе этихъ религіозныхъ правилъ и законовъ частью подъ условіемъ ненарушенія общаго правопорядка, частью подъ условіемъ соблюденія нѣкоторыхъ особыхъ правилъ, обезпечивающихъ правовой строй тѣхъ или другихъ корпорацій публичнаго права. Этотъ путь у насъ невозможенъ, у насъ государство управляетъ дѣлами иновѣрныхъ религій, само непосредственно дѣйствуетъ чрезъ духовныя власти, а, слѣдовательно, въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ не можетъ допустить никакихъ законовъ вѣры, которые бы, съ одной стороны, освобождали духовныхъ лицъ отъ обязанности безусловнаго подчиненія свѣтскому начальству, а съ другой—давали бы имъ возможность эксплоатировать дарованную имъ государственную власть въ посторонникъ и непзвѣстныхъ государству цѣляхъ.

Но, спросятъ насъ, отсюда вытекаетъ совершенно необходимое требованіе, чтобы государство имѣло власть рѣшать и въ дѣлахъ вѣроученія, таинствъ культа и религіозной нравственности точно такъ же, какъ въ дѣлахъ совершенно свѣтскихъ, мірскихъ? Да, отвѣтимъ мы, это—только оборотная сторона медали, это непзбѣжное свойство системы государственной дисциплины въ духовныхъ дѣлахъ, это необходимый результатъ превращенія духовно-нравственныхъ отношеній вѣрующихъ и клира въ систему юридическихъ правъ и обязанностей: религіозная истина теряетъ свою самостоятельность и силу и падаетъ передъ простымъ велѣніемъ свѣтской власти. Извѣстная

заповѣдь о необходимости повиноваться болѣе Богу, нежели человѣку, при такомъ порядкѣ теряетъ все свое значеніе, а область религіи открывается не только для свѣтскаго закона, но и простой политики. Впрочемъ, при взглядѣ на религію, какъ исключительно на національную особенность, иначе и быть не можетъ, разъ религія перестаетъ быть дѣломъ Божества, а является только однимъ изъ проявленій національныхъ особенностей, ясно, что она такъ же, какъ и другія проявленія націонализма, подлежитъ распоряженію свѣтской власти.

Тотъ же взглядъ мы встрѣчаемъ въ нашемъ правѣ при опредѣленіи междуисповѣдныхъ отношеній духовныхъ обществъ и, главнымъ образомъ, права пропаганды.

Каждое религіозное общество имѣетъ вполнѣ естественную тенденцію распространенія и расширенія. Каждое изъ нихъ въ отдѣльности именно себя считаетъ носителемъ единой абсолютной истины, и всѣ другія считаетъ невѣрными, заблуждающимися, еретиками, схизматиками; каждое изъ нихъ въ отдѣльности ссылается на свое особое призваніе и на свой первый нравственный долгъ, а именно—долгъ проповѣди той истины, которую оно исповѣдуетъ. И подобно тому, какъ каждое христіанское исповѣданіе считаетъ, что только къ нему въ частности относится заповѣдь Христова: «шедше убо научите всѣ языки», такъ и магометанство имѣетъ завѣтъ прозелитизма отъ Магомета, такъ и всякая другая религія, имѣющая закономъ проповѣдь истины, имѣетъ и долгъ проповѣди и пропаганды этой истины.

Наше законодательство къ этой религіозной заповѣди, поскольку она касается иновѣрныхъ и иностранныхъ исповѣданій, относится совершенно отрицательно: духовныя и свѣтскія лица прочихъ, кромѣ господствующаго, «христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцы строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденію совѣсти непринадлежащихъ къ ихъ религіи, въ противномъ случаѣ они подвергаются взысканіямъ, въ уголовныхъ законахъ опредѣленнымъ». И дѣйствительно, если мы заглянемъ въ уложеніе о наказаніяхъ, мы найдемъ тамъ цѣлую скалу всевозможныхъ взысканій, начиная отъ выговора и кончая каторгой, за преступленія, которыя охватываютъ собой какъ различныя средства религіозной пропаганды, такъ и окончательное «совращеніе» члена того или другого духовнаго союза въ другое исповѣданіе. Такъ, не только запрещается пропаганда и совращеніе

въ одно изъ нехристіанскихъ ученій христіанъ и въ частности православныхъ, но и «переводъ» изъ одной нехристіанской религіи въ другую нехристіанскую, даже только «открытымъ проповѣдываніемъ» подобнаго «лжеученія», не только подлежитъ наказанію всякій, «кто въ проповѣди или сочиненіи будетъ усиливаться привлекать и совращать православныхъ въ иное, хотя христіанское исповѣданіе», но и тѣ изъ духовныхъ лицъ иностранныхъ христіанскихъ религій, которыя бы, «безъ особаго на каждый случай разрѣшенія правительства», приняли бы нехристіанина въ свое исповѣданіе; такое же разрѣшеніе начальства требуется и въ случаѣ даже простого перехода лица одного христіанскаго иностраннаго исповѣданія въ другое такое же; но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ необходимымъ условіемъ является наличность самостоятельной иниціативы желающаго перемѣнить исповѣданіе. Въ первомъ случаѣ наставленіе неофитовъ происходитъ послѣ разрѣшенія начальства «по добровольнымъ ихъ просьбамъ», во второмъ же—прямо сказано, что «формальныя» просьбы желающихъ перемѣнить исповѣданіе должны быть принесены «безъ всякаго участія духовенства того исповѣданія, въ которое перейти они желаютъ». Только въ нѣкоторыхъ, точно опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, допускаются единичныя присоединенія нехристіанъ къ иностранному христіанству, какъ, напримѣръ, магометанина къ армянской вѣрѣ, если подавшаго просьбу о присоединеніи къ этой вѣрѣ «постигнетъ болѣзнь, предвѣщающая неминуемую смерть»; однако, и эти случаи подлежатъ послѣдующему утвержденію начальства. Отсюда ясно, что дѣйствительно «отвлеченіе» какими бы то ни было средствами, какъ отъ «церкви православной», такъ «и отъ другихъ терпимыхъ вѣръ, строжайше» запрещается [1]).

Каковы же мотивы и основанія подобнаго полнаго устраненія религіозной пропаганды,—пропаганды, замѣтимъ, не соединенной ни съ принужденіемъ, ни съ насиліемъ, за что по уложенію полагаются наказанія усиленныя? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ являются слѣдующія положенія закона: «тѣ же правила терпимости, которыя сохраняетъ правительство, обязываютъ всякую духовную власть и всякое частное лицо ино-

---

[1]) Уст. иностр. испов., ст. 6—9; улож. о наказ., ст. 936, 189, 195; уст. пред., и пресѣч., ст. 77.

страннаго христіанскаго и иновѣрнаго исповѣданія не прикасаться въ дѣлахъ вѣры къ убѣжденію совѣсти послѣдователей другихъ вѣръ». Подобное же основаніе указываютъ намъ и другія статьи, гдѣ слово «терпимость» замѣнено словомъ «уваженіе»; такъ, въ уставѣ лютеранской церкви и положеніи о церкви армяно-грегоріанской мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ положеніемъ закона: «члены» этихъ церковныхъ обществъ, «должны тщательно воздерживаться отъ всякаго нарушенія надлежащаго уваженія къ другимъ, свободно исповѣдуемымъ въ Имперіи вѣрамъ, «особенно же отъ строго воспрещаемаго» законами государства «прозелитизма» [1]).

Отсюда, думаемъ, совершенно логически слѣдуетъ, что уваженіе къ различнымъ вѣрамъ, даже исповѣдующимъ, съ точки зрѣнія христіанства, «лжеученія», и правила терпимости, которыя охраняетъ правительство, и есть тѣ основы, которыя побуждаютъ законодателя пресѣчь всякую религіозную пропаганду, всякій прозелитизмъ. Съ этой точки зрѣнія, конечно, единственно послѣдовательнымъ было бы или всѣмъ вѣроисповѣданіямъ Имперіи дать равное право пропаганды, или у всѣхъ равно отнять его; иначе принципъ равнаго «уваженія», «равной терпимости» ко всѣмъ «свободно въ Имперіи исповѣдуемымъ вѣрамъ» былъ бы несомнѣнно нарушенъ.

Однако же, на самомъ дѣлѣ, этотъ принципъ въ законѣ совершенно невыдержанъ.

Во-первыхъ, запрещеніе прозелитизма не касается церкви господствующей: «одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать непринадлежащихъ къ ней поддапныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ»; этому же праву соотвѣтствуетъ, съ одной стороны, право всякаго неправославнаго русскаго подданнаго немедленно, согласно своему желанію, присоединиться къ православію, а съ другой стороны— цѣлый рядъ различныхъ обязанностей; обязанности же эти выражаются не только въ соотвѣтственномъ воздержаніи, но и въ прямомъ содѣйствіи; такъ, прежде всего, воспрещается «всякое малѣйшее помѣшательство церкви православной въ правилахъ ея», затѣмъ воспрещается вообще «препятствованіе кому-либо присоединяться добровольно къ господствующей церкви»,—что наказуется тюремнымъ заключеніемъ, — наконецъ, спеціально

---

[1]) Уст. пред. и пресѣч., ст. 77; уст. иностр. испов., ст. 256, 1110.

возложена на полицію особая обязанность оказывать православнымъ миссіонерамъ «во время проповѣди всякое вспомоществованіе» [1]). Отсюда ясно, что господствующая церковь не связана той обязанностью «уваженія» иновѣрныхъ исповѣданій, на которую мы указали выше, и такъ какъ, убѣждая въ истинѣ православія членовъ другихъ вѣроисповѣдныхъ обществъ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ не убѣждать ихъ въ заблужденіяхъ и лживости ихъ вѣры, то она, вмѣстѣ съ тѣмъ, получаетъ право и безнаказанно «въ публичномъ мѣстѣ, при собраніи болѣе или менѣе многолюдномъ» «съ умысломъ порицать» даже «христіанскую вѣру» одного изъ терпимыхъ исповѣданій, а также и соотвѣтственную инославную церковь, притомъ именно съ твердымъ «намѣреніемъ поколебать ихъ вѣру», т.-е. другими словами, имѣетъ право на то, что для всѣхъ остальныхъ духовныхъ и частныхъ лицъ по отношенію вообще къ христіанскому закону и православной церкви сопряжено съ наказаніемъ каторжными работами по 178 статьѣ улож. о наказ. Ничего подобнаго тѣмъ правиламъ, которыя мы встрѣчаемъ въ уложеніи въ огражденіе христіанскаго закона и церкви православной, по отношенію къ другимъ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ мы не находимъ. И если нельзя порицать вообще христіанство и церковь господствующую подъ угрозой тяжкихъ наказаній, то порицаніе вообще нехристіанства и въ частности порицаніе православными миссіонерами инославныхъ исповѣданій христіанства вполнѣ допустимо. Отсюда же вполнѣ ясно, что если вообще допустимо порицаніе нехристіанскихъ исповѣданій, а право пропаганды православной церкви и, слѣдовательно, право порицанія съ ея стороны инославныхъ религій, какъ заблужденій и лжеученій, прямо установлено закономъ, то нельзя не признать, чтобы это право было вполнѣ согласно съ тѣмъ принципомъ «уваженія» и «терпимости», который законъ требуетъ отъ всѣхъ неправославныхъ исповѣданій.

Во-вторыхъ, надо замѣтить, что, запрещая прозелитизмъ всѣмъ исповѣданіямъ, кромѣ господствующаго, законъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ устанавливаетъ нѣкоторыя положенія, которыя далеко не въ одинаковой степени благопріятствуютъ различнымъ духовнымъ обществамъ, именно со стороны ихъ численнаго при-

---

[1]) Уст. о пред. и пресѣч., ст. 70, 75, 72; уст. иностр. испов., ст. 4; улож. о наказ., ст. 191.

ращенія. Мы говоримъ о смѣшанныхъ бракахъ. При опредѣленіи исповѣданія дѣтей отъ подобныхъ браковъ, законъ прямо даетъ преимущество христіанству передъ религіями нехристіанскими, и православію передъ инославными. Такъ, дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ евреевъ и магометанъ съ христіанами должны быть крещены и воспитаны въ томъ вѣроисповѣданіи, къ которому принадлежитъ ихъ родитель-христіанинъ, а дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ инославныхъ съ православными должны слѣдовать религіи вторыхъ. Что же касается дѣтей незаконнорожденныхъ, то по общему правилу они подлежатъ крещенію по православному обряду, если ихъ матери неизвѣстны, въ противномъ же случаѣ слѣдуютъ религіи матери; только въ Прибалтійскихъ губерніяхъ они могутъ слѣдовать и вѣроисповѣданію иныхъ лицъ, т.-е. воспитателя подкидыша или отца незаконнорожденнаго [1]). И надо замѣтить, что отъ обязанности воспитывать своихъ дѣтей въ установленной закономъ вѣрѣ не освобождены вдовцы и вдовы иного исповѣданія нежели ихъ дѣти; такимъ образомъ вдовецъ-магометанинъ послѣ смерти жены христіанки обязанъ воспитывать своихъ дѣтей въ христіанствѣ, а вдовый супругъ инославнаго исповѣданія обязанъ воспитывать въ православіи своихъ дѣтей отъ православнаго супруга. За нарушеніе указанныхъ правилъ установлены закономъ уголовныя наказанія, а въ случаѣ воспитанія дѣтей православныхъ въ инославномъ исповѣданіи они, кромѣ того, отбираются отъ родителей и передаются на воспитаніе лицамъ православнымъ [2]).

Не менѣе интереса представляетъ и та неравномѣрная защита религіознаго исповѣданія супруговъ въ смѣшанныхъ бракахъ, которую устанавливаетъ законъ; такъ, съ одной стороны нехристіане, состоящіе въ бракѣ съ христіанами, обязаны «ни угрозами», ни «обольщеніемъ» не «препятствовать» этимъ послѣднимъ «въ свободномъ исповѣданіи христіанства», а также «не наносить» имъ «поношенія и укоризны» за содержаніе христіанской вѣры; съ другой же—не только аналогичной защиты религіи иновѣрца отъ угрозъ, обольщеній, порицаній и укоризнъ супруга христіанина не установлено, но даже въ одномъ случаѣ на послѣдняго въ отношеніи къ супругу иновѣрцу воз-

---

[1]) Т. X, ч. I, изд. 87 г., ст. 67, 80, 81; уст. иностр. испов., ст. 328, 807, 808.

[2]) Улож. о нак., ст. 186, 190.

ложены закономъ миссіонерскія обязанности: а именно, обратившійся въ православіе одинъ изъ супруговъ евреевъ, если бракъ не расторгнутъ, обязанъ имѣть «тщательное» «попеченіе о приведеніи и другого супруга» «увѣщаніемъ» «къ воспринятію православной вѣры»; это уже, конечно, прямое прикосновеніе къ убѣжденіямъ совѣсти одного супруга со стороны другого. Точно также и въ бракѣ инославнаго съ православнымъ только на первомъ лежитъ обязанность «ни поносить своихъ супруговъ за православіе», «ни склонять ихъ чрезъ прельщеніе, угрозы или инымъ образомъ къ принятію своей вѣры»; такимъ образомъ, въ предѣлахъ развѣ воздержанія отъ хулы вообще христіанскаго закона православный супругъ вправѣ употребить и нѣкоторые домашніе миссіонерскіе пріемы въ пользу своего инославнаго супруга, въ чемъ законъ неправославному супругу совершенно отказываетъ. Не можемъ не упомянуть и о томъ, что безъ различія исповѣданій всѣ супруги и отцы, находящіеся въ бракѣ съ православными, должны слѣдить за тѣмъ, чтобы эти послѣдніе и дѣти не отпали отъ православія, и, даже только узнавъ объ ихъ намѣреніи отступить отъ этой вѣры, должны «стараться отклонить ихъ отъ сего намѣренія» и воспрепятствовать имъ въ исполненіи его всѣми зависящими мѣрами [1]). Всѣ эти положенія закона создаютъ, несомнѣнно, довольно своеобразную религіозную атмосферу, въ указанныхъ выше смѣшанныхъ семьяхъ. И здѣсь довольно возможенъ случай, когда одинъ изъ супруговъ, желая отдѣлаться отъ другого при помощи постоянныхъ и систематическихъ воздѣйствій на его религіозныя чувства, вызоветъ этого послѣдняго на совершеніе одного изъ тяжкихъ религіозныхъ преступленій и тѣмъ освободитъ себя отъ неудобнаго сожителя. Нельзя предположить вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы подобная религіозная атмосфера смѣшанной семьи представляла собой какую бы то ни было заманчивость для разновѣрующихъ лицъ, хотя бы связанныхъ чувствомъ самой горячей любви.

Итакъ, съ одной стороны—полное воспрещеніе права пропаганды для иностранныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій на основаніи принципа взаимнаго «уваженія» и «терпимости» къ убѣжденіямъ совѣсти членовъ ихъ; съ другой—неограниченное

---

[1]) См. въ предыдущей выноскѣ упомянутыя статьи и улож. о наказ. ст. 192.

право пропаганды господствующей церкви, полное предпочтеніе одной религіи въ смѣшанныхъ бракахъ нехристіанъ съ христіанами и инославныхъ съ православными, усиленная уголовная защита религіозныхъ исповѣданій однихъ и полная беззащитность другихъ,—какъ примирить подобное противорѣчіе? Гдѣ то общее начало, которое сдѣлало бы для насъ понятнымъ совмѣщеніе запрета всякаго отвлеченія не только отъ православной, «но и другихъ терпимыхъ вѣръ», съ закономъ принудительнаго привлеченія нехристіанъ въ христіанство въ смѣшанныхъ бракахъ и всѣхъ вообще въ православіе, какъ путемъ тѣхъ же браковъ, такъ и усиленной уголовной защиты православія и даже его пропаганды?

Самымъ простымъ объясненіемъ этого противорѣчія являлось бы несомнѣнно признаніе вѣроисповѣднаго, религіознаго характера нашего государственнаго строя, который надъ принципомъ равнаго уваженія одной религіи по отношенію къ другой ставитъ высшій принципъ духовно-нравственной оцѣнки отдѣльныхъ религій и первый подчиняетъ второму. Въ такомъ случаѣ у насъ оказалась бы скала религій по ихъ духовной высотѣ—во главѣ всѣхъ господствующая вѣра, какъ наиболѣе истинная, затѣмъ христіанскія, покровительствуемыя, какъ менѣе истинныя, далѣе магометанская и іудейская, какъ покровительствуемыя, непстинныя религіи, наконецъ язычество, какъ терпимыя лжеученія.

И дѣйствительно, въ незначительной степени принципъ чисто религіозный находитъ себѣ мѣсто въ нашемъ правѣ, поскольку онъ касается вопроса о прозелитизмѣ. И хотя полной параллели между степенью приближенія отдѣльныхъ исповѣданій къ православному идеалу и возрастаніемъ ихъ права на привлеченіе иновѣрующихъ въ законѣ не установлено, а православный расколъ и совсѣмъ вычеркнутъ изъ числа иностранныхъ христіанскихъ религій, однако самое существованіе охраны и привилегій «христіанскаго закона» тамъ, гдѣ непосредственно не задѣта господствующая вѣра, даетъ достаточное основаніе для предположенія именно нѣкотораго религіознаго христіанскаго критерія по данному вопросу.

Другое дѣло,—рѣшеніе вопроса, почему именно православіе признано единой истинной религіей, достойной исключительнаго права проповѣди среди «всѣхъ языковъ» имперіи, тогда какъ этого права за другими христіанскими, но иностранными,

религіями не признано. Мотивы здѣсь врядъ ли богословскаго свойства и врядъ ли вытекаютъ изъ особаго отношенія монарха, «яко христіанскаго государя», къ христіанству вообще и къ православію въ частности. По крайней мѣрѣ, въ законѣ мы нигдѣ не встрѣчаемъ прямыхъ указаній на иныя богословскія задачи монарха, кромѣ «храненія догматовъ» той церкви, коей онъ является главой. Мы не имѣемъ никакихъ основаній въ силу этого и предположить, что принципъ національной оцѣнки религій здѣсь устраненъ началомъ богословскимъ. Православная церковь, только какъ «господствующая и первенствующая», призвана къ проповѣди среди всѣхъ племенъ и народовъ имперіи, а не какъ единая истинная. Она есть церковь національная, русская—родная, такъ какъ, говоря словами многознаменательнаго указа, «русскіе люди» «исконп были и будутъ православными и вмѣстѣ съ царемъ своимъ и царицею выше всего чтутъ и любятъ родную православную церковь»; мотивъ чисто религіозный здѣсь уступаетъ мотиву національному, и, замѣчательное дѣло, даже брачное право иповѣрцевъ и инославныхъ даровано имъ не какъ религіознымъ союзамъ, а именно такъ же, какъ и вообще дарована вѣротерпимость «каждому племени и народу «въ отдѣльности» [1]).

Противопоставляя русскую вѣру, какъ основной духовный элементъ русской народности, другимъ исповѣданіямъ, какъ вѣрамъ чужеземнымъ, иностраннымъ, законодатель естественно приравнялъ и дѣло проповѣди религіи дѣлу пропаганды тѣхъ или иныхъ національныхъ и націоналистическихъ стремленій; законъ смѣшиваетъ здѣсь проповѣдь православія съ обрусѣніемъ, проповѣдь католичества съ полонизаціей, проповѣдь протестантства съ онѣмечиваніемъ, пропаганду талмудизма съ іудаизаціей и т. д. и интересы господствующей народности противоставитъ тенденціи къ расширенію народностей подчиненныхъ. Эти послѣднія онъ заключаетъ въ цѣлостныя и замкнутыя духовныя корпораціи и самъ же организуетъ ихъ въ крупныя политическія единицы. Этимъ корпораціямъ противопоставляется народность русская, закованная въ формы православія, и этой народности предоставлено право національной пропаганды своего основного принципа среди всѣхъ другихъ національныхъ обществъ государства, другими словами—ей дано право обрусѣнія ихъ путемъ

[1]) Т. X. ч. 1 ст. 90.

религіозной пропаганды въ ихъ средѣ русской національной вѣры. Только такого рода аргументація можетъ въ извѣстной степени уяснить то начало государственной пропаганды одного господствующаго исповѣданія среди другихъ покровительствуемыхъ и терпимыхъ, которое мы видѣли выше въ регламентаціи нашимъ закономъ междуисповѣдныхъ отношеній. Съ точки же зрѣнія чисто религіозной у насъ получается слѣдующая картина.

Въ предѣлахъ каждаго духовнаго общества имперіи въ дѣлѣ проповѣди ученія вѣры дѣйствуютъ двѣ государствомъ установленныя духовныя власти, одна низшая, проповѣдующая въ отсутствіе высшей, одну низшую, инославную или иновѣрную догму,—ученіе не истинное—другая высшая, проповѣдующая правовѣрную, государствомъ признанную, настоящую догму, совершенную истину. Такимъ образомъ, для члена каждаго религіознаго союза существуетъ и двоякаго рода обязанность: съ одной стороны—внимать своей низшей, хотя и признанной государствомъ, истинѣ, съ другой—внимать также и другой высшей, въ государствѣ привилегированной истинѣ, причемъ изъ этихъ двухъ истинъ каждая отрицаетъ другую, но государство именно вторую считаетъ за высшую и защищаетъ, какъ таковую. Положеніе въ высокой степени замѣчательное: здѣсь мы встрѣчаемъ двѣ другъ друга отрицающія истины, двѣ другъ друга оспаривающія духовныя власти, два непримиримыхъ конкуррирующихъ начала и притомъ дѣйствующихъ отъ имени одной и той же государственной власти, въ силу однѣхъ и тѣхъ же полномочій, хотя и съ различной степенью правовой защиты и полицейской поддержки; не думаемъ, чтобы религіозныя убѣжденія вѣрующихъ—при подобномъ столкновеніи ихъ хотя и низшей, но родной истины, съ другой высшей, но чуждой—особенно охотно и легко склонялись къ этой послѣдней; напротивъ, подобное поочередное и заочное судоговореніе сторонъ на религіозной почвѣ, можетъ привести къ самому печальному исходу, а именно, къ паденію всякаго религіознаго авторитета и всякой вѣры; однако думаемъ, что хоть и малая вѣра все-таки лучше большого безвѣрія.

Воззрѣніе на религію, какъ на основу народности, было причиной и особеннаго отношенія нашего права къ русскому расколу и русскимъ раскольникамъ. Расколъ по своей христіанской и нравственной цѣнности стоитъ, конечно, не ниже римскаго католичества, протестантства и прочихъ, съ точки зрѣнія

православія, еретическихъ религій; расколъ есть въ большинствѣ своихъ развѣтвленій схизма, а не ересь; онъ даже стоитъ выше съ православной богословской точки зрѣнія, нежели западно-европейскія «иностранныя» лжеученія; и, однако, расколъ, какъ мы уже отчасти видѣли выше, не пользуется ни ихъ привилегіями, ни правами. И если въ общемъ, гарантированная расколу терпимость ставитъ его на-ряду съ религіями грубаго язычества, то въ частностяхъ раскольники поставлены даже ниже язычниковъ; такъ, раскольникамъ запрещается «всякое публичное оказательство» вѣры, тогда какъ инородцамъ это не запрещено; такъ, раскольники лишены права законнаго церковнаго брака, тогда какъ «каждому племени и народу», не выключая и язычниковъ, дозволяется вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона или по принятымъ обычаямъ, безъ участія въ томъ гражданскаго начальства»; даже самое богослуженіе раскольниковъ стѣснено въ высшей степени: они не имѣютъ права имѣть свои богослужебныя книги, а должны пріобрѣтать ихъ въ «особой» «учрежденной» правительствомъ типографіи, они не имѣютъ права имѣть свои особыя священныя изображенія и иконы, и даже вступленіе раскольниковъ въ иконописные цехи можетъ состояться не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Нечего и говорить, что права пріема добровольно присоединяющихся къ расколу лицъ неправославныхъ исповѣданій обществамъ раскольниковъ не предоставлено [1]). Это послѣднее право даровано по нашему закону только «иностраннымъ» исповѣданіямъ.

Подобное отношеніе къ расколу не можетъ быть объяснено ни съ христіанской, ни съ спеціально православной точки зрѣнія. Но оно объясняется весьма легко съ вышеуказанной національстической точки зрѣнія.

Расколъ разбиваетъ единство православія, какъ исключительной идеальной основы господствующей народности. Расколъ утверждаетъ, что его вѣра есть одна вѣра истинно-русская, національная, а другія вѣры, не исключая и господствующей, «иностранныя». Расколъ отрицаетъ русское народное значеніе за оффиціально признанной государственной вѣрой и, смѣшивая самъ религію и народность, является соперникомъ господствую-

---

[1]) Уст. о пред. и пресѣч., ст. 59, 52, 50, 45, 96, т. X, ч. 1, ст. 90.

щей вѣры именно въ качествѣ національнаго истинно-русскаго, древняго благочестія.

Получается тяжелая и печальная картина: два исповѣданія приписываютъ себѣ характеръ истинной національной религіи русскаго народа; одно—сильное государственной поддержкой и богословской правотой, другое—сильное народной косностью и темнотой, но вмѣстѣ и своимъ исторически доказаннымъ народнымъ русскимъ характеромъ. Борьба между ними неравна; до побѣды первому изъ нихъ безспорно еще далеко, но нельзя не признать, что наше законодательство о расколѣ объяснимо и понятно только съ точки зрѣнія этой борьбы. Эта борьба идетъ на національной основѣ, а не религіозной; борьба, являющаяся естественнымъ результатомъ смѣшенія національности и религіи, борьба, которая, на нашъ взглядъ, окончится только тогда, когда дѣла религіи будутъ отдѣлены отъ интересовъ опредѣленной народности и станетъ тѣмъ, чѣмъ оно и должно быть, т.-е. дѣломъ поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ, хотя бы и не всегда въ истинѣ одинаково полной и совершенной [1]).

Итакъ, и здѣсь, въ области междуисповѣдныхъ отношеній, оправдалось въ главномъ и существенномъ то общее положеніе, что наше право интересуется религіей преимущественно, какъ основой національности, какъ духовнымъ нервомъ различныхъ племенъ и народовъ, а не какъ тѣмъ или другимъ видомъ отношеній человѣка къ Богу. И здѣсь чисто политическая, свѣтская точка зрѣнія преобладаетъ надъ религіозной, вѣроисповѣдной, и здѣсь наше право становится на болѣе широкую почву національной государственной политики, а не на почву узкаго вѣропсповѣднаго фанатизма. Другой вопросъ, насколько вообще возможно оправдать то смѣшеніе національности и религіи, которое красной нитью проходитъ черезъ все наше законодательство о религіи и религіозныхъ обществахъ и которое дѣлаетъ самую религію въ извѣстномъ смыслѣ только орудіемъ государства; если мы теперь бросимъ ретроспективный взглядъ на

---

[1]) Изъ вышеуказанной точки зрѣнія, замѣтимъ кстати, получаетъ себѣ полное объясненіе и фактъ опредѣленія нашимъ закономъ еврейской національности при помощи вѣры: всѣ ограниченія, которыя установлены для лицъ еврейской національности, примѣняются только къ лицамъ еврейскаго талмудическаго исповѣданія. Національность здѣсь цѣликомъ опредѣляется вѣрой: евреи, „съ принятіемъ христіанской вѣры“, „исключаются изъ прежнихъ обществъ и окладовъ“ и получаютъ свободу поступленія и приписки ко всѣмъ обществамъ имперіи „на основаніи общихъ установленныхъ правилъ“ (т. IX ст. 964).

все вышесказанное, мы увидимъ, что именно таковы общіе принципы нашего религіозно-политическаго законодательства.

Такъ, съ одной стороны, наше право устанавливаетъ широкую вѣротерпимость, одаряетъ и язычество, и магометанство, и христіанство правами и привилегіями, ставитъ ихъ подъ особое покровительство монарха,—съ другой стороны, оказываетъ эту терпимость только мощнымъ исторически сложившимся національнымъ группамъ, совершенно игнорируя въ то же время самую возможность новыхъ религіозныхъ движеній и сочетаній, выросшихъ не на почвѣ народности, а простой духовной жажды и «алканія истины».

Здѣсь принципъ вѣроисповѣдной исключительности отсутствуетъ вполнѣ, но вмѣстѣ съ нимъ отсутствуетъ и принципъ терпимости правовой; здѣсь царитъ начало терпимости національной.

Охватывая далѣе отдѣльныя народности при помощи строгой государственной дисциплины въ духовныхъ вещахъ, наше право, далѣе, приходитъ къ двумъ результатамъ: съ одной стороны, оно укрѣпляетъ власть клира надъ міряниномъ, власть высшей духовной власти надъ низшей, оно создаетъ крѣпкую централизованную машину духовнаго управленія племенъ и народовъ и тѣмъ придаетъ внѣшнюю стройность и силу чисто духовнымъ, нравственнымъ союзамъ; съ другой—налагаетъ руку свѣтскаго распоряженія на законы вѣры, подчиняетъ внутреннюю жизнь духовныхъ обществъ свѣтской власти и, обезпечивая вѣру помощью силы, лишаетъ ее нравственнаго характера добровольности и послушанія не за страхъ, а только за совѣсть.

Здѣсь принципъ религіозный, нравственный, поглощенъ уже вполнѣ политическимъ, религія цѣликомъ подчинена политикѣ, духовное управленіе является только частью свѣтскаго, общегосударственнаго. Вѣропсповѣднымъ мотивамъ здѣсь мѣста нѣтъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, государство регулируетъ отношенія междуисповѣдныя. Защищая въ немногихъ положеніяхъ «христіанскій» законъ, наше право замыкаетъ, однако, всѣ духовныя общества въ узко-національные предѣлы; ни за однимъ изъ нихъ оно не признаетъ значенія космополитическаго, міроваго; ни одному не открываетъ права пропаганды; съ другой же стороны, надъ всѣми этими національными союзами оно ставитъ право прозелитизма господствующей церкви, которая, не будучи въ силахъ отрѣшиться отъ національной окраски, и, находясь въ

полномъ подчиненіи государству, сама становится только орудіемъ въ рукахъ государственной политики, а именно, ея національныхъ стремленій.

Здѣсь, какъ мы видимъ, хоть нѣкоторое значеніе получаетъ христіанскій критерій, но въ данномъ случаѣ и онъ принимаетъ характеръ принудительнаго прозелитизма, въ общій тонъ государственно-церковной политики. Здѣсь полнаго единства основныхъ идей нѣтъ, это правда, и вѣроисповѣдное начало сливается съ національнымъ, но окраску имъ придаетъ политика и моментъ чисто-государственный. Отсюда и не вполнѣ послѣдовательная борьба съ расколомъ.

Итакъ, русское государство, въ своемъ религіозномъ законодательствѣ, есть государство не правовое, не церковное—оно государство свѣтское, національное, терпимое; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, никакой особой свободы личнаго исповѣданія оно не знаетъ; но религію оно смѣшиваетъ съ національностью, нравственность съ правомъ, а церковную власть дѣлаетъ орудіемъ свѣтской политики.

Насколько возможно и понятно подобное смѣшеніе съ точки зрѣнія личной морали, какъ оно отражается на самихъ правахъ отдѣльнаго лица, объ этомъ поговоримъ особо.

III.

Религіозная полиція и вѣроисповѣдное прикрѣпленіе личности.

Общественная безопасность требуетъ подчасъ весьма серьезныхъ ограниченій личной свободы и дѣятельности. Полное лишеніе свободы, временное стѣсненіе ея, установленіе всевозможныхъ видовъ полицейскаго надзора, система предварительныхъ особыхъ разрѣшеній—вотъ тѣ мѣры, при помощи которыхъ государство или пресѣкаетъ уже наступившее вредное дѣяніе, или даже предупреждаетъ самую его возможность. Самое понятіе вреднаго дѣянія, такъ же, какъ понятія общественнаго порядка и безопасности получили въ современномъ культурно-правовомъ государствѣ весьма узкое, даже спеціальное значеніе и, соотвѣтственно съ этимъ, весьма опредѣленную сферу примѣненія. Эта сфера ограничивается при помощи слѣдующихъ принципіальныхъ соображеній. Во-первыхъ, свобода отдѣльнаго гражданина считается такимъ высокимъ общественнымъ благомъ,

такой великой основой общественнаго благосостоянія и порядка, что она подлежитъ необходимымъ ограниченіямъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда она угрожаетъ другимъ еще болѣе цѣннымъ общественнымъ благамъ. Во-вторыхъ, наступившій вредъ, или только еще угрожающій, долженъ всегда имѣть строго фактическій характеръ, или, по крайней мѣрѣ, такія же фактическія основы его наступленія. Въ-третьихъ, всѣ мѣры полицейскаго воздѣйствія допускаются только тамъ, гдѣ подобное воздѣйствіе можетъ имѣть непосредственное примѣненіе и такіе же результаты. Надо ли говорить, что «пресѣченію» всегда отдается преимущество предъ «предупрежденіемъ». Такова формула современной полиціи.

Однако, такъ было не всегда. Во время господства идей полицейскаго государства думали иначе. Предполагали, во-первыхъ, что нѣтъ области человѣческой жизни, которая была бы недоступна для непосредственнаго полицейскаго воздѣйствія, а во-вторыхъ, вѣрили въ силу этого самаго воздѣйствія, какъ въ своего рода магическую палочку или философскій камень политической мудрости. Полицейское государство отличается отъ современнаго далеко не тѣмъ, что оно ставитъ себѣ по существу совершенно иныя задачи, чѣмъ это послѣднее,—этого сказать нельзя. Между общими задачами того и другого можно найти весьма много общаго: если одно стремится создать счастье своихъ подданныхъ, то и второе добивается того же своими культурными мѣропріятіями; если первое вырабатываетъ не только полицію безопасности, но и благосостоянія, то и второе рядомъ съ судебной и полицейской защитой развиваетъ цѣлый рядъ такихъ учрежденій «общаго блага», которыя, не менѣе государства Генриха IV, имѣютъ цѣлью знаменитую «курицу въ супѣ». И трудно еще сказать, которая изъ указанныхъ типическихъ формъ государства охватываетъ большую область экономическихъ, этическихъ, духовныхъ сторонъ дѣятельности и жизни страны. Пожалуй, что *по объему* современное правовое государство захватываетъ гораздо болѣе широкую область, чѣмъ старое полицейское. И тѣмъ не менѣе между полицейскимъ государствомъ и современнымъ правовымъ существуетъ громадная разница. И, конечно, ее приходится искать не тамъ, гдѣ ее искали старые учителя естественнаго права, которые думали, что правовое государство иныхъ цѣлей, кромѣ чисто-судебныхъ, не имѣетъ. Подобная теорія въ настоящее время никого не удовлетворитъ.

Правовое государство отличается отъ полицейскаго не тѣмъ, чего оно желаетъ и къ чему стремится, а тѣмъ, *какъ* оно этого добивается. Предположимъ, что цѣль того и другого совершенно одинакова: и то и другое стремится прекратить безнравственность. Для этой цѣли культурно-правовое государство, во-первыхъ, постарается повысить экономическій уровень населенія, такъ какъ большая часть жертвъ безнравственности поставляется голодомъ и нищетой; во-вторыхъ, оно разовьетъ начала самоуправленія духовныхъ и просвѣтительныхъ обществъ, дастъ имъ полную свободу борьбы противъ безнравственности, возможность своего рода внутренней миссіи, нравственной пропаганды; въ-третьихъ, оно дастъ народу широкое, дешевое гуманитарное просвѣщеніе, организуетъ его воспитаніе на началахъ нравственной самодѣятельности и уваженія человѣческой личности; въ-четвертыхъ, оно само первое изгонитъ изъ своей политики безчестныя средства и макіавелевскіе принципы, оградитъ правомъ нравственное достоинство и честь своего гражданина, дастъ ему полную правовую возможность развивать въ свободномъ словѣ и спорѣ свои нравственныя воззрѣнія, дастъ ему свободу искания истины, свободу религіознаго убѣжденія,—и только въ-пятыхъ, наконецъ, осторожно и внимательно оградитъ область дѣйствительно нравственно опаснаго и развращающаго запретомъ закона и на его стражѣ поставитъ и отвѣтственное полицейское пресѣченіе и независимый судъ. Такъ дѣйствуетъ правовое государство. Оно поступаетъ такъ не въ силу какой-нибудь отвлеченой идеологіи, а въ силу простого здраваго смысла. Оно знаетъ, что носителемъ нравственности можетъ быть только свободная нравственная личность, что эту личность никакимъ волшебствомъ изъ ничего создать нельзя, что она требуетъ для своего созданія и укрѣпленія цѣлый рядъ соціальныхъ, юридическихъ, политическихъ условій, изъ которыхъ главнѣйшее—правовая свобода, что государство, наконецъ, можетъ достичь своей цѣли не непосредственно, а путемъ обезпеченія именно указанныхъ условій, такъ какъ въ душу человѣка ему доступъ закрытъ. Но полицейское государство не знаетъ такихъ сложныхъ соображеній. Оно не имѣетъ и того богатства государственныхъ средствъ, которыми располагаютъ государства современныя, культурно-правовыя. Полицейское государство имѣетъ въ своемъ распоряженіи только одну машинку, одинъ аппаратъ, которымъ оно и дѣйствуетъ одинаково и въ области

народной нравственности и народнаго хозяйства, и въ политикѣ народонаселенія и въ полиціи безопасности; это единственное орудіе—непосредственное принужденіе; это своего рода магическій жезлъ, который производитъ самыя разнообразныя чудеса, несмотря на свою конструкцію нехитрой дубинки. Полицейское государство, въ приведенномъ примѣрѣ, будетъ дѣйствовать весьма просто; оно издастъ повелѣніе: «безнравственности да не будетъ», а въ подкрѣпленіе своего велѣнія обозначитъ въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ понятіе безнравственности или ея главные виды, зачислитъ всякую безнравственность въ число явленій «вредныхъ» для общественнаго порядка и безопаспости, снабдитъ чины полиціи и отчасти суда соотвѣтственной карательной и принудительной властью и этимъ удовлетворится. Само собою разумѣется, что съ формальной стороны машина начнетъ дѣйствовать; будетъ извѣстное число арестованныхъ и наказанныхъ, будетъ все увеличиваться безполезная переписка, населеніе будетъ еще болѣе, чѣмъ прежде, сносить различныхъ ограниченій свободы ради мнимой безопасности, разовьется неизбѣжный при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ произволъ, и въ концѣ концовъ все ниже и ниже будетъ падать народная нравственность, такъ какъ она потеряетъ всякую возможность свободно дышать и развиваться въ сѣтяхъ всевозможныхъ пресѣченій безнравственности и порока. Вмѣстѣ съ плевелами будетъ выдернута и пшеница!

Естественно, что при такомъ порядкѣ полиція безопасности достигаетъ въ полицейскомъ государствѣ своего высшаго развитія. Все, что должно содѣйствовать народному благу, все будетъ здѣсь имѣть своей обратной стороною безмѣрное расширеніе понятія общественнаго безпорядка и опасности, все поведетъ только къ новому усиленію полицейскаго гнета, и такъ будетъ во всѣхъ отрасляхъ народной жизни: нужно усилить народную трезвость—пьянство провозглашается явленіемъ сугубо опаснымъ, и устанавливается особый аппаратъ полиціи трезвости. Нужно поднять экономическое обезпеченіе страны—бѣдность и нищенство объявляются преступленіями, и создается новая полиція «о бѣдныхъ». Надо усилить религіозность—и здѣсь то же самое, отсутствіе въ церкви въ праздничный день становится проступкомъ противъ общественной безопасности, и возникаетъ новая полиція, полиція правовѣрія и обрядности. А такъ какъ положительно нѣтъ области въ жизни и дѣятельности человѣка,

откуда, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, не возникла бы или, по крайней мѣрѣ, не могла бы возникнуть та или иная опасность, то вполнѣ понятно, что полицейское государство, желая мѣрами пресѣченія и предупрежденія насадить благосостояніе или благочиніе, всегда окажется въ состояніи выискать какую-нибудь опасность для общественнаго порядка и на борьбу съ этимъ дѣйствительнымъ или воображаемымъ врагомъ и направить весь свой аппаратъ полиціи безопасности. Какъ очевидно, здѣсь мѣры полиціи безопасности вполнѣ поглощаютъ и самую полицію благосостоянія, или, вѣрнѣе, та и другая здѣсь являются въ формѣ первой...

Но не только эта черта характеризуетъ систему полицейскаго государства; она обладаетъ еще одной особенностью, которая заслуживаетъ быть отмѣченной; она заключается въ томъ, что сама полиція пресѣченія уступаетъ здѣсь мѣсто полиціи предупрежденія. Дѣло въ томъ, что однимъ изъ принциповъ подобной политики является сплошное недовѣріе къ низшимъ, управляемымъ. Предполагается, что каждый подданный, будучи хоть сколько-нибудь предоставленъ самому себѣ, немедленно же предприметъ рядъ безнравственныхъ и вредныхъ для окружающихъ дѣйствій. Подобная система видитъ въ каждомъ отдѣльномъ гражданинѣ исключительно будущаго мошенника, соблазнителя и развратителя, прозрѣваетъ въ его душѣ будущія его преступленія и проступки и предупреждаетъ ихъ при помощи неустаннаго надзора, регистраціи, стесненія свободы и т. д. Если искать этому аналогіи въ современности, то можно смѣло уподобить положеніе всѣхъ гражданъ въ полицейскомъ государствѣ положенію лицъ, находящихся подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ въ государствѣ правовомъ. Разница здѣсь только та, что, во-первыхъ, въ правовомъ государствѣ эта мѣра примѣняется по большей части только къ отбывшимъ наказаніе преступникамъ, а въ полицейскомъ—ко всѣмъ гражданамъ безъ исключенія, во-вторыхъ же, что самыя формы надзора въ этомъ послѣднемъ въ силу чисто фактическихъ условій и болѣе случайны и менѣе дѣйствительны.

Наше русское публичное право въ своей общей системѣ—право удивительно колеблющееся и пестрое. Мало того, право весьма часто отрывочное и противорѣчивое. И нашъ основной законодательный сборникъ, сводъ, цѣликомъ отражаетъ эту пестроту и противорѣчія. Русскому юристу, изучающему род-

ное публичное право, иногда въ этомъ отношеніи приходится весьма тяжко; онъ обязанъ истолковать дѣйствующую догму, но это истолкованіе подчасъ ставитъ неодолимыя препятствія. Положительно на одной и той же страницѣ онъ встрѣчаетъ самые разнородные обрывки самыхъ различныхъ системъ: вотъ одно положеніе закона временъ Екатерины Великой — оно проникнуто началами естественнаго права; вотъ другое, эпохи Александра Благословеннаго,—оно создано теоріей божественнаго или христіанскаго государства; вотъ одинъ институтъ, не оставляющій никакихъ сомнѣній въ своей принадлежности къ временамъ Петровской дубинки, вотъ другой, цѣликомъ проникнутый свѣтлыми идеями правового государства, строгой законности, гуманности, культуры. Совмѣстить все это чрезвычайно трудно.

Однако, нѣкоторыя общія тенденціи того или другого отдѣльнаго института порою поддаются извлеченію. Въ нихъ можно замѣтить если не цѣльность одной системы, то, по крайней мѣрѣ, преобладаніе какого-нибудь одного начала надъ цѣлымъ рядомъ другихъ, другъ съ другомъ переплетающихся, тенденцій. Въ прошломъ очеркѣ мы сдѣлали опытъ выясненія общихъ началъ нашей вѣротерпимости; мы нашли, что религіи, какъ таковой, наше законодательство не знаетъ, оно видитъ въ ней только національно-духовный принципъ; оно ставитъ себѣ въ силу этого цѣлый рядъ чисто политическихъ задачъ; оно стремится къ ограниченію «иностранныхъ» и «иновѣрныхъ» религій строго національными и даже племенными рамками; оно распространяетъ среди нихъ и поддерживаетъ вообще вѣру господствующей народности, вѣру національную, государственную по преимуществу; оно желаетъ создать общую и единую всероссійскую націю и для этого, прежде всего, добивается единства вѣры и языка, какъ духовной основы единой національности; единство вѣры и есть конечная цѣль русскаго религіозно-политическаго законодательства.

Однако, орудіемъ для достиженія этихъ цѣлей являются не средства духовно-нравственной пропаганды — сравнительно очень немногія—не пріемы культурной политики, какъ мы ихъ очертили выше, а въ подавляющемъ количествѣ мѣропріятія внѣшнія, чисто полицейскія, мѣры надзора, административныхъ разрѣшеній, мѣры чистопринудительныя, даже репрессивныя, карательныя, однимъ словомъ, именно тотъ аппаратъ, который

такъ характеризуетъ полицейское государство; и здѣсь, какъ тамъ, цѣли—духовныя, а средства—почти исключительно матеріальныя; и здѣсь, какъ тамъ, полиція безопасности, а въ частности предупрежденія, охватываетъ какъ бы желѣзнымъ кольцомъ всякое «благочиніе», и здѣсь на первый планъ выступаетъ не безсильное въ силу необходимости положительное «споспѣшествованіе», а мощное, хотя чисто-отрицательное, «пресѣченіе и предупрежденіе» всякой опасности, грозящей установленному порядку, опасности къ тому же не столько дѣйствительной, сколько воображаемой и ожидаемой.

И съ точки зрѣнія религіозной полиціи здѣсь грозитъ установленному порядку дѣйствительно много опасностей. И хотя часть ихъ уже устранена,—какъ мы видѣли выше въ предыдущемъ очеркѣ,—самымъ фактомъ зачисленія на государственную службу отдѣльныхъ церковныхъ обществъ, однако остается еще самая главная опасность, которая грозитъ уже не со стороны религіозныхъ союзовъ, а со стороны отдѣльной вѣрующей личности. И опасность эта дѣйствительно велика. Правда, законъ нашъ предполагаетъ, что у насъ вѣруетъ не личность, а то или другое національно-духовное цѣлое, народъ, нація, племя, но на самомъ-то дѣлѣ религія все-таки остается религіей, и единственнымъ ея вмѣстилищемъ является въ дѣйствительности не нація, а отдѣльное человѣческое сердце. И какъ ни принимаетъ отдѣльная религіозная догма подчасъ національную окраску или племенной характеръ, все же въ основѣ ея лежитъ личное стремленіе къ высшей абсолютной истинѣ, не знающей ни эллина, ни іудея, ее поддерживаетъ личная жажда и алканіе правды, неустанное исканіе тѣсныхъ вратъ личнаго спасенія... И мало этого, несмотря на всю предусмотрительность, съ которою у насъ отдѣльныя духовныя власти замкнуты въ узкія сферы поднадзорнаго служенія, такъ что, казалось бы, уже ничто не проникаетъ въ души вѣрующихъ помимо оффиціально одобреннаго религіознаго источника,—все-таки слишкомъ много остается еще путей, гдѣ будятъ уснувшую совѣсть совершенно предусмотрѣнныя вліянія и... то порождаютъ въ ней тяжкія потрясенія душевнаго разлада, то зажигаютъ сердца пожаромъ «вреднаго» религіознаго энтузіазма. Само собою разумѣется, что всѣ эти проявленія религіознаго чувства, всѣ эти личные и самостоятельные порывы къ истинѣ, помимо государствомъ признанной догмы и духовнаго начальства, все это является съ точки зрѣнія рели-

гіозной полиціи нарушеніемъ установленнаго порядка, потрясеніемъ основъ, опасностью, на которую устремляются наиболѣе тяжкія путы морально-полицейскаго принужденія. Гдѣ исповѣданіе опредѣленной истины предписано, какъ юридическая обязанность, гдѣ самая форма религіознаго исповѣданія регулируется частью свѣтскимъ закономъ, частью административно-полицейскимъ распоряженіемъ, гдѣ цѣлый арсеналъ репрессивныхъ мѣръ караетъ вѣрующаго за уклоненіе отъ внѣшнихъ формъ опредѣленнаго исповѣданія, тамъ, конечно, свободная личная вѣра, добровольное «за совѣсть», а не «за страхъ» почитаніе истины, личный автономный законъ нравственной жизни, все это грозитъ неисчислимыми бѣдствіями и благочинію и общественной безопасности. Какъ очевидно, здѣсь самое существо всякой религіи, свободная вѣра, является главнымъ врагомъ религіозной полиціи, такъ какъ, повторяемъ, религія все-таки остается религіей, т.-е. той силой, которая, направляя человѣка къ высшему нравственному совершенству, охватываетъ внутренняго человѣка цѣликомъ и безвозвратно, которая ставитъ ему велѣнія Божества, какъ единственно высшія въ земной юдоли, которая заставляетъ его презирать пытки, мученія и смерть, чтобы только спастп душу, оказаться достойнымъ Бога и Царства Его.

И нашъ законъ, надо ему отдать справедливость, предупреждаетъ и пресѣкаетъ указанную опасность съ чрезвычайной энергіей. И прежде всего онъ устанавливаетъ своеобразное росписаніе всѣхъ россійскихъ подданныхъ по отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ.

Основаніемъ такого росписанія является отнюдь не фактическое вѣроисповѣданіе лица. У насъ вѣра и исповѣданіе ея далеко не однозначны съ принадлежностью къ тому или другому церковному обществу. Дѣйствительная вѣра—одно, а юридическая къ ней принадлежность другое. Такимъ образомъ, всѣ русскіе подданные росписаны по отдѣльнымъ религіямъ, и подобное росписаніе производится на основаніи закона въ чисто административномъ порядкѣ. Воля самого лица при подобной припискѣ имѣетъ въ общемъ довольно мало значенія. Лицо у насъ по общему правилу не приписывается само, а его приписываютъ къ опредѣленной вѣрѣ. Его личная воля въ дѣлѣ перехода изъ состава одного религіознаго общества въ другое можетъ быть осуществлена только въ указанныхъ зако-

номъ рѣдкихъ случаяхъ и притомъ очень часто только съ разрѣшенія начальства. Этимъ и объясняется тотъ, на первый взглядъ, удивительный фактъ, что среди стомилліоннаго населенія Россіи нѣтъ совершенно ни вовсе невѣрующихъ, ни принадлежащихъ къ непризнаннымъ въ странѣ безвреднымъ исповѣданіямъ, нѣтъ ни чистыхъ деистовъ, ни ирвингіанъ, ни грекоуніатовъ или старокатоликовъ. За исключеніемъ немногихъ «вредныхъ» сектантовъ все населеніе страны юридически причислено къ признаннымъ исповѣданіямъ, а какъ оно дѣйствительно вѣритъ, что исповѣдуетъ и вообще вѣритъ ли во что нибудь—это другой вопросъ.

Остановимся теперь на тѣхъ основаніяхъ, которыми опредѣляется юридическая принадлежность отдѣльныхъ лицъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Таковыми являются у насъ два главныхъ начала, а именно прирожденности и присоединенія изъ другихъ вѣръ. Относительно лицъ, принадлежащихъ къ господствующей религіи, такая формула прямо дана закономъ: чтобы быть причисленнымъ къ православію, надо быть или «рожденнымъ въ православной вѣрѣ» или «обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ». Причемъ рожденными въ православной вѣрѣ считаются не только тѣ, которые происходятъ отъ брака, гдѣ оба или одинъ супругъ въ моментъ рожденія ребенка были православными, но и тѣ, которые рождены вообще отъ лицъ, когда-либо бывшихъ причисленными къ православію.

Такимъ образомъ дѣти родителей, отступившихъ отъ православія въ другую вѣру до ихъ рожденія, все же являются «рожденными въ православіи» и въ силу этого, во-первыхъ, наслѣдуютъ вѣру, которой не имѣли уже ихъ родители, а во-вторыхъ, причисляются къ этому прежнему исповѣданію. О незаконнорожденныхъ мы уже упомянули въ предыдущемъ очеркѣ, они всегда считаются «рожденными въ православіи», если ихъ родители неизвѣстны. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обращеніе къ православію изъ другихъ вѣръ влечетъ за собою не только причисленіе къ православію самихъ обратившихся, но и всего ихъ нисходящаго потомства. По крайней мѣрѣ, такой смыслъ имѣетъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ указъ о бывшихъ грекоуніатахъ 2-го іюля 1898 г. Какъ извѣстно, актъ о присоединеніи къ православію греко-уніатовъ Холмской епархіи 1875 года засталъ нѣсколько поколѣній греко-уніатовъ, причемъ нѣкоторыя изъ младшихъ

поколѣній были уже окрещены въ католическихъ костелахъ. Однако эти послѣднія лица были признаны не католиками, а православными. И указъ 1898 года подтверждаетъ такую наслѣдственность православія, вопреки акту католическаго крещенія; въ силу этого, лица, происходящія отъ родителей грекоуніатовъ, хотя бы окрещенныя въ католическихъ костелахъ до акта о присоединеніи, тѣмъ не менѣе считаются православными, или, говоря словами устава о пред. и пресѣч.: «рожденными въ православіи». Такую же наслѣдственную принадлежность къ католицизму устанавливаетъ законъ факультативно и для тѣхъ лицъ, которыя были до акта о присоединеніи крещены въ греко-уніатскихъ церквахъ, но происходятъ отъ родителей католиковъ. Такимъ образомъ ясно, что здѣсь актъ крещенія по тому или другому обряду оказался безсильнымъ повліять на причисленіе данныхъ лицъ къ той или другой церкви, это рѣшаетъ здѣсь совершенно иное обстоятельство, а именно рожденіе отъ лицъ, которыя или стали въ силу закона православными послѣ рожденія дѣтей, или остались въ католицизмѣ. Въ силу этого въ Царствѣ Польскомъ въ настоящее время возможенъ вполнѣ случай возвращенія въ православіе цѣлаго ряда ошибочно къ нему въ свое время не причисленныхъ поколѣній. Представимъ себѣ, что актъ 1875 года засталъ греко-уніата прадѣда съ тремя нисходящими поколѣніями. Сынъ этого греко-уніата со всѣмъ нисходящимъ потомствомъ могъ до 1875 года уже принадлежать къ римско-католической церкви. До 1898 года за періодъ болѣе 23 лѣтъ смѣло можно представить себѣ еще болѣе размножившимся это католическое потомство. Въ силу закона 1898 года всѣ эти уже не три, а, можетъ быть, четыре и пять чисто католическихъ поколѣній подлежатъ обязательному перечисленію въ православіе, что̀, насколько намъ извѣстно, и совершается часто административнымъ порядкомъ путемъ перенесенія соотвѣтственныхъ метрическихъ актовъ изъ одного прихода въ другой. Что же касается, далѣе, «обратившихся къ православной вѣрѣ», то таковыми считаются не только лица, въ одиночку или семьями перешедшія въ православіе по собственной ихъ волѣ, но и лица, массовое присоединеніе которыхъ санкціонировано верховной властью безъ какого бы то ни было отдѣльнаго личнаго опроса вѣрующихъ, или выраженія согласія со стороны отдѣльныхъ лицъ. Такъ произошло, напримѣръ, въ 1875 году съ присоединеніемъ тѣхъ же холмскихъ

греко-уніатовъ къ православію. Здѣсь выраженіе согласія на присоединеніе со стороны уніатскаго духовнаго начальства было сочтено достаточнымъ для массовой приписки всѣхъ греко-уніатовъ къ православію. Но часть бывшихъ греко-уніатовъ заявили на это свое несогласіе, пожелали остаться въ прежней вѣрѣ и попали въ разрядъ, такъ называемыхъ, «упорствующихъ», которые оффиціально считаются православными и ежегодно массами судятся за отпаденіе отъ православія. Это весьма яркій примѣръ фактической принадлежности къ вѣрѣ, которой юридически не существуетъ. Отпаденіе отъ православія въ другую терпимую вѣру, вообще говоря, совершенно не мѣняетъ принадлежности къ православной церкви. Надъ отпадшими продолжаетъ простираться власть того духовнаго начальства, къ вѣрѣ котораго они были первоначально приписаны, и это начальство подвергаетъ ихъ то надзору, то вразумленіямъ, то увѣщаніямъ, то церковнымъ взысканіямъ. Но принадлежности своей къ православному исповѣданію отпадшіе не теряютъ. Какъ категорически сказано въ законѣ, православнымъ «запрещается отступить» отъ православной вѣры «и принять иную вѣру, хотя бы христіанскую». Отпадшіе представляютъ собою, такъ сказать, разрядъ грѣшниковъ православной церкви «впредь до возвращенія ихъ въ православіе»; они остаются отпадшими, но не дѣлаются ни католиками, ни протестантами. И такъ причисляются къ православію всѣ, унаслѣдовавшіе эту религію отъ своихъ предковъ, состоявшихъ въ православіи, и всѣ присоединившіеся къ господствующей вѣрѣ добровольно, а также всѣ возсоединенныя съ православіемъ въ силу особыхъ законодательныхъ актовъ. Состояніе этой принадлежности наслѣдственное и неизмѣняемое. Отпасть отъ православія и перейти въ другое терпимое вѣроисповѣданіе по общему правилу юридически нельзя. Только одно исключеніе дѣлаетъ законъ, и это—для отпадшихъ отъ православія въ нетерпимыя секты, признанныя «особенно вредными» (духоборы, молокане, иконоборцы, іудействующіе и т. д.); эти сектанты болѣе рѣшительно отчисляются отъ православной церкви; они, цѣною лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ отдаленныя мѣста Сибири и Закавказья, покупаютъ свое право религіозной свободы. Послѣ водворенія своего въ мѣстахъ ссылки они получаютъ право считаться тѣмъ, чѣмъ они есть на самомъ

дѣлѣ, т.-е. лицами, не принадлежащими къ господствующей вѣрѣ [1]).

Итакъ, судить о дѣйствительномъ религіозномъ убѣжденіи лицъ, принадлежащихъ къ господствующей церкви, весьма трудно. Только развѣ относительно лицъ, присоединившихся по доброй волѣ къ православію, и то только, когда съ этимъ присоединеніемъ не были связаны никакія привилегіи и преимущества, можно съ увѣренностью сказать, что они не только должны, но и дѣйствительно искренно вѣрятъ въ истину православной церкви. Огромное же большинство остальныхъ причисленныхъ исполняютъ церковные обряды или въ силу вѣры, или въ силу юридической обязанности, самое же причисленіе можетъ совершиться и продолжаться помимо воли и вѣры причисленнаго.

Сравнительно болѣе возможнаго соотвѣтствія между дѣйствительнымъ исповѣданіемъ лица и его оффиціальной принадлежностью можно отмѣтить относительно остальныхъ христіанскихъ терпимыхъ исповѣданій, хотя тоже не безъ оговорокъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь есть хоть какая-нибудь возможность выхода изъ общества, въ истину котораго человѣкъ больше не вѣритъ, и ему не приходится такъ безповоротно принадлежать къ тому исповѣданію, отъ котораго онъ внутренно отпалъ. Здѣсь съ перемѣной вѣры возможно перемѣнить и церковную принадлежность; этимъ въ значительной степени устраняется необходимость того замѣчательнаго положенія вѣрующаго, при которомъ онъ вѣритъ въ одну истину, а исповѣдуетъ оффиціально другую, если онъ, напр., вѣритъ въ непогрѣшимость римскаго первосвященника, а родился и считается православнымъ. Во многихъ случаяхъ для принадлежности «къ иностранному христіанству» нужна и добрая вѣра вѣрующаго. Къ православію онъ можетъ присоединиться всегда, согласно только своему желанію, и хотя такой же своевольный переходъ къ другимъ христіанскимъ терпимымъ религіямъ запрещенъ, но министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ сдѣлать соотвѣтственное изъятіе или исключеніе изъ общаго запрета и разрѣшить въ индивидуальномъ случаѣ переходъ къ другой церкви иностран-

---

[1]) Уставъ о пред. и пресѣч. прест. ст. 30, 37, 56, 58; улож. о наказ. ст. 162, 185, 188; правила для руководства при разсмотрѣніи и рѣшеніи вѣроисповѣдныхъ дѣлъ о бывшихъ греко-уніатахъ Холмско-Варшавской епархіи 2 іюля 1898 г.; уставъ о ссыльныхъ, продол. 1895 г. ст. 498, п. 3.

наго исповѣданія. Къ своей церкви, несмотря на полную перемѣну религіозныхъ убѣжденій, остается прикованнымъ только тотъ вѣрующій иностраннаго исповѣданія, который, если пожелаетъ принять христіанскую вѣру, непризнанную въ государствѣ, или захочетъ перейти въ исповѣданіе нехристіанское, или, наконецъ, не получитъ отъ министра нужнаго разрѣшенія; для такого лица единственно возможнымъ становится или вѣрить въ одно, а исповѣдывать другое, или же перейти въ разрядъ отпадшихъ своей церкви, аналогично тому, что сказано выше о православныхъ. Однако же надо замѣтить, кромѣ законныхъ способовъ причисленія къ иностраннымъ исповѣданіямъ, есть еще и незаконныя. И эти случаи не только вполнѣ возможны вездѣ, гдѣ требуется для перечисленія разрѣшеніе министра, но и влекутъ за собою вполнѣ неоспоримое присоединеніе самовольца къ той религіи, которую онъ пожелаетъ избрать. Подобнаго рода незаконное перечисленіе съ законными послѣдствіями зависитъ отъ самаго вида санкціи закона, предусматривающаго подобный случай. Дѣло въ томъ, что законъ, назначая духовнымъ лицамъ иностранныхъ исповѣданій опредѣленное наказаніе за «принятіе, безъ особаго на каждый случай разрѣшенія, кого-либо изъ иновѣрныхъ россійскихъ подданныхъ въ свое исповѣданіе», самую дѣйствительность подобнаго перехода нигдѣ не уничтожаетъ. Поэтому тамъ, гдѣ найдется мужественное духовное лицо, не боящееся санкціи закона (т.-е. выговора и временнаго запрещенія), оно можетъ хотя и незаконно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно перечислить въ свое исповѣданіе, по крайней мѣрѣ, трехъ лицъ или изъ иностранныхъ христіанъ, или изъ иновѣрцевъ-нехристіанъ. Само собою разумѣется, что если такихъ духовныхъ лицъ не найдется, то лицо, желающее перемѣнить вѣру вопреки приказанію министра, навсегда останется приписаннымъ къ тому исповѣданію, въ истину котораго оно болѣе не вѣритъ [1]).

Юридическая принадлежность къ русскому расколу и ересямъ не является исключеніемъ среди подобнаго же причисленія

---

[1]) Уставъ духовныхъ дѣлъ иностр. испов., ст. 5, 68; уставъ о пред. и пресѣч., ст. 75—82; улож. о нак., ст. 195.

къ другимъ исповѣданіямъ: и здѣсь наличность опредѣленнаго исповѣданія далеко не совпадаетъ съ правомъ принадлежности къ нему, и здѣсь скорѣе внѣшніе, формальные факты являются основаніемъ церковной приписки, чѣмъ добрая воля самого вѣрующаго. Изъ этихъ основаній остановимся сначала на прирожденности. Это основаніе безспорное, хотя и не безъ оговорокъ. Здѣсь разумѣется опять-таки происхожденіе не отъ лицъ, исповѣдующихъ расколъ, а отъ лицъ, къ расколу приписанныхъ, а такими, въ свою очередь, являются только раскольники изстаринные, имѣющіе своего рода генеалогическое раскольничье дерево, тѣ, которые, по словамъ нашего закона, сами «рождены въ расколѣ». Вотъ этимъ-то раскольникамъ однимъ и доступенъ особый раскольничій бракъ съ записью въ полицейскія метрики, и вотъ ихъ-то законныя дѣти, рожденныя отъ подобнаго брака, и являются одни безусловно имѣющими право на оффиціальную принадлежность къ расколу въ силу самого факта происхожденія. Но подобное законное происхожденіе отъ прирожденныхъ раскольниковъ является далеко не единственнымъ случаемъ наслѣдованія раскола. Можно, вѣдь, родиться въ расколѣ не только законнымъ, но и незаконнымъ путемъ. И этотъ путь незаконнаго рожденія для цѣлой категоріи раскольниковъ является единственнымъ средствомъ удержать дѣтей при себѣ, воспитать ихъ въ той истинѣ, въ которую они сами вѣруютъ, спасти ихъ отъ насильственнаго отторженія отъ родителей и крещенія въ господствующую вѣру. И въ самомъ дѣлѣ, что остается предпринять лицамъ, отпавшимъ въ расколъ уже послѣ вѣнчанія въ православной или иной государственной церкви,—остаться въ этомъ бракѣ?—но въ такомъ случаѣ всѣ дѣти, рожденныя ими въ этомъ бракѣ, несмотря на отпаденіе родителей въ расколъ, все же будутъ считаться православными или иными христіанами и притомъ безразлично, рождены ли они до или послѣ отпаденія родителей въ расколъ; а съ этимъ вмѣстѣ наступаетъ для родителей цѣлый рядъ весьма тяжелыхъ послѣдствій. Такіе родители, обвѣнчанные въ церкви раскольники, обязаны, по закону, «воспитать дѣтей своихъ въ вѣрѣ православной»; за исполненіемъ этого наблюдаетъ высшая администрація, и даже самъ министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ «попеченіе объ охраненіи православія малолѣтнихъ дѣтей отца, совратившагося въ расколъ или ересь». Наконецъ, здѣсь могутъ быть къ тому же совсѣмъ рас-

торгнуты родительскія отношенія и дѣти отбираются отъ родителей, отъ отца и матери, и передаются для воспитанія «родственникамъ православнаго исповѣданія», или даже особымъ назначеннымъ для сего отъ правительства «опекунамъ». Надо ли говорить, что подобныя послѣдствія православнаго брака для раскольниковъ, не рожденныхъ въ расколѣ, дѣлаютъ для нихъ единственно возможной формой брачнаго сожительства тотъ бракъ, который по нашимъ законамъ будетъ для нихъ считаться прелюбодѣяніемъ, причемъ отецъ-раскольникъ будетъ счастливѣе его законной жены: дѣти перваго, прижитыя отъ прирожденной раскольницы, останутся въ расколѣ, тогда какъ вторая даже путемъ прелюбодѣянія не можетъ своихъ дѣтей сохранить въ своей вѣрѣ. Въ аналогичномъ положеніи находятся и неженатые и незамужніе раскольники изъ числа въ расколѣ нерожденныхъ. Законный раскольничій бракъ для нихъ невозможенъ, для этого надо быть рожденнымъ въ расколѣ. Отсюда единственно возможной формой брачнаго союза для нихъ является не что иное, какъ брачное незаконное сожитіе неженатаго съ незамужней; но здѣсь опять повторится то же, что мы видѣли выше: неприрожденный раскольникъ отъ прирожденной раскольницы можетъ прижить незаконныхъ дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прирожденныхъ раскольниковъ, тогда какъ неприрожденная раскольница отъ прирожденнаго раскольника даже цѣной незаконнаго сожитія не можетъ получить единовѣрныхъ съ собой дѣтей. Теперь ясно, что незаконный бракъ во многихъ случаяхъ является спасеніемъ для неприрожденныхъ раскольниковъ и позволяетъ, по крайней мѣрѣ, мужчинамъ этой категоріи видѣть своихъ дѣтей одной съ собой вѣры. Отсюда и новое основаніе для приписки къ расколу по происхожденію: незаконныя дѣти прирожденной раскольницы по общему праву являются также лицами, «рожденными въ расколѣ». Но есть еще категорія прирожденности, которая складывается не юридически, а фактически. И въ самомъ дѣлѣ, куда приписать дѣтей тѣхъ отпавшихъ отъ православія раскольниковъ, которые прижили ихъ уже послѣ того, какъ они съ лишеніемъ правъ состоянія пришли за свою вѣру въ ссылку и здѣсь, не имѣя права на законный раскольничій бракъ, вступили въ то или иное незаконное сожительство съ единовѣрцами? По закону, подобные раскольники поселяются исключительно среди язычниковъ и магометанъ «между селеніями иновѣрныхъ жителей»

вдали отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ «жители православнаго исповѣданія», въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири и Закавказья. Они приписываются, далѣе, «только въ мѣстахъ, предназначенныхъ для поселенія ихъ единомышленниковъ», и само собою разумѣется, что всѣ дѣти сосланныхъ раскольниковъ, силою простого факта рожденія ихъ среди подобныхъ поселеній, становятся тоже приписанными къ расколу. Здѣсь, какъ очевидно, ссылка и лишеніе всѣхъ правъ состоянія за вѣру даетъ возможность родителямъ сохранить при себѣ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ дѣтей, которыя рождаются уже въ ссылкѣ. Таковы въ общемъ случаи приписки къ расколу по происхожденіямъ.

Теперь другой вопросъ: возможно ли законнымъ путемъ перейти въ расколъ или, другими словами, перечислиться въ раскольники изъ другихъ вѣроисповѣданій? При разрѣшеніи этого вопроса относительно православнаго вѣроисповѣданія, надо имѣть въ виду два случая: во-первыхъ, случай отпаденія въ терпимыя формы раскола и, во-вторыхъ, въ формы наказуемыя; въ первомъ случаѣ дѣло рѣшается очень просто: лица, отпавшія въ расколъ терпимыхъ «согласій», вовсе не считаются раскольниками, а становятся просто православными грѣшниками, которые затѣмъ при помощи духовенства и полиціи и возвращаются отъ заблужденій къ истинѣ.

Однако такого простого разрѣшенія вопроса не даетъ второй случай, а именно, когда мы имѣемъ дѣло съ лицами, отпавшими отъ православія въ ереси духоборовъ, иконоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ и т. п. Эти лица послѣ ссылки въ отдаленныя мѣстности несомнѣнно отчисляются отъ православія, хотя это отчисленіе имѣетъ довольно оригинальный характеръ. Всѣ эти сектанты не составляютъ по закону никакого религіознаго общества или церковнаго союза, они остаются только отдѣльными сектантами и не болѣе. Такимъ образомъ, мы здѣсь встрѣчаемся съ исключительнымъ въ нашемъ правѣ случаемъ «отчисленія» безъ соотвѣтственнаго «причисленія»; и такое положеніе тѣмъ болѣе замѣчательно, что оно можетъ быть, съ одной стороны, «безвозвратнымъ», а съ другой—даже независимымъ отъ дѣйствительнаго исповѣданія лица. И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ подобныхъ сектантовъ ссылаются даже безъ права обратнаго перечисленія въ православное исповѣданіе. Это прямо сказано въ законѣ о тѣхъ раскольникахъ, которые послѣ возвращенія

въ православіе опять вторично отпадутъ въ ересь, они ссылаются въ Сибирь «безвозвратно»; а отсюда вытекаетъ съ очевидностью, что если даже они пожелаютъ снова возвратиться въ православіе и станутъ исповѣдывать православную вѣру, то тѣмъ не менѣе они останутся навѣки приписанными къ сектантскимъ обществамъ ссыльныхъ, а слѣдовательно, къ той самой средѣ, отъ вліянія которой законъ такъ ревностно ограждаетъ другихъ православныхъ. Но вотъ вопросъ, если такой «безвозвратный» сектантъ православной вѣры окреститъ своихъ дѣтей въ православіе, то неужели же здѣсь отнимутъ отъ отца его «правовѣрныхъ» дѣтей и отдадутъ «православнымъ родственникамъ», или, быть можетъ, ихъ оставятъ «рости въ домѣ безвозвратнаго сектанта среди членовъ особенно вредной секты»? На этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, законъ отвѣта не даетъ и приходится думать, что, по точному смыслу статей объ охранѣ православія малолѣтнихъ, дѣти такого лица будутъ у него отобраны, какъ бы въ награду за то, что онъ же возвратилъ ихъ православію...

Не менѣе недоумѣній вызываетъ и положеніе скопцовъ. Скопчество, которое въ древнія времена отнюдь не считалось чѣмъ-то позорнымъ съ христіанской точки зрѣнія,—и даже можно насчитать нѣсколько святыхъ изъ числа евнуховъ—по нашему русскому закону представляется въ высшей степени наказуемымъ въ связи съ извѣстными религіозными убѣжденіями. Какъ можно судить на основаніи положеній закона, скопцы также «безвозвратно» причисляются къ самымъ вреднымъ еретикамъ и безсрочно остаются въ ссылкѣ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Восточной Сибири. Такимъ образомъ, фактъ оскопленія или кастраціи дѣлаетъ для скопцовъ, говоря вообще, невозможнымъ ни причисленіе ихъ къ православію, ни возвращеніе на родину. Только для женщинъ, принадлежащихъ къ этой сектѣ, сдѣлано совершенно необъяснимое исключеніе, причемъ законъ открываетъ имъ не только возможность возвращенія въ православіе, но и брака и притомъ не только съ равноправными ссыльно-поселенцами, но и людьми «свободнаго состоянія», съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что право выѣзда изъ Сибири у этихъ женщинъ навсегда отнято. Положительно затрудняемся дать объясненіе такому велѣнію закона. Неужели же здѣсь возможность обращенія къ религіи обусловливается извѣстными физіологическими признаками, и скопецъ-мужчина ужъ никоимъ обра-

зомъ, въ силу своего уродства, не можетъ быть причисленъ къ православнымъ, несмотря на свое обращеніе къ этой вѣрѣ, тогда какъ женщина, какъ менѣе изуродованная, достойна по своимъ физіологическимъ свойствамъ стать православной? Неужели принадлежность къ православію обусловливается здѣсь исключительно наличностью тѣхъ или другихъ тѣлесныхъ органовъ? Думаемъ, что подобное объясненіе было бы недостойно ни русскаго закона, ни православной церкви. Поэтому оставляемъ данный вопросъ открытымъ.

Итакъ, мы нашли, что нѣкоторые раскольники, исповѣдующіе православіе, тѣмъ не менѣе причисляются къ расколу. Для всѣхъ же остальныхъ приверженцевъ ересей и раскола, путь къ принятію православія не только открытъ, но и сопряженъ съ нѣкоторыми матеріальными выгодами.

Спрашивается теперь, открытъ ли доступъ раскольникамъ къ переходу въ какое-либо иное терпимое въ странѣ христіанское исповѣданіе? На это, думаемъ, приходится отвѣтить отрицательно. Правда, мы здѣсь имѣемъ два различныхъ положенія закона; а именно, уставъ о пред. и пресѣченіи какъ будто открываетъ право перехода всѣмъ лицамъ, принадлежащимъ «къ христіанскому неправославному исповѣданію» «изъ одного въ другое христіанское исповѣданіе съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ», однако это положеніе поставлено подъ общимъ заголовкомъ мѣръ, относящихся къ «иновѣрію», тогда какъ «расколъ и ересь» имѣютъ свой особый отдѣлъ въ томъ же уставѣ, съ другой же стороны, вполнѣ основательно можно предположить, что данное положеніе устава о пред. есть только перифраза 6-й статьи устава дух. д. иностр. испов., такъ какъ и здѣсь и тамъ подстатейныя ссылки, за исключеніемъ одной, сравнительно не имѣющей значенія, тождественны. И 6-я статья устава дух. д. уже не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что только «лица, принадлежащія къ одному изъ иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, могутъ по своему желанію переходить въ другое такое же», а въ силу этого необходимо признать, что раскольники, какъ христіане, хотя и «неправославные», но не «иностранные», подобнымъ правомъ даже съ разрѣшенія министра пользоваться не могутъ. Поэтому полагаемъ, что не только изъ терпимаго русскаго раскола переходъ въ иностранныя исповѣданія невозможенъ, но и переходъ изъ такихъ нерусскихъ сектъ русскаго раскола, какъ, напр., протестантствую-

щихъ сектъ молоканъ, духоборовъ, штундистовъ, штундобаптистовъ и т. д. Этимъ путемъ даже члены «особенно вредныхъ» русскихъ сектъ не могутъ перейти въ иныя, признанныя безвредными, родственныя по вѣроученію секты, изъ числа «иностранныхъ», каковы, напр., у насъ терпимыя секты баптистовъ, менонистовъ, гернгутеровъ и т. п. Русскіе сектанты могутъ только или возвратиться въ православіе, или остаться «особенно вредными» сектантами, перейти же въ безвредныя христіанскія секты протестантовъ они юридически не могутъ. Такимъ образомъ, если бы кто-нибудь изъ русскихъ штундистовъ или штундобаптистовъ перешелъ de facto къ протестантскому исповѣданію баптистовъ, онъ все-таки остался бы de jure, штундистомъ, а не баптистомъ. Здѣсь, въ данномъ случаѣ, мы встрѣчаемся съ оригинальнымъ явленіемъ юридическаго прикрѣпленія лица къ «особенно вредному» вѣроисповѣданію. Случай съ полицейской точки зрѣнія весьма замѣчательный. Нечего и говорить далѣе, что переходъ раскольниковъ въ нехристіанскую вѣру безусловно воспрещенъ. И здѣсь особо вредный іудействующій сектантъ не можетъ присоединиться къ терпимому и безвредному еврейству или караимству. Здѣсь опять-таки мы встрѣчаемся съ фактомъ прикрѣпленія сектантовъ къ вредной сектѣ, которые хотя и подвергаются за свое пониманіе христіанства тяжкимъ лишеніямъ, но уйти отъ него къ безвредному нехристіанству не могутъ. Однако, непосредственное примѣненіе 185 ст. улож. о нак. къ вреднымъ сектантамъ христіанскаго исповѣданія не можетъ въ свою очередь не вызывать недоумѣній. Эта статья, какъ извѣстно, предписываетъ отдавать лицъ, отступившихъ отъ христіанства, подъ надзоръ духовнаго начальства ихъ прежняго исповѣданія съ временнымъ лишеніемъ правъ состоянія. Эта статья безспорно имѣетъ примѣненіе и къ русскимъ вреднымъ сектантамъ, такъ какъ законъ нигдѣ не выключаетъ ихъ изъ числа христіанъ. Но, спрашивается тогда, гдѣ же въ такомъ случаѣ духовное начальство у этихъ сектантовъ, и, далѣе, какихъ еще правъ можно ихъ лишить за этотъ новый грѣхъ, если они и такъ уже лишены всѣхъ правъ состоянія? Думаемъ, что 185 ст. окажется для нихъ совершенно не имѣющей значенія, и попросту такія лица, несмотря на принятіе ислама или іудейства, будутъ считаться и христіанами и вредными сектантами... Этими замѣчаніями мы закончимъ чрезвычайно интересный для юриста от-

дѣлъ нашихъ законоположеній о принадлежности къ расколу и перейдемъ къ слѣдующему вопросу [1]).

Юридическая принадлежность къ нехристіанскимъ исповѣданіямъ опредѣляется почти исключительно происхожденіемъ, притомъ только отъ брака, гдѣ оба супруга сами рождены въ этой вѣрѣ. Переходъ отъ христіанскихъ религій къ нехристіанскимъ безусловно воспрещенъ и считается недѣйствительнымъ. Относительно же перехода отъ одной нехристіанской религіи въ другую, норма закона выражена въ формѣ запрещенія «перевода» изъ одной религіи въ другую, причемъ такой переводъ карается какъ «нарушеніе установленнаго порядка»; изъ этого постановленія можно заключить, что и переходъ изъ одной нехристіанской религіи въ другую, какъ нигдѣ и ни подъ какимъ условіемъ прямо закономъ не разрѣшенный, такъ же юридически недоступенъ; и такимъ образомъ магометанинъ, перешедшій въ іудейство, будетъ считаться мусульманиномъ, а буддистъ, принявшій исламъ, останется, все-таки, буддистомъ; и хотя прямо подобный «переходъ», а не «переводъ» закономъ не запрещенъ», но нигдѣ для такого перехода никакой юридической возможности не открыто. Фактически, быть можетъ, и здѣсь дѣло устроится при помощи того или другого попустительства со стороны духовныхъ властей и даже, что гораздо труднѣе предположить, со стороны свѣтской администраціи. Нѣсколько иначе рѣшается вопросъ относительно тѣхъ языческихъ исповѣданій, которыя никакого опредѣленнаго въ законѣ догматическаго содержанія не имѣютъ, а являются чисто племенными религіями. И въ самомъ дѣлѣ, разрѣшая подобнымъ язычникамъ слѣдовать «суевѣрнымъ правиламъ своего закона», уставъ духов. дѣлъ нигдѣ не опредѣляетъ ни ихъ вѣроученія, ни обрядовъ, ни, тѣмъ болѣе, духовной дисциплины: защищая одну вѣру, какъ вѣру инородцевъ сибирскихъ, другую, какъ религію закаспійскихъ ордынцевъ, третью, какъ обряды инородцевъ Командорскихъ острововъ, четвертую, какъ вѣру мезенскихъ самоѣдовъ и т. д., государство

---

[1]) Томъ X, ч. 1 (изд. 1887 г.), ст. 78; уставъ о пред. и пресѣч., ст. 56; улож. о наказ., ст. 190, 201, 203, 204; томъ IX (изд. 1876 г.), ст. 530, 531; уставъ о ссыльн. (изд. 1890 г.), ст. 524, 525, 526, 498 (по продолж. 1895 г.), 499, 413, примѣчаніе; уставъ о прям. налог. ст. 513; уставъ о пред. и пресѣч., ст. 82; уставъ дух. д. иностр. испов., ст. 6.

вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ этимъ исповѣданіямъ и право имѣть «чародѣевъ», «кудесниковъ» и особые молитвенные дома, но что это за исповѣданіе, какое религіозное сообщество они создаютъ, какою дисциплиною они держатъ своихъ сочленовъ, этого государственный законъ и самъ не знаетъ. Съ другой же стороны, и самое понятіе племенной или родовой единицы, съ которой законъ связываетъ ту или другую «вѣру», величина чрезвычайно измѣнчивая. Не надо забывать, что всѣ эти инородцы имѣютъ сравнительно весьма легкую возможность перейти, не измѣняя своихъ племенныхъ особенностей, въ разрядъ не только осѣдлыхъ жителей, но и членовъ тѣхъ или иныхъ городскихъ или сельскихъ сословныхъ обществъ. Что же станется тогда съ ихъ племенными религіями? При комъ онѣ останутся? При несуществующемъ племени, или при отдѣльномъ, выдѣлившемся изъ него родѣ, или даже при отдѣльной личности? На эти вопросы законъ прямого отвѣта не даетъ, но изъ того общаго положенія нашего права, что инородцы «при переходѣ въ другое состояніе» своихъ правъ на вѣротерпимость не теряютъ, выходитъ, что ихъ племенная религія въ данномъ случаѣ превращается чрезвычайно легко въ отдѣльныя формы личнаго вѣроисповѣданія. Отсюда же вполнѣ ясно, что государственная охрана племенныхъ религій, безразличная къ ихъ содержанію, нисколько не можетъ препятствовать наполненію этихъ пустыхъ рамокъ любымъ догматическимъ содержаніемъ. Нѣтъ никакихъ основаній отрицать за этими инородцами, во-первыхъ, право слушаться тѣхъ или иныхъ «кудесниковъ», и затѣмъ при ихъ помощи измѣнять догматическое содержаніе своего закона произвольнымъ образомъ. И если вслѣдствіе этого окажется, что одни инородцы исповѣдуютъ буддизмъ, какъ вѣру Командорскихъ острововъ, другіе—магометанство, какъ племенную вѣру закаспійскихъ ордынцевъ, а третьи, напримѣръ, мезенскіе самоѣды объявятъ своими племенными религіями сразу нѣсколько вѣръ, по отдѣльнымъ родовымъ союзамъ, такъ что мезенской вѣрой станетъ сразу и исламъ и іудейство, то съ юридической точки зрѣнія противъ этого ничего возразить нельзя. Во-вторыхъ же, конечно, дѣло еще болѣе усложнится, если эти инородцы съ переходомъ къ осѣдлому быту и припиской къ отдѣльнымъ сословнымъ обществамъ не примутъ крещенія. Тогда для нихъ однихъ среди всѣхъ остальныхъ подданныхъ Россійской Имперіи открывается возможность вѣрить буквально въ любую нехристіанскую релп-

гію подъ общимъ покровомъ «суевѣрныхъ правилъ» своего племенного «закона»; по религіи такія лица, по крайней мѣрѣ, на сѣверѣ именуются «осѣдлыми иновѣрцами», содержаніе же ихъ иновѣрія, конечно, зависитъ только отъ нихъ самихъ.

Здѣсь же отмѣтимъ и нѣкоторую возможность сектантскихъ движеній среди нехристіанскихъ религіозныхъ обществъ. Относительно чисто племенныхъ исповѣданій, конечно, и упоминать не надо, тамъ, гдѣ нѣтъ опредѣленной догмы, не можетъ быть и юридической возможности сектъ: среди этихъ обществъ каждая «вѣра» можетъ распасться въ любой моментъ на любое количество отдѣльныхъ исповѣданій безъ измѣненія своего племенного характера, и здѣсь, слѣдовательно, всякая «секта» можетъ прекрасно существовать фактически наравнѣ съ главнымъ исповѣданіемъ подъ общимъ правомъ племенной вѣры. Юридически секта становится таковой, когда религія опредѣлена уже со стороны догматической. Такимъ образомъ, секты возможны изъ нехристіанскихъ исповѣданій только въ іудействѣ, магометанствѣ и буддизмѣ. Въ первой религіи секты могутъ быть учреждаемы съ разрѣшенія администраціи; это разрѣшеніе дается «по изслѣдованіи, чѣмъ толкъ различается отъ обыкновеннаго ученія еврейской вѣры, и по удостовѣреніи о безвредности его для нравственности и общественнаго спокойствія». Въ силу подобнаго разрѣшенія опредѣленный «толкъ» можетъ быть отдѣленъ отъ другихъ и получить свою особую синагогу и школу. Въ случаѣ неразрѣшенія такого обособленія сектанты, конечно, продолжаютъ считаться правомѣрными іудеями, несмотря на свою ересь, а слѣдовательно, и остаются подъ властью общихъ еврейскихъ духовныхъ властей. Для магометанскихъ духовныхъ обществъ законъ совершенно не устанавливаетъ юридической возможности образованія сектъ. Уставъ дух. дѣлъ иностр. испов. предвидитъ только появленіе среди магометанъ «вредныхъ и нетерпимыхъ правительствомъ толкованій и ученій или неблагонамѣренныхъ разглашеній» и запрещаетъ принадлежность духовныхъ лицъ «къ правительствомъ недозволеннымъ обществамъ или ученіямъ, какъ-то: мюридизма и др.». Къ сожалѣнію, никакихъ дальнѣйшихъ опредѣленій законъ не даетъ. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, какія именно ученія, кромѣ мюридизма, считаются вредными и нетерпимыми, какія общества считаются дозволенными и какія нѣтъ, какимъ путемъ и отъ кого можно получать эти дозволенія, наконецъ, относится ли запрещеніе

принадлежности къ сектамъ не только къ духовнымъ лицамъ, но и простымъ вѣрующимъ,—законъ этого прямо не разрѣшаетъ. По общему же смыслу нашего законодательства можно думать, что никакія секты въ составѣ мусульманскихъ обществъ у насъ юридически невозможны, и сектанты попросту причисляются къ правомѣрнымъ мусульманамъ шіитскаго или суннитскаго толковъ. Точно также законъ не предвидитъ возможности сектантскаго движенія среди буддистовъ. Они тоже всѣ считаются оффиціально правовѣрующими.

Доступъ къ христіанству нехристіанамъ у насъ открытъ также не безусловно. Только къ православію всѣ иновѣрцы могутъ присоединиться безпрепятственно. Къ православію или къ армяно-грегоріанскому исповѣданію могутъ по желанію присоединяться смертельно больные магометане Кавказскаго края. Наконецъ, «могутъ быть приводимы въ христіанскую вѣру всякаго терпимаго исповѣданія: 1) евреи, какъ опасно-больные, такъ и военнослужащіе, причемъ крестятся и дѣти ихъ до 7-милѣтняго возраста, и 2) «магометане заграничные (прилежащіе къ границамъ Имперіи)». Послѣднее положеніе закона о заграничныхъ магометанахъ въ такой общей формѣ, какъ оно дано, очевидно, не имѣетъ смысла, такъ какъ вообще повелѣвать «заграничнымъ» поддаппымъ наша государственная власть въ дѣлахъ ихъ внутренняго законодательства права не имѣетъ. Надо думать, что здѣсь идетъ рѣчь спеціально о магометанахъ, подданныхъ нашихъ вассальныхъ государствъ, т.-е. Хивы и Бухары. Желательно, однако, чтобы данная статья закона была редактирована болѣе удачно. Въ противность упомянутымъ выше категоріямъ иновѣрцевъ и заграничныхъ магометанъ, всѣ остальные русскіе подданные нехристіане такого права не имѣютъ. Они могутъ присоединяться къ христіанству иностранныхъ исповѣданій только съ особаго каждый разъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, или на Кавказѣ — главноначальствующаго. И здѣсь опять-таки повторяется то, что сказано выше, а именно: здѣсь санкціи закона таковы, что если найдется достаточно мужественное духовное лицо среди «иностранныхъ христіанъ», то оно совершитъ крещеніе иновѣрца и безъ разрѣшенія министра и хотя этотъ священникъ будетъ наказанъ, но новокрещеннаго, конечно, въ нехристіане не припишутъ. Если же

такого священника не найдется, то магометанинъ, еврей или язычникъ, увѣровавшій въ Христа по иностранному догмату, рискуетъ такъ и остаться безъ крещенія, если онъ не промѣняетъ своей вѣры въ католическую или протестантскую церковь на вѣру въ истину православія. Такъ, въ случаѣ отказа министра лишается крещенія тотъ, кто желаетъ не только стать христіаниномъ, но еще и католикомъ, армяно-грегоріанинomъ или протестантомъ. Только опасная, даже смертельная болѣзнь, да военная служба открываютъ нѣкоторымъ изъ иновѣрцевъ безусловный доступъ ко всѣмъ или нѣкоторымъ иностраннымъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Положеніе довольно замѣчательное для христіанской страны. Переходъ нехристіанъ въ расколъ совершенно нашимъ законодательствомъ не предусмотрѣнъ. Но думаемъ, что и здѣсь актъ хотя бы незаконнаго раскольническаго крещенія все-таки повлечетъ за собой приписку иновѣрца къ христіанству. Было бы въ высшей степени непонятнымъ оставить лицо, получившее отъ раскольниковъ крещеніе, въ оффиціальномъ званіи язычника или мусульманина. Очевидно, здѣсь также вопросъ рѣшается фактически, а не юридически. Но думаемъ, что здѣсь возможенъ и другой случай, а именно, что крещеніе иновѣрца въ одну изъ вредныхъ сектъ не будетъ признано. Пожалуй, въ такомъ случаѣ новокрещенный «вредный» христіанинъ будетъ причисленъ къ язычникамъ или магометанамъ.

Впрочемъ, фактическое разрѣшеніе даннаго вопроса можетъ быть весьма различно. Нельзя только скрыть здѣсь чрезвычайныхъ затрудненій, которыя могутъ явиться результатомъ удивительной неполноты закона. Этимъ мы заканчиваемъ изслѣдованіе вопроса о приписке къ нехристіанскимъ исповѣданіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ вообще о росписаніи всѣхъ подданныхъ россійской имперіи по отдѣльнымъ вѣрамъ и духовнымъ обществамъ[1]).

Сводя теперь къ немногимъ положеніямъ все вышесказанное, мы видимъ, что къ церкви господствующей могутъ по своему

---

[1]) Уст. дух. д. иностр. испов., ст. 5, 7 (и прилож. п. 2, 6, 10), 8, 9, 10, 1, 1303, 1458, 1487, 1573, 1602, 1697, 1699; т. IX, ст. 840, 868, 884, 945, 836; полож. объ инородц., ст. 16, 7, 135; полож. степное, ст. 11; улож. о наказ., ст. 935 примѣчаніе, 936; уставъ о пред. и пресѣч., ст. 84, 85, 86, 87; уставъ дух. конс., ст. 31.

желанію причисляться всѣ русскіе подданные всѣхъ исповѣданій, кромѣ нѣкоторыхъ сектантовъ.

Къ ней причислены лица, принадлежащія къ ней по рожденію, добровольно присоединившіяся и присоединенныя особыми законодательными актами.

Отъ нея могутъ быть отчислены только лица, принадлежащія къ особо вреднымъ сектамъ.

Ко всѣмъ иностраннымъ христіанскимъ исповѣданіямъ причисляются «по ихъ желанію» только слѣдующія категоріи лицъ: евреи изъ числа военно-служащихъ или опасно-больныхъ, «заграничные магометане» прилежащихъ къ Россіи областей, лица иностранныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій, присоединенныя духовенствомъ самовольно вопреки 195 ст. улож. о наказ.; къ церкви армяно-грегоріанской сверхъ того могутъ быть причислены добровольно обратившіеся къ ней и безнадежно-больные магометане Кавказскаго края.

Вообще къ иностраннымъ исповѣданіямъ принадлежатъ какъ лица, причисленныя сюда по происхожденію, такъ и присоединившіяся добровольно, а въ Холмской епархіи къ римской церкви могутъ быть причислены и нѣкоторые бывшіе грекоуніаты католическаго происхожденія.

Отъ отдѣльныхъ терпимыхъ христіанскихъ исповѣданій отчисляются и лица, добровольно перешедшія въ православіе, и лица, перешедшія изъ одного иностраннаго исповѣданія въ другое такое же; въ послѣднемъ случаѣ опять-таки отчисленію подлежатъ, какъ лица, перешедшія съ разрѣшенія начальства (министра внутреннихъ дѣлъ или главноначальствующаго на Кавказѣ), такъ и самовольно присоединенныя духовенствомъ. Кромѣ этихъ категорій, отчисленію отъ терпимаго христіанскаго исповѣданія подлежатъ, само собою разумѣется, и «вредные» сектанты.

Къ русскому расколу причисляются «по ихъ желанію» только послѣдователи вредныхъ сектъ съ послѣдствіями по 203 ст. улож. о наказ.

Состоятъ въ расколѣ только лица, въ расколѣ рожденныя или причисленныя къ тому по судебному приговору, за принадлежность къ ереси или расколу по вышеприведенной статьѣ. Отчисляются отъ раскола только лица, добровольно присоединяющіяся къ православію, за исключеніемъ раскольниковъ «безвозвратныхъ».

Къ иновѣрнымъ нехристіанскимъ исповѣданіямъ никто по собственному желанію причисленъ быть не можетъ. Къ этимъ исповѣданіямъ принадлежатъ только по происхожденію.

Отчисляются отъ нехристіанскихъ исповѣданій только лица, переходящія въ христіанство; при этомъ отчисленію подлежатъ не только лица, перешедшія въ православіе или съ разрѣшенія начальства въ одно изъ христіанскихъ иностранныхъ, но и крещеныя самовольно духовенствомъ этихъ исповѣданій вопреки 195 ст. улож. о наказ.

Больше никакихъ возможныхъ случаевъ, какъ самой вѣроисповѣдной принадлежности, такъ и ея перемѣнъ законъ не предусматриваетъ. Всѣ лица, фактически перемѣнившія вѣру внѣ указанныхъ путей и рамокъ, юридически причисляются къ своему «первоначальному» исповѣданію. Такъ порождается удивительный конфликтъ между фактическимъ и юридическимъ исповѣданіемъ лица,—конфликтъ, который относительно каждаго исповѣданія можетъ дать слѣдующія формы.

Къ православію причисляются не только лица дѣйствительно православныя, но также лица, исповѣдующія фактически и другія, какъ христіанскія, такъ и нехристіанскія религіи. Къ господствущей церкви, такимъ образомъ, принадлежатъ и отпадшіе отъ нея протестанты, католики, магометане, евреи, язычники, всевозможные еретики и раскольники, если только эти лица не принадлежатъ къ вреднымъ сектамъ. Всѣ они считаются православными такъ же, какъ и никогда не исповѣдывавшіе православія католики изъ бывшихъ греко-уніатовъ и различные, упорствующіе изъ той же категоріи. Всѣ эти лица считаются православными, хотя и отрицаютъ истину православія. Все это мертвые члены церкви, которые въ дѣйствительности отъ нея отпали, но искусственно удерживаются въ организмѣ, и, думаемъ, только заражаютъ его.

Въ подобномъ же положеніи находятся и другія терпимыя христіанскія исповѣданія. И въ ихъ составѣ числятся юридически тѣ, кто уже на дѣлѣ отпали не только отъ того или другого изъ нихъ, но и совсѣмъ отъ христіанства. Такъ, съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ, указанныхъ выше случаяхъ, протестантъ долженъ считаться католикомъ, а католикъ—протестантомъ; такъ, лицо, перешедшее фактически въ старо-католицизмъ или греко-уніатство, все-таки будетъ причислено къ наличному католичеству или протестантству. Такъ, ирвингіанинъ, методистъ, любой

англиканскій диссидентъ оффиціально будетъ считаться лютераниномъ, и даже открытый поклонникъ Талмуда или Ислама изъ отпавшихъ—все-таки будетъ считаться и христіаниномъ и членомъ той или иной терпимой и правовѣрной церкви.

Даже въ расколѣ по закону будутъ считаться многіе и не раскольники и не христіане. Православный изъ числа «безвозвратныхъ» скопцовъ, менонитъ или баптистъ изъ числа бывшихъ раскольниковъ, отпавшій отъ раскола магометанинъ, даже язычникъ, вольнодумецъ, непризнающій открыто ни религіи, ни Бога—всѣ эти лица изъ прирожденныхъ раскольниковъ должны оффиціально принадлежать къ расколу, несмотря на свое фактическое исповѣданіе вѣры, или даже полнаго невѣрія. Открытый атеистъ, рожденный въ расколѣ, будетъ все же считаться христіаниномъ, хотя и не правовѣрнымъ.

И, удивительное дѣло, даже къ нехристіанскимъ исповѣданіямъ юридически должны быть приписаны не только нехристіане, но и многіе увѣровавшіе во Христа по инославной догмѣ и не получившіе соотвѣтственнаго «разрѣшенія». Не говоримъ уже о томъ, что лица, фактически принявшіе Исламъ изъ бывшихъ евреевъ, все-таки будутъ считаться евреями, а язычники, принявшіе магометанство, юридически, все-таки останутся язычниками. Не говоримъ уже о томъ, что, за исключеніемъ евреевъ, всѣ нехристіанскіе сектанты будутъ считаться правовѣрными то магометанами, то евреями, то буддистами, смотря по своей первоначальной припискѣ.

Во-истину удивительная картина, гдѣ люди самыхъ различныхъ фактическихъ исповѣданій причислены юридически къ однимъ и тѣмъ же исповѣданіямъ, такъ что можно безъ преувеличенія сказать, что у насъ принадлежность къ церковному обществу весьма часто по необходимости совершенно различна съ дѣйствительнымъ исповѣданіемъ лица, и развѣ только по исповѣданію тѣхъ или иныхъ духовныхъ властей можно фактически опредѣлить наличность отдѣльныхъ церковныхъ обществъ, а ужъ никакъ не «по вѣрѣ» простыхъ «вѣрующихъ».

Но картина, полученная нами, станетъ еще удивительнѣе, если сдѣлаемъ еще одно небольшое замѣчаніе, а именно:

Въ Россіи только два исповѣданія вполнѣ доступны для перехода къ нимъ всѣхъ остальныхъ россійскихъ подданныхъ другихъ исповѣданій, и это—вѣра господствующая и вѣра «особо вредныхъ сектъ».

И въ самомъ дѣлѣ, въ законѣ сказано только, что лица, «которыя принадлежатъ къ ересямъ, соединеннымъ съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, либо съ противонравственными, гнусными дѣйствіями, подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ». Къ этимъ сектамъ причислены у насъ въ административномъ порядкѣ «особо вредныя» секты духоборовъ, молоканъ, иконоборцевъ, іудействующихъ, скопцовъ и т. д. Первопачальная принадлежность къ тому или иному вѣроисповѣданію здѣсь уже не имѣетъ никакого значенія и нигдѣ въ законѣ не обусловлена.

Здѣсь самый фактъ «принадлежности» почитается достаточнымъ и для перечисленія въ сектанты и для ссылки. Отсюда выводъ: всякое лицо, которое фактически станетъ исповѣдывать вѣру этихъ сектъ, немедленно же по судебному приговору перестанетъ быть православнымъ, католикомъ, протестантомъ и т. д., и становится юридически тѣмъ, чѣмъ оно стало фактически, т.-е. еретикомъ-сектантомъ.

Итакъ, подобно тому, какъ каждый русскій гражданинъ можетъ присоединиться безпрепятственно къ православной церкви, такъ же безпрепятственно онъ можетъ цѣной ссылки присоединиться къ любой изъ упомянутыхъ сектъ.

Положеніе и въ самомъ дѣлѣ замѣчательное! Юридически всѣ указанныя различія въ способахъ перемѣны исповѣданія можно конструировать слѣдующимъ образомъ: Во 1), въ нѣкоторыхъ случаяхъ наше право считаетъ односторонній отказъ отдѣльнаго лица отъ опредѣленной религіи и одностороннее же признаніе имъ другой истины достаточнымъ, чтобы обосновать и новое отношеніе лица къ различнымъ духовнымъ обществамъ и духовнымъ властямъ. Лицо послѣ этого безпрепятственно какъ «отчисляется», такъ и «причисляется».

Здѣсь основаніемъ для послѣдующей религіозной квалификаціи лица служитъ его свободный односторонній актъ.

2) Въ другомъ случаѣ такой актъ считается недостаточнымъ. Здѣсь односторонній отказъ и такое же признаніе не имѣютъ юридическаго значенія. Перемѣна религіи запрещена. Но вмѣстѣ съ тѣмъ той или иной власти дано право дѣлать въ отдѣльныхъ случаяхъ соотвѣтственныя изъятія изъ этого запрета и удѣлять ихъ по своему свободному усмотрѣнію; въ особенности власть должна слѣдить за добровольностью обращенія. Здѣсь односто-

ронній актъ исповѣданія вѣрующаго превращается въ актъ двусторонній, а именно актъ исповѣданія съ одной стороны и актъ административнаго усмотрѣнія—съ другой. Только такой двусторонній актъ движенія души съ разрѣшенія начальства считается достаточнымъ для того, чтобы затѣмъ повлечь за собою и юридическое признаніе. Какъ ближайшимъ образомъ формулировать подобный случай? Положительно затрудняемся. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ особымъ видомъ предварительнаго полицейскаго разрѣшенія, которое дается не передъ актомъ совершенія дѣйствія, а уже послѣ него. Здѣсь актъ уже совершился, и ничто уже не можетъ его измѣнить. Здѣсь администрація не въ силахъ ничего ни пресѣчь, ни предупредить; здѣсь она можетъ только или признать совершившееся, или игнорировать его, т.-е., другими словами, или считать черное, въ силу своего свободнаго усмотрѣнія, бѣлымъ, или признать его такимъ, какимъ оно есть.

3) Такую же искусственную юридическую конструкцію встрѣчаемъ мы и въ томъ случаѣ, когда издается полный запретъ опредѣленныхъ актовъ религіознаго исповѣданія и акты эти все-таки остаются внѣ всякой власти государства. И здѣсь закону остается только одинъ выходъ—игнорпровать постоянно то, что совершается ежеминутно, считать эти акты постоянно ничтожными и недѣйствительными, не смотря на всю ихъ реальную дѣйствительность, наконецъ запрещать ихъ, не смотря на полную ихъ недоступность государственному воздѣйствію. Одно упорное почитаніе существующаго несуществующимъ, одно постоянное уклоненіе отъ дѣйствительности въ міръ совершеннѣйшихъ фикцій, одна непререкаемая вѣра въ силу чистополицейской миѳологіи—можетъ оправдать подобную конструкцію, достойную временъ Макса Баварскаго и Іосифа II.

И надо ли говорить, что подобная юридическая конструкція ничего фактически не мѣняетъ и измѣнить не можетъ.

Вѣдь фактическое содержаніе перехода во всѣхъ случаяхъ совершенно одинаково; и здѣсь и тамъ данный вѣрующій въ силу того или другого,—порою весьма тяжкаго—нравственнаго перелома или даже иныхъ причинъ перемѣнилъ фактически свое исповѣданіе. Онъ не вѣритъ болѣе въ того Бога, въ котораго онъ, можетъ быть, вѣрилъ еще съ дѣтства, онъ избралъ другую истину, отдалъ ей свою жизнь, онъ обнаружилъ свое новое исповѣданіе и словомъ и дѣломъ, но юридически ничего не

измѣнилось. Для него закрыты двери храма, гдѣ проповѣдуется новая его вѣра, для него недоступны алтари, гдѣ возносится моленіе такъ, какъ этого требуетъ и его разумъ и сердце; онъ считается почитателемъ той истины, которую онъ считаетъ ложью или заблужденіемъ, онъ прикованъ узами духовной дисциплины къ тѣмъ служителямъ церкви, которыхъ онъ болѣе таковыми не почитаетъ, которымъ онъ уже не можетъ болѣе довѣрять дѣла своего спасенія, такъ какъ они въ лучшемъ случаѣ ему представляются только заблуждающимися, а ужъ никакъ не служителями истины. Естественное дѣло, что такому лицу остается только одно: или принять маску лицемѣрія и стать обманщикомъ передъ лицомъ вѣчной Правды и Всевѣдѣнія, вѣрить въ одно, а исповѣдывать другое, или отказаться отъ удовлетворенія всѣхъ своихъ новыхъ духовныхъ потребностей, замкнуться въ полномъ религіозномъ одиночествѣ и, можетъ быть, завидовать тѣмъ, кто хоть цѣною ссылки и лишенія правъ состоянія покупаетъ дорогое право на открытое исповѣданіе своей новой вѣры и на оффиціальное признаніе ея. Многіе, конечно, не выдерживаютъ подобной нравственной пытки и совершенно забываютъ и всякую вѣру, и всякую потребность въ ней. Тамъ, гдѣ фактически лежитъ въ основѣ дѣянія актъ односторонній, его никакими принудительными нормами превратить въ актъ двусторонній, или актъ небывшій, актъ ничтожный—нельзя.

Когда человѣкъ подъ вліяніемъ религіознаго энтузіазма превозглашаетъ: «вѣрую», онъ обращается не къ людямъ, а къ Богу, и одинъ только Господь видитъ въ это время его сердце и судитъ его. И тому, кто отпалъ отъ Христа, никакое причисленіе не замѣнитъ его истиннаго исповѣданія, и тотъ, кто разъ пришелъ къ Нему, найдетъ къ Нему вездѣ дорогу.

И только за одностороннимъ актомъ обращенія вѣрующаго къ православію и къ такимъ вѣрамъ, какъ молоканская, духоборческая и т. п., наше право признаетъ юридическое значеніе; сопоставленіе на первый взглядъ въ высшей степени удивительное! И, конечно, это дѣлается не изъ видовъ религіозныхъ, а полицейскихъ. Иначе этого явленія объяснить нельзя.

*

IV.

Мѣры религіозной полиціи предупрежденія.

Гарантія церковной автономіи, съ одной стороны, и церковной и религіозной свободы, съ другой, является лучшимъ средствомъ въ рукахъ правового государства для поддержанія религіозности въ странѣ.

Свободная церковь въ правовомъ государствѣ знаетъ, что никто не придетъ замѣнить свѣтскимъ принужденіемъ ея духовнаго оружія, никто не облегчитъ ей при помощи полицейскихъ органовъ ея тяжелаго дѣла проповѣди и учительства, никто силой не погонитъ къ ней того, кого она не сумѣла удержать своей истиной, святостью и любовью, никто не освободитъ ее отъ труднаго подвига непрестанной борьбы съ грѣхомъ, слабостью или равнодушіемъ.

И дѣйствительно, свободная церковь правового государства развиваетъ дѣятельность и энергію, которую мы не найдемъ ни въ церкви, поглощенной государствомъ, ни, тѣмъ болѣе, въ церковномъ государствѣ. Она блюдетъ себя отъ слабости формализма и лѣности, такъ какъ если она ослабѣетъ, то придетъ ересіархъ или расколоучитель и отниметъ у нея многихъ чадъ ея, и никакое государство своимъ принужденіемъ не присоединитъ къ ней отпадшихъ. Она поддерживаетъ въ своемъ клирѣ нравственную дисциплину, чистоту жизни и высокую степень просвѣщенія, потому что только высоко нравственное и просвѣщенное духовенство можетъ ей доставить побѣду надъ грѣхомъ и заблужденіемъ. Она слѣдитъ за жизнью и овладѣваетъ ею, такъ какъ знаетъ, что живая истина становится мертвой догмой, и живая власть любви становится холоднымъ послушаніемъ, если сама церковь не поведетъ людей на подвигъ дѣятельной любви и вѣры, если она не будетъ бороться съ тяжелыми и безнравственными проявленіями современности, если она устранится отъ всякаго дѣятельнаго участія въ исцѣленіи язвъ текущей жизни, и смолкнетъ ея свободный голосъ хвалы или осужденія.

Такая церковь, понятное дѣло, есть громадная нравственная сила, и она ни въ какой поддержкѣ или помощи со стороны государства не нуждается; ей вполнѣ достаточно общей право-

вой защиты и признанія ея публичнаго характера. Ея власть надъ вѣрующими велика и цѣлительна, и тамъ, гдѣ крѣпки связи любви и вѣры, нѣтъ надобности ни въ полицейскомъ принужденіи, ни въ уголовной карѣ.

Открывая доступъ къ безнравственному образованію новыхъ религіозныхъ обществъ, правовое государство вмѣстѣ съ тѣмъ достигаетъ сразу двухъ нравственныхъ цѣлей: во-первыхъ, оно освобождаетъ отдѣльныя церковныя общества отъ всѣхъ вредныхъ для ихъ духовнаго единства элементовъ, такъ какъ эти послѣдніе, въ противномъ случаѣ, внесли бы смуту и раздоры въ церковную жизнь; съ другой же стороны, оно не лишаетъ отпадшихъ сектантовъ, приверженцевъ новыхъ религіозныхъ ученій, опоры и утѣшенія правильной духовно-религіозной жизни, такъ какъ предоставляетъ имъ возможность образованія новыхъ, хотя, можетъ быть, и слабѣйшихъ центровъ нравственной организаціи, и тѣмъ спасаетъ ихъ отъ полнаго отчаянія, полнаго невѣрія или индиферентизма. Поэтому въ правовомъ государствѣ и еретикъ остается нравственнымъ человѣкомъ, и схизматикъ остается вѣрующимъ, а это, въ свою очередь, не только ограждаетъ государство отъ всеобщаго разврата и паденія, но и сохраняетъ обществу полезнаго и нравственнаго гражданина.

Даруя же всеобщую свободу исповѣданія, государство достигаетъ также не только политическихъ, но и глубоко нравственныхъ цѣлей. Оно здѣсь, прежде всего, конечно, спасаетъ себя и свой принципъ отъ громадной опасности. Оно знаетъ, что, смѣшивая религію и государственный принципъ, оно тѣмъ самымъ осуждаетъ себя на политическія осложненія каждый разъ, какъ возникнутъ религіозные споры или сомнѣнія. Каждый еретикъ, отрицая истину государственной церкви, невольно будетъ отрицать и само государство. Гдѣ церковь и государство слиты, тамъ невольно и неизбѣжно рождается мысль, что не церковь, а государство проповѣдуетъ и защищаетъ данную истину, а слѣдовательно, отрицая данную истину, нужно отвергнуть и то государство, которое ее проповѣдуетъ. Здѣсь церковь какъ бы скрывается за государство, и въ глазахъ еретика не церковь оказывается заблуждающейся и неправой, а само государство. Трудно предвидѣть тѣ страшныя опасности, которыми грозитъ государственному строю подобное положеніе дѣлъ. Основы государственной жизни должны стоять внѣ щекотливой сферы ре-

лигіозныхъ убѣжденій и не должны компрометировать свою устойчивость зависимостью отъ тѣхъ или иныхъ вѣрованій и мнѣній. Государство должно стоять выше среды богословскихъ смутъ и церковныхъ раздоровъ. Но правовое государство свободой исповѣданія достигаетъ еще другого результата: оно уничтожаетъ необходимость оффиціальной лжи и лицемѣрія и этимъ очищаетъ атмосферу общественныхъ отношеній. Оно предоставляетъ всякой личности свободу—это величайшее условіе всякаго нравственнаго развитія, и этимъ повышаетъ нравственный уровень своихъ гражданъ, оно открываетъ имъ свободную арену религіозной проповѣди, просвѣтительнаго подвига, общественнаго благотворенія и имѣетъ удовлетвореніе видѣть, какъ религія не на словѣ, а на дѣлѣ охватываетъ все большіе и большіе круги населенія, какъ повышается интенсивность религіознаго интереса, какъ растутъ религіозная печать, искусство, наука, какъ возникаютъ все новые и новые органы религіозной помощи и благотворенія, а нравственный цементъ все крѣпче и крѣпче спаиваетъ государство съ подданнымъ, облагораживаетъ правосознаніе, уменьшаетъ число обездоленныхъ и преступныхъ, даетъ основаніе улучшенному политическому строю — и т. д., и т. д.

Тамъ, гдѣ, какъ у насъ, идея правового государства еще не проникла въ область церковно-политическаго законодательства, дѣло обстоитъ иначе.

Дѣло прямого и свободнаго подъема религіозной и нравственной жизни здѣсь не находитъ ни достаточнаго числа надлежащимъ образомъ подготовленныхъ свѣтскихъ дѣятелей, ни арены для самостоятельнаго и свѣтлаго служенія. Церковь загромождена оффиціально причисленными къ ней, ее разлагающими элементами, и ничего не можетъ съ ними подѣлать, такъ какъ она сама не свободна. Массы лицъ, фактически отпадшихъ отъ церкви, живутъ безъ крещенія, причастія и какой бы то ни было нравственной организаціи. Еретики и схизматики возстаютъ противъ самого государства, такъ какъ на практикѣ политическое начало смѣшалось съ церковнымъ, и, не будучи въ состояніи отличить одно отъ другого, они bona fide принимаютъ государство за церковь и возстаютъ противъ перваго, отрицая второе!

Естественно отсюда, что мѣры положительнаго воздѣйствія здѣсь смѣнились полиціей предупрежденія и пресѣченія, и

сравнительно безпомощное въ данной области полицейское пресѣченіе заняло здѣсь господствующую роль; безпомощное—потому что оно не можетъ даже предвидѣть всѣхъ источниковъ и видовъ грозящей религіи опасности.

Въ основу нашего закона положена своеобразная религіозная психологія и вытекающая изъ нея религіозная политика; систему руководящихъ началъ здѣсь можно формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Государство лучше отдѣльнаго лица знаетъ, что каждому лицу нужно для удовлетворенія его религіозныхъ потребностей, прочее же отъ лукаваго.

2) Установленное государствомъ росписаніе отдѣльныхъ вѣрующихъ по отдѣльнымъ исповѣданіямъ вполнѣ должно удовлетворить религіозныя потребности гражданъ.

3) Всякія нарушенія этого порядка росписанія являются результатомъ «соблазна» со стороны неблагонамѣренныхъ лицъ или проступка вѣрующаго.

4) Возможность соблазна должна быть предупреждена, а соблазнъ и самый проступокъ пресѣчены при помощи полицейскихъ мѣропріятій.

5) Соблазненная или падшая личность подлежитъ, при помощи судебныхъ и полицейскихъ мѣръ, возвращенію по мѣсту религіозной приписки.

Въ силу подобной формулы, ближайшей задачей полицейскаго предупрежденія, конечно, является, прежде всего, устраненіе самой возможности недозволеннаго перехода отъ одного исповѣданія къ другому, а слѣдовательно, и устраненіе всякихъ вліяній на вѣрующаго, помимо установленнаго порядка. Наше законодательство въ данномъ случаѣ разсуждаетъ такъ: надо прежде всего удалить «соблазнъ» въ дѣлѣ вѣры, надо устроить такъ, чтобы каждый вѣрующій, приписанный къ опредѣленному исповѣданію, не получалъ ниоткуда никакихъ стимуловъ къ отпаденію отъ своего оффиціальнаго исповѣданія, не слышалъ бы ниоткуда ни отрицанія своей вѣры, ни оспариванія своихъ догматовъ, однимъ словомъ, былъ бы совершенно изолированъ отъ всякихъ, смущающихъ совѣсть, встрѣчъ, разговоровъ, книжекъ, примѣровъ и т. д. Наше законодательство полагаетъ, что если бы этихъ соблазновъ не было, то громадное большинство населенія удовлетворилось бы религіей по мѣсту приписки и не искало бы ничего другого.

Но соблазнъ возникаетъ уже отъ самаго сожительства разновѣрныхъ элементовъ, отъ простого сосѣдства еретиковъ и правовѣрныхъ. Зрѣлище совмѣстнаго существованія различныхъ культовъ, прежде всего, можетъ пошатнуть твердость религіознаго убѣжденія и заставить размышлять надъ вопросомъ: «что есть истина?» Самымъ послѣдовательнымъ съ этой точки зрѣнія было бы, конечно, разселеніе отдѣльныхъ религіозныхъ обществъ въ различныхъ мѣстахъ съ назначеніемъ черты осѣдлости не только для евреевъ, но и мусульманъ, буддистовъ, католиковъ и т. д. Такое полное проведеніе принципа, однако, фактически невозможно. Въ нашемъ законодательствѣ мы встрѣчаемся только съ частичнымъ и отрывочнымъ устраненіемъ соблазна, происходящаго отъ совмѣстнаго жительства разновѣрныхъ элементовъ. Главная опасность, такимъ образомъ, здѣсь остается, и соблазнъ для вѣрующаго, порождаемый сосѣдствомъ еретиковъ и иновѣрцевъ, остается неустранимымъ.

Наше право отдѣляетъ отъ православія только послѣдователей особо вредныхъ сектъ и поселяетъ ихъ «отнюдь не тамъ, гдѣ жители православнаго исповѣданія»; далѣе, отдѣляетъ вѣроотступниковъ изъ православныхъ отъ ихъ ближайшихъ сосѣдей, такъ какъ эти лица удаляются изъ имѣній ихъ, «населенныхъ православными», и, наконецъ, употребляетъ особыя мѣры для охраненія православныхъ изъ новообращенныхъ. Эти новообращенные вообще признаются закономъ настолько слабыми въ вѣрѣ, что отъ нихъ даже не требуется исполненіе церковныхъ обрядовъ: такъ, въ законѣ сказано относительно сибирскихъ и архангельскихъ инородцевъ, что, если они, «исповѣдуя христіанскую вѣру, окажутся по невѣжеству виновными въ упущеніи церковныхъ обрядовъ, то они не подвергаются никакимъ за это взысканіямъ»; этихъ слабыхъ въ вѣрѣ законъ и охраняетъ при помощи поселенія ихъ въ случаѣ надобности въ отдѣльныхъ мѣстахъ или при помощи удаленія отъ нихъ оставшихся въ иновѣріи. Такъ, прежде всего «евреи, принявшіе христіанскую вѣру», «исключаются изъ прежнихъ обществъ и окладовъ» и приписываются къ другимъ обществамъ; «пріемлющіе св. крещеніе башкиры» «могутъ по собственному желанію» «перечисляться въ другія сословія и общества» безъ выполненія обычныхъ условій; далѣе, вообще «иновѣрцы языческаго или магометанскаго закона, воспріемлющіе св. крещеніе», перечисляемые изъ прежнихъ обществъ «по собственному ихъ избранію», «пс-

ключаются изъ прежнихъ званій и окладовъ»; и, наконецъ, въ случаѣ, если «между новокрещенными и иновѣрцами, въ однихъ селеніяхъ живущими, возникнутъ несогласія относительно владѣнія землями или соблазны относительно отправленія богослуженія, то, смотря по числу новокрещенныхъ и иновѣрцевъ, губернское начальство приглашаетъ ихъ переселиться въ особыя деревни». Вотъ и всѣ мѣры, при помощи которыхъ предупреждается возможность «соблазна», проистекающая изъ отношеній сосѣдства. Нельзя не признать эти мѣры довольно отрывочными и слабыми, съ точки зрѣнія религіозной полиціи, а слѣдовательно, и безполезными. Соблазнъ все же остается дѣйствовать по-прежнему вездѣ, гдѣ рядомъ существуютъ и государствомъ покровительствуемая протестантская кирка, и католическій костелъ, и буддійскій дацанъ, и еврейская синагога, и православная церковь. Такъ, одной рукой государство предупреждаетъ соблазнъ, а другой поддерживаетъ [1]).

Другой источникъ соблазна — это болѣе близкое общеніе домашняго сожительства, хозяйскаго сотрудничества, совмѣстной работы лицъ разновѣрныхъ. Здѣсь, дѣйствительно, опасность, съ точки зрѣнія нашего закона, очень велика: между лицами разныхъ религій, живущими вмѣстѣ, могутъ возникнуть религіозные споры и разсужденія, изъ ближайшаго знакомства не только съ вѣрой, но и нравственной жизнью лица могутъ возникнуть нежелательныя сближенія между праведностью жизни еретика и развратомъ правовѣрнаго, можетъ возникнуть нравственное вліяніе лицъ худшей вѣры на лицъ лучшей, можетъ возникнуть сомнѣніе въ нравственной цѣнности религіи, которая не можетъ удержать своихъ приверженцевъ ни отъ разврата, ни отъ лжи и т. д. Для полнаго предупрежденія подобной опасности, конечно, нужно бы вовсе запретить такое близкое сожительство подобныхъ лицъ. Но, опять-таки, это невозможно, и приходится запрещать отношеніе домашняго сотрудничества только въ наиболѣе «опасныхъ» случаяхъ. Такимъ по нашему праву является случай найма въ услуженіе лицами римско-католическаго духовенства «въ губерніяхъ западныхъ» «людей православнаго исповѣданія»; другихъ подобныхъ же безусловныхъ запрещеній мы не знаемъ. Но надо замѣтить, что наемъ православныхъ работни-

---

[1]) Уст. о ссыльн., ст. 498, п. 3; уст. о пред. и пресѣч., ст. 38, 42; уст. дух. дѣл. ин. испов., ст. 1702; т. IX, ст. 870, 964, 767; уст. о прям. налогахъ, ст. 520.

ковъ скопцами почти невозможенъ, такъ какъ здѣсь законъ дѣлаетъ хозяина отвѣтственнымъ даже за неизвѣстное хозяину самооскопленіе православнаго работника и возлагаетъ на хозяина обязанность постояннаго полового осмотра служащаго. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ постановленіемъ закона: «каждый хозяинъ-скопецъ, нанимающій работника, прислугу, сидѣльца, или принимающій къ себѣ въ домъ на житье, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, посторонняго человѣка или родственника, долженъ напередъ всего повѣрить» фактически, оскопленъ этотъ послѣдній или нѣтъ, если же этотъ послѣдній, при поступленіи въ домъ, окажется православнымъ, а «впослѣдствіи окажется, что сей послѣдній оскопленъ, между тѣмъ какъ въ паспортѣ или видѣ его того не оговорено, то хозяинъ предается суду, какъ оскопитель». Отсюда ясно, что хозяинъ-скопецъ постоянно долженъ свидѣтельствовать своего работника, постоянно осматривать его физическую неприкосновенность, въ противномъ случаѣ ему грозитъ каторга. Это постановленіе закона весьма замѣчательно. Но мы пока отмѣтимъ его въ томъ отношеніи, что оно фактически не допускаетъ пріема православныхъ въ домъ къ скопцамъ «въ предупрежденіе оскопленія молодыхъ людей, принимаемыхъ ими въ услуженіе», съ другой же стороны, и появленіе скопцовъ въ качествѣ рабочихъ у православныхъ тоже недопустимо, ибо «паспорты скопцамъ для отлучки въ другія мѣста не выдаются». Принятіе въ услуженіе евреями христіанъ закономъ допускается, но при условіи, что «евреямъ, нанимающимъ лицъ христіанскихъ исповѣданій, для постоянныхъ домашнихъ услугъ и домашнихъ работъ, воспрещается препятствовать напятымъ лицамъ въ чествованіи праздниковъ и исполненіи прочихъ религіозныхъ обязанностей». Такимъ образомъ, только въ первыхъ двухъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ предупрежденіемъ соблазна въ истинномъ смыслѣ слова, причемъ только скопцы въ Сибири и римско-католическое духовенство въ Западномъ краѣ оказываются столь опаснымъ элементомъ, что къ нимъ въ услуженіе православные не допускаются. Всѣ же остальные, какъ еретики вредныхъ сектъ, такъ и духовныя лица инославныхъ исповѣданій и иновѣрцы, очевидно, считаются нашимъ закономъ менѣе «соблазнительными» въ религіозномъ отношеніи. Основанія такого различія между лицами первыхъ категорій и всѣми прочими трудно уловимы. Неужели скопчество настолько же притягательно для православныхъ въ Сибири, какъ католичество

духовныхъ лицъ въ Западномъ краѣ? — Оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ [1]).

Брачное право у насъ также не избѣгло своеобразной религіозно-полицейской окраски, да иначе оно и не могло бы быть, такъ какъ «брачныя сопряженія» лицъ разновѣрующихъ, несомнѣнно, могутъ породить соблазнъ для оффиціальнаго исповѣданія одного изъ супруговъ или дѣтей, пропсходящихъ отъ такого брака. И хотя наши гражданскіе законы и высказываютъ, какъ общее положеніе, что «лицамъ вообще всѣхъ христіанскихъ исповѣданій невозбранно дозволяется вступать въ Россіи между собою въ браки по правиламъ и обрядамъ ихъ церквей», а нехристіанамъ разрѣшается вступать въ бракъ «по правиламъ ихъ закона или по принятымъ обычаямъ», но это общее положеніе подлежитъ весьма серьезнымъ и многимъ ограниченіямъ, полицейская цѣль которыхъ несомнѣнна. Такъ, при смѣшанныхъ бракахъ православныхъ съ христіанами иностраннаго исповѣданія «сіи браки» должны быть «вѣнчаны православнымъ священникомъ въ православной церкви», причемъ требуется, чтобы неправославные супруги передъ вѣнчаніемъ «дали подписку», что они не будутъ «склонять» своихъ православныхъ супруговъ «къ принятію своей вѣры», и что дѣтей отъ этого брака будутъ крестить и воспитывать «въ правилахъ православнаго исповѣданія», при самомъ же вѣнчаніи и неправославное лицо въ такихъ бракахъ подлежитъ уже не правиламъ своей церкви, а церкви православной. Самая форма подписки въ высшей степени замѣчательна: въ ней, во-первыхъ, говорится, что требованіе крестить дѣтей обязательно въ православіе есть исключительно постановленіе закона свѣтскаго («буду поступать согласно законамъ государства Россійскаго, т.-е. крестить и воспитывать ихъ въ православной вѣрѣ», а во-вторыхъ, исполненіе государственнаго закона ставится здѣсь какъ будто въ зависимость отъ наличности письменнаго обѣщанія—«подписки». Однако, мы знаемъ, на основаніи нашихъ основныхъ законовъ, что «поступать согласно съ законами государства» и безъ того обязанъ всякій россійскій поддан ный и никакая «подписка» не можетъ освободить его отъ этой обязанности, съ другой же стороны, незнаніемъ закона никто

---

[1]) Уставъ о пред. и пресѣч., ст. 78, 88; уставъ о паспорт. и бѣглыхъ, ст. 32; положеніе о видахъ на жительство, ст. I, примѣчаніе, пунктъ 8.

отговариваться не можетъ. Очевидно, «подписка» является здѣсь своего рода полицейскимъ напоминаніемъ или предупрежденіемъ, нѣчто вродѣ росписки въ томъ, что данное лицо ознакомлено съ лежащей на немъ особой обязанностью: дескать, о своей особой религіозно-юридической обязанности «читалъ» и «къ исполненію принялъ». Другого никакого смысла подобная «подписка» имѣть не можетъ и никакого обязательства въ юридическомъ смыслѣ не порождаетъ. Можно отнестись только съ величайшимъ осужденіемъ къ употребленію фикціи и формы обязательства тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ лежитъ въ основѣ безусловная государственная обязанность. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы даже неправославный супругъ православнаго лица не далъ никакой подписки, то разъ «законы государства» требуютъ, чтобы онъ крестилъ дѣтей въ православіе, то онъ долженъ ихъ крестить въ силу велѣнія закона, или, въ противномъ случаѣ, у него этихъ дѣтей отнимутъ для передачи православнымъ родственникамъ. И если институтъ «подписки» введенъ законодателемъ намѣренно, съ цѣлью создать фикцію добровольности тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ въ основѣ лежитъ принужденіе, то, во-первыхъ, эта фикція якобы добровольной подписки человѣка съ юридическимъ образованіемъ не обманетъ, а во-вторыхъ, съ своей стороны, компрометируетъ законъ и подрываетъ авторитетъ его велѣній. Только понимая «подписку», какъ мѣру полицейскаго предупрежденія въ буквальномъ смыслѣ слова, можно понять вообще ея значеніе. Подобную же «подписку» или «обязательство» мы встрѣчаемъ, во-первыхъ, въ томъ случаѣ, если жена или одна изъ женъ магометанина принимаетъ православіе и остается въ супружествѣ съ нехристіаниномъ — здѣсь «обязательство» даетъ, конечно, супругъ-нехристіанинъ; во-вторыхъ, когда обращается въ православіе одинъ изъ супруговъ-евреевъ,—здѣсь оба супруга даютъ «обязательство», одинъ въ томъ, что не будетъ препятствовать православію другого и дѣтей, а другой въ томъ, что онъ, наоборотъ, будетъ «тщательно имѣть попеченіе о приведеніи другого увѣщаніемъ» въ православную вѣру; въ-третьихъ, «обязательство» перваго рода даетъ и лицо магометанскаго или іудейскаго исповѣданія при вступленіи въ бракъ съ лицомъ исповѣданія евангелическаго — здѣсь одна сторона нехристіанская обязуется, «будучи готова» «подвергнуться строжайшему наказанію» за неисполненіе обязательства, не только не «совратить» другого

супруга или дѣтей, но и не «препятствовать имъ въ исповѣданіи христіанства». Эти всѣ «обязательства» имѣютъ, конечно, только указанное выше значеніе, особенно когда упоминается о «строжайшемъ наказаніи»; они ничего въ дѣлѣ не мѣняютъ, а являются только мѣрой предупрежденія о послѣдствіяхъ даннаго акта [1]).

Но, допуская смѣшанные браки лицъ нѣкоторыхъ исповѣданій, хотя и съ различными «подписками» и послѣдующими наказаніями за ихъ несоблюденіе, законъ, однако, не открываетъ этимъ самымъ полной возможности смѣшанныхъ браковъ въ предѣлахъ церковныхъ правилъ. Напротивъ того, есть смѣшанные браки, гдѣ ни подписка, ни угрожающая ослушнику кара не могутъ предотвратить возможности соблазна, вытекающаго изъ разновѣрія супруговъ; такіе браки запрещаются вовсе, несмотря на ихъ допустимость съ церковной точки зрѣнія; къ такой категоріи браковъ относятся браки православныхъ съ раскольниками: они закономъ запрещены. Раскольникъ или раскольница должны присоединиться до брака къ православію «съ присягой», и тогда только ихъ вѣнчаютъ съ лицомъ православнымъ, какъ православныхъ же. Что же касается браковъ православныхъ христіанъ и иновѣрцевъ съ раскольниками и сектантами, то эти браки закономъ не предусмотрѣны совершенно и юридически невозможны. Для нихъ нигдѣ закономъ не установлено надлежащихъ церковныхъ властей для законнаго бракосочетанія. Для этихъ лицъ, конечно, остается единственный исходъ—незаконное сожительство; эта форма сожитія и вообще никакимъ «подпискамъ» не подлежитъ; для незаконнаго сожитія возможно то, что невозможно для законнаго брака, здѣсь религіозный соблазнъ указаннымъ выше мѣрамъ предупрежденія не подлежитъ [2]).

Къ мѣрамъ предупрежденія религіозныхъ проступковъ, далѣе, безспорно принадлежатъ тѣ присяги и обязательства, которыя, во-первыхъ, отбираются у раскольниковъ, желающихъ вѣнчаться въ православной церкви, а во-вторыхъ, у всѣхъ лицъ, присоединяющихся къ православію. Первые даютъ обязательство подъ «присягою» «быть въ правовѣріи твердыми и съ раскольниками согласія не имѣть», вторые не только въ письменномъ показаніи «изъявляютъ рѣшительное намѣреніе присоединиться»

---

[1]) Т. X, ч. I, ст. 61, 90, 67; приложеніе, 80, 81; уст. дух. консист., 26, 27; уст. дух. д. иностр. испов., ст. 238.

[2]) Т. X, ч. I, ст. 33.

къ православной церкви, но и даютъ «обѣщаніе пребывать въ послушаніи ея всегда неизмѣнно». Подобныя «показанія», конечно, опять-таки не имѣютъ никакого юридическаго значенія, такъ какъ «твердость» въ православіи закономъ предписана абсолютно и притомъ не только всѣмъ рожденнымъ въ православіи, но и присоединившимся къ нему, а слѣдовательно, здѣсь никакое волеизъявленіе лица и никакое «показаніе» его не принимаются въ разсчетъ. «Присяга» раскольника, далѣе, также не имѣетъ и не можетъ имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій, такъ какъ ни 236 ст. улож. о нак., ни гражданскіе законы подобной присяги нигдѣ не предвидятъ и нарушеніе ея, какъ таковой, нигдѣ не караютъ. Точно также, конечно, и обѣщаніе, данное иновѣрцамъ при присоединеніи къ православію, лишено не только юридическаго, но и нравственнаго значенія: вѣра есть внутренній актъ души человѣческой, котораго никоимъ образомъ предвидѣть нельзя, а послушаніе церкви обусловливается прежде всего и исключительно вѣрой. Лицемѣрное послушаніе и то не можетъ быть обѣщано, потому что и противъ лицемѣрія совѣсть можетъ возмутиться совершенно для лица неожиданно, а послушаніе искреннее,—какъ можно его обѣщать, когда вѣра есть прежде всего дѣло Божественной воли, которую уже никакъ не предусмотрѣть. Развѣ Савелъ передъ обращеніемъ зналъ за пять минутъ, что онъ станетъ христіаниномъ?

Итакъ, о какомъ же послушаніи здѣсь идетъ рѣчь?

Неужели же и здѣсь мы встрѣчаемся съ удивительнѣйшей юридической фикціей, которая хочетъ оправдать послѣдующую кару за вѣроотступничество несоблюденіемъ quasi-юридическаго обязательства и тѣмъ прикрыть государственное принужденіе и наказаніе фикціей добровольности по извѣстному изреченію «volenti non fit injuria»? Но никакое обязательство здѣсь ни съ нравственной, ни съ юридической стороны невозможно, такъ какъ ни вѣра, ни лицемѣріе не есть предметы юридическихъ сдѣлокъ, а всѣ эти «присяги» и «обѣщанія» являются ни болѣе, ни менѣе какъ мѣрами полицейскаго предупрежденія, даже съ характеромъ религіозной угрозы (присяга). Иного значенія они не имѣютъ.

Другой вопросъ—насколько умѣстно подобное вторженіе въ область личной совѣсти вѣрующаго и насколько оно допустимо съ точки зрѣнія здравой религіозной политики. Теорія право-

вого государства высказывается безусловно противъ подобныхъ посягательствъ на совѣсть лица[1]).

Однако, говоря о различныхъ подпискахъ, обѣщаніяхъ, показаніяхъ и т. п. мѣрахъ религіозно-полицейскаго предупрежденія, нельзя пройти молчаніемъ тѣхъ чрезвычайно опасныхъ въ нравственномъ отношеніи послѣдствій, которыя они могутъ повлечь за собою. Невѣжественное и слабо развитое въ нравственномъ отношеніи населеніе весьма легко можетъ придать совершенно превратное значеніе всѣмъ вышеуказаннымъ подпискамъ и обязательствамъ. Подобные акты, особенно при одностороннемъ пониманіи духовенствомъ своихъ обязанностей, легко могутъ превратиться въ своего рода кощунственные договоры человѣка съ Богомъ о способѣ богопочитанія. Священникъ, отбирающій подписки о повиновеніи законамъ государства, о неизмѣнномъ послушаніи церкви, приводящій къ присягѣ на твердость къ правовѣрію, является въ глазахъ тайнаго и вѣрующаго человѣка не чиновникомъ гражданскаго состоянія, совершающимъ дѣйствія, не имѣющія никакого ни нравственнаго, ни юридическаго значенія, а служителемъ церкви, который является представителемъ Божества, говоритъ Его именемъ и для Него требуетъ или обѣщанія въ торжественной письменной формѣ, или даже клятвы передъ лицомъ Его.

Такъ, обѣщаніе, требуемое государствомъ, легко можетъ принять видъ обѣщанія, требуемаго церковью или Богомъ; такъ, государство какъ бы становится на мѣсто Господа и распоряжается тѣмъ, что принадлежитъ Ему и церкви; такъ, на совѣстливую душу богобоязненнаго человѣка двусмысленная форма «обязательства» можетъ взвалить невыносимое и тяжкое бремя совершенно невыполнимаго обѣщанія Богу и можетъ окончательно разбить и его вѣру, и его нравственную жизнь. Спрашивается, что долженъ пережить и перечувствовать раскольникъ, давшій отъ чистаго сердца присягу о «твердости» и затѣмъ чувствующій, что этой твердости у него болѣе въ душѣ нѣтъ, и никакими силами ее вернуть не можетъ? Что перечувствуетъ и перестрадаетъ какой-нибудь совѣстливый латышъ-протестантъ, давшій обѣщаніе о неизмѣнномъ послушаніи православной церкви и потомъ не имѣющій болѣе ни вѣры, ни силы, чтобы

---

[1]) Т. X, ч. I, ст. 33; уставъ дух. консист., ст. 25; уставъ пред. и пресѣч., ст. 36.

дѣйствительно оказать это послушаніе? Что имъ остается, какъ не полный индиферентизмъ или нравственная и религіозная апатія человѣка, который обманулъ Бога, далъ ему лживое обѣщаніе или клятву? И подобный результатъ весьма возможенъ, благодаря формѣ и способу взиманія подписокъ и обѣщаній; такъ разрушается религіозность тамъ, гдѣ мѣры полицейскаго предупрежденія должны оградить ее; такъ соблазнъ, предупреждаемый государствомъ съ одной стороны, въ неизмѣримо худшемъ видѣ насаждается имъ съ другой, и опасность безрелигіозности все болѣе возрастаетъ.

Предупреждая религіозные проступки и соблазны въ разновѣрной средѣ при помощи подписокъ и обязательствъ, нашъ законъ предвидитъ еще опасность для религіознаго порядка со стороны обращенія въ продажѣ и домашнемъ обиходѣ различныхъ предметовъ и символовъ «соблазнительнаго» характера. Въ виду этого, мы имѣемъ въ законѣ цѣлый каталогъ запрещенныхъ къ обращенію религіозныхъ предметовъ, которые подлежатъ безусловному изъятію и уничтоженію. Такъ, запрещаются вообще къ обращенію «иконы разныя и отливныя», иконы, на которыхъ изображены «одни символическіе» (образовательные) знаки, иконы «неискусно писанныя», «запрещается дѣлать и продавать какія-либо обыкновенныя вещи съ изображеніями священными, какъ-то печати и т. д.», запрещается привозить «изъ-за границы фарфоровыя и другія вещи въ сосудахъ и прочихъ издѣліяхъ, употребляемыя въ карманахъ, на столы и стѣнные уборы, если на нихъ представлены» «священныя изображенія»; даже цѣлыя отрасли промышленности не только подчиняются духовной цензурѣ, но и монополизируются въ рукахъ лицъ опредѣленной вѣроисповѣдной принадлежности; такъ, «лицамъ нехристіанскихъ вѣроученій воспрещается писаніе иконъ, изготовленіе крестовъ и другихъ подобныхъ сему предметовъ чествованія христіанъ, равно какъ и всякая вообще торговля всѣми означенными предметами», а «раскольники допускаются къ вступленію въ иконописные цехи» только «съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ». Таковы мѣры огражденія гражданъ отъ религіознаго соблазна при помощи запрещенія привоза, торговли и издѣлія опредѣленныхъ предметовъ и опредѣленнымъ лицамъ. Достигаютъ ли эти правила цѣли? На

это трудно отвѣтить утвердительно. Во-первыхъ, самая редакція закона до крайности обща и неопредѣленна: такъ, совершенно неизвѣстно, относится ли запрещеніе имѣть вышеуказанные предметы съ священными изображеніями только къ православнымъ, или только къ христіанамъ, или вообще ко всѣмъ жителямъ имперіи? Имѣетъ ли, далѣе, полиція, на основаніи даннаго закона, право повальнаго обыска для изъятія «въ домахъ» всѣхъ подозрительныхъ и неискусныхъ изображеній или запрещенныхъ украшеній? Точно также совершенно неопредѣленно, что такое считать священными изображеніями, — относится ли это понятіе ко всѣмъ культамъ или только къ нѣкоторымъ,—есть ли, напримѣръ, изображеніе Будды священное изображеніе въ смыслѣ закона или нѣтъ? Далѣе, въ какой степени недопустимы символы въ украшеніяхъ и орнаментахъ,—вспомнимъ хотя бы Агнца во Владимірскомъ соборѣ; наконецъ, возможно ли художнику-еврею писать иконы изъ Исторіи Ветхаго Завѣта? Есть ли Спаситель Антокольскаго изображеніе священное или нѣтъ? и т. д. На практикѣ всѣ подобныя постановленія закона, надо отдать имъ справедливость, примѣняются очень рѣдко и не могутъ быть проведены въ жизнь, благодаря своей полной неопредѣленности и неясности. Съ другой же стороны, надо замѣтить, вторженіе полиціи въ область художественно-религіознаго производства, въ цѣляхъ устраненія всякихъ священныхъ изображеній изъ украшенія жилищъ, предметовъ обихода и т. д., можетъ привести только къ полному уничтоженію христіанской орнаментистики, къ замѣнѣ ея фривольными амурами и голыми дѣвами и т. д. Неужели можетъ принести какой-нибудь вредъ даже православному человѣку изреченіе изъ евангелія на особомъ картонѣ, украшенное знаменіемъ чаши и креста и повѣшенное на стѣнѣ? Неужели поставленныя для украшенія комнаты фарфоровыя вазы менѣе соблазнительны съ миѳологической сценою паденія Леды, чѣмъ съ копіей Мадонны Рафаэля? Неужели христіанинъ, изъ боязни соблазна, долженъ выбросить вонъ статуэтку Святого, стоящую у него на столѣ, какъ украшеніе, и замѣнить ее статуей Венеры, выходящей изъ волнъ морскихъ, или деревяннымъ изображеніемъ Будды? Думаемъ, однако, что подобное опустошеніе христіанскаго жилища не могло быть въ цѣляхъ нравственно-религіознаго законодателя, и, тѣмъ не менѣе, именно къ такимъ результатамъ можетъ привести точное примѣненіе на практикѣ статей, изгоняющихъ

«священное изображеніе» изъ предметовъ украшенія стѣнъ и утвари христіанина. Этимъ путемъ можно только убить благочестивое христіанское искусство. Что же касается воспрещенія нехристіанамъ изготовлять и продавать предметы христіанскаго почитанія, то это запрещеніе, конечно, не имѣетъ особеннаго практическаго значенія: здѣсь статья закона опять-таки редактирована совершенно неопредѣленно; и очень легко обойти ее, хотя бы при помощи учрежденія акціонерной анонимной компаніи, комиссіонной торговли и т. д.; во всѣхъ этихъ случаяхъ вѣроисповѣданіе лицъ, участвующихъ въ предпріятіи, или неизвѣстно, или же совершенно недоступно полицейскому изслѣдованію. Только въ немногихъ случаяхъ этотъ законъ можетъ имѣть примѣненіе и притомъ только въ тѣхъ, гдѣ и безъ того, при существующей репрессіи, никакой соблазнъ христіанамъ не угрожаетъ [1]).

Слѣдующей областью всякаго религіознаго соблазна была бы, конечно, область непосредственнаго публичнаго общенія людей, если бы таковая у насъ существовала. Если бы наше право знало хотя бы что-нибудь похожее на свободныя собранія единомышленниковъ или разновѣрующихъ, которыя сплошь и рядомъ созываются заграницей для обсужденія различныхъ нравственныхъ или религіозныхъ вопросовъ, то, конечно, религіозной полиціи предупрежденія пришлось бы и здѣсь выступить съ соотвѣтственными мѣропріятіями. Но такъ какъ у насъ никакого права публичнаго общенія вообще не существуетъ, то, само собою разумѣется, и никакихъ собраній съ цѣлью свободнаго обсужденія какъ догматическихъ, такъ и нравственно религіозныхъ вопросовъ у насъ не имѣется. Законъ у насъ прямо говоритъ: «запрещается всѣмъ и каждому» не только «заводить и вчинать въ городѣ общество, товарищество, братство», но даже просто какое бы то ни было «иное подобное собраніе безъ вѣдома и согласія правительства», а такъ какъ правительствомъ нигдѣ и никому въ Россійской имперіи такого «согласія» на свободныя публичныя собранія для обсужденія религіозныхъ вопросовъ не дано и не указано даже способа, коимъ должно это согласіе испрашивать, то и выходитъ, что подобныя собра-

---

[1]) Уставъ о пред. и пресѣч., ст. 91 · 102.

нія, въ силу велѣній закона, вещь невозможная. Эта мѣра предупрежденія общей полиціи, конечно, настолько радикальна, что здѣсь говорить спеціально о религіозно-полицейскомъ предупрежденіи уже не приходится. Что же касается удовлетворенія той нравственной потребности, которая въ правовомъ государствѣ заставляетъ гражданъ тратить массу времени, энергіи, труда на взаимное выясненіе величайшихъ вопросовъ жизни и духа, которая увлекаетъ высшимъ нравственнымъ интересомъ всѣ слои общества и подготовляетъ для отдѣльныхъ обществъ и горячихъ приверженцевъ, и просвѣщенныхъ помощниковъ, и самоотверженныхъ работниковъ, то эта потребность, надо сознаться, у насъ остается совершенно безъ удовлетворенія. Лучшія нравственныя силы общества или погрязаютъ въ полномъ религіозномъ индиферентизмѣ, или, въ лучшемъ случаѣ, осуждены на поднадзорную и пассивную роль ненужныхъ и всегда сомнительныхъ радѣтелей не по разуму. Если же, не имѣя нормальнаго и благотворнаго для нравственной жизни страны выхода, наши религіозные энтузіасты, отвернувшись отъ казеннаго благочестія, замыкаются въ тайныя религіозныя сообщества, то здѣсь, естественное дѣло, ихъ ожидаетъ самая печальная судьба: они легко подпадаютъ обвиненію въ тяжеломъ преступленіи илп по 318, или 196 ст. улож. о нак. и, конечно, погибаютъ для страны безвозвратно. Невольно напрашиваются на сравненіе тѣ порядки западно-европейскаго строя, которые создаютъ тамъ для служенія нравственнымъ и религіознымъ цѣлямъ цѣлыя арміи всевозможныхъ нравственно-христіанскихъ союзовъ молодежи и зрѣлыхъ лицъ, сельчанъ и фабричныхъ рабочихъ, порождаютъ безчисленныя общества христіанской, нравственной и соціальной помощи, дѣлаютъ, наконецъ, такой интенсивной «внутреннюю миссію» церковныхъ обществъ среди крещеныхъ европейскихъ язычниковъ и т. д. Юристъ, занимающійся вопросомъ о религіозной полиціи, не можетъ не отмѣтить подобныхъ результатовъ религіозной свободы [1]).

Печатное слово религіознаго мыслителя у насъ хотя и допустимо, но обставлено такими путами духовной цензуры, которыя не только справедливо вызываютъ удивленіе нашихъ

---

[1]) Уставъ о пред. и пресѣч., ст. 116, 118; улож. о нак., ст. 318.

государствовѣдовъ, но и до такой степени охватываютъ своей сѣтью не только каждую мысль, но даже каждое отдѣльное выраженіе писателя, что воистину надо удивляться, какъ еще могутъ работать наши сколько-нибудь самостоятельные церковные и свѣтскіе изслѣдователи религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ. Мы здѣсь, конечно, не говоримъ о той спеціально-церковной цензурѣ, которая хранитъ чистоту вѣроученія въ тѣснѣйшемъ кругу каждаго отдѣльнаго церковнаго общества. Въ этомъ отношеніи у насъ существуетъ цензура православная, римско-католическая, протестантская и армянская для тѣхъ религіозныхъ изданій, которыя издаются отдѣльными обществами или же идутъ на потребу именно ихъ самихъ и ихъ членовъ по непосредственной рекомендаціи духовенства. Эта предварительная цензура, говоря словами закона, имѣетъ цѣлью «разсматриваніе церковныхъ догматическихъ, гомилетическихъ и прочихъ духовнаго содержанія книгъ» опредѣленнаго исповѣданія. Такую же цензуру осуществляетъ, конечно, и православное исповѣданіе надъ книгами именно этого исповѣданія. Если бы законъ ограничился только этими видами конфессіональной цензуры для книгъ опредѣленнаго исповѣданія, мы не могли бы и говорить о духовной цензурѣ, какъ установленіи общей религіозной полиціи. Но именно дѣло въ томъ, что у насъ, кромѣ чисто-конфессіональной цензуры, есть еще цензура «духовная» вообще, которой подлежатъ всѣ книги сколько-нибудь духовнаго и нравственнаго содержанія. Эта цензура осуществляется при помощи свѣтскихъ и духовныхъ органовъ. Свѣтская цензура, прежде всего, разсматривая не только всѣ «произведенія словесности, наукъ и искусствъ», но и духовныя книги неправославныхъ исповѣданій, запрещаетъ всѣ эти произведенія, если въ нихъ имѣется «что-либо клонящееся къ поколебанію ученія православной церкви, ея преданій и обрядовъ или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры». Отсюда ясно, что уже общая свѣтская цензура у насъ является въ качествѣ религіозной и по содержанію конфессіональной въ православномъ духѣ. Буквальный смыслъ приведенныхъ положеній закона просто страшенъ по своей чрезвычайной широтѣ и растяжимости понятій, по своей полной неопредѣленности. Спрашивается прежде всего, что считать въ духовныхъ книгахъ неправославнаго исповѣданія «клонящимся къ поколебанію» вышеуказанныхъ началъ, когда эти книги цѣликомъ представляютъ изъ себя «поколебаніе» и

ученій, и обрядовъ, и преданій православія? Какъ должна отнестись общая цензура къ какому-нибудь еврейскому, магометанскому или буддійскому катехизису? Вѣдь эти книги не менѣе сплошное «поколебаніе» самого, защищаемаго цензурой, христіанства, его «истинъ» и «догматовъ»! Или провозглашеніе единаго, истиннаго Іеговы евреевъ, единаго, истиннаго Аллаха магометанъ и его единаго истиннаго пророка Магомета не есть вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніе христіанства? Но что же въ такомъ случаѣ значитъ «клонящееся къ поколебанію»? Или провозглашеніе непогрѣшимости римскаго первосвященника не есть поколебаніе православной церкви, а признаніе католическаго символа вѣры не есть отрицаніе всякаго другого, какъ схизматическаго или еретическаго? Или можно любому православному помѣшать пріобрѣсти въ любой книжной лавкѣ всѣ эти духовныя неправославныя книги, гдѣ отрицается и истина христіанства, и истина православія? Или можно цензору вычеркнуть «красными чернилами» всѣ неправославныя ученія изъ иностранныхъ духовныхъ книгъ? Но думаемъ, что все это вещи совершенно невозможныя, что наша цензура должна прямо въ силу основныхъ законовъ Имперіи пропускать въ неправославныхъ духовныхъ книгахъ все то, что на самомъ дѣлѣ клонится къ поколебанію и православной церкви или даже христіанства. Съ такой точки зрѣнія, запрещенію цензуры долженъ бы прежде всего подлежать XI томъ свода законовъ, гдѣ духовныя общества иностранныхъ христіанъ нигдѣ не именуются обществами еретиковъ, а вездѣ «церковью», гдѣ инославныя духовныя лица нигдѣ не называются «самозванцами», а вездѣ священниками, и самое ученіе ихъ называется не еретическимъ лжеученіемъ, а христіанскимъ вѣроученіемъ... Единственный результатъ такого общаго опредѣленія закона, которое дано въ п. 1 ст. 4-ой ценз. уст., въ связи со ст. 34 того же устава, заключается въ установленіи цензурныхъ требованій въ отношеніи къ духовнымъ книгамъ неправославныхъ исповѣданій не по закону, а по произволу, потому что тамъ, гдѣ законъ устанавливаетъ почти безграничную растяжимость своихъ требованій, тамъ ихъ мѣру устанавливаетъ администрація исключительно по своему усмотрѣнію. Что касается затѣмъ требованій религіозной цензуры, поскольку ей подлежатъ всѣ «произведенія словесности, наукъ и искусствъ», то нельзя не признаться относительно нея, что и здѣсь понятіе «чего-либо клонящагося къ поколебанію» юри-

дически совершенно неуловимо; и хотя въ цензурномъ уставѣ мы и встрѣчаемъ нѣкоторыя поясненія этого понятія, но, къ сожалѣнію, они совершенно дѣлу не помогаютъ; такъ, въ уставѣ сказано, что «во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати слѣдуетъ не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіанскихъ исповѣданій», и даже «цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію», однако, нельзя не замѣтить, что, во-первыхъ, «нарушеніе должнаго уваженія» является только частью «чего-либо клонящагося къ поколебанію», а во-вторыхъ, присоединеніе къ требованіямъ «благонамѣренной» религіозности еще «благонамѣреннаго» и притомъ «истиннаго любомудрія» расширяетъ еще болѣе и безъ того широкое понятіе «клонящагося къ поколебанію», а, слѣдовательно, это послѣднее скорѣе затемняетъ, чѣмъ разъясняетъ. Такимъ образомъ, данное понятіе остается по-прежнему въ высшей степени гибкимъ и широкимъ и допускающимъ самое широкое примѣненіе въ рукахъ человѣка столь твердыхъ убѣжденій, какимъ былъ хотя бы блаженной памяти Магницкій. И въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ произведеніи науки и искусства не сокрыто «что-либо клонящееся къ поколебанію», гдѣ возможно найти столь благонамѣренное сочиненіе, что въ немъ нельзя бы было отыскать, при желаніи, злыхъ сѣмянъ «дерзкаго мудрованія» или ложнаго «любомудрія», гдѣ цензоръ, даже «не останавливаясь на частныхъ неисправностяхъ, требующихъ только небольшой перемѣны», не заподозрилъ бы, при желаніи, вредный, колеблющій «ученіе» православія или «истины христіанства», «духъ и направленіе» книги? Нельзя при этомъ не обратить вниманія и на то обстоятельство, что ни православіе, ни христіанство не исчерпываются отдѣльными обрядами, или же отрывочными даже текстами, это само по себѣ цѣлая система міровоззрѣнія, проникнутая единствомъ религіозной мысли, имѣющая и свою этику, и эстетику, и свою натуръ-философію, и свой соціально-политическій катехизисъ. Гдѣ же теперь, спрашивается, кончается истинное любомудріе «благонамѣренное», не содержащее въ себѣ ничего «клонящагося къ поколебанію», и гдѣ «неблагонамѣренное» «дерзкое мудрованіе, построенное не «на познаніи Бога, природы и человѣка»

или «клонящееся къ поколебанію»? Кто можетъ на это отвѣтить? Ужъ, конечно, не законъ, а опять-таки добрая воля цензуры, которая опредѣляется всевозможными случайностями и субъективными настроеніями. Увѣщаніе устава цензорамъ «отправлять свою должность», «не увлекаясь никакими личными видами, пристрастіемъ или предубѣжденіемъ», конечно, дѣлу не поможетъ. Тамъ, гдѣ законъ отказывается дать точное опредѣленіе, его мѣсто необходимо занимаетъ произволъ.

Свѣтская цензура, ограждая православіе и христіанство отъ поколебанія и являясь, въ этомъ отношеніи, цензурой религіозной, имѣетъ въ частности полномочія духовной цензуры по разсмотрѣнію книгъ, относящихся «къ нравственности вообще»; въ отношеніи къ этимъ книгамъ, конечно, религіозный критерій получаетъ особое значеніе, и здѣсь различеніе благонамѣренности и неблагонамѣренности становится особой задачей цензуры. Въ особенности же христіанскія, а въ частности православныя, полномочія свѣтской цензуры получаютъ свое развитіе, когда въ подобной книгѣ, относящейся «до нравственности вообще», встрѣчаются разсужденія, подкрѣпленныя «ссылкою на священное писаніе или приведеніемъ словъ изъ онаго, какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на иностранномъ. Здѣсь свѣтская цензура, въ приложеніи православнаго критерія, уже какъ бы соперничаетъ съ духовной цензурой православнаго вѣдомства и является ея свѣтскимъ органомъ.

Однако, законъ не предоставляетъ одной свѣтской цензурѣ охраненія началъ православія и христіанства въ обширномъ морѣ всевозможныхъ произведеній словесности, наукъ и искусства. На помощь свѣтской цензурѣ призываются еще лица и учрежденія православнаго духовнаго вѣдомства, которыя, такимъ образомъ, составляютъ высшую инстанцію всероссійской религіозной цензуры. Отсюда же вытекаетъ и двоякая роль православнаго духовнаго вѣдомства: съ одной стороны, оно вѣдаетъ спеціально духовныя книги православнаго исповѣданія, съ другой—оно осуществляетъ функцію высшей общегосударственной цензуры. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ духовная цензура выступаетъ, во-первыхъ, когда разсмотрѣнію цензуры подлежатъ «книги собственно духовнаго содержанія», а къ нимъ законъ причисляетъ не только «заключающія въ себѣ изложеніе догматовъ вѣры»,—причемъ даже не сказано, какой вѣры,—«толкованія священнаго писанія», «проповѣди», но и

книги «т. п.», т.-е. тому подобныя, при условіи, если онѣ написаны на славянскомъ и русскомъ языкахъ. Изъ редакціи данной статьи, прежде всего, совершенно неясно, подлежатъ ли написанныя на русскомъ языкѣ духовныя книги иностранныхъ исповѣданій этой цензурѣ уже послѣ разсмотрѣнія ихъ общей свѣтской цензурой, или нѣтъ. На основаніи данныхъ практики, вопросъ рѣшается здѣсь въ отрицательномъ смыслѣ, хотя приведенное опредѣленіе устава не даетъ для этого никакихъ основаній. Затѣмъ невольно наводитъ на раздумье терминъ «и т. п.» въ перечисленіи книгъ «собственно духовнаго содержанія»; этотъ терминъ дѣлаетъ границы между книгами собственно и несобственно духовнаго содержанія до крайности шаткими и безусловно отдаетъ въ распоряженіе православной, духовной цензуры всю духовную мысль страны. Во-вторыхъ, церковной цензурѣ православнаго вѣдомства, какъ цензурѣ обще-государственной, подлежатъ тѣ части книгъ обще-нравственнаго содержанія, которыя представляютъ собою «мѣста совершенно духовнаго содержанія, относящіяся или къ догматамъ вѣры» (какой?), «или къ священной исторіи», и въ этомъ опредѣленіи закона опять-таки понятіе вѣры не опредѣлено совсѣмъ, и можно думать, что и мѣста, относящіяся къ ламайской или еврейской вѣрѣ, тоже подлежатъ православной духовной цензурѣ.

Въ-третьихъ, духовной цензурѣ подлежатъ тѣ книги, относительно которыхъ «можетъ возникнуть» въ свѣтской цензурѣ «сомнѣніе, не подлежитъ ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію той цензуры, хотя бы по прямому закону она и должна поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры». Этотъ случай передаетъ факультативно часть религіозной цензуры отъ свѣтскихъ ея органовъ церковнымъ по рѣшенію этихъ первыхъ.

И, удивительное дѣло, способъ разсмотрѣнія духовною цензурою спеціально книгъ «православнаго исповѣданія» и вообще книгъ духовнаго содержанія совершенно одинаковъ; другими словами, законъ совершенно не различаетъ двоякой задачи церковной православной цензуры, и тѣ требованія, которымъ подлежатъ исключительно церковныя, догматическія, гомилетическія и другія книги чисто-конфессіональнаго содержанія православной церкви,—тѣ же требованія предъявляются православной духовной цензурой—уже въ качествѣ общегосударственной религіозной цензуры—безусловно ко всѣмъ не- или

интерконфессіональнымъ, религіозно-философскимъ, религіозно-историческимъ и духовно-нравственнымъ сочиненіямъ, которыя менѣе всего могутъ имѣть въ виду православную догму, православные каноны, православную церковь, православную христіанскую этику и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, такъ—если съ одной стороны церковной православной цензурѣ подлежатъ сочиненія и переводы, касающіеся «церковнаго служенія и жизнеописанія святыхъ», «догматовъ православной церкви» и вообще относящіеся «къ православному исповѣданію», то, съ другой, ей же подлежатъ и тѣ сочиненія и переводы, которые относятся вообще къ «церковному управленію» и къ «церковной исторіи», которые содержатъ въ себѣ «духовныя разсужденія» «духовнаго и христіанскаго содержанія», касаются «правилъ и основаній христіанскаго нравоученія», «истинъ, относящихся къ основаніямъ христіанской вѣры», или даже, наконецъ, «религіи вообще». Этотъ исчерпывающій списокъ, конечно, дополнять нечего, онъ цѣликомъ охватываетъ всѣ проявленія русской, церковно-исторической, канонической, духовно-нравственной и религіозно-философской мысли и отдаетъ ее на предварительную цензуру православнаго вѣдомства. А это влечетъ за собой чрезвычайно важныя послѣдствія. И первымъ результатомъ является то, что чисто-конфессіональный критерій, вполнѣ умѣстный въ сферѣ опредѣленной церкви, выходитъ изъ этихъ естественныхъ предѣловъ и распространяется на всю русскую религіозную и духовную литературу. И, надо имъ отдать справедливость, эти требованія таковы, что, при желаніи, они могутъ убить всякое проявленіе самостоятельной религіозной или духовно-нравственной мысли въ Россіи, если она не носитъ узко-конфессіональной православной окраски.

Такъ, «достоинство» всѣхъ «сочиненій, предназначенныхъ для общественнаго употребленія», «состоитъ въ важности и истинѣ мыслей, сообразныхъ съ ученіемъ церкви»—разумѣется, православной.

«Изъясненія священнаго писанія» «должны быть согласованы съ ученіемъ церкви и святыхъ отцовъ»; «сочиненія, въ которыхъ «приводятся въ сомнѣніе важныя истины вѣры или постановленія православной церкви, какъ неблагонамѣренныя», не пропускаются.

Переводы, «хотя не противные первымъ основаніямъ христіанства, но и не совсѣмъ согласные съ ученіемъ православ-

ной церкви», или не пропускаются вовсе, или пропускаются, «за исключеніемъ таковыхъ мѣстъ».

Даже переводъ, въ которомъ изложена система «ученія какого-либо иного вѣроисповѣданія», пропускается только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ сопровожденъ «здравою критикою», и въ предисловіи будетъ указана вѣроисповѣдная принадлежность сочинителя книги.

Казалось бы, эти постановленія закона вполнѣ обезпечиваютъ желаемое направленіе всей духовной литературы на русскомъ языкѣ. Однако, здѣсь законъ, которому, кстати замѣтить, черезъ 28 лѣтъ исполнится столѣтіе со времени его существованія, идетъ значительно дальше. Проникнутый вѣрою въ необходимость всесторонней цензурной опеки, олицетворяя собою тѣ принципы, которые были порождены въ началѣ XIX вѣка могущественной христіанской реакціей, онъ снабжаетъ духовныхъ цензоровъ еще болѣе широкими полномочіями, чѣмъ тѣ, съ которыми мы уже познакомились выше. Законъ поручаетъ православной церковной цензурѣ не болѣе и не менѣе, какъ цензуру научной основательности, нравственной чистоты, художественной законченности и политической благонамѣренности: такъ, церковная цензура, становясь общегосударственной, вмѣстѣ съ тѣмъ получила и такія правила для разсмотрѣнія сочиненій духовнаго характера, которыя далеко выходятъ изъ предѣловъ православнаго или даже общехристіанскаго критерія.

Такъ, подлежатъ пропуску цензуры только тѣ сочиненія духовнаго содержанія, которыя содержатъ въ себѣ: или «основательное» изслѣдованіе и изложеніе предмета, «къ основаніямъ» вѣры и церкви относящагося, или «основательное же», «изложеніе истинъ умозрительнаго и дѣятельнаго христіанства»; также «одобряется» и «основательное изслѣдованіе предметовъ», не только «описывающихъ обряды», но и касающихся спеціально «вопросовъ филологическихъ, историческихъ, хронологическихъ и другихъ, къ христіанскимъ «древностямъ относящихся»; одобряется также не менѣе «основательное» «изложеніе церковной исторіи», «основательное же собраніе, изъясненіе и совокупленіе правилъ церковнаго управленія»; однимъ словомъ,—послѣ требованій, чисто-конфессіональныхъ требованій «основательности мыслей», есть слѣдующія, которыми должна руководствоваться духовная цензура, въ особенности,

конечно, при разсмотрѣніи научныхъ сочиненій. Такъ, православная русская цензура является высшимъ судьей научной цѣнности и достоинства книгъ духовнаго содержанія.

Не менѣе строги и требованія цензуры относительно нравственныхъ свойствъ данныхъ произведеній. Такъ, не только жизнеописанія святыхъ должны быть представлены въ соотвѣтственно «чистомъ духѣ», а сочиненія о церковномъ служеніи должны заключать въ себѣ «чистыя и назидательныя мысли» и «чувствованія», но и чисто-научныя сочиненія по основаніямъ вѣры и церкви, по христіанской философіи, исторіи религій и церкви, по церковному праву, даже по вопросамъ филологическимъ и хронологическимъ, должны отличаться благонамѣренностью и назидательностью; сочиненія же «съ большими недостатками» въ «чистотѣ христіанскихъ чувствъ» не должны быть одобряемы. И это требованіе чистоты чувствъ идетъ даже такъ далеко, что опроверженіе «погрѣшительныхъ» и «ложныхъ» толкованій св. писанія должно носить характеръ «скромнаго показанія».

Но еще болѣе обширны тѣ задачи художественной критики, которыя законъ возлагаетъ на наше православное духовенство; такъ, церковнымъ цензорамъ поручается блюсти «о чистотѣ слога, ясности и правильности изложенія», о томъ, чтобы изложеніе исторіи было «доброе по языку», чтобы «языкъ поученій» былъ «приличный предметамъ» изложенія, наконецъ, чтобы въ переводахъ не было мѣста «темнотѣ, погрѣшностямъ, нечистотѣ языка и безразсуднымъ опущеніямъ, нарушающимъ связь сочиненія». Даже новые переводы книгъ, уже изданныхъ, одобряются только въ томъ случаѣ, если они «полнѣе» или «исправнѣе прежнихъ».

Такъ резюмируетъ цензурный уставъ свои требованія: «сочиненія большія и малыя, съ большими недостатками въ основательности мыслей, чистотѣ христіанскихъ чувствъ, добротѣ слога, ясности и правильности изложенія, противны образованнымъ, безполезны необразованнымъ и вредны образующимся и потому не должны быть одобряемы». Къ этому положенію закона, конечно, юридическій комментарій излишенъ. Здѣсь устанавливается безграничное усмотрѣніе цензурной власти, опредѣляемое исключительно тѣми или другими чисто-фактическими обстоятельствами. И вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, русская оригинальная и переводная литература по высшимъ во-

просамъ религіозной и духовной жизни человѣка цѣликомъ опредѣляется по своему содержанію только степенью того или другого попущенія цензора, такъ какъ цензура, признавая, что никакое человѣческое «сочиненіе не можетъ быть совершенно», руководствуясь, все-таки, при ихъ разсмотрѣніи, «благоразумнымъ снисхожденіемъ» [1]).

Итакъ, безусловно «всѣ духовныя сочиненія на россійскомъ языкѣ и всѣ переводы на сей языкъ, кѣмъ бы оные ни были составлены», подлежатъ русской религіозной и, въ частности, духовной цензурѣ. Но какъ же дѣло обстоитъ съ книгами на иностранныхъ языкахъ? Въ цензурномъ уставѣ прямо сказано, что изъ книгъ этой послѣдней категоріи только книги, спеціально издаваемыя «по вѣдомству православнаго исповѣданія», подлежатъ духовной цензурѣ; всѣ же остальныя подлежатъ цензурѣ иностранной.

Такимъ образомъ, на эту послѣднюю законъ возлагаетъ обязанность религіозной цензуры по всѣмъ остальнымъ произведеніямъ духовнаго содержанія на иностранныхъ языкахъ. Сравнительно съ цензурой духовной, иностранная цензура гораздо болѣе ограничена отрицательной, предупредительной цѣлью, ея требованія болѣе опредѣленны и менѣе суровы, способъ ея разсмотрѣнія болѣе широкъ и терпимъ. Такъ, вообще здѣсь «болѣе еще, нежели во внутренней цензурѣ», принимаются во вниманіе при разсмотрѣніи книгъ «цѣль оныхъ», «духъ и намѣреніе автора», при этомъ, «не принимая всѣхъ его выраженій въ тѣсномъ смыслѣ». Не подвергаются запрещенію здѣсь и «философскія системы и изслѣдованія, не заключающія въ себѣ ничего противнаго общимъ цензурнымъ правиламъ». Пропускаются, далѣе, книги «духовнаго содержанія», если въ нихъ заключаются и «умствованіе и мнѣніе», не «противныя главнымъ началамъ христіанской вѣры», не «опровергающія ученія православной церкви» и не «ведущія къ безбожію, матеріализму, неуваженію св. писанія и т. п.». Разрѣшаются къ пропуску ученія «всякой христіанской церкви иного исповѣданія», если они изложены съ благонамѣренностью и скромностью и не содержатъ «опроверженій» православія. Съ разрѣшенія же высшаго цензурнаго начальства могутъ быть допущены въ Россіи

---

[1]) Уст. ценз. ст. 4, п. I, ст. 34, 31, 32, 33, 93, 94, 214, 216, 227, 250, 263, 264—269.

даже книги, содержащія «предосудительныя мнѣнія», приведенныя изъ другой книги и снабженныя или «изъявленіемъ справедливаго негодованія», или только «искреннимъ намѣреніемъ опровергнуть оныя собственными разсужденіями и доводами автора».

Таковы сравнительно болѣе умѣренныя требованія иностранной религіозной цензуры, и за всѣмъ тѣмъ нельзя не замѣтить, что они открываютъ, все-таки, слишкомъ широкое поле свободному, а вмѣстѣ съ тѣмъ и субъективному, усмотрѣнію цензора. И здѣсь мы встрѣчаемся съ такими неуловимыми терминами, какъ, напримѣръ, «ученія, ведущія къ матеріализму», и съ такими широкими требованіями, какъ благонамѣренности и скромности въ изложеніи инославной догмы, съ такими задачами цензора, какъ проникновеніе въ искренность автора и т. д. И если, вообще говоря, иностранная цензура мягче внутренней и, безъ сравненія, духовной, то, вѣдь, и опасность для правовѣрія здѣсь невелика: слишкомъ еще мало у насъ читаютъ серьезныя книги на иностранныхъ языкахъ, и слишкомъ мала опасность совращенія въ иностранную ересь для нашихъ образованныхъ классовъ, владѣющихъ языками [1]).

Такова наша русская религіозная цензура въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ, таково это важнѣйшее орудіе въ дѣлѣ религіозно-политическаго предупрежденія.

Какъ мы видѣли выше, наша религіозная цензура, прежде всего, отнюдь не можетъ быть названа терпимой и обще-гуманитарной. Она отнюдь не имѣетъ своей цѣлью охрану тѣхъ началъ взаимной терпимости различныхъ исповѣданій, которыя провозглашены нашими основными законами. Еще менѣе она имѣетъ цѣлью общую защиту религіи и нравственности въ странѣ, независимо отъ того, насколько истинна или неистинна та или другая религія, насколько нравственность проникнута тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ духомъ и направленіемъ. Такого принципа наша религіозно-духовная цензура не знаетъ. Она вся построена на основаніяхъ не вѣротерпимыхъ, а исключительныхъ. Она признаетъ только одну религію и одно религіозное начало заслуживающимъ защиты. Мало этого, только книги, проникнутыя этимъ началомъ, написанныя въ этомъ именно духѣ, однѣ пропускаются на рынокъ, однѣ получаютъ

---

[1]) Уст. ценз. ст. 216, 181—186.

распространеніе среди религіозно-мыслящихъ русскихъ подданныхъ. И истина эта—истина господствующей религіи, и начало это—начало христіанской духовной мысли вообще.

Для того, чтобы опредѣлить, какую роль играетъ начало христіанства вообще въ качествѣ цензурнаго критерія рядомъ съ тѣсно-церковнымъ принципомъ православія, попробуемъ опредѣлить тѣ границы, которыя полагаетъ цензурный уставъ тому иностранному христіанству, которое, будучи христіанскимъ, тѣмъ не менѣе является неправославнымъ. И въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ приведенныхъ выше положеній закона, не можетъ быть никакихъ сомнѣній. И если иностранная религіозная цензура на иностранныхъ языкахъ можетъ пропустить «скромное» и «благонамѣренное» изложеніе инославной догмы, послѣ тщательнаго удаленія изъ нея всякихъ «опроверженій» православія, то на русскомъ языкѣ и подавно цензура вычеркнетъ изъ нея все только «клонящееся къ поколебанію» православія, а если эта книга не строго конфессіональная, а только «духовнаго содержанія» въ опредѣленномъ христіанскомъ направленіи, то она уже подвергнется воздѣйствію нашей духовной цензузы, которая провѣритъ и «основательность» ея мыслей, и «чистоту чувствъ», и «чистоту языка», съ ясностью изложенія, и, наконецъ, степень ея христіанскаго духа и благонамѣренность направленія. Эта цензура, даже подъ видомъ «благонамѣреннаго и основательнаго изслѣдованія», откроетъ, можетъ быть, что-нибудь, приводящее «въ сомнѣніе» постановленіе православной церкви, и, конечно, послѣ этого данное сочиненіе будетъ носить всѣ признаки истинно-христіанскаго направленія и будетъ допущено къ обращенію; но, спрашивается, что останется въ немъ тогда отъ его инославнаго характера и окраски? Судя по требованіямъ закона—ничего; фактически можетъ быть иначе, но это дѣла не мѣняетъ; по праву, наша цензура можетъ устранить изъ инославнаго произведенія все инославное и тѣмъ превратить его въ православное. Отсюда же вытекаетъ и еще интересное ограниченіе къ нашимъ законамъ о вѣротерпимости: эта послѣдняя отнюдь не должна быть понимаема въ смыслѣ терпимости цензурой, какъ свобода не только молиться въ дозволенныхъ храмахъ, но и свобода печатно выражать свои религіозныя или духовно-нравственныя воззрѣнія, издавать научные и философскіе труды въ инославномъ духѣ. Наша вѣротерпимость уста-

навливаетъ только свободу богослуженія и молитвы. Въ области духовной мысли она ставитъ своимъ принципомъ не начало вѣротерпимости, а опредѣленнаго конфессіональнаго направленія, и только это направленіе имѣетъ право на свободу. Всякое иное христіанское печатное слово или должно молчать, или говорить такъ, какъ это ему укажетъ общегосударственная цензура, признающая только одну истину, одну вѣру, одну религію безспорно христіанской и допускающая голосъ другихъ христіанскихъ религій только въ тѣхъ предѣлахъ, которые разрѣшаются ей или въ силу необходимости, или «по снисхожденію». Этимъ, конечно, инославное христіанство замыкается въ крайне узкіе предѣлы чисто-церковной жизни и совершенно лишено возможности принести свою лепту обще-духовному, обще-религіозному и нравственному развитію страны. Этимъ же устанавливается и привилегированный источникъ всей духовной мысли государства, опредѣляется кругъ идей, которыя однѣ свободно должны питать все народное сознаніе; этимъ одна истина признается единственно истинной, плодотворной и юридически допустимой.

Послѣ сказаннаго, само собою разумѣется, о какомъ бы то ни было свободномъ развитіи религіозной нехристіанской мысли и говорить не приходится. Ея вѣками накопленныя сокровища духовнаго содержанія, своеобразной и подчасъ глубокой мысли, этики, возвышающейся иногда до уровня христіанской, все это, конечно, доступно русской мыслящей публикѣ только настолько, насколько оно можетъ уцѣлѣть послѣ пропуска чрезъ общехристіанскій и, въ частности, вѣроисповѣдный фильтръ нашей религіозной цензуры.

Подобное положеніе вещей имѣетъ еще другую интересную сторону. А именно: вполнѣ въ согласіи съ тѣмъ, что мы говорили въ предшествующихъ очеркахъ о междуисповѣдныхъ отношеніяхъ, и здѣсь въ цензурныхъ правилахъ выступаетъ та тенденція, которая выражена въ положеніи, что только «одна господствующая» церковь имѣетъ право «убѣждать» всѣхъ остальныхъ гражданъ имперіи «къ принятію ея ученія о вѣрѣ». Ей одной и принадлежитъ поэтому право печатно опровергать всѣ остальныя вѣроученія и догмы, она одна можетъ колебать основы ученія и догмы иныхъ христіанскихъ церквей, она одна можетъ приводить въ сомнѣніе постановленія всѣхъ иныхъ духовныхъ авторитетовъ, однимъ словомъ, являясь, съ одной

стороны, высшимъ цензоромъ всякой иной духовно-нравственной религіозной теологической теоріи ученія и изслѣдованія, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, только одна имѣетъ право печатно и вполнѣ свободно опровергать всякое инославное и иновѣрное ученіе, она одна является полнымъ и неоспоримымъ руководителемъ духовной жизни страны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привилегированнымъ критикомъ всѣхъ ея проявленій.

Подобное юридическое неравенство различныхъ религій въ дѣлѣ публичнаго, печатнаго ихъ обнаруженія не можетъ не вызвать нѣкоторыхъ весьма серьезныхъ возраженій.

Такъ, прежде всего, какъ мы видѣли выше, одна привилегированная истина, при помощи цензуры, искусственно дѣлается неприкосновенной, неоспоримой и неподлежащей никакой ни критикѣ, ни обсужденію. Таковъ первый результатъ цензурныхъ правилъ. Однако, думаемъ, отъ этого данная истина не выигрываетъ ни въ своей внутренней убѣдительности, ни въ силѣ: вѣдь государство, опираясь на свою монополію принудительной власти, не будучи ограничено въ своемъ суверенитетѣ никакими надъ нимъ стоящими всемірными или вселенскими властями, можетъ сегодня повелѣть считать одну религію истиной, не подлежащей никакому спору, а завтра—другую. И недавній, сравнительно, опытъ полицейскаго государства показываетъ, что на самомъ дѣлѣ подобныя мѣры предпринимались въ цѣляхъ то одного правовѣрія, то другого, и ничего, кромѣ внутреннихъ смутъ и нравственнаго разложенія, съ собой не приносили. Съ другой же стороны, даже можетъ явиться въ убѣжденіи массъ такое нежелательное для государственной религіи заключеніе, что, дескать, поэтому воспрещается всякое возраженіе и всякое обсужденіе привилегированной истины, что, попросту говоря, безъ такого запрещенія истина и сумѣетъ остаться истиной, и оправдать сама собою свою истинность. Мы же, съ своей стороны, полагаемъ, что истина православія, вынесшая изъ тысячелѣтнихъ испытаній свою чистую хоругвь вѣры, сумѣвшая отстоять себя и въ амфитеатрахъ Рима, и подъ гнетомъ Ислама, побѣдившая наиболѣе страшную ересь аріанства, несмотря на всю поддержку этой послѣдней именно со стороны государства, наконецъ, покорившая только своей проповѣдью и ученіемъ цѣлыя племена и народы—эта истина не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ приспособленіяхъ для того, чтобы быть именно истиной, величайшей духовной силой, ко-

торая въ особенности теперь, черезъ девятнадцать вѣковъ своего существованія, ужъ, конечно, сумѣетъ оправдать свою истинность. Юридическая неоспоримость можетъ только набросить тѣнь на неоспоримость внутреннюю, на нравственную силу и духовную мощь государственной религіи.

Нельзя, съ другой стороны, не замѣтить, что далеко не все, въ существующемъ организмѣ церкви, есть дѣло божественнаго установленія или даже древней канонической традиціи. Наша русская церковь несетъ въ себѣ много мѣстныхъ, національныхъ особенностей, историческихъ наслоеній, даже слѣдовъ чисто свѣтскаго вмѣшательства государства съ его правовыми и культурными задачами, съ его потребностями текущей политики и даже полиціи; неужели же и этотъ, исторически измѣняющійся, земной, свѣтскій элементъ въ духовной жизни господствующей церкви долженъ превратиться въ неподвижную, мертвую массу законоположеній, недоступную свободному изслѣдованію вѣрующихъ, неужели же каждое велѣніе закона, даже отъ временъ Бирона и Петра III, есть такое священное сокровище церкви, что оно должно быть передано неизмѣннымъ слѣдующимъ поколѣніямъ, и даже серьезная критика ихъ недоступна? Думаемъ, что отвѣтить на вопросъ утвердительно — значило бы признать, или что мы достигли уже въ нашей земной свѣтской организаціи предѣла земного совершенства, а слѣдовательно, и идти больше некуда, или же, что голосъ вѣрующихъ уже утратилъ для церкви всякое значеніе, или же, наконецъ, что земной организмъ церкви уже настолько застылъ въ неподвижности и покоѣ, что всякая самостоятельная мысль о лучшемъ юридическомъ устройствѣ царства Божія на землѣ оказывается запрещенной.

Наконецъ, въ-третьихъ, вредное вліяніе всякаго монопольнаго владѣнія можетъ весьма тяжело сказаться и въ области духовной монополіи. Политикъ и юристъ никогда не должны забывать, что, предоставляя монопольное владѣніе опредѣленной истиной извѣстному лицу или установленію, тѣмъ самымъ можно въ громадной степени ослабить самый могучій стимулъ для развитія и укрѣпленія этой самой истины. Тамъ, гдѣ нѣтъ борьбы, гдѣ всѣ орудія духовнаго убѣжденія, критики и опроверженія предоставлены только одной сторонѣ, а другая осуждена на молчаніе и полную пассивность, тамъ изъ подобнаго искусственнаго преобладанія одной стороны рождается только полная безцѣльность

вообще всякаго убѣжденія, всякой критики или спора, даже изслѣдованія, такъ какъ, не встрѣчая ни возраженій, ни отвѣта, натыкаясь на глухое и предубѣжденное сопротивленіе въ одномъ мѣстѣ или на столь же слѣпую и неразмышляющую покорность въ другомъ, самое горячее слово остынетъ, и самое высокое вдохновеніе замолкнетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, не покажется ли многимъ совершенно излишнимъ самый тяжелый подвигъ учительства, неустанной проповѣди и нравственнаго просвѣщенія, если и безъ того ни въ комъ истина не встрѣчаетъ ни сомнѣній, ни возраженій, ни даже, что съ горечью надо признать, простого интереса. Зачѣмъ же весь аппаратъ научной подготовки, богословскаго генія или высокаго миссіонерскаго дарованія, если и безъ этого ни откуда не слышно ни голоса научной полемики, ни теологическаго спора, ни простого исповѣданія вѣрующей, хотя и заблуждающейся, души? Тихо все кругомъ и безмолвно, и только одна государственная истина все снова и снова повторяетъ свои положенія, нападаетъ на безмолвнаго противника въ пустынѣ; гдѣ же здѣсь побужденія для дальнѣйшей жизни и развитія, гдѣ стимулы для новыхъ побѣдъ, гдѣ борьба, вызывающая въ поле все новыхъ и все лучшихъ бойцовъ? Ничего подобнаго система духовной монополіи дать не можетъ, и съ этой точки зрѣнія на нашъ цензурный уставъ можно смотрѣть съ основательными и серьезными опасеніями: какъ бы онъ не принесъ вреда церкви, вмѣсто пользы.

Для неправославныхъ жителей имперіи условія нашего цензурнаго устава сказываются слѣдующимъ образомъ. Для нихъ православная цензура является, безспорно, цензурой еретической, схизматической или иновѣрной. И если ихъ книги, чисто-церковнаго характера, а также и нравственнаго, вообще, подвергаются исправленію нашей свѣтской религіозной цензуры, для устраненія всего «клонящагося къ поколебанію» православія, а ихъ книги обще-духовнаго, религіозно-историческаго и религіозно-философскаго содержанія подлежатъ непосредственному «снисхожденію» и разсмотрѣнію православной духовной цензуры, то на этотъ видъ надзора инославные и иновѣрцы имѣютъ полное право смотрѣть, какъ на узаконенную власть ереси надъ правовѣріемъ и заблужденія надъ истиной, такъ какъ для нихъ истина заключается въ ихъ религіи, а православіе представляется заблужденіемъ. Ясное дѣло, что такой видъ духовной власти одного исповѣданія надъ другими не можетъ нисколько содѣй-

ствовать привязанности къ тому государству, которое эту власть установило, ни процвѣтанію необходимой и для иновѣрцевъ духовной жизни, такъ какъ эта послѣдняя скорѣе совершенно умолкнетъ, чѣмъ будетъ терпѣть надъ собою постоянную руку чуждыхъ для нея и прямо враждебныхъ началъ. Единственнымъ выходомъ здѣсь является обращеніе исключительно къ помощи болѣе снисходительной иностранной цензуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ особому поддержанію своего иностраннаго нарѣчія. Нашъ цензурный уставъ, въ силу этого, является важнѣйшимъ основаніемъ для отчужденія отъ Россіи всѣхъ ея иноязычныхъ и иновѣрныхъ элементовъ, такъ какъ самъ дѣлаетъ ихъ племенныя нарѣчія—языкомъ ихъ вѣры и духовной мысли, самъ устраняетъ возможность развитія ихъ духовной литературы на русскомъ языкѣ, самъ дѣлаетъ для нихъ усиленное изученіе племенного языка единственнымъ средствомъ для освобожденія духовной жизни отъ всеоблемлющей цензуры еретической для нихъ религіи.

Вообще же говоря, все, что выигрываетъ наше религіозное законодательство во внѣшней тишинѣ и спокойствіи, все оно,—даже неизмѣримо больше,—теряетъ во внутренней и духовной сплоченности населенія. Государство должно само быть нравственной силой, которая притягиваетъ къ себѣ всѣхъ своихъ подданныхъ, независимо отъ ихъ религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій; оно само есть свой высшій духовно-нравственный принципъ, и его верховная власть не можетъ и не должна допускать никакихъ посторонніхъ началъ между собою и своими подданными — не за страхъ, а за совѣсть; она не можетъ и не должна смѣшивать своихъ принциповъ съ какими бы то ни было посторонними началами и принципами, чтобы остаться незыблемой и неприкосновенной среди всѣхъ религіозныхъ и соціальныхъ бурь современности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ замѣчательныхъ свойствъ современнаго государства является, безспорно, его всеобщій, скажемъ «имперскій», характеръ. Какъ солнце, оно свѣтитъ своими лучами культуры и правовой свободы на всѣхъ своихъ гражданъ, которые взамѣнъ отдаютъ ему и свое имущество, и свои силы, и, наконецъ, свое величайшее сокровище — свою земную жизнь. Развѣ теперь, когда идутъ одинаковымъ братскимъ строемъ на поляхъ Китая и русскій-католикъ, и русскій-магометанинъ, и русскій-буддистъ, и русскій-православный, не ясно, что не религіи сплотили ихъ въ единое

цѣлое беззавѣтной храбрости и самоотверженія и не духовная цензура, а патріотизмъ, не знающій никакихъ разнорѣчій въ священномъ дѣлѣ великаго, общегосударственнаго дѣла? И развѣ это братство не дороже для государства, чѣмъ то мнимое цензурное торжество духовнаго единства, которое на самомъ дѣлѣ порождаетъ только внутреннюю рознь и скрытое недовольство. И если нашъ правовой строй одинаково защищаетъ имущество, жизнь и честь каждаго своего подданнаго и православнаго, и католика, и еврея, и если культурная дѣятельность русскаго государства даритъ величайшія блага общеевропейскаго просвѣщенія и благосостоянія всѣмъ приверженцамъ терпимыхъ религій, безъ различія ихъ вѣры и исповѣданія, то, какимъ, воистину, анахронизмомъ является стѣсненіе правовой свободы ихъ духовнаго слова, подчиненіе его строго-конфессіональнымъ нравственнымъ началамъ!

Было время, когда думали всей дѣятельности государства придать чуждый ему по существу церковный характеръ на христіанскихъ началахъ. Но время это прошло, и почти всѣ соотвѣтственныя части нашего права потерпѣли серьезныя измѣненія. И только уставъ о цензурѣ, во главѣ нашего религіознаго законодательства, высится незыблемо уже три четверти вѣка. Не настало ли время и для его пересмотра, во имя общерелигіознаго и нравственнаго подъема въ жизни націи? Думаемъ, что да.

Оцѣнивая, въ концѣ концовъ, нашу религіозную цензуру съ практической стороны, нельзя не замѣтить, что она оказалась совершенно безсильной какъ предупредить современное сектантское движеніе «особо вредныхъ» сектъ, такъ и появленіе особой подпольной религіозной и духовной литературы, которая хранится отъ глазъ полицейскаго обыска, со всѣмъ религіознымъ пыломъ различныхъ неофитовъ. Ни пропаганды этихъ сектъ духовная цензура не остановила, ни того соблазна, который производитъ постоянное соприкосновеніе православныхъ съ инославными. Нашъ цензурный уставъ, со своимъ весьма примитивнымъ аппаратомъ непосредственнаго воздѣйствія, нисколько не излѣчилъ болѣзни, а только вогналъ ее внутрь и тѣмъ сдѣлалъ невозможнымъ какъ необходимый правовой и общеполицейскій надзоръ за всѣмъ движеніемъ, такъ и возможность легкаго устраненія, путемъ открытой полемики, порою невѣжественныхъ и наивныхъ заблужденій. Подобный

порядокъ, конечно, можетъ быть выгоденъ религіознымъ шарлатанамъ, въ отличіе отъ искреннихъ и пылкихъ энтузіастовъ вѣры, такъ какъ во тьмѣ гораздо удобнѣе уловить темныя и жаждущія религіознаго утѣшенія души. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что открытое и свободное столкновеніе съ ересью не только сняло бы съ послѣдняго ореолъ мученичества, но гораздо скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ всѣ ухищренія цензурнаго устава, привело бы заблудшихся къ истинѣ.

Такъ, съ практической точки зрѣнія, уставъ совершенно безпомощенъ тамъ, гдѣ онъ долженъ бы былъ предупредить опасность, и только вредитъ тому, кого онъ защищаетъ. Съ политической же точки зрѣнія, цѣнность его совершенно сомнительна.

Въ заключеніе, необходимо еще остановиться на своеобразной мѣрѣ религіознаго предупрежденія, которая не столько направлена къ предупрежденію религіознаго соблазна, сколько вытекающихъ изъ опредѣленнаго исповѣданія вредныхъ послѣдствій. Такой именно характеръ носитъ на себѣ современное русское законодательство о евреяхъ. Законъ признаетъ религію евреевъ нисколько не менѣе терпимой, чѣмъ всѣ другія религіи населяющихъ Россію народовъ, и духовное управленіе евреевъ, какъ и другихъ исповѣданій, находится въ непосредственномъ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, а въ высшей инстанціи—монарха. Но эта терпимая религія, нигдѣ закономъ не признаваемая вредной,—какъ это, напримѣръ, говорится объ особо вредныхъ сектахъ,—тѣмъ не менѣе, смотря по времени и мѣсту, имѣетъ, согласно закону, весьма вредныя стороны и послѣдствія, противъ которыхъ государство и вооружается со всею силою предупрежденія.

Такъ, прежде всего, религія евреевъ проявляетъ свои вредныя свойства только въ опредѣленныхъ мѣстахъ имперіи. Для евреевъ назначены особые районы для ихъ поселенія, такъ называемая черта осѣдлости, гдѣ ихъ религія теряетъ свои вредныя дѣйствія, и внѣ этой черты селиться имъ запрещено, такъ какъ внѣ этой черты ихъ религія начинаетъ проявлять свои вредныя стороны. Если мы остановимся на вѣроисповѣдномъ составѣ населенія, входящаго вообще въ черту осѣдлости, то это намъ ничего не объяснитъ, такъ какъ мы найдемъ здѣсь и губерніи православныя, и католическія, и магометанскія, и, слѣдовательно,

здѣсь не вѣроисповѣданіе остальныхъ жителей, а самая мѣстность и различныя мѣстныя условія вліяютъ на устраненіе вредныхъ свойствъ евреевъ. Если не сдѣлать этого предположенія, то окажется, что населеніе одной мѣстности государства предназначено терпѣть въ своей средѣ тотъ вредный элементъ, отъ котораго избавлены другія, а это было бы, конечно, весьма несправедливой привилегіей, по мѣсту жительства, въ пользу этимъ послѣднихъ; такихъ привилегій современное государство болѣе не допускаетъ и не знаетъ. Тотъ же принципъ совершенно мѣстной вредности и безвредности евреевъ встрѣчаемъ мы и въ положеніи закона о евреяхъ-иностранцахъ. И здѣсь оказывается, что хотя вообще «иностранцы изъ евреевъ» не допускаются къ переселенію въ страну, но и здѣсь сдѣлано исключеніе для евреевъ опредѣленной мѣстности и поселяющихся въ опредѣленномъ районѣ. Подобное исключеніе сдѣлано именно «въ пользу среднеазіатскихъ евреевъ», которые допускаются въ пограничные русскіе города и въ этихъ мѣстахъ, очевидно, признаются безвредными. Точно также въ чертѣ осѣдлости,—въ городахъ и мѣстечкахъ евреи признаются безвредными, а въ деревняхъ и селеніяхъ вредными; поэтому, селиться вновь «внѣ городовъ и мѣстечекъ» евреямъ законъ воспрещаетъ; очевидно, и здѣсь условія мѣстности вліяютъ извѣстнымъ образомъ на вредность религіи евреевъ. Кромѣ того, какъ можно предположить изъ ограниченій права жительства евреевъ «на пятидесятиверстномъ отъ границы пространствѣ», вѣроисповѣданіе евреевъ дѣлаетъ ихъ особенно склонными къ контрабандѣ.

Съ другой же стороны, религія евреевъ дѣлаетъ ихъ спеціально вредными для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ видовъ промышленности и дѣятельности. Такъ, мы встрѣчаемся съ запрещеніемъ евреямъ въ чертѣ осѣдлости заниматься сельскимъ хозяйствомъ, а прежде установленная возможность переселенія «въ земледѣльцы» отмѣнена; запрещенъ евреямъ также и «горный промыселъ» на чужихъ земляхъ и участіе въ немъ, ограничено и частью запрещено евреямъ занятіе нефтянымъ промысломъ на Кавказѣ. Запрещена вовсе евреямъ, живущимъ въ чертѣ осѣдлости, комиссіонная и иная торговля иностранными товарами внѣ этой черты; наконецъ, евреи допускаются внѣ черты къ подрядамъ и поставкамъ, къ оптовой торговлѣ собственными и чужими издѣліями, къ содержанію почтовыхъ ямскихъ станцій—только при условіи веденія этихъ предпріятій или исключи-

тельно черезъ христіанъ, или при весьма ограниченномъ участіи ихъ единовѣрцевъ въ администраціи дѣла. Законъ, такимъ образомъ, смотритъ здѣсь на лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія, какъ на лицъ, обладающихъ особенно вредными свойствами для отдѣльныхъ отраслей промышленности, и считаетъ религію ихъ источникомъ этихъ вредныхъ свойствъ. А такъ какъ, въ области промышленности и торговли, весь вредъ заключается въ недобросовѣстности или прямомъ мошенничествѣ, то отсюда логически слѣдуетъ, что евреи, въ силу своей религіи, являются людьми, завѣдомо недобросовѣстными или даже склонными къ мошенничеству. Къ сожалѣнію, однако, законъ нигдѣ вполнѣ ясно не формулируетъ этихъ своихъ основаній. Можно догадываться, что запрещеніе и ограниченіе правъ евреевъ на участіе въ публичной жизни страны тоже имѣетъ своимъ основаніемъ вышеуказанныя соображенія. Такъ, право евреевъ на поступленіе въ ряды присяжной адвокатуры весьма ограничено, при чемъ, въ частности, они устранены отъ веденія гражданскихъ дѣлъ, имъ запрещены также и занятія должностей присяжныхъ попечителей по дѣламъ о торговой несостоятельности. Очевидно, изъ тѣхъ же соображеній выходитъ законъ и при запрещеніи евреямъ участія въ публичной жизни страны, какъ это постановлено относительно земства, или ограниченіи этого участія, какъ это можно замѣтить относительно городового самоуправленія даже и въ чертѣ осѣдлости. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, спеціализируя, такъ сказать, вредоносность еврейскаго вѣроисповѣданія, законъ ограничивается только указанными предѣлами. И всѣ остальные виды либеральныхъ профессій и промышленности остаются для евреевъ открытыми; нельзя отсюда не вывести заключенія, что, очевидно, сама религія евреевъ имѣетъ какой-то особый профессіональный характеръ, который дѣлаетъ ея приверженцевъ недобросовѣстными, а слѣдовательно, и вредными только въ однихъ видахъ промышленности, тогда какъ въ другихъ они остаются и честными, и безвредными. А это насъ приводитъ, конечно, къ абсурду.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что законъ открываетъ евреямъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую свободу передвиженія при наличности опредѣленныхъ условій. Эти условія являются какъ бы парализующими, въ извѣстной степени, вредность еврейской религіи. Таковыми законъ считаетъ, во-первыхъ, уплату денежныхъ суммъ по 1-ой гильдіи и, во-вторыхъ, полученіе нѣкото-

раго, опредѣленнаго въ законѣ, образованія. Въ сущности, только первое условіе надо считать доступнымъ для всѣхъ вообще состоятельныхъ евреевъ, такъ какъ приписка въ гильдіи (за исключеніемъ г. Москвы) не ограничена никакимъ процентнымъ отношеніемъ. Не то надо сказать объ образовательномъ цензѣ. Доступъ во всѣ среднія и высшія заведенія открытъ евреямъ только въ предѣлахъ опредѣленнаго процента всего количества учащихся другихъ исповѣданій. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній путь къ смягченію еврейской вредоносности законъ полагаетъ удовлетворяющимъ своей цѣли только, если очень небольшое количество евреевъ вообще станетъ, въ силу образованія, менѣе вреднымъ, нежели остальные евреи въ чертѣ осѣдлости. Нечего и говорить, что состоятельность и образованіе евреевъ только отчасти устраняютъ вредоносность еврейской религіи; еврей только тогда окончательно, по нашему закону, становится и вполнѣ честнымъ, и безвреднымъ, а слѣдовательно, и неподлежащимъ никакимъ ограниченіямъ, когда онъ, говоря терминомъ свода (т. IX, прод. 1890 г., ст. 964 примѣчаніе), становится «выкрестомъ изъ евреевъ». Съ принятіемъ христіанства и съ устраненіемъ іудейской религіи, какъ причины всѣхъ вредныхъ свойствъ еврея, конечно, падаютъ для него и всѣ тѣ ограниченія, которыя предупреждаютъ самую возможность проявленія этихъ вредныхъ свойствъ [1]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію нашего еврейскаго законодательства съ точки зрѣнія именно нашего же религіозно-полицейскаго предупрежденія, невозможно избѣгнуть величайшаго недоумѣнія предъ иными противорѣчіями, которыя являются результатомъ того обстоятельства, что законъ здѣсь насаждаетъ одною рукою то самое, что онъ разрушаетъ другою.

Такъ, съ одной стороны, еврейская религія, какъ и нѣкоторыя другія нехристіанскія, есть религія терпимая, находящаяся, наравнѣ съ другими, подъ особымъ покровительствомъ монарха, а съ другой стороны, это религія вредная, самый актъ исповѣданія которой влечетъ за собой, для ея приверженцевъ, и лишеніе существеннѣйшихъ правъ гражданской свободы и политическаго равноправія и дѣлаетъ ихъ, въ силу ихъ

---

[1]) Уст. пасп., изд. 1890 г. и продолж. 1895 г., ст. 11, примѣч. 1, 2, 3, ст. 12—25, т. IX, изд. 1876 и продолж. 1890 и 1893 гг. ст., 959 примѣч. 1—7, ст. 960, примѣч. 1, 2, ст. 964, 992, прилож. къ 970, ст. пол. земское, изд. 1890 г., ст. 16, примѣч. 3 и пол. город., изд. 1892 г., ст. 24, примѣч. 3.

вѣры, вѣчно подозрѣваемыми въ нравственной непорядочности, недобросовѣстности, безчестности. Что нибудь одно: или эта религія есть религія вредной секты, которая такъ развращаетъ своихъ послѣдователей, какъ не развращаетъ своихъ приверженцевъ даже грубое язычество,—но въ такомъ случаѣ наше государство достаточно сильно, чтобы открыто вступить въ борьбу съ этими вредными сектантами и направить на нихъ свой полицейскій мечъ,—вѣдь такъ оно поступаетъ съ приверженцами «особо вредныхъ» сектъ,—или же данная религія есть религія дѣйствительно терпимая, равноправная, по крайней мѣрѣ, съ магометанствомъ и язычествомъ,—но тогда, несомнѣнно, это есть религія полезная, религія честныхъ людей, а не мошенниковъ, и исповѣданіе ея не должно быть сопряжено ни съ какимъ ущербомъ или умаленіемъ правъ. Теперь же достаточно сказать: «я еврей», чтобы сразу стать на положеніе неполноправнаго русскаго подданнаго, въ силу самой религіи заподозрѣннаго въ нравственномъ отношеніи, склоннаго къ контрабандѣ, мошенничеству и т. д.

Самый списокъ закрытыхъ для евреевъ мѣстностей невольно возбуждаетъ сомнѣніе; если предположить, что еврей, въ силу религіи, эксплоататоръ и человѣкъ нечестной наживы, то неужели же бѣдный и забитый бѣлоруссъ Западнаго края лучше можетъ противостоять еврейскимъ кознямъ, нежели разбитной ярославецъ или смѣтливый москвичъ? Неужели малороссъ Черниговской губерніи или молдаванинъ Новороссійскаго края настолько сами хитры и неразборчивы въ средствахъ, что они, несмотря на свое христіанское исповѣданіе, отлично сумѣютъ еврею отвѣтить кознями на козни, и ужъ ихъ не можетъ коснуться ни еврейская беззастѣнчивость, ни ихъ сила? А если эти народности слабѣе еврея въ промышленномъ отношеніи, въ экономической борьбѣ, то, спрашивается, за что они отданы въ жертву этому вредному сектантскому обществу?

Но и перечень закрытыхъ евреямъ областей труда и промышленности страдаетъ такою же неполнотой и отрывочностью. Изъ него выходитъ, напримѣръ, что честность менѣе нужна для врача, чѣмъ для адвоката, что честность менѣе нужна для веденія уголовнаго процесса, чѣмъ для гражданскаго, что честность и добросовѣстность менѣе нужны для купца и фабриканта, чѣмъ для нефте-и горнопромышленника или сельскаго хозяина и т. д.; однимъ словомъ, законъ создаетъ здѣсь совершенно своеоб-

разное и единственное въ своемъ родѣ росписаніе отдѣльныхъ занятій и промысловъ, по степени нужной для ихъ веденія честности, и евреевъ, какъ лицъ, принадлежащихъ къ религіи, этой честности не гарантирующей, устраняетъ отъ веденія этихъ дѣлъ. Но, спросимъ мы, какая же религія гарантируетъ дѣйствительно честность лицъ, и по какимъ основаніямъ возможно дѣйствительно точно опредѣлить требуемую для каждаго отдѣльнаго промысла степень честности? Не видимъ ли мы въ тюрьмахъ лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій, а съ другой стороны, не есть ли честность всеобщее предположеніе и всеобщее условіе для нормальной жизни страны? Но здѣсь можно замѣтить еще одно обстоятельство. Разъ вступивъ на такую щекотливую почву, законодатель принужденъ будетъ пойти и далѣе, придется опредѣлить степень нужной честности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, допустимости евреевъ и къ сапожному дѣлу, и къ портняжному, и къ галантерейной торговлѣ, и къ модному мастерству и т. д.? Неужели религія евреевъ можетъ доставить соотвѣтственныя данныя и для рѣшенія этихъ вопросовъ?

Нельзя далѣе не обратить вниманія и на тотъ фактъ, что единственнымъ обстоятельствомъ, которое смягчаетъ вредоносность еврейской религіи, является состоятельность евреевъ, открывающая имъ доступъ и въ 1-ую гильдію, и въ учебныя заведенія (въ извѣстномъ $^0/_0$ отношеніи), а вмѣстѣ съ тѣмъ и снимающая съ нихъ предѣлы черты осѣдлости. Но, сопоставляя это требованіе закона съ тѣми положеніями его, которыя направлены противъ общей нечестности лицъ іудейскаго исповѣданія, приходится прійти къ тому парадоксальному выводу, что самъ законъ, спеціально для лицъ этого исповѣданія, устанавливаетъ именно богатство, какъ высшую ступень доступнаго для нихъ нравственнаго совершенства! Но неужели же наше нравственное законодательство можетъ постановить въ нашъ вѣкъ нѣчто подобное, а современное государство можетъ, подобно средневѣковымъ политическимъ союзамъ, требовать выкупа съ евреевъ и за вѣротерпимость, и за ихъ, хотя бы неполную, равноправность? Этого, конечно, мы допустить не можемъ, и вопросъ, къ сожалѣнію, остается открытымъ.

Наконецъ, безспорную особенность нашего религіозно-полицейскаго законодательства въ отношеніи евреевъ составляетъ то обстоятельство, что государство само здѣсь въ высшей степени содѣйствуетъ тому, результаты чего оно караетъ. Государ-

ство само у насъ завѣдуетъ религіозными дѣлами евреевъ, слѣдовательно, оно само поддерживаетъ и насаждаетъ ту религію, которая является, въ силу закона, религіей развращающей и вредной. Государство само поддерживаетъ еврейскую вѣроисповѣдную школу, само установило коробочный сборъ для еврейскихъ благотворительныхъ и вѣроисповѣдныхъ цѣлей, само установило казенный раввинатъ, содержитъ особыхъ «ученыхъ евреевъ», само создало высшую раввинскую комиссію, само поддерживаетъ этотъ вредный культъ и вѣроученіе и даже блюдетъ за чистотой его и неприкосновенностью. Милліоны населенія, въ силу закона, рождаются евреями и воспитываются подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ государства,—кто же, спрашивается теперь, виноватъ, если всѣ эти милліоны оказываются и выросшими и настолько окрѣпшими въ началахъ вредной религіи, что уже не могутъ болѣе перемѣнить вѣры отцовъ и стать полноправными «выкрестами»? И этотъ вопросъ мы оставляемъ открытымъ, но намъ кажется, что на него двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. Такъ, государство само воспитываетъ милліоны гражданъ въ той религіи, которую само оно признаетъ вредной.

Область религіозно-полицейскаго «предупрежденія» заставила насъ разсмотрѣть многія устарѣвшія части нашего права. Силою факта нѣкоторыя изъ этихъ частей на практикѣ уже смягчены; но фактъ не есть право, и мы не можемъ не выразить пожеланія, чтобы внимательный и серьезный взглядъ законодателя пересмотрѣлъ бы это довольно тяжелое наслѣдіе прошлаго и подвергъ бы систематической переработкѣ отрывочную и пеструю массу статей нашей религіозной полиціи «предупрежденія». Весь уставъ духовной цензуры, просуществовавшей, въ общемъ и главномъ, безъ малаго сто лѣтъ, многія положенія еврейскаго законодательства, обновленныя полстолѣтія тому назадъ,— все это представляетъ изъ себя въ современномъ правѣ обломки стараго полицейскаго государства, которые должны быть устранены, если Россія есть или должна быть государствомъ правовымъ.

ВѢРООТСТУПНИЧЕСТВО И 29 СТ. МИР. УСТ.

Какъ извѣстно, русскими законами не открыто никакой юридической возможности добровольнаго перехода отъ господствующей вѣры къ инымъ, терпимымъ въ государствѣ христіанскимъ исповѣданіямъ, а въ томъ числѣ и къ расколу.

Только одно исключеніе дѣлаетъ законъ, и это — въ пользу вредныхъ сектантовъ: они, послѣ произведеннаго надъ ними ex officio слѣдствія и суда, идутъ въ ссылку съ лишеніемъ правъ состоянія, и этимъ покупаютъ себѣ хоть и добровольное, но сопряженное съ тяжелыми послѣдствіями, отчисленіе отъ православія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность, хотя бы въ мѣстахъ ссылки, отправлять свое богомоленіе. Всѣ же остальные, фактически отпадшіе отъ господствующей церкви, не имѣя возможности юридически отъ нея отчислиться, считаются православными, несмотря на свои совершенно инославныя убѣжденія.

Однако, здѣсь надо сдѣлать одну оговорку: есть еще одинъ путь, при помощи котораго,—опять-таки только по рѣшенію свѣтскаго суда,—возможно быть отчисленнымъ отъ господствующей вѣры и причисленнымъ къ другому христіанскому исповѣданію, даже къ расколу, и притомъ безъ лишенія правъ и ссылки; этотъ путь — путь процессовъ о вѣроотступничествѣ. И хотя иниціатива такихъ процессовъ принадлежитъ исключительно духовному вѣдомству, а слѣдовательно, здѣсь сама церковь путемъ судебнаго процесса предаетъ свѣтской власти отвергнутаго ею вѣроотступника, однако, въ виду нѣкоторой неясности закона и случаевъ привлеченія вѣроотступниковъ изъ православныхъ по 29 ст. уст. о нак. къ суду за якобы незаконныя молитвенныя сборища, весьма полезнымъ является детальное выясненіе вопроса о томъ, пользуются ли «вѣроотступники» изъ православныхъ, признанные таковыми по суду, той общей охраной 48 ст. уст. о пред. и прес., которая всѣмъ раскольникамъ не вредныхъ

сектъ гарантируетъ, на-ряду съ другими правами, и свободу общественнаго богомоленія. Для разрѣшенія этого вопроса необходимо, прежде всего, выяснить общее понятіе «вѣроотступничества» въ смыслѣ нашего закона.

Вѣроотступничество, въ видѣ фактическаго предположенія, мы встрѣчаемъ въ законѣ въ слѣдующихъ видахъ: ст. 185 о нак. предполагаетъ, что имѣются на-лицо «отступившіе отъ христіанской вѣры православнаго или другого исповѣданій въ вѣру нехристіанскую»; аналогичное предположеніе дѣлаетъ и ст. 188 ул. о нак., дѣйствію которой подлежатъ «отступившіе отъ православнаго въ иное православное исповѣданіе»; по 56 ст. уст. о пред. и прес. назидаются въ истинной вѣрѣ «православные въ случаѣ совращенія ихъ въ расколъ», и, наконецъ, ст. 24 уст. дух. конс., аналогично со ст. 37 уст. о пред. и прес., содержитъ предписаніе на тотъ случай, «если бы открылись совращенія и совращенные». Во всѣхъ этихъ статьяхъ фактъ вѣроотступничества является тѣмъ, что̀ называется юридическимъ фактомъ. И хотя 162 ст. ул. о нак. опредѣляетъ второй видъ вѣроотступничества, какъ «вину перешедшихъ изъ церкви православной въ другое, хотя и пользующееся свободою въ Россіи, христіанское вѣроисповѣданіе» и почитаетъ, далѣе, первый видъ вѣроотступничества за «преступленіе отпадшихъ вовсе отъ вѣры христіанской», однако и въ этихъ случаяхъ «переходъ» и «отступленіе» опять-таки законъ принимаетъ, какъ факты, а притомъ по природѣ своей не только разъ совершившіеся въ прошедшемъ времени, но и какъ состоянія, «безпрерывно продолжающіяся».

Сопоставленіе всѣхъ этихъ статей даетъ намъ необходимую почву для заключенія, что законъ нашъ, несмотря на безусловное запрещеніе «какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ, такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ... отступить отъ нея и принять иную вѣру, хотя бы то и христіанскую» (36 ст. уст. о пред. и прес.), тѣмъ не менѣе самый фактъ вѣроотступничества, и притомъ какъ состоянія, «безпрерывно» продолжающагося, признаетъ самымъ положительнымъ образомъ. Итакъ, сдѣлавъ «вину» или даже совершивъ «преступленіе», по нашимъ законамъ, отступить отъ господствующей вѣры не только психологически и фактически возможно, но это отступленіе даже самимъ закономъ признается фактомъ, который и влечетъ за собою цѣлый рядъ юридическихъ послѣдствій.

Что же, однако, значитъ «отступить» отъ вѣры или «совра-

титься»? И здѣсь также не должно быть никакихъ сомнѣній: законъ вездѣ употребляетъ эти слова въ самомъ общеупотребительномъ смыслѣ и разумѣетъ подъ ними то, что̀ разумѣютъ всѣ люди, говорящіе русскимъ языкомъ. А слѣдовательно, когда законъ предполагаетъ, что лицо отпало «въ вѣру нехристіанскую», предполагается, что оно болѣе не принадлежитъ къ вѣрѣ христіанской, а слѣдовательно, и къ какой-либо христіанской церкви или религіозному обществу, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы сдѣлать нелѣпое предположеніе, что христіанская церковь или даже секта можетъ состоять изъ мусульманъ или язычниковъ. Точно также, если законъ предполагаетъ «переходъ» изъ православнаго исповѣданія въ иное христіанское, то очевидно, что считаетъ этотъ «переходъ» равнозначнымъ совершившемуся фактически переходу и изъ одной церкви или религіознаго общества въ другое, такъ какъ опять-таки совершенно логически немыслимо предположеніе, что церковь православная можетъ состоять изъ католиковъ, а протестантская изъ православныхъ. Наконецъ, когда законъ предполагаетъ вполнѣ возможнымъ «совращеніе» изъ православія въ расколъ, то совершенно необходимо должно признать, что церковь православная не можетъ заключать въ себѣ раскольниковъ и совращенныхъ, такъ какъ состоитъ изъ «православныхъ», а не изъ какихъ либо еретиковъ, схизматиковъ, раскольниковъ, невѣрующихъ, иновѣрцевъ и т. д.

Этому неизбѣжному выводу изъ буквальнаго смысла закона какъ будто, однако, противорѣчитъ вторая часть указанныхъ нами статей, которая какъ бы предполагаетъ, что, несмотря на фактическое отпаденіе вѣрующихъ отъ вѣроисповѣданія, тѣмъ не менѣе сохраняется ихъ юридическая къ нему принадлежность даже послѣ судебнаго приговора, а вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежность ихъ къ тому церковному обществу, отъ вѣроисповѣданія котораго данныя лица отпали, отступили или перешли; къ такой логически невозможной конструкціи отступленія безъ отступленія и перехода безъ перехода даютъ поводъ нижеслѣдующія положенія закона относительно вѣроотступничества.

Ст. 185 ул. о нак. предписываетъ отступниковъ отъ христіанства отправлять къ духовному начальству прежняго ихъ исповѣданія для увѣщанія и вразумленія; ст. 188 ул. о нак. отсылаетъ отступившихъ отъ православія «къ духовному начальству для увѣщанія, вразумленія ихъ и поступленія съ ними по

правиламъ церковнымъ»; по ст. 56 уст. о пред. и прес. православные, совратившіеся въ расколъ, «назидаются по усмотрѣнію духовнаго начальства въ истинной вѣрѣ и увѣщаются чрезъ мѣстныхъ священниковъ, миссіонеровъ или другихъ лицъ, назначаемыхъ епархіальнымъ начальствомъ». Изъ этихъ постановленій закона, взятыхъ безъ связи съ первой частью тѣхъ же статей, приведенныхъ выше, и безъ сопоставленія съ остальными частями свода, можно вывести заключеніе, что разъ вѣроотступники подлежатъ «назиданію», «увѣщанію» и «вразумленію» духовнаго начальства ихъ «прежняго» исповѣданія, то, значитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они подлежатъ какъ бы возвращенію цѣликомъ въ нѣдра своего «прежняго» религіознаго союза, а въ силу этого и ихъ отступничество какъ бы признается со времени судебнаго рѣшенія неимѣющимъ никакого значенія для ихъ вѣроисповѣдной принадлежности. Однако, такое толкованіе прежде всего опровергается прямымъ текстомъ 162 ст. ул. о нак., гдѣ состояніе вѣроотступничества признано непрерывно продолжающимся не до отдачи вѣроотступниковъ на увѣщаніе, а «доколѣ они не обратились»—и опять-таки не къ исполненію своей юридической обязанности, а къ своему нравственному «долгу». Съ другой же стороны, въ уставѣ дух. консисторій мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ сопоставленіемъ статей о вѣроотступникахъ: въ ст. 21 говорится о производствѣ совращеннымъ «увѣщанія и назиданія», а въ 22 предписано: «вразумленнаго въ истинной вѣрѣ и желающаго отъ раскола присоединиться къ православію приходскій священникъ присоединяетъ по чину церковному»,— отсюда же ясно, что отпавшій отъ православія хотя и считается до присоединенія подъ надзоромъ духовныхъ властей «прежняго» исповѣданія, но, однако, до тѣхъ поръ остается внѣ церкви, «доколѣ не обратится», такъ какъ само собою разумѣется, что присоединить къ церкви можно только лицо, находящееся внѣ ея.

Для того, однако, чтобы выяснить окончательно юридическое значеніе «увѣщаній» для опредѣленія церковной принадлежности лица, необходимо остановиться на самомъ характерѣ и цѣли подобныхъ дѣйствій духовнаго начальства и уяснить себѣ общую связь дѣятельности духовныхъ лицъ съ тѣми ихъ функціями, которыя вообще можно пріурочить къ задачамъ моральной свѣтской или даже общей полиціи. И для этого незачѣмъ даже останавливаться особенно на свѣтскихъ функціяхъ нашихъ духовныхъ начальствъ: при той тѣсной связи государства и церкви,

какая наблюдается у насъ, и притомъ не только по отношенію къ одной православной церкви, но и церкви католической, протестантской, даже по отношенію къ духовнымъ обществамъ буддистовъ и магометанъ, всегда уже a priori можно предположить, что если государство беретъ на себя извѣстныя функціи духовнаго начальства въ дѣлѣ насажденія вѣры, поддержанія духовной дисциплины и проч., то и съ своей стороны оно налагаетъ цѣлый рядъ чисто-свѣтскихъ обязанностей на духовное начальство разныхъ исповѣданій.

И дѣйствительно, такія чисто-свѣтскія, мірскія функціи далеко не представляются рѣдкостью среди обязанностей нашего духовенства различныхъ исповѣданій, въ особенности же господствующей церкви; и если на обязанности благочинныхъ и архіереевъ лежитъ «по духовному вѣдомству общій надзоръ», «затѣмъ, чтобы дезертиры, бродяги и вообще безпаспортные и съ просроченными паспортами люди нигдѣ и никѣмъ не были принимаемы, держимы и укрываемы» (уст. пасп. и бѣгл. ст. 321); если, въ случаѣ принятія необходимыхъ мѣръ для прекращенія заразной болѣзни, священники обязаны «объяснить необходимость и пользу таковыхъ мѣръ и убѣждать» жителей, «чтобы они были спокойны, полагаясь на благость Божію и попеченіе начальства, и... безропотнымъ повиновеніемъ помогали совѣтамъ и приказаніямъ врача» (уст. врач. ст. 746), а «поясненіе народу пользы, отъ прививанія предохранительной оспы происходящей, возлагается... на приходскихъ священниковъ», и они въ этомъ случаѣ должны не только требовать привитія оспы «подъ опасеніемъ гнѣва Божія», но даже должны выставлять дѣтей съ привитой оспой въ церкви «на особомъ» мѣстѣ во время литургіи (уст. врач. 769—774); если, наконецъ, православный священникъ обязанъ хоронить всякаго «иновѣрца христіанскаго исповѣданія» за отсутствіемъ пастора и т. п. (уст. врач. ст. 709), то отсюда далеко еще не слѣдуетъ, чтобы фактъ поимки дезертира, или привитія оспы, или похоронъ иновѣрца устанавливалъ какую бы то ни было зависимость между исповѣданіемъ подлежащихъ лицъ и православной церковью.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ надо строго различать тѣ функціи, которыя отправляетъ духовное лицо въ качествѣ государственнаго служащаго, отъ тѣхъ, которыя оно осуществляетъ въ качествѣ пастыря душъ и служителя слова Божія. И это различеніе нужно дѣлать не только тогда, когда мы встрѣчаемся съ

ясно выраженнымъ свѣтскимъ порученіемъ, возлагаемымъ самостоятельно государствомъ на духовное лицо въ цѣляхъ матеріальныхъ, въ цѣляхъ врачебной или общей полиціи.

Подобное же различеніе должно дѣлать и въ тѣхъ случаяхъ, когда духовное лицо призывается свѣтскою властью для дѣйствій болѣе высокихъ, для осуществленія функцій наставника или вѣроучителя, даже просто лица съ соотвѣтственной моральной и религіозной подготовкой. И такіе случаи у насъ въ Россіи особенно часты. И если еще сравнительно очень легко можно различить функціи духовнаго лица, совершающаго актъ бракосочетанія и въ то же время ведущаго, въ качествѣ чиновника гражданскаго состоянія, метрическія записи, то уже труднѣе отличить духовную и свѣтскую сторону въ дѣйствіяхъ какого нибудь духовнаго цензора, который совмѣщаетъ въ себѣ и функціи по общегосударственной полиціи печати—для оцѣнки того, насколько вообще «достойно одобренія» то или другое «основательное, ясное и назидательное изложеніе истинъ умозрительнаго и дѣятельнаго христіанства», или даже «религіи вообще» (уст. ценз. ст. 227, 254)—и функціи духовнаго цензора православной церкви, охраняющаго чистоту догмата спеціально въ изложеніи «книгъ, относящихся къ православному исповѣданію» (уст. ценз. ст. 214); еще болѣе трудно отдѣлить стороны морально-свѣтскаго назначенія духовныхъ лицъ и высшаго ихъ духовнаго призванія, когда они предпринимаютъ такія дѣйствія по предписанію свѣтской власти, которыя, казалось бы, должны лежать совершенно внѣ всякой сферы вліянія государства и, по извѣстной заповѣди Христа о Божіемъ и Кесаревомъ, должны быть предоставлены исключительно самостоятельному рѣшенію церкви, такъ какъ она одна имѣетъ отъ своего учредителя высшую власть надъ душами и великую миссію ихъ вѣчнаго спасенія.

Таковы случаи, напримѣръ, когда, согласно велѣніямъ свѣтскаго закона и по постановленію свѣтскаго суда, то или другое лицо признается имѣющимъ потребность и надобность въ «церковномъ покаяніи», причемъ духовному начальству предоставляется только, во исполненіе требованія свѣтскаго суда, опредѣлить «виды» этого покаянія и «сроки продолжительности онаго» (ул. о нак. ст. 58 и прим. 1) Въ подобномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ такимъ вторженіемъ свѣтской власти въ область религіозной совѣсти и чисто-церковной компетенціи, которое дѣ-

лаетъ здѣсь самыя высокія функціи духовнаго начальства только актомъ исполненія государственной миссіи и самому «церковному покаянію» придаетъ видъ и характеръ мѣры судебно-исправительной, мѣры мірской и свѣтской. Еще хуже положеніе дѣла, когда свѣтскій судъ на основаніи закона приговариваетъ кого нибудь изъ несовершеннолѣтнихъ къ «заключенію въ монастырь» (ул. о нак. ст. 138, 2, 3),—въ этихъ случаяхъ монастырь, мѣсто для воплощенія высшихъ идеаловъ нравственнаго совершенства и христіанскаго аскетизма, прямо приравнивается къ какой нибудь колоніи для малолѣтнихъ, а монашествующіе, опять-таки не отказываясь отъ своихъ высшихъ цѣлей призванія, должны производить свои благочестивыя упражненія не то въ видѣ тюремныхъ стражей, не то спеціальныхъ педагоговъ для нравственно-испорченныхъ малолѣтнихъ. Само собою разумѣется, что, вообще говоря, отъ такого уравненія съ тюрьмой монастырь не перестаетъ быть, кромѣ того, и монастыремъ, но самое пребываніе въ немъ для заключенныхъ туда врядъ ли можетъ быть поставлено имъ въ заслугу, какъ нравственный подвигъ, а надзоръ за арестантами—причисленъ къ основнымъ добродѣтелямъ монаха...

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ мы видимъ, строгое различеніе духовной и свѣтской стороны актовъ духовнаго же начальства приводитъ насъ къ заключенію, что здѣсь мы хотя и встрѣчаемся съ дѣйствіями, которыя могутъ быть отнесены къ области церковной, религіозной, нравственной жизни, тѣмъ не менѣе, однако, здѣсь они не имѣютъ никакого церковнаго значенія даже тогда, когда носятъ названія церковнаго акта (напр., «духовная цензура», «церковное покаяніе» и т. д.). Поскольку въ этихъ случаяхъ рѣшеніе принадлежитъ свѣтской власти, а духовнымъ лицамъ и начальству предоставляется только роль исполнителей ея велѣній, даже самый высшій актъ духовнаго призванія, какъ, напр., врачеваніе больной совѣсти, принимаетъ здѣсь характеръ хотя и духовнаго, но не церковнаго акта, становится актомъ духовно-религіозной полиціи, но не церковнаго управленія, рѣшенія или дѣянія: во всѣхъ этихъ случаяхъ церковь дѣйствуетъ только какъ государственный органъ и по чужому порученію.

Совершенно такого же характера — и тѣ духовныя «увѣщанія», «назпданія» и «вразумленія», которыя пропзводятся надъ вѣроотступниками по приговору уголовнаго свѣтскаго суда.

Никакой церковной власти «прежняго» духовнаго начальства надъ отступникомъ они собою не знаменуютъ. Это просто мѣры нравственнаго и религіознаго просвѣщенія, которыя государство считаетъ необходимымъ принять въ подобныхъ случаяхъ при помощи подчиненнаго ему, между прочимъ, и «духовнаго начальства». Аналогію подобнымъ мѣрамъ мы можемъ найти вообще въ законодательствѣ временъ полицейскаго государства на западѣ, а въ частности, въ эдиктахъ Іосифа II Австрійскаго; такъ, этотъ монархъ только въ томъ случаѣ допускалъ отчисленіе отпавшихъ отъ господствующей вѣры, если предварительно они прослушали въ теченіе опредѣленнаго срока курсъ катехизическаго поученія въ домѣ духовнаго лица своего «прежняго вѣроисповѣданія; болѣе отдаленную аналогію нашему законодательству можно найти въ законахъ нѣкоторыхъ современныхъ германскихъ государствъ, гдѣ установленъ опредѣленный срокъ, который долженъ пройти между первоначальнымъ заявленіемъ лица о его желаніи перемѣнить вѣру и окончательнымъ его перечисленіемъ въ другое церковное общество; по нѣкоторымъ законодательствамъ, подобное заявленіе о переходѣ непремѣнно должно быть сообщено духовному лицу «прежняго» исповѣданія,—какъ предполагается закономъ,—для того, чтобы это духовное лицо могло преподать еще нѣкоторыя поученія вѣроотступнику, и чтобы такимъ образомъ самый переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое совершался достаточно сознательно и разумно. По русскому праву, «поученія» назначаются въ двухъ видахъ. Во-первыхъ, вѣроотступники еще до постановленія о нихъ приговора «во всякомъ случаѣ назидаются въ истинной вѣрѣ и увѣщаются духовнымъ начальствомъ по правиламъ церковнымъ» (уст. угол. суд. ст. 1004, прим.), и, согласно кассаціонному рѣшенію сената (1878 г. № 1936), судебный приговоръ надъ вѣроотступникомъ произносится «не прежде, какъ по испытаніи надъ отступившимъ мѣръ увѣщанія при посредствѣ духовнаго начальства». Во-вторыхъ, какъ уже указано выше, вѣроотступникъ, по признаніи его вины судебнымъ приговоромъ, передается духовному начальству для такого же «увѣщанія, вразумленія и поступленія съ нимъ по правиламъ церковнымъ». Изъ сопоставленія этихъ двухъ видовъ «увѣщаній» и «вразумленій» слѣдуетъ, что первый видъ увѣщанія есть совершенно то же, что увѣщаніе по упомянутому выше закону Іосифа II, второй же видъ увѣщаній уже послѣ того, какъ вѣроотступникъ

*

признанъ вѣроотступникомъ по суду и сообразно съ этимъ подвергнутъ нѣкоторымъ правовымъ лишеніямъ, есть послѣдняя попытка, которая дѣлается государствомъ въ дѣлѣ просвѣщенія отступника относительно истинныхъ свойствъ его «прежняго исповѣданія», и которая, отчасти въ силу тѣхъ лишеній, которымъ подвергнутъ по суду преступникъ, можетъ окончиться возвращеніемъ его въ лоно прежняго исповѣданія, причемъ церковь, съ своей стороны, и присоединяетъ «вразумленнаго въ истинной вѣрѣ» «по правиламъ церковнымъ» обратно.

Весь русскій процессъ о вѣроотступничествѣ по своему существу есть не что иное, какъ своего рода миссіонерское дѣйствіе свѣтской власти, которая лишаетъ вѣроотступника правъ состоянія, чтобы тѣмъ подготовить почву для болѣе удобнаго возвращенія отпавшаго къ его «долгу». Но если отпавшій къ этому «долгу» не возвращается, то онъ, несмотря на всѣ увѣщанія и вразумленія, которыя предписываются судебнымъ приговоромъ, все же остается внѣ церкви и притомъ и для нея, и для государства признаннымъ уже по судебному приговору еретикомъ, схизматикомъ, раскольникомъ или иновѣрцемъ.

И такой раскольникъ, не отличаясь по существу ничѣмъ отъ раскольниковъ прирожденныхъ, остается тѣмъ не менѣе на нѣсколько особомъ положеніи. Согласно закону, лица, отпавшія изъ христіанства въ нехристіанскую религію, «до возвращенія въ христіанство» не пользуются правами своего состоянія, и на все это время имѣніе ихъ берется въ опеку (ул. о н. ст. 185); въ случаѣ же отступленія православныхъ въ иную христіанскую вѣру у нихъ могутъ быть «до возвращенія ихъ въ православіе» отняты въ административномъ порядкѣ малолѣтнія дѣти, и «въ имѣніяхъ ихъ, населенныхъ православными, на все сіе время назначается опека и имъ воспрещается имѣть въ оныхъ жительство» (ул. о н. ст. 188). Этими правовыми лишеніями и ограничиваются для вѣроотступниковъ всѣ гражданскія послѣдствія ихъ духовной вины или преступленія, «доколѣ они не обратились къ долгу». Въ частности же для раскольниковъ, отступившихъ отъ православія, при условіи, если они населенными имѣніями не владѣютъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ сочтетъ излишнимъ отбирать у нихъ дѣтей—«для охраненія ихъ... отъ совращенія»,—весь процессъ о вѣроотступничествѣ кончается однимъ только установленіемъ особыхъ для нихъ «увѣщаній», «вразумленій» и «назиданій». Всѣми же остальными правами и пре-

имуществами они, какъ раскольники, оффиціально по суду отчисленные отъ православія, неизмѣнно пользуются. И какъ оффиціально признанные судомъ принадлежащими къ расколу, они вступаютъ во всѣ остальныя, имъ спеціально не запрещенныя, права и преимущества лицъ, состоящихъ въ расколѣ. А главнымъ изъ такихъ правъ является право, гарантированное имъ 48 ст. уст. о пред. и прес. и содержащее въ себѣ дозволеніе: «творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженія по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ».

Итакъ, мы приходимъ къ твердому и безспорному заключенію: раскольники изъ числа вѣроотступниковъ, признанные таковыми по суду за вѣроотступничество, правомъ на общественное богомоленіе, безъ сомнѣнія, пользуются. Отсюда же неизбѣжно слѣдуетъ, что они стоятъ вполнѣ подъ охраной закона, и предъявленіе къ нимъ со стороны полиціи обвиненій по 29 ст. мир. уст. не имѣетъ никакихъ законныхъ основаній.

1.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО И АБСОЛЮТНОЕ ГОСУДАРСТВО.

Общее благо, какъ цѣль государства и его верховной власти, какъ руководящее начало для дѣятельности всѣхъ его органовъ гражданъ,—таковъ основной принципъ новаго европейскаго государства, отдѣляющій его рѣзкой гранью отъ средневѣкового феодальнаго строя. И если такіе чистые представители старой патримоніальной идеи, какъ Галлеръ, отрицаютъ со всей рѣшительностью какую бы то ни было общую цѣль у государства и разрѣшаютъ ее въ массу самыхъ различныхъ частныхъ цѣлей отдѣльныхъ участниковъ государственнаго союза, причемъ даже всѣ эти цѣли сводятся въ концѣ концовъ къ стремленію пожить и хорошо пожить (vita и vita grata) [1]), то именно въ общей цѣли и спеціально въ идеѣ общаго блага ищутъ оправданія новому суверенному абсолютизму его защитники и проповѣдники, которые выдвигаютъ эту великую политическую силу на разрушеніе феодализма и на попраніе его историческихъ правъ.

Въ этихъ рядахъ, даже среди самыхъ крайнихъ защитниковъ самодержавной монархической власти, прямо провозглашается, что государство установлено не ради государей, а ради гражданъ, что благо государства есть высшая «должность» государей, хотя бы самыхъ неограниченныхъ, что, наконецъ, государи, иначе

---

[1]) Haller, Restaur. стр. 456—457.

Цѣль государства—die Staaten als solche, eigentlich gar keinen oder doch keinen gemeinschaftlichen Zweck haben, eben, weil sie von den übrigen natürlich geselligen Verhältnissen nur dem Grade nach verschieden sind. Es existirt also da kein gemeinschaftlicher Zweck sondern nur eine Menge sehr verschiedener Privat-Zweke, die sich zulezt alle auf das Leben und angenehm Leben (vita und vita grata) nach eines jeden Wunsch zurückführen lassen. 458—jener unmittelbare Zweck oder der Privat-Vorteil, den jeder in einem geselligen Verbande sucht, grossentheils vollkommen erfüllt wird.

поступившіе, прегрѣшили бы противъ закона естественнаго [1]). И здѣсь Гобессу вторятъ и Боссюетъ [2]), и Деламаръ [3]), ихъ поддерживаетъ своею авторитетной рѣчью самъ великій Король-Солнце, который не только требуетъ отъ государя своего рода самоотверженія во имя государственныхъ интересовъ, ставитъ благо подданныхъ выше блага государя, но и самое почитаніе государя со стороны подданныхъ понимаетъ только, какъ справедливое вознагражденіе ему за его покровительство и защиту [4]).

Всеобщее благополучіе и благосостояніе кладетъ прусскій государственный философъ Хр. Вольфъ [5]) въ основу своихъ твореній; на идеѣ «общаго блаженства» основываетъ Юсти[6])

---

[1]) Hobbes, de cive. Cap. XIII, 3.

Civitas enim non sui, sed civium causa instituta est... Cap. XIII, 2; Imperantium autem officia omnia hoc uno dicto continentur: Salus populi suprema lex; въ противномъ случаѣ (Cap. XIII, 3) властители поступили бы contra legem naturae, quia contra fiduciam eorum, qui imperii administrationem eis commiserunt si non studerent, quantum legibus fieri potest ut cives bonis omnibus, non ad vitam modo sed etiam ad delectationem abunde instruantur.

[2]) Bossuet, Politique, L. VII. Art. 1. Le fin du gouvernement est le bien et la conservation de l'Etat.

[3]) Delamare. Police, L. I. Titre 1. Chap. I.

[4]) Louis XIV. Oeuvres. T. II, p. 455.

L'intérêt de l'Etat doit marcher le premier. On doit forcer son inclination et ne se pas mettre en état de se reprocher, dans quelque chose d'important, qu'on pouvoit faire mieux, mais que, quelques intérêts particuliers en ont empêché, et ont détourné les vues qu'on devoit avoir pour la grandeur, la bien et la puissance de l'Etat.

T. I, p. 116, 105—106.

... nous devons considérer le bien de nos sujets bien plus que le nôtre propre. Ces obéissances et ces respects que nous recevons de nos sujets ne sont pas un don gratuit qu'ils nous font, mais un échange avec la justice et la protection qu'ils prétendent recevoir de nous. Comme ils nous doivent honorer, nous les devons conserver et défendre; et ces dettes dont nous sommes chargés envers eux sont même d'une obligation plus indispensable que celle dont ils sont tenus envers nous, car ... l'emploi de souverain ne peut être bien rempli que par le souverain même.

[5]) Chr. Wolff, Jus nat. § 9. Commune civitatis bonum consistit in eo, ut abundet ils, quae ad vitae necessitatem, commoditatem et jucunditatem faciunt et felicitati singulorum sufficienter prospiciatur, et tutus quilibet sit ab injuria aliorum et a vi externa hostium; ipsa denique civitas satis potens ad huic resistendum. § 13. Finis civitatis sunt vitae sufficientia, tranquillitas et securitas. § 10. Per vitae sufficientiam intelligo abundantiam eorum, quae ad vitae necessitatem, commoditatem et jucunditatem requiruntur, et remediorum felicitatis. § 11. Per tranquillitatem civitatis intelligo vacuitatem a metu injuriarum. § 12. Denique per securitatem civitatis intelligo vacuitatem a metu vis, praesertim externae. § 881. Qui imperium civile exercet, ei competit jus omnia constituendi, quae ad bonum publicum consequendum ipsi facere videntur.

Chr. Wolf, Gedanken. § 215. Die gemeine Wohlfahrt und Sicherheit ist ... das höchste und lezte Gezetz im gemeinen Wesen...

[6]) Justi, Polizeiwiss. § 4. Der Endzweck und mithin das Wesen aller Republiken beruhet auf der Beförderung der gemeinschaftlichen Glückselig-

зданіе нѣмецкой полицейской науки; начало общаго благосостоянія и блага дѣлаетъ придворный австрійскій полицеистъ Зонненфельсъ краеугольнымъ камнемъ своего знаменитаго изслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и теоретическимъ оправданіемъ политики іозефинизма [1]). Наконецъ, у Фридриха Великаго мы находимъ полное государственно-правовое завершеніе теоріи общаго блага; этотъ монархъ, знаменитый не менѣе Людовика XIV крайне рѣшительными мѣрами своей насильственной политики, горячо возстаетъ однако противъ заблужденія государей, которые считаютъ народы созданными исключительно для ихъ удовольствія и дѣлаютъ подданныхъ мучениками своихъ капризовъ, игрушками своихъ фантазій. И не только государственные интересы должны быть правиломъ для поведенія государя и единственнымъ его желаніемъ должно быть созданіе чего нибудь полезнаго и великаго для блага государства, но самъ онъ не для того долженъ быть первымъ судьею, первымъ генераломъ, первымъ финансистомъ и первымъ министромъ общества, чтобы въ немъ представительствовать, но чтобы нести соотвѣтственныя обязанности, т. е. быть первымъ служителемъ, слугою или министромъ государства; даже отчетомъ государству обязанъ онъ въ расходованіи собираемыхъ имъ налоговъ [2]). Ту же мысль, въ еще болѣе рѣзкой формѣ, мы находимъ въ одномъ выраженіи Леопольда II-го: «Я думаю, пишетъ онъ, что суверенъ, даже наслѣдственный, есть только

---

keit. Das allgemeine Vermögen einer jeden Republik ist das Mittel, dessen sie sich zu Beförderung ihrer Glückseligkeit gebrauchen muss.

Justi, Grundfeste. § 8. Общій принципъ всей полиц. науки: Man muss in allen innern Landesangelegenheiten die Wohlfahrt der einzeln Familien mit dem gemeinschaftlichen Besten oder der Glückseligkeit des gesammten Staates in die genaueste Verbindung und Zusammenhang zu setzen suchen.

[1]) Sonnenfels, St. Verw. § 3. Einheit des Endzweckes; nämlich: der Wohlfahrt des Besten, welches in Ansehung aller das gemeinschaftliche Beste genannt wird... § 11. Der Endzweck des vereinigten Staates ist das gemeinschaftliche (allgemeine Beste der Gesellschaft.

[2]) Frédéric le Grand. Oeuvres. T. VIII, p. 25.

Voici l'erreur de la plupart des princes. Ils croient que Dieu a créé exprès et par une attention toute particulière pour leur grandeur, leur félicité et leur orgueil, cette multitude d'hommes dont le salut leur est commis, et que leurs sujets ne sont destinés qu'à être les instruments et les ministres de leurs passions déréglées ... et de là cet amour déréglé pour la fausse gloire, de là ce désir ardent de tout envahir, de là dureté des impôts dont le peuple est chargé, de là la paresse des princes, leur orgueil, leur injustice, leur inhumanité, leur tyrannie et tous ces vices qui dégradent la nature humaine. Si les princes: voulussent remonter jusqu'au but de leur institution, ils verraient que ce rang dont ils sont si jaloux, que leur élévation n'est que l'ouvrage des peuples; que ces milliers d'hommes

делегатъ и служащій народа, для котораго онъ и созданъ» [1]). И эта теорія абсолютной монархіи, ставящей «общее благо», интересъ государства, высшей обязанностью монарха, была не только всеобщей догмой западной Европы новаго времени [2]), но и нашла доступъ на востокѣ и сдѣлалась господствующей идеей въ умахъ современныхъ ей русскихъ политиковъ и государствовѣдовъ. Эту теорію провозгласилъ у насъ непонятый современниками Юр. Крижаничъ [3]), ея придерживался въ своей защитѣ «правды монаршей» Θеоѳанъ Прокоповичъ [4]), ее пропагандировали и тѣ безчисленные переводы съ иностраннаго, которые предпринимались у насъ или съ цѣлью «классическаго»

---

qui leur sont commis ne se sont point faits esclaves d'un seul homme afin de le rendre plus formidable et plus puissant; qu'ils ne se sont point soumis à un citoyen pour être les martyres de ses caprices et les jouets de ses fantaisies: mais qu'ils ont choisi celui d'entre eux qu'ils ont cru le plus juste pour les gouverner.

T. VIII, l'Antimachiavel, p. 65. Il se trouve que le souverain, bien loin d'être le maître absolu des peuples qui sont sous sa domination, n'en est lui même que le premier domestique.

T. II, XXV. L'intéret de l'Etat doit servir de régle à la conduite des souverains....

T. VIII, Réfut du prince de Machiavel 221. Le premier sentiment qu'un prince doit avoir est l'amour de la patrie, et l'unique volonté qui lui convienne est d'opérer quelque chose d'utile et de grand pour le bien de l'Etat.

T. IX, 208. S'il est le premier juge, le premier général, le premier financier, le premier ministre de la société, — ce n'est pas pour qu'il représente, mais afin qu'il en remplisse les devoirs. Il n'est que le premier serviteur de l'Ètat, obligé d'agir avec probité, avec sagesse et avec un entier désintéressement, comme si à chaque moment il devait rendre compte de son administration à ses citoyens.

T. I, 123. Un prince est le premier serviteur et le premier magistrat de l'État; il lui doit compte de l'usage qu'il fait des impôts.....

[1]) Jellinek. Allg. Staatslehre, S. 618. Je crois que le souverain, même héréditaire n'est qu'un délégué et employé du peuple pour lequel il est fait.

[2]) См. по этому поводу замѣчанія у Bernatzik, Jur. Person, S. 246, гдѣ онъ указываетъ на отдѣленіе общей цѣли государства отъ частной— отдѣльныхъ лицъ, еще у Гроція (D. j. d. a. p I. 3, Cap. VIII, 14; II, 8, Cap. II, 1) у I. S. Pütter'a (Beiträge Z. d. St. u. Fürsten-recht, 1777, I, S. 317, 350, 320), у I. Chr. Mayer'a (Allg. Einl. in Priv. Fürsten-Recht 1783, S. 44). Въ особенности у Albrecht'a (Göttinger gel. Anzeig. 1837, III, S. 1489—1504, 1508—1515).

[3]) К р и ж а н и ч ъ. Русск. Государство, 40, 4.

Officium regis est, Populum facere beatum.

38—Exordium (предполагаемая рѣчь царя къ народу) 1. Nostrum desiderium semper fuit: ut totius gentis commune bonum et felix status quotidie sumeret incrementa; et fidelium nostrorum subditorum non solum utilitates promoverentur, verum et honor et reputatio conservaretur.

40, 5, Finis quem omnis legislator spectare debet, est Gloria Dei; Salus animarum, et publicum gentis bonum: sive utilitates et reputatio gentis.

[4]) Ѳ. Прокоповичъ. Правда воли Мон. 14. Царскаго сана долженство, еже есть сохранятн, защищати, во всякомъ безпечалiи содержатн, наставлятн же и исправлятн подданныхъ своихъ.

употребленія, или по непосредственному указанію высшей власти. Такъ, «пользы народныя», какъ высшій принципъ для «упражненія государя», устанавливаетъ у насъ переводъ завѣщанія Ришелье [1]). «Общее благоденствіе» и «общую безопасность» возлагаетъ на обязанность «верховнаго повелителя» основаніе юриспруденціи «Неттелбладта», принятое въ свое время, какъ учебникъ въ московскомъ университетѣ [2]); «пользу общую провозглашаетъ, какъ руководство для государей, «Общежитіе пчелъ» Лоцена [3]); «удовольствіе, спокойствіе и безопасность» гражданъ дѣлаютъ цѣлью государства политическія наставленія барона «Билфелда», сочиненіе, которое Екатерина II «въ переводѣ имѣть ко всенародной пользѣ собственнымъ своимъ побужденіемъ возжелать соизволили» [4]). Тѣми же тенденціями проникнуты и переводы Муратopія [5]), таково же начало, про-

---

[1]) Ришелье, завѣщаніе. Ч. 2. Гл. 3. Пользы народныя должны быть единымъ упражненіемъ Государя и его Совѣтниковъ, или по малой мѣрѣ тѣ и другіе обязаны имѣть ихъ въ толь особливомъ смотрѣніи, чтобы они ихъ предпочитали всѣмъ собственнымъ.

[2]) Неттелбладтъ. Ест. юриспруд. § 706. Общее благоденствіе (salus publica) есть такое состояніе, когда многіе люди, вмѣстѣ взятые, могутъ дѣлать себя и свое внѣшнее состояніе совершеннѣйшимъ. § 707. Общая безопасность (securitas publica) есть такое состояніе, когда многіе люди, вмѣстѣ взятые, живутъ не опасаясь вреда другихъ. § 708. Республика (respublica), или гражданство (civitas), или царство (regnum, ein Staat) есть общество сложное, для общаго благоденствія и безопасности установленное. § 752. Верховный повелитель обязанъ всякимъ образомъ стараться о томъ, чтобы продолжалась цѣлость и безопасность общая всѣхъ подданныхъ, и всякій подданный обязанъ поступать такъ, чтобъ цѣлость и безопасность общая продолжалась. § 753. Верховный повелитель въ силу правленія имѣетъ право во всемъ томъ, безъ чего цѣлость и безопасность общая продолжаться не можетъ... § 755. Ежели въ республикѣ всякъ своимъ пользуется правомъ, и все то находится въ опой, что нужно, полезно и пріятно для жизни, то, въ такомъ случаѣ продолжается цѣлость общая.

[3]) Лоценъ. Общежитіе пчелъ, 30. Просвѣщенные и добродѣтельные мужи Государя, не пекущагося о пользѣ общей, не похваляютъ, потому что, какъ кратко сказать, невыгодно для народной пользы, есть ли онъ особенно о себѣ, а о обществѣ ничего или совсѣмъ мало печется.

36. Государь не только всѣмъ вообще благопріятствовать, но и частно всѣмъ общества членамъ вспомоществовать долженъ.

[4]) Билфелда. Наставленія полит. Гл. III, § 5. Порядочное государство есть не что иное, какъ собраніе множества гражданъ, живущихъ въ одной странѣ и соединяющихъ свои силы и свою волю, дабы получить все возможное спокойствіе и безопасность.

II. III, § 22. Государская власть есть полная власть управлять волею и дѣлами всѣхъ членовъ политическаго тѣла для государственной пользы.

[5]) Муратopія. О благоденствіи. Ч. I, 20—21. Разумѣю я чрезъ общенародное благоденствіе миръ и спокойствіе, которые добрый и благоразумный Государь печется доставлять своему народу ... Ограждая не токмо ото всякія обиды, но и спокойствіемъ (?) жизнь, честь и имѣнія

возглашенное и въ переводѣ Беккарія [1]). Само собою разумѣется, что и послѣдующія русскія сочиненія были подъ сильнымъ вліяніемъ той же теоріи. Какъ на примѣры, укажемъ хотя бы на законоискусника Горюшкина [2]), на дерптскаго юриста Дюгамеля [3]), на россійскаго исторіографа Карамзина [4]), на россійскаго же полицеиста Гуляева [5]). Всѣ эти русскіе писатели въ своемъ пониманіи государства вообще и самодержавнаго въ частности исходятъ изъ той же точки зрѣнія, которую установили ихъ западно-европейскіе современники. И для нихъ всякое «безпечаліе», «пользы народныя», «общее благосостояніе», «блаженство», «благо общественное», есть единственное и высшее признаніе государственной власти, и они, въ этомъ отношеніи, стоятъ на точкѣ зрѣнія новаго государства, а не средне-

---

своихъ подданныхъ, раченіемъ своимъ о нелицепріятномъ правосудіи; опредѣляя съ умѣренностью подати и налоги ... промышляя и оказуя своему народу всякое благо, какое только отъ него зависитъ. 25 — 26. Прямое и собственное дѣло добрыхъ и благоразумныхъ Государей, должность ихъ и санъ, состоятъ въ томъ, дабы непрестанно пещися о благѣ общенародномъ, доставляя своему народу всевозможное благоденствіе въ семъ мірѣ, истинномъ жилищѣ всякородныхъ золъ, заблужденій и безчинія страстей ... ежели человѣки согласилися дать себѣ Государя, подвергнуть себя единому начальнику, то учинили сіе единственно для собственнаго, своего блага. Подъ симъ единымъ условіемъ избраны были первые Цари, а отъ нихъ перешло оное въ молчаніе къ ихъ преемникамъ. (27—особенно же этимъ связанъ всякой „Государь Христіанскій“).

35. Самодержавіе ... для дѣланія блага республикѣ, — 36 — доставляя блаженство народамъ, покорившимся ему самопроизвольно ... всеобщее правило его состоитъ въ томъ, чтобы доставлять благоденствіе народу всѣми способами, какіе суть въ его власти, а исправное и вѣрное надзираніе правосудія входитъ уже въ число нужныхъ къ тому средствъ.

[1]) Беккарія. Преступл. и наказ. Какъ цѣль законовъ, онъ указываетъ „величайшее блаженство величайшаго числа“.

[2]) Горюшкинъ, Рос. законоискусство, переплетъ, 4, § 2164... Въ чемъ состоитъ Монаршая власть? Пещись о благосостояніи подданныхъ.

[3]) К. Д. Госуд. пр. 1—2. Нельзя лучше представить себѣ существо Самодержавной Христіанской Имперіи, какъ сравнивая ее съ многочисленнымъ семействомъ: отецъ семейства не имѣетъ другой цѣли, какъ благоденствіе ввѣренныхъ Божественнымъ Промысломъ ему чадъ, а дѣти не иначе могутъ вознаградить его за понесенные для нихъ труды, какъ любовью и преданностью.

[4]) Записка о древ. и нов. Россіи ... стр. 2251. Народъ въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами сказалъ имъ: „Блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частью для спасенія цѣлаго“.

[5]) Гуляевъ, Права и обязанности. § 1. Благо общественное составляетъ главный предметъ Правительства и законовъ: они, имѣя общую государственную силу, доставляютъ по мѣрѣ того блага, каждому гражданину слѣдующія выгоды и удобства въ жизни. § 2. Благо общественное и частное подробно изъясняется въ положительныхъ законахъ.

вѣковой вотчины, и здѣсь они являются европейцами, а не сторонниками азіатскаго ханства.

Однако, указанныя нами начала не были достояніемъ однихъ теоретиковъ, хотя бы и вѣнценосныхъ, какъ это мы видѣли выше. Принципы новаго государства получили въ культурныхъ государствахъ Европы и иную болѣе твердую почву и выраженіе. Они были восприняты этими государствами еще въ XVIII вѣкѣ въ различные оффиціальные сборники законовъ и въ то же время нашли себѣ мѣсто во всевозможныхъ прокламаціяхъ, объявленіяхъ, декларацiяхъ, наказахъ и даже различныхъ кодексахъ такъ называемаго просвѣщеннаго вѣка. Остановимся на нѣкоторыхъ важнѣйшихъ изъ памятниковъ того времени. Изданный въ 1756 году Codex Maximilianeus Bavarieus опредѣляетъ самое право какъ «предписаніе высшей власти, данное подданному въ дѣлахъ, относящихся до общаго блага» [1]). Іозефиніанскій гражданскій кодексъ устанавливаетъ непосредственно «обязанность государя ясно опредѣлить право подданныхъ и такъ руководить ихъ дѣйствіями, какъ этого требуетъ общее и частное благосостояніе» [2]). Французская декларація правъ 1791 г. провозглашаетъ одну только «общественную пользу» основаніемъ всѣхъ соціальныхъ различій и признаетъ только общественный вредъ основой для какихъ бы то ни было стѣсненій правъ гражданина; декларація 1793 г., однако, идетъ дальше и объявляетъ, что «цѣль общества, это — общее блаженство», и государственная помощь гражданамъ — «священный долгъ» общества; тѣ же начала подтверждаетъ замѣчательнымъ образомъ и конституція 1848 года, когда она не только возлагаетъ на государство «обязанность охранять гражданина въ его личности, семьѣ, религіи, собственности, трудѣ», но и долгъ доставлять нуждающимся «путемъ братской помощи» работу и т. д. [3]). Въ особенности, однако, принципъ общаго

---

[1]) Cod. Max. Bav. I, 1, § 3. Das Recht hat zwar unterschiedliche Bedeutungen, hier aber bedeutet es ein Gezetz, das ist ein oberherrschaftliches Gebot, welches in Sachen das gemeine Recht betreffend dem Unterthan vorgeschrieben ist.

[2]) Allg. Bürgerl. Gesetzbuch, T. 1, I, § 1. Jeder Unterthan erwartet von dem Landesfürsten Sicherheit und Schutz. Es ist also die Pflicht des Landesfürsten die Rechte der Unterthanen deutlich zu bestimmen, und ihre Handlungen so zu leiten, wie es der allgemeine und besondere Wohlstand fordert. II. § 1. Unter dem Schutze und nach der Leitung der Landesgesetze geniessen alle Unterthanen ohne Ausnahme die vollkommene Freiheit.

[3]) L. Duguit et H. Monnier. Les constitutions et les princip. lois pol. de la France. 1. Const. Franc. du 3 Sept. 1791. Déclaration des droits de l'homme

блага получилъ свое развитіе въ прусскомъ земскомъ уложеніи 1794 года, гдѣ были постановлены въ полномъ согласіи съ вышеуказанными баварскими и австрійскими кодексами—такъ же, впрочемъ, какъ и съ французскимъ революціоннымъ законодательствомъ—слѣдующія положенія: «цѣль гражданскаго союза и общая цѣль законовъ есть благо государства вообще и его обитателей въ частности», «законы и постановленія государства могутъ ограничивать естественную свободу и права гражданъ только постольку, поскольку этого требуетъ общая конечная цѣль государства». Общія права людей основываются на естественной «свободѣ ихъ искать и устраивать свое собственное благополучіе безъ поврежденія правъ другого». «Каждый житель государства имѣетъ право требовать отъ него защиты своей личности и имущества». «Тѣмъ лицамъ, которымъ недостаетъ только средствъ и способовъ для работы, чтобы самимъ заработать средства существованія, должны быть предоставлены заработки, которые соотвѣтствуютъ ихъ силамъ и способностямъ». Перенося далѣе всѣ обязанности государства на личность государя, земское право совершенно логически замѣчаетъ, что хотя «главнѣйшая обязанность главы государства» заключается «въ поддержаніи внѣшняго и внутренняго мира», однако «ему надлежитъ заботиться» и «объ учрежденіи такихъ установленій, при помощи которыхъ жителямъ были бы доставлены средства и возможность образовывать свои способности и силы и примѣнять ихъ для устройства своего благосостоянія» [1]).

---

et du citoyen. Art. 1... Les distinctions sociales ne peuvent être fondées que sur l'utilité commune... 5. La Loi n'a le droit de défendre que les actions nuisibles à la société...

L. Constit. du 24 Juin. 1793. Déclaration. Art. I. Le but de la société est le bonheur commun. 6. — La liberté est le pouvoir qui appartient à l'homme de faire ce qui ne nuit pas aux droits d'autrui: elle a pour principe la nature, pour régle — la justice, pour sauvegarde — la loi; sa limite morale est dans cette maxime: ne fais pas à un autre ce que tu ne veux pas qu'il te soit fait. — 21. Les secours publics sont une dette sacrée. La société doit la subsistance aux citoyens malheureux, soit en leur procurant du travail, soit en assurant les moyens d'exister à ceux qui sont hors d'état de travailler.

Const. du 4 Nov. 1848. Préambule. VIII. La République doit protéger le citoyen dans sa personne, sa famille, sa religion, sa propriété, son travail, et mettre à la portée de chacun l'instruction indispensable à tous les hommes; elle doit, par assistance fraternelle, assurer l'éxistence des citoyens nécessiteux, soit en leur procurant du travail... soit en donnant... des secours... etc. Тоже Const., chap. II, 13.

[1]) Allg. L. R. B. I. Einleit. § 77. Das Wohl des Staates überhaupt, und seiner Einwohner insbesondere, ist der Zweck der bürgerlichen Vereinigung

Нечего и говорить, что многочисленныя отдѣльныя узаконенія новаго европейскаго государства буквально переполнены ссылками на общее благо, въ особенности при проведеніи какихъ нибудь рѣшительныхъ мѣропріятій. И если, съ одной стороны, эти ссылки приводятся иногда въ видѣ серьезнаго обоснованія правъ государства, какъ, напримѣръ, въ объяснительныхъ соображеніяхъ Іосифа II Австрійскаго къ новому закону о бракѣ [1]), то, съ другой, они вырождаются въ обычную вступительную или заключительную формулу [2]) или даже пустую декламацію напыщенныхъ воззваній [3]). Характерно при этомъ то обстоятельство, что необходимость такихъ формулъ въ законодательствѣ самодержавныхъ государствъ получила даже теоретическое оправданіе у знаменитаго Зонненфельса въ качествѣ средства «впушить населенію высокое представленіе о законахъ» [4]). И этимъ средствомъ европейскіе государи, надо имъ отдать полную справедливость, пользовались всегда безъ особенныхъ стѣсненій.

Европейская теорія абсолютизма, который имѣетъ своею цѣлью одно только общее благо, нашла себѣ полное признаніе въ Россіи, начиная съ XIV вѣка. При помощи этого принципа русское государство перестраивается на новый ладъ. Оно ста-

---

und das allgemeine Ziel der Gesetze. § 79. Die Gesetze und Verordnungen des Staates dürfen die natürliche Freyheit und Rechte der Bürger nicht weiter einschränken, als es der gemeinschaftliche Endzweck erfordert. § 90. Die allgemeinen Rechte des Menschen gründen sich auf die natürliche Freyheit, sein eignes Wohl, ohne Kränkung der Rechte eines Andern suchen und befördern zu können. § 83. Jeder Einwohner des Staats ist den Schutz desselben für seine Person und sein Vermögen zu fordern berechtigt. T. II, 19. § 2. Denjenigen, welchen es nur an Mitteln und Gelegenheit, ihren und der ibrigen Unterhalt selbst zu verdienen, ermangelt, sollen arbeiten, die ihren Kräften und Fähigkeiten gemäss sind, angewiesen werden. T. II 13. § 2. Die vorzügliche Pflicht des Oberhaupts im Staate ist sowohl die äussere als innere Ruhe und Sicherheit zu erhalten und einen jeden bei dem seinigen gegen Gewalt und Störungen zu schützen. § 3. Ihm kommt es zu für Anstalten zu sorgen, wodurch den Einwohnern Mittel und Gelegenheiten verschafft werden, ihre Fähigkeiten und Kräfte ausbilden, und dieselben zur Beförderung ihres Wohlstandes anzuwenden.

[1]) Joseph. publ. eccles. 1783 r. Betrachtungen über die k.k. Verordnungen in Ehesachen von dem 16-ten des Wintermonates 1783.

[2]) Какъ примѣръ—Churpfalzl, R. Bl. 1802, XI. Und so werden wir dann unsern Wunsch auf die Basis der Vereinfachung und Veredlung des würdigen Volkslehrerstandes die sittliche Kultur und Wohlfahrt unserer Staaten für die Gegenwart und Zukunft dauerhaft zu gründen...

[3]) Bull. des lois. Sér. 3, T. IV, an X № 923, Procl. du 18 Brumaire. Partout le gouvernement fut votre guide et votre appui... Votre grandeur fait à sienne; et votre bonheur est la seule récompense à laquelle il aspire...

[4]) Sonnenfels. St. Verw. B. I, 167.

новится на общеевропейскую почву, и императрица Екатерина II имѣла полное право сказать въ этомъ смыслѣ уже въ 1766 году въ своемъ «Наказѣ»: «Россія есть европейская держава» (Гл. I, 6). Такою она стала со временъ Петра I, такою осталась и до настоящаго времени. Ея теперешніе недуги тѣ же, только застарѣлыя, общеевропейскія болѣзни, которыми сто лѣтъ тому назадъ страдала вся западная Европа и, къ счастью, уже болѣе не страдаетъ теперь. Крещеніемъ же въ общеевропейскую государственную форму было оффиціальное обоснованіе принципа самодержавія началомъ общаго блага. И если уже при Петрѣ Великомъ, этомъ царѣ «въ работѣ пребывающемъ», задачей государства стало—приносить «довольство во всемъ потребномъ въ жизни человѣческой» и «обосновывать фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности» [1]), то при Екатеринѣ Великой теорія общаго блага не только была вполнѣ усвоена политической практикой, но и получила законодательное выраженіе, которое и до настоящаго времени для русскаго юриста является руководящимъ принципомъ при толкованіи государственныхъ, а въ частности полицейскихъ законовъ. Считая себя сотворенной для своего народа [2]), великая императрица своимъ первымъ желаніемъ почитала «видѣть» свой «народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться» [3]) и не только «правиломъ положила» «пещись о благосостояніи» подданныхъ, но самую жизнь свою посвятила «тому, чтобы доставить въ имперіи... живущимъ всякаго состоянія людямъ мирное и безмятежное житіе» [4]). И это «рвеніе о благѣ общемъ» не есть результатъ

---

[1]) П. с. з. — 1721. Генв. 16 (3708). Регламентъ или уставъ главнаго Магистрата.

[2]) Наказъ XIX, 520 ... Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для нашего народа.

[3]) П. с. з. Указъ 1766 г. Дек. 14 (12801).

[4]) П. с. з. Манифестъ. 1774 г. Декабр. 19 (14230) ... Мы, принявъ отъ промысла Божія Самодержавную Власть Всероссійской Имперіи, главнѣйшимъ правиломъ въ Царствованіе Наше положили пещись о благосостояніи ввѣренныхъ Намъ отъ Всевышняго вѣрноподданныхъ по памѣреніямъ и въ угодность подателя всякаго блага Творца, не смотря ни на какой родъ препятствія. Мы жизнь нашу посвятили къ тому, чтобъ доставить въ Имперіи нашей живущимъ всякаго состоянія людямъ мирное и безмятежное житіе, для того мы безпрерывный трудъ прилагаемъ къ утвержденію Христіанскаго благочестія, къ поправленію законовъ гражданскихъ, къ воспитанію юношества, къ пресѣченію несправедливости и пороковъ, къ искорененію притѣсненій, лихоманія и взя-

только личныхъ вкусовъ или стремленій императрицы: «Какой предлогъ самодержавнаго правленія?» — спрашиваетъ она въ своемъ знаменитомъ Наказѣ.—«Не тотъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большого ото всѣхъ добра», и далѣе говоритъ она: «самодержавныхъ правленій намѣреніе есть слава гражданъ, государства и государя» [1]) и отсюда и опредѣленіе «хорошаго законоположничества», которое «не что иное есть, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу, или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло» [2]). Выраженные съ такой силой и законченностью принципы новаго государства стали съ той поры основой русской государственности, ни одинъ изъ преемниковъ Екатерины II не могъ обойтись въ своихъ важнѣйшихъ мѣропріятіяхъ безъ упомпнанія объ этомъ предлогѣ самодержавнаго правленія, и если Александръ I, который обѣщалъ при вступленіи на престолъ: «управлять»... «по закону» и «по сердцу» Екатерины II, провозгласилъ своей цѣлью доставить «ненарушимое блаженство» [3]) своимъ подданнымъ и подтвердилъ эти начала въ цѣломъ рядѣ указовъ [4]), то и Николай I при вступленіи на престолъ всенародно объявилъ «намѣренія» свои

токъ, къ умаленію праздности и нерадѣнія къ должностямъ. Неутолимое Наше рвеніе о благѣ общемъ наивяще ознаменовалось въ сіи послѣдніе и прошедшіе годы...

[1]) Наказъ I, 13, 15.

[2]) Наказъ X, 241.

[3]) Манифестъ о вступленіи на престолъ. П. с. з. 1801. Марта 12 (19779). Воспріемлемъ ... обязанность управлять Богомъ Намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей Августѣйшей Бабки Нашей ... да ... достигнемъ возвести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ.

[4]) Таковъ, напр., п. с. з. указъ объ учр. мин. 1802 г. Сент. 8 (20406): Благоденствіе народовъ, премудрымъ Промысломъ Скипетру Нашему ввѣренныхъ, есть священная и главнѣйшая цѣль, которую мы поставили Себѣ, пріявъ бремя Царствованія надъ обширною Имперіей Россійскою... благоденствіе народа незыблемо и ненарушимо утверждено быть можетъ тогда единственно, когда Правительство будетъ имѣть спасительныя средства не только исправить всякое явное пагубными слѣдствіями обнаруживаемое зло, но въ особенности искоренять самое начало онаго, отвращать всѣ причины, могущія подать поводъ къ нарушенію общаго и частнаго спокойствія, открывать нужды народа, предупреждать ихъ и благоразумно, ревностно и дѣятельно способствовать соблюденію и утвержденію необходимаго во всемъ порядка и умноженію богатства, природныхъ и и искусственныхъ произведеній, основаніемъ силъ и могуществу Имперіи служащимъ. 1801. Апр. 2 (19814) ... Сливая пользы Наши съ пользами Нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая единому дѣйствію закона охраненіе Имени Нашего и Государственной цѣлости отъ всѣхъ прикос-

«жить единственно для любезнаго отечества своего» [1]); точно также императоръ Александръ II этимъ началомъ общаго блага запечатлѣлъ важнѣйшія изъ своихъ благодѣтельныхъ реформъ, и именно во имя этого принципа, «для блага народа»,—рѣшилъ императоръ Александръ III «утверждать и охранять» «истину самодержавной власти» [2]). Тѣ же начала, наконецъ, не остались чуждыми и дѣйствующему праву. Такъ, въ коронаціонной молитвѣ, предписанной основными законами, самое дѣло царствованія именуется «великимъ служеніемъ», государь же молится о томъ «воеже вся устроити къ пользѣ врученныхъ ему людей и къ славѣ Божіей» [3]).

Принятіе теоріи общаго блага имѣло громадное значеніе для политическаго развитія Европы. И если вообще вездѣ, гдѣ только государство боролось съ частными старыми правами во имя новаго лучшаго строя, оно охотно становилось подъ знамя принципа общаго блага, то въ особенности этотъ принципъ долженъ былъ принести пользу въ той великой борьбѣ новаго государства съ феодализмомъ, гдѣ на одной сторонѣ стояли запросы дѣйствительно всеобщаго благосостоянія и необходимаго для этого національнаго единства, а на другой — масса благопріобрѣтенныхъ и наслѣдственныхъ привилегій, которыя раздробляли все государство во имя частныхъ интересовъ на владѣльческія деспотіи и дѣлали его жертвой феодальной анархіи [4]). Однако принятіе новыхъ государственныхъ принциповъ отразилось и на другомъ, не менѣе замѣчательномъ, процессѣ европейской политической жизни. Охватывая въ своей, вышеуказанной, формѣ, съ одной стороны, чисто государственный

новеній невѣжества или злобы, Мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены Мы въ вѣрности ихъ.... и что пользъ Нашихъ никогда не раздѣляемъ Мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей Нашихъ и воли. 1810, Янв. I (24,064) Учрежд. Госуд. Совѣта: Зная сколь существенно для блага вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ оградить собственность ихъ добрыми гражданскими законами, Мы обратили на часть сію особенное вниманіе.

[1]) П. с. з. Манифестъ 1825 г. Декабря 12 (1).

[2]) Манифестъ 29 апрѣля 1881 г.

[3]) Свод. з. Основные законы ст. 36, прим. 2, Ср. также прилож. III къ основн. законамъ.

[4]) L. v. Stein. Verwaltungslehre, B. II, 14. Именно философія доставила образующемуся королевству свое этическое содержаніе; она воодушевила государство великими идеями и своею нравственной силою подняла его надъ всѣмъ обычнымъ и ежедневнымъ. Сама философія права была ничѣмъ иным, какъ своего рода раціоналистическимъ ученіемъ управленія. Особенно велико было вліяніе Вольфа. Сравн. v. Sarvey, Allg., Y. K. 60.

интересъ, а съ другой—народныя пользы, всеобщее благосостояніе, даже общее блаженство, принципъ общаго блага ставитъ государству положительно необъятныя административныя задачи, которыя, въ свою очередь, требовали, какъ средство для ихъ удовлетворенія, и столь же необъятныхъ, ничѣмъ не ограниченныхъ полномочій верховной власти и громадныхъ средствъ для ихъ осуществленія. И съ этой стороны теорія общаго блага не только должна была стать, но и дѣйствительно стала оффиціальной теоріей такъ называемаго государственнаго абсолютизма. И въ этомъ видѣ она въ одинаковой степени, какъ мы видѣли уже выше, служила удобнымъ орудіемъ и въ рукахъ французскаго революціоннаго правительства, и одинаково въ рукахъ наслѣдственныхъ абсолютныхъ монарховъ: и то, и другіе искали въ ней оправданія своимъ глубоко идущимъ въ народную жизнь политическимъ и финансовымъ реформамъ [1]).

Но и этимъ значеніе новаго государственнаго принципа не ограничилось.

Будучи теоріей, допускающей широкій просторъ личному субъективному усмотрѣнію правительства, такъ какъ самое понятіе «общаго блага» чрезвычайно широко и растяжимо, новая доктрина оказалась незамѣнимой формулой для общаго

---

[1]) Jellinek. Allg. Staatslehre, стр. 217. Понятія благополучія (des Wohles) и близко лежащей къ нему пользы настолько многозначны, неопредѣленны, въ такой сильной степени зависятъ отъ субъективныхъ воззрѣній, что изъ нихъ можно вывести все, что угодно и въ дѣйствительности выведено: „Unter Berufung auf die gemeine Wohlfahrt sind zu allen Zeiten die rücksichtslosigsten Angriffe auf die höchsten und wichtigsten indiwiduellen Güter vorgenommen worden“. Отсюда и теорія благополучія была принята всѣми, кто стремился расширить до безграничнаго область государственной дѣятельности: „Sie ist die klassische Theorie des Staatsabsolutismus und des Polizeistaates“, 218. Но не только монархическій, но и демократическій абсолютизмъ искалъ въ этой теоріи оправданія; такъ, якобинцы въ конституціи 24 іюня 1793 г. Тоже Бабефъ, срав. Stein, Geschichte d. soc. Bewegung, I, 176 Gierke. Gen. R. B. I, 643. Indem der Begriff des öffentlichen Wohls als der oberste gefasst wird, muss die Sorge für das öffentliche Wohl oder die Polizei als diejenige Staatsfunction gelten, in deren Dienst alle anderen Funktionen stehen. Kommt daher das bestehende Recht mit dem öffentlichen Wohl in Konflikt, so muss jenes sich unbedingt beugen... Da nun aber Prüfung und Entscheidung darüber, ob ein solcher Fall vorliegt, ausschliesslich der Vertreterin des öffentlichen Wohls der Obrigkeit zufällt, so ist der Satz: „salus publica suprema lex esto“ ein bequeme Handhabe, um über jeden Rechtsbruch hinwegzuhelfen... erkennt daher die Obrigkeit als Repräsentantin der Polizei eine Rechtsschranke für sich oder gar einen Rechtsschutz gegen sich nicht an. Сравн. Stahl, Staatslehre (Phil. d. Rechts., II²) стр. 138, Herm. Schulze, D. Str. B. I, 27.

обоснованія той формы государственнаго устройства, которая получила наименованіе европейской самодержавной монархіи и сосредоточила въ рукахъ суверена всѣ функціи государственной власти безраздѣльно: здѣсь новая теорія послужила юридической основой для развитія въ высшей степени проникнутой личнымъ началомъ правительственной системы [1]).

Однако, для того, чтобы получить это послѣднее значеніе, теорія общаго блага должна была подвергнуться развитію и дополненію еще въ томъ смыслѣ, что только одинъ монархъ имѣетъ не только обязанность, но и исключительное право на осуществленіе этой великой задачи; другими словами, необходимо было обосновать, съ одной стороны, вообще монополію правительственной власти на служеніе общему благу, а съ другой—надо было еще сосредоточить все руководство по достиженію указанной цѣли исключительно и цѣликомъ въ рукахъ одного лица, спеціально и особо къ тому призваннаго, т. е. неограниченнаго монарха.

И дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, литература абсолютнаго государства и его законодательные источники даютъ намъ неопровержимыя свидѣтельства въ пользу того, что подобное раздѣленіе на государство и народъ, на управляющихъ и управляемыхъ, во имя общаго блага и на самомъ дѣлѣ совершилось и, предоставляя на долю первыхъ какъ самое опредѣленіе понятія общаго блага въ конкретныхъ случаяхъ, такъ и установленіе способовъ его осуществленія, она на долю вторыхъ оставила только нѣкоторыя общегражданскія (частныя) права и долгъ безусловнаго послушанія въ области публичноправовыхъ отношеній.

И прежде всего была выдвинута теорія, которая дѣлала исключительное призваніе монарха въ дѣлѣ достиженія общаго блага предметомъ особаго божественнаго порученія. И съ этой точки зрѣнія неограниченный государь становится намѣстникомъ Божіимъ, образомъ Бога на землѣ; и всякое сопротивленіе его власти дѣлается уже возстаніемъ противъ Бога [2]). Пре-

---

[1]) Stahl. Staatslehre (Phil. d. Rechts., II²), „Die Obrigkeit darauf ausgeht die sittlichen Ideen und die Nützlichkeitszwecke in ihrem ganzen Umfang und nach einer moralischen, daher arbiträren Würdigung eines jeden Falles zu realisiren“. Otto Meyer. P. R. I. 38. Der Fürst ist der eigentliche Träger der ungeheueren Aufgabe der Verfolgung des Staatszweckes.

[2]) Bodin. Républ. Chap. X, 211. Puis qu'il n'y a rien de plus grand en terre après Dieu que les princes souverains et qu'ils sont establis de lui comme ses lieutenants, pour commander aux autres hommes; il est besoin

столъ монарха провозглашается по этой теоріи престоломъ Господа Бога, самому государю присваивается нѣчто божественное, а его почитаніе становится даже «религіей», если не перваго, то, по крайней мѣрѣ, «второго величества». Мало того, государи здѣсь становятся даже сами какъ бы «богами» и причастными въ нѣкоторой степени божественной независимости. Въ силу этого божественнаго освященія и призванія, государь далѣе становится въ особое отношеніе къ государству; онъ какъ бы сосредоточиваетъ его въ себѣ. Сила и мощь всѣхъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ становится его силою и мощью. Ихъ воля сосредоточивается вся въ его груди и становится его волей, онъ самъ поглощаетъ въ себѣ государство и самъ становится государствомъ.

И послѣ этого выступаетъ уже ясно истинный характеръ его призванія: ставши всемогущимъ, подобно Богу, монархъ, какъ отраженіе своего небеснаго Отца, одинъ получаетъ миссію обезпеченія высшаго блага на землѣ; имя государя становится равнозначнымъ имени Отца; ему принадлежатъ общая забота и попеченіе о народѣ; ему принадлежатъ всѣ необходимыя для этого средства; для блага государства сосредоточены въ его рукахъ всѣ общественныя силы. «Послѣ того какъ мы видѣли»,— восклицаетъ Боссюетъ,—«что все государство—въ особѣ государя, что ему принадлежитъ вся власть и сила, что въ немъ сосредоточена вся воля народа, никто не можетъ сомнѣваться, что ему одному принадлежитъ вся забота о благѣ общемъ» [1]).

---

de prendre garde à leur qualité, afin de respecter et révérer leur majesté en toute obéissance, sentir et parler d'eux en tout honneur: car qui mésprise son Prince souverain, il mésprise Dieu, duquel il est image en terre.— 215. Or tout ainsi que ce grand Dieu souverain ne peut faire un Dieu pareil a lui, attendu qu'il est infini et qu'il ne se peut faire qu'il y ait deux choses infinies par demonstration nécessaire: aussi pouvons-nous dire que le Prince que nous avons posé comme l'image de Dieu, ne peut faire un subject égal à lui, que sa puissance ne soit anéantie.

[1]) Bossuet. Politique. L. III Art. II. I Proposition... Nous avons déjà vu que toute puissance vient de Dieu. Les princes agissent donc comme ministres de Dieu et ses lieutenants sur la terre. C'est par eux qu'il exerce son empire... le trône royal n'est pas le trône d'un homme, mais le trône de Dieu même. 2 Prop. La personne des rois est sacrée et... attenter sur eux c'est un sacrilège... ils sont sacrés par leur charge comme étant les représentants de la majesté divine, députés par sa providence à l'exécution des ses desseins. 3 Prop. Il y a donc quelque chose de réligieux dans le respect qu'on rend au prince. Le service de Dieu et le respect pour les rois sont choses unies... Aussi Dieu a-t-il mis dans les princes quelque chose de divin... (Psal. LXXXI, 6). Почитаніе царей это, говоря словами Тертул.: „la réligion de la seconde majesté“. L. IV, Art. 1, 2 Prop. Les jugements souverains sont attribués à Dieu même. Il faut obéir aux princes

Принципъ божественнаго призванія царской власти получилъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, особое примѣненіе въ старыхъ монархіяхъ Европы, гдѣ почва для этого уже была давно подготовлена, на западѣ—борьбою императоровъ и королей съ папами, а на востокѣ—благодаря старой византійской традиціи. И тамъ, и здѣсь соединеніе новаго начала «общаго блага» съ старымъ принципомъ божественнаго призванія могло быть особенно полезно для усиленія самодержавной власти, такъ какъ, благодаря этому, монархическая власть, съ одной стороны, не утрачивала характера новой свѣтской и просвѣщенной формы правленія, съ другой же—подымала свое призваніе на недосягаемую высоту и могла съ успѣхомъ противостоять не только всякимъ земнымъ поползновеніямъ со стороны подданныхъ, но и противодѣйствію церковнаго—въ особенности теократическаго—элемента. Для этого послѣдняго обстоятельства въ особенности важно, что вышеприведенная формулировка указанной теоріи дана никѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей такъ называемыхъ галликанскихъ вольностей 1682 года, и на почву той же теоріи стало въ свое время и церковное законодательство Іосифа II. Такъ, монархи «Божіею милостью» стали въ ряды носителей новыхъ идей и пред-

---

comme à la justice même, sans qu'il n'y a point d'ordre ni de fin dans les affaires. Ils sont des Dieux et participent en quelque façon à l'indépendance divine. Il n'y a que Dieu qui puisse juger de leurs jugements et leur personnes. 3 Pr. Au prince seul appartient le commandement légitime, à lui seul appartient aussi la force coactive. L. IV. Art. I, 3 Pr. Au prince seul appartient le soin général du peuple; c'est le premier article et le fondement de tous les autres: à lui les ouvrages publics; à lui les places et les armes; à lui les décrets et les ordonnances; à lui les marques de distinction; nulle puissance que dépendante de la sienne; nulle assemblée que par son autorité; c'est ainsi que pour le bien d'un Etat, on en réunit en un toute la force. Liv. V, Art. IV, Pr. I. La majesté est l'image de la grandeur de Dieu dans le Prince. Dieu est infini, Dieu est tout. Le prince en tant que prince n'est pas regardé comme un homme particulier; c'est un personnage public: tout Etat en lui, la volonté de tout le peuple est renfermée dans la sienne. Comme en Dieu est réunie toute perfection et toute vertue, ainsi toute la puissance des particuliers est réunie en la personne du prince... la puissance royale agit en même temps dans tout le royaume. L. VI, Art. I, Pr. 1. Personne n'en peut douter, après que nous avons vu, que tout l'Etat est en la personne du prince. En lui est la puissance, en lui est la volonté de tout le peuple; à lui seul appartient de faire tout conspirer au bien public. L. III, Art. III. Les Rois tiennent la place de Dieu qui est le vrai père du genre humain... l'on a fait les rois sur le modèle des pères... le nom de roi est un nom de père. Сравн. Louis XIV, Oeuvres. I. II, 366. Celui qui a donné des rois aux hommes a voulu qu'on les respectât comme ses lieutenants, se réservant à lui seul le droit d'examiner leur conduite.

ставителей «просвѣщеннаго» вѣка, а божественное происхожденіе власти стало основой воистину грандіозныхъ задачъ всеобщаго благополучія и блаженства.

Нельзя, однако, не замѣтить, что принципъ божественнаго призванія царской власти, который получилъ примѣненіе во Франціи во времена стараго режима, не только былъ лозунгомъ легитимной Европы начала XIX вѣка, но утвердился въ особенности въ самодержавной Россіи. И если еще Юр. Крижаничъ съ полной сознательностью провозгласилъ у насъ, что «Краль есть Божій намѣстникъ и живо- законоставіе. И зато единому Божіему законоставію есть подверженъ и отъ всякаго человѣческаго, или кралевскаго законоставія, краль есть вышній. Ино потомъ не можетъ краль поставить самъ себѣ заповѣди, нѣтъ законоставія, коему бы онъ самъ, либо онъ, краль, долженъ быть подверженъ. Богъ бо его есть учинилъ вышимъ отъ человѣческаго законоставія: и сего Божіего законоставія человѣкъ не можетъ разорить»; и если изъ этого положенія далѣе необходимо слѣдовало, что самое величество царское есть величество Божіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и благо царское—есть благо народное, такъ какъ то, что полезно головѣ, то полезно и всему тѣлу, а что полезно князю, то полезно и всему народу [1]), то уже со временъ Петра I было положительно установлено у насъ закономъ, что «Монарховъ власть есть самодержавная, которымъ повинноваться Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ»... (Дух. Реглам.) [2]). И хотя Екатерина II въ Наказѣ намѣтила нѣсколько иную основу самодержавія: «Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно со пространствомъ толь великаго государства» [3]), однако сама же императрица въ своихъ законодательныхъ актахъ съ особеннымъ удареніемъ всегда основывала свою власть именно на соизволеніи промысла Божія [4]). И это

---

[1]) Крижаничъ. Русск. госуд. 40, 12, 6. Scire debent nostri subditi; Regem esse Dei vicarium in Terris. Idcirco nostra regalis majestas non est nostra majestas, sed Dei, ideoque superior, excepta ab omni humana lege, judicio et potestate: et cui nemo ex subeditis sine scelere potest resistere. Scitote etiam: quod bonum regis est bonum totius gentis. Quidquid prodest capiti, prodest toti corpori. Quidquid prodest principi prodest etiam publicae toti genti. Quo rex est opulentior et potentior, eo gens ipsa est ditior gloriosior felicior. Сравн. также 41, 1, 2, 3, 4, 5, тоже 44, 1, 2, 3, 4.

[2]) II. с. з. Янв. 25 (3718) ч. 1. п. 2, 1721 г.

[3]) Наказъ II, 9.

[4]) Срав., напримѣръ, выше, примѣчаніе 33.

начало уже осталось незыблемымъ въ русскомъ законѣ; оно не только выразилось въ цѣломъ рядѣ актовъ верховной власти [1]), въ особенности же въ манифестѣ 29 апрѣля 1881 г., гдѣ прямо сказано: «Гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія», но и нашло себѣ мѣсто въ основныхъ законахъ имперіи; такъ, здѣсь 1 ст. гласитъ: «Императоръ всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть, самъ Богъ повелѣваетъ». Отсюда ясно, что божественное начало царской власти, выраженное съ такой опредѣленностью въ русскомъ законѣ, не могло не привлечь къ себѣ вниманія русской государственной науки. И дѣйствительно, въ системѣ русскаго государственнаго права кіевскаго профессора Романовича-Славатинскаго мы читаемъ слѣдующія строки: «Въ монархіи самодержавной существуютъ законы, непреложные и священные для самодержца. Законы эти—основы народной жизни, интересы русской земли... блага русскаго народа и русской земли служеніе ея внутреннимъ преуспѣяніямъ, ея внѣшней чести и неприкосновенности—что всегда составляло знамя нашихъ лучшихъ самодержцевъ и что сливается съ личными интересами ихъ и династіи. Церковь научаетъ русскій народъ повиноваться верховной самодержавной власти не изъ-за страха предъ нею, но изъ-за совѣсти... По представленіямъ великорусскаго народа царь—воплощеніе государства. По народнымъ понятіямъ русскій царь... есть само государство, Царь—воплощеніе Святой Руси» [2]). Невольно поражаетъ сходство этого ученія современнаго русскаго государствовѣда съ теоріей выше цитированнаго нами католическаго епископа Людовика XIV [3]).

Другое теченіе политической мысли, которое сосредоточивало въ рукахъ монарха неограниченную власть для достиженія общаго блага, исходило изъ школы естественнаго права; оно нашло наиболѣе типичное выраженіе въ твореніяхъ Гоббеса. По этой теоріи самою цѣлью установленія государства было стремленіе людей не только къ покою и безопасности,—такъ какъ въ естественномъ состояніи господствовала ужасная война всѣхъ со всѣми,—но и стремленіе къ счастливѣйшей жизни. Въ этихъ именно видахъ и былъ заключенъ договоръ, по которому были

---

[1]) Срав., выше, примѣчанія 36 и 38.
[2]) Ром.-Славатинскій. С. р. з. пр., стр. 78, 79, 51.
[3]) Сравн. примѣчанія 3 и 47.

переданы правительству—безъ какихъ бы то ни было условій—всѣ права и силы отдѣльныхъ лицъ въ его полное безконтрольное распоряженіе. Этимъ путемъ возникло государство, это великое и благодѣтельное чудовище, этотъ богъ земной, этотъ громадный искусственно сдѣланный человѣкъ, и только въ нѣдрахъ этого страшнаго творенія люди нашли и свою безопасность, и спокойствіе, и возможное блаженство. Однако, это свершилось цѣною потери ими всей первобытной естественной свободы. Между абсолютнымъ правительствомъ, возникшимъ путемъ договора и тиранніей уже нѣтъ больше принципіальнаго различія. И это вполнѣ понятно,—разъ народъ, какъ нѣчто цѣлое и единое, становится таковымъ именно благодаря только государству, то онъ внѣ государства не существуетъ: его воля сливается съ волей государства, его сила становится государственной; мало этого—именно этотъ народъ и остается въ государствѣ истиннымъ держателемъ власти, такъ какъ его воля, выразившаяся въ договорѣ, продолжаетъ жить и властвовать въ установленномъ имъ правительствѣ. Но, съ другой стороны, какъ мы видѣли выше, абсолютная власть государства цѣликомъ и раздѣльно совпадаетъ съ неограниченной властью государя; итакъ, если народъ есть государство, то государство есть государь! Или, иначе, государь есть самъ безпредѣльно властвующій народъ. И эта власть—направленная къ общему благу—есть власть абсолютная, неограниченная власть, которая имѣетъ право дѣлать все, что только пожелаетъ, совершенно безнаказанно; власть, которая одна имѣетъ право издавать для подданныхъ обязательные законы, судить и наказывать ихъ, распоряжаться по своему усмотрѣнію ихъ имуществомъ и жизнью. Только такой власти можетъ быть подъ силу выполненіе грандіозной цѣли, ради которой заключенъ первоначальный договоръ [1]).

---

[1]) Hobbes. De cive XIII, 4 Nam eo fine homines in civitates instituti sponte coiere, ut possent... jucundissime vivere. Hobbes. Leviath. Cap. 17; формула же общественнаго договора такова: Ego huic homini (vel huic coetui) Autoritaten et jus meum regendi meipsum concedo ea conditione, ut tu quoque tuam Authoritatem et jus tuum tui regendi in eundem transferas... Hobbes. De cive, V, 8: qui subjicit voluntatem suam alterius, voluntati, transfert in illum alterum jus virium et facultatum suarum; ut cum caeteri idem fecerint, habeatis cui submittitur tantas vires, ut terrore eorum singulorum voluntates ad unitatem et concordiam possit confirmare. VI, 13. Manifestum est in omni civitate perfecta (...) esse summum in aliquo Imperium, quo majus ab hominibus jure conferri non potest, sive quo majus nemo mortalium habere potest in se ipsum Imperium autem quo majus ab

Начала, провозглашенныя Гоббесомъ, также имѣли свою судьбу: они не только составили одинъ изъ отправныхъ пунктовъ всей монархической теоріи естественнаго права, но и доставили суверенамъ философское подтвержденіе одного изъ наиболѣе любимыхъ ими аргументовъ въ томъ смыслѣ, что, какъ выразился уже Людовикъ XIV: «безъ власти» (подразумѣвается — самодержавнаго монарха) человѣкъ, «по прпродѣ властолюбивый и надменный», сдѣлался бы жертвою болѣе сильнаго и не нашелъ бы болѣе въ мірѣ ни справедливости, ни удовлетворенія, ни защиты тому, чѣмъ онъ владѣетъ, ни помощи въ потерѣ, и отсюда происходитъ любовь къ послушанію, поскольку человѣкъ любитъ свою собственную жизнь и имущество» [1]). Однако, и въ болѣе чистомъ видѣ теорія Гоббеса нашла свое примѣненіе, несмотря на всю крайность своихъ выводовъ; и надо отмѣтить, между прочимъ, что она не прошла безслѣдно для Россіи, гдѣ сыграла довольно серьезную роль: на ней была основана «Правда воли монаршей», изданная какъ оффиціальное оправданіе новаго порядка престолонаслѣдія, установленнаго Петромъ I; какъ извѣстно, этотъ порядокъ отразился довольно печально на судьбахъ Россіи, до изданія знаменитаго акта императора Павла I; на той же теоріи была построена записка Карамзина о древней и новой Россіи, которая была теоретическимъ основаніемъ второй «аракчеевской» половины царствованія Александра I [2]).

---

hominibus in hominem transferri non potest vocamus absolutum; и эта власть характеризуется тѣмъ, что она, ut quidlibet, possit impune facere leges, condere lites, judicare, poenas sumere, viribus et opibus omnium suo arbitrio ut atque haec omnia jure. VII, 3: Non sunt igitur diversi civitates status Regnum et Tyrannis, sed eidem Monarcha nomen Regis pro honore. Tyranni pro convicio datur XII, 8. Homines non satis distinguant inter populum et multitudinem. Populus est unum quid, unam habens voluntatem et cui actio una attribui possit... Populus in omni civitate regnat... In Democratia et Aristocratia civis sunt multitudo; sed curia est populus. Et in Monarchia subditi sunt multitudo et (quamquam paradoxum sit) Rex est populus. Hobbes, Leviathan, cap. 17. Atque haec est generatio magni illius Leviathan vel (ut dignius loquar) Mortalis Die; cui pacem et Protectionem sub Deo immortali, debemus omnem. Pars prima introductio. Magnus ille Leviathan, quae Civitas appelatur, opificium. Artis. est, et Homo artificialis.

[1]) Louis XIV. Oeuvres. T. 1 p. 155.

[2]) Ѳеофанъ Прокоповичъ. Правда воли мон. 15. Таковая была къ первому Монарху воля народная, аще и не словомъ, но дѣломъ изъявленная, согласно всѣ хощемъ, да ты къ общей нашей пользѣ, владѣеши надъ нами вѣчно... мы же единожды воли нашей совлекшеся, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употреблять не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникомъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніемъ одолжаемся и нашихъ по насъ наслѣдниковъ тамже дол-

Наибольшимъ успѣхомъ, однако, среди абсолютныхъ правительствъ просвѣщеннаго вѣка пользовались не теоріи Гоббеса и Боссюета, но тѣ ученія, которыя, стоя также на естественноправовой почвѣ и въ частности придерживаясь теоріи общественнаго договора, могутъ быть названы системой договорной опеки. По этой теоріи, главнѣйшимъ представителемъ которой является Хр. Вольфъ, выходитъ, что люди, не будучи сами достаточно разумными и сильными, чтобы самимъ доставить себѣ все нужное имъ блаженство, отыскали соотвѣтственное лицо и поручили ему попеченіе надъ собой и заботу о своемъ собственномъ благѣ. Въ этомъ—цѣль общественнаго договора. Однако, такъ какъ они все-таки настолько разумны, что могутъ сами устраивать кое-какъ свои частныя дѣла, то они и оставили за собою,—по крайней мѣрѣ, насколько ихъ частный интересъ не приходитъ въ столкновеніе съ общимъ, — нѣкоторыя частныя права, «естественныя вольности» или даже часть своей первоначальной «свободы». Предполагается, что тотъ властный опекунъ, котораго они надъ собой поставили, будетъ хранить этотъ договоръ и безъ особенной нужды ихъ частныхъ вольностей нарушать не будетъ. Во всемъ же, что касается общаго блага, ему предоставляется дѣйствовать безконтрольно по его благоусмотрѣнію. Таково содержаніе договора [1]). Установленная та-

---

женствомъ обязуемъ. П. с. з. Апр. 25 1726 г. (4870)... Какъ въ томъ уставѣ и въ выданной печатной книгѣ утверждено, такъ и вышеупомянутую генеральною присягою всѣ обязались... ежели... кто инако что противное помянутому уставу толковать станутъ, то за измѣнниковъ почтены и смертной казни и церковной клятвѣ подлежать будутъ (такъ какъ было издано „по согласію духовнаго и мірскаго главнаго правительства"), Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи, стр. 2271—2272... Если бы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистью къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти, то истинный добродѣтельный гражданинъ Россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: „Государь, ты преступаешь границы своей власти; наученная долговременными бѣдствіями, Россія предъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе твоему предку и требовала да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти, иной не имѣешь, можешь все, но не можешь законно ограничить ее".

[1]) Chr. Wolff. Gedanken. § 229. Da man im gemeinen Wesen dafür zu sorgen hat wie die gemeine Wohlfahrt befördert und die gemeine Sicherheit erhalten werde, auch zu dem Ende alles zu veranstalten, dass die welche der natürlichen Verbindlickeit Raum geben, desto bequemer das Gesetz der Natur beobachten können, hingegen die Wiederspenstigen zu dieser Beobachtung angehalten werden; so ist es nöthig, dass gewissen Personen diese Sorge aufgetragen werde, und die andern auferlegen dasjenige zu thun, was sie zu Erhaltung dieser Absihten für gut befinden. Jene werden Oberkeiten, diese hingegen Unterthanen genannt. Und dem-

кимъ образомъ власть, само собою разумѣется, уже не можетъ быть болѣе названа «всѣмъ государствомъ» или «всѣмъ народомъ», она не можетъ претендовать на положеніе внѣ и надъ всякимъ правомъ, но она зато является въ буквальномъ смыслѣ слова «головою» организма, гдѣ остальные граждане являются членами, и все, что эта «голова» сочтетъ необходимымъ установить въ цѣляхъ общаго блага, все это необходимо должно быть исполнено, и если при этомъ и произойдетъ нѣкоторое нарушеніе «естественныхъ вольностей», то вполнѣ понятно, что такое нарушеніе въ каждомъ данномъ случаѣ, во-первыхъ, можетъ быть оправдано требованіями высшаго начала «общаго блага», а во-вторыхъ, и самою необходимостью оградить упомянутыя вольности отъ злоупотребленій [1]).

Такъ, неограниченный монархъ, ставши, согласно этому

---

nach sind die Oberkeiten Personen, denen die Sorge für die gemeine Wohlfahrf und Sicherheit im gemeinen Wesen obliegt. Hingegen die Unterthanen sind Personen, welche sich verbindlich gemacht haben den Willen der Oberkeit ihren Willen sein zu lassen. § 230. Es ist demnach zwischen der Oberkeit und den Unterthanen ein Vertrag... Условія же этого договора, говоря словами Фридриха Великаго, таковы (Frédéric le Gr., Oeuvres, T. IX, стр. 208). „Nous — говорятъ граждане при установленіи государства въ своемъ обращеніи къ призываемымъ властямъ — avons besoin de vous pour maintenir les lois, auxquelles nous voulons obéir, pour nous gouverner sagement, pour nous défendre; du reste, nous exigeons de vous que vous respectiez notre liberté". Въ силу этихъ цѣлей далѣе (T. VIII, p. 25) ils ont choisi celui... qu'ils ont cru le plus juste pour les gouverner. — 26. Le meilleur servir de père le plus humain pour compatir à leurs infortunes et les soulager, le plus vaillant pour les défendre contre leurs ennemis, le plus sage afin de ne les point engager mal à propos dans des guerres destructives et ruineuses, enfin l'homme le plus propre a représenter le corps de l'état, et en qui la souveraine puissance put servir d'appui aux lois et à la justice et non de moyen pour commettre impunément les crimes et pour exercer la Tyrannie.

[1]) Frédéric, Oeuvres, T. IX, 200. Le Souverain représente l'Etat et les peuples ne forment qu'un corps, qui ne peut etre heureux qu'autant que la concorde les unit. 201. Le prince est à la société qu'il gouverne ce que la tête est au corps: il doit voir, penser et agir pour toute la communauté, afin de lui procurer tous les avantages dont elle est susceptible. Сравн. Louis XIV, T. I, 116—117. Il semble qu'ils—т. е. подданные — fassent une partie de nous même, puisque nous sommes la tête d'un corps dont ils sont les membres... Il est beau de mériter d'eux le nom de pêre avec celui de maître, et si l'un nous appartient par le droit de notre naissance, l'autre doit être le plus doux objet de notre ambition.—153...—nos sujets... sont nos véritables richesses et les seules que nous conservons proprement pour les conserver; сравн. выше примѣчаніе 7 (T. IX, 208, T. I, 123).

Sonnenfels, St. Verw. § 14 Nota XVII: при договорѣ подчиненія обѣщается повиновеніе только относительно средствъ, а не относительно цѣли.

N. XX. Wie weit das Recht der öffentlichen Verwaltung reicht? Soweit und auf Alles, was zur Erfüllung ihrer Verbindlichkeit in Ansehung des gemeinschaftlichen Wohlstandes nothwendig ist.

ученію, только головою организма, его представителемъ, даже первымъ министромъ и слугою, не только ничего не теряетъ въ своей власти, но, наоборотъ, выигрываетъ, такъ какъ власть его, оставаясь по существу ничѣмъ неограниченной, получаетъ, однако, весьма опредѣленную правовую окраску и придаетъ самымъ его дискреціоннымъ мѣрамъ видъ и значеніе закономѣрности.

И надо отмѣтить, что эта теорія получила чрезвычайное признаніе среди правительствъ просвѣщеннаго вѣка. И если уже въ австрійскомъ гражданскомъ кодексѣ 1767 года мы встрѣчаемся съ провозглашеніемъ «полной свободы» подданныхъ въ области гражданскаго права, а прусское земское уложеніе 1794 г. прямо говоритъ объ «естественной вольности» гражданъ [1]), то подобный же принципъ мы встрѣчаемъ и во Франціи, когда было объявлено, что «революція закончена» и «закрѣплена въ тѣхъ принципахъ, въ которыхъ была начата» [2]), и даже въ Россіи, гдѣ Екатерининскій Наказъ дѣлаетъ «естественную вольность» «предлогомъ» самодержавной власти [3]), а знаменитый кодификаторъ русскаго свода не только провозгласилъ «гражданскую вольность» необходимой для народнаго блага [4]), но закрѣпилъ ее въ IX и I части X тома свода законовъ и въ 47 ст. основныхъ законовъ.

Насколько же, съ другой стороны, всѣ эти «вольности» мало препятствовали примѣненію самыхъ рѣшительныхъ мѣропріятій общественнаго спасенія или общаго блага, показываетъ хотя бы весьма поучительный примѣръ того французскаго правительства, которое не только закончило, но и «закрѣпило» революцію; какъ извѣстно, это закрѣпленіе привело очень скоро къ необходимости «депортацій» тѣхъ частей народа, тѣха индивидовъ, которые, приписывая себѣ «наименованіе и права народа», возставали противъ правительства и являлись такимъ образомъ

---

[1]) Allg. Bürgerl. Gesetzbuch, Th. I, II, § 1... Unter dem Schutze und nach der Leitung der Landesgesetze geniessen alle Unterthanen ohne Ausnahme die vollkommene Freiheit.

Сравн. выше примѣч. 27, а также B. I Einleit. § 94. Handlungen, welche weder durch natürliche noch durch positive Gesetze verboten worden, werden erlaubt genannt.

[2]) Bulletin des lois, 23 IX, an VIII. № 3460. Procl. du 24 Frimaire an VIII — citoyens, la révolution est fixée aux principes qui vont commencé: elle est finie.

[3]) Наказъ I, 13.

[4]) Сперанскій. Руков. законовъ, 172.

«бичемъ соціальнаго порядка». Вполнѣ естественно, что правительство, закрѣпившее революцію и считавшее только себя единственнымъ носителемъ истинной воли народа, а также хранителемъ общественнаго договора, сочло себя вполнѣ вправѣ усмирить бунтовщиковъ именемъ державнаго народа и «при молчаніи законовъ и конституціи». Здѣсь народъ какъ бы весь, безъ остатка, сосредоточился въ лицѣ своего правительства—этого единственнаго хранителя договора; отсюда же, далѣе, вытекало вполнѣ естественно, что когда охранительный сенатъ былъ облеченъ особою миссіей защиты личной неприкосновенности и свободы гражданъ, то онъ получилъ только одинъ—воистину великій—критерій для сужденія о законности или незаконности различныхъ мѣръ стѣсненія этой свободы, а именно: онъ долженъ былъ отмѣнять только тѣ изъ нихъ, которыя не могли быть оправданы «соображеніями государственнаго интереса» [1]).

Другимъ и положительно классическимъ воплощеніемъ «умѣренной» теоріи естественнаго права и общественнаго договора являются несомнѣнно положенія прусскаго земскаго уложенія; цѣлые отдѣлы этого кодекса посвящены вопросу о правахъ и обязанностяхъ государства по отношенію къ подданнымъ, цѣлый рядъ статей говоритъ о правоотношеніяхъ, которыя связываютъ суверена, съ одной стороны, и подданнаго, съ другой; однако самый предметъ этихъ правоотношеній настолько неопредѣленъ, онъ указанъ въ такихъ общихъ выраженіяхъ, содержаніе его настолько неуловимо, что здѣсь единственно положительный смыслъ получаютъ выраженія закона, которыя, во-первыхъ, «всѣ права и обязанности государства по отношенію къ гражданамъ

---

[1]) Bull. d. lois, sér. 3. T. II an IX, № 440. Du 15 Nivose... que dans ce silence de la Constitution et des lois, sur les moyens de mettre un terme à des dangers qui menacent chaque jour la chose publique, le désir et la volonté du peuple ne peuvent être exprimés que par l'autorité qu'il a spécialement chargée de conserver le pacte social, et de maintenir ou d'annuller les actes favorables ou contraires à la Charte constitutionelle... le Sénat conservateur déclare... que cet individus, s'arrogeant le nom et les droits du peuple, ont été et continuent d'être en toute occasion le foyer de tout complot, les agents de tout attentat, l'instrument vénal de tout ennemi étranger ou intérieur, les perturbateurs de tout Gouvernement, et le fléau de l'ordre social... seront mis en surveillance spéciale, hors du territoire européen de la République. Bull. d. lois, sér. 4, T. I an XII, № I du 28 Floréal an XII, Titre VIII—указаны основанія для отмѣны административныхъ мѣръ личнаго задержанія и ареста книгъ.—62. Lorsque la commission estime que la détention... n'est pas justifiée par l'intérêt de l'État...—66. Lorsque la commission estime que les empêchements (65 — mis à l'impression ou à la circulation d'un ouvrage) ne sont pas justifiés par l'intérêt de l'État, elle....

и лицамъ, находящимся подъ его охраной», соединяютъ въ единой особѣ государя, и, во-вторыхъ, даютъ главѣ государства право предпринимать всѣ дѣйствія и пользоваться всѣми средствами, которыя ему доставляетъ неограниченная государственная власть для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя ему угодно будетъ себѣ поставить. Никакого другого непосредственнаго значенія эти статьи не имѣютъ и имѣть не могутъ [1]); общій результатъ ихъ тотъ же, что и выводъ одного замѣчательнаго баварскаго эдикта времени реформъ Монжеласа: «истинное благо государства, такъ же, какъ и благо гражданъ, можетъ быть насаждаемо только правительствомъ, такъ какъ никому другому не предоставлено обозрѣвать отношенія вообще и чрезъ это соображать благополучіе цѣлаго» [2]); или, говоря словами болѣе ранняго австрійскаго объявленія: «понятіе гражданскаго общества не можетъ быть отдѣлено отъ понятія высшей власти и власти законодательной», «все же, что можетъ имѣть вліяніе на общее благо, есть предметъ вѣдѣнія» именно этой послѣдней [3]). Нечего и говорить, что у насъ въ Россіи, несмотря на провозглашеніе въ свое время различныхъ «вольностей», всегда и повсюдно держался и проводится тотъ же принципъ исключительнаго права правительства на заботу объ общемъ благѣ; такъ, даже наше

---

[1]) Сравни выше примѣч. 25, а также Allg. L. R. T. II, 13. § 14. Damit das Oberhaupt des Staats die ihm obliegenden Pflichten erfüllen und die dazu erforderlichen Kosten bestreiten könne, sind ihm gewisse Einkünfte und nutzbare Rechte beigelegt; T. II, 17, § 1. Der Staat ist für die Sichercheit seiner Unterthanen in Ansehung ihrer Personen, ihrer Ehre, ihrer Rechte und ihres Vermögens zu sorgen verpflichtet. B. I. Einl... § 81. Einzelne Rechte und Vortheile der Mitglieder des Staats müssen den Rechten und Pflichten zur Beförderung des gemeinschaftlichen Wohls, wenn zwischen beiden ein wirklicher Wiederspruch (Collision) eintritt, nachstehn. § 82. Dagegen ist der Staat denjenigen, welcher seine besondern Rechte und Vortheile dem Wohle des gemeinen Wesens autzuopfern gonöthig ist, zu einschädigen gehalten. § 87. Auch Rechtsstreitigkeiten zvischen dem Oberhaupte des Staats und seinen Unterthanen sollen beiden ordentlichen Gerichten, nach den Vorschriften der Gesetze, erörtert und entschieden werden.

[2]) Churpfalzb. R. Bl. 1804. XI Verordn. v. 5 März 1804. Das wahre Wohl des Staates und das Beste der Staatsbürger nur durch die Regierung befördert werden kann, der es allen vorbehalten ist die Verhältnisse im Allgemeinen zu durchblicken und hierauf den Wohlstand des Ganzen zuberechnen.

[3]) Joseph II, Publ.-eccles. Betrachtungen über k. k. Verordnungen in Ehesachen v. d. 16-ten Weinmonat 1783. Der Begriff der bürgerlichen Gesellschaft lässt sich von dem Begriffe der höchsten Gewalt und der gesetzgebenden Macht nicht trennen. Die Gegenstände der letztern wechseln ins Unendliche ab; aber überhaupt, und nach einer ihnen gemeinschaftlichen Verhä ltniss, ist alles, was einen Einfluss auf das Gemeine Beste haben kann, ein Gegenstand der gesetzgebenden Macht.

наиболѣе привилегированное сословіе—дворянство—въ своихъ всеподданнѣйшихъ ходатайствахъ на имя монарха «не должно входить въ обсужденіе предметовъ, прямому его вѣдѣнію не подлежащихъ» [1]); какъ слѣдуетъ изъ общаго смысла нашихъ дѣйствующихъ законовъ, эти вопросы принадлежатъ въ высшей инстанціи исключительно и единственно компетенціи правительства, которое и разрѣшаетъ ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ, смотря по тому, въ чемъ оно въ данное время усматриваетъ «пользы народныя» или интересы государства [2]).

Подобная теорія и практика новаго времени, дѣлая исключительнымъ правомъ монарха достиженіе высшей цѣли государства, требуютъ далѣе неизбѣжно и необходимо сосредоточенія въ его рукахъ всей полноты власти, которой только одной можетъ быть подъ силу выполненіе такой грандіозной задачи. Какъ мы уже замѣтили выше, громадности цѣли должно соотвѣтствовать и величіе средствъ. И разъ одному лишь монарху принадлежитъ вся полнота государственнаго призванія въ дѣлѣ осуществленія общаго блага, то ему одному должна принадлежать и вся полнота государственной власти. А такъ какъ эта послѣдняя, взятая въ цѣломъ, какъ внутренній «суверенитетъ», какъ власть всего государства надъ подданными, есть власть абсолютная или неограниченная, то вполнѣ естественно, что и власть монарха, которая поглощаетъ собою въ данномъ случаѣ власть государства, пріобрѣтаетъ совершенно тотъ же характеръ, становится также неограниченной, абсолютной. И на этомъ выводѣ въ концѣ концовъ должны сойтись всѣ указанныя нами выше теоріи. Даже болѣе того, конечнымъ результатомъ всѣхъ ихъ должно быть отождествленіе монарха и государственной власти; если въ его рукахъ сосредоточены всѣ цѣли государства, если одной его волѣ принадлежитъ ихъ ближайшее опредѣленіе, если онъ одинъ руководитъ всѣми средствами для ихъ достиженія, то и обратно, все, что государь, въ качествѣ такового, установитъ какъ цѣль государства, должно быть признано за таковую, все, что онъ пожелаетъ предписать для достиженія этихъ цѣлей, должно быть принято, какъ велѣніе самого государства, подлежащимъ немедленному и безпрекословному исполненію; наконецъ, всѣ жертвы и тягости,

---

[1]) Св. зак. т. IX, изд. 1899 г. ст. 152.
[2]) Сравни полож. зем. ст. 87, гор. полож. ст. 83.

которыя онъ наложитъ на подданныхъ во имя государства, должны считаться именно государственными податями и повинностями, поступающими вполнѣ на его благоусмотрѣніе. Съ другой же стороны, вполнѣ отъ воли государя здѣсь зависитъ и опредѣленіе того, когда онъ дѣйствуетъ въ качествѣ государя, и когда онъ выступаетъ въ видѣ частнаго лица; какимъ его дѣйствіямъ долженъ быть присвоенъ государственный характеръ, и какимъ нѣтъ; наконецъ, установленіе того, въ какой формѣ эти дѣйствія совершаются, и какова должна быть ихъ обязательная сила. Такимъ образомъ не только онъ самъ необходимо становится единственнымъ непосредственнымъ органомъ государства, но и само государство только постольку существуетъ, поскольку монархъ, въ качествѣ государя, выступаетъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ носителемъ цѣлей, воли и власти государства [1]). Отсюда же вытекаетъ со всей очевидностью, что, оставляя монополію достиженія государственныхъ цѣлей въ рукахъ государя, нѣтъ никакой возможности ограничить его власть, не ограничивая въ то же время и власти самого государства; или, другими словами, новое абсолютное государство, не признающее никакихъ ограниченій въ своихъ отношеніяхъ къ подданнымъ, неизбѣжно требуетъ при данныхъ условіяхъ и полной неограниченности власти самого государя. И подобный выводъ долженъ быть сдѣланъ не только изъ теорій Гоббеса и Боссюэта, насколько онѣ являются типичными для теоріи божественнаго призванія власти или договора безусловнаго подчиненія, но и изъ теорій договора, поскольку онѣ разумѣютъ условное установленіе власти для цѣлей всеобщей опеки и ограниченія гражданскихъ вольностей. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ вся государственная власть не менѣе, чѣмъ въ предыдущихъ, цѣликомъ сосредоточивается въ одномъ лицѣ монарха или въ коллегіи правителей; и здѣсь результатомъ облеченія ихъ громадными задачами и исключительной миссіей осуществленія этихъ задачъ является предоставленіе имъ всей неограниченной власти государства надъ подданными; и здѣсь для ограниченія государя открывается только одинъ путь, а именно—ограниченія самого государства; это же оказывается

---

[1]) Gierke. Gen. R. B. II—860. Der obrigkeitliche Staat war ein zur Person verkörperter höchster Allgemeinwille. Seine Persönlichkeit aber lebte einzig und allein in der obrigkeitlichen Veranstaltung, deren sichtbarer Träger der Landesherr war. Der Staat war daher identisch mit der Staatsobrigkeit.

невозможнымъ, во-первыхъ, потому, что новое государство не желаетъ и не можетъ себя ограничить въ достиженіи тѣхъ положительно необъятныхъ цѣлей, которыя оно себѣ поставило, во-вторыхъ же потому, что оно не обладаетъ никакимъ другимъ органомъ, кромѣ только одного, а именно монарха. И дѣйствительно, выводъ, на который мы указываемъ, былъ сдѣланъ на самомъ дѣлѣ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ новаго государства, и монополія правительства въ дѣлѣ осуществленія общаго блага привела къ неограниченности не только его задачъ, но и его полномочій.

И прежде всего, конечно, такой характеръ должна была принять власть монарха по ученію Гоббеса. Принимая совершенно справедливо, что власть государства, какъ таковая, не можетъ быть ограничена ни путемъ самоограниченія,—такъ какъ это значило бы соединить въ одномъ лицѣ и въ одномъ и томъ же правоотношеніи субъекта и права, и обязанности,—ни путемъ установленія неотчуждаемыхъ правъ гражданъ, — такъ какъ тогда сама власть государства не была бы верховной,— этотъ писатель передаетъ ее цѣликомъ въ руки монарха, который и является такимъ образомъ столь же неограниченнымъ и самодержавнымъ, какъ само государство. Съ другой же стороны, Гоббесъ не считаетъ возможнымъ и ограничить самого государя какимъ нибудь образомъ, такъ какъ полагаетъ, что для этого потребовалась бы другая, стоящая надъ нимъ, власть, которая и стала бы въ концѣ концовъ сама неограниченной, такъ какъ воплотила бы въ себѣ опять-таки все государство. На основаніи этого только самодержцу принадлежитъ право устанавливать правила, въ силу которыхъ каждый могъ бы знать, «что его и что чужое, что справедливо или несправедливо, что честно или нечестно, что хорошо и что дурно», однимъ словомъ, эта власть одна устанавливаетъ, въ видахъ общаго блага, «что должно дѣлать и чего избѣгать въ общежитіи» [1]). Подобному же ученію мыслей слѣдуетъ и другой теоретикъ самодержавія, Боденъ, когда онъ, считая основнымъ признакомъ государства

---

[1]) Hobes. De cive.
V, II. In omni civitate Homo ille vel concilium illud cujus voluntati singuli voluntatem suam (ita ut dictum est) subjecerunt Summam Potestatem, sive Summum Imperium, sive Dominium habere dicitur. Quae Potestas et jus imperandi in eo consistit, quod unus quisque civium omnem suam vim et potentiam, in illum hominem, vel Concilium transtulit. Quod fecisse (quia vim suam in alium transferre natural modo nemo potest) nihil aliud

полную неограниченность его власти, сосредоточиваетъ ее цѣликомъ въ рукахъ одного лишь монарха и утверждаетъ, что «королевскія права неотдѣлимы и неотчуждаемы»; эти права и здѣсь, какъ у Гоббеса, не могутъ быть ограничены безъ ихъ раздѣленія, а раздѣленіе невозможно, такъ какъ въ такомъ случаѣ «самъ суверенъ перестаетъ быть сувереномъ». Отсюда же вытекаетъ, что одной власти самодержца должны подлежать всѣ законы, которые онъ можетъ, «смотря по надобности, измѣнять или исправлять», и онъ одинъ можетъ обязывать всѣхъ, не будучи самъ обязанъ никому [1]). И если Боссюэтъ далѣе требуетъ такой абсолютной власти государя, которой никто не могъ бы даже «надѣяться избѣжать», чтобы государь могъ творить «благо» и пресѣкать «зло», причемъ единственной защитой подданному служила бы его «невинность» [2]), то Людо-

---

est, quam de jure suo resistendi decessisse. Civium unus quisque, sicut etiam omnis persona civilis subordinata, ejus qui summum imperium habet, Subditus appelatur.

Cap. VI, 9. Ejusdem Summi imperii est communes omnibus exhibere regulas sive mensuras, et publice eas declarare, quibus unusquisque sciat quid suum, quid alienum, quid justum, quid injustum, quid honestum, quid inhonestum, quid bonum, quid malum, appelatum, sit: hoc est summatim, quid agendum et quid fugiendum sit in vita communi.

Cap. VI—14. Далѣе legibus civilibus non teneri ipsam civitatem. Nam leges civiles sunt leges civitatis quibus si obligaretur ipsa obligaretur sibi. Neque obligari potest civitas civi... libera est civitas quando vult, hoc est, actu jam libera est. А отсюда слѣдуетъ, что neque igitur tenetur is, cui summum imperium commissum est, legibus civitatis; hoc est obligari sibi, neque cuiquam civium.

Необходимость неограниченнаго государя доказывается тѣмъ, Cap. VI, 18, si enim potestas ejus limitaretur, necesse est, ut id fiat a majori potestate: opportet enim cum qui limites praescribit majorem potentiam habere, quam is qui limitibus cohibetur, и такъ идетъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ devenietur ad potestatem sine alio limine praeter cum qui terminus ultimus est virium civium simul omnium. Eadem dicitur quoque imperium summum.

[1]) Bodin. Républ. L. 1. Chap. VIII—122. La souveraineté est la puissance absolue et perpétuelle d'une République que les Latins appelent majestatem...—135. La loy dépend de celuy qui a la souveraineté, qui peut obliger tous ses subjets et ne s'y peut obliger soy mesme...—142. Il faut que le Prince souverain ait les loix en sa puissance pour les changer et corriger selon l'occurence des cas.—161. Le Prince n'est pas plus obligé au droit des gens qu'à ses propres édicts: et si le droit des gens est inique, le Prince y peut déroger par ses édicts en son royaume et défendre à ses sujets d'en user...—129. Cette puissance est absolue et souveraine.

Chap. X — 215, 250. Les droits Royaux sont incessibles, inaliénables, et qui ne peuvent par aucun trait de temps estre presscrits; et s'il advient au Prince souverain de les communiquer au suject il fera de son serviteur son compagnon, en quoi faisant—il ne sera plus Souverain: car souverain (c'est à dire celui qui est par dessus tous les sujects) ne pourra convenir a celuy qui a faict de son suject son compagnon...

[2]) Bossuet. Politique L. IV, Art. I. 1 Pr. Sans cette autorité absolue il ne peut ni faire le bien, ni réprimer le mal, il faut que sa puissance soit

викъ XIV въ сознаніи своихъ державныхъ правъ прямо объявляетъ: «все, что находится на протяженіи нашихъ государствъ, какой бы природы оно ни было, все принадлежитъ намъ на одинаковомъ основаніи»; понятно отсюда, что тотъ же самодержецъ вооружается со всей энергіей противъ «обманчивыхъ мечтаній», которыя проявились въ оппозиціи старыхъ судебныхъ парламентовъ всемогущей королевской власти: «какъ будто», восклицаетъ по этому поводу Людовикъ XIV, «король двора» есть нѣчто другое, чѣмъ «король въ парламентѣ», и существуютъ «интересы народа, противоположные интересамъ государя»— «эти два интереса», заключаетъ онъ такъ свою филиппику, «есть только одинъ», т. е. интересъ короля, интересъ самого государства. И во имя этого интереса король считаетъ себя вправѣ претендовать даже на имущество всѣхъ своихъ подданныхъ безъ исключенія [1]). И эти теоріи, созданныя на почвѣ западноевропейскаго самодержавія, нашли откликъ и въ русской государственной теоріи; такъ, уже у Ѳ. Прокоповича читаемъ: «маестесъ, или величество... единымъ токмо верховнымъ властямъ подается, и значитъ не токмо достоинство ихъ превысокое, и котораго, по Бозѣ, большаго нѣтъ въ мірѣ, но и власть законодательную крайне дѣйствительную, крайній судъ износящую, повелѣніе неотрицаемое издающую, а самую никаковымъ же законамъ не подлежащую: итако всякъ самодержавный государь человѣческаго закона хранити не долженъ, кольми же паче за преступленіе закона человѣческаго не судимъ есть: заповѣди же Божія хранити долженъ, но за преступленіе ихъ самому токмо Богу отвѣтъ дастъ, и отъ человѣка судимъ быть не можетъ... А когда и сами государи творятъ то, что граждан-

---

telle que personne ne puisse espérer de lui échapper; et enfin le seule défense des particuliers, contre la puissance publique doit être leur innocence.

[1]) Louis XIV. Oeuvres T. II. 93. Tout ce qui se trouve dans l'étendue de nos Etats que quelque nature qu'il soit, nous appartient à même titre. Людовикъ замѣчаетъ по поводу уничтоженія независимости прежнихъ парламентовъ, Т. 1. стр. 55, прим. 1... „comme si le roi de la Cour eût été un autre que celui du Parlement, pour qui ils prononcoient tous les jours des arrêts... et cela non pas par mauvais dessein mais par la fausse imagination d'un prétendu intérêt du peuple opposé à celui du prince, et dont ils se faisoient les défenseurs, sans considérer que ces deux intérêts ne sont qu'un. Далѣе T. II, 21... les rois sont seigneurs absolus et ont naturellement la disposition pleine et libre de tous les biens qui sont possédés, aussi bien par les gens d'église que par les séculiers, pour en user en tout temps... suivant le besoin général de leur Etat.—292 — notre premier objet doit toujours être la conservation de notre gloire et de notre autorité.

скіе уставы повелѣваютъ, творятъ по волѣ, а не по нуждѣ: сеже или образомъ своимъ поощряя подданныхъ къ доброхотному законохраненію, или и утверждая законы яко добрые и полезные» [1]).

Этой же теоріей пользуются русскіе писатели и для объясненія русскаго самодержавнаго строя, причемъ подъ самодержавіемъ понимается сосредоточеніе именно всей полноты государственной власти въ рукахъ одного лица, власти, которой «никакая другая власть на землѣ» не можетъ положить предѣловъ [2]), или, говоря словами современнаго русскаго юриста: «въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ существуетъ одинъ только верховный органъ, одинъ только органъ, сосредоточивающій всю полноту верховной власти, этотъ органъ по необходимости обладаетъ неограниченною властью» [3]). Европейское самодержавное государство нашло однако свое выраженіе не только въ теоріяхъ философовъ и государствовѣдовъ; и хотя вообще точная формулировка правъ самодержавной власти представлялась излишней, такъ какъ, съ одной стороны, эта форма правленія была общимъ типомъ государственнаго устройства для всей Европы, а съ другой—почти ежедневно она на практикѣ обнаруживала себя въ весьма опредѣленныхъ и характерныхъ актахъ управленія, однако и въ этой области мы встрѣчаемся съ весьма цѣнными указаніями. Такъ, въ своей борьбѣ съ церковною властью, Іосифъ II австрійскій указываетъ устами канцлера ф. Кауница, что высшая власть въ государствѣ принадле-

---

[1]) Ѳ. Прокоповичъ. Правда воли монарш. п. 8.

[2]) Сравн.: Карамзинъ. Записка о древн. и нов. Россіи 2287... въ самодержавіи не надобно ничьего одобренія для законовъ, кромѣ подписи государя: онъ имѣетъ всю власть.—2340.—Въ Россіи государь есть живой законъ... Не бояться Государя—не бояться и закона. Въ монархѣ Россійскомъ соединяются всѣ власти. Илар. Васильевъ. Росс. законы. § 6—Самодержавный Государь есть источникъ власти законодательной, исполнительной и блюстительной... § 13. Законъ есть постановленіе Верховной власти, по которому обязаны поступать подданные.

Сперанскій. Руков. законовъ—97. Самодержавіе имѣетъ два разные смысла. Когда оно прилагается къ государству, то оно означаетъ независимость государства отъ всякой посторонней власти. Когда оно прилагается къ особѣ Государя, то оно означаетъ соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ, безъ всякаго участія и раздѣленія—99. Самодержецъ то же, что Автократоръ, лат. Императоръ, который дѣйствуетъ по собственному его усмотрѣнію, не ожидая разрѣшенія Сената — 101. Слово неограниченность власти означаетъ то, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри Имперіи не можетъ положить предѣловъ верховной власти Россійскаго Самодержца.

[3]) Алексѣевъ. Росс. гос. право, стр. 222.

житъ исключительно одному государю, «который одинъ имѣетъ право повелѣвать въ государствѣ» [1]), а изъ этого права вытекаетъ, далѣе, говоря словами австрійскаго же гражданскаго уложенія 1787 г., и «обязательность всѣхъ обнародованныхъ въ установленномъ порядкѣ законовъ» [2]); такъ, согласно прусскому земскому праву, «всѣ права и обязанности государства относительно гражданъ и лицъ, стоящихъ подъ его охраной, соединяются въ главѣ государства», а этотъ послѣдній, будучи обязанъ «споспѣшествовать общему благу», въ силу этого, «имѣетъ право направлять и опредѣлять сообразно этой цѣли внѣшнія дѣйствія» «всѣхъ жителей государства», «имѣетъ право», далѣе, пользоваться «для достиженія этой цѣли» всѣми правами и преимуществами, которыя ему «нужны» для этого; ему же наконецъ принадлежитъ и право—какъ это отчасти уже подразумѣвается въ предыдущей статьѣ—издавать «законы» и устанавливать «общія полицейскія распоряженія», а также дѣлать объявленія съ законодательной силой»,—все это считается ему принадлежащимъ, какъ «право величества» государя [3]). Какъ очевидно отсюда, власть монарха и по прусскому праву, несмотря на всѣ провозглашенія монарха первымъ министромъ или даже слугою государства, нисколько не становится вслѣдствіе этого менѣе самодержавною или неограниченною, чѣмъ власть хотя бы Іосифа II по его объявленію: «всѣ» дѣйствія

---

[1]) Ioseph. II publ. — eccles. Antwortschreiben v. Kaunitz 19 dec. 1781. Государственная власть—diese mithin allein, und ausschliesslich dem Landesfürsten zustehe, welcher allein im Staate das Recht zu befehlen hat.

[2]) Ioseph II—Allg. bürg. Gesetz, B. 1787, I ч. § 2. Von der dem Landesfürsten eigenen obersten Gewalt entspringt die Verbindlichkeit aller in dem ordentlichen Wege kundgemachten Gesetze.

[3]) Allg. L. B. II, 13. § 1.—Alle Rechte und Pflichten des Staats gegen seine Bürger und Schutzverwandten vereinigen sich in dem Oberhaupte desselben.

B. I Einl. § 78.—Das Oberhaupt des Staats, welchem die Pflichten zur Beförderung des gemeinschaftlichen Wohls, obliegen, ist die äussern Handlungen aller Einwohner diesem Zwecke gemäss zu leiten und zu bestimmen berechtigt.

T. II, 13, § 4. Dem Oberhaupte im Staate gebühren daher alle Vorzüge und Rechte, welche zur Erreichung dieses Endzweckes erforderlich sind.

§ 6.—Das Recht, Gesetze und allgemeine Polizeiverordnungen zu geben, dieselben wieder aufzuheben, und Erklärungen darüber mit gesetzlicher Kraft zu ertheilen ist ein Majestätsrecht. Сравни выше, примѣчаніе 62, а также Funk — Polizei—506—507 · у Pütter'a: im Interesse der allgemeinen Glückseligkeit ist es der höchsten Gewalt unbenommen, die natürliche Freiheit der Unterthanen, so oft es nöthig befunden wird einzuschränken, mithin zu verbieten was sonst auch nach natürlichen Freiheit erlaubt sein möchte, und zu befehlen zu thun oder im seinigen geschehen zu lassen, was sonst der natürlichen Freiheit nicht gemäss sein würde. St. R. § 185.

прусскихъ жителей подлежатъ руководству прусскаго короля, «всѣ» права и преимущества, какія онъ сочтетъ необходимымъ, подлежатъ его распоряженію, наконецъ, «вся» полнота законодательной и административной власти принадлежитъ ему безраздѣльно; это въ полномъ смыслѣ слова та самодержавная, неограниченная власть, которая формулирована была еще Петромъ I съ такой недопускающей никакихъ сомнѣній опредѣленностью въ знаменитомъ толкованіи 20-го артикула воинскаго устава: «Ибо его величество есть самодержавный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ, своп государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію «управлять» [1]); стоитъ только здѣсь «хрпстіанскія» начала управленія замѣнить принципомъ «общаго блага»,—что̀ сущности и объема самодержавной власти нисколько не мѣняетъ,—и мы получимъ ту формулу, которую выше мы нашли въ прусскомъ земскомъ уложеніи; какъ извѣстно, русское государственное право опредѣляетъ и въ настоящее время объемъ и сущность русской самодержавной власти совершенно тѣми же признаками, какъ въ свое время была опредѣлена власть западно-европейскихъ самодержцевъ, и въ прусскомъ земскомъ уложеніи, и въ различныхъ австрійскихъ эдиктахъ. И этому нисколько не мѣшаетъ то обстоятельство, что русская власть обосновывается болѣе на «божественномъ призваніи», тогда какъ въ прусскомъ земскомъ правѣ довольно ярко отразилась формула Фридриха II относительно «служенія» государству въ качествѣ «перваго министра». Согласно дѣйствующему русскому закону, объемъ верховной и самодержавной власти русскихъ государей выражается совершенно въ тѣхъ же функціяхъ, которыми въ свое время исчерпывалась и власть французскихъ королей, и австрійскихъ императоровъ, и прусскихъ самодержцевъ: какъ здѣсь, такъ и тамъ государство управляется единственно на основаніи законовъ, «отъ самодержавной власти исходящихъ»,—причемъ «никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія» именно этой власти,—какъ здѣсь, такъ и тамъ «власть» упра-

---

[1]) Полн. собр. зак. 1716 — Марта 30 (3606) — Арт. 20. Толк. Нѣмецкій текстъ: Denn Seine Majestät sind ein souverainer Monarch der niemanden auf Erden von seinen Vorrichtungen Rede und Antwort geben darf, sondern Macht und Gewalt haben, Dero Reich und Länder als ein christlicher Potentat nach eigenem Willen und Gutdünken zu regieren.

вленія во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ «исключительно государю» [1]); положеніе русскаго закона совершенно совпадаетъ съ приведенными выше положеніями западно-европейскихъ теорій и практики и подтверждаетъ лишній разъ, что, выходя изъ тѣхъ же основныхъ пунктовъ, какъ и западно-европейское самодержавное государство, русскій законъ пришелъ и къ тождественнымъ выводамъ: принимая на себя все бремя государственныхъ задачъ по достиженію общаго блага, дѣлая это благо предметомъ своихъ исключительныхъ заботъ и попеченій, сосредоточивая всю силу и мощь націи въ лицѣ одного лишь монарха, русское правительство неизбѣжно и необходимо должно было, какъ въ свое время было сдѣлано и на западѣ, объявить эту власть не патріархальной или частно-правовой въ средневѣковомъ смыслѣ, а неограниченной или самодержавной по общеевропейскому образцу; и, какъ мы можемъ убѣдиться изъ самого закона, русское государство, вступивъ со времени Петра I на этотъ путь, носитъ на себѣ и до настоящаго времени всѣ признаки новой европейской государственной формы.

И результаты этого были и здѣсь и тамъ совершенно одинаковы: соединеніе всей государственной власти въ лицѣ одного лишь монарха должно было привести къ выдѣленію изъ государства всего народа, всѣхъ подданныхъ въ видѣ, говоря словами Гоббеса, только множества управляемыхъ индивидовъ; внѣ монарха никакихъ самостоятельныхъ государственныхъ элементовъ болѣе не осталось; отъ него одного исходятъ сословныя привилегіи, отъ него и въ его цѣляхъ получаютъ право на нѣкоторое самоуправленіе тѣ или другія учрежденія или мѣстныя единицы, отъ него исходитъ и все должностное право, которое единственно дѣлаетъ тѣхъ или другихъ индивидовъ, въ силу служебнаго порученія, причастными политическихъ правъ и политической власти. Этимъ совершается то замѣчательное явленіе, присущее всякому абсолютному государству, которое какъ бы разбиваетъ все государственное цѣлое на двѣ неравныхъ части и ставитъ на одной сторонѣ мощное правительство, которое воплощаетъ въ себѣ государство какъ цѣлое съ его стремленіемъ къ общему благу и со всею полнотою его правъ, на другой же оста-

---

[1]) Основные законы ст. 1, 2, 47, 51, 80; сравни также Наказъ III, 19... въ самой вещи Государь есть источникъ всякія государственныя и гражданскія власти. То же повторено въ основаніяхъ рос. пр. Вступленіе I, § 1.

вляетъ всю громадную массу индивидовъ, благо которыхъ должно быть осуществлено, но которые сами по себѣ считаются недостаточно зрѣлыми, чтобы достичь его самимъ своими собственными силами, а поэтому обязаны только долгомъ неограниченаго повиновенія и безусловнаго послушанія велѣніямъ благодѣтельной власти [1]).

Подобное раздѣленіе государства на правительство и народъ совершилось, прежде всего, цѣною уничтоженія всѣхъ средневѣковыхъ союзовъ, общинъ и корпорацій, которыя общему благу государства противоставили свое частное благо и такимъ образомъ не только отрывали у государства тѣ силы, которыя должны

---

[1]) Gierke. Gen. R. B. I—642—Идея абсолютизма, которая обща и der Obrigkeit, welcher Luther Gehorsam fordert, dem l'état c'est moi Ludovigs XIV und dem „ersten Diener des Staates" Friedrichs des Grossen, это та же, которая одинаково царила и въ умахъ всѣхъ философовъ XVII и XVIII вѣка. Das characteristische Merkmal dieses Gedankens ist, dass er den Staat als etwas vom Volke verschiedenes setzt; dass er in dem abstrakten Begriff dieses Staats die Summe aller öffentlichen Gewalt in einem bestimmten zugleich territorial und persönlich abgeschlossenen Kreise, mithin das Recht und die Pflicht, in diesem Kreise das Gemeininteresse (salus publica) gegen das Sonderinteresse zu vertreten, Ordnung und Recht zu schaffen und das Verhältniss der Glieder zum Ganzen zu regeln als eine nothwendig verbundene Einheit koncentrirt, dass ihm die Obrigkeit die sichtbare Representantion dieses abstrakten Begriffs ist, ausser dem Staat aber nur Individuen existiren. § 643. Es ist nicht blos Recht und Pflicht, sondern Monopol der Obrigkeit das dem gemeinen Besten Erforderliche zu kennen durchzuführen und zu schützen.

Der Unterthan als solcher mag seine individuellen Angelegenheiten besorgen; das Allgemeine im Auge zu haben ist er weder befähigt noch befugt wenn ihm—nicht etwa durch ein Staatsamt höhere Einsicht Gemeinsinn und politische Autorisation verliehen wird. Während daher das Amt fast wie die kirchliche Ordination zu einem höheren Status weiht, bleibt der gemeine Unterthan wen er auch im Priwatrecht mündig wird, politisch unmündig bis an sein Lebensende. Auch die Priwatthätigkeit aber wird überall so beaufsichtigt, geleitet, beschränkt und geregelt wo sie—in das öffentliche Interesse eingreift ein Fall über dessen Vorhandensein lediglich das Ermessen der Obrigkeit entscheiden.

L. V. Stein V. L. T. II. 19. Въ абсолютномъ государствѣ власть дѣйствуетъ вполнѣ—unbedingt und unabhängig von der freien Zustimmung des Volkes, und das Gute kann und soll wie von der Wilkür derjenigen abhängig sein, für die es zu gelten hat. Она становилась поэтому народу какъ внѣшняя, ему чуждая, ему совершенно непонятная связь. Мало этого, она шла такъ далеко, что даже относилась именно къ этому пониманію совершенно безразлично. 13. Государство поставлено здѣсь формально возлѣ индивида. Государство здѣсь какъ „der Vater seiner Unterthanen", „eine Anstalt, deren Wesen und Werth in dem Guten besteht dass sie hervorruft, „als ein Organismus dessen Bestimmung und sittliche Pflicht ist das Heil des Ganzen zu verstehen und das Glück derselben zu verwirklichen".

Gneist. Rechtsstaat. 57—Абсолютизмъ же дѣйствовалъ „in schroffer Trennung und im Gegensatz zur Gesellschaft nicht „durch", sondern „für" das Volk.

были служить удовлетворенію одного лишь высшаго государственнаго интереса, но и представляли такія юридическія преграды государственному всемогуществу, которыхъ оно никоимъ образомъ не могло терпѣть. Отсюда и общеизвѣстная вражда и недовѣріе абсолютнаго государства ко всевозможнымъ общественнымъ соединеніямъ, союзамъ и дѣйствіямъ вообще: оно подозрѣваетъ за подобными общественными движеніями и группами цѣли враждебныя или, по крайней мѣрѣ, вредныя, излишнія при общемъ сосредоточеніи всѣхъ силъ государства въ одной цѣли и все по власти въ одномъ общемъ центрѣ. Абсолютное государство принципіально не довѣряетъ обществу и не желаетъ общественнаго самоуправленія или самодѣятельности: оно только за собой и своими учрежденіями признаетъ исключительное право на всеобщую опеку; конкурренціи съ собой оно допустить не можетъ: всякая конкурренція въ этой области вела бы и къ ограниченію его правъ, и къ признанію самостоятельнаго значенія такихъ интересовъ, которые бы могли, пожалуй, нарушить цѣльность единой и верховной цѣли государства, т. е. общаго блага. Только общественное управленіе на началахъ повинности, а не самоуправленія, можетъ соотвѣтствовать основнымъ началамъ самодержавія; только общественныя организаціи, созданныя государствомъ и для его цѣлей, могутъ имѣть мѣсто подъ общимъ покровительствомъ и управленіемъ неограниченной власти абсолютнаго монарха. И этотъ процессъ уничтоженія всѣхъ средневѣковыхъ общественныхъ союзовъ и соединеній совершился. Государство стало на ихъ мѣсто и растворило ихъ въ себѣ, ихъ цѣли оно подчинило своимъ или отвергло совсѣмъ, какъ вредныя или просто лишнія. Такъ рухнуло все зданіе стараго общественнаго строя, которое стояло между государствомъ и индивидомъ и отчасти узурпировало высшія государственныя права и само государственное призваніе. Государство стало непосредственно возлѣ индивида; за устраненіемъ прежнихъ организацій, оно обратилось къ каждому своему подданному въ отдѣльности и потребовало отъ него, чтобы онъ прежде и выше всего поставилъ интересы цѣлаго, а не свои личные, мѣстные или общественные; оно пожелало отъ него, чтобы онъ непосредственно сталъ на опредѣленное мѣсто въ средѣ общаго государственнаго механизма и отдалъ свою жизнь, имущество на алтарь— какъ тогда любили говорить—«общаго блага» или даже «всеобщаго блаженства». Такъ произошла своеобразная атомизація

средневѣковаго общества, раздробленіе его на массу ничѣмъ, кромѣ государственныхъ интересовъ и власти, не связанныхъ индивидовъ [1]). И хотя подобное зрѣлище государственнаго Левіаоана, охватившаго непосредственно милліонами своихъ щупальцевъ волю каждаго отдѣльнаго ему подвластнаго индивида, не можетъ не представляться положительно страшнымъ, и является невольное опасеніе, какъ бы не была раздавлена отдѣльная изолированная особь невѣроятной тяжестью непосредственно навалившагося на нее громаднаго механизма, но не надо забывать, что именно абсолютное государство, въ своемъ сокрушительномъ ходѣ напроломъ, черезъ всѣ перегородки частноэгоистическаго средневѣковья, смяло и раздавило и тѣ средневѣковыя твердыни, которыя носили гордое знамя стараго крѣпостничества... И это, какъ замѣчаетъ Гирке, одинъ изъ «великихъ» и «благословенныхъ результатовъ», именно, принципа новаго самодержавія или европейскаго абсолютизма. Нивелируя все общество подъ одинъ общій уровень, старательно расчищая путь своему полновластію, желая въ каждомъ отдѣльномъ подданномъ найти послушное орудіе своихъ громадныхъ цѣлей, именно самодержавіе новаго государства внесло «равенство» въ ту область, гдѣ прежде была нестрота частныхъ владѣльческихъ правъ и тысяча различныхъ привилегій и изъятій [2]). Правда, равенство это было не въ политическихъ правахъ, а въ государственныхъ по-

---

[1]) Gierke. Gen. K. B. I—644... strebt die Obrigkeit mit eiserner Konsequenz einem doppelten Ziele zu; sie sucht erstens alle öffentliche Bedeutung der gemeinden und Genossenschaften durch den Staatsbegriff aufzusaugen, zweitens Alles was diesen Verbänden an eigner Bedeutung verbleibt, auf den Begriff einer staatlich verliehenen Vermögensfähigkeit zu reduciren. Дальнѣйшая черта—это Richtung welche neben dem absoluten Staat die absolute Individualität erreichen will indem der obrigkeitliche Staat in Konsequenter Erfüllung seines Wesens allen zwischen ihm und den Individuen stehenden Besonderheiten entgegenwirkte, führte er die heute fast vollendete individuelle Freiheit und rechtliche Gleichheit aller seiner Unterthanen herbei. И это произошло прежде всего, когда точно также (стр. 306) werden auch die Gemeinden... lediglich als staatliche Organe betrachtet, was wohl den Tendenzen des Polizeistaates... entspricht.

Сравн. Bernatzik Jur. Person. 254 какъ sich der Staat als alleiniges Centrum aller Gemeinwesen betrachtete, indem er Gemeinden Zünfte, Gilden, Universitäten, Religionsgenossenschaften und wirtschaftliche Verbande seinen Zwecken dienstbar machte, ihres corporativen Charakters entkleidete und in Staatsanstalten umwandelte, точно также (306) werden auch die Gemeinden... lediglich als staatliche Organe betrachtet, was wohl den Tendenzen des Polizeistaates... entspricht.

[2]) Gierke. Gen. R. B. I 645. Unverhältnissmässig spät erst zog der absolute Staat diese grosse und segensreiche Konsequenz seines Grundprincips. Aber er zog sie und vollbrachte damit eine der grössten Thaten in der Geschichte,—и это—die Befreiung des Bauernstandes...

винностяхъ и тягостяхъ, равенство передъ государственнымъ абсолютизмомъ и его всепроникающимъ руководствомъ и опекой; но, во всякомъ случаѣ, путь былъ пробитъ, и дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи сдѣлало уже государство правовое. А съ равенствомъ занялась и первая заря гражданской свободы. Тѣ вольности, та естественная свобода, тѣ гражданскія права, которыя были установлены при непосредственномъ обращеніи государства къ силамъ и имуществу каждаго подданнаго, были прямымъ послѣдствіемъ принципа именно равенства всѣхъ передъ закономъ во имя «общаго блага», или, вѣрнѣе, передъ самымъ государствомъ въ лицѣ монарха—этого живого носителя и представителя общей цѣли.

И въ самомъ дѣлѣ, разъ была дана опредѣленная цѣль самого государственнаго союза, то вполнѣ ясно, что только необходимо было ограничить частную свободу отдѣльнаго лица настолько, насколько она противорѣчила установленному началу или мѣшала его осуществленію. Этимъ область частной свободы дѣлалась возможной уже a priori, она становилась необходимымъ выводомъ изъ соотвѣтствія средствъ установленной цѣли, она была тѣмъ остаткомъ, который не былъ нуженъ для его работы государству, а въ силу этого и оставался въ распоряженіи частнаго лица. Съ другой же стороны, такъ какъ всѣ въ одинаковой мѣрѣ обязаны были въ принципѣ служить государству безъ различія званій и состояній, то и частная свобода, указанная нами выше, распространялась болѣе или менѣе равномѣрно среди всего населенія страны и становилась такимъ образомъ до извѣстной степени всеобщимъ достояніемъ народа [1]). Такъ равенство и гражданская частно-правовая свобода должны быть признаны законнымъ дѣтищемъ самодержавія и созданіемъ его нивелирующей и индивидуализирующей дѣятельности. Такъ передъ новымъ государствомъ оказались, вмѣсто общественныхъ союзовъ и соединеній, только массы разъединенныхъ, не связанныхъ индивидовъ, и именно съ этими индивидами оно вступило въ лицѣ своихъ монарховъ въ непосредственное соединеніе и къ нимъ обратилось съ непосредственнымъ же требованіемъ без-

---

[1]) Iellinek, Allg. St.-Lehre 477. Zusicherungen einzelner individuellen Rechte finden sich zwar schon von dem Ende des XVIII Jahrhunderts in Gesetzen absoluter Herrscher... sie haben aber alle einen gelegentlichen, keinen grundsetzlichen Charakter und wollen keineswegs die gesammte öffentliche Rechtssphäre des Individuums normiren...

условной покорности, послушанія и самопожертвованія во имя блага общаго.

Такъ принципъ общаго блага, ставши исключительнымъ достояніемъ государства, получившій какъ исключительный органъ своего воплощенія самодержавнаго и неограниченнаго государя, привелъ къ устраненію всѣхъ стоящихъ между государемъ и подданнымъ средостѣній и закрѣпленію непосредственно каждаго индивида въ полную «крѣпость» государству.

И именно эту «крѣпость» государству провозгласилъ уже Гоббесъ, когда объявилъ «возмутительными» всякія мнѣнія о томъ, что рѣшенія о добрѣ и злѣ, о правомъ и неправомъ принадлежитъ не государю, а подданнымъ, или что могутъ согрѣшить подданные, когда исполняютъ велѣнія государя, которыя представляются имъ несправедливыми. Все, что ни предприметъ государь — все это должно считаться справедливымъ даже тогда, когда онъ сталъ бы преступникомъ противъ самого Бога [1]). Посягающими, далѣе, на царскую власть объявляетъ Боссюетъ всѣхъ, кто думаетъ служить государству иначе, чѣмъ служа самому государю. И не только потому преступно всякое сопротивленіе власти царя, что на немъ почіетъ «святое помазаніе», и королю присуща даже нѣкоторая «святость», но и потому, что подобное дѣяніе грозитъ гибелью государства и уничтоженіемъ общественнаго мира. А отсюда вытекаетъ, что даже открытое нечестіе царя и преслѣдованіе имъ подданныхъ не изъемлютъ ихъ отъ долга повиновенія власти, и только «почтительныя представленія безъ мятежа и ропота» могутъ дѣлать они государю въ отвѣтъ на его насильства, только молиться Богу объ «обращеніи» его на путь справедливости и правды [2]). Без-

---

[1]) Hobbes. De cive. XII, I. Doctrinarum autem quae ad seditionem disponunt una et prima haec est, cognitionem de bono et malo pertinere ad singulos... также quod justa vel injusta sit, a jure imperantis provenit.—XII, 2. Отсюда же вытекаетъ второе „возмутительное“ утвержденіе: peccare subditos, quoties mandata Principum suorum, quae sibi injusta videntur esse exsequentur.

Leviath. XXI—Ostensum enim est Civibus ab eo qui Summam habet Potestatem (id est a Civitate) Injuriam fieri non posse, et si per iniquitatem Injurius esse in Deum possit...

[2]) Bossuet. Politique, L. VI, Art. I pr. 2.—Ceux qui pensent servir l'État autrement qu'en servant le prince et en lui obéissant s'attribuent une partie de l'autorité royale. Art. II Pr. 4. Le respect, la fidélité et l'obéissance, qu'on doit aux rois ne doivent être altérés par aucun prétexte: L'état est en péril, et le repos public n'a plus rien de ferme, s'il est permis de s'élever pour quelque cause que ce soit contre les princes. La sainte onction est sur eux; et le haut ministère qu'ils exercent au nom de Dieu, les met à couvert de

конечно «преступнымъ» объявляетъ Людовикъ XIV всякое возстаніе даже противъ самаго дурного государя, такъ какъ повиновеніе—въ интересахъ самого народа, и нарушеніе этого долга влечетъ за собою такія «ужасающія бѣдствія», которыя далеко превосходятъ тѣ, отъ которыхъ возставшіе хотѣли себя гарантировать; даже просто «контроль» надъ правительствомъ влечетъ за собой «больше зла» для общества, чѣмъ «перенесеніе плохого управленія», и то, что «кажется» порою направленнымъ противъ «общаго закона», на самомъ дѣлѣ основано на «интересѣ государства, этомъ первомъ законѣ по всеобщему признанію, но который менѣе всего извѣстенъ и понятенъ для всѣхъ тѣхъ, кто не управляетъ» [1]).

И эти западно-европейскія теоріи были приняты и нѣкоторыми писателями въ Россіи. Такъ, Юр. Крижаничъ утверждалъ, что не только подданные обязаны всяческимъ повиновеніемъ государю и должны сносить съ терпѣніемъ возможныя несправедливости съ его стороны, но и «никто не можетъ безъ величайшаго преступленія» даже «говорить, что царь поступаетъ неправедно», или что «нехороши, недостаточны причины, по которымъ царь облагаетъ народъ тягостями», и здѣсь, какъ по ученію Боссюета, единственнымъ путемъ для прекращенія угнетеній со стороны правителя является умилостивленіе Бога «молитвами и благочестивыми дѣлами» [2]). Ту же теорію далѣе

---

toute insulte. L. VI, Art. II, pr. 4. Une sainteté inhérente au caractère royal, qui ne peut être effacée par aucun crime... le bien public ne permet pas qu'on expose le prince au mépris. Pr. 5. L'impiété déclarée et même la persécution n'exemptent pas les sujets de l'obéissance qu'ils doivent aux princes. Pr. 6. Les sujets n'ont à opposer à la violence des princes, que des remontrances respectueuses, sans mutinerie et sans murmure et des prières pour leur conversion. Сравн. Delamare. Police. L. I, T. 15.

[1]) Louis XIV. Oeuvres, T. II. 336—Quelque mauvais que puisse être un prince, la révolte de ses sujets est toujours infiniment criminelle. Dieu... Sa volonté est que, quiconque est né sujet obéisse sans discernement; et cette loi, si expresse et si universelle, n'est pas faite en faveur des princes seuls, mais est salutaire aux peuples mêmes auxquels elle est imposée et qui ne la peuvent jamais violer sans s'exposer à des maux beaucoup plus terribles, que ceux dont ils prétendent se garantir. T. I. 56... que la tranquillité des sujets ne se trouve qu'en l'obéissance; qu'il y a toujours plus de mal pour le public à contrôler, qu'à supporter même le mauvais gouvernement des rois dont Dieu seul est le juge; que ce qu'ils semblent faire quelque fois contre la loi commune est fondé sur la raison d'État, la première des lois par le consentement de tout le monde mais la plus inconnue et la plus obscure à tout ceux, qui ne gouvernent pas.

[2]) Юр. Крижаничъ. Русск госуд. 40, 4. Debent igitur subditi fideliter ac sine ulla reluctatione contribuere, et collaborare ad omne id, quod pertinet ad augmentum et conservationem tesauri militiae et majestatis nostrae. 40, 9. Nemo igitur praesumat secreta regis divinare aut judicare.

мы встрѣчаемъ и въ «Правдѣ воли монаршей» (предисловіе): «Уставы бо и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народѣ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ яко должнаго»; основой же такого «истязанія» являются «долженства народа подданнаго»; а именно, «долженъ народъ, безъ прекословія и роптанія, вся отъ самодержца повелѣваемая творити... долженъ терпѣти народъ коелибо монарха своего, нестроеніе и злонравіе»... какъ очевидно, эти «долженствія» являются тѣми же, которыя установлены и у Гоббеса, впрочемъ, какъ мы видѣли выше, и исходная точка у Прокоповича та же, что и у его англійскаго образца [1]).

Таковы требованія, обращенныя къ подданнымъ, по ученію болѣе раннихъ теоретиковъ самодержавія. Они, какъ очевидно, сводятся къ слѣпому, безпрекословному повиновенію; и хотя и здѣсь мы уже встрѣчаемъ мысль, что все то, что повелѣно свыше, не только должно быть исполнено, но и должно почитаться за «справедливое» и благое, однако это положеніе не развито еще въ ту систему своеобразной гражданской добродѣтели и вѣры, которую мы встрѣчаемъ у теоретиковъ эпохи просвѣщенія. И въ этомъ отношеніи эти послѣдніе ближе стоятъ къ Гоббесу, чѣмъ къ Боссюэту или Людовику XIV, и въ этомъ отношеніи они только послѣдовательно завершаютъ въ данномъ случаѣ ту теорію благодѣтельнаго абсолютизма, которая намѣчена нами съ самаго начала. И въ самомъ дѣлѣ, разъ исключительнымъ и спеціальнымъ носителемъ общаго блага является только монархъ или то или другое правительство, то такимъ образомъ устанавливается уже опредѣленный формальный признакъ для отличія общаго блага отъ блага частнаго, т. е., другими словами, указанная нами монополія правительства въ дѣлѣ служенія общему благу дѣлаетъ то, что общимъ благомъ является уже оффиціально только то, что пред-

---

Nemo debet se facere censorem consilii regis. Nemo sine crimine majestatis potest facere conventicula et examinare consilia aut judicare causas regis. Nemo igitur sine summo scelere potest judicare ac dicere: Rex inique agit: aut non est bona, non sufficiens causa, ad imponenda gravamina, quae rex imponit, aut ad aliud quodcunque. Sed debent omnes fortunam suam partienter ferre: et peccatis suis imputare: et Deum precibus et piis operibus placare.

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ. Правда воли монаршей.—2. И по тому не можетъ народъ судити дѣла Государя своего...—4. Не можетъ уже народъ оставити его, не можетъ бо отданной ему воли своей отнести... не можетъ отмѣнити воли Божіей, которая и волю народную двигнула и купно съ оною сама дѣйствовала въ установленіи... Монархія.

принимаетъ именно правительство въ отличіе отъ частныхъ лицъ, или, говоря иначе, все, что ни предпринимаетъ правительство, именно должно быть признано за средство къ осуществленію этого высокаго идеала, мѣрой общаго блага, мѣрой, которая не только есть сама по себѣ актъ государства, требующаго повиновенія, но актъ въ высшей степени полезный для общества, актъ благодѣтельный, освященный высшей цѣлью общежитія, направленный ко всеобщему благополучію и блаженству. Само собою разумѣется, что отношеніе гражданъ къ такимъ актамъ правленія принципіально должно быть совершенно инымъ, чѣмъ къ актамъ узкаго политическаго расчета или личной королевской политики,—гдѣ идетъ рѣчь о благѣ народномъ, о широкихъ національныхъ задачахъ, о всеобщемъ блаженствѣ—тамъ мало одного слѣпого повиновенія или рабскаго послушанія, тамъ должны дѣйствовать иные, болѣе высокіе мотивы, тамъ должны выступить на первый планъ чувства патріотизма, самоотверженія во имя блага общаго, повиновенія не за страхъ, а за совѣсть, горячей преданности и любви къ тѣмъ, кто направляетъ силы всѣхъ единственно къ благу отечества... Такъ именно учитъ о долгѣ подданнаго теорія новаго самодержавнаго государства въ лицѣ Вольфа и двухъ его наиболѣе знаменитыхъ послѣдователей; не только «повиновенія» требуетъ этотъ философъ новаго государства, и притомъ повиновенія съ терпѣніемъ и по отношенію къ дурно управляющему государю, но и того, чтобы подданные «охотно» были готовы на все то, чего только отъ нихъ ни потребуетъ государь во имя «общаго блага» [1]).

«Послушаніе» провозглашаетъ далѣе Юсти «первой и самой существенной изъ всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей», ей слѣдуетъ въ видѣ второй добродѣтели «готовность», съ которой жертвуетъ гражданинъ «своимъ имуществомъ ради общаго блага», третьей является вѣрность—«столь же существенная добродѣтель, какъ послушаніе», наконецъ, четвертая добродѣтель требуетъ, чтобы гражданинъ ограничилъ «свои особые интересы и выгоды ради общаго блага», чтобы онъ не искалъ

---

[1]) Chr. Wolff. Jus. nat. § 1043—ad obedientiam cum patientia, seu non modo bene, sed etiam male imperanti obedire tenetur. § 1084—cives actiones suas omnes ad salutem Reipublicae dirigere et leges civiles observare debent. Chr. Wolff. Gedanken § 421—Die Unterthanen bereit und willig sein sollen dasjenige zu thun, was die Oberkeit für die gemeine Wohlfahrt gut befindet.

даже «никакого ни преимущества, ни прибыли, которыя являются противными «общему благу»; но такъ какъ не всѣ граждане способны добровольно осуществлять эти «добродѣтели», то они привлекаются къ нимъ при помощи принужденія—что, впрочемъ, какъ замѣчаетъ далѣе знаменитый полицепстъ, не можетъ оказаться для гражданъ особенно тяжелымъ, такъ какъ, «къ счастью», «истинный интересъ каждаго гражданина почти всегда связанъ съ интересами «общаго блага», и въ подобномъ случаѣ «дѣло идетъ только о томъ, чтобы законы отвратили его отъ интереса воображаемаго» [1]). Изъ того же убѣжденія о непзбѣжномъ совпаденіи частнаго и общаго блага исходитъ и Зонненфельсъ въ своемъ «государственномъ управленіи»; для него даже непонятно, какъ можетъ противорѣчить «истинное и продолжительное частное благосостояніе» «общему» благосостоянію, такъ какъ «общее» необходимо содержитъ въ себѣ и «частное»; а отсюда совершенно логично слѣдуетъ не только то, что всякое «отдѣльное лицо» «должно» найти въ «общемъ благѣ» свое собственное, но и должно подчинить свою волю той высшей волѣ, которая одна предписываетъ то, «что всѣ желаютъ», и такъ какъ, далѣе, этотъ органъ общей воли является ея выразителемъ вслѣдствіе «довѣрія» гражданъ къ его способности воплотить общее благо, а въ частности къ «мудрости» и «добродѣтели» одного лица, поставленнаго во главѣ государства, то отсюда вытекаетъ и необходимость для закрѣпленія этой связи внушить гражданамъ убѣжденіе, что «все хорошо, что повелѣваютъ законы, а именно—необходимо въ отношеніи къ цѣлому и полезно для каждаго отдѣльнаго лица» [2]).

И новое государство дѣйствительно потребовало отъ своихъ подданныхъ не только простого послушанія, но и проявленія своеобразной гражданской добродѣтели, преданности и самоотверженія; такъ, въ эдиктахъ знаменитаго фанатика «просвѣщенія» Іосифа II мы встрѣчаемъ не только утвержденіе, что тѣ подданные, которые сопротивляются распоряженіямъ монарха,

---

[1]) Iusti. Grundfeste B. II. § 180, 187, 182, 183.

[2]) Sonnenfels. St. Verew. B. I, § 3.—Glücklicher Weise aber lässtsich im genauen Verstande ein Widerspruch zwischen der wahren, dauerhaften Privatwohlfahrt mit der allgemeinen nicht einmal begreifen... da das allgemeine Wohl das einzelne mitenthält. § 12. — Ieder Einzelne muss in dem allgemeinen Wohl sein Wohl finden... Dass ohne gemeines Wohl, — kein einzelnes bestehen kann.

§ 4.—Einheit des Willens... den Eigenwillen des Einzelnen den Entschliessungen des gemeinschaftlichen Willens unterwürfig macht.

тѣмъ самымъ «прегрѣшаютъ противъ положительныхъ велѣній Божіихъ», но и требованіе, чтобы «ради установленія и поддержанія всеобщаго благополучія и мира» подданные «были послушны», «преданы» и «почтительны» къ своему начальству, которое установлено съ цѣлью «блюсти ихъ и общее благо», чтобы «подданные» встрѣчали своихъ вотчинныхъ господъ съ «преданностью», чтобы такимъ образомъ были «свято соблюдены» «миръ, единеніе и доброе согласіе» [1]).

«Всякій членъ государства», читаемъ мы далѣе въ прусскомъ земскомъ правѣ, «обязанъ поддерживать, сообразно съ его состояніемъ и средствами, благо и безопасность общежитія» [2]). Такъ устанавливается обязанность повиновенія и преданности по двумъ нѣмецкимъ законодательствамъ. Уже болѣе законченную систему «цивической» добродѣтели мы находимъ въ актахъ французскаго правительства и притомъ одинаково какъ «рево-

---

§ 8.—Въ монархіи эта воля создается по образцу der hausväterlichen Verwaltung... aus Zutrauen zu Weisheit und Tugend eines Bürgers.

§ 9.—Смотря по различію формъ правленія—die Mehrheit der Volksstimmen, ein Senat, oder ein Monarch verordnen nunmehr dasjenige was alle wollen, und was auf diese Art verordnet wird, ist für jeden Einzelnen Gesetz. Отсюда—die Verbindlichkeit, die Unwiederstehligkeit und das Zwangrecht... но ist... das einzige Band des Zutrauens den Besten zu gehorchen...

§ 61.—А отсюда рождается забота: einen hohen Begriff von der Vortreflichkeit der Gesetze allgemein einzuflössen, bei allen Bürgern es zu einem angenommenen unumstössbaren Grundsatze zu erheben; Alles, was die Gesetzte befehlen, ist gut, das ist: in Absicht auf das Ganze nothwendig, und in Absicht auf jeden Einzelnen nützlich.

[1]) Ioseph II. Gesetze, B, II, I, X.

Verordn. 1 Novemb. 1783... die Unterthanen, welche sich den... Befehlen des Monarchens durch Ungehorsam widersetzen, sich auch schwer gegen die ausdrücklichen Vorschriften Gottes versündigen...

Patent 1 sept. 1781 — Um... die Erreichung und Erhaltung des gemeinen Wohls, und des Ruhestandes nöthige Abhängigkeit und schuldige Folgeleistung der Unterthanen gegen ihre rechtmässigen Obrigkeiten handzuhaben.., wird verordnet:—§ 1. Ieder Unterthan soll den landesfürstlichen Befehlen sowohl, als den Anordnungen der Grundobrigkeit und ihren Beamten gehorchen und unterwürfig sein.—§ 3.—Iener, der nicht Folge leistet, ist nach der Bestimmung der Obrigkeit zu bestrafen...

Patent den 5 April 1785... alle Insassen und Unterthanen... sollen... vorzüglich den Komitatsbeamten, die hinwiederum die Unterthanen in allen gerechten und erlaubten Sachen zu schützen, und nach der ihnen durch die Gesetze ertheilten Gewalt, alles zu Beförderung des unterthänigen und gemeinen Besten zu verordnen, und einzuleiten verpflichtet sind, die schuldige Ehrfurcht und Gehorsam leisten, den Grundherren mit aller Unterhtänigkeit begegnen... das Friede, Einigkeit und gute Verständniss heilig beobachtet...

[2]) Allg. L. R. B. I Einl. § 80—Ein jedes Mitglied des Staats ist das Wohl und die Sicherheit des gemeinen Wesens nach dem Verhältniss seines Standes und Vermögens zu unterstützen verpflichtet...

люціоннаго», такъ и «закончившаго» революцію. И если обязанность безусловнаго повиновенія была уже провозглашена въ 1790 г., а конституція III года уже требуетъ «свободнаго» и «религіознаго» соблюденія «законовъ» и объявляетъ «повреждающимъ интересы всѣхъ» «недостойнымъ» общей «благожелательности и уваженія» всякаго, кто, «не нарушая открыто законовъ, обходитъ ихъ при помощи хитрости и коварства», то въ томъ же духѣ дѣйствуетъ и правительство Наполеона I; такъ, оно, съ одной стороны, удостовѣряетъ гражданъ, что «интересы отечества царятъ надъ всѣми (другими) интересами», и «правительство не знаетъ другихъ враговъ, кромѣ враговъ спокойствія народа», съ другой же — приглашаетъ гражданъ «соединить» ихъ «усилія съ усиліями правительства, чтобы оплодотворить всѣ части нашей обширной территоріи»; еще на болѣе возвышенную почву ставитъ долгъ гражданина республиканская конституція 1848 г., согласно которой «граждане должны любить отечество, служить республикѣ, защищать ее цѣною жизни, участвовать въ тягостяхъ государства сообразно ихъ имуществу»; «должны содѣйствовать общему благу, помогая братски другъ другу и общему порядку, соблюдая моральные и писаные законы, управляющіе обществомъ, семьей и личностью» [1]).

Аналогичными постановленіямъ австрійскаго, прусскаго и французскаго закона являются далѣе не только положенія русскихъ оффиціальныхъ актовъ прежняго времени, но и статьи дѣйствующаго свода; остановимся на послѣднемъ, такъ какъ

---

[1]) Duguit et Monnier. Gonst. du 3 Sept. 1790. Déclar. 7: tout citoyen appelé ou saisi en vertu de la Loi, doit obéir à l'instant: il se rend coupable par la résistance... Const. d. 5 Fructidor an. III. Déclar 5. Nul n'est homme de bien, s'il n'est franchement et religieusement observateur des lois. 7. Celui qui sans enfreindre ouvertement les lois, les élude par ruse ou par adresse, blesse les intérêts de tous: il se rend indigne de leur bienveillance et le leur estime. Const. du 4 Nov. 1848. Préambule VII. Les citoyens doivent aimer la Patrie, servir la République, la défendre au prix de leur vie, participer aux charges de l'État en proportion de leur fortune... ils doivent concourir au bien-être commun en s'entr'aidant fraternellement les uns les autres, et à l'ordre général en observant les lois morales et les lois écrites qui régissent la société, la famille, l'individu. Bull. des lois Sér. 3, t. III, an. IX о праздникѣ 14 іюня № 730. Procl. Du 21 Messidor — cette époque... Vous la célébrez aujourd'hui sous des plus heureux auspices: la discorde se tait, les factions sont comprimées, l'intérêt de la patrie règne sur tous les intérêts. Le Gouvernement ne connait d'ennemis que ceux qui le sont de la tranquillité du peuple. Bull. des lois Sér. 3, t. IX an. X, Prod. du 18 Brumaire Citoyens... Unissons aux éfforts du Gouvernement les efforts des citoyens pour enrichir, pour féconder toutes les parties de notre vaste territoire...

опъ почти цѣликомъ воспроизводитъ предписанія изъ временъ XVIII вѣка и исполненъ той же тенденціи: такъ, по дѣйствующему закону «повиноваться» должно верховной власти монарха «не токмо за страхъ, но и за совѣсть», «всѣ и каждый обязаны клятвою въ сохраненіи ненарушимой подданнической вѣрности», а самая «вѣрность» «подданства» у насъ «утверждается всенародною присягою» [1]); въ силу же этой присяги каждый подданный обязанъ «вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться» монарху, не «щадя живота своего до послѣдней капли крови», «предостерегать и оборонять» по своему «крайнему разумѣнію, силъ и возможности» «всѣ» къ «самодержавству, силѣ и власти» монарха «припадлежащія права и преимущества», притомъ не только существующія, «но и впредь узаконяемыя», стараться споспѣшествовать «все», что къ «вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ», накопецъ «не токмо благовременно объявлять объ «ущербѣ» «Его Величества интереса», и всякомъ его «вредѣ и убыткѣ», но и «всякими мѣрами» ихъ отвращать и «тщатися» «не допущать», а также «крѣпко хранить» «всякую ввѣренную тайность». Таковы обязанности подданнаго относительно государя; съ ними сливаются и изъ нихъ вытекаютъ другія обязанности, которыя формулированы въ законѣ слѣдующимъ образомъ: а именно «законъ, надлежащимъ порядкомъ обнародованный, долженъ быть свято и ненарушимо исполняемъ всѣми и каждымъ» [2]), и притомъ «безпристрастно, несмотря на лица и не внимая ничьимъ требованіямъ и предложеніямъ», «все предписанное закономъ для общей и частной пользы» должно быть «исполняемо и сохраняемо», и, какъ

---

[1]) П. с. з, 1775 ноября 7 (14392) 256 (237): и всѣ въ городѣ (въ уѣздѣ) живущіе обязаны клятвою предъ Всемогущимъ Богомъ въ сохраненіи ненарушимо подданнической вѣрности къ особѣ Е. В., и какъ безъ нарушенія временнаго и вѣчнаго своего блаженства клятву свою преступить не могутъ, для того городничему (исправнику) поручается и предписывается бдѣніе, дабы никто въ противность подданническаго долга и послушанія въ городѣ (уѣздѣ) ничего не предпріялъ и не учинилъ, Буде же паче чаянія, гдѣ окажется сему противное предпріятіе, то городничій не токмо увѣдомить о томъ долженствуетъ губернское правленіе и... но имѣетъ до того не допустить и спорить по мѣрѣ данной ему власти, нарушителя общаго, частнаго и собственнаго своего покоя и блаженства, въ чемъ всякій вѣрный... подданный обязанъ по мѣрѣ власти, силы и возможности своей помогать городничему (исправнику).

[2]) Наказъ—VII § 44. Законы и указы, Державною Властію постановленные и предписаннымъ порядкомъ обнародованные, должны быть свято и ненарушимо исполняемы всѣми и каждымъ.

еще въ 1782 г. было запрещено «вчинать новизну въ томъ, на что узаконеніе есть» [1]), то и теперь еще подданные не должны предпринимать «новизну, законамъ противную». Наконецъ, на подданныхъ лежитъ общая обязанность «должнаго послушанія законнымъ властямъ», «должнаго властямъ повиновенія», согласно «вѣрноподданническому долгу и послушанію», а также особый долгъ: «другъ другу воздавать почтеніе, послушнымъ быть, кому надлежитъ по установленому порядку» [2]), такъ чтобы отнюдь «своевольства не пропсходило» [3]).

Итакъ, повиновеніе «за совѣсть», вѣрность «до послѣдней капли крови», преданность до недопущенія «убытка», соблюденіе «общей и частной пользы», даже почтеніе, «кому надлежитъ»—таковы вѣрноподданническія обязанности русскаго гражданина, и нельзя не замѣтить, что онѣ вытекаютъ изъ того же убѣжденія, которое выражено закономъ въ другой статьѣ, а именно, что не только правила «чистой вѣры» и «доброй нравственности», «но и чувства преданности престолу и отечеству» служатъ «прочнымъ основаніемъ всякаго благоустроеннаго общества и залогомъ его благосостоянія» [4]). Итакъ, и здѣсь русское государство стоитъ на тѣхъ же нравственныхъ и политическихъ основахъ, на которыхъ построено и новое государство западной Европы. И здѣсь оно является вѣрнымъ питомцемъ «просвѣщеннаго» вѣка, а не византійской традиціи или азіатской культуры.

Объединяя теперь все вышесказанное, обращаясь назадъ, чтобы охватить однимъ взглядомъ все зданіе европейскаго самодержавія, мы не можемъ не замѣтить, что въ основѣ его лежитъ своеобразная психологія и этика, что «оно проникнуто во всѣхъ своихъ частяхъ особой религіей «общаго блага» и освѣщено своеобразнымъ свѣтомъ «природы» и «разума».

Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Функъ, естественное право, направленное въ одномъ своемъ теченіи къ построенію новаго государства исключительно на началахъ «неотчуждаемыхъ правъ»

---

[1]) Уставъ Благочинія.

56. Управа благочинія не дозволяетъ въ городѣ гражданину вчинать новизну въ томъ, на что узаконеніе есть, всякую же новизну, узаконенію противную, пресѣкаетъ въ самомъ началѣ.

[2]) Собр. полиц. зак. Маниф. 1787 г. Маниф. апр. 21 повелѣно: 2—почтеніе отдавать, каждому принадлежащее, и повиноваться начальству и власти, надъ нимъ поставленной.

[3]) Основн. зак. ст. 1, 33, 63, 64, прилож. V; томъ XIV, уставъ о пред. и прес. (1890), ст. 125, 121, 119, 225, 238; т. II учр. губ., ст. 681, п. 5.

[4]) Т. II, учр. губ. 212.

человѣка и гражданина, къ воплощенію демократическаго идеала Локка и Руссо, въ другомъ—отдало свои идеи на служеніе новому самодержавію и идеализировало ту новую абсолютную власть, которая во имя «общаго блага» сокрушила феодализмъ [1]). Именно это второе теченіе создало тотъ символъ новой вѣры, которая не только была принята монархами и была примѣнена ими на дѣлѣ, но и создала своего рода нравственный ореолъ и новому государству, и такимъ государямъ, какъ Петръ I, Екатерина II, Фридрихъ II—Великіе—и Іосифъ II, который только въ силу исторической ошибки не причисленъ къ сонму «великихъ» представителей вѣка.

Первый членъ этого символа вѣры—договоръ. Воистину, нѣтъ другой исторической функціи, которая сыграла бы въ исторіи болѣе крупную роль и такъ мало была бы оцѣнена. Съ легкой руки исторической школы мы, встрѣчаясь съ теоріей общественнаго договора, принимаемъ по отношенію къ ней самый высокомѣрный тонъ и прежде всего начинаемъ доказывать представителямъ школы естественнаго права всю фантастичность и невѣрность ихъ миѳологическихъ измышленій. Мы убѣждаемъ ихъ прежде всего, что никакого «естественнаго», до-государственнаго состоянія не было, ни въ видѣ войны всѣхъ со всѣми Гоббеса, ни въ видѣ потеряннаго золотого вѣка Руссо. Мы доказываемъ имъ далѣе всю нелѣпость ихъ утвержденія, что «естественный» человѣкъ, дикарь первобытнаго состоянія, могъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказаться настолько разумнымъ и сознательнымъ, что заключалъ по всѣмъ правиламъ нотаріальнаго искусства «договоръ»; «подчиненія», по одной теоріи, или «соединенія», по другой; мы смѣемся, наконецъ, надъ той «природой», которая не только производитъ злаки и питаетъ четвероногихъ, но и выдаетъ патенты людямъ на неотчуждаемыя «права», на естественныя

---

[1]) Funk. Polizei. 522—540. Естественное право дало два направленія: одно, которое въ строгой послѣдовательности шло до послѣднихъ выводовъ, другое aber sein Ansehen zur festern Begründung des Bestehenden, zur blossen Reform... verwendet. Die erstere Richtung fand ihre Ausbildung mehr im Westen, in England und Frankreich... während diese „mehr sittliche und innerliche contemplative Betrachtungsweise besonders in Deutschland gepflegt wurde“ (Stahl...) Während die Philosophen Englands und Frankreichs mit starrer Konsequenz die Rechte des Bürgers ausmaassen und gegenüber der Staatsgewalt abgrenzen, richteten die deutschen Gelehrten ihr Augenmerk vorzugsweise auch auf die materielle Lage der Unterthanen und die socialen Verhältnisse des Landes... Кантъ примкнулъ къ первымъ, Вольфъ ко вторымъ, и именно вторая теорія исходила изъ стремленія къ общежитію для всеобщаго блага.

«вольности», устанавливаетъ кодексы «общаго блага», налагаетъ различныя природныя и натуральныя повинности и т. д... Неужели же наши предки, среди которыхъ было столько свѣтлыхъ, геніальныхъ головъ, дѣйствительно насочиняли такія глупости, которыя въ настоящее время могутъ быть опровергнуты безъ труда ученикомъ старшаго класса гимназіи? Неужели они были такъ ослѣплены картиной фантастическаго первобытнаго состоянія, что въ самомъ дѣлѣ искренно вѣрили въ комическую картину заключенія общественнаго договора джентельменами съ кольцами въ носу, съ перьями на лбу, изукрашенными скальпами и звѣриными шкурами, и это — послѣ знакомства съ результатомъ кругосвѣтныхъ путешествій, послѣ Бэкона, Линнея и Лапласа, послѣ возрожденія историческихъ наукъ, послѣ широкаго знакомства съ Китаемъ и Мексикой, Турціей и Россіей, послѣ того, какъ на ихъ глазахъ путемъ завоеванія при помощи пороха и пушекъ были созданы новыя государства не только въ Европѣ, но и далекой Америкѣ. Нѣтъ, тутъ какое-то недоразумѣніе, какое-то удивительное непониманіе другъ друга, и не такъ комично зрѣлище природы, привѣшивающей печати къ кодексу «естественныхъ» правъ или вольностей, какъ тѣхъ «гимназистовъ», которые ниспровергаютъ такихъ мыслителей, какъ Локкъ, Руссо, Вантъ и Лейбницъ при помощи одной лишь ссылки на школьную азбуку «историческаго» прогресса или положительной исторической «науки».

«Естественный человѣкъ», «человѣкъ природы», прежде всего, конечно, не есть краснокожій индѣецъ или обитатель Огненной Земли, какъ это склонны иногда, кажется, предполагать скорые сокрушители естественно-правовыхъ теорій, а есть человѣкъ вообще, человѣкъ отвлеченный, въ которомъ, благодаря нѣкоторой психологической абстракціи, сосредоточены всѣ основныя черты человѣка, какъ чувствующаго и желающаго разумнаго и нравственнаго существа. Это своего рода «общечеловѣкъ», человѣкъ средняго уровня, это нѣкоторое ариѳметическое среднее данной страны и опредѣленной эпохи. Правда, старинные психологи и юристы были склонны приписывать этому общечеловѣку самыя разнообразныя черты — смотря по степени абстракціи, придавали ему частные признаки своего времени и круга и затѣмъ объявили его типомъ разумнаго существа для всѣхъ странъ и народовъ; но нельзя не замѣтить, что, съ одной стороны, въ «естественномъ человѣкѣ» просвѣщеннаго вѣка дѣй-

ствительно были воплощены весьма многія изъ такихъ основныхъ сторонъ человѣческой природы, что они и на самомъ дѣлѣ пребудутъ до тѣхъ поръ на землѣ, пока будетъ только живъ человѣкъ, а съ другой—подобныя абстракціи составляютъ насущную необходимость всякой науки и не меньшую необходимость для юридической теоріи и практики. Въ силу подобныхъ соображеній мы не только склонны утверждать, что «человѣкъ природы» не есть украшенный перьями кафръ или пещерный троглодитъ, но рискуемъ показать со всею очевидностью, что онъ на самомъ дѣлѣ существуетъ и въ настоящее время и является необходимымъ предположеніемъ всякихъ нормативовъ, въ особенности всякаго общаго юридическаго предписанія.

Въ самомъ дѣлѣ, кто, какъ не общечеловѣкъ, человѣкъ природы, стремится къ своему экономическому обезпеченію, борется за свои имущественные интересы, покупаетъ и продаетъ, порой нарушаетъ права ближняго, совершаетъ различные акты, вступаетъ въ сдѣлки, осуществляетъ права и несетъ обязанности—кто это? Отвлеченный г-нъ «Интересъ»? отвлеченная г-жа «Личность»? или не менѣе отвлеченный г-нъ «Субъектъ»? Нѣтъ, это не «Интересъ», такъ какъ у дѣйствующаго на страницахъ закона лица есть не только интересы, но и нравственныя качества; оно, по общему правилу, «добросовѣстно» хранитъ поклажу, въ «доброй вѣрѣ» пользуется чужимъ имуществомъ, оно жертвуетъ свое имущество на общія нужды, оно безкорыстно заботится о ввѣренныхъ его попеченію дѣтяхъ, оно отвѣчаетъ за вредъ, который причиняютъ принадлежащія ему животныя; это не «Личность», потому что у «Личности» нѣтъ и не можетъ быть ни половыхъ потребностей, ни матеріальныхъ стремленій, ни рожденія путемъ естественнаго акта, ни естественной смерти; Личность не продаетъ, не покупаетъ, не собираетъ въ житницы—она есть высшее завершеніе нравственной организаціи человѣка, высшее проявленіе сознательности, рѣдкое исключеніе среди обыденныхъ сѣрепькихъ людей,—нѣтъ, не для нея пишутся кодексы. Остается одинъ, «Субъектъ»—но это ничего не говорящее слово, которое обозначаетъ только всякаго, кто имѣетъ права и несетъ обязанности; субъектъ, какъ таковой, ничего не говоритъ намъ о самомъ содержаніи тѣхъ отношеній, которыя предвидитъ кодексъ, субъектъ есть только форма для какого-то неизвѣстнаго мистическаго живого существа, для кого-то желающаго и разумнаго, имѣющаго потребности, стремящагося къ ихъ удовлетво-

ренію, страдающаго, борющагося, вступающаго въ союзъ и служащаго, властвующаго и подчиненнаго «X». Кто же это наконецъ? Это безсмертный «обще»-человѣкъ природы съ его естественными страстями, естественной волей, естественной добродѣтелью и естественнымъ разумомъ; и хоть не всегда форма субъекта совпадаетъ съ содержаніемъ естественнаго человѣка, но это, безспорно, двѣ стороны одного и того же общественнаго явленія, а именно: живущаго и дѣйствующаго въ общежитіи человѣка вообще. И замѣчательное дѣло: въ то время, какъ въ гражданскомъ правѣ, еще со временъ римскаго права, былъ созданъ типъ энергичнаго, разумнаго и властнаго pater familias, который не только прожилъ нѣсколько вѣковъ и былъ переданъ въ качествѣ естественной общечеловѣческой основы позднѣйшимъ кодексамъ и уцѣлѣлъ отчасти и до настоящаго времени,—сравнительно очень поздно наблюдаемъ мы созданіе подобной же естественно-правовой основы въ правѣ публичномъ. Но и здѣсь постепенно устанавливается типъ человѣка-гражданина сначала путемъ объявленія его естественныхъ правъ и обязанностей, затѣмъ посредствомъ предоставленія ему опредѣленнаго мѣста въ политической жизни, наконецъ, при помощи судебной защиты и субъективныхъ публичныхъ правъ, которыя хотя и измѣняютъ свой объемъ сообразно времени и мѣсту, но никогда не идутъ ниже опредѣленнаго minimum'а, соотвѣтствующаго вполнѣ психической организаціи и свойствамъ политическаго «общечеловѣка». И отдѣльныя области публичнаго права, поскольку онѣ дѣйствительно вошли въ область правового регламентированія, не избѣжали также этого процесса психологической абстракціи, необходимой для цѣлей ихъ постепеннаго развитія и систематическаго завершенія. Развѣ такъ называемыя права свободы исповѣданія не имѣютъ необходимо въ своей основѣ представленіе не о буддистѣ или католикѣ, не о православномъ или протестантѣ, а о вѣрующемъ вообще, о нормальномъ, среднемъ естественновѣрующемъ? Развѣ современное полицейское право, поскольку оно есть дѣйствительно право, не покоится на представленіи о нѣкоемъ нормальномъ, естественномъ обывателѣ, которому свойственна и извѣстная степень приличія и осторожности, преданности началамъ порядка и даже извѣстной степени гуманности? И если отвлеченный, средній, естественный общечеловѣкъ, а не Иванъ, Семенъ или Петръ, является дѣйствующимъ лицомъ въ гражданскомъ правѣ, то тотъ же человѣкъ природы выступаетъ

то какъ снабженный извѣстными свойствами гражданинъ, то какъ обладающій тѣми или другими культурными привычками обыватель,—вездѣ онъ является какъ необходимая предпосылка, какъ философская абстракція изъ области психологіи или этики, болѣе или менѣе окрашенной условіями времени или мѣста, болѣе или менѣе устойчивый или даже безсмертный, но вездѣ нуждается въ этомъ отвлеченіи политика права, вездѣ стремится она къ нормальному, среднему типу, и для него пишетъ свои законы и кодексы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что теперь мы относимся къ подобнымъ абстракціямъ болѣе или менѣе спокойно,—мы знаемъ имъ цѣну, ихъ необходимость и мѣру законности ихъ примѣненія,—но когда надо было во имя самого существа человѣка требовать признанія его естественныхъ, неотчуждаемыхъ правъ, когда впервые въ области права нарождался самый субъектъ правъ гражданина, тогда провозглашеніе «естественнаго человѣка» было дѣломъ исторической необходимости, а построеніе теоріи его «естественныхъ» страстей, его разума, его потребностей и силы — необходимой подготовкой его юридическаго признанія. И надо отдать справедливость великимъ философамъ и юристамъ эпохи естественнаго права: они заложили тотъ философскій и психологическій фундаментъ, на которомъ не только воздвигнуто стройное зданіе современнаго правового государства, но и громада европейскаго просвѣщеннаго абсолютизма.

И договоръ людей естественнаго состоянія есть не нотаріальный актъ, учиненный троглодитами передъ тѣмъ, какъ имъ выползти изъ своихъ лѣсовъ и пустынь сразу въ культурную обстановку общежитія гражданъ, а спасительная фикція для того, чтобы основать государство не на одностороннемъ актѣ насилія и произвола того или другого тирана, а на двустороннемъ юридическомъ отношеніи свободныхъ людей, «добровольно» принявшихъ власть правителя, «по договору» подчинившихся ей. И этотъ договоръ есть фикція только какъ актъ, какъ формальное дѣяніе подданныхъ съ одной стороны и государя—съ другой. Этотъ договоръ есть истина, поскольку онъ передаетъ юридическое отношеніе государя и подданныхъ въ новомъ абсолютномъ государствѣ. Этотъ договоръ подтверждаетъ ту мысль, что только въ добровольномъ подчиненіи подданныхъ вся нравственная основа новаго самодержавія, что, превращаясь въ одностороннее властвованіе, оно теряетъ эту величайшую свою основу

и стремится къ своей гибели, что, наконецъ, это государство въ своемъ принципѣ есть союзъ, а не государство, отношеніе между монархомъ и «естественнымъ человѣкомъ», а не между хозяиномъ и его вещью. И чѣмъ бы это добровольное подчиненіе ни подтверждалось, первоначальнымъ ли договоромъ при утвержденіи государства, молчаливымъ ли признаніемъ подданными государственнаго властвованія, смыслъ этого всегда одинъ: государство есть союзъ свободныхъ людей или, говоря словами Гуго-Гроція — «совершенное соединеніе свободныхъ людей, сообщество ради пользованія правомъ и пользы общей» [1]). И въ этомъ та «конституція» абсолютнаго государства, необходимость которой устанавливаетъ и Іерингъ, и Іеллинекъ, и Штаммлеръ [2]). Она не въ служебномъ правѣ, не въ нормахъ, которыя устанавливаютъ государственную должность «на твердомъ основаніи закона», не въ зависимости судовъ или неприкосновенности частныхъ правъ,—что, конечно, все имѣетъ высокое значеніе для правовой организаціи самодержавной монархіи,—а въ томъ добровольномъ повиновеніи милліоновъ свободныхъ людей абсолютному государю, которое имѣетъ въ своей основѣ молчаливый или «первоначальный» договоръ массы «общечеловѣковъ» съ однимъ изъ нихъ, которому они въ силу этого и повинуются «добровольно».

И въ самомъ дѣлѣ, спрашивается, какъ возможно иначе, чѣмъ путемъ признанія свободнаго двусторонняго акта со стороны монарха и подданныхъ, совмѣстить его власть и ихъ подчиненіе? Вѣдь не надо забывать, что, благодаря признанію за подданнымъ «святѣйшаго изъ званій: человѣкъ», онъ уже ничѣмъ существенно не отличается отъ монарха, который болѣе не представляется ни сверхестественнымъ существомъ теократіи, ни человѣкобогомъ древняго Рима, ни сверхъ-человѣкомъ новѣйшей философіи—а есть такой же человѣкъ, какъ всѣ, только облеченный «великимъ служеніемъ» и абсолютной властью. И этотъ человѣкъ никакого «естественнаго» права на другихъ людей и имѣть не можетъ, ибо въ «естественномъ» отношеніи всѣ одинаковы и равны, такъ какъ всѣ «естественные» люди

---

[1]) Цитирую по Ricker. Evang. Kirche 236—est autem civitas coetus perfectus liberorum hominum juris fruendi et communis utilitatis causa societas (De jure b. ac. p. lib. I cap. 1 § 14).

[2]) Iehring. D. Zweck im Recht B. I, 351 и. д.
Stammler. Wirtsch. и Recht, 517 и д.
Iellinek. Allg. Staatslehre 636; хотя бы 461—„Minimum der Verfassung“.

одинаково рождаются и умираютъ, одинаково хотятъ ѣсть, пить и насыщаются, одинаково имѣютъ потребности въ семьѣ и общежитіи и соединяются для этихъ цѣлей, одинаково обладаютъ и человѣческимъ разумомъ, и чувствами, и волей, и никто уже болѣе «по природѣ» не предназначенъ въ рабство. И подданные и монархъ—какъ «естественные люди» — равны между собою. Они одинаково носятъ «святѣйшее изъ званій: человѣкъ», и никто по «естественному закону», написанному въ природѣ, конечной цѣли и свойствамъ человѣка, не можетъ быть рабомъ у другого. А не можетъ быть рабомъ—значитъ долженъ быть не объектомъ, а субъектомъ; если же онъ субъектъ, имѣющій «естественныя» права въ соотвѣтствіи своимъ естественнымъ свойствамъ, то онъ имѣетъ и первое основное право всякаго субъекта, имѣющаго разумную волю — право свободнаго распоряженія своею личностью, а слѣдовательно и право свободы. Итакъ, свобода есть неизбѣжное слѣдствіе признанія человѣка—человѣкомъ. Но такъ какъ свободный человѣкъ не можетъ подчиниться верховной власти другого иначе, какъ добровольно, то и ясно отсюда, что только договоръ долженъ быть признанъ той идеальной основой, на которой можетъ существовать абсолютное государство и ничто другое. Это—конституція европейскаго самодержавія, и другой оно безъ тяжелаго ущерба для своей цѣлости и устойчивости и имѣть не можетъ. И на этой-то конституціи подтверждается истина словъ Л. Ф. Штейна, что именно благодаря ей новое государство могло съ такою увѣренностью и силой выступить противъ феодальнаго строя и сломать его [1]).

Разсматривая далѣе эту «конституцію», которая заключается въ юридическомъ отношеніи между монархомъ и каждымъ изъ его подданныхъ, изъ которыхъ каждый лично ему обязанъ повиновеніемъ въ силу добровольнаго признанія его государемъ, нельзя не замѣтить, что именно эта конституція самодержавія обоснована и въ трудахъ по русскому государственному праву талантливаго теоретика абсолютной монархіи— Н. М. Коркунова. Его борьба противъ государства, какъ «юридической личности», его теорія государства, какъ правоотношенія, его пониманіе госу-

---

[1]) L. v. Stein. Verw. Lehre. B. II.

18—Полицейское государство возникло изъ совершенно новой идеи: идеи свободы на основаніи конституціи, государственная власть, противъ стараго порядка, опершись на „Lehre von der Verfassung“ и данное ею понятіе и право законодательства.

дарственной власти, какъ объекта правоотношенія, причемъ эта власть понимается именно какъ своеобразный рефлексъ добровольнаго повиновенія свободныхъ людей—все это характерныя черты вліянія на русскаго юриста именно той естественно-правовой конституціи русскаго самодержавія, которая, дѣйствительно, прекрасно укладывается въ рамки упомянутаго «общаго» ученія о государствѣ. Мало того, только эта теорія можетъ вести къ надлежащему оправданію правомѣрнаго характера русскаго самодержавія, такъ какъ она есть единственно логичная идейная основа вообще всей системы европейскаго абсолютизма. И странное дѣло, тѣ изъ западно-европейскихъ ученыхъ, которые наиболѣе проникнуты принципами абсолютной монархіи, какъ Максъ Зейдель и Борнгакъ, не имѣя болѣе передъ собою въ западной Европѣ живого организма самодержавной монархіи и не желая впикнуть въ старыя теоріи европейскаго абсолютизма, построили свои «абсолютистскія» теоріи на самыхъ странныхъ, чтобы не сказать болѣе, основаніяхъ: они превратили одного монарха въ субъекта государственной власти, все же остальное населеніе зачислили исключительно въ объекты управленія. И отсюда потекли самыя неожиданныя заключенія. Такъ, у Борнгака мы читаемъ, что хотя «государь и государство — это тождественныя понятія», и «всякая государственная мощь и государственное право есть только княжеская мощь и княжеское право», и даже «народное представительство», въ конституціонномъ государствѣ «есть представительство народа въ его двойномъ значеніи, какъ объекта и какъ средства властвованія», но, съ другой стороны, оказывается, что «король есть государство только въ своемъ отношеніи къ... объектамъ властвованія» т. е. къ «странѣ и людямъ», да и здѣсь «въ осуществленіе опредѣленныхъ правъ верховенства онъ связанъ содѣйствіемъ опредѣленныхъ органовъ», а сами граждане, являясь «преимущественно объектомъ властвованія», въ то же время «управомочены къ содѣйствію» во властвованіи, и такимъ образомъ являются «средствомъ властвованія» [1]). Какъ представить себѣ «управо-

---

[1]) Bornhak. Preuss. St. R. B. I.
64.—Subjekt und Quelle aller Herrschaft ist in dem monarchischen Staate der Monarch. Alle Gewalten im Staate sind von ihm abgeleitet. Alle Staatsmacht und alles Staatsrecht ist Fürstenmacht und—65.—Fürstenrecht. Staat und Herrscher sind identische Begriffe.—65...—Der König ist aber der Staat aufgefasst als unabhängige und originäle Herrschaft. Der König allein leitet seine Herrschaft von Keiner anderen irdischen Macht ab.

моченный» къ властвованію «объектъ» властвованія, который въ то же время связываетъ и ограничиваетъ «субъекта» властвованія и поглощающаго, въ свою очередь, безъ остатка въ себѣ все «государство»—это, конечно, задача довольно трудная. Но еще интереснѣе выводы, къ которымъ приходитъ М. Зейдель. Этотъ писатель считаетъ государствомъ не государя, въ противность Борнгаку, а народъ и территорію, и отсюда заключаетъ, что «государь и государство отдѣлены другъ отъ друга, какъ субъектъ и объектъ», и князь стоитъ не въ государствѣ, «а какъ властитель, какъ суверенъ надъ нимъ»,—а такъ какъ,—совершенно логично заключаетъ далѣе данный писатель, — говорить о правѣ, стоящемъ внѣ воли государя, здѣсь не приходится, то съ неменьшей логичностью выводитъ онъ наконецъ тотъ результатъ, что, какъ, съ одной стороны, «не нарушаетъ права тотъ государь, который издаетъ самые безсмысленные законы» и тѣмъ приводитъ свой «объектъ» къ революціи, точно также и всякая революція отнюдь не является «правонарушеніемъ», а, напротивъ, «созданіемъ основаній для новаго государства и правообразованія» [1]). Таковы выводы изъ этой вопстину турецкой теоріи самодержавія, тутъ уже исчезаетъ съ естественно-правовымъ обоснованіемъ абсолютизма и всякая его нравственная и юридическая организація, а на смѣну одного «факта» деспотизма

66.—Der König ist der Staat nur in seiner Beziehung zu jenen Objekten. Diese sind aber Land und Leuten.—67.—Die Volksvertretung ist die organisierte Vertretung der Volksgesammtheit in deren doppelter Eigenschaft als Objekt und als Mittel des Herrschaft... Die Staatsangehörigen sind zwar Vorzugsweise, aber nicht ausschliesslich Objekt der Herrschaft, sie sind durch ihre Vertretung im konstitutionellen Staate zur Mitwirkung bei Ausübung derselben befügt und insofern Mittel der Herrschaft.—65.—Vielmehr kann der König in der Ausübung einzelner Hoheitsrechte an die Mitwirkung bestimmter Organe gebunden sein.

[1]) M. v. Seydel. Allg. Staatslehre.—7.—Es ist... immer und allezeit der Herrscherwille ein Wille über den Staat nicht ein Wille des Staates...

Bay. St. R. B. I. 170 - 171. - Bezeichnet man aber... Land und Leute, welche der Herrschaft unterworfen sind, als Staat, dann sind Herrscher und Staat von einander geschieden wie Subjekt und Objekt. Am klarsten tritt diese Scheidung in der Einherrschaft zu Tage. Der Fürst ist kein Organ des Staates, er steht als Herrscher, als Souverain über ihm... Die Herrscherstellung des Königs in ihrer Ganzheit ist kein Recht, sondern eine Macht, welche die Quelle der Rechtsordnung und von Rechten ist. Allg. St. Lehre—9.—Die Revolution ist... nicht Rechtsbruch, sondern Schaffung der Grundlage für eine neue Staats- und Rechtsbildung. Ebenso venig ist aber auch das Verhalten des Herrschers selbst, welches Ursache der Revolution ist, ein rechtswirdiges. Denn derjenige, von dem das Recht ausgeht, steht über dem Rechte. Der Herrscher, welcher die sinnlosesten Gesetze gibt, hat das Recht nicht verletzt; denn Recht entstammt seinem Willen.

является другой такой же «фактъ» революціи. Юристу здѣсь, конечно, дѣлать нечего [1]).

Изслѣдовавъ первый членъ символа вѣры абсолютнаго государства—договоръ, перейдемъ теперь ко второму—а именно «къ общему благу».

Мы видѣли выше на цѣлой массѣ примѣровъ и подтвержденій, что именно общее благо и благополучіе, народныя пользы, даже всеобщее счастье и блаженство являются цѣлью, ради которой установлено государство и заключенъ общественный договоръ. Спрашивается теперь, что это за благо, благополучіе или блаженство?

Подъ общее понятіе благо можно подвести, конечно, самыя разнообразныя вещи; благодаря своей широтѣ и общности, этотъ терминъ одинаково удобно можетъ охватывать собою и узко-государственные интересы усиленія власти ради самой власти, финансовой мощи и военной силы, и благополучіе общества, взятаго въ отдѣльности отъ государства, какъ совокупности соціальныхъ организацій и классовъ на почвѣ экономической и культурной борьбы, наконецъ, даже блаженство или счастье величайшаго числа индивидовъ, какъ таковыхъ, большинства или даже всѣхъ обитателей государства, — какой же смыслъ имѣетъ общее благо въ катехизисѣ новаго абсолютизма? Для отвѣта на этотъ вопросъ прежде всего надо отмѣтить, что интересы чисто-политическаго могущества прежде всего потому никоимъ образомъ не могли быть понимаемы въ смыслѣ общаго блага, что именно «политическое могущество» было тѣмъ знаменемъ, подъ кровомъ котораго со временъ Макіавелли обдѣлывались дѣла и дѣлишки различныхъ мелкихъ династій, которыя политику понимали только въ видѣ семейныхъ интригъ и переворотовъ, а обманъ, насилія, всевозможныя жестокости по отношенію къ своимъ подданнымъ и соперникамъ считали универсальнымъ орудіемъ для достиженія своихъ узко-эгоистическихъ цѣлей. Государственные и политическіе интересы сливались на

---

[1]) Iellinek. Allg. St. Lehre 612—613—612.—Monarchie ist der von einem physischen Willen gelenkte Staat. Признавать за монархомъ его собственное первоначальное ни отъ кого не зависимое Recht auf die Herrschaft—значитъ—613—разбивать единство государства. Это представленіе „entstammt dem dualistischen, das öffentliche Recht nur unvollkommen entfassenden Staatsbegriff“; Sie ist privatrechtlicher Natur, in dem sie den Monarchen ausserhalb des Staates und damit ausserhalb des rechtlichen Zusammenhangs mit dem Staate stellt. Sie kann consequent nur in einer theokratischen oder patrimonialen Staatsauffassung durchgeführt werden.

зарѣ просвѣщеннаго абсолютизма съ эгоистическими, династическими и тираническими цѣлями и уже потому не могли быть выставлены открыто подъ именемъ «общаго блага», какъ девизъ и лозунгъ новыхъ монархическихъ и демократическихъ «республикъ». Съ другой стороны, несомнѣнно, что новое государство уже потому не могло подъ общимъ благомъ понимать династическо-политическихъ интересовъ, что оно искало поддержки широкихъ круговъ «просвѣщеннаго» общества для своихъ реформъ и преобразованій, стремилось его заинтересовать въ своемъ развитіи и процвѣтаніи, его интересы не только провозглашало своими, но и ставило на первый планъ. Итакъ, только благо общее, въ отличіе отъ блага династіи и политической организаціи, надо понимать подъ вышеуказаннымъ терминомъ, благо общества — сказали бы мы на языкѣ болѣе современномъ — въ отличіе отъ интереса государства. Однако и здѣсь мы сдѣлали бы ошибку, если бы отдѣлили общество отъ государства по формуламъ современной соціологіи и реальную совокупность общественныхъ интересовъ, какъ они рождаются изъ общей борьбы различныхъ соціальныхъ группъ и классовъ, стали бы считать основой для достиженія общаго блага,—нѣтъ, общества въ современномъ смыслѣ слова наука того времени не знала и снабдила новое самодержавіе не этимъ знаменіемъ «государственнаго соціализма», а нѣсколько инымъ: недаромъ она говорила и о блаженствѣ и счастьи индивидовъ. Эта послѣдняя мысль показываетъ намъ вѣрный путь къ пониманію общаго блага. Съ ея помощью мы установимъ истинный смыслъ этого, казалось бы, слишкомъ неопредѣленнаго девиза; но и здѣсь мы не должны увлекаться буквальнымъ пониманіемъ слова: не всякое блаженство индивида есть вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніе блага всеобщаго, и благо всѣхъ не есть общее благо! И дѣйствительно, если очень часто мы встрѣчаемся въ широковѣщательныхъ формулахъ эпохи просвѣщенія съ сопоставленіемъ общаго и частнаго блага, причемъ первое всегда идетъ впередъ и въ случаѣ столкновенія исключаетъ второе, то не надо забывать и того, что мы встрѣтили уже выше загадочное на первый взглядъ различеніе «истиннаго» блага индивида отъ «неистиннаго», «дѣйствительнаго» отъ «воображаемаго». Итакъ, не по одному числу и одному количественному критерію различается благо общее отъ частнаго, но и по какому-то другому. Не всякое благо даже всѣхъ индивидовъ есть благо общее.

Для того, чтобы вполнѣ усвоить себѣ содержаніе даннаго понятія общаго блага, надо опять-таки вернуться къ естественному человѣку. Общее благо есть благо естественнаго человѣка. Это то благо, къ которому онъ стремится по закону природы, въ силу предписаній естественнаго разума, въ силу того призванія и тѣхъ свойствъ, которыя заложены въ него создателемъ. Общее благо съ этой точки зрѣнія не есть благо одного лишь государства, такъ какъ оно есть благо человѣка, есть результатъ его потребностей и цѣлей. Оно не есть благо индивида, потому что у индивида, кромѣ естественныхъ, есть и извращенныя потребности, и слѣдовательно, и воображаемые интересы. Общее благо есть то, которое опредѣляется естественнымъ закономъ, благо нормальное, разумное и нравственное. И въ составъ его войдетъ прежде всего безопасность и здоровье. Человѣкъ долженъ жить ради самой жизни, долженъ быть силенъ и крѣпокъ, здоровъ тѣломъ и духомъ—и это его первое благо; признаніе этого блага государствомъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе цѣнности человѣческой жизни, признаніе имъ гуманитарныхъ филантропическихъ задачъ общежитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ приговоръ религіознымъ процессамъ, пыткамъ, аутодафе, административнымъ высылкамъ и ссылкамъ, lettres de cachet и т. п. Въ примѣненіи къ общежитію осуществленіе этого принципа несетъ съ собою порядокъ и безопасность общественной жизни, обезпеченіе безопасности каждаго не только отъ эгоистическихъ и преступныхъ посягательствъ отдѣльныхъ лицъ, но и массовыхъ насильствъ, погромовъ и угнетеній. Свободное пользованіе результатами своего труда — таково второе благо, провозглашенное естественнымъ правомъ, какъ благо естественное, нормальное, а оно стало принципомъ новой экономической жизни, легло въ основу гражданскихъ кодексовъ новаго вѣка, утвердило на развалинахъ феодализма новое понятіе всѣмъ доступной, всѣмъ открытой собственности и гарантировало ея святость и неприкосновенность и богатому, и бѣдному, и сильному, и слабому, всѣмъ—какъ людямъ природы — безразлично. Само государственное хозяйство подчинилось этому порядку и стало какъ равное естественному человѣку частное лицо въ видѣ фиска и себѣ оставило только тѣ имущественныя права, которыя получалъ и каждый отдѣльный индивидъ во имя общаго блага. Третьимъ благомъ индивида, которое совпадало съ общимъ, было признано благо семейнаго очага и супружеское счастье,—

благо, которое основано на естественномъ стремленіи къ продолженію рода и размноженію потомства. И это благо, будучи признано государствомъ за подданными, не только повело къ установленію общегражданскаго законодательства о бракѣ, къ устраненію многихъ церковныхъ и сословныхъ ограниченій въ этой области, но и къ обезпеченію незаконнорожденныхъ дѣтей, къ призрѣнію сиротъ и подкидышей, къ болѣе справедливому регулированію наслѣдственныхъ отношеній и т. д. Наконецъ, четвертымъ основнымъ благомъ индивида, которое лежитъ въ понятіи блага общаго, было признаніе блага религіознаго, нравственнаго и умственнаго просвѣщенія. И это благо было провозглашено, какъ необходимое, естественное благо индивида, и благодаря этому признанію была принципіально уничтожена привилегія на знаніе и нравственность со стороны однихъ лишь высшихъ классовъ общества, а просвѣщеніе широкой волной полилось въ глубокое море народнаго невѣжества, въ мрачное царство «власти тьмы».

Итакъ, жизнь и здоровье человѣка, его экономическое обезпеченіе и собственность, его семейное благополучіе и просвѣщеніе—таковы составныя части нормальнаго естественнаго блага индивида, а, именно, это благо должно было стать общимъ—таковы начала, провозглашенныя новымъ государствомъ, и нельзя не признать, во-первыхъ, что своимъ свѣтскимъ жизнерадостнымъ характеромъ, своимъ стремленіемъ къ земному счастью и довольству естественнаго человѣка они рѣзко отличаютъ новый строй «царства человѣческаго» отъ тѣхъ средневѣковыхъ порядковъ, которые во имя «царства Божія» раздавили самое существо человѣка, убивали тѣло, дабы спасти душу, и воздвигали на принципахъ монашеской морали, съ одной стороны, судилище св. Германдада, а съ другой—насквозь прогнившее зданіе римской церковной іерархіи [1]). Новое государство принесло вмѣстѣ съ своимъ расцвѣтомъ и ту политическую реформацію, которая въ самомъ государствѣ стала искать его цѣлей, освѣтило путь его сіяніемъ новыхъ чисто-земныхъ цѣлей и идеаловъ и создала изъ него при помощи естественнаго права храмъ мір-

[1]) Ricker. Evang. Kirche 229—230, 234. На мѣсто религіозно-средневѣкового—eine reine weltliche Konstruktion des Staates, an die Stelle der Ehre Gottes als höchsten Staatszweckes tritt das Wohl, das Interesse des Nutzen des Staates, die ratio status oder Staatsraison...

Die Staatsraison beginnt den Sieg über das Interesse an der wahren Religion zu erringen und den höhsten Masstab des Politik zu bilden.

ского труда и отдыха, человѣческаго—всѣмъ одинаково, казалось, близкаго и понятнаго счастья, общественнаго благоустройства, матеріальнаго и духовнаго преуспѣянія. Нельзя не отмѣтить далѣе, во-вторыхъ, что, будучи такъ мало похоже на средневѣковое зданіе церковно-феодальныхъ порядковъ, новое государство въ то же время далеко ушло и отъ своего римскаго прообраза римско-византійскаго единодержавія. И если въ началѣ своего развитія не только во Франціи, но и Германіи новое государство вмѣстѣ съ идеями римскаго права приняло въ число своихъ государственныхъ принциповъ и положеніе «salus populi» на древній образецъ и признаніе только одного «jus privatum» въ качествѣ настоящаго «права» (въ противоположность jus publicum), и даже полновластіе государя по извѣстной формулѣ «quod principi placuit legis habet vigorem»—однако, самое элементарное сравненіе римско-византійскаго государства съ новымъ абсолютизмомъ, построеннымъ на началахъ договора и общаго блага, даетъ намъ возможность оцѣнить сравнительно высокій нравственный уровень, на которомъ возвышается послѣдній, и признать за нимъ громадное преимущество съ точки зрѣнія культурно-историческаго развитія [1]). Изъ совершенно

---

[1]) Cierke. Gen. R. B. I, 647, 648... der vom Volke getrennte und ihm selbstständig gegenüberstehende Staat überhaupt fanden in den vom Greisenalter des Römersthums erzeugten Institutionen schwer erreichbare Vorbilder nur in der Bevormundung und Vielregiererei übertraf des deutsche Obrigkeits Staat der Kleinlichkeit seiner Verhältnisse wegen das Reich Justinians. Besonders förderlich war das römische Recht der Tendenz des Polizeistaats sich über das Recht zu erheben; denn die römische Anschauung über das Verhältniss von jus publicum und jus privatum erkannte nur dieses als ein wahres Recht, jenes lediglich als eine administrative Ordnung an und kannte daher Recht und Rechtsschutz für den Bürger zwar gegen den Fiscus, niemals aber gegen den Staat und seine Organe.

Съ другой же стороны, въ римскомъ правѣ der grösstmöglichen Centralisation entsprach so die grösstmögliche Atomisirung... ибо der römische Staat der spätesten Zeit bestand (von den Sklawen, die ihm überhaupt keine Personen waren, abgesehen) nur aus einer Summe unter sich gleicher Individuen, welche mit einander für öffentliche Angelegenheiten nicht weiter organisch verbunden, sondern mechanisch abgetheilt waren und höchstens für einzelne Privatrechtszwecke individuelle Verbände bildeten.

Laband. Rezeption d. röm. R. 39—53.

Diesen Begriff des absoluten, bureaukratisch verwaltenen Staates entnahm man dem Römischen Recht und dies ist Beginn und Ursache des Rezeption des Römischen Rechts. Die Entwicklung des absoluten Staats und die Rezeption des Römischen Rechts sind in Deutschland ein und derselbe historische Vorgang. Die Rezeption des römischen Staatsbegriffes und des Römischen Staatsrechts vollzieht sich in den Territorien und kommt dem Aufblühen der absoluten Staatsgewalt der Reichstände zu gute... beruht die praktische Bedeutung des Naturrechts-Politiker darauf, dass sie das

невѣрнаго предположенія о родствѣ между византійской автократіей и ново-европейскимъ самодержавіемъ исходитъ поэтому то теченіе русской жизни, которое ищетъ укрѣпленія государственныхъ началъ при помощи усиленнаго насажденія классицизма въ средней школѣ и не менѣе усиленнаго изученія римскаго права въ нашихъ университетахъ. Нельзя здѣсь же не замѣтить, что подобное направленіе игнорируетъ совершенно весь духъ и основы дѣйствующаго русскаго закона, такъ какъ, съ одной стороны, наше государственное право проникнуто цѣликомъ принципами естественнаго права и новой философіи, а съ другой — русское самодержавіе, желая быть культурной силой новаго времени, приняло, какъ свое знамя, общій девизъ европейскаго просвѣщеннаго абсолютизма. Такимъ образомъ, проповѣдь римскаго права и школьнаго классицизма безусловно не соотвѣтствуетъ истинной точкѣ зрѣнія русской государственности; возвращать же основы нашего политическаго быта ко временамъ византійскимъ или древне-римскимъ — значитъ низводить ихъ на безконечно низшій нравственный уровень, чѣмъ ихъ теперешніе устои, и возрождать ту организацію, которая въ свое время привела къ столь печальному крушенію имперіи Константина [1]).

Въ виду вышеуказаннаго характера новаго абсолютизма, непонятнымъ представляется утвержденіе г. Берендса въ его «Системѣ административнаго права», когда онъ говоритъ, что новое «такъ называемое полицейское государство... не только стоитъ на плечахъ средневѣковаго патримоніальнаго государства, но и проникнуто вотчинными началами», что «вот-

---

öffentliche Recht des Alterthums den modernen Zuständen und Bedürfnissen anpassten und es zu einer communis ratio juris publici fortentwickelten.

Uebernahm man aus dem Römischen Recht den Schatz publizistischer Rechtsbegriffe und die Methode ihrer Verwerthung; als im 17-ten Jahrhundert das positive Deutsche Staatsrecht als eine selbstständige Wissenschaft von der Naturrechtslehre und Politik sich wieder trennte, da zeigte sich, dass die Zwischenzeit für den Fortschritt der wissenschaftlichen Erkenntniss nicht verloren gewesen, das vielmehr die Grundlage, auf welcher diese Doctrin ruhte auf ein unendlich viel höheres Niveau gehoben werden war.

[1]) Берендтсъ. Система адм. пр. I, 1.

Все управленіе Византіи было милостью императора, проявленіемъ его отеческой заботливости. Всякое его дѣйствіе или бездѣйствіе было законнымъ. Нельзя было противиться первому, нельзя было жаловаться на второе. Должностныя лица Византіи не были магистратами народа, а слугами, рабами императора. Ихъ должностныя отношенія къ императору не имѣли и не могли имѣть правового характера... Съ гражданами... ихъ не связывала связь взаимосвязывающихъ правъ и обязанностей... quod principi placuit, legis habet vigorem.....

чинное начало, пожалуй, проявилось еще съ большей силой въ это новое время», что и въ новомъ государствѣ «феодализмъ сохранился, перемѣнились только объекты феодальнаго владѣнія» и т. п. Вышеприведенный нами матеріалъ достаточно свидѣтельствуетъ противъ такой частно-хозяйственной точки зрѣнія на новое государство. Естественно-правовая теорія, принятая этимъ послѣднимъ, не даетъ намъ никакой возможности принять хоть отчасти мнѣніе г. Берендса; однимъ только можно объяснить подобное утвержденіе почтеннаго ученаго, а именно тѣмъ, что онъ смѣшалъ теорію и практику новаго государства и, игнорируя совершенно естественно-правовой элементъ въ «конституціи» новаго абсолютизма, строилъ свою юридическую (см. введеніе) работу исключительно на отдѣльныхъ историческихъ данныхъ, а потому и принципіальная характеристика новаго государства получилась,—смотря по времени, случаю и мѣсту,—самая противорѣчивая. Неудивительно послѣ этого, что новое государство г. Берендса имѣетъ особую способность мѣнять свой юридическій принципіальный характеръ, смотря по тому, кто въ данное время стоитъ во главѣ его или руководитъ его управленіемъ. Такъ, вотчинный характеръ новаго государства у г. Берендса то магически исчезаетъ во время царствованія однихъ монарховъ (Петра I, Фридриха II) или даже при наличности тѣхъ или другихъ министровъ (Сюлли, Ришелье, Кольберъ), то такъ же магически снова воскресаетъ при другихъ, причемъ всѣ подобныя перерожденія совершаются только потому, что одни лица употребляютъ свою власть «въ интересахъ цѣлаго, націи, государства», а другія, вмѣсто того, чтобы считать власть «великимъ служеніемъ», считаютъ ее «превеликимъ наслажденіемъ» и даже не понимаютъ, что такое государство; въ свою очередь, мы не можемъ не считать подобную «юридическую» теорію, построенную примѣнительно къ личности того или другого монарха—«превеликимъ заблужденіемъ». Въ дальнѣйшемъ разборѣ пока теорія Берендса не нуждается [1]).

---

[1]) Берендтсъ. Система адм. пр. 1, I 64—65, 68, 69, 71. Такъ называемое полицейское государство, установившее всепроникающую и безпредѣльную опеку надъ всѣми сторонами общественной жизни, ради развитія своего политическаго могущества, не только стоитъ на плечахъ средневѣковаго патримоніальнаго государства, но и проникнуто вотчинными началами... Они стушевались въ жизни крупныхъ политическихъ союзовъ только къ 19 столѣтію, послѣ великихъ... переворотовъ и катастрофъ эпохи французской революціи и наполеоновскихъ войнъ.

Третьимъ членомъ символа вѣры новаго абсолютизма является вѣра въ государство, какъ механизмъ, въ государство — машину.

И въ самомъ дѣлѣ, только такое представленіе о государствѣ могло сосредоточить въ рукахъ одного лица всю полноту государственной власти, поручить всѣ заботы и отдать ему всѣ средства по достиженію всеобщаго блага—государь есть только машинистъ при машинѣ, которая создана общественнымъ договоромъ и двигается стремленіемъ индивида къ его же собственному благу.

Не надо забывать прежде всего, что человѣкъ природы есть человѣкъ естественныхъ страстей. Будучи самъ по себѣ довольно

Не замѣна частно-правового вотчиннаго начала такъ называемымъ государственнымъ—публично-правовымъ,—отличаетъ такъ называемое новое время, эпоху полицейскаго государства и просвѣщеннаго абсолютизма, отъ среднихъ вѣковъ и эпохи феодализма. Оно, это вотчинное начало, пожалуй, проявилось еще съ большей силой въ это „новое время“, когда Людовикъ XIV отождествилъ себя съ Франціей въ извѣстномъ изреченіи... когда Фр. Вильгельмъ прусскій, самый яркій образецъ монарха-хозяина и администратора, установилъ суверенитетъ „какъ бронзовую глыбу“, когда Карлъ VI австрійскій... стремился обезпечить... единство габсбургской монархіи... въ силу сдѣлокъ съ агнатами, когда каждый нѣмецкій властитель называлъ сословное представительство „meine Stande“—всѣхъ должностныхъ лицъ „meine Bedienten“, а области, входившія въ государство—„meine Staaten und Länder“, когда Карлъ XI... шведскій преобразовалъ... шведскій,.. совѣтъ въ совѣтъ королевскихъ чиновниковъ — 65 — намъ... кажется, что государственные дѣятели „новаго времени“ стремились осуществить государственное начало... Государи и политики того времени... трудились въ пользу государя, его славы, его могущества, его власти и силы... и если... они подготовили господство интересовъ общегосударственныхъ, національныхъ надъ династическими, то это было результатомъ, котораго они не ожидали. Фискальная точка зрѣнія проникаетъ во всѣ сферы администраціи новаго времени... Строй административныхъ должностей „новаго времени“ проникнутъ... феодальнымъ вотчиннымъ началомъ... Феодализмъ сохранился, перемѣнились только объекты феодальнаго владѣнія. Не земля объектъ феодальной власти, а должность, купленная у государственной власти или ею пожалованная. Но, несомнѣнно, были эпохи, непродолжительныя, впрочемъ, когда... принадлежащее должностнымъ лицамъ или коллегіямъ право, jus administrandi, осуществлялось въ интересахъ цѣлаго, націи, государства. Сюлли, Ришелье... Кольберъ и Лувуа, создавая опеку надъ земледѣліемъ, промышленностью и торговлей, имѣли въ виду возвышеніе матеріальнаго преуспѣянія народа, какъ условія политическаго могущества всего государства... Мало того, Фр. Великій и Петръ Великій едва ли не единственные правители Европы до XIX столѣтія, которымъ ясно было понятіе „государство“, и которые свою неограниченную власть не считали цѣлью государственной жизни, а ея элементомъ. Царь, въ „работѣ пребывающій“, и король „первый слуга государства“ рѣзко выдѣляются на темномъ фонѣ самодовлѣющихъ властителей XVII и XVIII вв., для которыхъ государственная власть не была „великимъ служеніемъ“, а превеликимъ наслажденіемъ.

немногочисленны и постоянны, онѣ находятся однако въ состояніи непрерывной борьбы между собою. Съ этой точки зрѣнія человѣкъ представляется даже игралищемъ страстей. Онѣ рождаются изъ его основныхъ естественныхъ потребностей и влекутъ его къ внѣшн ему міру, гдѣ единственно онъ можетъ удовлетворить ихъ. Съ другой же стороны, именно этотъ міръ возбуждаетъ въ немъ тѣ или другія страсти, ослабляетъ однѣ, усиливаетъ другія. Такъ, человѣкъ оказывается какъ бы средоточіемъ, черезъ которое проходятъ вліянія внѣшняго міра на него для того, чтобы возбудить опять-таки тѣ или другія воздѣйствія его на міръ. Но не всѣ страсти одинаково легко возбудимы, не всѣ порождаютъ одинаково сильную реакцію въ видѣ активнаго воздѣйствія на окружающее. Между ними есть извѣстная іерархія, есть страсти болѣе могучія, вытекающія изъ болѣе необходимыхъ потребностей, и есть страсти, которыя легко возбуждаются только послѣ удовлетворенія другихъ, болѣе могучихъ страстей. Задача естественнаго разума и состоитъ въ томъ, чтобы организовать борьбу этихъ страстей такъ, чтобы онѣ представляли изъ себя естественную гармонію. Задача естественной этики въ томъ, чтобы болѣе необходимымъ потребностямъ и болѣе могучимъ страстямъ доставить торжество надъ менѣе важными и второстепенными и такъ организовать дѣятельность человѣка, чтобы она приносила ему какъ можно болѣе удовлетворенія его основнымъ, постояннымъ потребностямъ, а слѣдовательно, и нормальнаго, естественнаго счастья.

По воззрѣніямъ подобной философіи страсти—это и есть та могучая сила, которая толкаетъ человѣка къ счастью или отталкиваетъ его отъ горя и печали, это та неразрывная цѣпь, которая привязываетъ его къ внѣшнему міру, которая втягиваетъ его во всеобщій круговоротъ жизни и заставляетъ его работать и пріобрѣтать, жертвовать и расточать, любить и ненавидѣть, спасать или губить. Порядокъ этихъ страстей, повторяемъ, это дѣло разума и обстоятельствъ. Но только страсти есть та стихійная, первоначальная сила, которая придаетъ жизни движеніе, непреоборимое, грандіозное. Овладѣть страстями человѣка—значитъ овладѣть всѣмъ человѣкомъ, какъ активнымъ и работающимъ существомъ. И именно такое завладѣніе страстями человѣка представляется необходимымъ для того, чтобы обезпечить ему его собственное счастье!

Предоставленный самому себѣ внѣ организованнаго обще-

житія, онъ среди неопредѣленныхъ и противорѣчивыхъ вліяній прежде всего теряетъ самого себя. Страсти его возбуждаются неравномѣрно и случайно, естественная іерархія ихъ нарушается, однѣ потребности остаются неудовлетворенными, другія удовлетворяются въ избыткѣ, второстепенныя берутъ верхъ надъ основными, и извращеніе человѣческой природы готово. Вмѣсто трудолюбиваго и честнаго гражданина, оказывается налицо лѣнивое и злое существо, которое хотя и влачитъ самое жалкое существованіе и подчасъ тяготится своимъ внутреннимъ безобразіемъ, но, будучи поставлено въ самое ненормальное положеніе полнаго одиночества и беззащитности, не имѣетъ уже никакой возможности вернуться къ нормальному состоянію естественнаго человѣка и въ силу этого дѣлается жертвой перваго деспота, который и запрягаетъ подобное полуживотное въ ярмо рабства. Правда, и такое существо имѣетъ свои низкія страсти и свои грязныя удовольствія, но эта противоположность естественнаго, нормальнаго человѣческаго счастья не можетъ быть названа счастьемъ, и человѣкъ по самой своей нравственной природѣ долженъ жить не только въ обществѣ, но и обществѣ организованномъ, которое своимъ порядкомъ и складомъ обезпечиваетъ человѣку равновѣсіе и гармонію его естественныхъ страстей и оставляетъ его человѣкомъ.

Однако, и по другимъ основаніямъ необходимо извѣстнымъ образомъ овладѣть человѣкомъ и направить его дѣятельность. Какъ уже сказано выше, передъ природой всѣ равны и—какъ естественные люди—всѣ члены общежитія имѣютъ право на одинаковое счастье. И для того именно они сходятся для основанія государства и заключаютъ договоръ, что это счастье для нихъ иначе недостижимо: въ естественномъ состояніи сильный угнетаетъ слабаго, равные ведутъ безконечную борьбу, слабые, будучи придавлены угнетеніемъ сильныхъ, пользуются каждой минутой, чтобы при помощи возмущенія и бунта отомстить своимъ угнетателямъ за все перенесенное отъ нихъ—сила въ естественномъ состояніи не можетъ дать всѣмъ равнаго, необходимаго счастья, такъ какъ интересы индивидовъ вѣчно сталкиваются, и рождается снова борьба, а съ нею бѣдствіе, болѣзни, страданіе, новое пролитіе слезъ и крови! Но, чтобы не было этого, необходимо въ общежитіи такое направленіе человѣческихъ страстей, такое ихъ воспитаніе, чтобы страсти одного не сталкивались со страстями другого, чтобы каждый вращался

только въ предназначенномъ ему во имя общей пользы кругѣ и предѣлахъ свободы, чтобы путемъ соотвѣтственнаго подбора мотивовъ такъ приводились въ движеніе человѣческія особи, чтобы, несмотря на одинаковое стремленіе ихъ къ одному и тому же благу, къ одной и той же цѣли, тѣмъ не менѣе каждый получалъ бы свои, никто не становился бы на дорогѣ у другого и тѣмъ болѣе не отнималъ бы у своего ближняго тѣхъ благъ, которыя должны принадлежать всѣмъ и каждому.

Но еще болѣе оказывается необходимымъ руководство человѣкомъ и его страстями въ той области, гдѣ идетъ рѣчь о тѣхъ естественныхъ благахъ человѣка, которыя хотя и требуются его природой, но могутъ быть ему обезпечены только путемъ общей работы подъ руководствомъ единой направляющей воли при соотвѣтственномъ распредѣленіи занятій и раздѣленіи труда. Здѣсь не только требуется такая организація страстей человѣка, чтобы онъ воздерживался силою своего собственнаго интереса отъ причиненія вреда своему ближнему, но чтобы онѣ въ трудѣ на пользу общую находили свое счастье, чтобы его альтруистическія страсти брали верхъ надъ эгоистическими и даже самое страданіе за ближнихъ и за дѣло общее представлялось ему блаженствомъ.

Итакъ, естественная основа человѣческой дѣятельности до государства и послѣ его учрежденія—одна и та же, т. е. человѣкъ съ его естественными страстями; разница только въ томъ, что во второмъ случаѣ человѣкъ поставленъ въ такія условія, въ такую обстановку, что страсти человѣка, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать то благотворно, то разрушительно, сообразно той или другой случайности, здѣсь такъ взаимно составлены, что онѣ дѣйствуютъ только благотворно и благодѣтельно. Все сводится, такимъ образомъ, къ своеобразной механикѣ страстей. Надо такъ поставить человѣка, чтобы нормальныя естественныя страсти его не только были противовѣсомъ больнымъ и противоестественнымъ, но и перевѣшивали ихъ, чтобы одинаково здоровыя и нормальныя страсти различныхъ людей уравновѣшивали другъ друга, чтобы, наконецъ, среди этихъ здоровыхъ страстей перевѣшивали высшія, т. е. наиболѣе необходимыя для обезпеченія высшихъ, естественныхъ благъ всеобщей безопасности и преуспѣянія.

И главнѣйшимъ средствомъ для достиженія этихъ цѣлей является порядокъ и дисциплина.

Не уничтоженіе человѣческихъ страстей и не искаженіе ихъ

требуется для того, чтобы человѣкъ сталъ человѣкомъ, но только приведеніе ихъ къ нормѣ, къ предписанному самой природой порядку. И это—порядокъ естественнаго человѣка, какъ общечеловѣка, какъ представителя золотой середины. Отъ него не требуется ни великихъ добродѣтелей, ни подвиговъ, онъ не долженъ представлять, наконецъ, изъ себя какого-то сверхестественнаго существа съ великими страстями и великимъ призваніемъ; онъ есть и долженъ быть человѣкомъ обыкновеннымъ, у котораго все на своемъ мѣстѣ, который и думаетъ, и чувствуетъ, какъ всѣ, который живетъ и работаетъ по общей нормѣ, который не выходитъ изъ границъ общепринятой морали и приличій, исполняетъ на землѣ свое земное, мирное предназначеніе и умираетъ со счастливымъ сознаніемъ исполненнаго, хотя не большого, но полезнаго жизненнаго дѣла. И эта норма установлена природой одна для всѣхъ. Она одна должна быть признана руководящимъ началомъ. Выше или ниже ея уже начинается уродство, которое можетъ вести только къ несчастью и самого человѣка, и его ближнихъ. Естественный человѣкъ есть единственная норма, которая равно обязательна для всѣхъ. А такъ какъ всѣ должны быть одинаково «естественными» людьми для того, чтобы общее благо было достигнуто, то отсюда и слѣдуетъ, что естественный порядокъ требуетъ всеобщаго однообразія, одинаковости всѣхъ людей въ ихъ нравственныхъ и умственныхъ свойствахъ, безусловной схожести ихъ нравственной физіономіи, поскольку она есть и должна быть выраженіемъ человѣка природы. Отсюда же вытекаетъ и та тенденція, которая особенно проявляется въ воспитательной и просвѣтительной политикѣ новаго государства: оно стремится подвести всѣхъ подъ одну мѣрку, подъ одинъ шаблонъ. Оно не уничтожаетъ человѣческихъ страстей, оно ихъ униформируетъ и этимъ создаетъ тотъ, всегда себѣ равный, гибкій и живой матеріалъ, который ложится въ основаніе всей государственной машины.

Создавъ такимъ образомъ послушный матеріалъ для организаціи естественнаго общежитія, новое государство задается слѣдующей цѣлью, а именно: задачей созданія изъ массы организованныхъ такимъ образомъ воль единой общей воли, которая бы обезпечила каждому униформированному индивиду и его мѣсто въ общей машинѣ, и сберегла бы его естественныя вольности и благо. И созданіе здѣсь такой общей воли не составляетъ уже никакого труда. Общая воля есть естественная воля, и всякій,

кто наиболѣе способенъ къ ея достиженію и осуществленію, и есть естественный ея носитель. И опять-таки, для ея воплощенія, не нуженъ ни геній, ни философскія дарованія, ни особые таланты: надо быть только въ высшей степени проникнутымъ началами здраваго, естественнаго разума, надо имѣть здоровое сердце и естественную волю. Отсюда и вопросъ о томъ, кто именно долженъ по естественному порядку быть обладателемъ власти, теряетъ совершенно всякую остроту: и наслѣдственный монархъ, при добромъ желаніи, можетъ точно также быть носителемъ общей воли, какъ и демократическое собраніе, причемъ первый даже въ большей степени, такъ какъ въ собраніи могутъ вліять на общее рѣшеніе и испорченныя воли, и неестественныя страсти, тогда какъ монархъ, при надлежащемъ воспитаніи, дѣйствительно очень легко можетъ стать такимъ чистымъ представителемъ общей воли, воли естественнаго человѣка, что ни одна демократія съ нимъ въ этомъ сравниться не можетъ.

Единая воля, единство цѣли, единство силы. Такъ создается наконецъ государственная машина, которая, будучи построена изъ однороднаго по большей части матеріала и двигаемая во всѣхъ частяхъ однимъ и тѣмъ же духомъ, представляетъ изъ себя не болѣе и не менѣе, какъ самое различное механическое сопоставленіе и противоставленіе воль. Въ самомъ низу—раздробленныя и скованныя воли людей противоестественныхъ, враговъ общаго блага и порядка, людей съ дикими, извращенными страстями, которые только въ тяжкой работѣ на каторгѣ и галлерахъ, въ цѣпяхъ и тюрьмахъ—могутъ оказаться «безвредными» или даже «полезными», естественному человѣку и его счастью. Надъ ними находится мѣсто для людей, которые еще не дошли вполнѣ до уровня естественнаго человѣка по своему невѣжеству и дикости, въ силу господства своихъ дикихъ страстей и грубыхъ инстинктовъ—это тѣ полудѣти и полуживотныя, которыя образуютъ изъ себя громадную массу низшихъ слоевъ народа, это люди, которые тогда только становятся способными къ просвѣщенію и истинному блаженству, когда ихъ предварительно укротитъ благодѣтельная нить начальства, воспитаетъ «близкая къ народу и твердая правительственная власть» и внѣдритъ въ нихъ начала трудолюбія и строгаго повиновенія господамъ и начальству. Голодомъ и дисциплиной принуждаются они къ труду и спасительному для нихъ послушанію.

Только при помощи воздѣйствія на эти самыя основныя естественныя потребности возможно усмирить ихъ разнузданныя страсти и очистить въ нихъ естественнаго человѣка. Бѣдность и трудъ должны быть удѣломъ этихъ людей, пока они не исправятся, такъ какъ только такое ихъ положеніе смиряетъ и воспитываетъ ихъ для «общаго блага». Надъ этими низшими слоями народа, далѣе, находится классъ людей, который, благодаря своимъ средствамъ и воспитанію, благодаря трудолюбію и талантамъ, уже стоитъ на уровнѣ естественнаго человѣка и, будучи непосредственно заинтересованъ въ успѣхахъ промышленности и торговли, соединяетъ свои труды на пользу общую съ процессомъ пріумноженія своего благосостоянія. И эти люди не представляютъ изъ себя замкнутаго сословія; напротивъ, двери этой общественной группы широко открыты каждому добродѣтельному и трудолюбивому пришельцу изъ болѣе низшихъ состояній: собственность въ новомъ государствѣ доступна каждому, почетъ тоже, надо только умѣть пріобрѣсти и то и другое путемъ полезнаго труда, просвѣщенія и добронравія.

Надъ этимъ классомъ стоятъ наконецъ всѣ тѣ, кто, владѣя или поземельными имуществами, или крупными предпріятіями, являются не только дѣятелями на поприщѣ общественнаго благосостоянія, но и опорами общественнаго порядка, устоями государственной благонамѣренности и хранителями всеобщаго добронравія. Къ нимъ принадлежатъ, въ качествѣ спеціально господствующаго класса, наконецъ всѣ тѣ, кто, являясь по своему особому состоянію и подготовкѣ совершеннымъ типомъ нормальнаго естественнаго человѣка, въ то же время отдаютъ всѣ свои силы, трудъ и жизнь на благо общее и получаютъ за это взамѣнъ только права и преимущества государственной службы. И опять-таки, надо замѣтить, ни поземельное владѣніе, ни государственная служба не составляютъ по теоріи новаго государства кастовой привилегіи; всякое лицо, обладающее средствами или достойное того или другого положенія, можетъ, по выполненіи надлежащихъ условій, стать на желаемое мѣсто,—только вездѣ, и здѣсь, и тамъ, и на верху общественной организаціи, и въ рядахъ низшихъ состояній его частное благо остается неразрывно связаннымъ съ общимъ, и всегда оно, естественно стремясь къ своимъ личнымъ выгодамъ и преимуществамъ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ работать и на благо общее.

Итакъ, съ одной стороны, всѣ стремленія человѣка сводятся

въ силу установленнаго порядка, къ стремленіямъ нормальнымъ, естественнымъ, съ другой же—каждое изъ этихъ нормальныхъ стремленій «общечеловѣка» не только ставится въ извѣстную связь съ желаніями и стремленіями всѣхъ участниковъ общежитія, но и замыкается въ такія условія, которыя направляютъ эти личныя страсти исключительно на служеніе общему благу. Для каждаго существа какъ бы образована особая ячейка въ составѣ общей машины, и каждая ячейка соединена невидимыми нитями съ благомъ всѣхъ, съ общимъ довольствомъ и преуспѣяніемъ: для одного такой ячейкой служитъ каторжная тюрьма, для другого— казарма рабочаго, для третьяго—контора торговца; но всѣ эти люди одинаково находятся подъ гнетомъ естественныхъ страстей—и вездѣ этимъ страстямъ одинъ только выходъ—трудъ не только для себя, но и на пользу общую. Работаетъ ли человѣкъ ради естественнаго стремленія къ матеріальному довольству или во имя «естественнаго и похвальнаго любочестія» — онъ вездѣ работаетъ для удовлетворенія не только своихъ, но и чужихъ естественныхъ стремленій.

Государство съ этой точки зрѣнія является остроумно устроенной машиной, въ которой человѣкъ сначала очищается отъ всего неестественнаго и излишняго, затѣмъ входитъ въ границы и рамки установленнаго, государственнаго порядка и начинаетъ здѣсь работать на соотвѣтственномъ мѣстѣ подъ давленіемъ своихъ естественныхъ страстей въ томъ направленіи, которое предписано требованіями общаго блага.

Задачи государственнаго управленія, при наличности подобной машины, весьма упрощаются; онѣ выражаются въ двухъ требованіяхъ — съ одной стороны, должны быть поддержаны и сохранены въ системѣ естественныя черты и свойства человѣка, которыя одни являются основой благонамѣренности и благонадежности добраго подданнаго, съ другой же стороны долженъ быть сохраненъ установленный порядокъ, въ силу котораго каждый на своемъ мѣстѣ является частью государственнаго цѣлаго, однимъ изъ винтиковъ или колесъ политическаго механизма.

Средствами для подобной механической политики должны служить тѣ не особенно сложные пріемы, которые вообще могутъ вліять на человѣческія страсти. И если еще созданіе подобной общественной машины могло требовать нѣкоторыхъ особенныхъ знаній и умѣнья, то направленіе и нѣкоторыя

передѣлки въ машинѣ уже готовой не могли представлять никакихъ затрудненій: разъ составленная машина и держится и идетъ сама, надо только слѣдить, чтобъ отжившія части замѣнялись новыми, чтобы у нея сохранялся ровный и покойный ходъ, чтобы всегда было достаточно матеріала для работы, достаточное колпчество топлива, чтобы она вырабатывала достаточное количество продуктовъ. И ясное дѣло, тѣ несложныя, хоть и могучія силы, которыя держатъ всю машину и работаютъ въ ней, нуждаются только въ такой дѣятельности механика, которая бы не давала имъ остановиться или угаснуть. а такъ какъ работаютъ эти живыя части ради своего естественнаго блага, то именно распредѣленіемъ частей этого послѣдняго и должно поддерживать весь ходъ ея.

Награда матеріальная и духовная, воздѣйствіе при ея помощи на корыстолюбіе и честолюбіе человѣка, даже на его суетность и тщеславіе, отеческое внушеніе, наставленіе и поученіе, разъясняющее человѣку его собственную выгоду, наконецъ, взысканіе во всевозможныхъ видахъ, начиная съ легкихъ наказаній за нарушеніе нравственнаго долга и кончая штрафами, тюрьмой, каторгой съ лишеніемъ правъ — таковы несложныя пружины, при помощи которыхъ, смотря по надобности, нажимаются тѣ или другія естественныя страсти человѣка и производятъ съ точностью механизма всѣ нужныя движенія въ качествѣ живыхъ колесиковъ, рычаговъ, шестеренъ, поршней и тому подобныхъ частей государственной машины. Весь этотъ основной аппаратъ, къ наличности котораго сводится регуляторъ государственной власти, есть не болѣе и не менѣе какъ награда и наказаніе, которыя, распредѣляясь то здѣсь, то тамъ, легко уравниваютъ ходъ механизма и направляютъ все къ вожделѣнной цѣли. Другого аппарата, впрочемъ, и не нужно: механизмъ, какъ нѣкое perpetum mobile, работаетъ и держится самъ.

Нельзя однако не замѣтить съ другой стороны, что если поддержаніе подобной механической организаціи сравнительно очень легко при небольшихъ ея уклоненіяхъ отъ пормы, то все-таки ея чрезвычайно тѣсная связь съ устойчивостью психической основы въ каждомъ индивидѣ дѣлаетъ ее чрезвычайно чувствительной къ самому малому поврежденію самой мельчайшей изъ ея частей; тамъ гдѣ всѣ отдѣльныя части должны быть цѣликомъ и во всѣхъ отношеніяхъ такъ приспособлены, чтобы сообщить цѣлому безпрепятственный ходъ и движеніе, тамъ вполнѣ

естественно, что одинъ какой нибудь испорченный винтикъ, смотря по мѣсту, которое онъ занимаетъ, можетъ остановить ходъ всей машины. Съ другой же стороны, при такой организаціи, требующей постоянно одинаковаго положенія механизма, необходимо слѣдуетъ, что чѣмъ шире и больше уклоненія его отдѣльныхъ частей отъ нормы, тѣмъ болѣе грозитъ серьезной опасности и всему цѣлому, а порча какой нибудь одной изъ главнѣйшихъ его частей ведетъ къ гибели всего организма. Съ этой точки зрѣнія всю эту «машину», въ противоположность гибкимъ политическимъ «организмамъ», можно назвать весьма негибкою, недопускающею легкихъ переходовъ отъ одного состоянія къ другому путемъ постепеннаго органическаго обновленія, роста и вымиранія отдѣльныхъ частей: для того, чтобы на мѣсто одной машины выстроить другую, нужно сломать одну и на мѣсто ея поставить новую; въ органическомъ же мірѣ дѣло происходитъ иначе: здѣсь процессъ эволюціи незамѣтно и безъ потрясеній превращаетъ ничтожное сѣмячко въ покрывающій полъ-міра дубъ.

Разсматривая подобный механизмъ съ точки зрѣнія естественно-правовыхъ отношеній государя и подданныхъ, нельзя не отмѣтить нѣкотораго сходства этой организаціи съ тѣмъ, что вообще въ наукѣ принято называть «учрежденіемъ» или «заведеніемъ». И въ самомъ дѣлѣ, съ признаніемъ изложенной нами системы принциповъ и нормъ естественнаго права, какъ результата воли естественнаго человѣка, ни государь, ни подданные не являются болѣе творцами государственнаго механизма въ истинномъ смыслѣ этого слова; и подобно тому, какъ церковь является таковою не съ момента появленія священниковъ, апостоловъ и общины, а съ момента учрежденія ея высшей волей божественнаго учредителя, такъ и здѣсь и монархъ, и подданные при заключеніи договора являются только какъ бы носителями общей имъ естественной воли, воли особаго существа, и именно естественнаго, нормальнаго человѣка. Отсюда и монархъ становится монархомъ, и подданные получаютъ это значеніе только послѣ того, какъ выражена воля естественнаго человѣка въ общественномъ договорѣ, и на основаніи этого договора признана правомѣрность власти государя [1]). Только она призываетъ

---

[1]) Сравн. Iellinek. Allg. Staatslehre, 383... jede Form, selbst die unumschränkte Monarchie... muss... auf des Volksüberzeugung von ihrer Rechtmässigkeit ruhen.

съ одной стороны монарха на подвигъ служенія, а съ другой приводитъ свободное лицо подданнаго къ подчиненію монарху, только она устанавливаетъ цѣли и самый порядокъ общественнаго механизма. Съ этой точки зрѣнія естественный человѣкъ есть одинъ истинный учредитель новаго политическаго строя и строитель государственнаго механизма, и его воля есть та, которая продолжаетъ жить въ государствѣ послѣ его установленія и придаетъ всему государственному цѣлому неподвижный и неизмѣнный характеръ. И нельзя отрицать, далѣе, что, понимая такимъ образомъ договоръ и естественную основу государственнаго механизма, неизбѣжно приходится установить сходство между нимъ и вообще всѣми тѣми учрежденіями и заведеніями, которыя являются и въ настоящее время типичными формами для организаціи механическаго элемента государственнаго организма [1]). Всѣ онѣ, будучи какъ бы духовнымъ продолженіемъ міра механическихъ орудій и приспособленій, дѣйствительно отличаются удивительной способностью дѣлать живыя человѣческія массы только пассивнымъ орудіемъ единой направляющей воли, всѣ онѣ являются не чѣмъ инымъ, какъ созданіемъ высшей благодѣтельной воли, которая учреждаетъ ихъ ради блага подвластныхъ и формируетъ въ видѣ союза «съ приданной ему извнѣ личностью». Таковы всѣ эти установленія, учрежденія, заведенія, которыя объемлютъ собою и тюрьму, и больницу, и церковь, и школу и даютъ особый типъ союза, въ которомъ «душу образуетъ единая воля учредителя», а «тѣло—органическое установленіе, приводящее людей все далѣе и далѣе на осужденіе этой волѣ», какъ волѣ «высшей» и «господствую-

---

Haenel. Gesetz, 217—Als der erste Machthaber in einer für die speizfische Gesellschaftsform des Staates reifen Volksgemeinschaft den Satz formulirte... „Ich bin der Staat“, da behauptete er die Geltung des Rechtssatzes: Iedermann, den es angeht, hat an zu erkennen, dass ich berufen bin für die Gemeinschaftszwecke zu hewachen... Das Moment der Anerkennung der... Nothwendigkeit der gesellschaftlichen Bindekraft des staatsgründenden Willens macht den Rechtssatz aus, auf dem... der Staat beruht.

[1]) R. Schmidt. Allg. Staatslehre, B. I. 156—165. Die Vorstellung des Staats als eines Mechanismus, als einer „Maschine“ oder „Anstalt“... Die Kulturprodukte des Menschen sind weitaus zum grössten Teil Anstalten oder Einrichtungen, die einem bestimmten Zwecke dienen sollen und für diesen Zweck durch menschliche Reflexion mit entsperchender Wirkungskraft ausgestattet werden. Die Werkzeuge, Maschinen, Bauanlagen, auch soweit sie aus sich selbst zu funkzionieren scheinen, sind Mechanismen, sind tot, wenn die Kraft versagt die ihnen von aussen zugeführt wird... Ebenso könnten auch mencshliche Individuen mechanisch zu einer Gesammtleistung vereinigt und in Beweggang gesetzt werden die mechanische Seite des Staatslebens... ist ebennfalls für die Lebensfähigkeit jedes Staats wesentlich...

щей» [1]); во всѣхъ такихъ организаціяхъ, основной органъ, который призванъ осуществить установленную свыше цѣль, является безусловно связаннымъ этой цѣлью и болѣе или менѣе свободнымъ въ выборѣ средствъ [2]); наконецъ, во всѣхъ этихъ союзахъ мы встрѣчаемъ приблизительно одинаковое положеніе подвѣдомственныхъ лицъ, которыя, подлежа очень часто принудительному зачисленію въ вѣдомство учрежденія и подвергаясь цѣлому ряду различныхъ лишеній, ограниченій и тягостей ради успѣшнаго хода дѣла, въ то же самое время лишены однако вся-

---

[1]) Regelsberger. Pandekten 344.—Bei allen juristischen Personen ist der Träger der Persönlichkeit ein socialer Organismus: bei Korporationen ein Personenverein, bei den Anstalten und Stiftungen eine Einrichtung, durch die in dauernder Weise ein bestimmter socialer Zweck von menschlichen Kräften verwirklicht wird. Hierzu ist in der Regel Vermögen nothwendig, aber es ist hier wie anderwärts nur Mittel zur Vollführung des Lebenszwecks seines Herrn. Kann die Gründungsmacht nur im Stifter gesucht werden.

O. Gierke. D. Priv. R. 474, 635. Die Anstalt ist ein Verband mit einer ihm von aussen eingepflanzten Persönlichkeit; ihre Seele ist ein einheitlicher Stiftungswille, ihr Körper eine organische Einrichtung, vermög deren fort und fort Menschen diesem Willen dienstbar werden. Unter Anstalt verstehen vir einen als Verbandsperson anerkannten gesellschaftlichen Organismus, den fort und fort ein ihm von aussen eingepflanzter einheitlicher Stiftungswille durchherrscht... Eine öffentliche Anstalt ist eine solche, deren Socialrecht einen Bestandtheit der öffentlichen Rechtsordnung bildet... Doch werden im weiteren Sinne auch dauern die Einrichtungen ohne eigne Persönlichkeit als Anstalten bezeichnet.

O. Mayer. Verw. R. B. II. 318, 319, 377. Die öffentliche Anstalt ist ein Bestand von Mitteln, sächlichen wie persönlichen, welche in der Hand eines Subjektes der öffentlichen Wervaltung einem bestimmten öffentlichen Zwecke dauernd zu dienen bestimmt sind.

Die Leistungen der Anstalt geschehen im öffentlichen Interesse, das gerade dadurch befriedigt wird, dass sie den vielen Einzelnen zu gute kommen.

Oeffentliche Anstalt—die sächliche Bezeichnung des Zweckes der jurist. Person ist hier von vornherein mit hervorragender Bestimmtheit gegeben, es ist der Betrieb dieser Anstalt. Die Bezeichnung des Kreises von Menschen, für welche die juristische Person da ist, tritt dabei ganz in den Hintergrund.

Bernatzik. Jur. Person. 250, 251.

Entweder wird der Gesammtzweck und der ihn realisirende Wille durch gemeinsame Vereinbarung der Genossen festgestellt, oder es wird ihnen gegeben durch einen Willen, den dieselben als einen höheren herrschenden anerkennen. Въ первомъ случаѣ des Typus der Corporation oder Genossenschaft, im letzteren der Anstalt und Stiftung,

[2]) Gierke. D. Priv. R. B. I, 642. Gleich der Körperschaft vermag die Anstalt durch ihre Organe zu handeln. Ihre Handlungsfähigkeit ist aber in engere Grenzen eingeschlossen. Denn da den Kern ihrer Persönlichkeit statt eines ihr immanenten Gemeinwillens ein ihr transcedenter, Stiftungswille bildet, den ihre Organe nur entfalten, nicht abändern können, ist ihre Handlungsfreiheit nicht nur durch den, ihr gesetzten Lebenszweck, sondern auch durch die ihr ein für alle mal auferlegte Willensbestimmung eingeschränkt. Im Zusammenhange hiermit ist sie einer stärkeren Aufsicht und Mitwirkung höherer Willensträger unterworfen.

каго права сочленства «въ техническомъ смыслѣ слова» и должны ограничиваться только пользованіемъ средствами и силами учрежденія въ установленномъ порядкѣ, а въ лучшемъ случаѣ правомъ сочленства въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ заведенія. Такъ, «учрежденіе» въ отличіе отъ «корпораціи» управляется не само, а только при помощи «чужой воли» и получаетъ ихъ извнѣ [1]). Самый порядокъ среди учрежденія получаетъ характеръ «полиціи публичнаго заведенія» и находитъ свое выраженіе «въ дисциплинѣ», которая не только можетъ доходить до всеобъемлющихъ размѣровъ, но можетъ быть усилена и при помощи различныхъ наказаній въ административномъ порядкѣ; основой же такого дисциплинарнаго строя является опять-таки не согласіе на то подвѣдомственнаго лица, но присущее всякому заведенію въ силу его цѣлей «отношеніе власти» и вытекающая изъ самого факта вступленія лица въ заведеніе обязанность «подчиненія всѣмъ интересамъ» его «успѣшнаго хода» [2]).

---

[1]) Regelsberger. Pandekten. 353—Was die Rechtsstellung der Personen anlangt, denen der Genuss stiftungsmässig bestimmt ist (Genosssubjekte, Destinatäre)... sie nicht Eigenthümer der Anstalts- oder Stiftungsvermögens sind. Sie haben nicht einmal ein Recht auf Mitwirkung bei der Verwaltung.

Gierke. D. Priv. R. B. I 641—Kan die Anstalt Mitglieder im technischen Sinne nicht haben. Es giebt eine Mitgliedschaft in den zu Anstaltsorganen bestellten Kollegien, aber keine Anstaltmitgliedschaft. Alle Personen, die abgesehen von einer Organstellung zum Genusse der von der Anstalt gespendeten ideellen und materielen Vortheile berufen werden, sind nur ihre Destinatäre (Genussberechtigkeiten).

Haenel. St. R. B. 1, 94. Ia gerade die Berechtigungsstellung und nicht die Verpflichtungsseite ist es, die wesentlich den Unterschied zwischen Korporationsfremden und Mittgliedern begründet... Die Mittgliedchaft in diesem Sinne ist es, welche den korporativen Verband von jeder Stiftung (Anstalt) unterscheidet. И здѣсь есть einen gemeinnutzigen Zweck и здѣсь Organe Allein das war der Stiftung fehlt, sind die Mitglieder, sie hat nur Destinatäre, nur Empfänger... aber sur Verwirklichung des gemeinnützigen Zweckes als solchen durch eine entsprechende Rechts- und Pflichtsstellung nicht berufen sind... Rehm. Allg. St.-Lehre 160—Есть два вида юридическаго лица, это Körperschaft u. Anstalt mit juristischer Persönlichkeit. Разница въ томъ, что „die Körperschaft sich selbst regiert, die Anstalt durch fremden Willen regiert wird. In der Körperschaft bestellt sich die Personengesammtheit ihrer Organe selbst, die Anstalt wird von Aussen verwaltet.

[2]) O. Mayer. Verv.-R. B. II, 329—337—Die öffentliche Anstalt geht ihren eignen Gang als grosse Maschine. Die Benutzenden, die mit ihren Interessen, mit ihrer Person ihren Sachen hineingegeben sind nur Objekte für sie ohne bestimmende Einwirkung. Erst ausserhalb dieses Kreises finden sie wieder Rechte und Ansprüche zu erheben aus gelegentlich der Anstaltsnützung entstandenen Thatsachen.

Die öffentliche Anstalt erfüllt ihren Zweck, indem sie den vielen Einzelnen ihre Nutzungen gewährt. И съ этой цѣлью устанавливается въ нѣкоторыхъ случаяхъ der Benutzungszwang als Gegenstück zur Annahme-

Таковы наиболѣе характерныя черты «учрежденія», какъ опредѣленнаго типа организаціи, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что между этими чертами и тѣмъ идеальнымъ механизмомъ, который мы изобразили выше, существуетъ значительное сходство; однако значеніе этого сходства не должно быть преувеличено; и для того, чтобы всю систему европейскаго абсолютизма подвести цѣликомъ подъ этотъ типъ организаціи, надо имѣть несравненно болѣе данныхъ, чѣмъ ихъ можетъ представить положительная наука. И прежде всего естественно-правовыя нормы далеко не имѣли во все время существованія новаго самодержавія такой устойчивости и опредѣленности, которая позволяла бы намъ сказать, что дѣйствительно эта воля естественнаго человѣка въ теченіе столѣтія была для государства въ такой же степени абсолютнымъ закономъ и живой вѣчно присущей силой, какъ это можно сказать про волю основателя церкви, имѣющаго въ союзѣ священства и мірянъ постоянный и дѣйствительный органъ своего проявленія. Напротивъ того, только для сравнительно короткаго времени можно признать не только нераздѣльное и непререкаемое господство естественно-правовой догмы, но и связанной съ нею вѣры въ естественнаго человѣка и государство-машину. Поэтому нельзя никакъ признать для всего европейскаго абсолютизма, въ качествѣ единственно опредѣляющаго признака, именно господства «чужой воли», какъ это является правиломъ для всякихъ «установленій» или «заведеній». Но еще болѣе серьезнымъ возраженіемъ противъ принятой теоріи учрежденія для характеристики новаго абсолютизма является то обстоятельство, что именно право сочленства явля-

---

pflicht. Это принужденіе происходитъ или прямо (Schulzwang, Impfzwang), или косвенно устраненіемъ конкурренціи. Въ самой дѣятельности учрежденія проявляется Anstaltsgewalt, которой присуща своего рода Polizei der öffentlichen Anstalt, охраняющая ее отъ Störung der guten Ordnung des Gemeinewesens въ данныхъ предѣлахъ и Anstaltsdisciplin. Степень примѣненія этой власти можетъ быть весьма различна. Въ войскѣ, тюрьмѣ она всеобъемлюща, въ другихъ случаяхъ принимаетъ видъ полиціи, въ третьихъ правовое положеніе можетъ усилить власть учрежденія посредствомъ Strafbestimmungen, Zulassung von Ordnungstrafen и т. д... Die Grundlage des Gewaltverhältnisses bildet hier der thatsächliche Eintrit in den Betrieb der öffentlichen Anstalt. Auf einen Willensakt der Unterwerfung ist die Wirksamkeit der Amtsgewalt nich zurückzuführen. Vermöge dieses Gevaltverhältnisses können den darin Begriffenen nur solche Lasten und Beschränkunken auferlegt werden, welche den Zweck haben sie mit ihrer Person und ihren Sachen, soweit sie damit in die Anstalt eingetreten sind, dem Interesse des guten Ganges dieser Anstalt anzupassen und fügsam zu machen.

лось необходимымъ выводомъ изъ признанія человѣка лицомъ публичнаго права въ новомъ государствѣ, и самымъ основаніемъ политическаго союза считался договоръ или иное добровольное выраженіе согласія свободнаго лица, что дѣлало совершенно невозможнымъ полное устраненіе народа отъ всякаго активнаго участія въ государственномъ управленіи, полное превращеніе его исключительно въ категорію подвѣдомственныхъ лицъ заведенія. Механическая теорія естественнаго права поэтому необходимо должна быть дополнена и ограничена остальными его тезисами и при всемъ своемъ сходствѣ съ теоріей учрежденія не можетъ однако считаться исчерпывающей для всей естественно-правовой системы европейскаго абсолютизма. Нельзя поэтому согласиться съ Гирке, что абсолютное государство въ Германіи цѣликомъ коренилось въ понятіи учрежденія, такъ какъ государство представляло изъ себя государство единой «трансцендентной народу» воли и не допускало никакого «образующаго базисъ государственной воли гражданства» [1]); въ силу тѣхъ же основаній совершенно непонятнымъ является утвержденіе того же Гирке, что подданные были обращены въ самодержавныхъ государствахъ въ «лишенные воли объекты»; этого послѣдняго уже потому нельзя допустить, что вообще нигдѣ, кромѣ развѣ рабовладѣльческой плантаціи дальней Африки, подобныхъ объектовъ не существуетъ, и даже лишенные правъ преступники все-таки являются субъектами права на освобожденіе по истеченіи извѣстнаго срока и всегда сохраняютъ права на защиту отъ незаконныхъ и произвольныхъ мученій и т. д. Можно принять за правило, что вообще «объектовъ»,

---

[1]) Gierke. Deutsch. Priv.-R. B. I—475 Lässt sich der heutige deutsche Staat als höchste Steigerung des Körperschaftsbegriffes betrachten, so wurzelte zeitweise und zweifelhaft der deutsche Territorialstaat durchaus in Anstaltsbegriffe. Затѣмъ—

Genoss. R. B. I, 832: что касается далѣе природы государства, то der Staat war und ist vielen Völkern weit mehr eine Anstalt als ein Verein. Во времена полицейскаго государства въ Германіи er war vielmehr eine durchaus über und ausser der Gesellschaft stehende Institution, eine dem Volke transcedente Persönlichkeit. Genoss. R. B. II—861. Dieser Staat war daher schlechthin Anstaltsperson. Er war ein dem Volke durchaus transcedenter, von oben und aussen stammender nach Existens und Lebensform von jedem Gemeinwillen unabhängiger Alleinwille. Es gab in ihm keine die Basis des Staatswillens bildende Bürgerschaft, sondern nur eine von fremden Willen als willenloses Objekt ergriffene Unterthanenschaft. Das corporative Princip hatte in ihm höchstens als das Gefäss für die politischen Sonderrechte priwilegirter Unterthanenklassen eine Stelle, war aber bedeutungslos für das Wesen des Staats als solchen.

какъ людей, въ новомъ обществѣ не существуетъ и существовать не можетъ. Всякая власть въ новомъ государствѣ есть власть приказанія, которая обращается къ свободному человѣку, она всегда предполагаетъ обязанность повиновенія, и эта обязанность исполняется или не исполняется, во всякомъ случаѣ, «субъектомъ», а не «объектомъ» права. Нельзя также далѣе утверждать, какъ это дѣлаетъ О. Мейеръ [1]), что въ публичныхъ заведеніяхъ лица, пользующіяся услугами, только «объекты» для опредѣленнаго воздѣйствія установленной власти. Нельзя и здѣсь не возразить, что и тутъ при самомъ пассивномъ положеніи того или другого лица, арестанта въ тюрьмѣ, больного въ больницѣ и т. д., на нихъ всегда лежитъ обязанность «терпѣть», такъ какъ человѣкъ есть живое существо, и если онъ терпѣть не пожелаетъ, то никакими средствами, кромѣ хлороформа или положительнаго насилія, его въ «объектъ» обратить нельзя. Съ другой же стороны, нельзя не отмѣтить и ошибки Рема, который считаетъ, во-первыхъ, вообще возможнымъ обращеніе государства въ установленіе или заведеніе только подъ условіемъ лишенія его суверенитета, а во-вторыхъ, причисляетъ современную Россію, наравнѣ съ Турціей, къ тѣмъ формамъ правленія, которыя обращаютъ государство цѣликомъ въ «объектъ властвованія», тогда какъ единственнымъ «субъектомъ» публичнаго права остается монархъ. Нельзя въ отвѣтъ на это не указать, во-первыхъ, на суверенный характеръ іерархіи католической церкви, который, однако, нисколько не лишаетъ ее характера божественнаго учрежденія для спасенія душъ; во-вторыхъ,—на то обстоятельство, что русское самодержавіе есть буквально та же форма правленія, какъ и Фридриха II, монарха, который, однако, по убѣжденію Рема, «есть служащій въ правовомъ смыслѣ, но только не народа, а государственный служащій». Отсюда же ясно, что если другія государства «цивилизованныхъ» или еще только «цивилизующихся» странъ являются «субъектомъ», а не «объектомъ», то это тѣмъ болѣе примѣнимо и къ Россіи, которая по своей естественно-правовой конституціи есть учрежденіе общаго блага и притомъ нисколько не въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ государство великаго Фридриха [2]).

---

[1]) См. прим. 113.

[2]) Rehm. Allg. St. Lehre, стр. 161.—Суверенныя государства могутъ имѣть только характеръ корпорацій, несуверенныя—могутъ имѣть и тотъ, и другой характеръ... Стр. 173.—Патріархальное, патримоніальное госу-

Таковы въ общихъ чертахъ основанія естественно-правовой конституціи новаго абсолютизма. Какъ очевидно, они представляютъ собой идеальное зданіе высокаго научнаго интереса; провозглашеніе въ качествѣ основы государства свободнаго и разумнаго естественнаго человѣка, какъ субъекта государственныхъ правъ и обязанностей, принятіе естественнаго блага всѣхъ жителей государства за цѣль политической жизни и дѣятельности, наконецъ, стройная организація мирной работы подъ руководствомъ публичной власти,—все это начала, присущія не только одному абсолютному государству новой эпохи, но и новѣйшему правовому строю, которымъ по справедливости гордится современный Западъ. Однако, нельзя уже здѣсь не отмѣтить тѣхъ коренныхъ особенностей, которыя были свойственны именно идеальной конституціи абсолютизма въ отличіе отъ высшихъ основъ современной западной государственности и, являясь вполнѣ обусловленными исторической необходимостью, представляются однако съ логической точки зрѣнія нарушеніемъ стройной послѣдовательности въ теоріи равенства и свободы.

Когда мы въ настоящее время обращаемся къ построенію той или другой юридической нормы, мы прежде всего строго опредѣляемъ то фактическое реальное предположеніе, которое лежитъ въ основѣ нашей конструкціи. Если мы беремъ, какъ предположеніе, отдѣльный случай и опредѣляемъ его, какъ юридическій казусъ, мы не пользуемся абстракціей, а дѣйствуемъ при помощи простого описанія, причемъ для этого описанія

дарство и автократія: alle diese Formen kommen konstruktiv darin über ein, dass sie einseitige rechtliche oder auch nur thatsächliche Herrschaftsverhältnisse darstellen. Der Staat ist Objekt der Herrschaft des Herrschers... только der Unterschied, dass die Patriarchalstaat und Autokratie die Herrschaft in erster Linie als eine gewalt über die Staatsangehörigen, beim Patrimonialprinzip dagegen in erster Linie als eine Gewalt über das Gebiet erscheint... Zu den Autokratien rechnen Turkei, Russland... Изъ этихъ примѣровъ можно заключить, die Auffassung, dass das höchste Staatsorgan Subjekt der Staatsgewalt sei, gehört lediglich den Ländern der halb- oder niedergehenden Kultur an... Die voll und noch zivilisierten monarchishen Staaten stehen auf dem Standpunkte der Staatspersönlichkeit... Стр. 231—232. Фридрихъ Великій называетъ государя premier serviteur de l'État, premier ministre de la société, premier domestique des peuples (Oeuvres IX № 15, p. 208) и далѣе въ Réfutation de Maschiavel—que le souverain, bien loin d'être le maître absolu des peuples qui sont sous sa domination, n'en est lui même que le premier domestique et qu'il doit être l'instrument de leur félicité, comme ces peuples sont de sa gloire. Въ этомъ Rehm желаетъ видѣть юридическія обязанности „der absolute Fürst es nach ihm Diener im Rechtssinne nur nicht Volks, sondern Staatsdiener. Здѣсь же будто бы Unterscheidung von Volks u. Staatspersönlichkeit".

весьма часто является достаточнымъ простое наименованіе предмета. Когда мы хотимъ подъ одну и ту же норму подвести цѣлый рядъ одинаковыхъ случаевъ, мы обобщаемъ всѣ присущіе даннымъ явленіямъ важнѣйшіе для насъ признаки, и именно совокупности этихъ признаковъ приписываемъ тѣ или другія юридическія свойства, присвояемъ такъ созданному лицу права или налагаемъ на него обязанности. Ясное дѣло, что чѣмъ шире наша абстракція, чѣмъ больше кругъ различныхъ явленій, охваченныхъ ею, тѣмъ блѣднѣе наше понятіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и шире кругъ явленій, которыя подлежатъ дѣйствію нашей юридической нормировки. Понятіе «всякое лицо»—шире понятія «всякій отецъ семейства», «всякій обыватель» или «житель страны» шире чѣмъ—«всякій подданный» и т. п.; и при нормальномъ отношеніи фактическаго предположенія и юридической нормировки эти два полюса правовой конструкціи всегда будутъ въ необходимомъ отношеніи параллелизма между собою, и всегда тѣ только явленія подойдутъ подъ дѣйствія нормы, которыя обладаютъ всѣми свойствами даннаго абстрактнаго предположенія. При опредѣленіи субъекта правъ вообще, при установленіи круга правоспособныхъ и дѣеспособныхъ лицъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ частнаго и публичнаго права, особенную важность, конечно, получаетъ строгое обозначеніе именно числа и качества тѣхъ свойствъ, наличность которыхъ считается достаточной для признанія за тѣмъ или другимъ живымъ существомъ качества лица или субъекта права. И нельзя отрицать далѣе, что на западѣ въ настоящее время, послѣ того, какъ уже въ качествѣ всеобщаго предположенія права живой человѣкъ по принципу считается правоспособнымъ, а въ области публичнаго права всякій взрослый, здоровый, самостоятельный подданный мужского пола признается и дѣеспособнымъ гражданиномъ, тамъ нѣтъ особенной надобности искать въ свойствахъ человѣка надлежащей основы для признанія субъекта права вообще, и юридическая конструкція довольствуется въ силу этого однимъ только присвоеніемъ отдѣльныхъ субъективныхъ правъ уже наличнымъ субъектамъ, которые, такимъ образомъ, и расширяютъ въ томъ или другомъ отношеніи область своей право- и дѣеспособности, въ качествѣ сочлена государственнаго союза или гражданина.

Совершенно иная задача предстояла новому государству при его возникновеніи: оно должно бы сразу и впервые ввести въ разрядъ субъектовъ публичнаго права массу подданныхъ, кото-

рые до этого времени были какъ бы скрыты отъ государства различными частноправовыми перегородками; оно должно было обратиться къ физическимъ и психическимъ свойствамъ человѣка вообще, чтобы въ нихъ найти основу для новаго «человѣка и гражданина». И именно эта цѣль достигалась всевозможными объявленіями естественныхъ неотчуждаемыхъ правъ и обязанностей, опредѣленіемъ прирожденныхъ естественныхъ вольностей и тому подобными положеніями, которыя мы въ изобиліи встрѣчаемъ не только въ декларацiяхъ французской революціи, но и въ просвѣщенномъ законодательствѣ самодержавныхъ монархій. И если вообще, какъ справедливо замѣчаетъ Еллинекъ, съ признаніемъ человѣка, какъ лица, неизбѣжно связано и признаніе за нимъ соотвѣтственныхъ правъ, которыя стоятъ уже затѣмъ внѣ чьего бы то ни было произвола [1]), то именно отъ этого объявленія правъ естественнаго человѣка зависѣло, во-первыхъ: кто по своимъ свойствамъ подойдетъ подъ требуемое опредѣленіе естественнаго человѣка, а слѣдовательно, будетъ вообще признанъ лицомъ въ публично-правовомъ смыслѣ, а во-вторыхъ, и самый объемъ субъективныхъ правъ, которыя опредѣляются естественными свойствами человѣка. Ясно отсюда, что чѣмъ меньше требовалось «естественныхъ» свойствъ для признанія человѣка гражданиномъ, тѣмъ шире становился кругъ гражданъ, и тѣмъ большее число входило, въ качествѣ субъектовъ публичнаго права, въ составъ государственнаго союза, а съ другой стороны — чѣмъ уже опредѣлялся кругъ «естественныхъ» потребностей или стремленій, тѣмъ бѣднѣе по содержанію долженъ былъ быть кругъ самыхъ правъ, предоставляемыхъ на долю отдѣльнаго лица, для обнаруженія его «естественныхъ» силъ и способностей. Высота требованій, обращенныхъ къ естественному человѣку, для признанія его гражданиномъ, очевидно, здѣсь пропорціональна прямо ширинѣ круга лицъ, признаваемыхъ гражданами и обратно пропорціональна ширинѣ круга свободы отдѣльнаго лица; или, говоря другими словами, здѣсь обнаруживалось то странное явленіе, которое можно было опредѣлить формулой: чѣмъ больше гражданъ,

---

[1]) Ielinek. Allg. St. Lehre. Sie haben ihre eigenen Rechte, die sie nicht auf Kündigung, nicht als Gnade des souwärenen Staates, nicht als dessen Delegirte besitzen, sondern sie haben ihre Rechte, kraft ihrer Anerkennung als Rechtsträger, als Personen, welche Qualität ihnen zu entziehen gänzlich ausserhalb des realen Machtbereiches des Staates liegt.

тѣмъ меньше правъ, такъ какъ чѣмъ больше гражданъ, тѣмъ они хуже. Одинаковость естественно-правового принципа и шаблонность системы ведетъ здѣсь къ самымъ противорѣчивымъ результатамъ въ примѣненіи къ различнымъ областямъ права, и вредъ отвлеченной, юридической конституціи, можетъ быть, нигдѣ не выступаетъ такъ ярко, какъ въ данномъ примѣрѣ.

Все дѣло въ томъ, что естественно-правовая конституція новаго государства исходила изъ одного и того же пониманія естественнаго человѣка, а для опредѣленія своей общенародной основы въ свободномъ гражданинѣ и для ограниченія его правъ свободы, съ одной стороны, такъ же какъ и для установленія объема своего воздѣйствія на его личность, съ другой. Рѣшая совершенно справедливо, что человѣкъ, въ силу того только, что онъ человѣкъ, т. е. существо, способное не только жить и двигаться, но мыслить и разумно управлять своими дѣйствіями, не можетъ быть объектомъ въ области публичнаго права,—такъ же, какъ онъ перестаетъ быть таковымъ въ области права гражданскаго,—и долженъ быть субъектомъ государственнаго правоотношенія, новое государство рѣшило этотъ «minimum» требуемыхъ отъ человѣка свойствъ сдѣлать и «нормой» для опредѣленія круга свободы, на которую только и долженъ претендовать человѣкъ согласно своимъ естественнымъ свойствамъ. Этотъ minimum обратился, такимъ образомъ, изъ фактическаго предположенія право- и дѣеспособности въ мѣрку для обязательнаго ограниченія личной свободы. Такимъ образомъ однородная абстракція закрыла собою фактъ безконечнаго разнообразія человѣческой жизни, а на мѣсто живой, конкретной личности, со всѣми ея запросами, стремленіями, стало мертвое и бѣдное отвлеченіе; это послѣднее сдѣлало шаблонъ естественной посредственности непреложнымъ закономъ для всѣхъ и по этому шаблону отмежевало каждому долю его свободы. И если обладающій только элементарной способностью къ разумной и нравственной дѣятельности человѣкъ признанъ достойнымъ стать гражданиномъ, то, съ другой стороны, только такая элементарная дѣятельность была принята какъ нормальная для тѣхъ «естественныхъ» предѣловъ, которые были гарантпрованы государствомъ самодѣятельности лица, только для такой элементарной дѣятельности была дана свобода индивидууму, только она одна была признана вполнѣ достаточной для удовлетворенія всѣхъ личныхъ потребностей естественнаго че-

ловѣка. Этотъ обще-человѣкъ самаго низшаго типа, эта посредственность, это существо, которое обладаетъ только самой ограниченной способностью къ достиженію общаго блага, именно такой естественный человѣкъ является исходной точкой и для организаціи государственнаго управленія; этотъ человѣкъ слабъ— и за него дѣйствуетъ государство, которому онъ служитъ только въ качествѣ пассивнаго сотрудника, которое направляетъ всю его дѣятельность, которое даетъ ему то обезпеченіе и благосостояніе, какого самъ онъ достичь не въ силахъ; этотъ естественный человѣкъ обладаетъ только самымъ простымъ мыслительнымъ аппаратомъ, онъ неспособенъ къ высшимъ соображеніямъ относительно принципа «блага», и за него думаетъ государство, которое и рѣшаетъ, что для него истинное благо и что нѣтъ, что ему полезно и что вредно, что способствуетъ его матеріальному и нравственному преуспѣянію, и такъ далѣе. Слабый, обладающій только посредственнымъ разумомъ и слабою волей человѣкъ — это взрослое дитя, которое хотя и правоспособно, и даже въ извѣстной степени дѣеспособно, но должно постоянно находиться подъ опекой, для собственнаго своего блага; ясно отсюда, что онъ долженъ подлежать непрестанному надзору и всеобъемлющему попеченію благодѣтельнаго правительства. Иначе—онъ не только будетъ несчастливъ, но и можетъ легко погибнуть. Правда, онъ уже не объектъ, а субъектъ, это лицо публичнаго права, на добровольномъ признаніи этого лица покоится все государственное зданіе, однако, именно потому оно и подчиняется государству, что чувствуетъ свою слабость, именно потому и заключаетъ договоръ, что безъ этого оно стало бы беззащитной жертвой всеобщей неурядицы. Признаніе естественнаго человѣка лицомъ не противорѣчитъ здѣсь его подопечному положенію и еще менѣе широкимъ организаціямъ его свободы. Съ заключеніемъ договора или съ актомъ добровольнаго признанія власти, его активная роль закончена; послѣ этого хотя онъ и остается лицомъ, но почти исключительно субъектомъ обязанностей, а не правъ; онъ становится только пассивнымъ соучастникомъ государственной жизни.

Вполнѣ понятно отсюда, что, построенное на такомъ низкомъ представленіи о «естественномъ» человѣкѣ [1]), зако-

[1]) Сравн. слова Петра Великаго (цитирую по Берендтсу. Сист. адм. права I, стр. 136): „Я имѣю дѣло не съ людьми, а съ животными, кото-

подательство абсолютнаго государства не могло создать и того представленія о свободѣ и равенствѣ, которое дало развитіе послѣдующаго правового государства. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Гирке: «свобода и равенство въ томъ видѣ, какъ къ нимъ стремилось абсолютное государство, были только свобода и равенство подданныхъ»—въ отличіе отъ гражданъ; «содержаніе» подобныхъ свободы и равенства «было поэтому только отрицательнымъ, ихъ проявленіе на дѣлѣ—только пассивнымъ» [1]), или, какъ еще болѣе рѣзко замѣчаетъ Еллинекъ относительно европейскаго самодержавія: «абсолютное государство имѣетъ цѣлью совершенно уничтожить» «первоначальное индивидуальное управомочіе» личности, тогда какъ именно признаніе личности, какъ члена государства, и есть основаніе для всѣхъ ея публично-правовыхъ притязаній» [2]). Совершенно логично слѣдуетъ далѣе, что и русское законодательство, съ одной стороны, «до сихъ поръ удерживаетъ сословную группировку населенія, чуждую нашей исторіи, заимствованную нами съ запада въ эпоху слѣпого подражанія всему иностранному»; съ другой—слѣдуетъ примѣру общеевропейскаго абсолютизма и въ томъ отношеніи, что даже въ настоящее время, когда у насъ «уничтожено крѣпостное право, долгое время тяготѣвшее надъ русскимъ народомъ, когда введенъ гласный, народный судъ, когда мѣстное общество призвано къ самоуправленію», тѣмъ не менѣе законъ устанавливаетъ «безправіе личности передъ административнымъ произволомъ и полное отсутствіе хотя бы малѣйшей свободы общественной дѣятельности». Очевидно, и здѣсь наше право не является

рыхъ хочу передѣлать въ людей“... „Нашъ народъ, яко дѣти, не ученія рады, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не принуждены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но, когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ“.

[1]) Gierke. Gen. K. B. I, 645—646. Mit der allgemeinen Freiheit aber ging die rechtliche Gleicheit Aller Hand in Hand... однако эта Freiheit und Gleicheit in daher wie sie der absolute Staat erstrebte, waren nur Freiheit und Gleicheit von Unterthanen. Ihr Inhalt war daher lediglich negativ, ihre Bethätigung eine passiwe; и хотя такимъ образомъ въ извѣстной степени подготовилась уже новая идея, однако, въ томъ видѣ, какъ это было въ абсолютномъ государствѣ, равенство и свобода могли приготовить „aller wahren Freicheit das Grab“. Denn ihre (этого направленія) letzten Konsequenzen sind Centralisation der Regierung und Anatomisirung des Volkes.

[2]) Jellinek. Allg. St. Lehre, 370. Der absolute Staat hat das Ziel, jene ursprüngliche indiwiduelle Berechtigung gänzlich zu vernichten. 379: Die Anerkennung als Person und als Staatsglied ist die Basis für alle öffentlich rechtlichen Ansprüche.

исключеніемъ изъ общеевропейской системы новаго самодержавія, хотя въ настоящее время, согласно мнѣнію проф. Коркунова, «такія постановленія русскаго законодательства о правахъ гражданской свободы представляются крайне устарѣлыми и неудовлетворительными», или даже болѣе того, они должны быть признаны «страннымъ анахронизмомъ» и «совершенной несообразностью» [1]). Таковы однако выводы изъ тѣхъ исторически данныхъ «демократическихъ» [2]) началъ новаго самодержавія, которыя, съ одной стороны, устанавливали равенство и свободу, съ другой же—признавали подданнаго лицомъ только для несенія обязанностей, а не для осуществленія личныхъ правъ активнаго гражданина.

Останавливаясь нѣсколько ближе на приведенномъ утвержденіи проф. Коркунова, нельзя не только не согласиться съ нимъ, но и не признать, что подобный «анахронизмъ» дѣйствительно можетъ повести къ серьезнымъ осложненіямъ въ русской государственной жизни. И въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли выше, фактическимъ субстратомъ для признанія за человѣкомъ качества гражданина и различныхъ публичныхъ правъ и обязанностей служило въ новомъ государствѣ не что иное, какъ понятіе естественнаго человѣка, человѣка средняго уровня, нормальнаго, свойственнаго тому времени и средѣ, при наличности которыхъ складывалось новое самодержавіе. И если этотъ естественный человѣкъ получился,—говоря языкомъ просторѣчія,—качества ниже средняго, то это, въ силу историческихъ обстоятельствъ, иначе и произойти не могло, такъ какъ государству приходилось зачислять въ ряды своихъ непосредственныхъ подданныхъ массы наличныхъ или бывшихъ крѣпостныхъ, которые, само собою разумѣется, по своимъ свойствамъ и наклонностямъ врядъ ли могли бы сразу быть признаны не только пассивными, но и активными гражданами, носителями государственной власти. Нелишнее будетъ замѣтить, что и другіе классы общества, на которые опиралось въ началѣ своего существованія новое государство, также далеко не представляли изъ себя дѣятелей, особенно подгото-

---

[1]) Коркуновъ. Росс. госуд. право I, 261, 429.

[2]) Ср. Романовичъ-Славатинскій. Система росс. госуд. права, 39. Выработанный... историческимъ развитіемъ русской націи самодержавный принципъ... представляетъ собою глубоко христіанскую поистинѣ демократическую идею... проникнуть евангельскимъ началомъ равенства всѣхъ людей передъ лицомъ закона и государства.

вленныхъ въ духѣ новаго государства. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть въ извѣстной степени несомнѣнно оправдано то «безправіе», которое нами указано выше. И если дѣйствительно Петръ Великій имѣлъ передъ собой не людей, а «животныхъ», которыхъ только проведя «сквозь строй» можно было сдѣлать «людьми», то вполнѣ понятно, что этимъ «животнымъ» не нужна была гражданская свобода, для избѣжанія которой наши недоросли охотно сказывались въ «нѣтѣхъ». Однако, какъ мы видѣли выше, уже тогда было упущено изъ виду одно обстоятельство, а именно, что личность далеко не всегда опредѣляется массовой мѣркой и способна вполнѣ къ особому и чисто-индивидуальному развитію; и эта именно личность была оставлена безъ всякаго вниманія. Нормы закона получили въ основу массовой шаблонъ и придавили личность. Такое положеніе вещей, какъ оно само по себѣ ни тяжело для отдѣльныхъ лицъ, однако не могло вызывать вначалѣ особенныхъ опасеній съ государственной точки зрѣнія; пока юридическая нормировка въ общемъ и цѣломъ соотвѣтствовала дѣйствительно среднему уровню массъ, она еще могла болѣе или менѣе удовлетворить своему назначенію. Но дѣло значительно обострилось, когда расчитанный только на массы невѣжественнаго, коснаго и неспособнаго для самодѣятельности народа обязательный, государственный порядокъ, не дающій выхода жизни отдѣльной личности, сталъ радикально расходиться именно съ живымъ и конкрентнымъ уровнемъ массъ и началъ принудительно подводить ихъ подъ форму своего стараго «естественнаго человѣка», когда въ дѣйствительности не только уже народился новый естественный человѣкъ, но и значительно переросъ стараго. Въ этомъ случаѣ обнаруживается полное противорѣчіе между старой юридической формой и новымъ фактическимъ ея содержаніемъ. Права и обязанности, устаповленныя по мѣркѣ бывшаго «естественнаго человѣка», начинаютъ восприниматься новымъ, какъ угнетеніе, «безправіе», лишеніе гражданской свободы, и неминуемымъ выходомъ изъ этого положенія вещей является или здоровая и разумная реформа, или въ худшемъ случаѣ наспльственный переворотъ. Наиболѣе вреднымъ, конечно, при подобномъ противорѣчіи права и факта является та особая любовь юриспруденціи къ законченности юридическихъ конструкцій и системъ, которая заставляетъ часто и юристовъ и государственныхъ людей держаться вѣры въ старую отжившую форму, несмотря на то, что

содержаніе ея мертво, и она только напрасно давитъ собою здоровое и мирное развитіе цѣлаго [1]).

При примѣненіи подобной точки зрѣнія къ современному положенію личности въ Россіи, нельзя не замѣтить, что дѣйствующія у насъ нормы, ведущія свое начало еще отъ первыхъ временъ такъ называемаго полицейскаго государства, заимствованныя цѣликомъ изъ старыхъ шведскихъ, прусскихъ и французскихъ законовъ, оказываются совершенно несоотвѣтствующими тѣмъ запросамъ русскаго человѣка, который за двѣсти лѣтъ европейской культуры выросъ и развился во всѣхъ отношеніяхъ и въ настоящее время нуждается для своего общественнаго и государственнаго служенія въ значительномъ расширеніи старыхъ рамокъ закона XVIII вѣка. Понятно отсюда, что если, съ одной стороны, должны быть обезпечены въ судебномъ порядкѣ всѣ наличныя права русскаго подданнаго, такъ какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Берендсъ: «въ самодержавной монархіи... единство источника обусловливаетъ собою одинаковую незыблемость всѣхъ правъ, дарованныхъ самодержцемъ. Права администраціи не священѣе правъ подданныхъ. Всякое нарушеніе права подданнаго, дарованнаго ему самодержцемъ — есть нарушеніе воли самодержца» [2]), то съ другой — согласно глубоко вѣрному утвержденію Коркунова, «въ настоящее время нѣтъ вопроса, болѣе настоятельнаго, болѣе неотложнаго, требующаго реформы, какъ вопросъ объ обезпеченіи за русскимъ обществомъ правъ гражданской свободы». И въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія современнаго развитія права нельзя не согласиться съ почтеннымъ ученымъ, что «человѣку мало только не быть вещью. Чтобы устранить безправное его положеніе, надо обезпечить ему право личной свободы, право свободнаго выраженія своихъ вѣрованій, свободнаго общенія съ другими людьми» [3]). И обезпеченіе такихъ

---

[1]) Iellinek. Allg. St. L., 323—324. Von dem falschen Dogma der Geschlossenheit des Rechtssystems erfüllt, übersieht die Jurisprudenz in der Regel, dass die Rechtgeschichte zugleich auch eine Geschichte der Rechtsbrüche... ist; только фикція можетъ создать den Schein durchgängiger Rechtscontinuität zu wahren. Первое, изъ факта создающее право, теченіе консервативно, второе, создающее изъ идеи—фактъ, раціоналистическое, эволюціонистическое. Это послѣднее теченіе сильно помогаетъ раціонализированію государственнаго порядка.

[2]) Берендтсъ. Система адм. пр. 210, прим. 1.

[3]) Коркуновъ. Русское госуд. пр. I, 429—430. Ср. также выраженіе знаменитаго въ свое время вождя консервативной партіи въ прусской палатѣ господъ, Ф. Ю. Шталя (Stahl, Rechts. Phil. B. II, 324). Wir sind

правъ, по мнѣнію заслуженнаго авторитета русской государственной науки, Чичерина, есть политическая необходимость: «законъ только чрезъ охраненіе права получаетъ истинное свое значеніе. Законъ, предписывающій повиновеніе, но не ограждающій подвластныхъ отъ притѣсненій, является въ ихъ глазахъ произведеніемъ внѣшней силы, а не выраженіемъ высшаго порядка. Въ немъ исчезаетъ именно то, что даетъ ему нравственное значеніе: съ уваженіемъ къ личности исчезаетъ понятіе о справедливости. Законъ уважается только тогда, когда онъ самъ оказываетъ уваженіе тѣмъ, на кого онъ простирается. Отсюда рождается и привязанность къ законному порядку; люди дорожатъ имъ, когда они видятъ въ немъ огражденіе своихъ правъ и своихъ жизненныхъ интересовъ. Безъ этого онъ остается чисто внѣшней формой, насильно наложенной на общество. Внутренній порядокъ зиждется на огражденіи права» [1]).

Изъ того же недовѣрія къ силамъ отдѣльной личности и изъ чрезвычайно упрощеннаго воззрѣнія и на человѣческую природу, и на задачи государства исходило новое самодержавіе и въ своей административной политикѣ. Установивъ нормальный типъ настоящаго разумнаго общаго и частнаго блага, законодательство этой эпохи брало человѣка своего времени совершенно оторваннымъ отъ всѣхъ историческихъ наслоеній, національныхъ и общественныхъ предразсудковъ и полагало, что если этотъ человѣкъ не слѣдуетъ немедленно и безпрекословно всѣмъ велѣніямъ благодѣтельной власти, то это происходитъ только или отъ невѣжества, или изъ упрямства и косности, или въ силу противодѣйствія злонамѣренной и испорченной воли. Какъ видимъ, такое воззрѣніе на человѣка весьма просто. Онъ съ этой точки зрѣнія представляется своеобразнымъ нагроможденіемъ страстей, которыя при помощи непосредственнаго вмѣшательства умѣлой рукой могутъ быть организованы по произволу. И это вмѣшательство было признано единственнымъ

---

rechtlich nicht frei, unter unsittlichen unvernünftigen Gesetzen, sind rechtlich nicht frei, wo das Recht als Geheimniss eines Standes bewahrt ist, sind rechtlich nicht frei, wo sonst vernünftige Gesetzte doch der Aeusserung unserer Individualität nicht Raum lassen, sei es unsere nationale Individualität niederhalten, oder unsere persönliche Individualität hemmen. Wir sind endlich rechtlich vollständig unfrei, wo eine tyrranische Regierung zugleich die unseren sittlichen Wesen entsprechende Ordnung und unsere Individualität unterdrückt.

[1]) Чичеринъ. Курсъ гос. науки, ч. 3, 142.

и безошибочно дѣйствующимъ рычагомъ, который и долженъ былъ обезпечить всѣмъ и каждому нормальное счастье естественнаго человѣка. Подобная административная практика бросаетъ яркій свѣтъ какъ на психологію, такъ и на соціологію всей естественно-правовой системы новаго государства. И если, какъ мы уже знаемъ, на мѣсто живой нравственной личности со всѣмъ богатствомъ ея силъ и дарованій, со всѣмъ разнообразіемъ ея привычекъ, моральныхъ навыковъ и формъ нравственной жизни, наконецъ, со всей ея способностью къ безконечному совершенствованію, это государство поставило, какъ норму, шаблонъ массовой посредственности и этимъ шаблономъ думало исчерпать всю полноту духовной жизни человѣка, то точно также и въ обществѣ оно не видѣло ничего больше, кромѣ массы другъ на друга похожихъ индивидовъ, которыхъ стоило только взять въ руки, чтобы вылѣпить изъ нихъ желаемую общественную группу. Общество, какъ совокупность самыхъ разнообразныхъ борющихся между собою группъ, его экономически обособленные классы, его религіозныя, національныя и бытовыя основы, его неуклонно и постепенно совершающееся развитіе и ростъ— все это было совершенно непонятно въ естественно-правовой соціологіи, а всѣ проявленія этихъ началъ были зачислены въ разрядъ уродствъ и ненормальностей исторически-отжившаго строя или были восприняты въ системы «естественной религіи», разумной экономіи, были подведены подъ космополитическій типъ естественнаго человѣка и закрѣплены въ такомъ видѣ, какъ общій всепроникающій порядокъ обязательной жизни. Если психологія естественнаго человѣка была проста, то соціологія естественнаго общества еще проще. И, руководствуясь этой соціологіей, новое государство такъ же просто смотрѣло и на свою задачу—на достиженіе общаго блага. Стоило только надъ каждымъ человѣкомъ поставить полицейскаго, который бы направлялъ его по государственной нормѣ, то увѣщаніемъ, то отеческимъ взысканіемъ—и дѣло сдѣлано: частное и общее благо будетъ достигнуто. Стоитъ только подчинить всю общественную жизнь (которая, повторяемъ, въ глазахъ государственныхъ руководителей данной эпохи представлялась весьма несложной) самой тщательной регламентаціи и опекѣ—и всѣ граждане представятъ изъ себя образецъ благоустройства, благочинія и благонравія. Научить и наставить гражданъ насчетъ ихъ собственной пользы, воспитать и пріучить

ихъ къ труду и полезнымъ ремесламъ, организовать настоящимъ образомъ промышленность, доставить всѣмъ матеріальное обезпеченіе, сдѣлать всѣхъ свободными отъ предразсудковъ, создать изъ человѣка разумнаго и добродѣтельнаго гражданина и послушнаго подданнаго—такова задача, которая представлялась теоретикамъ абсолютизма не только весьма простой, но и легко достижимой, и новое государство принялось за осуществленіе этой задачи со всѣмъ жаромъ неофита, со всей энергіей фанатика всеобщей добродѣтели и общаго блага. Такъ, «въ первые три вѣка новой исторіи иниціативу въ дѣлѣ соціальнаго прогресса беретъ въ свои руки молодое государство» [1]), и «всесильная абсолютная власть... сосредоточиваетъ свое вниманіе... на полицейскомъ (въ широкомъ смыслѣ) вмѣшательствѣ, не удерживаемомъ... никакими правовыми нормами... Начавъ съ охраны, безопасности, власть эта шагъ за шагомъ въ цѣломъ рядѣ постановленій (Polizeiordnungen) захватываетъ въ свое вѣдѣніе множество задачъ по государственному благоустройству и народному благосостоянію или общему благу и доходитъ, наконецъ, до послѣднихъ крайностей полицейской регламентаціи. Такимъ образомъ выработался типъ такъ называемаго полицейскаго государства (Polizeistaat)» [2]). И установившаяся такимъ образомъ опека, захватившая въ свои руки буквально всѣ стороны проявленія матеріальной и духовной жизни [3]), приняла строго принудительный характеръ. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Лоренцъ ф. Штейнъ, государство желало «принудить народы въ общемъ и частномъ стать счастливыми», и «царство благополучія» превратилось въ «принудительное заведеніе для счастья народовъ» [4]). И надо замѣтить, это историческое развитіе не осталось опять-таки чуждымъ русскому политическому

---

[1]) Шпилевскій. Полиц. пр., 174.

[2]) Тарасовъ. Полиц. пр., 13.

[3]) Gierke. Gen. Recht, B. I, 644—И не только опека простирается на всѣ стороны хозяйственной жизни страны, но gleich dem wirtschaftlichen Leben aber sucht die Obrigkeit auch das geistige Leben zu bevormunden, ihm Richtung und Mittel auszuweisen, seine Selbstthätigkeit zu beschränken. Такому же регулированію подлежатъ даже selbst die geselligen und sociallen Beziehungen der Unterthanen... такъ что и они регулируются и оффиціально устанавливаются „Rang und Ansprüche eines Jeden“... Es ergiebt sich hieraus, dass der obrigkeitliche Staat ein Vormundungsstaat ist, dass er zugleich zu bureaukratischer Vielregiererei, zur Centralisation und zur Uniformirung neigt.

[4]) L. v. Stein, Verw. Lehre B. II, 19, 20.—Государственная власть абсолютнаго государства хотѣла заботиться о благѣ народа, но не такъ,

быту; и если уже «въ XVII вѣкѣ царское домоводство Іоанновъ и Васильевъ превращается въ полицейское государство», то въ послѣдующій петербургскій періодъ русской исторіи этотъ характеръ остается до самаго царствованія Александра II неизмѣнно присущимъ нашей административной практикѣ [1]).

Полицейское государство царило у насъ до самой эпохи реформъ въ достаточно чистой и типичной формѣ и только съ

какъ это дѣлаетъ природа, которая создаетъ условія для благополучія и потомъ предоставляетъ человѣку ими пользоваться, но какъ отецъ, который приказываетъ своимъ дѣтямъ дѣлать то, что полезно, по его убѣжденію. „Sie wollte die Völker im Ganzen wie im Einzelnen zwingen, glücklich zu werden". Der Wohlfahrstaat wird eine Zwangsanstaalt für das Glück der Völker, negativ, indem es die letztern vor allem schützt was die Eudämonie für gefährlich hält, positiv, indem es ihnen gebietet was als nützlich erkannt wird.

Gierke. Gen. R. I, 643.—Wen so das obrigkeitliche Princip die Verwirklichung des absoluten Staates anstrebt, so erscheint derselbe zugleich als ein Polizeistaat.

Stein. Verwalt. Lehre, B. II 20.—Und in dieser von den Lehrkanzeln herabsteigenden, in allem kleinen gross gegenüber allem Schwachen stark, immer aber unberufen und ohne Dank das „Gute" und das „Wohl" durch seine Zwangsorgane vollziehenden Gewalt wurde aus dem theoretischen Wohlfahrtstaat der praktische Polizeistaat.

Funk, Polizei—516—Als das charakteristische Merkmal der Polizei des ganzen jahrhunderts tritt vor allem die Fülle Ueberschwenglichkeit von Thätigkeit hervor, welche man von ihr erwartete; dieser zur Seite geht die durchgängige abstracte Allgemeinheit der Begriffsbestimmung derselben als des Organs des gemeinschaftlichen Besten, des gemeinen Wohles, der salus publica, ohne dass irgend eine Restriction zu Gunsten der individuellen staatsbürgerlichen Freieheit gegenüber der Omnipotenz der Staatsgewalt... beigefügt wurde... затѣмъ—der Mangel eines klaren Bewusstseins über die Forderungen des „Rechtsstaates"...

[1]) Берендтсъ. Сист. адм. пр. I, 1—91, 138.—Организованное... Петромъ управленіе имѣло почти необъятную компетенцію. Всѣ стороны общественной и частной жизни были подвергнуты строжайшей регламентаціи... Даже общественныя удовольствія сдѣлались „государевымъ дѣломъ"...—139.—Послѣ смерти Петра... до Екатерины Великой... государственное начало въ управленіи совершенно угасло.—158.—Съ матеріальной точки зрѣнія администрація екатерининской эпохи вполнѣ сохранила характеръ, присущій такъ называемому просвѣщенному абсолютизму...—161.—Съ воцаренія Александра I... начинается послѣдняя заключительная эпоха полицейскаго государства въ Россіи... Опять, какъ во дни Петра Великаго, самодержавіе перестаетъ быть само себѣ цѣлью и превращается въ великую службу...—191.—Царствованіе Николая I было апогеемъ военно-полицейскаго государства. Съ помощью безпощадной строгости... неусыпнаго контроля, проведенія военной дисциплины во всѣ отрасли жизни общественной, императоръ думалъ... указать направленіе, по которому должна была развиваться промышленность... по которому должно было идти умственное развитіе, мысль ученыхъ, литераторовъ, развитіе художествъ и техника.—183.—30-лѣтнее царствованіе Николая I не внесло въ строй русскаго управленія и его „права" никакихъ важныхъ перемѣнъ и не измѣнило характера администраціи. Полицейское государство держалось твердо на принципахъ просвѣщеннаго абсолютизма.

этого времени потеряло свое всеобъемлющее значеніе, такъ какъ судъ присяжныхъ и земское самоуправленіе были уже элементами новѣйшаго правового строя, которые и нарушили цѣлостность нашего дореформеннаго порядка управленія. Сохранивъ въ громадныхъ размѣрахъ старые полицейскіе законы XVII вѣка, русское государство удержало въ значительной степени и до настоящаго времени характеръ «полицейскаго государства», черты «просвѣщеннаго абсолютизма»; какъ мы увидимъ ниже, къ нему еще и теперь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вполнѣ примѣнимы вышеприведенныя слова знаменитаго Штейна.

Всеобщая опека, принудительное направленіе подданныхъ къ счастью, замѣна ихъ самодѣятельности вездѣсущимъ и всемогущимъ полицейскимъ надзоромъ и направленіемъ, представляются однако только до тѣхъ поръ возможными и цѣлесообразными, пока или населеніе не имѣетъ своихъ собственныхъ представленій объ общемъ благѣ и слѣпо подчиняется въ этомъ отношеніи руководству правительства, или же представленія объ общемъ благѣ, какъ они образуются по сужденію правящихъ лицъ, совпадаютъ въ главномъ и общемъ съ таковыми же по мнѣнію подвластныхъ и управляемыхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое совпаденіе представленій въ общемъ благѣ въ умахъ правящихъ и, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ изъ подвластныхъ элементовъ и въ дѣйствительности существовало во всѣ наиболѣе блестящія времена европейскаго самодержавія. И нельзя здѣсь же обойти молчаніемъ, что та освободительная политика абсолютизма, которая во всѣхъ странахъ Европы привела къ полному уничтоженію крѣпостничества и рабства, не только была одной изъ свѣтлыхъ страницъ абсолютнаго режима, но и пользовалась единодушной поддержкой наиболѣе гуманной и просвѣщенной части общества. Но возможны и факты иного характера: возможно постоянное расхожденіе представленій объ общемъ благѣ со стороны правительства и народа. И это становится безусловно необходимымъ историческимъ явленіемъ, если, прельщенное простотой естественно-правовыхъ конструкцій, правительство упорствуетъ въ своемъ представленіи о нормальномъ благѣ естественнаго человѣка, когда это благо въ дѣйствительности уже для населенія недостаточно, и оно стремится уже къ удовлетворенію своихъ гораздо болѣе полныхъ и широкихъ потребностей. И это въ дѣйствительности и произошло съ полицейскимъ государствомъ Европы. Взявъ въ

свои руки достиженіе общаго блага въ то время, когда потребности массы населенія были и весьма несложны и, по большей части, грубо матеріальны, полицейское государство со своимъ простымъ аппаратомъ полицейскаго вмѣшательства и опеки совершенно естественно не могло удовлетворить тѣмъ новымъ запросамъ усложнившейся жизни, которые были слѣдствіемъ могучаго экономическаго и культурнаго подъема общественной жизни въ послѣдующее время: сложность и утонченность новыхъ потребностей переросла государственную мѣрку, и они могли быть удовлетворены только при помощи общественной самодѣятельности. Но абсолютное государство не желало отказаться отъ своей роли всеобщаго опекуна и, признавъ свое безсиліе удовлетворить новымъ запросамъ современности, оно избрало самый худшій путь: оно рѣшило отвергнуть новые общественные интересы во имя стараго общаго блага и стало во враждебное отношеніе къ тому самому развитію, котораго оно само не только было важнѣйшимъ факторомъ, но и создателемъ. Выступивъ само во имя новыхъ началъ противъ стараго феодальнаго строя, оно не пожелало здѣсь идти навстрѣчу новымъ теченіямъ, имъ самимъ возбужденнымъ. Такъ неизбѣжно долженъ былъ произойти разладъ между системой полицейскаго государства и имъ созданнымъ обществомъ. «Государство желало принудить народъ къ его счастью»,—разумѣется, какъ оно его понимало,—но «совершенно естественно принималъ индивидъ это принужденіе какъ тягость». «Воззрѣнія принужденныхъ и принуждающихъ на общее блаженство» стали «различны». Государство и здѣсь, правда, «желало блага», но желало его «по одной мѣркѣ», не обращая вниманія «на личность», оно стремилось къ нему не какъ природа къ нему стремится, создавая только «общія условія», но какъ «начальникъ заведенія, который приказываетъ малымъ дѣтямъ» [1]). Ясно, что такія обстоятельства дѣлали жизнь непріятной и «отчуждали»

---

[1]) V. Kirchenheim, Einf. in. d. V. R. 16.—Man wollte das Volk „zu seinem Glücke zwingen“. Aber naturgemäss empfang der Einzelne den Zwang als Last. Die Anschauungen des Zwingenden und Gezwungenen über den Begriff Wohlfahrt sind verschidene. Jener der Staat will das Beste, aber der will es gleichmässig, ohne Rücksicht, auf die Persönlichkeit; nicht wie die Natur es will, welche allgemeine Bedingungen her stellt, sonder wie ein Anstaltsvorsteher, welcher kleinen Kindern befiehlt. Dies aber machte das Leben unbehaglich und entfremdete die Unterthanen vielfach der Regierung. Aus dem theoretischen Wohlfahrtsstaat ist der praktische Polizeistaat geworden.

подданныхъ отъ правительства и, чѣмъ больше развивалось у индивида сознаніе самого себя, какъ «собственной своей цѣли», тѣмъ «болѣе пользованіе» свободой и свободное управленіе своихъ силъ для воплощенія своего собственнаго блага «становилось «первымъ условіемъ индивидуальнаго благосостоянія»; и если такимъ образомъ полицейское государство встрѣчало вначалѣ сильныя препятствія къ осуществленію «общаго блага» со стороны «стараго права», то теперь, ставъ на дорогу мелочной и тягостной для подданныхъ регламентаціи, оно вызывало «всеобщее отчужденіе» [1]). Однако подобное «отчужденіе рождалось не только тамъ, гдѣ явилась уже сознанная потребность въ нравственной свободѣ и самодѣятельности; общество во всѣхъ своихъ болѣе широкихъ и матеріалистично настроенныхъ кругахъ находилось также въ состояніи недовольства: будучи побуждаемо ходомъ новыхъ общественныхъ условій все къ большему и большему развитію своихъ потребностей и будучи воспитано въ убѣжденіи, «что всего нужно ждать отъ правительства», оно предъявляло къ правительству, какъ органу «общаго блага», такія требованія, которыхъ то при всемъ своемъ добромъ желаніи удовлетворить не могло [2]). Выходъ изъ такого положенія заключался только въ альтернативѣ—или воспитать общество къ самодѣятельности, или придавить удовлетвореніе и возникновеніе самыхъ общественныхъ потребностей. Само собою разумѣется, что послѣдняя мѣра могла имѣть только временный характеръ, такъ какъ остановить исторію нельзя. И нельзя

[1]) V. Sarvey. Allg. V. R. 60. Въ его понятіи лежитъ постольку неустранимое противорѣчіе, поскольку водвореніе всеобщаго благополучія предоставлено лишенной границы государственной власти: „Die Ausübung der Staatsgewalt zu dem an sich berechtigten Zweck ist eine stete Gefahr für das Wohl der Einzelnen, das Mittel selbst verhindert die Erreichung des Zwecks“. „Die Bethätigung des Bewusstseins Selbstzweck zu sein, durch die Uebung der Selbstbestimmung der Genus der Freiheit und die freie Uebung der Kräfte zur Verwirklichung des eignen Wohls ist die erste Bedingung des individuellen Wohlbefindens“. Гдѣ это государство выступало во имя общаго счастья, оно въ серьезномъ встрѣчало препятствія со стороны стараго права, гдѣ оно ограничивалось свободной областью, оно становилось мелочнымъ и вызывало всеобщее отчужденіе.

[2]) Андреевскій. „Полиц. пр.“, 117. Во Франціи (въ XIX в.) стремленіе обезпечить политическое равенство вызвало въ XIX вѣкѣ весьма важное по послѣдствіямъ законодательство, предпринявшее обезпечить равность и одинаковость существенныхъ, человѣческихъ правъ... Но, обезпечивая эти права, французское законодательство пошло далѣе и вступило на весьма опасный путь: возложило на правительство заботы и объ обезпеченіи всѣхъ условій безопасности и благосостоянія, необходимыхъ для того, чтобы была возможность пользоваться этими правами. Несмотря на различіе конституцій, въ обществѣ укоренялось убѣжденіе, что всего нужно ждать отъ правительства...

здѣсь же не замѣтить, что земское самоуправленіе и судъ присяжныхъ, установленные державною волею Александра II, были, съ точки зрѣнія подобныхъ условій, замѣчательно цѣлесообразнымъ опытомъ обращенія къ самодѣятельности русскаго общества. Къ сожалѣнію, однако, этотъ опытъ не только не получилъ дальнѣйшаго развитія, но и былъ значительно умаленъ послѣдующими мѣропріятіями. Такъ, у насъ старое полицейское государство хотя и подорвано въ основѣ реформами Царя-Освободителя, однако продолжаетъ жить въ настоящее время не только въ старыхъ полицейскихъ законахъ, но и въ самомъ духѣ административныхъ учрежденій, въ продолжающей развиваться системѣ «всеобщей опеки».

Необходимо однако замѣтить, что начало «общаго блага», какъ такового, не могло остаться при томъ значеніи исключительно общественнаго благополучія, которое придавали этому термину теоретики и апологеты абсолютизма. Забота исключительно о счастьи подданныхъ могла хорошо звучать въ качествѣ лозунга новаго государства, но на самомъ дѣлѣ, даже при всемъ желаніи правительства посвятить всѣ свои силы и средства исключительно на водвореніе всеобщаго и естественнаго счастья, подобная цѣль врядъ ли могла быть осуществлена. Ужъ не говоримъ о томъ, что самая формула была взята слишкомъ широко и допускала всевозможныя натяжки и софистическія примѣненія [1]), такъ что, по удачному выраженію Циммермана, изъ нея можно было съ одинаковымъ успѣхомъ сдѣлать и «святого» для поклоненія, и шить себѣ изъ нея «сапоги» [2]); но дѣло въ томъ, что государство, какъ организація, не могло имѣть своихъ особыхъ интересовъ, въ отличіе, а отчасти и въ противоположность интересамъ тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ или даже отдѣльныхъ личностей, а слѣдовательно, такъ или иначе должно было дѣлать выборъ между тѣми и другими и признавать въ видѣ «общаго» блага или свое «благо», или чужое Подобный выборъ вначалѣ опять-таки не могъ представлять особенныхъ за-

---

[1]) Schulze. St. R. B. I, 614. Общее благо стало формулой, въ которую, благодаря ея безсодержательности, можно было влить какое угодно содержаніе; таковымъ и было свободное усмотрѣніе монарха.

[2]) Zimmermann. Polizei d. XIX Jahrhundert. 205. Понятіе „Wohlfart—je weiter der Begriff, desto mehr spielt er in die Hände“. „Sie beten beständig zu ihrem Heiligen, dem Gemeinwohl, oder vielmehr—sie beten nicht zu ihm, sondern sie zerstehlen ihn, denn sie reiten auf ihm herum und machen sich Stiefeln daraus“.

трудненій; интересы молодого государства и «естественное» благо личности совпадали почти цѣликомъ. Когда самодержавное правительство освобождало крѣпостныхъ, уничтожало средневѣковые цехи, устраняло сословныя перегородки и установляло частноправовое равенство и свободу, оно дѣйствовало въ своемъ непосредственномъ интересѣ, такъ какъ только этимъ путемъ оно могло водворить въ странѣ новыя формы хозяйственной жизни, оживить промышленность и торговлю и этимъ открыть для казны богатые источники денежныхъ поступленій, которыя такъ нужны были новому государству для армій и флотовъ, для оплаты дорого стоющаго профессіональнаго чиновничества, для поддержанія международнаго престижа, блеска двора и т. д. Вполнѣ естественно, что, съ переходомъ отъ исключительно доминіальнаго и камеральнаго хозяйства къ новой фискальной политикѣ, которая обращается за денежными средствами почти исключительно къ населенію и въ его платежной способности ищетъ основной опоры своей дѣятельности, государство должно было употребить всѣ усилія, чтобы вывести населеніе изъ-подъ гнета хищнической эксплоатаціи крѣпостниковъ и тѣмъ доставить себѣ въ народныхъ массахъ такую рабочую силу, въ которой оно въ данное время особенно нуждалось. Не менѣе совпадали далѣе стремленія полицейскаго государства къ умноженію населенія и тѣ потребности новаго общества въ болѣе свободной и упорядоченной семейной жизни, удовлетвореніе которыхъ стало необходимостью при наличности новыхъ народнохозяйственныхъ условій. И если, съ одной стороны, государство вводило чисто-свѣтское законодательство о бракѣ, устраняло всѣ излишнія препятствія къ его заключенію, регулировало родительскую власть, улучшало положеніе незаконнорожденныхъ и реформировало наслѣдственныя отношенія, а съ другой стороны, учреждало своеобразную «полицію беременности» и открывало всевозможныя заведенія и пріюты для сиротъ и подкидышей, то оно не только удовлетворяло этимъ своей потребности въ солдатахъ разной «длины», въ матросахъ и рабочихъ для казенныхъ заводовъ, но и національнымъ интересамъ болѣе интенсивной промышленности и личнымъ потребностямъ въ благоустроенной и справедливой формѣ семейныхъ отношеній. И то же самое мы замѣчаемъ и въ экономической политикѣ полицейскаго государства, и въ его просвѣтительной и церковной дѣятельности. Преслѣдуя вначалѣ политику меркантилизма,

а потомъ, воспринявъ начала ученія физіократовъ, оно опять-таки не только стремилось къ наполненію казеннаго сундука, но и дѣйствительно подымало производительныя силы населенія, а просвѣщая въ духѣ патріотизма, трудолюбія и добронравія по возможности широкіе круги народа, оно не только создавало необходимый для себя контингентъ преданныхъ, честныхъ, «за совѣсть» послушныхъ подданныхъ, не только воспитывало цѣлыя арміи просвѣщеннаго и энергичнаго чиновничества, но и дѣйствительно сильно повысило уровень народной нравственности и гуманнаго просвѣщенія, а слѣдовательно, и здѣсь явилось не только представителемъ узко-политическихъ интересовъ, но и служителемъ «блага общаго». Не менѣе важной и благодѣтельной по своимъ результатамъ была и церковная политика абсолютизма; и если здѣсь введеніемъ вѣротерпимости государство стремилось создать себѣ обильную иммиграцію изъ чуждыхъ странъ для заселенія свободныхъ земель, а уничтоженіемъ церковной автономіи, сокращеніемъ и упраздненіемъ монастырей и секуляризаціей церковныхъ имуществъ — оно дѣйствовало исключительно въ цѣляхъ укрѣпленія своего суверенитета и усиленія своихъ имущественныхъ средствъ, то нельзя отрицать всей громадной важности этихъ мѣръ и для общаго, гражданскаго быта: это была не только выгодная для казны, но и весьма прогрессивная политика, заложившая основы послѣдующаго чисто-свѣтскаго развитія общества и освобождавшая личность отъ гнета инквизиціи и церковныхъ гоненій. При такой фактической гармоніи интересовъ, само собою разумѣется, «общее благо» съ успѣхомъ могло охватывать въ своемъ болѣе чѣмъ широкомъ значеніи и выгоды фиска, и «естественное» блаженство гражданина, такъ какъ первое основывалось на второмъ и обратно. Неудобства этого термина могли обнаружиться только тогда, когда гармонирующіе интересы правительства и гражданъ начали расходиться, когда народъ и государство перестали быть тождественными понятіями, когда финансовый и административный аппаратъ полицейскаго государства пересталъ поспѣвать за экономическимъ и культурнымъ развитіемъ общественныхъ отношеній и во имя интересовъ фиска сталъ во враждебное отношеніе къ дальнѣйшему нормальному развитію общественныхъ силъ; такъ родилась противоположность между благомъ государства съ одной стороны и благомъ общества съ другой, между интересами данной политической организаціи, какъ таковой, и настоящимъ «общимъ благомъ».

При такихъ условіяхъ совершенно естественнымъ оказывается то историческое явленіе, которое выражается въ употребленіи термина «общаго блага» почти исключительно только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ интересахъ государства или даже еще уже—объ интересахъ казны [1]). И этотъ фискальный характеръ «общаго блага» съ теченіемъ времени, само собою разумѣется, все болѣе и болѣе возрасталъ по мѣрѣ того, какъ «общее благо» въ дѣйствительности все менѣе и менѣе могло быть исчерпано запросами даннаго полицейскаго и финансоваго механизма. Въ данномъ отношеніи особенно интересна была политика «общаго блага» въ Пруссіи, гдѣ, по свидѣтельству Борнгака, уже во времена Фридриха Вильгельма I «единственной цѣлью» государственнаго управленія было «споспѣшествованіе матеріальнымъ интересамъ подданныхъ, чтобы этимъ путемъ поднять ихъ податную способность, увеличить государственные доходы и сдѣлать возможнымъ постоянное увеличеніе войска»; и если, далѣе, «со времени вступленія на престолъ Фридриха Великаго и подался нѣсколько назадъ царящій надъ всѣмъ существомъ государства фискальный характеръ управленія и дѣйствительно самъ король часто провозглашалъ благоденствіе подданныхъ въ видѣ самостоятельной цѣли,—то, однако, на самомъ дѣлѣ цѣлью управленія и тогда было увеличеніе государственныхъ сборовъ, а полиція имѣла только одну задачу — поднять податную способность населенія» [2]). И подобное явленіе было присуще не одной только Пруссіи; «только короткое время могъ одушевить массу населенія тотъ предлогъ, что цѣль правительства есть созданіе

---

[1]) Funk. Polizei, 539. Die Gleichsetzung der Begriffe von Staat und Volk führte in der Theorie zur unbeschränksten Staatsomnipotenz und in der Praxis zum schlechthinigen staatlichen Absolutismus. Denn wenn zwischen dem beiderseitigen Interesse kein Widerstreit staatfindet, wenn beide viel mehr in Wahrheit eins sind, da giebt es nur das eine zu wahren, da das andere in diesem inbegriffen ist. Aber welches dieses Eine in absoluten Monarchien sein werde, das liegt klar vor Augen... das „gemeine Wohl“ ist das allgemeine Schiboleth der Polizei... здѣсь die salus publica identisch sein soll mit der salus rei publicae, oder diese viel mehr mit der salus populi... wer verstand in concretem Falle unter diesem Zweck des Staates, unter dem gemeinen Wohl das eigentliche Volkswohl oder vielleicht nicht ein vermeintliches Staatsinteresse.

[2]) Bornhak. Gesch. d. preus. V. R. B. II, 87. In der Polizei ruht unter Friedrich Wilhelm I der Schwerpunkt der Staatsverwaltung. Das einzige Ziel derselben ist die Förderung der materiellen Interessen der Unterthanen, um auf diese Weise die Steuerfähigkeit zu heben, die Staatseinnahmen zu vermehren und die beständige Vergrösserung des Herres zu ermöglichen. Bei dieser Verwaltungspolitik bildete die Polizei die erste und wichtigste

общаго счастья», и если вообще всякое понятіе счастья «относительно», а счастье одного вредитъ интересамъ другого, то въ особенности скоро потому упало очарованіе принципа «общаго блага», что «внутреннее управленіе слишкомъ близко стало въ тѣснѣйшую связь съ княжескими финансами», и очень скоро стали понимать подъ благоденствіемъ только то, что болѣе всего было выгодно для казенной палаты князя» [1]). Такъ развивается изъ фискальнаго «внутреннее управленіе», а возникшее изъ камеральной науки ученіе о полиціи очень скоро установило принципъ, что «полицеистъ долженъ сѣять, чтобы камералистъ въ свое время могъ пожинать посѣянное». Результатомъ же подобнаго развитія было, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Шульце, съ одной стороны, полное подчиненіе народнаго хозяйства и его интересовъ государственному хозяйству и интересамъ фиска, а съ другой — «безусловное подчиненіе гражданина централизованной опекѣ государства» [2]). И если признать теоретически вѣрнымъ утвержденіе Мургарда, что вездѣ, гдѣ «народъ и правительство отдѣлены другъ отъ

Etappe Handel und Industrie, Landbau und innere Kolonisation Armen- und Medizinalwesen erfreuen sich in gleicher Weise der Fürsorge des Staates. Die Verordungen über alle diese Zweige sind so eingehend, die Sorge für ihre Ausführung durch die strengste Kontrolle der Staatsbehörden eine so grosse, dass vielfach das Ideal des sozialistischen Staates beinahe erreicht scheint... это... die Begründung des... Polizeistaates des 18 Jahrhunderts. Стр. 222—Allerdings tritt seit der Thronbesteigung Friedrichs des Grossen die das ganze Staatswesen beherrschende Fiskalität der Verwaltung etwas Zurück, allerdings erklärt der König selbsthäufig die Wohlfahrt der Unterthanen für einen Selbstzweck. Aber thatsächlich ist doch der Zweck der Verwaltung auch jetzt noch die Steigerung des Staatseinnahmenns, hat die Polizei nur das eine Ziel, die Steuerfähigkeit zu heben.

[1]) V. Kirchenheim, Einf. in d. V. R.—16—Nur für kurze Zeit konnte das Vorgehen, der Zweck der Regierung sei Beglückung, die Menge begeistern... Der Begriff „Glück" ist überdies ein relativer. Jedes Glück eines Kreises schädigt die Interessen anderer. Hinzu tratt dass die innere Verwaltung mit dem fürstlichen Finanzwesen in engster Verbindung stand. Vielfach betrachtete man als Wohlfahrt, was der fürstlichen Kammer am dienlichsten war.

[2]) Schulze. St. R. B. I—613.—Въ виду того, что полиція возникла путемъ смѣшенія камеральныхъ и полицейскихъ дѣлъ—Da sich die innere Vervaltung aus dem fürstlichen Kameralwesen, die Polizeilehre aus der Kameralwissenschaft entwickelte, so blieb während des ganzen Jahrhunderts die unter dem Namen der Polizei sich darstellende innere Verwaltung dem Finanzinteresse vollständig untergeordnet. „Der Polizeiverständige müsse säen, damit der Kameralist seiner Zeit ernten könne.—614.—Итакъ, двѣ черты обличаютъ полицейское государство: во 1) полное подчиненіе хозяйственной жизни страны финансовымъ интересамъ государства; во 2) unbedingte Unterordnung des Bürgers unter die centralisierende Bevormundung des Staates; für die Selbsthätigkeit der Individuen und Korporationen bleibt kein Raum übrig.

друга», тамъ носители высшей власти,—даже когда они утверждаютъ, что они въ своихъ мѣропріятіяхъ стремятся къ общему благу,—легко будутъ въ дѣйствительности «имѣть передъ своими глазами только ихъ собственное благо» [1]), а вѣрнѣе благо государства въ противоположность благу общества, то, какъ мы видимъ изъ приведенныхъ соображеній, общая исторія полицейскаго государства достаточно подтверждаетъ это положеніе своими данными, и мы можемъ безъ натяжки признать, что такое превращеніе принципа «общаго блага» въ узкое начало финансоваго преуспѣянія и въ дѣйствительности совершилось, и что почти повсемѣстно вѣра въ общее благо, провозглашенное полицейскимъ государствомъ, или пошатнулась, или совсѣмъ упала.

Къ сказанному, однако, надо прибавить еще одно соображеніе. Полицейская система всеобщей опеки совершенно немыслима безъ централизованнаго и дисциплинированнаго профессіональнаго чиновничества. И этотъ элементъ, присущій не только новому абсолютному государству, но и новѣйшему правовому, сослужилъ въ свое время, дѣйствительно, великую службу: именно, централизованное и іерархически организованное чиновничество было той могучей арміей, которая во имя новаго абсолютизма неустанно работала надъ объединеніемъ государства, устанавливала порядокъ и спокойствіе среди новыхъ національныхъ организацій и являлась важнѣйшимъ орудіемъ для осуществленія общаго блага. И если, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Гнейстъ, въ первыя времена абсолютизма нужно было «рѣшительное пересозданіе административнаго права», то для этого лучшимъ орудіемъ было то «царство чиновничества», которое стало на мѣсто прежнихъ сословій и замѣнило ихъ частноправовое самоуправленіе публичнымъ управленіемъ сверху [2]); и если, далѣе, вмѣстѣ съ крушеніемъ стараго права вообще исчезло

---

[1]) Murhard. Zweck d. St.—219.—Denn allenthalben, wo Regierung oder Regent, und Volk gesondert sind, werden die Inhaber der höchsten Gewalt, indem sie vergeben, das allgemeine Wohl bei ihren Maasregeln, zu bewecken, leicht bloss ihr eigenes Wohl im Auge haben.

[2]) Gneist. Rechtsstaat—57.—Для преодолѣнія правовыхъ границъ феодализма нужно было „durchgreifende Neuordnung des Verwaltungsrechts“ и былъ созданъ „Beamtenstaat“. Чиновничество захватило въ свои руки самоуправленіе государственныхъ функцій, сословій.

Laband. Rezeption—54—Das Bestreben nach dem absoluten Staat sprach sich vorzüglich aus in dem Verlangen nach Entfernung der Laien aus der Rechtssprechung, nach Bezetzung der Gerichte mit berufsmässigen technisch-gebildeten Beamten...

и всякое право, ограничивающее власть управленія, а различныя, прежде автономныя общественныя соединенія получили теперь только ограниченную правоспособность для хозяйственныхъ цѣлей и стали на положеніе вѣчно «незрѣлыхъ субъектовъ въ публично-правовой области» [1]), то опять-таки и это было политической и исторической необходимостью. Установленіе новаго государственнаго строя далеко не было мирнымъ и постепеннымъ развитіемъ старыхъ началъ. Напротивъ того, новое государство при своемъ выступленіи на историческую арену должно было сразу и рѣшительно покончить со многими сторонами стараго быта, сломать ихъ. Вполнѣ естественно, что при такой радикальной ломкѣ стараго и при спѣшномъ и повсемѣстномъ устроеніи новаго совершенно необходимо создался періодъ своеобразной административной диктатуры, періодъ борьбы, во время котораго, съ одной стороны, вымирало старое феодальное право, которое представлялось только препятствіемъ для созданія новыхъ порядковъ, а съ другой—не успѣло народиться и новое, такъ какъ періодъ и интересы борьбы не столько нуждались въ осуществленіи принциповъ закономѣрности и правомѣрности въ современномъ смыслѣ слова, сколько въ примѣненіи началъ цѣлесообразности, практичности и гибкости для повсемѣстной побѣды надъ старымъ режимомъ. Въ этотъ первый періодъ абсолютнаго государства, мы можемъ смотрѣть на чиновничество и его роль въ государственной жизни, какъ на главнаго представителя прогрессивныхъ началъ въ области управленія, какъ на мирную армію новаго государства, которая подъ единымъ руководствомъ самодержца вносила съ собою въ самыя отдаленныя мѣстности государства новыя идеи общаго національнаго единства, мирнаго порядка и труда на благо цѣлаго. Съ успокоеніемъ этой политической борьбы и связаннаго съ ней процесса броженія, въ новомъ государствѣ произошла вполнѣ необходимо и соотвѣтственная перемѣна въ положеніи чиновничества: оно тоже установилось, «консолидировалось», получило опредѣленную и цѣлостную организацію. Служебное право стало основаніемъ

---

[1]) Gierke. Genoss. R. B. I — 648.—Verdrängung aus dem öffentlichen Recht.—Beschränkung auf eine durch staatliche Koncession verliehene und stets revokable Rechtssubjektivität für Vermögenszwecke, ewige Unmündigkeit, rein privatrechtliche Konstruction im Innern durch Herabzetzung der Gesammteinheit zu einem von der Gesammtheit völlig gelösten Individuum: das war die Gestalt der neuen Form der universitas, des corpus, des Vereins mit mistischer, moralischer oder juristischer Persönlichkeit.

порядка іерархической подчиненности и отвѣтственности, явилась такъ называемая коллегіальная система учрежденій, создалась масса государственныхъ различно подчиненныхъ органовъ, и монархъ занялъ только мѣсто на вершинѣ служебной пирамиды, а жизнь и дѣятельность всего аппарата государственныхъ должностей подверглась самому точному и порою мелочному регламентированію свыше [1]). И нельзя отрицать, что дѣйствительно этотъ порядокъ, особенно «въ крупныхъ германскихъ государствахъ», не только заключалъ въ себѣ довольно важные публично-правовые элементы, но и придавалъ всему строю тотъ характеръ правовой организаціи, который заставляетъ нѣкоторыхъ писателей искать въ служебномъ правѣ абсолютнаго государства даже его «конституцію» [2]). Однако эта конституція не могла по самому своему существу представить достаточныхъ гарантій вѣрности массы чиновничества своей государственной задачѣ. Устраненіе элемента самоуправленія и общественнаго контроля изъ административнаго механизма, постепенное развитіе задачъ государственнаго управленія впредь до безграничной опеки попеченія надъ всѣмъ и вся, надзоръ и отвѣтственность служащихъ исключительно въ порядкѣ подчиненности, коллегіальныхъ ревизій и дисциплинированныхъ взысканій, наконецъ, паденіе коллегій при новомъ развитіи государства и установленіе чисто-бюрократической организаціи [3]), — все это создало изъ

---

[1]) Gneist. Rechtsstaat,—58, 59—совершается „Consolidirung des neuern Beamtenstaats“, причемъ Regierungsgewalt der Landesherrn— является высшей основой, затѣмъ слѣдуетъ „Berufsbeamtenstaat“ „in einer festen Kette der Unterordnung.

Iellinek. Syst. d. öf. R.—215—Der Staat, selbst der absolute, handelt nicht durch ein einziges, sondern durch eine Vielheit von Organen. Unter diese sind die staatlichen Funktionen planmässig vertheilt.

O. Mayer. V. R. B. I—39.—Чиновничество получаетъ отъ короля свою часть попеченія о государственныхъ интересахъ. Его задачи и обязанности въ интересахъ государственныхъ цѣлей возможно всеобъемлющи. Чиновничество стоитъ подъ строгимъ надзоромъ высшаго начальства. Его служба регулируется „mit peinlich genauen Instructionen wird Ihnen der Dienst in allen Punkten vorgeschrieben“. Во всякое время можетъ быть издано особое повелѣніе, чтобы дать особое предписаніе; такъ какъ часть государственныхъ задачъ, предназначенныхъ чиновнику, обозначена возможно широко, то по отношенію къ подданнымъ чиновникъ „so steht der Beamte der Unterthanen thatsächlich gegenüber wie ein Fürst im Kleinen“. На него возможна жалоба только у высшаго начальства, которое опять-таки „machen kan, was er will“.

[2]) Берендтсъ. „Система адм. права“ I, 1. 212. Iellinek, Allg. Staats. L. 636.

[3]) O. Gierke. Gen. R. I—643—Въ этомъ государствѣ: Während daher die Gemeinheitsverfassung die Organisation bestimmt, vermöge deren die

государственнаго чиновничества самостоятельную и грандіозную силу, которая не только раздѣлила съ монархомъ его исключительное право управленія, но и въ значительной степени поглотила это право и узурпировала его. Бюрократія стала между государемъ и народомъ и, прикрываясь безотвѣтственностью главы государства, сама въ значительной степени присвоила себѣ его безотвѣтственность; какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ маститый русскій ученый: «неограниченная монархія въ особенности безъ бюрократіи немыслима. Но именно здѣсь послѣдняя представляетъ значительныя опасности. Изъ удобнаго орудія власти она можетъ превратиться въ самостоятельное тѣло, имѣющее свои собственные интересы и становящееся между монархомъ и народомъ». Интересъ бюрократіи состоитъ въ томъ, чтобы господствовать неограниченно въ административной сферѣ. Эта цѣль достигается тѣмъ, что обществу дается, какъ можно менѣе способовъ дѣйствовать самостоятельно, а отъ монарха скрывается истинное положеніе дѣлъ. Черезъ это все переходитъ въ руки чиновничества; самая воля монарха, при видимомъ самовластіи, становится отъ него въ зависимость. Сверху водворяется господство оффиціальной лжи, а внизу царитъ полнѣйшій произволъ[1])... И это извращеніе роли чиновничества въ новомъ государствѣ было тѣмъ опаснѣе, что и безъ того новое развитіе народнаго хозяйства неизбѣжно вело къ такъ называемому «капиталистическому строю», къ централизаціи капитала во всѣхъ его формахъ, къ крайней спеціализаціи въ области техники, къ выработкѣ и обособленію отдѣльныхъ общественныхъ классовъ и къ тѣсной зависимости государственнаго благополучія отъ хозяйственнаго и техническаго прогресса страны. Въ силу же этого не только само государство, повинуясь общимъ требованіямъ усовершенствованнаго «интенсивнаго» хозяйства, вырабатываетъ

Gesammtheit sich selbst regiert, enthält die Obrigkeitsverfassung die Organisation, vermöge deren die Gesammtheit regiert wird. In dem Begriffe des Bürgers findet sich politisches Recht und politische Pflicht, Herrschen und Gehorchen, aktive und passive Betheiligung am Gemeinwesen vereinigt: der Unterthan ist Subjekt nur im Privatrecht, im öffentlichen Recht lediglich Objekt, er steht im Staat wie der Laie in der Kirche. Das Gemeinwesen fordert daher Theilnahme der Bürger an Verwaltung, Rechtspflege und Gesetzgebung und neigt zu den Principien der Wahl, der Kollegialität und der Majorität: die Obrigkeit drängt zur Fernhaltung der Unterthanen vom öffentlichen Leben und begünstigt die centralisirende Administration durch ernannte einheitliche Organe.

1) Чичеринъ. „Курсъ гос. науки“, ч. 3—142.

утонченный техническій аппаратъ для отправленія своихъ государственныхъ функцій и создаетъ грандіозныя организаціи въ видѣ постоянныхъ армій ученыхъ и просвѣтительныхъ институтовъ, всевозможныхъ учрежденій — установленій и заведеній культурно-вспомогательнаго и народно-хозяйственнаго значенія, но и въ особенности организуетъ технически-спеціализированный аппаратъ чиновничества, которое съ особыми знаніями и подготовкой должно неутомимо слѣдить за каждымъ движеніемъ въ области народнаго хозяйства, умѣло направлять его къ цѣлямъ общаго блага, а въ случаѣ надобности и управлять его частями, и притомъ не хуже лично заинтересованныхъ въ дѣлѣ капиталистовъ, управляющихъ, директоровъ и т. д. Развитіе технически и профессіонально-подготовленнаго чиновничества есть въ силу этого необходимый результатъ всего историко-экономическаго прогресса новаго времени, и оно совершается съ величайшей интенсивностью не только въ современныхъ абсолютныхъ, но и правовыхъ государствахъ европейской культуры. Вполнѣ естественно далѣе, что это развитіе чиновничества въ тѣсно сплоченную и спеціально подготовленную группу «техниковъ» государственнаго дѣла развивается гораздо быстрѣе и въ болѣе широкихъ размѣрахъ въ государствахъ абсолютныхъ, гдѣ общественная самопомощь и самоуправленіе еще играютъ незначительную роль или отсутствуютъ вовсе, чѣмъ въ государствахъ новѣйшаго правового типа, гдѣ значительная часть государственныхъ задачъ непосредственно предоставлена общественнымъ организаціямъ и группамъ. Съ другой же стороны, однако, совершенно ясно, что въ государствахъ абсолютныхъ болѣе ранней эпохи профессіональный элементъ далеко не могъ играть такой доминирующей роли, какъ это должно было произойти въ странахъ позднѣйшаго времени, когда въ рукахъ профессіональной бюрократіи оказались такіе грандіозные источники государственныхъ доходовъ и такіе могучіе рычаги для направленія народнаго хозяйства, которые были даны послѣдующимъ капиталистическимъ строемъ въ видѣ многомилліонныхъ предпріятій, усовершенствованныхъ средствъ сообщенія, всевозможныхъ техническихъ изобрѣтеній и научныхъ открытій и т. д. И если уже относительно старыхъ королевскихъ интендантовъ во Франціи можно вполнѣ основательно замѣтить, что они, благодаря своему вліянію и силѣ въ общей административной машинѣ того времени, дѣлали совершенно призрачной на видъ всесильную власть

французскихъ самодержцевъ [1]), то еще съ большей основательностью можно констатировать всемогущество бюрократіи послѣдующаго времени, которая, въ виду потребностей новой эпохи, не была болѣе стѣснена коллегіальными рамками и свое завершеніе нашла въ министерской системѣ. Организованныя по монократическому началу различныя «вѣдомства» превратились дѣйствительно въ своеобразныя все проникающія и все захватывающія машины, которыя съ удивительной гибкостью и рѣшительностью, повинуясь только власти своего «шефа», съ одной стороны отражали въ себѣ и анализировали общественную жизнь, а съ другой въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ сдерживали и направляли ее [2]). И то, что сказалъ въ свое время Карамзинъ о министерской системѣ въ Россіи, съ полной справедливостью можетъ быть отнесено ко всѣмъ абсолютнымъ государствамъ, опиравшимся на многочисленное чиновничество и централизованныя министерства: «министры встали между государемъ и народомъ» и не только заслонили собою монарха отъ народа, но и сами стали какъ бы на мѣсто государей и стали вмѣсто нихъ править страной, «то есть каждый изъ нихъ по своей части могъ творить и разрушать» [3]). И, къ сожалѣнію, эта тенденція къ полной самостоятельности вѣдомствъ и монополія бюрократіи на право управленія выразились не только въ стремленіи къ самовластью со стороны отдѣльныхъ, фактически безотвѣтственныхъ министровъ, которые все же находились подъ непосредствен-

---

[1]) Берендтсъ. „Система адм. пр.“ 11. 212.—Во Франціи королевская власть абсолютная, неограниченная, на видъ всемогущая... тѣмъ не менѣе принужденная... смотрѣть, какъ органы ея, интенданты, безнаказанно нарушали законы, королемъ изданные, и ставили свою волю на мѣсто воли королевской.

[2]) Gneist. Rechtsstaat—73—Коллегіальныя учрежденія были замѣнены министерской системой, и водворилась бюрократическая система. Андреевскій. „Полиц. пр.“ 1, 118—Положеніе ухудшилось особенно при примѣненіи того начала, разработаннаго законодателемъ VIII г., что администрація вызываетъ составъ монократическій или бюрократическій (agir est le fait d'un seul). Несмотря на различіе конституцій, это начало затягивало Францію опаснымъ узломъ централизаціи, бравшей на себя постоянно заботы о счастіи и благополучіи народа, отражавшей до настоящаго времени идею полицейскаго государства XIII столѣтія.

[3]) Карамзинъ. Записка о древн. и нов. Россіи, 2285 стр. „Министры стали между государемъ и народомъ, заслоняя сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя и подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: „я имѣлъ счастье докладывать государю, — заграждали уста сенаторамъ, и сія мнимая отвѣтственность была доселѣ пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государемъ, сообщались сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіей управляли министры, то есть каждый изъ нихъ по своей части могъ творить и разрушать“...

нымъ контролемъ незаинтересованнаго въ ихъ выгодахъ монарха, но и въ стремленіи носителей подчиненнаго и подзаконнаго управленія—эмансипироваться въ свою очередь отъ докучливаго контроля сверху и постоянныхъ правовыхъ стѣсненій снизу. И здѣсь совершенно вѣрно замѣчаетъ Чичеринъ, что «нѣтъ болѣе опаснаго заблужденія, какъ смѣшеніе силы власти съ господствомъ произвола. Между тѣмъ, именно въ неограниченныхъ правленіяхъ это начало послѣдовательно проводится даже въ подчиненныхъ сферахъ, гдѣ власть, по существу своему, ограничена». «И мѣстные правители превращаются въ полновластныхъ пашей, произволу которыхъ отдается въ жертву все населеніе. Даже послѣдній полицейскій служитель изъемлется изъ вѣдѣнія суда и становится подъ защиту начальства, которое во имя власти всегда готово его поддержать» [1]). Такова серьезная опасность, которая можетъ явиться результатомъ самого по себѣ законнаго и необходимаго развитія новаго политическаго строя и въ частности бюрократической его основы.

Но эта опасность при отсутствіи или слабости правовыхъ гарантій въ абсолютномъ государствѣ [2]) становится еще страшнѣе тамъ, гдѣ не только не различаются частные или кастовые интересы представителей властвующей бюрократіи отъ интересовъ государства, но гдѣ именно послѣдніе поглощаются первыми [3]). Подобное явленіе опять-таки совершенно непзбѣжно тамъ, гдѣ бюрократія испорчена своимъ матеріальнымъ достаткомъ, безотвѣтственностью и различными привилегіями, оказы-

---

[1]) Чичеринъ. „Курсъ гос. науки“, ч. 3—399.

[2]) Iellinek. Syst. d. s. öf. R. 225.—Die Gewähr, das die Regierung auch stets im Gemeininteresse gefürt werde, war in absoluten Staate nicht gegeben.

[3]) Haenel. St. R. I. S. 89. Когда органомъ является „eine vereinzelte Person: die monarchische oder—im Behördensystem—die bureaukratische Formation. Bei dieser Formation liegt die Schwierigkeit in der Erkennbarkeit und in der deutlichkeit, mit welcher die organische und die individuelle Rechtssphäre auseinander gehalten werden soll und muss—eine Forderung, deren Verwirklichung in der Entwicklungsgeschichte der Monarchie den Punkt bezeichnet, wo sich der korporative Verband des Staates aus den patriarchalischen und feodalen Formen heraushebt“.

Gneist. Rechtsstaat, S. 72. Однако, у этого организма есть и свои слабости—„nicht in dem mangeluden Rechtsschutz“, то въ недостаткѣ національнаго, госуд. и правового смысла „unter dem Monopol des Beamtentums“, въ образованіи особаго классового интереса въ самомъ чиновничествѣ „in der allmäglichen Entstehung eines solidarischen Beamtengeistes“, кот. при коллизіяхъ между чиновниками и частными лицами „nicht mehr unbefangen beurteilt“.

Сравн. Берендтсъ. Система адм. пр. I, 214.

вается безсильной удовлетворить новымъ потребностямъ усложнившейся общественной жизни и, не желая отказаться отъ своей неограниченной власти, привычной рутины и отъ своего выгоднаго положенія, начинаетъ отрицать новые интересы общества и государства только для того, чтобы не уступить общественному самоуправленію части своей власти, не измѣнить своихъ привычныхъ пріемовъ и традицій. При такомъ положеніи вещей интересы бюрократіи и общества становятся рѣшительно противоположными другъ другу и неизбѣжно начинается борьба. Бюрократія начинаетъ смотрѣть на всякое необходимое и здоровое развитіе личности и общества, какъ на зло, какъ на политическое преступленіе и старается всѣми мѣрами задержать и задушить его, произвольно отождествляя себя съ монархомъ и государствомъ, она производитъ крайне вредную рознь между обществомъ и государствомъ, подрываетъ чувство необходимой лояльности, преданности и любви къ монарху и дискредитируетъ правительство; само собой разумѣется, что такое положеніе вещей представляетъ собою наиболѣе удобную и желательную почву для крайнихъ общественныхъ элементовъ, и лучше всякихъ заговоровъ и возмущеній приготовляетъ серьезныя испытанія всему государственному организму. И этотъ процессъ съ особенной яркостью можемъ прослѣдить въ исторіи Франціи. «Министерство въ своей дѣятельности по вопросамъ полицейскимъ могло безпрепятственно проводить въ странѣ, какъ субъективныя свои воззрѣнія, нерѣдко отражавшія совершенное непониманіе дѣла, такъ и вполнѣ произвольныя мѣры, имѣвшія въ виду не интересы народа, но частные эгоистическіе расчеты, разрушавшіе условія народнаго благосостоянія. Три полицейскія министерства Франціи... представляютъ въ итогѣ своей дѣятельности поучительнѣйшую исторію тѣхъ опасностей, которыя рождаются для страны отъ дѣятельности такого полицейскаго государства. Министерство внутреннихъ дѣлъ достигло того антигосударственнаго положенія, что разъединило два элемента государства, народъ и правительство, привело ихъ къ постоянно осадному другъ противъ друга положенію. Понятно, что задачей его, вмѣсто изученія силъ народа и его народной полицейской (самоуправленія?) дѣятельности, сдѣлалось изученіе силъ народа, могущихъ бороться съ правительствомъ и, вмѣсто созданія надлежащихъ правительственныхъ мѣръ, оно сдѣлало своимъ призывомъ отысканіе такихъ средствъ,

которыя бы въ борьбѣ правительства съ народомъ обезпечивали побѣду и успѣхъ правительству. Министерство промышленности... постоянно встрѣчало препятствія въ самомъ существѣ своего устройства, въ томъ, что должно было брать на себя труднѣйшія операціи, возможныя только при самостоятельной работѣ общества. Но всего болѣе заявило опасность такой системы министерство народного просвѣщенія. Желая подчинить самую науку правительственному цензу, это министерство привело дѣла народнаго просвѣщенія въ самыя неблагопріятныя условія». И скоро это положеніе вещей еще болѣе ухудшилось. «Особые министры полиціи (дѣйствовавшіе съ 1796—1808 г.) окружили національныхъ представителей цѣлой арміей мушаровъ, директорію—самыми нелѣпыми призраками воображаемыхъ опасностей и успѣли весьма скоро провести тотъ опасный принципъ, что народъ и правительство—враги, и что послѣднему необходимо изобрѣтать хитрѣйшія средства для своего спасенія... явившееся же во дни террора патріотическое стремленіе каждаго гражданина выдать правительству врага республики посѣяло сѣмена шпіонства, которыя впослѣдствіи выростаютъ въ цѣлую полицейскую систему police générale... Будучи послѣднимъ министромъ полиціи республиканской Франціи, Фуше своими интригами противъ республиканскаго правительства служитъ... блистательнымъ доказательствомъ тѣхъ опасностей, которыя центральная полиція можетъ создать для самого правительства, и того удобства, которое имѣетъ министръ полиціи, подъ предлогомъ спасенія интересовъ правительства, достигать своихъ частныхъ эгоистическихъ цѣлей... Наполеонъ I, будучи императоромъ, находился постоянно въ сѣтяхъ своихъ полицейскихъ органовъ... Для постояннаго обереженія императорскаго правительства потребовалось столько же расширить произволъ полиціи, сколько развивать недовѣріе къ суду».

«Политическая полиція Наполеона III успѣла достигнуть такого развитія, что поставила всю Францію на положеніе полицейское, которое казалось очень успокоительнымъ для правительства, но въ дѣйствительности систематически разрушало свободу и благосостояніе страны»[1]).

Таковы необходимые результаты властвованія бюрократически организованныхъ министерствъ, когда они, потерявъ воз-

---

[1]) Андреевскій. „Полиц. пр.“. I. 119, 126—129.

можность или желаніе служить истинному своему призванію, отождествляютъ себя съ государствомъ и пользуются мѣрами общей и государственной полиціи для борьбы за свои кастовые интересы. Таковы опасности, которыя одинаково угрожаютъ и монархамъ и народамъ отъ чрезмѣрнаго развитія всемогущей бюрократіи. И, къ сожалѣнію, ни одно изъ европейскихъ абсолютныхъ государствъ не было застраховано отъ подобнаго извращенія бюрократической системы. Необходимо совершившееся заимствованіе этой организаціи и въ Пруссіи и въ Россіи привело въ обоихъ государствахъ къ аналогичнымъ результатамъ [1]); и здѣсь и тамъ бюрократія отдѣлила государя отъ народа и на первый планъ поставила свои чисто-кастовые интересы, и если въ Пруссіи искали противовѣса бюрократическому властвованію въ оживленіи старыхъ сословныхъ началъ, то Россія пошла въ эпоху реформъ по болѣе правильному пути—именно всесословнаго и городского самоуправленія.

У мѣста будетъ замѣтить, что русская бюрократія не только не уступила безъ боя своей позиціи, но и одержала въ послѣднее время новыя побѣды надъ земскимъ началомъ. Французскіе принципы административнаго строя оказались у насъ особенно жизучи.

Останавливаясь теперь на общихъ выводахъ изъ настоящаго изложенія, мы должны сдѣлать слѣдующія заключенія:

Новое государство абсолютнаго типа представляетъ собою союзъ государя и подданнаго, во имя общаго блага, причемъ именно ради достиженія этой цѣли, съ одной стороны, государю присвояется неограниченная власть повелѣнія, а съ другой—на подданнаго возлагается такая же безусловная обязанность подчиненія. Съ этимъ вмѣстѣ новое самодержавіе получаетъ твердую юридическую основу публично-правового характера.

Новое самодержавіе далѣе получаетъ характеръ культурнаго и просвѣщеннаго образа правленія, становится, такъ называемымъ, просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, принимаетъ въ свою основу своеобразную естественно-правовую конституцію, провозглашаетъ личность субъектомъ публичнаго права, гарантируетъ ей частноправовую свободу и равенство, ставитъ себѣ

---

[1]) Андреевскій. Полиц. пр., I—129—182—Та же система и въ Пруссіи въ началѣ XIX столѣтія. Въ Россіи въ XIX в... являются полнѣйшія реформы всего полицейскаго управленія страны. Французскія начала, положенныя въ основаніе этихъ преобразованій, оказываются не вполнѣ пригодными для Россіи...

цѣлый рядъ свѣтскихъ, культурныхъ и просвѣтительныхъ цѣлей и организуетъ свой административный аппаратъ въ строго объединенную и централизованную машину, которая, въ свою очередь, придаетъ всему цѣлому нѣкоторое сходство съ грандіознымъ учрежденіемъ или заведеніемъ для цѣлей общаго блага.

Новое самодержавіе, наконецъ, развиваетъ принципы такъ называемаго полицейскаго государства, устанавливаетъ всеобщую опеку и полицейское вмѣшательство, какъ основныя средства для достиженія общаго блага, устраняетъ гражданъ отъ участія въ государственномъ управленіи, подчиняетъ народное хозяйство исключительному руководству государственнаго фиска и создаетъ цѣлостно-организованное и объединенное однимъ духомъ профессіональное чиновничество.

Таковы общія черты новаго самодержавнаго просвѣщеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ полицейскаго государства.

Какъ мы уже видѣли, въ немъ, сообразно историческому развитію, преобладаетъ то одинъ элементъ, то другой, то третій.

Вначалѣ, во время періода борьбы со старымъ феодальнымъ и крѣпостническимъ строемъ на первый планъ выступаетъ начало монархическаго самодержавія. Въ единой особѣ монарха находитъ свое средоточіе государственный суверенитетъ, и самодержецъ всемогущій и неограниченный, какъ само государство, спаиваетъ всѣ разрозненныя части населенія въ одно могучее цѣлое, раздробляетъ всѣ устарѣлыя организаціи на отдѣльные атомы и организуетъ ихъ благодаря своей верховной волѣ на службу общую, на служеніе государству.

Въ послѣдующій періодъ, во время расцвѣта новаго самодержавія, оно исполняетъ свою провиденціальную задачу: оно организуетъ новый судебный строй, преобразуетъ гражданское право, освобождаетъ общество отъ церковной тиранніи, создаетъ новую промышленную жизнь и «свѣтъ просвѣщеніе».

Во время третьяго, новѣйшаго періода, однако, выступаетъ на первый планъ полицейскій характеръ новаго государства. Монархъ фактически перестаетъ быть самодержавнымъ, такъ какъ дѣлитъ свою власть съ цѣлой массой болѣе или менѣе самостоятельныхъ органовъ; въ особенности же узурпируютъ его власть министерства. Бюрократія становится фактически на мѣсто монархическаго начала и начинаетъ преслѣдовать свои частные и кастовые интересы. Созданные новымъ историческимъ развитіемъ общественные классы начинаютъ ощущать

бюрократическую опеку все болѣе и болѣе, какъ ненужную и даже вредную для общаго благосостоянія тягость. Все сильнѣе развивается противорѣчіе между теоретическими основами самодержавія и его фактическимъ воплощеніемъ.

Бюрократія поглощаетъ самодержавный принципъ такъ же, какъ полицейскій режимъ поглощаетъ основы просвѣщеннаго абсолютизма.

Такъ подготовляется почва для послѣдующаго развитія новаго государства, которое, принимая правовой законъ какъ основной элементъ своего учрежденія и управленія, съ одной стороны, спасаетъ монархическій принципъ, освобождая его отъ отвѣтственности за всемогущую бюрократію, а съ другой — даетъ новыя формы той истинно-культурной и просвѣщенной политикѣ общаго блага, которая обязана своимъ возникновеніемъ европейскому абсолютизму.

Новѣйшее правовое государство есть законное дѣтище просвѣщеннаго абсолютизма и только продолжаетъ дѣло развитія всѣхъ его наиболѣе высокихъ и цѣнныхъ начинаній.

СВОБОДА СОВѢСТИ И ЗАКОНЪ 17 АПРѢЛЯ 1905 г.

I.

Извлеченія изъ журнала комитета министровъ о введеніи въ Россіи вѣротерпимости даютъ яркую картину того, какъ регулировалась духовная жизнь полутораста-милліоннаго народа еще въ началѣ XX вѣка.

Какъ оказывается изъ «журнала», мы до сей поры жили по законамъ, «относящимся большей частью къ XVIII и началу XIX столѣтія». Съ тѣхъ поръ «творческая рука законодателя къ нимъ почти не прикасалась»... Законы были съ успѣхомъ замѣнены «въ области вѣры» широкимъ примѣненіемъ «административныхъ распоряженій». «Различныя власти», «избѣгая возбуждать новые вопросы въ сложномъ законодательномъ порядкѣ», законодательствовали сами, или, какъ деликатно выражается журналъ, «устанавливали казавшіяся имъ необходимыми правила». И къ этому, какъ на зло, присоединилось то обстоятельство, что «въ нѣкоторыхъ заселенныхъ почти сплошь иновѣрцами окраинахъ имперіи» родились волненія «политическаго свойства». Само собою разумѣется, что «различныя власти» не задумались издать, помимо всякихъ законовъ, «рядъ ограничительныхъ распоряженій», и еще болѣе естественно, что они не задумались предъ рядомъ «ограничительныхъ распоряженій» «въ религіозномъ бытѣ иновѣрцевъ».

Какъ очевидно, все это складывалось до крайности просто и, несмотря на торжественное провозглашеніе «свободы вѣры» въ основныхъ законахъ имперіи, никогда и никто изъ «различныхъ властей» не задумывался надъ тѣмъ, что здѣсь дѣло идетъ

о самыхъ драгоцѣнныхъ правахъ человѣческой личности, о совершенно особомъ мірѣ нравственныхъ и религіозныхъ отношеній. Вѣра, рожденная изъ глубины человѣческаго духа, молитва, разбивающая оболочку земного существа и подымающая вѣрующаго къ Богу, жажда и алканіе истины, заставляющія переживать его цѣлую трагедію упованія и ужаса, отчаянія и надеждъ—все это было зачислено подъ рубрику «религіознаго быта», и этимъ бытомъ администрація распоряжалась вполнѣ по своему усмотрѣнію. «Различнымъ властямъ» и въ голову не приходило, что для вѣрующихъ этотъ «религіозный бытъ» есть высшій законъ ихъ жизни, стоящій выше всякой политики и всякихъ государствъ, законъ, исходящій отъ самого божества, велѣніемъ котораго связана ихъ совѣсть. И «различныя власти» распоряжались...

По свидѣтельству комитета министровъ, «100.000 человѣкъ бывшихъ уніатовъ, упорствующихъ въ католицизмѣ», числятся православными, несмотря на свое римское исповѣданіе. 30.000 человѣкъ «латышей, отпавшихъ въ протестантство», приписаны также къ господствующей вѣрѣ. «Въ приволжскихъ губерніяхъ имѣется значительное количество крещеныхъ татаръ, отпавшихъ въ магометантство», которые тоже считаются православными. «Въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи встрѣчаются», далѣе, «группы отпавшихъ въ прежнее, нехристіанское исповѣданіе инородцевъ, напримѣръ, закавказскіе абхазцы, забайкальскіе буряты» и т. д. Наконецъ, «самую большую группу составляютъ раскольники и сектанты, отпавшіе отъ православія, но оффиціально числящіеся православными». Всѣмъ «этимъ лицамъ, православнымъ только по имени, запрещается открыто исповѣдывать свою настоящую религію». Мало того. «Они являются лишенными существенныхъ гражданскихъ правъ. Рожденія, браки и смерти... остаются не записанными въ метрическія книги; они не имѣютъ законной семьи и посему лишены твердыхъ имущественнныхъ правъ». Но и этимъ дѣло не ограничиваевтся. Насильственно приписанныхъ къ православію лицъ судятъ за отпаденіе отъ православія, берутъ ихъ имѣнія въ опеку, малолѣтнихъ дѣтей отбираютъ, самихъ упорствующихъ отдаютъ «на увѣщанія духовному начальству», причемъ отвѣта на то, «какія послѣдствія наступаютъ для совратившагося изъ православія, въ случаѣ, если увѣщанія не подѣйствуютъ, законъ не даетъ»... Практика, однако, даетъ надлежащій отвѣтъ. Какъ

сообщаетъ въ своихъ трудахъ А. С. Пругавинъ, такихъ лицъ могутъ подвергнуть медленной смерти въ одиночной монастырской тюрьмѣ, или, какъ сообщалъ въ свое время А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, ихъ преслѣдуютъ въ административномъ порядкѣ и отправляютъ въ административную ссылку.

Такъ дѣйствуютъ «различныя власти» при помощи закона и помимо его, такъ хозяйничаютъ онѣ въ душѣ человѣка и водворяютъ среди населенія «религіозный бытъ»... Въ особенности тяжело, однако, было положеніе русскихъ раскольниковъ. «Вѣротерпимость... долгое время не распространялась на раскольниковъ, ибо въ убѣжденіи какъ церкви, такъ и правительства они являлись нарушителями... началъ единаго православнаго государства». Въ силу этого, религія раскольниковъ не была признана религіей, ихъ исповѣданіе не почиталось за вѣру, ихъ самихъ не считали за людей нравственныхъ и религіозныхъ, а самъ «расколъ не былъ признаваемъ вѣроученіемъ». Очень мало помогли здѣсь законы 1874 и 1883 годовъ. Примѣненіе на практикѣ установленныхъ на законѣ «льготъ поставлено... было въ зависимость отъ усмотрѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ». Это же послѣднее дѣйствовало «въ сихъ случаяхъ по соглашенію съ вѣдомствомъ православнаго вѣроисповѣданія... Примѣненіе закона стало производиться на практикѣ съ крайнею, иногда излишнею, осмотрительностью... а съ теченіемъ времени появились для нихъ (т. е. для раскольниковъ) вновь стѣсненія со стороны мѣстныхъ начальствъ, объясняемыя глубоко вкоренившимися прывычками и взглядами, уничтожить которые законъ 1883 года оказался не въ силахъ». И сама церковь содѣйствовала въ высокой степени такой практикѣ. Какъ говоритъ журналъ комитета министровъ, «положеніе обострялось постояннымъ обращеніемъ церкви къ свѣтской власти за содѣйствіемъ въ той или другой формѣ и отсутствіемъ законовъ, сколько нибудь опредѣляющихъ предѣлы и условія такого «содѣйствія». И «различныя власти» дѣйствительно «содѣйствовали»: самый законъ 1883 года, разрѣшавшій, «по точному его смыслу, какъ старообрядцамъ, такъ и сектантамъ творить общественную молитву и исполнять духовныя требы», былъ замѣненъ сплошнымъ «содѣйствіемъ». Какъ свидѣтельствуетъ комитетъ министровъ, этотъ законъ «въ отношеніи сектантовъ, менѣе примѣнялся и замѣненъ былъ въ отношеніи къ нимъ, административными мѣропріятіями». Въ концѣ концовъ, это «содѣйствіе»

окончилось положеніемъ 1894 года, по которому министръ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроръ синода объявили «секту штундистовъ болѣе вредной»; «новое правило получило широкое примѣненіе, и практика административныхъ учрежденій пыталась распространить оное на всѣхъ почти сектантовъ, отвергающихъ обрядовую сторону православной вѣры». Какъ очевидно, «содѣйствіе» выразилось, благодаря усердію различныхъ властей, въ цѣломъ рядѣ актовъ религіозной нетерпимости и гнета, а само положеніе 1904 года «не могло не вызвать со стороны православнаго духовенства чрезмѣрнаго въ иныхъ случаяхъ стремленія къ охраненію его силы и значенія. Такимъ образомъ, служители церкви привлекались къ дѣятельности, не соотвѣтствующей призванію ихъ и носимому ими сану». Священники становились полицейскими въ рясѣ, различныя власти «содѣйствовали». Въ результатѣ—«въ жизнь мѣстнаго населенія была... внесена значительная рознь, а иногда и открытая вражда между односельчанами». Двухвѣковая нетерпимость къ раскольникамъ привела къ «развитію въ нихъ фанатически-враждебнаго отношенія къ православной церкви»...

Отмѣтимъ нѣкоторые отдѣльные случаи административнаго законодательства и полицейскаго содѣйствія православію изъ области отношенія властей къ старообрядцамъ и раскольникамъ. Заслуживаютъ вниманія слѣдующіе случаи. Еще закономъ 1883 года установленъ порядокъ «исправленія, возобновленія, распечатыванія часовенъ и другихъ молитвенныхъ зданій, а также обращенія въ таковыя существующихъ строеній»,—спрашивается теперь, какъ администрація примѣняетъ этотъ законъ? Какъ ясно изъ данныхъ комитета министровъ, «мѣстныя власти весьма осторожно относятся къ этимъ вопросамъ» и «спрашиваютъ мнѣнія духовныхъ начальствъ, наводятъ самыя подробныя справки о дѣйствительной потребности устройства новаго молитвеннаго помѣщенія и т. д. Министерство внутреннихъ дѣлъ съ своей стороны производитъ по этимъ дѣламъ сношенія съ вѣдомствомъ православнаго вѣроисповѣданія. Вслѣдствіе этого, удовлетвореніе ходатайствъ имѣло мѣсто лишь въ рѣдкихъ случаяхъ»: за 20 лѣтъ, при наличности 15 милліоновъ раскольниковъ и сектантовъ, было разрѣшено устроить всего-на-всего 283 молитвенныхъ зданія. Въ то же время закрытіе молеленъ производилось самымъ энергичнымъ способомъ: «мѣстныя власти до послѣдняго времени вмѣшивались иногда въ молитвенныя

дѣла раскольниковъ и дѣлали распоряженія, вызывающія съ ихъ стороны справедливыя жалобы». И когда государственный совѣтъ, при отсутствіи правилъ о закрытіи молеленъ, постановилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ никоимъ образомъ не имѣетъ права закрывать ихъ своею властью, то министерство внутреннихъ дѣлъ изобрѣло новую тактику. Оно прибѣгло къ судебному порядку, а вслѣдствіе обвинительнаго приговора опечатывались и молитвенныя зданія. Интересно также отношеніе администраціи къ раскольничьимъ школамъ. Закономъ 1864 года было разрѣшено открывать раскольникамъ школы грамотности. Къ тому же заключенію пришла комиссія 1875 года; «однако,—замѣчаетъ комитетъ министровъ,—какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ указанное предположеніе не получило осуществленія...» Несмотря на законъ и комиссію, раскольники остались безъ школы. Не меньшее богатство административныхъ распоряженій, замѣнившихъ собою законъ, встрѣчаемъ мы въ дѣлѣ опредѣленія правъ раскольниковъ и сектантовъ на государственную и общественную службу. Въ 1902 году опредѣленіемъ синода запрещено принимать молоканъ на государственную службу. Въ 1898 г. военное министерство провело особое Высочайшее повелѣніе, которымъ ограничено производство въ военные чины и поступленіе въ военное училище раскольниковъ. Даже награжденіе медалями нижнихъ чиновъ изъ сектантовъ допускалось только въ видѣ исключенія за выдающіеся подвиги...

Правила 1874 года и законъ 1883 года являются, такимъ образомъ, единственнымъ выраженіемъ законодательнаго регулированія расколо-сектантскаго вопроса, но, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ комитетъ министровъ, правила 1874 года, за отсутствіемъ «яснаго выраженія въ законѣ» о сектантахъ, были замѣнены «циркулярными распоряженіями министерства внутреннихъ дѣлъ», а законъ 1883 года былъ «на практикѣ... замѣненъ административными мѣропріятіями». Направленіе и смыслъ этихъ мѣропріятій мы уже видѣли.

Не менѣе печальную картину представляетъ собой положеніе инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій въ Россіи. Комитетъ министровъ удостовѣряетъ въ этой области цѣлый рядъ «распоряженій, стѣсняющихъ свободу вѣры и не основанныхъ на законѣ. Значительное развитіе у насъ въ этой области постановленій, изданныхъ административнымъ порядкомъ, объясняется, наряду

съ неполнотой самого закона,—причинами политическаго характера»... Политическая борьба, при помощи чисто-полицейскихъ средствъ, явилась прекрасной ареной для проведенія самой произвольной системы религіознаго преслѣдованія и гнета. «Политическія» причины покрывали все. Провѣрить наличность политической опасности не было никакой возможности, и администрація, домогаясь безграничнаго расширенія своихъ полномочій, съ логической необходимостью стремилась къ возможно мрачному изображенію «политическихъ причинъ». Нарисовать возможно страшнѣе всякія опасности, грозящія со стороны населенія, порою даже провоцировать акты недовольства и возмущенія въ его средѣ, испросить затѣмъ чрезвычайныя полномочія и замѣнить при помощи ихъ всякій законъ произволомъ, это—излюбленная метода, направленная къ водворенію полицейскаго всемогущества, ведущая на дѣлѣ къ беззаконію, къ возбужденію національной вражды, ослабленію государства.

По отношенію къ римско-католической церкви наша бюрократія оказалась особенно изобрѣтательной и создала удивительную практику, не имѣющую ничего общаго съ закономъ. Администраціей была создана прежде всего цѣлая система взысканій, «налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ на римско-католическое духовенство». Отчеты генералъ-губернаторовъ подтверждаютъ «сравнительную многочисленность случаевъ ихъ наложенія»... Объ этихъ взысканіяхъ журналъ комитета выражается категорически, хоть и кратко: «дальнѣйшее сохраненіе подобнаго порядка наложенія административныхъ взысканій не должно быть допущено». Другимъ характернымъ фактомъ изъ этой области является опытъ обрусѣнія католическаго духовенства при помощи экзаменовъ изъ русскаго языка. Несмотря на соглашеніе русскаго правительства съ римской куріей 1882—1897 годовъ, министры народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и варшавскій генералъ-губернаторъ ввели особую инструкцію для письменныхъ испытаній оканчивающихъ курсъ семинаріи католическихъ клириковъ. Въ результатѣ получилось то, что 156 католическихъ священниковъ не были утверждены въ должности генералъ-губернаторомъ, какъ несдавшіе русскаго экзамена, и 263 прихода остались вакантными. Само собой разумѣется, что комитетъ министровъ требуетъ отмѣны противозаконныхъ параграфовъ указанной инструкціи. Постройка и открытіе инославныхъ церквей и молитвенныхъ домовъ, закрытіе католическихъ монастырей,

запрещеніе католическихъ церковныхъ братствъ, преподаваніе закона Божія на русскомъ языкѣ въ школахъ не-русскихъ народностей—все это, по свидѣтельству комитета министровъ, давало просторъ цѣлому ряду административныхъ мѣръ, изданныхъ помимо и вопреки закону, которыя «легко могутъ пріобрѣтать характеръ мѣры религіознаго преслѣдованія», вызывать «сильное раздраженіе» и препятствовать «спокойному теченію общественной жизни».

Изслѣдуя затѣмъ вопросъ о положеніи въ Россіи иновѣрныхъ исповѣданій, комитетъ министровъ опять-таки констатируетъ ихъ «непосредственную зависимость отъ усмотрѣнія губернской и центральной административной власти». И это одинаково относится какъ къ вопросу о молитвенныхъ домахъ и о назначеніи муллъ у мусульманъ, такъ и къ вопросу о духовной школѣ магометанъ и о духовномъ управленіи киргизъ. Относительно послѣднихъ дѣйствовали опять-таки различные «политическіе виды», а цѣлую массу магометанскихъ приходовъ въ Сѣверномъ Кавказѣ и Средней Азіи, попросту говоря, у насъ взяли, да и забыли: «до настоящаго времени духовныя дѣла означенныхъ магометанъ остаются внѣ правильнаго надзора со стороны правительственныхъ властей». Такимъ образомъ, получается удивительная картина: «однѣ религіозныя общины находятся въ непосредственномъ завѣдываніи административной власти, а другія совершенно изъяты отъ какого либо, за дѣятельностью ихъ, правительственнаго надзора»...

Характеристика, данная комитетомъ министровъ русской религіозной полиціи, въ одномъ отношеніи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Это—полное признаніе въ томъ, что никакой вѣротерпимости на дѣлѣ у насъ не было, а тѣ весьма скромныя уступки иновѣрцамъ и инославнымъ христіанамъ, которыя были сдѣланы закономъ, на самомъ дѣлѣ были уничтожены цѣликомъ при помощи всемогущаго административнаго усмотрѣнія. Въ XX вѣкѣ мы сумѣли повторить порядки мрачнаго средневѣковья, въ новое столѣтіе электричества мы перенесли религіозный застѣнокъ старой католической и протестантской инквизиціи. Для оцѣнки этого факта трудно найти подходящее выраженіе, до такой степени чудовищна въ наше время самая мысль о полицейскомъ завѣдываніи вѣрою сознательной и нравственной личности, такъ невѣроятна теперь идея о вторженіи административныхъ «различныхъ властей» въ отношенія между человѣкомъ и Богомъ.

И журналъ комитета министровъ съ удивительной простотой и дѣловитостью констатируетъ самые невозможные фантастическіе факты изъ русской религіозной практики. Магометане, язычники, католики и сектанты считаются православными и судятся за отпаденіе отъ православія. Издаются законы о нѣкоторой терпимости раскольниковъ и сектантовъ, и полиція отмѣняетъ ихъ собственной своей властью. Священники доносятъ и шпіонятъ, преслѣдуютъ еретиковъ именемъ Христа, предаютъ своихъ ближнихъ на мученіе и казни. Съ куріей заключаются международные договоры и не исполняются. Милліоны мусульманъ совершенно лишаются какой бы то ни было законодательной защиты и предаются въ жертву безграничному усмотрѣнію мѣстныхъ властей... Что это такое? Какъ все это возможно въ благоустроенномъ государствѣ? Гдѣ мы? Въ культурной европейской странѣ или въ Центральной Азіи? Въ христіанскомъ государствѣ или среди ордъ Магомета?—Полицейская сила, дѣйствующая помимо всякихъ твердыхъ нормъ и правилъ, топчущая ногами законы страны, рѣшающая важнѣйшіе вопросы жизни многомилліоннаго народа по формулѣ: хочу казню, хочу милую... Законодательство, забывающее о существованіи областей величиною въ любое европейское государство, «неясное и неполное» тамъ, гдѣ идетъ дѣло о самыхъ дорогихъ правахъ личности, о твердости и нравственности семьи, объ устойчивости гражданскаго строя, о религіозномъ воспитаніи и нравственномъ просвѣщеніи 15 милліоновъ еретиковъ и раскольниковъ, о цѣлыхъ народностяхъ, отданныхъ подъ власть и покровительство Россіи. И къ этому надо присоединить еще тотъ фактъ, что сила и насиліе торжествуютъ здѣсь буквально «во святомъ мѣстѣ», насаждаютъ ложь и лицемѣріе тамъ, гдѣ покоится алтарь Бога, вносятъ разложеніе и цинизмъ туда, гдѣ расцвѣли лучшія идеальныя силы человѣка, гдѣ жива еще мощь нравственнаго подвига, неудержимо стремленіе къ познанію послѣдней истины, а съ ней и конечнаго призванія человѣка! Увы, сомнѣній въ этомъ больше быть не можетъ. Журналы комитета подтверждаютъ печальный фактъ во всеоружіи безчисленныхъ данныхъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...

II.

Къ сожалѣнію, журналъ комитета министровъ въ одномъ отношеніи не вполнѣ удовлетворяетъ насъ. Комитетъ словно умыш-

ленно останавливается только на нѣкоторыхъ фактахъ, только на нѣкоторыхъ сторонахъ дѣйствующей системы и принципіальнаго ея обоснованія не затрагиваетъ почти совсѣмъ. У читателя, который пожелаетъ почерпнуть изъ журнала комитета всѣ свои свѣдѣнія о русской вѣротерпимости, неизбѣжно останется въ умѣ весьма неполное представленіе о нашей религіозной системѣ. Съ одной стороны, онъ склонится къ мысли, что виною гоненій за вѣру были у насъ, чуть ли не исключительно, недосмотры законодательства и безпорядки въ администраціи, съ другой же онъ будетъ склоненъ признать, что, кромѣ указанныхъ въ журналѣ случаевъ религіозной нетерпимости, больше у насъ нигдѣ ея нѣтъ, а съ изданіемъ новаго закона она и совсѣмъ покончила свое позорящее насъ существованіе. Однако и та, и другая мысль были бы ошибочны въ самомъ корнѣ. Причины ужасныхъ фактовъ, перечисленныхъ комитетомъ министровъ, лежатъ гораздо глубже, чѣмъ это можетъ показаться сразу, и только съ устраненіемъ ихъ возможно надѣяться на дѣйствительное водвореніе въ Россіи не только вѣротерпимости, но и свободы вѣроисповѣданія.

Приводя мотивы религіозныхъ преслѣдованій, запятнавшихъ собою нашу исторію въ XX вѣкѣ, комитетъ министровъ неоднократно указываетъ на одностороннее стремленіе нашей администраціи къ «охранѣ православія», желаніе насильственно устранить все, что только хотя бы въ самомъ отдаленномъ будущемъ «можетъ усилить... хулу на православную церковь»,—однимъ словомъ, комитетъ говоритъ здѣсь про воспріятіе одной только «точки зрѣнія церковной», про напряженіе всѣхъ силъ для «исключительнаго охраненія интересовъ православія». Указывая неоднократно на «односторонность» такихъ мотивовъ, комитетъ приводитъ, съ другой стороны, цѣлый рядъ соображеній уже «съ точки зрѣнія государственной». Эти послѣднія, однако, не опредѣляются сколько нибудь точно и обстоятельно. Напротивъ того, они всегда приводятся подъ совершенно неопредѣленными рубриками «государственной опасности», «государственнаго вреда», «опасности для общественной нравственности или спокойствія» или даже подъ еще болѣе неопредѣленнымъ понятіемъ «причинъ политическаго характера» и т. п. Только въ одномъ мѣстѣ указываетъ комитетъ на болѣе принципіальную основу «продолжавшейся въ теченіе почти двухъ вѣковъ нетерпимости» и отмѣчаетъ въ качествѣ таковой принятіе со стороны «какъ церкви, такъ и правительства» «начала единаго православнаго государства»...

Сопоставляя затѣмъ въ частности всѣ эти мотивы, породившіе религіозную нетерпимость со стороны нашей администраціи, и необходимость измѣненія этой печальной практики, комитетъ министровъ весьма часто склоненъ объяснять самыя тяжелыя мѣры преслѣдованія то недостаткомъ «въ то время» «всесторонняго освѣщенія вопроса о сектантствѣ у насъ и далеко не полнымъ знакомствомъ съ условіями развитія этого явленія въ русской жизни», то отсутствіемъ «твердаго и систематическаго отношенія правительства», то, наконецъ, перемѣнами въ самомъ «развитіи» различныхъ религіозныхъ движеній «отъ времени первоначальнаго ихъ возникновенія» и до настоящихъ дней. Ошибочный взглядъ администраціи на значеніе и смыслъ отдѣльныхъ религіозныхъ движеній, преувеличеніе опасности, грозящей съ ихъ стороны государству и церкви, «исторически сложившіяся» причины «политическаго характера», заставившія дѣйствовать подчасъ тѣ или другія власти въ духѣ излишней «односторонности» — таковы практическія основанія для религіознаго гнета въ теченіе двухъ вѣковъ, которыя явились ближайшимъ поводомъ для проявленія въ томъ или другомъ случаѣ то «излишней осмотрительности» въ толкованіи религіозной свободы, то «чрезмѣрнаго... стремленія духовенства къ охраненію его силы и значенія, то «для ограничительныхъ распоряженій» и всевозможныхъ репрессій «со стороны мѣстныхъ начальствъ», выработавшихъ въ себѣ въ этомъ отношеніи даже «глубоко вкоренившіеся привычки и взгляды».

Два вѣка нетерпимости и религіозныхъ гоненій—и такія случайныя, и почти неуловимыя, причины! Такія глубокія потрясенія во всей религіозной жизни страны—и неосторожность, неосмотрительность, излишнее усердіе въ однихъ случаяхъ, ненужная осторожность въ другихъ, и все это со стороны «различныхъ властей», которымъ, конечно, какъ и всѣмъ людямъ, свойственно ошибаться. Картина получается весьма мирная и невольно вызывающая къ себѣ снисходительное отношеніе. Люди стремились къ благу православной церкви, къ огражденію православія, къ укрѣпленію началъ «единаго православнаго государства». Вслѣдствіе недосмотра, невольныхъ ошибокъ и естественныхъ заблужденій, они усматривали «опасность» тамъ, гдѣ ея не было, видѣли вредъ въ самыхъ безвредныхъ проявленіяхъ духовно-нравственной жизни—«принимали за страшныхъ враговъ отечества мирныхъ гражданъ и стремились искоренить ихъ. Не менѣе естественно,

далѣе, что въ своемъ усердіи на благо церкви и государства духовныя и свѣтскія власти въ одномъ мѣстѣ нѣсколько уклонялись то въ сторону излишней осторожности, то излишняго рвенія и въ своемъ стремленіи на пользу общую притѣсняли однихъ, ссылали другихъ, въ одномъ мѣстѣ незаконно запечатывали молельни, въ другомъ—незаконно устраняли духовныхъ лицъ; здѣсь устраивали охоту на раскольничьихъ архіереевъ, тамъ упрятывали въ монастырскую тюрьму безпокойныхъ людей. И если по забывчивости, по ошибкѣ или недосмотру сотни тысячъ людей одной вѣры насильственно принуждались исповѣдывать другую, то и здѣсь опять-таки мы найдемъ столь же простыя, сколь понятныя причины. Вѣдь, какъ мы уже знаемъ, «различныя власти, не находя въ законѣ отвѣчающихъ вновь слагающимся въ жизни опредѣленіямъ и избѣгая возбуждать новые вопросы въ сложномъ законодательномъ порядкѣ, нерѣдко сами устанавливали, казавшіяся имъ необходимыми, правила». «Казавшіяся необходимыми»... Какъ это много объясняетъ и вмѣстѣ извиняетъ! «Казавшіяся», да развѣ можетъ быть отвѣтственъ человѣкъ за то, что ему кажется? И если на основаніи того, что «кажется властямъ, онѣ вправѣ предупреждать «государственный вредъ» и возможность «хулы» на церковь, то какъ же можно требовать съ нихъ, чтобы онѣ не принимали мирныхъ гражданъ за преступниковъ, а духовное вознощеніе молитвы къ Богу—за отвратительное и гнусное преступленіе? Власти, приставленныя къ «предупрежденію и пресѣченію преступленій», совершенно естественно склонны къ нѣкоторому преувеличенію грозящихъ странѣ опасностей; самая должность ихъ состоитъ въ изысканіи таковыхъ, за то и полагается имъ присвоенное по штату содержаніе. И разъ на основаніи того, что имъ «кажется», онѣ получаютъ право распоряжаться «религіознымъ бытомъ населенія» и пресѣкать всяческій «вредъ», то опять-таки съ логической необходимостью слѣдуетъ, что, чѣмъ болѣе имъ «кажется» и чѣмъ усерднѣе онѣ пресѣкаютъ, тѣмъ лучше онѣ исполняютъ возложенную на нихъ государствомъ роль.

Спрашивается, однако, теперь, почему такая перемѣна? Почему этотъ испытанный путь русской религіозной политики долженъ быть оставленъ, и вводится установленная комитетомъ вѣротерпимость? Почему вдругъ оказались негодными тѣ практически испробованныя средства, которыхъ въ теченіе двухъ вѣковъ держалась наша административная практика? И нашъ вопросъ

тѣмъ болѣе умѣстенъ, что вѣдь ничто въ нашей администраціи не измѣнилось, и тѣ самыя власти, которыя до сихъ поръ превращали силою иновѣрцевъ въ православныхъ, не признавали законовъ, преслѣдовали еретиковъ, предотвращали «государственный вредъ» и церковную «хулу» вездѣ, гдѣ это имъ только такъ «казалось» — вѣдь онѣ и нынѣ продолжаютъ быть все тѣми же безотвѣтными властями, управляющими страной безъ общественнаго контроля и судебной отвѣтственности? И если до сихъ поръ по неосторожности или въ силу чрезмѣрнаго усердія происходили «порой» нѣкоторыя «ошибки» въ административной практикѣ, то, спрашивается, почему эти ошибки должны теперь вдругъ прекратиться, а сотни тысячъ гражданъ получить полную отъ нихъ неприкосновенность и свободу? Наконецъ, и то повергаетъ насъ въ недоумѣніе, что вѣдь, какъ констатируетъ самъ комитетъ министровъ, и до сихъ поръ не было недостатка въ провозглашеніяхъ религіозной терпимости. Недаромъ самъ комитетъ приводитъ прекрасныя слова нашихъ основныхъ законовъ, согласно которымъ «свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ вѣроисповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ: да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ». И подобныхъ провозглашеній вѣротерпимости съ высоты престола мы имѣемъ весьма много въ нашей исторіи. Развѣ не было провозглашено въ 1801 году нижеслѣдующее положеніе: «И разумомъ, и опытами давно уже дознано, что умственныя заблужденія простого народа, преніями и нарядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-по-малу изглаживаются и исчезаютъ... увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, истязаній и открытаго обряду ихъ мыслей насилія; но должны сами собой и непримѣтно изливаться къ нимъ изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринуждаемыхъ... разговоровъ»... Развѣ два года послѣ того не принялъ императоръ Александръ I того «правила» относительно духоборовъ, что «доколѣ не обнаружено будетъ» въ нихъ «явнаго неповиновенія установленной власти», «дотолѣ не можно по единому смыслу ихъ ереси судить и обвинять ихъ въ семъ преступленіи». И въ 1816 году то же было отмѣчено относительно подобныхъ еретиковъ: «Отдаленіе сихъ людей отъ Православной... Церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣко-

торыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: «ибо ревность Божію имѣютъ, но не по разуму». Но просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра Церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостью, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ». Сто лѣтъ тому назадъ провозглашена была вѣротерпимость, и ничто не помѣшало различнымъ властямъ фактически ее совершенно уничтожить. И какъ разъ въ серединѣ столѣтія, черезъ 50 лѣтъ съ небольшимъ, послѣ того, какъ были приняты правительствомъ вышеприведенные принципы, особый комитетъ 1858 года по вопросамъ о расколѣ безсильно жалуется въ своихъ постановленіяхъ: «Незнаніе всѣхъ обстоятельствъ раскола затрудняетъ правительство не только при рѣшеніи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избраніи правильной и твердой системы дѣйствія въ отношеніи къ расколу вообще»... Во всякомъ случаѣ комитетъ принялъ тогда же за правило, «что при обсужденіи общихъ правительственныхъ мѣръ въ отношеніи къ расколу надлежитъ избѣгать всякихъ принудительныхъ и насильственныхъ средствъ». Поставленный передъ возмутительнымъ противорѣчіемъ теоретической вѣротерпимости и практической нетерпимости, тогдашній комитетъ пришелъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, которые въ настоящее время обнародованы комитетомъ министровъ: «неудобства, теперь оказывающіяся,—заявлялъ комитетъ 1858 года,—происходятъ не отъ самой системы дѣйствій... но отъ неточнаго и неправильнаго исполненія оной, происходящаго или отъ неблагонамѣренности исполнителей въ низшихъ инстанціяхъ, или... и отъ неумышленности по недостаточному знанію многочисленныхъ и разнообразныхъ узаконеній, насчетъ раскола въ различное время и по различнымъ вѣдомствамъ изданныхъ»... Другими словами, точь-въ-точь то же самое, что провозглашено теперь въ журналѣ комитета министровъ.

Сто лѣтъ повторяется все одно и то же. Превозглашается

вѣротерпимость, но по незнанію и незнакомству съ дѣлами вѣры мы все не можемъ найти новой системы для ея осуществленія. И вотъ «различныя власти» или злонамѣренные и благонамѣренные «исполнители» начинаютъ затѣмъ изобрѣтать свою систему, превращать вѣротерпимость въ религіозную нетерпимость, свободу вѣры въ полицейскую и церковную инквизицію, а всѣ прекрасныя гуманныя слова «просвѣщеннаго и христіанскаго правительства» — въ печальное украшеніе мрачной практики безсмысленныхъ и жестокихъ гоненій, падающихъ на тѣхъ, кто не можетъ и не хочетъ лгать передъ Богомъ! И теперь мы принимаемся опять за старые пріемы для того, чтобы провести новыя реформы, обезпечить «болѣе широкую вѣротерпимость». И послѣ того, какъ за двухвѣковой религіозный гнетъ сдѣланы отвѣтственными «различныя власти» или, другими словами, найденъ тотъ хроническій стрѣлочникъ нашей государственной машины, благодаря которому наша вѣротерпимость постоянно сходитъ съ рельсъ, комитетъ министровъ приступаетъ къ новому повторенію началъ вѣротерпимости, дѣлаетъ новую попытку подновить старое вино въ старыхъ мѣхахъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Комитетъ въ своемъ журналѣ не удовлетворяется одной ссылкой на высочайшую волю, исполнителемъ которой онъ долженъ явиться. Комитетъ неоднократно говоритъ о томъ, что тѣ или другія мѣры противорѣчатъ началамъ «цѣлесообразности»; онъ ссылается на требованія «справедливости» и во имя ихъ желаетъ установить различныя измѣненія въ существующемъ порядкѣ. Онъ оцѣниваетъ религію вообще и заключаетъ поэтому, что «едва ли можетъ быть болѣе нежелательный элементъ въ государствѣ, какъ подданные безъ религіи — этого главнаго устоя нравственности». Комитетъ цѣнитъ даже ламаизмъ, какъ религію, «полную высокихъ моральныхъ и философскихъ истинъ». И, въ концѣ концовъ, комитетъ еще разъ повторяетъ всѣ тѣ доводы въ пользу вѣротерпимости, которые были превозглашены у насъ уже сто лѣтъ тому назадъ. «Въ области вѣры принужденіе не должно быть допускаемо, и насильственное удержаніе кого либо въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи не можетъ почитаться явленіемъ нормальнымъ». «Убѣжденія совѣсти каждаго человѣка не подлежатъ контролю со стороны государства до тѣхъ поръ, пока они не выразились въ какомъ либо неправомѣрномъ дѣяніи... Религіозная свобода принадлежащихъ къ... сектамъ лицъ не можетъ быть стѣсняема, пока вредное заблу-

жденіе не проявится въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ... Если же проявленіе вѣрованій сопряжено съ опасностью для общественныхъ нравственности или спокойствія, то мѣры борьбы должны быть направлены не путемъ ограниченія духовной свободы, но пресѣченіемъ и преслѣдованіемъ на основаніи уголовнаго закона... Путемъ «твердаго и опредѣленнаго закона, внѣ зависимости отъ какого либо усмотрѣнія и отъ не основанныхъ на законѣ административныхъ распоряженій» желаетъ, наконецъ, комитетъ обосновать и осуществить на практикѣ превозглашенную имъ «вѣротерпимость».

Все это мы уже знаемъ, все это мы слышали уже много разъ; но въ теченіе послѣдняго столѣтія, увы! всѣ эти хорошія слова остались совершенно неосуществимыми. Заколдованный кругъ, въ которомъ безъ конца смѣняются благія пожеланія и произвольная насильственная практика, представляется неразрѣшимымъ... Невольно возникаетъ вопросъ, одни ли «исполнители» виновны въ постоянныхъ крушеніяхъ нашей вѣротерпимости, одно ли незнаніе условій жизни мѣшало у насъ водворенію законченной системы религіозной свободы? Не надо ли, напротивъ того, искать общихъ причинъ столѣтней неудачи въ чемъ-то другомъ, въ наличности такихъ серьезныхъ и глубокихъ основаній, которыя осуждаютъ напередъ на полное крушеніе всякую систему вѣротерпимости и свободы личнаго вѣроисповѣданія?

Самъ журналъ комитета министровъ даетъ намъ для того слишкомъ достаточно указаній. Ссылаясь на принципы, онъ нигдѣ не доводитъ ихъ до конца, точно также, какъ дѣлали это и всѣ предшествовавшіе ему комитеты по вѣроисповѣднымъ дѣламъ. Провозгласивъ, съ одной стороны, вѣротерпимость, онъ, съ другой—высказываетъ «рѣшительное убѣжденіе свое, что измѣненіями этими не должно отнюдь быть поколеблено устанавливаемое основными законами государства положеніе, признающее первенствующею и господствующею въ россійской имперіи вѣру христіанскую, православную, католическую, восточнаго исповѣданія». Отрицая всякое насильственное прикрѣпленіе вѣрующихъ къ опредѣленной религіи, комитетъ въ то же время заявляетъ, что для всякаго, перешедшаго изъ православія въ нехристіанскую религію, «останутся въ силѣ всѣ тѣ перечисленныя выше невыгодныя относительно актовъ гражданскаго состоянія послѣдствія, которыя произойдутъ вслѣдствіе непризнанія государствомъ подобнаго перехода состоявшимся». Другими сло-

вами, этой мѣрой создается опять-таки то, осужденное комитетомъ, положеніе, при которомъ необходимо рождается такой «нежелательный элементъ въ государствѣ, какъ подданные безъ религіи», «безъ законной семьи... гдѣ не можетъ быть правильнаго отношенія между родителями и дѣтьми и... этимъ затрудняется строго-нравственное воспитаніе подрастающаго поколѣнія». При введеніи вѣротерпимости, комитетъ министровъ желаетъ остаться на старой почвѣ русской религіозной полиціи, соединяетъ несоединимое. Съ величайшей осторожностью относится онъ къ тому самому строю, результаты котораго такъ плачевны; карая одной рукой, онъ другою поддерживаетъ и охраняетъ то, что такъ рѣшительно заклеймено въ его журналѣ. И характерная черта. Съ одной стороны, самый тонъ комитетскихъ предложеній преисполненъ колебаній и сомнѣній въ ихъ осуществимости, съ другой же — тамъ, гдѣ комитетъ не рѣшается договорить слово до конца, онъ словно скрывается за другія установленія и лица. Всѣ самыя щекотливыя мѣста программы комитета заботливо выдѣлены имъ и предоставлены рѣшенію другого новаго «особаго совѣщанія»; тамъ, гдѣ комитетъ встрѣчался съ самыми суровыми и рѣзкими проявленіями господствующей системы, онъ стремился передать отдѣльнымъ министрамъ и выработку, и отвѣтственность за дальнѣйшія, болѣе радикальныя мѣры. Мы понимаемъ вполнѣ, что, будучи только собраніемъ высшихъ бюрократовъ, комитетъ не могъ принять на себя полную отвѣтственность за радикальную и послѣдовательную реформу, но нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь были и другія причины. Предъ комитетомъ была цѣльная религіозно-полицейская система, законченная во всѣхъ деталяхъ, охватывающая страну желѣзной цѣпью стараго полицейскаго строя. Не отдѣльные безпорядки и упущенія, а колоссальное зданіе государственнаго гнета въ религіозной области вырисовалось передъ комитетомъ во всемъ своемъ грозномъ величіи. У высшихъ сановниковъ, собранныхъ въ комитетѣ, не достало мужества прямо признать потрясающій фактъ и рѣзко, рѣшительно опредѣлить къ нему отношеніе. Комитетъ расшаталъ части зданія, раскрылъ въ немъ нѣсколько темныхъ удушливыхъ келій, снялъ запоры съ нѣсколькихъ подваловъ, гдѣ томились милліоны людей, но все зданіе стоитъ твердо по-прежнему, а изъ другихъ запертыхъ еще религіозныхъ тюремъ доносятся до насъ вопли и стоны заключенныхъ.

Дѣло въ принципѣ, а не въ нѣкоторыхъ несовершенствахъ и временномъ безпорядкѣ; дѣло въ цѣлой системѣ, а не въ частныхъ исправленіяхъ; дѣло въ томъ—быть ли свободѣ вѣрующей личности или нѣтъ, а не въ уступкахъ и компромиссахъ, вынужденныхъ временнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Условія могутъ перемѣниться, и что тогда?

III.

До XVIII вѣка московская Русь строго придерживалась византійской системы государственной религіи, и общимъ правиломъ была обязательная принадлежность коренного населенія къ греко-восточному исповѣданію; вѣроотступничество, ересь, расколъ были не только религіознымъ грѣхомъ, но и уголовнымъ преступленіемъ. Въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича смерть черезъ сожженіе была назначена, какъ обычная казнь за религіозныя преступленія. И что подобная казнь была у насъ употребительна не только во времена среднихъ вѣковъ, показываютъ: сожженіе «еретика иноземца Квирина Кульмана и найденныхъ у него развратныхъ книгъ и писемъ» въ 1688 году за то, что онъ, «на Москвѣ будучи, чинилъ многія ереси и свою братію иноземцевъ прельщалъ, и вынуты у него многія еретическія и богомерзкія и хульныя книги и письма», а также сожженіе въ 1738 г. «флото-капитанъ-лейтенанта Возницына за отпаденіе отъ христіанской вѣры, а жида Бороха за превращеніе онаго капитана въ жидовскій законъ».

Однако, подобная практика силою необходимости была смягчена въ одномъ отношеніи уже въ московскомъ государствѣ. Вѣротерпимость была необходимымъ условіемъ для объединенія съ Москвою всей массы разновѣрныхъ инородческихъ элементовъ, въ особенности татаръ, и вѣротерпимость была имъ обезпечена. Она была построена на чисто-политическомъ основаніи и уже тогда получила совершенно опредѣленный племенной и національный характеръ; это была терпимость не вѣры, а тѣхъ или другихъ племенъ и народовъ со всѣми ихъ обычаями и свычаями и, между прочимъ, вѣрой. Такая чисто азіатская терпимость ни въ чемъ не нарушала византійскаго принципа. Для коренного русскаго населенія именно этотъ послѣдній оставался рѣшающимъ. Съ другой же стороны, совершенно логичной была и терпимость вѣры тѣхъ фряжскихъ гостей, тѣхъ различныхъ иноземъ-

цевъ, которые такъ нужны были московскому государству для государева дѣла, для военныхъ и промышленныхъ услугъ, для обученія русскихъ людей полезнымъ художествамъ, ремесламъ и т. д. Это все были иноземцы, и терпимость ихъ вѣры даже съ допущеніемъ права богослуженія слишкомъ легко подходила подъ понятіе своего рода внѣземельнаго Ди, которымъ пользовались уже издавна различныя иностранныя слободы и поселенія: русскаго населенія опять-таки подобная терпимость не касалась, здѣсь византійскій принципъ единой государственной религіи оставался не поколебленнымъ.

Когда русское государство вошло въ началѣ XVIII в. въ кругъ европейскихъ идей и порядковъ, оно опять-таки не имѣло никакой надобности рѣзко мѣнять свою вѣроисповѣдную политику. Начальный періодъ новаго государства въ Западной Европѣ, такъ называемое полицейское государство, само строило вѣротерпимость на чисто-политическихъ основаніяхъ и почти цѣликомъ отождествляло ее съ привилегированіемъ отдѣльныхъ религіозныхъ обществъ. И если теперь юридическая схема была перенесена на русскую почву, то безъ всякихъ логическихъ затрудненій совершилось и у насъ превозглашеніе вѣротерпимости, причемъ мѣсто отдѣльныхъ религіозныхъ обществъ съ чрезвычайной легкостью заняли у насъ уже издавна привилегированныя племенныя и національныя единицы. Въ этомъ отношеніи западныя идеи принесли намъ только весьма удобную юридическую и государственную формулу, которая потомъ, подъ видомъ гарантіи вѣротерпимости, и примѣнялась всякій разъ, когда путемъ завоевательной или мирной политики совершалось присоединеніе къ Россіи новой народности съ ея особой вѣроисповѣдной организаціей. Та же формула, съ другой стороны, оказывалась вполнѣ пригодной и въ тѣхъ случаяхъ, когда государство, при помощи привлеченія иностранныхъ колонистовъ, стремилось заселить дикія мѣстности въ мало культурныхъ частяхъ страны или призывало иностранцевъ въ промышленныхъ цѣляхъ или на службу.

На иныхъ основаніяхъ выработалось отношеніе русскаго правительства къ иновѣрцамъ или инославнымъ русской народности. Здѣсь пригодился другой принципъ полицейскаго государства, выработанный имъ въ періодъ увлеченія различными реформами въ религіозной области. Не становясь на точку зрѣнія чисто-теократическаго союза, государство переносило центръ тяжести изъ вѣроисповѣдной сферы въ область полицейскаго

благочинія. Уже съ начала XVIII вѣка русское государство перестаетъ себя сознавать свѣтской стороной православно-церковнаго организма и, принимая отъ стараго московскаго государства въ наслѣдіе борьбу со схизмой и расколомъ, постепенно придаетъ этой борьбѣ новый, уже чисто-свѣтскій уголовно-полицейскій характеръ. Расколъ и схизма, съ этой точки зрѣнія, есть не религіозное преступленіе само по себѣ, а поврежденіе «общаго блага», нарушеніе полицейскаго «благочинія», проявленіе «своевольства», «бунта», «неповиновенія властямъ», — однимъ словомъ, политической неблагонадежности. Ересь и схизма оцѣниваются поэтому уже не столько со своей догматической стороны, сколько со стороны «государственнаго вреда» и «общественной опасности». Въ силу этого, исповѣданія дѣлятся на «вреднѣйшія», «особенно вредныя», «вредныя», «менѣе вредныя», и сообразно съ этимъ организуется полицейская борьба съ «лжеученіями», имѣющая, съ одной стороны характеръ уголовной репрессіи, а съ другой—различной «предосторожности».

Вѣротерпимость полицейскаго государства носила чисто утилитарный характеръ. Понятіе «полиціи», какъ дѣятельности, направленной къ осуществленію «общаго блага», стало рѣшающимъ началомъ для опредѣленія границъ и «вѣротерпимости». И если просвѣщенные монархи конца XVIII, начала XIX вѣка и принимали разныя мѣры для поддержанія религіи, то это дѣлалось не ради церкви, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго организма, а ради выполненія предначертаній моральной, религіозной, а очень часто, и хозяйственной полиціи. И эта же полиція требовала неминуемо признанія нѣкоторой вѣротерпимости. Меркантильная система стремилась къ возрастанію населенія, къ привлеченію въ страну чужеземныхъ колонистовъ, ремесленниковъ и фабрикантовъ для оплодотворенія туземной промышленности. Непрерывныя завоевательныя войны вели къ постоянному пріобрѣтенію все новыхъ иновѣрныхъ странъ и областей, возрастающій фискальный интересъ лишалъ различныхъ привилегій господствующую церковь, потребность въ большомъ числѣ годныхъ и рослыхъ рекрутъ вела къ ослабленію нормъ церковнаго брачнаго права, къ признанію смѣшанныхъ браковъ. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ провозглашеній вѣротерпимости со стороны абсолютныхъ полицейскихъ государствъ Европы, независимо

даже отъ ихъ формы правленія. Въ Пруссіи еще въ 1788 году вёльнеровскимъ религіознымъ эдиктомъ была подтверждена терпимость разныхъ еще раньше принятыхъ сектъ съ запрещеніемъ, однако, ихъ дальнѣйшаго распространенія. Въ 1794 году прусскимъ земскимъ правомъ была установлена довольно широкая свобода вѣроисповѣданія. Въ Австріи закономъ 1781 года были допущены нѣкоторыя исповѣданія, кромѣ господствующей церкви; въ 1803 году Баварія издала свой религіозный эдиктъ, которымъ уравнивались права трехъ имперскихъ религій, а въ 1806 году Вюртембергъ и Баденъ послѣдовали примѣру Баваріи. Послѣ Вѣнскаго конгресса почти во всѣхъ германскихъ конституціяхъ была провозглашена свобода совѣсти, и приверженцы трехъ главныхъ религій были совершенно уравнены въ правахъ.

Однако эта вѣротерпимость нисколько не мѣшала правительству налагать свою тяжелую руку на религіозныя убѣжденія гражданъ. Несмотря на вѣротерпимость, Іосифъ II австрійскій не только превращалъ полицейскими мѣрами римское католичество въ чисто-свѣтскую государственную вѣру, но и не стѣснялся лечить «палочными ударами» сектантскія заблужденія, такъ какъ приписывалъ подобныя ереси исключительно «глупости» заблуждающихся. Точно также въ Пруссіи, вопреки земскому праву, Фридрихъ Вильгельмъ III довелъ своими преслѣдованіями до эмиграціи старо-лютеранъ, которыхъ онъ называлъ «оглупѣвшими фанатиками». Даже либеральная Англія не стыдилась примѣнять цѣлый рядъ ограничительныхъ законовъ къ своимъ католикамъ до 1829 года, и, хотя эти мѣры вызывались чисто политической борьбой со Стюартами, онѣ были тѣмъ не менѣе въ высшей степени оскорбительны и тяжки для религіознаго сознанія англійскихъ католиковъ. Даже революціонная Франція въ періодъ своей диктатуры не остановилась передъ провозглашеніемъ гражданской конституціи о духовенствѣ 1790 года... Но еще болѣе дѣло ухудшалось тамъ, гдѣ съ религіозными обрядами были связаны тѣ или другія гражданскія права. Въ этихъ случаяхъ государство считало себя вправѣ вынуждать религіозныя дѣйствія со стороны подданныхъ только потому, что съ ними была связана дѣйствительность чисто гражданскихъ актовъ. Особенно такой практикой была богата въ свое время Пруссія Фридриха Вильгельма III. Массы гражданъ, не имѣя возможности участвовать въ силу религіозныхъ убѣжденій въ цѣломъ рядѣ гражданскихъ и публичноправовыхъ актахъ, невольно

оказывались чужеземцами въ родной странѣ, лишались правъ въ силу метрики безъ крещенія, являлись повсемѣстно объектомъ полицейскаго преслѣдованія не за вѣру, но за вытекавшія изъ нея послѣдствія. И если во Франціи законами 1806 и 1808 гг. было установлено полное уравненіе евреевъ съ остальными гражданами, подъ условіемъ принятія ими общей «гражданской морали», общаго долга повиновенія законамъ и исполненія гражданскихъ обязанностей, въ особенности же «священнаго долга военной службы», то въ Германіи, Австріи и остальныхъ государствахъ Европы они находились на положеніи только терпимыхъ чужеземцевъ. Весьма характерны въ этомъ отношеніи законы: баварскій 1805 года, гдѣ евреи «прямо трактуются, какъ «вредные иностранцы», и прусскій каб. приказъ 1814 г., въ которомъ относительно лицъ, переходящихъ изъ христіанства въ іудейство, прямо устанавливалось, что съ такимъ переходомъ они становятся для государства иностранцами, которые подлежатъ допущенію въ предѣлы государства только съ особаго каждый разъ разрѣшенія. Даже болѣе мягкій прусскій законъ 1847 года, даруя евреямъ всѣ гражданскія права, прямо объявлялъ въ § 3: «сословныя права не могутъ быть осуществляемы евреями».

Такая «вѣротерпимость» была понятна до тѣхъ поръ, пока государство не выходило еще на міровой рынокъ со своими національными интересами, пока оно не нуждалось въ тѣхъ громадныхъ жертвахъ со стороны населенія, которыми оно пользуется теперь. Оно могло замѣнять полицейской вѣротерпимостью свободу вѣры до тѣхъ поръ, пока оно для выполненія гигантской организаціонной и административной работы не нуждалось въ милліонахъ активныхъ и сознательныхъ гражданъ-борцовъ. Оно безъ особенныхъ неудобствъ могло обходиться въ области нравственной жизни примитивными средствами нехитрой бюрократіи, орудіями элементарнаго фискализма, грубой полицейской «предосторожности». При такомъ порядкѣ, масса населенія, дѣйствительно, могла оставаться на положеніи пассивнаго человѣческаго стада, состоящаго подъ опекой просвѣщенныхъ благодѣтелей и платящаго безропотно налоги, отбывающаго барщину или натуральныя повинности. Такому человѣческому стаду, конечно, не полагалось давать признанія нравственной личности и свободы вѣры. Нравственность была только постольку важна, поскольку не препятствовала полученію налоговъ и взиманію

податей. И при такомъ порядкѣ вполнѣ было возможно наклеить на все населеніе сразу соотвѣтственный религіозный или нравственный ярлыкъ, и дѣло народной нравственности этимъ исчерпывалось вполнѣ. Менѣе всего, конечно, тутъ возникалъ вопросъ, какой вѣры, какой морали придерживается въ дѣйствительности тотъ или другой платежный атомъ. Въ полицейскомъ государствѣ мы встрѣчаемся съ весьма легкимъ и простымъ разрѣшеніемъ вопроса о христіанскомъ характерѣ государства и его жизни. Все христіанство сводится здѣсь къ внѣшнему грубому «оказательству» внѣшнихъ же обрядовъ, и разъ эти обряды соблюдены, то и само христіанство готово. Полицейское государство извращаетъ религію въ безразличный и пустой обрядъ. Во имя бездушнаго обряда казнитъ оно и притѣсняетъ тѣхъ, для кого этотъ обрядъ связанъ живыми узами со всѣмъ складомъ его совѣсти. Религіозно-полицейская система убиваетъ всякое высшее нравственное основаніе вѣры, полиція беретъ здѣсь на себя отвѣтственность за спасеніе обывательскихъ душъ, успокаиваетъ ихъ нравственные запросы указаніемъ на свой будто бы христіанскій характеръ, подавляетъ всякое стремленіе къ активной и нравственной жизни.

Не то въ государствѣ правовомъ. Цѣликомъ покоится оно на понятіи гражданина; это же послѣднее обращается въ ничто, если устранить изъ него понятіе разумно-нравственной личности. И это понятіе опять-таки далеко не есть созданіе какой нибудь заоблачной философіи или естественнаго права, какъ его понимали старые его приверженцы. Нѣтъ, это понятіе есть результатъ живой и насущной государственной потребности, есть средство для удовлетворенія серьезнѣйшаго государственнаго интереса у новаго государства. Дѣло въ томъ, что все растущіе государственные запросы нуждаются въ новой организаціи государственной машины, которой не знало государство полицейское. И подобно тому, какъ рабовладѣніе продолжалось только до тѣхъ поръ, пока оно было выгодно, и пало, когда оно стало работать «въ убытокъ», такъ и старая фискально-полицейская система работы «подданнаго» становится невыгодной и смѣняется работой гражданина, какъ нравственнаго и сознательнаго государственнаго работника.

Признаніе нравственной личности гражданина выгодно современному правовому государству уже потому, что вмѣстѣ съ этимъ удесятеряются хозяйственныя силы населенія, и тамъ, гдѣ

раньше инертная масса населенія перебивалась съ хлѣба на воду, лишь быть бы живому, а то и вымирала безропотно при всякомъ случайномъ бѣдствіи, тамъ признаніе личности и ея свободы, отвѣчая новымъ экономическимъ потребностямъ, создало новый типъ энергичнаго, сознательнаго и нравственно-организованнаго бойца за свое и общественное благо, который безъ ущерба для себя и потрясенія народнаго хозяйства могъ свободно отдать странѣ громадныя массы хозяйственныхъ благъ. Подобные государственные расходы въ странѣ полицейско-фискальнаго склада оканчиваются неизбѣжно полнымъ разореніемъ страны; пассивоое, косное населеніе не имѣетъ въ себѣ никакой силы экономическаго сопротивленія и вмѣстѣ съ тѣмъ никакой способности быстро возмѣщать утраченное благо. Нравственно-организованная личность есть, прежде всего, одинъ изъ постулатовъ интенсивной экономической жизни страны; при помощи ея признанія удесятеряются силы работника. Рабовладѣльческое хозяйство при современныхъ экономическихъ условіяхъ уже невыгодно...

Но есть и другое основаніе подобной политики. Правовое государство при выполненіи своихъ громадныхъ національныхъ задачъ нуждается въ работѣ массы лицъ, и притомъ работающихъ дѣйствительно не за страхъ, а за совѣсть. Ему нужны не полчища темныхъ и пассивныхъ податныхъ душъ, а активные дѣятели, которые сознательно, честно и энергично служили бы общему благу. Не понятіе «службы» и «повинности», а принципы «представительства» и «должности» являются тѣми могучими пружинами, которыя двигаютъ современную государственную машину и придаютъ ей такой своеобразный характеръ. И если правовое государство призываетъ всѣхъ своихъ полноправныхъ гражданъ къ участію въ законодательствѣ страны, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовано въ высшей степени въ томъ, чтобы эти граждане были нравственными и разумными людьми, которые сами не только умѣютъ различить добро и зло, но и настоять на проведеніи своихъ убѣжденій въ законъ. Если, далѣе, тѣ же граждане призваны въ судъ присяжныхъ къ рѣшенію участи своего ближняго, то государство не менѣе заинтересовано въ томъ, чтобы это были лица неподкупной совѣсти, самостоятельно умѣющія отличить правду отъ неправды, строгіе карателі преступленія, чуткіе хранители невиннаго. Точно такъ же заинтересовано государство и въ томъ, чтобы его народные

представители и земскіе дѣятели были людьми не только свѣдущими, но и независимыми, не только честными, но и въ извѣстной степени самоотверженными, умѣющими принести себя и свой личный интересъ въ жертву на общую пользу.

Вотъ тѣ основанія, въ силу которыхъ правовое государство самымъ кореннымъ образомъ заинтересовано въ томъ, чтобы его граждане были людьми нравственными, вотъ почему для него и дѣло признанія «нравственной личности» и ея свободы есть неизбѣжное требованіе здоровой государственной жизни и развитія. И тотъ изслѣдователь, для котораго останется скрытымъ этотъ нравственный фундаментъ правового государства, никогда не пойметъ тѣхъ необходимыхъ глубокихъ основаній, въ силу которыхъ свобода совѣсти и свобода печати есть незыблемая и интегральная часть западно-европейскаго политическаго строя, атмосфера, при отсутствіи которой правовое государство гибнетъ и извращается. Вотъ почему, между прочимъ, эффектъ тѣхъ или другихъ институтовъ правового государства, перенесенныхъ на другую почву, въ другую нравственную атмосферу, оказывается совершенно инымъ и не оправдывающимъ всеобщихъ ожиданій: нельзя отъ присяжныхъ съ преднамѣреннымъ вѣроисповѣднымъ подборомъ у насъ ожидать въ дѣлахъ объ отступничествѣ того безпристрастія, какое по общему правилу сопровождаетъ судъ присяжныхъ на западѣ; нельзя отъ земскаго собранія, составленнаго изъ земскихъ начальниковъ, ожидать того независимаго представительства мѣстности, какъ отъ какого нибудь нѣмецкаго окружнаго совѣта...

Право свободы вѣроисповѣданія есть одно изъ правъ «нравственной личности», и безъ этого права она существовать не можетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ становится невозможной и вообще всякая нравственность въ странѣ. Подтверждается это положеніе очень простыми соображеніями.

Во-первыхъ, устанавливая обязательный нравственный или религіозный законъ, государство можетъ установить исключительно опредѣленныя формы внѣшняго поведенія, которому, однако, приписывается значеніе не внѣшняго поведенія самого по себѣ, а выразителя внутренняго нравственнаго настроенія. Именно это значеніе и есть для нравственнаго поведенія рѣшающее, такъ какъ оно состоитъ неразрывно изъ внутренней и внѣшней стороны, причемъ внѣшняя сторона только постольку получаетъ нравственный характеръ, поскольку выражается въ ней

внутренняя. Но государство не имѣетъ никакого доступа къ внутренней сторонѣ человѣческой дѣятельности, въ его сферу входитъ только внѣшнее выраженіе ея. Отсюда и проистекаетъ для государства, желающаго предписывать нравственные и религіозные законы, то въ высокой степени замѣчательное положеніе, при которомъ оно порывается овладѣть тѣмъ, что для него недоступно, т. е. нравственностью лица, при помощи того, что хотя ему и доступно, т. е. внѣшнее поведеніе, но которое, въ свою очередь, только постольку имѣетъ нравственный характеръ, поскольку оно служитъ выраженіемъ нравственнаго, внутренняго, недоступнаго государству, момента. Это положеніе живо напоминаетъ то положеніе сказочнаго Ивапа царевича, когда онъ, отправившись въ волшебное путешествіе, сталъ управлять Сивкой-Буркой не съ головы, а съ хвоста... Точно такъ же печально положеніе и законодателя, который хочетъ управлять причиной, вліяя исключительно на ея слѣдствіе: подобнаго рода попытки всегда осуждены на безплодіе. Однако здѣсь есть и другая сторона: законодатель, желая вполнѣ овладѣть нравственностью гражданъ, станетъ стараться и всю нравственность перевести изъ области явленій внутренняго міра исключительно въ міръ внѣшняго поведенія. Онъ попробуетъ всю нравственность обратить въ извѣстную обрядность. Но, конечно, это будетъ уже уничтоженіемъ всякой нравственности и началомъ полнаго народнаго разложенія. Результатомъ такой нравственности можетъ быть только развратъ подъ кровомъ фарисейства. Здоровый государственный строй съ такимъ порядкомъ совмѣстимъ быть не можетъ. Итакъ, какъ очевидно, вмѣшательство государства въ положительное регулированіе нравственности и вѣры или безплодно и только компрометируетъ власть, которая рѣшается на такія безсильныя и безплодныя попытки, или положительно вредно съ точки зрѣнія нравственной.

Но еще яснѣе станетъ нравственная цѣнность подобныхъ попытокъ, когда мы обратимся къ тѣмъ мѣрамъ, при помощи которыхъ онѣ проводятся въ жизнь. Такими мѣрами могутъ быть или прямое принужденіе, или косвенное. Первое здѣсь невозможно, остается второе. Государство дѣйствуетъ при помощи мотивовъ страха, съ одной стороны, и корысти и выгоды—съ другой. Формула здѣсь та же, что была и въ языческомъ Римѣ: принесешь жертву богамъ—будешь богатъ и счастливъ; откажешься—будешь казненъ или наказанъ. Здѣсь, какъ къ проти-

воядію противъ заблужденія, прибѣгаютъ къ корысти и страху. Здѣсь высшему нравственному началу въ душѣ человѣка противопоставляютъ его низшіе животные инстинкты. Здѣсь, какъ къ союзнику, законъ обращается къ «звѣрю» въ человѣкѣ противъ его совѣсти и въ страшной пыткѣ раскалываетъ его личность альтернативой: или цѣльность и правдивость нравственнаго «я» и гибель всего остальнаго земного счастья, или измѣна своему внутреннему Богу и внѣшнее благополучіе, купленное такой цѣной? Немногіе выдерживаютъ эту альтернативу. Лицемѣріе становится участью большинства. Ложь становится привычкой. Нравственная дряблость и низкіе инстинкты берутъ верхъ. Трусость по отношенію сильнѣйшихъ, наглость и цинизмъ по отношенію слабѣйшихъ становятся общественной добродѣтелью. Полное отрицаніе нравственности, полный развратъ является здѣсь неотвратимымъ и неизбѣжнымъ результатомъ подобной системы. «Горе вамъ, книжники, фарисеи и лицемѣры!»... Но есть еще одна тяжелая сторона у подобной системы. Право, воспринимая чуждые ему элементы объективной истины, теряетъ одну изъ своихъ высокихъ нравственныхъ сторонъ, измѣняетъ одному изъ величайшихъ своихъ принциповъ, именно равенству всѣхъ передъ его закономъ. При подобной системѣ одному позволено то, что запрещено другому. И только потому, что одинъ молится Богу по одному обряду, а другой по другому, совершенно равнозначные и тождественные акты религіозной и нравственной жизни судятся одинъ по одной мѣрѣ, другой— по другой, причемъ то, что для одного сопряжено съ лишеніемъ правъ и каторгой, для другого есть поступокъ и благочестивый, и похвальный. Такое раздвоеніе права въ его приложеніи къ религіознымъ дѣяніямъ также никакого нравственнаго значенія имѣть не можетъ. Отрицая совершенно нравственную личность одного, только потому, что она выражена иначе, чѣмъ личность другого, право само отнимаетъ у себя всякую способность содѣйствовать нравственной жизни страны, такъ какъ подрываетъ ея основаніе.

Таковы простыя и очевидныя соображенія, которыя привели правовое государство къ признанію въ правѣ нравственной личности и ея свободы. Правовое государство пожелало опереться не только на силу свою и другихъ общественныхъ союзовъ, но и на нравственныя сплы индивида; оно пожелало стать само въ извѣстной степени нравственнымъ порядкомъ и не нашло

для этого лучшаго средства, какъ вызвать къ жизни и дѣятельности нравственную личность своего гражданина и дать ей права свободы; одно изъ этихъ правъ зовется: «право свободнаго исповѣданія»; оно есть основаніе нравственнаго порядка правового государства.

IV.

Русская вѣротерпимость даже послѣ указа 17 апрѣля далеко еще не является свободой совѣсти въ современномъ смыслѣ слова. Этотъ указъ далеко не предоставляетъ каждому возможность вѣрить въ то, во что онъ хочетъ, или даже не вѣрить ни во что. Законъ 17 апрѣля есть по существу только норма, расширяющая привилегіи инославныхъ и частью иновѣрныхъ исповѣданій. Принципъ остается старый, но, въ награду за хорошее поведеніе и благодаря болѣе точному ознакомленію съ сектантствомъ, признано теперь возможнымъ устранить нѣкоторыя изъ прежнихъ ограниченій. Сектантство, какъ признано журналомъ комитета министровъ, «далеко ушло отъ прежнихъ своихъ крайнихъ теченій» и болѣе «не представляетъ опасности». Соображенія, которыя въ 1894 году привели комитетъ министровъ къ суровымъ мѣрамъ относительно штундизма, теперь тоже считаются устарѣвшими. И если штундизмъ десять лѣтъ тому назадъ отвергалъ будто бы «всѣ церковные обряды и таинства, не признавалъ никакихъ властей, возставалъ противъ присяги и военной службы, проповѣдывалъ соціалистическіе принципы и т. д.», то «въ настоящее время, повидимому, эти указанія къ большинству сектантовъ не примѣнимы». Сектанты, какъ оказывается, за 10 лѣтъ чрезвычайно исправились, и естественнымъ результатомъ этого является уравненіе ихъ съ другими благонадежными элементами, а въ частности—съ терпимымъ расколомъ или, по новой терминологіи, со старообрядцами. Точно также, говоря о католическомъ духовенствѣ, комитетъ упоминаетъ о политическихъ тенденціяхъ и антиправительственной дѣятельности католическаго духовенства, только какъ о явленіяхъ прошлаго, хотя притомъ и весьма недавняго. Еще въ 1902 году католическое духовенство настолько было опасно и неблагонадежно, что нужно было издать особую инструкцію о повѣрочныхъ экзаменахъ. Въ послѣдніе три года, однако, благонадежность католиковъ настолько возросла, что относительно ихъ оказалось возможнымъ отмѣнить чрезвычайныя мѣры. Но

особенно благосклонно выражается комитетъ министровъ о мусульманскихъ подданныхъ Россіи и считаетъ ихъ заслужившими дальнѣйшихъ привилегій. «Мусульманское населеніе внутреннихъ губерній исполняло всегда долгъ свой предъ государствомъ наравнѣ съ его коренными подданными и не доставляло правительству какихъ либо особыхъ заботъ въ отношеніи политическомъ. Будучи, затѣмъ, весьма твердымъ въ правилахъ своего вѣроученія, населеніе это никогда, однако, не проявляло стремленія къ прозелитизму среди русскаго народа. Кромѣ того, несмотря на сохранившіяся еще нѣкоторыя отличія внутренняго и внѣшняго быта, населеніе это сроднилось съ Россіей и вполнѣ ей дружественно». Итакъ, и сектанты исправились, и католическое духовенство переродилось, и мусульманинъ за свою политическую благонадежность заслужилъ похвалу комитета. Результатомъ этого явилось расширеніе вѣротерпимости.

Отнынѣ всѣ существующія въ государствѣ христіанскія вѣроисповѣданія получили значительное преимущество сравнительно съ нехристіанскимъ. Если до сихъ поръ отъ православія совсѣмъ нельзя было отступить, а переходъ изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое былъ значительно стѣсненъ, то теперь дѣло сложилось иначе. Переходъ изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое такое же—совершенно открытъ и преслѣдованію больше не подлежитъ. Къ сожалѣнію, законъ нигдѣ не указываетъ прямо возможности перехода изъ нехристіанства въ одно изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. По самому духу закона, однако, надо предположить, что переходъ евреевъ, мусульманъ и буддистовъ въ одно изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій также никакимъ преслѣдованіямъ не подлежитъ. Въ противоположность положеніямъ о христіанахъ запрещеніе перехода въ нехристіанство остается. Такимъ образомъ, переходъ изъ христіанства въ одно изъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій по-прежнему полиціей признаваться не будетъ, а лицо, отпавшее отъ христіанства, подвергнется всѣмъ тѣмъ тяжкимъ послѣдствіямъ, которыя влечетъ за собою отсутствіе гражданскихъ актовъ состоянія, законной семьи и безконечныя духовныя увѣщанія со стороны всевозможныхъ духовныхъ властей. Исключеніе тутъ сдѣлано только для тѣхъ иновѣрцевъ, которые отпали отъ православія въ свою прежнюю вѣру, т. е., попросту говоря, вовсе не были православными. Насиліе надъ вѣрой и совѣстью осталось. Вмѣсто кары за отпаденіе отъ

православія, осталось наказаніе за отступленіе отъ христіанства. Комитетъ министровъ полагаетъ, что «прямое разрѣшеніе въ законѣ принятія... нехристіанскихъ исповѣданій не соотвѣтсвовало бы глубокому сознанію истинности высокихъ началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой, и едва ли вызывается надобностью въ виду несомнѣнной исключительности подобныхъ случаевъ». Соображенія эти правильными признать нельзя. Осужденное комитетомъ принужденіе въ дѣлахъ вѣры вводится здѣсь опять, и притомъ во имя «высокихъ началъ» христіанства. Принципъ нетерпимости остается старый, сужается только кругъ его примѣненія. «Несомнѣнная исключительность» переходовъ христіанъ въ нехристіанство не можетъ служить оправданіемъ свѣтской кары за перемѣну религіи. Гдѣ за перемѣну вѣры страдаетъ хоть одинъ мирный и честный подданный, исполняющій законы государства, тамъ не можетъ быть рѣчи о свободѣ совѣсти, тамъ преслѣдуютъ за вѣру, тамъ караютъ за честное и открытое исповѣданіе религіозныхъ убѣжденій.

Принципъ религіозно-административной привилегіи, проникающій собою законъ 17 апрѣля, находитъ еще болѣе яркое подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что милости, дарованныя исправившимся сектантамъ, оказываются совершенно недоступными многомилліонному народу, исповѣдующему еврейскую вѣру. Очевидно, евреи еще не заслужили благоволенія начальства, не сумѣли доказать ему въ достаточной степени свою благонадежность. За исповѣданіе ереси никакихъ наказаній не полагается, за принадлежность къ еврейской религіи человѣкъ ссылается въ черту осѣдлости, лишается основныхъ правъ гражданина, подвергается унизительнымъ преслѣдованіямъ со стороны полиціи, подлежитъ особымъ податямъ и поборамъ. Этотъ фактъ уничтожаетъ совершенно все значеніе свободы совѣсти, установленной комитетомъ министровъ. 15 милліоновъ раскольниковъ получили свободу, сотни тысячъ уніатовъ, мусульманъ, католиковъ и протестантовъ освобождены отъ всякихъ наказаній за вѣру. Только 6 милліоновъ, исповѣдующихъ еврейскую вѣру, продолжаютъ нести тяжкія кары за принадлежность къ іудейству; только съ нихъ не снимаетъ законъ заржавѣлыхъ оковъ полицейскаго государства. Не свободу совѣсти, а временное изъятіе изъ системы всеобщаго гнета представляетъ собой та мѣра, которая установлена комитетомъ. Личность остается связанной, совѣсть насилуется,

за вѣру наказываютъ. Внѣ христіанства нѣсть спасенія и на стражѣ его стоитъ по-прежнему полицейская сила... Вся недостаточность новаго закона выясняется, наконецъ, въ томъ, что онъ совершенно не предусматриваетъ возможности уклоненія лица отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ рамокъ, установленныхъ въ настоящее время. Указъ говоритъ только о переходѣ «въ христіанское вѣроисповѣданіе»; но указъ совершенно не представляетъ себѣ, что можно отпасть отъ христіанства, не присоединяясь вмѣстѣ съ тѣмъ ни къ одному изъ наличныхъ исповѣданій. Въ настоящее время сплошь и рядомъ личная этика вырабатываетъ свой автономный законъ. Личность сама создаетъ религію для своей совѣсти, ее можетъ не удовлетворить ни одна изъ существующихъ «вѣръ», она можетъ найти въ своей душѣ новаго, ни въ какихъ катехизисахъ не описаннаго Бога, можетъ уйти отъ всѣхъ сектъ и исповѣданій, построить алтарь кантовскому категорическому императиву, вольтеровскому деизму, наконецъ, пролетарской религіи Лассаля,—что станется съ такимъ человѣкомъ въ силу русской вѣротерпимости, гдѣ найдетъ онъ защищающую его норму, кто гарантируетъ свободу вѣры ему, пришедшему сквозь узкія врата къ спокойствію духа, къ религіи гуманности и культуры? Такой религіи нашъ законъ не знаетъ, такой свободы совѣсти въ немъ нѣтъ. Привилегія свободнаго исповѣданія дарована только «христіанамъ».

Останавливаясь ближе на тѣхъ привилегіяхъ, которыми въ частности награждены инославныя церкви, мы находимъ здѣсь слѣдующія уступки со стороны правительства: во-первыхъ, значительно облегчается постройка, возобновленіе, ремонтъ церквей и молитвенныхъ домовъ. Законъ устанавливаетъ здѣсь условія, при которыхъ сооруженіе подобныхъ зданій должно быть непремѣнно допущено. Во-вторыхъ, вводится преподаваніе Закона Божія инославныхъ исповѣданій непремѣнно на природномъ языкѣ учащихся, причемъ преподаваніе поручается духовнымъ лицамъ подлежащаго исповѣданія. Въ-третьихъ, разрѣшено основаніе церковныхъ братствъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ инославныхъ исповѣданій. Эти мѣры относятся ко всѣмъ инославнымъ исповѣданіямъ. Кромѣ того, римско-католическому духовенству сдѣланы слѣдующія уступки: отмѣненъ особый экзаменъ при участіи учебнаго вѣдомства изъ «русскихъ предметовъ» кончающимъ курсъ клирикамъ, прекращено закрытіе монастырей въ Царствѣ

Польскомъ и принципіально допущенъ пріемъ новиціевъ въ монастыри.

Раскольники и сектанты получили сравнительно также не особенно много; они уравнены въ общемъ съ инославными исповѣданіями, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ. Уравненіе это простирается на владѣніе имуществами отъ имени религіозныхъ обществъ, на сооруженіе молитвенныхъ домовъ, на устройство скитовъ и обителей, на права и преимущества духовенства, печатаніе богослужебныхъ книгъ, преподаваніе Закона Божьяго, веденіе метрическихъ книгъ своими духовными лицами и устройство особыхъ кладбищъ. Подобно членамъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, старообрядцы и сектанты освобождены отъ всѣхъ ограниченій, стѣсняющихъ ихъ право на государственную и общественную службу. Однако, права, полученныя религіозными обществами раскольниковъ и сектантовъ, все-таки значительно менѣе преимуществъ инославныхъ церквей. Духовенство старообрядцевъ и сектантовъ не имѣетъ права носить іерархическихъ наименованій, во многихъ случаяхъ ему запрещается одѣвать священнослужительское облаченіе, а духовныя школы должны содержаться насчетъ самихъ вѣрующихъ. Какъ очевидно, раскольники и сектанты перемѣщены государствомъ съ низшей ступени іерархической лѣстницы исповѣданій на болѣе высокій уровень и зачислены въ разрядъ признанныхъ государствомъ религіозныхъ обществъ. Къ терпимымъ въ Россіи націямъ и народамъ присоединены теперь религіозныя общества раскольниковъ и сектантовъ и награждены аналогичными правами. Это — не актъ вѣротерпимости или дарованія свободы вѣры, а только переводъ расколосектантскихъ обществъ изъ одного разряда въ другой, съ подчиненіемъ ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, бдительному административному надзору. И подобно тому, какъ администраціи предоставлены широкія права по надзору за духовенствомъ инославныхъ исповѣданій, точно такой же надзоръ теперь установленъ относительно расколо-сектантскихъ обществъ. Уставы богоугодныхъ заведеній, сооруженіе молитвенныхъ домовъ, устройство скитовъ и обителей, выборы настоятелей и наставниковъ—всѣ эти акты подлежатъ утвержденію со стороны административной власти, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ ея усмотрѣнія связаны предписаніями закона.

Изъ иновѣрныхъ нехристіанскихъ исповѣданій получили коечто только мусульмане и буддисты. Хотя имъ больше обѣщано

въ будущемъ, чѣмъ даровано въ настоящемъ. Во всякомъ случаѣ, магометане и ламаиты будутъ вполнѣ уравнены въ правахъ съ расколо-сектантскими обществами, а мусульманское духовенство освобождается отъ призыва на дѣйствительную военную службу. О евреяхъ и еврейскихъ обществахъ въ новомъ законѣ не говорится ничего...

Указаннымъ нами переводомъ расколо-сектантовъ въ высшій разрядъ и дарованіемъ нѣкоторыхъ привилегій признаннымъ религіознымъ обществамъ и ограничиваются по существу тѣ милости, которыя непосредственно дарованы инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ. До паритета или равноправія этихъ исповѣданій съ господствующей православной церковью еще очень далеко. Ея права на исключительное право пропаганды, на духовную цензуру, на полицейскую поддержку при миссіонерской дѣятельности остаются прежними, и даже новое уголовное уложеніе предполагаетъ карать въ уголовномъ порядкѣ всѣхъ виновныхъ «въ произнесеніи или чтеніи публично проповѣди, рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи, или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное исповѣданіе или секту, если сіи дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ...» И хоть министру юстиціи повелѣно согласовать уголовный законъ съ принципами вѣротерпимости, однако до сихъ поръ еще «совращеніе православнаго въ иное христіанское исповѣданіе» карается лишеніемъ правъ и арестантскими отдѣленіями; тотъ же, кто распространяетъ «существующіе уже между отпадшими отъ православной церкви ереси и расколъ», а также виновный «въ заведеніи какихъ бы то ни было новыхъ, повреждающихъ вѣру сектъ»— лишается правъ состоянія и идетъ въ ссылку. Только въ одномъ отношеніи принудительное насильственное преобладаніе господствующей вѣры отмѣнено. Пріемныя, подкинутыя дѣти воспитываются принявшими ихъ лицами въ своей, а не православной вѣрѣ. Дѣти до 14-лѣтняго возраста, при переходѣ родителей въ другую вѣру, слѣдуютъ за ними, а смѣшанные браки православныхъ съ раскольниками и сектантами совершаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ съ лицами инославныхъ исповѣданій. Обязанность родителей воспитывать дѣтей въ православіи, разъ одинъ изъ супруговъ православный, пока оставлена въ прежнемъ положеніи и умѣряется только тѣмъ, что по достиженію 21 года дѣти

отъ такихъ браковъ могутъ принять религію инославнаго родителя.

Въ заключеніе остается упомянуть, что раскольникамъ поповщинскихъ сектъ, сохраняющимъ обряды православной церкви, даровано названіе «старообрядцевъ», а ламаитовъ воспрещено называть идолопоклонниками и язычниками.

Вотъ и все, что даруетъ законъ 17 апрѣля о вѣротерпимости. До свободы совѣсти этимъ мѣрамъ очень далеко и, повторяемъ, онѣ не устанавливаютъ даже паритета или равноправія между признанными въ Россіи исповѣданіями. Гоненія за вѣру остались въ полной силѣ для всѣхъ, кто отказывается отъ какой нибудь христіанской вѣры и въ то же время не переходитъ въ другую тоже христіанскую вѣру. Религія продолжаетъ быть признакомъ лишеннаго гражданскихъ и политическихъ правъ еврея, за вѣру отцовъ ссылаютъ его въ черту осѣдлости, лишаютъ возможности образованія, обращаютъ его въ жалкаго парія среди остальныхъ народностей Россіи. Полицейское государство торжествуетъ попрежнему: оно по произволу милуетъ одни исповѣданія и караетъ другія, оно по-прежнему создаетъ изъ религіозныхъ обществъ покорную іерархію духовныхъ властей, по-прежнему оно ихъ опекаетъ и направляетъ, завѣдуетъ ихъ вѣроученіемъ, культомъ и внутренней дисциплиной. По-прежнему не существуетъ для него человѣческой личности съ ея міромъ нравственной духовной свободы, и, какъ прежде, оно не останавливается предъ мѣрами насилія тамъ, гдѣ встрѣчается съ религіей внѣ догмы казеннаго благонравія, съ религіознымъ энтузіазмомъ, не желающимъ признать монополію проповѣди государственной вѣры.

Монополія религіозной пропаганды господствующей церкви есть послѣднее и величайшее препятствіе, о которое должна разбиться наша вѣротерпимость. Тамъ, гдѣ одна лишь церковь имѣетъ монополію на высшую истину, тамъ, гдѣ всякая проповѣдь должна умолкнуть предъ лицомъ привилегированнаго миссіонера, а всѣ религіозныя общества должны молча раскрыть свои нѣдра для чуждыхъ и враждебныхъ имъ ученій,—тамъ нѣтъ вѣротерпимости, нѣтъ даже равноправія церковныхъ обществъ. Одна православная церковь имѣетъ право проповѣдывать всѣмъ народамъ имперіи свою истину, всѣ же другія церкви и общества должны безропотно переносить это вторженіе въ ихъ самое святое святыхъ. И духовная цензура слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ни одно слово, опасное для привилегированной господствующей церкви, не про-

никло въ сознаніе 140.000.000 населенія Россіи. Полицейскій надзоръ внутри каждой церкви и уголовное законодательство внѣ ея блюдутъ за тѣмъ, чтобы совращенія не случилось, чтобы не произошло опять «государственнаго вреда» или «хулы» на православіе...

Полицейское государство торжествуетъ; своей системѣ не измѣнило оно, несмотря на послѣднія уступки... Только въ представительномъ государствѣ возможна полная свобода религіознаго исповѣданія.

На складѣ въ магазинѣ „Общественная Польза“:

I. Всѣ изданія **П. П. Гершунина** (иллюстр. геогр. библіотека «Народы и страны» и «Общеобразовательная библіотека») подъ общей ред. Н. А. Рубакина.

II. Изданія Е. Д. Кусковой:

Шмеле. — Соціалдемократич. професс. союзы въ Германіи. Ц. 1 р. 75 к.

Веберъ.—Ростъ городовъ въ XIX в. Ц. 2 руб. 50 коп.

Прокоповичъ С. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. ц. 1 руб.

Его же.—Къ рабочему вопросу въ Россіи. Ц. 1 руб.

III. **Л. Шестовъ.**—Достоевскій и Нитше. Ц. 1 руб. 50 коп.

Его же. — Добро въ ученіи Толстого и Нитше. Ц. 1 р. 50 к.

Его же.—Апоѳеозъ безпочвенности. Ц. 1 руб. 50 коп.

Его же.—Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Ц. 1 руб. 50 к.

IV. Изданія «Оріонъ»:

О. Мирбо.—Разсказы. Пер. О. Витмеръ. Ц. 1 руб.

Омптеда.—Разсказы. Пер. М. Славинской. Ц. 1 руб.

Петрищевъ А.—Бернадотъ. Др. поэма. Ц. 50 коп.

Овсянико-Куликовскій. Д.—Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 руб. 25 коп.

Его же.—Левъ Толстой, какъ художникъ. Ц. 1 р. 30 к.

«Душа Японіи». Романы, пов., разск., баллады. Пер. подъ ред. Н. П. Азбелева. Ц. 1 руб. 50 коп.

V. Изданія Д. Е. Жуковскаго:

Виндельбандъ В. Прелюдіи. Фил. статьи и рѣчи. Ц. 1 р. 60 к.

Овсянико-Куликовскій Д. Вопросы психологіи творчества. Ц. 1 руб. 50 коп.

Фонъ-Леклеръ. Къ монистич. гносеологіи. Ц. 50 коп.

Куно-Фишеръ. Исторія новой философіи: т. IV **Кантъ** и его ученіе ч. I. Ц. 3 руб. 75 коп.; т. VIII. **Гегель,** его жизнь и ученіе; вып. 1-й Ц. 3 руб. 50 коп.; вып. **2-й** Ц. 2 руб. 50 коп; т. III. **Лейбницъ,** его жизнь и ученіе съ портр. Ц. 4 руб. т. VII. **Шеллингъ.** Ц. 5 р.

VI. Изданія «Научно-Образовательной Библіотеки».

VII. Изданія журн. «Образованіе».

VIII. Изданія М. И. Водовозовой.

IX. Изданія В. И. Раппъ и В. И. Потапова;

X. Изданія А. П. Чарушникова и С. П. Дороватовскаго.

XI. Изданія журн. «Русское Богатство».

XII. » » «Юный Читатель».

XIII. Изданія «Бесѣда».

XIV. Изданія П. Д. Путиловой.

XV. » А. И. Лебедева.

Объявл. дозв. ценз. СПБ. 12 октября 1905 г. Тип. т-ва «Общ. Польза», Б. Подьяч., 39.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ изданія—въ магазинѣ т-ва «Общественная Польза» (СПБ., Б. Подъяческая, 39, соб. д.); отдѣленіе склада въ Москвѣ—при магазинѣ П. Д. Путиловой (Арбатъ, № 17).

КОПИРОВАНИЕ
04.12.02